УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Сочиненіе

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.

Въ типографіи Э. Барфкнехта и К°

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 2-го Марта 1859 года.

Ценсоръ *Драшусовъ*.

ГЛАВА I.

Состоянiе страны, извѣстной теперь подъ именемъ Россiи, до половины IX вѣка по Р. Х.

Взглянемъ на карту Россiи: вотъ начиная отъ того мѣста, гдѣ оканчиваются Уральскiя горы, до Каспiйскаго моря находится большое ровное, степное пространство, какъ будто широкiя ворота изъ Азiи въ Европу. На этомъ мѣстѣ и на востокъ отъ него живутъ и теперь еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать въ плѣнъ сосѣдей; но теперь этимъ народамъ часъ отъ часу становится труднѣе вести такую жизнь, потому что сильное государство Русское не допускаетъ ихъ разбойничать; нѣкоторые изъ нихъ даже отказались отъ кочевой жизни и стали заниматься земледѣлiемъ. Но въ древности въ этой обширной странѣ, которую мы теперь называемъ Европейскою Россiею, не было государства, не было сильнаго осѣдлаго народа, и потому кочевые народы двигались свободно съ востока на западъ, занимали южную часть нынѣшней Россiи, и, собравшись иногда большими толпами, шли дальше, опустошали Европу южную и западную. Древнiе образованные народы, Греки и Римляне, знали этихъ кочевниковъ, жившихъ въ нынѣшней Россiи, сначала подъ именемъ Скиѳовъ, потомъ — Сарматовъ, почему и страна называлась то Скиѳiею, то Сарматiею. Послѣ Рождества Христова здѣсь столкнулось много разноплеменныхъ народовъ, двигавшихся въ разныя стороны, преимущественно съ востока на западъ, изъ Азiи въ Европу; сильнѣе другихъ было движенiе Гунновъ и Аваровъ. Когда это движенiе поутихло кочевые

народы схлынули, то въ странѣ обозначилось ясно племя осѣдлое, на большомъ пространствѣ раскинувшееся: то были Славяне.

Когда пришли сюда Славяне — неизвѣстно; извѣстно только то, что они пришли съ югозапада, съ береговъ Дуная, вытѣсненные отсюда какимъ-то сильнымъ врагомъ. Они поселились по рѣкамъ: Западному Бугу, Днѣстру, Днѣпру и рѣкамъ, въ него впадающимъ, далѣе на сѣверѣ поселились по Западной Двинѣ и около озера Ильменя, на востокѣ поселились по Окѣ. Раздѣлялись они на нѣсколько племенъ, другъ отъ друга независимыхъ; племена дѣлились на роды, каждый родъ жилъ отдѣльно на своемъ мѣстѣ, подъ властію своего родоначальника или князя, имѣлъ свои обычаи; селенія укрѣплялись, огораживались, и такія огороженныя селенія назывались городами. Занимались Славяне преимущественно земледѣліемъ. Покланялись божествамъ физическимъ, явленіямъ природы: главнымъ божествомъ у нихъ былъ Перунъ, богъ грома и молніи покланялись также солнцу подъ разными именами (Дажбога, Волоса), огню, вѣтру. Вѣрили въ загробную жизнь, думали, что души умершихъ могутъ ѣсть, пить, и потому считали обязанностію угощать ихъ. Общественнаго богослуженія, храмовъ, жрецовъ, у нихъ не было; старшины или родоначальники были и жрецами, приносили жертвы.

Все пространство нынѣшней Европейской Россіи къ сѣверу сѣверовостоку и сѣверозападу отъ жилищъ славянскихъ, было занято племенами финнскими; на Волгѣ, въ нынѣшней Казанской губерніи жили Болгары, народъ турецкаго племени; на западѣ, по Нѣману и въ нижнихъ частяхъ Западной Двины жила Литва; къ югу отъ нея жили Ятвяги, народъ неизвѣстнаго происхожденія.

Такъ какъ славянскія племена жили отдѣльными, небольшими родами, разбросаны были на обширныхъ пространствахъ

и ссорились между собою, то были слабы, не могли дѣйствовать вмѣстѣ, заодно, собирать вдругъ всѣ свои силы для отпора врагамъ; нападутъ враги на одно племя, другія ему не помогаютъ, и каждое порознь подчиняется чужому народу Такъ славянскія племена, которыя жили на юговостокѣ, по Днѣпру, по рѣкамъ, въ него впадающимъ съ востока, и по Окѣ, должны были платить дань Козарамъ, народу, жившему по Дону Волгѣ и въ Крыму. Народъ этотъ былъ смѣшанъ изъ разныхъ племенъ; между Козарами можно было также найдти людей разныхъ вѣръ — христіанской, еврейской, магометанской, языческой, а главный начальникъ народа, каганъ, исповѣдывалъ вѣру еврейскую. Жизнь вели Козары полуосѣдлую у нихъ были города, но лѣтомъ жители оставляли ихъ и откочевывали въ степь.

ГЛАВА II.

Призваніе Рюрика съ братьями и общія черты дѣятельности первыхъ князей русскихъ.

Въ то время когда южныя славянскія племена платили дань Козарамъ, сѣверныя не могли защищаться отъ Норманновъ, жителей Швеціи, Норвегіи и Даніи, которыхъ Славяне называли Варягами и Русью. Эти Варяги покорили себѣ Славянъ сѣверныхъ, жившихъ въ нынѣшней Новгородской и Псковской губерніяхъ, покорили также сосѣднія финнскія племена. Чрезъ нѣсколько времени племена эти, какъ славянскія, такъ и финнскія, собрались вмѣстѣ и выгнали Варяговъ; но когда послѣ этого стали управляться сами, то никакъ не могли мирно улаживаться; опять каждый родъ сталъ жить отдѣльно и силою раздѣлываться съ другими родами. Тогда племена

собрались и сказали: «Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву». Порѣшивши такъ, послали они за море къ Варягамъ-Руси сказать имъ «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами.» На этотъ зовъ въ 862 году собрались три князя варяго-русскихъ, три брата Рюрикъ Синеусъ и Труворъ, и пришли съ родными своими. Рюрикъ утвердился въ Новгородѣ у Славянъ, жившихъ по Ильменю, Синеусъ среди финнскаго племени на Бѣлѣозерѣ; Труворъ у Славянъ, жившихъ въ нынѣшней Псковской губерніи, въ городѣ Изборскѣ. Скоро Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ сталъ княжить одинъ; владѣнія его стали называться Русью. Рюрикъ умеръ въ 879 году, оставивъ малолѣтняго сына Игоря, и княжить сталъ родственникъ его Олегъ.

Съ утвержденія Рюрика княземъ среди сѣверныхъ племенъ славянскихъ и финнскихъ начинается русская исторія, потому что этимъ положено основаніе Русскому государству. Нѣсколько сѣверныхъ племенъ славянскихъ и финнскихъ соединилось подъ властію одного князя; чрезъ это у нихъ прекратились междоусобія, силы ихъ собрались въ одно, а поэтому они стали сильнѣе всѣхъ другихъ племенъ; князья ихъ, преемники Рюрика, воспользовались этою силою и покорили себѣ всѣ другія племена, которыя, живя отдѣльно другъ отъ друга, не могли сильно и долго сопротивляться. Такимъ образомъ племена, жившія прежде отдѣльно, соединились вмѣстѣ, составили одинъ народъ Русскій. Влѣдствіе соединенія племенъ въ одинъ народъ, князья этого народа, пользуясь соединенными силами его, отражаютъ степные, кочевые народы, не даютъ имъ грабить и плѣнить славянскія племена, брать съ нихъ дань, какъ бывало прежде. Мало того князья пользуются соединенными силами племенъ для того, чтобы предпринимать походы на Греческую имперію, на Константино-

поль; вслѣдствіе этихъ походовъ завелись и мирныя, торговыя сношенія съ Греками; Русскіе стали ѣздить въ Константинополь, познакомились тамъ съ христіанствомъ православнаго восточнаго исповѣданія и стали принимать его. Такимъ образомъ христіанство явилось и усилилось сперва на югѣ русскихъ владѣній, ближайшихъ къ Греціи, а потомъ отсюда распространилось и по всѣмъ этимъ владѣніямъ.

Итакъ въ дѣятельности первыхъ русскихъ князей мы замѣчаемъ три главныя стороны: 1) покореніе племенъ славянскихъ, соединеніе ихъ подъ одну власть; 2) борьбу съ степными, азіятскими народами; 3) войны и сношенія съ Греціею, вслѣдствіе которыхъ распространяется христіанство.

ГЛАВА III.

Княженіе Олега, Игоря Рюриковича, Ольги и Святослава Игоревича.

Преемникъ Рюрика Олегъ слылъ въ народныхъ преданіяхъ вѣщимъ, то-есть мудрымъ, хитрымъ. Собравши войско изъ подвластныхъ ему племенъ славянскихъ и финнскихъ, нанявши Варяговъ, Олегъ пошелъ изъ Новгорода на югъ и обложилъ данью племена славянскія, жившія по Днѣпру и по впадающимъ въ него рѣкамъ съ востока и запада, также по Бугу, Днѣстру и около Карпатскихъ горъ. Городокъ Кіевъ, бывшій въ землѣ славянскаго племени Полянъ, Олегъ нашелъ во владѣніи двоихъ Варяговъ братьевъ, Аскольда и Дира, которые пришли еще съ Рюрикомъ, но потомъ отправились на югъ и засѣли въ Кіевѣ; Олегъ убилъ ихъ и остался самъ жить въ Кіевѣ, который очень ему понравился. Въ 907 году, собравши вой-

ско изъ всѣхъ подчиненныхъ ему племенъ онъ ходилъ въ лодкахъ Днѣпромъ и моремъ на Константинополь, взялъ съ Грековъ дань и заключилъ съ ними договоръ о томъ, какъ рѣшать дѣла между Греками и Русскими которые будутъ жить въ Константинополѣ для торговли.

Олегъ умеръ въ 912 году; преемникомъ его былъ Игорь, сынъ Рюриковъ, извѣстный своими неудачными походами на Грековъ и несчастною смертію славянское племя Древляне, жившіе на западъ отъ Кіева, въ нынѣшней Волынской губерніи, убили его за то, что онъ хотѣлъ взять съ нихъ двойную дань (945 г.). При Игорѣ были уже въ Кіевѣ христіане, была у нихъ церковь Св. Иліи, а потому неудивительно, что жена Игорева, Ольга, управлявшая послѣ мужа, за малолѣтствомъ сына своего Святослава, поѣхала въ Константинополь и приняла тамъ христіянство, въ 957 году. Ольга, подобно Олегу, слыла въ народныхъ преданіяхъ необыкновенно мудрою она объѣхала землю свою, и повсюду дѣлала разнаго рода распоряженія, особенно насчетъ сбора дани.

Сынъ Игоря и Ольги Святославъ представляется въ народныхъ преданіяхъ княземъ необыкновенно храбрымъ который, набравши дружину подобныхъ себѣ храбрецовъ, искалъ повсюду завоеваній, искалъ ихъ въ дальнихъ богатыхъ земляхъ, и оставался жить тамъ, а своею землею пренебрегалъ. Святославъ покорилъ жившее по Окѣ славянское племя Вятичей, еще до сихъ поръ остававшееся независимымъ; ходилъ на Козаръ, побѣдилъ ихъ, взялъ ихъ главный городъ на Дону, Бѣлую Вежу. Въ 967 году по приглашенію греческаго императора Никифора, приславшаго ему деньги, Святославъ пошелъ на дунайскихъ Болгаръ, завоевалъ ихъ землю и остался въ ней жить; а между тѣмъ въ степяхъ на югъ отъ Кіева появился сильный кочевой народъ, подъ именемъ Печенѣговъ.

Эти Печенѣги, въ отсутствіе Святослава, чуть было не взяли Кіева, гдѣ жила старая Ольга съ маленькими внуками, дѣтьми Святослава. Услыхавъ о нападеніи Печенѣговъ, Святославъ пріѣхалъ въ Кіевъ и прогналъ ихъ; но не хотѣлъ остаться на Руси, объявилъ матери, что Кіевъ ему не нравится, а нравится богатая торговлею Болгарія Дунайская. Мать просила его побыть въ Кіевѣ только до ея смерти, которая скоро и послѣдовала. Тогда, раздавши русскія владѣнія троимъ своимъ еще несовершеннолѣтнимъ сыновьямъ — Ярополку Кіевъ, Олегу землю древлянскую и Владиміру Новгородъ, Святославъ отправился въ свою любимую Болгарію. Но Болгары приняли его враждебно; а съ другой стороны поднялся на него греческій императоръ Іоаннъ Цимискій, съ многочисленнымъ войскомъ. Не смотря на необыкновенную храбрость, Святославъ не могъ осилить этого войска и долженъ былъ помириться съ императоромъ на условіи оставить Болгарію. На возвратномъ пути онъ былъ убитъ Печенѣгами при днѣпровскихъ порогахъ въ 972 году.

ГЛАВА IV.

Усобицы между сыновьями Святослава и княженіе Владиміра Святославича.

До сихъ поръ было по одному князю на Руси; теперь, какъ скоро стало ихъ трое — Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ то и начинаются между ними усобицы. Ярополкъ пошелъ на Олега, и тотъ погибъ въ битвѣ съ братомъ; земля древлянская была присоединена къ Кіеву. Услыхавъ объ этомъ, Владиміръ Святославичъ, князь новгородскій, испугался и ушелъ за море къ Варягамъ, а Ярополкъ присоединилъ и Новгородъ

къ своимъ владѣніямъ. Но Владиміръ возвратился съ Варягами, занялъ опять Новгородъ, Полоцкъ, и пошелъ на Ярополка. Владиміръ былъ въ это время еще очень молодъ, и потому сильное вліяніе на него имѣлъ дядя съ материной стороны, Добрыня; при Ярополкѣ главнымъ совѣтникомъ былъ воевода Блудъ, который передался на сторону Владиміра, напугалъ своего князя и присовѣтовалъ ему отдаться въ руки младшему брату, но Владиміръ велѣлъ убить его. Такимъ образомъ опять на Руси остался одинъ князь.

Владиміръ, живя съ малолѣтства на сѣверѣ, былъ мало знакомъ съ христіанствомъ, и когда, по смерти Ярополка, утвердился въ Кіевѣ, то показалъ себя ревностнымъ приверженцемъ языческой религіи, поставилъ изукрашенные идолы на холмѣ, куда собирался народъ для жертвоприношеній; однажды вздумали даже принести человѣка въ жертву кинули жребій, жребій палъ на христіанскаго мальчика, Варяга, но отецъ его не выдалъ сына, и погибъ вмѣстѣ съ нимъ отъ разъяренной толпы язычниковъ. Будучи сначала ревностнымъ язычникомъ, Владиміръ слѣдовалъ и языческимъ обычаямъ, велъ жизнь невоздержную, имѣлъ много женъ. Но мало-помалу языческая ревность остыла; и Владиміръ началъ думать о перемѣнѣ религіи; съ разныхъ сторонъ приходили къ нему предложенія на этотъ счетъ, потому что Русь была окружена разновѣрными народами — жидами у Козаръ, магометанами (въ Болгаріи Волжской), христіанами. Владиміръ долженъ былъ склониться на сторону христіанства: бояре, которыхъ онъ посылалъ въ разныя страны разузнать о разныхъ вѣрахъ, которая лучше, говорили ему: «Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ; всякій человѣкъ, какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ больше принимать горькаго; такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше не останемся;» другіе говорили ему: «Еслибы дуренъ былъ законъ

греческій, то бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она была мудрѣе всѣхъ людей.»

Началась война съ Греками; Владиміръ пошелъ на греческій городъ въ Крыму Корсунь (или Херсонесъ, бывшій подлѣ нынѣшняго Севастополя), и когда городъ долго не сдавался, далъ обѣтъ, что если возьметъ городъ, то приметъ христіанство; городъ сдали, и Владиміръ послалъ къ греческимъ императорамъ Василію и Константину требовать себѣ въ супружество сестру ихъ, царевну Анну, съ угрозою, что если не пришлютъ сестры, то онъ возьметъ и Константинополь, какъ взялъ Корсунь. Императоры отвѣчали, что не могутъ выдать сестры за язычника; тогда Владиміръ послалъ сказать имъ, что приметъ христіанство, и дѣйствительно, когда Анна пріѣхала въ Корсунь, то онъ крестился со многими боярами.

Возвратясь въ Кіевъ съ священниками греческими, Владиміръ крестилъ сыновей своихъ и велѣлъ истребить идоловъ, духовенство ходило по городу и учило народъ, послѣ чего великій князь объявилъ, чтобъ на другой день всѣ некрещенные Кіевляне шли къ рѣкѣ креститься, а кто не явится, тотъ покажетъ себя противникомъ князя; всѣ крестились. Послѣ крещенія Кіевлянъ, духовенство ходило крестить народъ на сѣверъ до Новгорода и Ростова. Но на сѣверѣ христіанство принялось не такъ скоро, какъ на югѣ, гдѣ оно было уже давно извѣстно; язычество долго было еще сильно въ Ростовѣ и странахъ окрестныхъ, населенныхъ финскими племенами; изъ славянскихъ племенъ, Вятичи, жившіе въ сторонѣ отъ главной рѣчной дороги днѣпровской, какъ были послѣ всѣхъ покорены, такъ послѣ всѣхъ приняли и христіанство. На западѣ, въ странѣ Волынской христіанство было распространено при участіи самого Владиміра, который ходилъ туда съ духовенствомъ. Тотчасъ послѣ крещенія народа въ Кіевѣ начали отбирать дѣтей

у лучшихъ людей и отдавать духовенству для наученія грамотѣ, для утвержденія въ вѣрѣ.

Кромѣ похода на Корсунь, Владиміръ предпринималъ и другіе походы: подчинилъ окончательно тѣ славянскія племена, которыя, по отдаленію своему отъ главнаго воднаго пути днѣпровскаго, пользовались всякимъ случаемъ, чтобъ отказываться отъ платежа дани; были войны и съ чужими народами, Ятвягами и Болгарами, но важнѣе всѣхъ были оборонительныя войны съ Печенѣгами, которые часто приходили опустошать землю, бить, уводить въ плѣнъ людей. Вотъ почему эти войны Владиміра, которыя онъ велъ противъ Печенѣговъ для защиты отъ нихъ земли, очень занимали народъ, и объ нихъ сохранилась память въ украшенныхъ воображеніемъ преданіяхъ. Надобно вспомнить, что до основанія Русскаго государства страны эти были всегдашнею и беззащитною жертвою степныхъ варваровъ, подобныхъ Печенѣгамъ. Чтобъ загородить дорогу варварамъ на Русь, Владиміръ строилъ городки по границѣ или украйнѣ, населялъ ихъ лучшими, храбрѣйшими людьми изъ подчиненныхъ ему племенъ: такъ ясны были и на первыхъ порахъ выгоды соединенія племенъ въ одно государство, которое располагало общими силами для защиты страны.

Владиміръ умеръ 15-го іюля 1015 года. Церковь причла его къ лику святыхъ, какъ равноапостольнаго; въ народѣ осталась объ немъ память, какъ о государѣ чрезвычайно добромъ, милостивомъ.

ГЛАВА V.

Усобицы между сыновьями Владиміра и княженіе Ярослава Владиміровича.

Послѣ Владиміра осталось двѣнадцать сыновей, и вотъ по смерти его начинаются усобицы, точно такъ же, какъ начались

онѣ по смерти Святослава, точно такъ же, какъ въ это время велись онѣ въ другихъ государствахъ славянскихъ, Польскомъ, Чешскомъ (Богемскомъ): и здѣсь видимъ желаніе старшихъ князей изгнать, умертвить, изувѣчить младшихъ братьевъ. Старшій сынъ Владиміра, Святополкъ, убилъ сначала самыхъ младшихъ братьевъ своихъ — Бориса, князя ростовскаго, и Глѣба — муромскаго, которые казались ему опаснѣе другихъ, потому что и отецъ ихъ очень любилъ и дружина по смерти Владиміра звала Бориса княжить въ Кіевъ, но тотъ не согласился, не желая поднять рукъ на старшаго брата. Послѣ Бориса и Глѣба Святополкъ убилъ и третьяго брата, Святослава, князя древлянскаго, и сталъ думать: «Перебью всѣхъ братьевъ, и приму одинъ всю власть на Руси». Но Ярославъ, князь новгородскій, предупредилъ его, собралъ войско изъ Варяговъ и Новгородцевъ и разбилъ Святополка у Любеча. Тотъ бѣжалъ къ тестю своему Болеславу, королю польскому, который вступился за него и разбилъ Ярослава на берегахъ Буга. Ярославъ бѣжалъ въ Новгородъ и хотѣлъ было бѣжать дальше за море къ Варягамъ, но Новгородцы не пустили его и дали ему другое войско, съ которымъ онъ опять пошелъ на Святополка. Тотъ между тѣмъ успѣлъ поссориться съ Болеславомъ, который ушелъ къ себѣ въ Польшу, и Святополкъ вышелъ противъ Ярослава съ толпами Печенѣговъ; злая битва была дана на рѣкѣ Альтѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Святополкъ потерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти; въ народѣ сохранилась объ немъ самая черная память, какъ о русскомъ Каинѣ, прозвище ему было *окаянный*, — тогда какъ убитые имъ Борисъ и Глѣбъ, причтенные церковію къ лику святыхъ, представлялись какъ образецъ братской любви.

Ярославъ, послѣ Альтской битвы, сѣлъ въ Кіевѣ, но не долго сидѣлъ здѣсь спокойно: на него вооружился братъ его Мстиславъ, княжившій въ Тмуторакани (по всѣмъ вѣроятно-

стямъ, въ нынѣшней Тамани, завоеванной Святославомъ). Собравши войско изъ народовъ прикавказскихъ, Ясовъ и Касоговъ, Мстиславъ пошелъ противъ Ярослава и разбилъ его у Листвена; Ярославъ опять принужденъ былъ бѣжать въ Новгородъ но Мстиславъ не хотѣлъ отнимать Кіева у старшаго брата, хотѣлъ только прибавки земель къ своей старой волости Тмутораканской, и братья раздѣлили между собою южныя русскія волости Днѣпромъ: что̀ было на западѣ отъ Днѣпра, досталось Ярославу, который сѣлъ въ Кіевѣ, а что̀ было на востокъ отъ Днѣпра, досталось Мстиславу, который сѣлъ въ Черниговѣ. Но Мстиславъ скоро умеръ, не оставя дѣтей, Ярославъ взялъ себѣ его земли, и владѣлъ такимъ образомъ всѣми русскими волостями, кромѣ Полоцкаго княжества, которое Владиміръ Св. отдалъ сыну своему Изяславу, а теперь княжилъ тутъ сынъ этого Изяслава, Брячиславъ. Брячиславъ также вооружился-было противъ дяди Ярослава, но успокоился, когда Ярославъ далъ ему два города (Витебскъ и Усвятъ).

Кромѣ этихъ усобицъ въ княженіе Ярослава были войны съ финнскими племенами въ области Сѣверной Двины; на берегу Чудскаго озера Ярославъ основалъ городъ, который назвалъ по своему христіанскому имени (Юрій) Юрьевымъ (нынѣшній Дерптъ). Ярославъ воевалъ съ Поляками, возвратилъ отъ нихъ землю Хорватскую (нынѣшнюю Галицію), захваченную Болеславомъ при Святополкѣ. При Ярославѣ была послѣдняя война съ Греками, которые поссорились съ Русскими купцами и убили одного изъ нихъ; войну эту велъ старшій сынъ Ярослава, Владиміръ, съ перемѣннымъ счастіемъ, и черезъ три года заключенъ былъ миръ. Печенѣги, напавшіе на Кіевъ въ 1036 году, потерпѣли сильное пораженіе, послѣ чего перестали нападать на Русь.

Ярославъ умеръ въ 1054 году, оставивъ по себѣ память

князя умнаго и храбраго, распространявшаго христіанство и грамотность въ народѣ; онъ много накупилъ книгъ, которыя читалъ часто, днемъ и ночью, собралъ много писцовъ, которые переводили книги съ греческаго на славянскій языкъ, и много переписали книгъ; строилъ церкви, опредѣлялъ къ нимъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ собственныхъ доходовъ. При немъ въ Новгородѣ было сдѣлано то же, что̀ въ Кіевѣ при Владимірѣ: князь велѣлъ собрать дѣтей и учить ихъ. Ярославу приписываются первые писанные законы, такъ-называемая «Русская Правда».

ГЛАВА VI.

События при сыновьяхъ Ярослава Владиміровича.

Ярославъ оставилъ пятерыхъ сыновей, и опять послѣ его смерти видимъ усобицы, какъ прежде видѣли по смерти Святослава и Владиміра; но теперь первая усобица не оканчивается единовластіемъ одного брата вслѣдствіе истребленія или бездѣтной смерти другихъ; сыновья Ярослава оставляютъ многихъ дѣтей, которые продолжаютъ усобицы отцовскія и передаютъ ихъ своимъ дѣтямъ; князья размножаются все больше и больше, и усобицы между ними продолжаются много лѣтъ. Эти продолжительныя ссоры и бывавшія по временамъ мирныя сношенія между многими князьями даютъ намъ возможность узнать, какъ эти князья смотрѣли другъ на друга, за что̀ ссорились? Отъ чего происходило, что какъ скоро послѣ государя оставалось нѣсколько сыновей, то они непремѣнно начинали ссориться и воевать другъ съ другомъ?

Узнаемъ, что не было опредѣлено закономъ, какъ, по смерти отца, младшимъ братьямъ вести себя въ отношеніи къ старшему. Законъ не опредѣлялъ, что младшіе братья обязаны повиноваться старшему, великому князю, точно такъ же, какъ повинуются ему всѣ остальные подданные. Говорилось, что младшіе братья должны слушаться старшаго какъ отца, старшій долженъ любить младшихъ какъ дѣтей, но это было очень неопредѣленно: какъ скоро младшимъ казалось, что старшій обходится съ ними не какъ съ сыновьями, что больше хочетъ добра собственнымъ дѣтямъ, то и считали себя въ правѣ вооружаться противъ старшаго, а средства къ тому они имѣли: у каждаго было свое княжество, своя волость, въ которой онъ распоряжался совершенно независимо отъ великаго князя; кромѣ того подлѣ въ степяхъ кочевали хищныя орды, готовыя всегда, по первому призыву, становиться подъ знамена враждующихъ князей и пользоваться этимъ случаемъ, чтобъ опустошать русскую землю.

Владѣли князья русскою землею всѣ сообща, не раздѣляясь. Старшій или великій князь владѣлъ старшимъ княжествомъ, старшимъ столомъ, какъ тогда выражались, Кіевомъ; другіе князья владѣли другими волостями по старшинству; ни великій князь, ни младшіе князья не владѣли своими волостями вѣчно и не передавали ихъ своимъ дѣтямъ; но когда умиралъ великій князь въ Кіевѣ, то его мѣсто заступалъ не старшій его сынъ, а старшій братъ родной, двоюродный, троюродный, или старшій племянникъ, вообще старшій въ цѣломъ родѣ княжескомъ, при чемъ и другіе князья передвигались такимъ же образомъ по старшинству изъ одной волости въ другую, изъ худшей въ лучшую. Эта передвижка не могла происходить правильно, и отсюда новыя ссоры и войны. Обыкновенно требовалось, чтобъ князь занималъ волость по отчинѣ и дѣдинѣ, напримѣръ если князь умиралъ, не достигнувъ стар-

шинства въ родѣ и стола кіевскаго то сынъ его не могъ быть послѣ великимъ княземъ кіевскимъ, и оставался навсегда владѣльцемъ одной какой-нибудь волости.

Изъ пятерыхъ сыновей Ярославовыхъ старшій, Изяславъ, былъ великимъ княземъ, владѣлъ Кіевомъ и Новгородомъ; второй, Святославъ, владѣлъ Черниговомъ, Тмутораканью и землями по Окѣ, страною Вятичей, Рязанью, Муромомъ; третій, Всеволодъ, владѣлъ Переяславлемъ Южнымъ или Рускимъ (какъ называли его въ отличіе отъ построеннаго послѣ Переяславля Залѣсскаго), кромѣ того Всеволодъ владѣлъ землями по Волгѣ, такъ же Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлоозеромъ; четвертый, Вячеславъ, получилъ Смоленскъ; пятый, Игорь, владѣлъ Владиміромъ Волынскимъ. Полоцкъ оставался въ отдѣльномъ владѣніи у потомковъ Изяслава, сына Св. Владиміра. Но послѣ Ярослава остался еще внукъ Ростиславъ, сынъ старшаго сына Ярославова, Владиміра, умершаго при жизни отцовской. Такъ какъ наслѣдникомъ великаго княженія былъ старшій въ родѣ и слѣдовательно дядя имѣлъ всегда преимущество предъ племянникомъ, то Ростиславъ не получилъ старшаго стола кіевскаго; и такъ какъ волости княжескія не были наслѣдственны, то Ростиславъ не получилъ даже и Новгорода, гдѣ княжилъ отецъ его при жизни Ярославовой: онъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что̀ дадутъ ему дяди. Когда одинъ изъ нихъ, Вячеславъ Ярославичъ, князь смоленскій, умеръ, то на его мѣсто перешелъ младшій Игорь изъ Владиміра Волынскаго, не смотря на то, что у Вячеслава остались сыновья, а Владиміръ Волынскій дяди отдали Ростиславу Владиміровичу. Но онъ не былъ доволенъ этою волостью, набралъ себѣ дружину ушелъ съ нею на востокъ въ степь и овладѣлъ Тмутораканью. Отсюда сталъ онъ ходить войною на окрестные народы, но Греки отравили его; послѣ него остались сыновья — Володарь и Василько.

Въ это время въ степяхъ произошло обыкновенное тамъ явленіе: пришелъ съ востока новый хищный кочевой народъ — Половцы, побѣдилъ Печенѣговъ, и сталъ подобно имъ нападать на Русь. Великій князь Изяславъ съ братьями пошелъ противъ Половцевъ, но былъ разбитъ, и прибѣжалъ въ Кіевъ; Кіевляне потребовали у него оружія и лошадей, чтобъ опять идти на Половцевъ, но онъ имъ отказалъ; тогда они выгнали его. Но Изяславъ получилъ помощь отъ польскаго короля Болеслава Смѣлаго и занялъ опять Кіевъ, но не надолго: онъ поссорился съ братомъ своимъ, Святославомъ черниговскимъ, который вмѣстѣ съ третьимъ братомъ, Всеволодомъ, выгналъ его опять изъ Кіева; самъ сталъ здѣсь княжить, а Всеволодъ изъ Переяславля перешелъ на его мѣсто въ Черниговъ. Святославъ княжилъ не долго въ Кіевѣ; послѣ его смерти Изяславъ опять пришелъ въ Русь съ польскою помощію, Всеволодъ уступилъ ему Кіевъ а самъ остался въ Черниговѣ.

Въ это время было въ живыхъ только два сына Ярославова, Изяславъ и Всеволодъ, трое другихъ — Святославъ, Вячеславъ, Игорь, умерли, но у нихъ остались сыновья, которымъ дяди не хотѣли давать волостей на Руси. Тогда двое изъ этихъ молодыхъ князей — Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ, ушли въ Тмуторакань, возвратились оттуда съ толпами Половцевъ и выгнали дядю Всеволода изъ Чернигова. Великій князь Изяславъ заступился за брата и пошелъ съ нимъ на племянниковъ, съ которыми сразился близъ Чернигова, на Нѣжатинѣ Нивѣ. Племянники были побѣждены, Борисъ Изяславичъ палъ въ битвѣ, но былъ убитъ также и великій князь Изяславъ (1077 г.).

По смерти Изяслава великимъ княземъ сдѣлался братъ его Всеволодъ, послѣдній изъ сыновей Ярослава. Перешедши въ Кіевъ, онъ отдалъ Черниговъ сыну своему Владиміру Мономаху; старшій сынъ покойнаго Изяслава, Святополкъ кня-

жилъ въ Новгородѣ, откуда потомъ перешелъ въ Туровъ, поближе къ Кіеву, гдѣ долженъ было сѣсть по смерти дяди Всеволода, какъ требовалъ обычай; другому Изяславову сыну, Ярополку, великій князь отдалъ Владиміръ Волынскій; но здѣсь прежде княжилъ Игорь Ярославичъ, потомъ Ростиславъ Владиміровичъ; сынъ Игоря Давидъ и сыновья Ростислава— Рюрикъ, Володарь и Василько, также хотѣли утвердиться и на Волыни: по этой причинѣ княженіе Всеволода, старика слабаго, было очень безпокойно; но у Всеволода былъ сынъ, знаменитый Владиміръ Мономахъ, лучшій изъ князей древней Руси, оставившій по себѣ самую добрую память въ народѣ, какъ образецъ князя по тогдашнимъ понятіямъ онъ былъ набоженъ, каждый день вставалъ до свѣта и ходилъ къ обѣднѣ, не могъ молиться безъ слезъ, былъ гостепріименъ, щедръ къ дружинѣ, къ духовенству къ бѣднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ хорошій хозяинъ, самъ смотрѣлъ за всѣмъ въ домѣ, и потому, не смотря на щедрость, въ домѣ его всегда было много всякаго добра; былъ ласковъ, простъ въ обхожденіи со всѣми, не терпѣлъ пышности; будучи необыкновенно храбръ, безпрестанно воевалъ съ Половцами, защищалъ отъ нихъ русскую землю; но не одна война занимала его: каждый день, послѣ обѣдни, онъ садился думать съ дружиною о дѣлахъ, потомъ судилъ жителей своего княжества и судилъ справедливо; когда другіе князья ссорились другъ съ другомъ, Мономахъ старался мирить ихъ, отвращалъ такимъ образомъ усобицы.

ГЛАВА VII.

Событія при внукахъ Ярослава I Владиміровича.

По смерти Всеволода (случившейся въ 1093 году), Кіевляне хотѣли, чтобъ великимъ княземъ былъ Мономахъ; но

онъ объявилъ, что не нарушитъ обычая, по которому великое княженіе переходило къ старшему въ родѣ: «Если я сяду въ Кіевѣ, говорилъ онъ, то будетъ у меня война съ Святополкомъ Изяславичемъ, потому что отецъ его сидѣлъ въ Кіевѣ прежде моего отца», и Святополкъ сталъ княжить въ Кіевѣ, а Мономахъ остался въ Черниговѣ. Новый великій князь нисколько не былъ похожъ на Мономаха это былъ человѣкъ корыстолюбивый и властолюбивый, не храбрый и неумный. Въ самомъ началѣ княженія своего необдуманно, вопреки совѣтамъ Мономаха и умныхъ старыхъ бояръ, вступилъ онъ въ войну съ Половцами и потерпѣлъ два пораженія. Эта бѣда, постигшая Русь, ободрила Олега Святославича, который все скрывался въ Тмутаракани: онъ нанялъ Половцевъ и напалъ съ ними на Черниговъ. Мономахъ уступилъ ему этотъ городъ, удовольствовался Переяславлемъ; но война этимъ не кончилась, ибо Олегъ, ожесточенный долгимъ изгнаніемъ, несправедливостію дядей, не довѣрялъ двоюроднымъ братьямъ, не хотѣлъ съ ними вмѣстѣ воевать Половцевъ; усобица дошла и до далекаго сѣверовостока, потому что Олегъ, выгнанный двоюродными братьями, Святополкомъ и Мономахомъ, изъ Чернигова, ушелъ въ землю муромскую и ростовскую и воевалъ тамъ съ сыновьями Мономаха. Потерпѣвши неудачу на сѣверѣ, Олегъ согласился наконецъ ѣхать на общій съѣздъ княжескій въ Любечъ. Съѣхавшіеся князья говорили: «Зачѣмъ губимъ русскую землю, поднимая сами на себя ссору? Станемъ лучше жить единодушно и не дадимъ Половцамъ разносить русскую землю.» Для прекращенія всякихъ споровъ, князья рѣшили, чтобъ каждый владѣлъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ отецъ его: поэтому великій князь Святополкъ и Мономахъ остались при своемъ, одинъ въ Кіевѣ, другой въ Переяславлѣ. Олегу съ братьями, Давидомъ и Ярославомъ, отдали владѣнія отца ихъ, то-есть Черниговъ съ Вятичами, Рязанью Муро-

момъ и Тмутораканью; княжество Владиміро-Волынское раздѣлилось собственная Волынь осталась за Давидомъ Игоревичемъ, а западная часть, Галиція или Чермная Русь, отдана была Ростиславичамъ — Володарю и Васильку (братъ ихъ Рюрикъ уже умеръ).

Такимъ образомъ на любецкомъ съѣздѣ была прекращена усобица на востокѣ, въ области Черниговской, потому что дѣти Святославовы, несправедливо выгнанныя, получили теперь владѣнія, именно тѣ земли, которыми владѣлъ отецъ ихъ, получили такимъ образомъ въ роду значеніе отцовское. Но не прекратились усобицы на западѣ, въ области Владиміро-Волынской, подѣленной между Давидомъ Игоревичемъ и Ростиславичами. Давидъ Игоревичъ боялся, что Ростиславичи отнимутъ у него и его половину особенно боялся онъ самаго храбраго и предпріимчиваго изъ нихъ, младшаго Василька; нашлись люди, которые наговорили ему что Ростиславичи въ союзѣ съ Мономахомъ хотятъ выгнать Святополка изъ Кіева, и его, Давида, изъ Владиміра Волынскаго. Прямо съ любецкаго съѣзда Давидъ заѣхалъ въ Кіевъ къ Святополку, представилъ ему опасность, которая грозитъ имъ обоимъ отъ Василька, напугалъ его, и тотъ согласился схватить Василька, когда онъ заѣхалъ къ нему также по дорогѣ изъ Любеча, и выдать его Давиду который повезъ его въ свои владѣнія и тамъ ослѣпилъ. Такъ какъ это злодѣйство было самымъ дерзкимъ нарушеніемъ княжескаго рѣшенія жить дружно, которое они объявили въ Любечѣ, то Мономахъ съ Олегомъ и Давидомъ Святославичами немедленно пошли съ войскомъ къ Кіеву на Святополка; но мачиха Мономахова и митрополитъ уговорили ихъ прекратить ссору съ Святополкомъ, и такъ какъ онъ складывалъ всю вину на Давида, то князья и поручили ему наказать послѣдняго. Святополкъ выгналъ Давида, но захотѣлъ выгнать и Ростиславичей, чтобъ взять всю Вла-

диміро-Волынскую область себѣ; но это ему неудалось, потому что Ростиславичи оборонялись храбро. Наконецъ и войны за Владиміро-Волынскую область прекращены были на второмъ княжескомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Витичевѣ, близь Кіева въ 1100 году. Здѣсь рѣшено было у Давида, за его злодѣйство, отнять Владиміръ Волынскій и отдать сыну великаго князя, Ярославу. Такимъ образомъ при Святополкѣ, на двухъ съѣздахъ княжескихъ, окончены были усобицы, происходившія на востокѣ за область Черниговскую, и на западѣ за область Владиміро-Волынскую. Усобицы эти, какъ мы видѣли, начались при великомъ князѣ Изяславѣ Ярославичѣ вслѣдствіе того, что сыновья не наслѣдовали волостей послѣ отцовъ своихъ, а дяди не хотѣли давать земель осиротѣлымъ племянникамъ.

Когда такимъ образомъ все успокоилось и на востокѣ и на западѣ, Мономахъ воспользовался миромъ между князьями и уговорилъ ихъ соединенными силами ударить на Половцевъ. Вслѣдствіе этого предпринимались два похода въ степи; во второй изъ нихъ русскіе князья доходили до самаго Дона и нанесли сильное пораженіе п о г а н ы м ъ, какъ называли тогда Половцевъ. Память объ этихъ славныхъ походахъ сохранилась на Руси въ поэтическихъ преданіяхъ, въ которыхъ прославлялся главный герой ихъ — Мономахъ.

Святополкъ умеръ въ 1113 году. Послѣ него по старшинству въ родѣ великое княженіе должно было принадлежать Святославичамъ черниговскимъ, потому что ихъ отецъ былъ старше отца Мономахова; но Кіевляне рѣшительно не захотѣли имѣть княземъ Олега Святославича, котораго не любили особенно за то, что онъ наводилъ Половцевъ на русскую землю, и хотѣли непремѣнно, чтобъ княжилъ у нихъ Мономахъ, на дѣлѣ давно уже превосходившій всѣхъ князей достоинствами и подвигами. Когда Кіевляне дали ему знать о смерти Святополка и просили его пріѣхать къ нимъ княжить, то онъ

отказался по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ отказался и прежде, по смерти отца своего Всеволода, именно, чтобъ не нарушить обычая, не подать повода къ усобицамъ; но когда въ Кіевѣ узнали объ отказѣ Мономаха, то здѣсь вспыхнуло возстаніе, и Кіевляне опять послали сказать Мономаху, что если онъ не придетъ къ нимъ княжить, то будетъ большая бѣда, и онъ отдастъ въ ней отвѣтъ Богу. Тогда Мономахъ пріѣхалъ въ Кіевъ и сталъ великимъ княземъ; Святославичи затаили на время обиду, потому что имъ нельзя было идти противъ Мономаха, самаго храбраго и самаго могущественнаго князя, къ которому народъ питалъ такое сильное расположеніе. Одинъ изъ полоцкихъ князей, именно князь минскій, осмѣлился начать войну съ Мономахомъ, но былъ взятъ въ плѣнъ; также дурно кончилъ и князь волынскій Ярославъ, сынъ прежняго великаго князя Святополка: онъ началъ ссориться съ сосѣдями своими, Ростиславичами, князьями галицкими, вступилъ въ союзъ съ Поляками, прогналъ жену свою, внуку Мономахову; великій князь выгналъ его изъ Волыни; Ярославъ возвратился было съ Поляками, Венграми и Чехами (Богемцами), но былъ убитъ при осадѣ города.

ГЛАВА VIII.

События отъ смерти Владиміра Мономаха до взятія Кіева войсками Андрея Юрьевича Боголюбскаго.

По смерти Мономаха, случившейся въ 1125 году, кіевскій столъ прямо занялъ уже старшій сынъ его Мстиславъ; соперниковъ опять ему быть не могло онъ былъ похожъ на отца, былъ любимъ народомъ, кромѣ того племя Мономахово

было сильнѣе всѣхъ другихъ племенъ или линій княжескихъ, сильнѣе обширностію и богатствомъ волостей: Мстиславъ владѣлъ Кіевомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Всеволодъ, въ Смоленскѣ другой, Ростиславъ; братья Мстиславовы княжили: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей на Волыни, Юрій въ Ростовской и Суздальской землѣ. Пользуясь своею силою, Мстиславъ пріобрѣлъ себѣ еще княжество Полоцкое: онъ взялъ въ плѣнъ всѣхъ князей полоцкихъ и отправилъ ихъ въ Грецію въ изгнаніе, а въ Полоцкѣ посадилъ сына своего Изяслава. Сильные владѣніями, Мономаховичи, при Мстиславѣ, были сильны братскимъ единодушіемъ, тогда какъ между Святославичами черниговскими происходили усобицы: по смерти Олега и Давида Святославичей оставался третій братъ, Ярославъ Святославичъ, который по обычаю, какъ старшій въ племени, и долженъ былъ княжить въ Черниговѣ; но племянникъ его, Всеволодъ Ольговичъ, выгналъ его изъ Чернигова, и Ярославъ долженъ былъ удовольствоваться сѣверовосточными владѣніями своего племени—Рязанью и Муромомъ; отъ него пошли князья рязанскіе и муромскіе. Въ Галиціи сынъ Володаря Ростиславича, Владимірко, соединилъ всѣ земли подъ одною своею властію.

По смерти Мстислава Владиміровича, случившейся въ 1132 году, начинаются усобицы и въ самомъ потомствѣ Мономаха: и прежде мы видѣли усобицы между племянниками и дядьми, но прежде эти усобицы происходили отъ того, что дяди обижали племянниковъ, не давали имъ волостей; а теперь, по смерти Мстислава Владиміровича, наоборотъ, усобицы происходятъ отъ того, что племянники, сыновья старшаго брата, обнаруживаютъ попытку отнять у младшихъ дядей старшинство и столъ кіевскій. По смерти Мстислава, по обычаю, въ Кіевъ перешелъ княжить изъ Переяславля стар-

шій по немъ братъ Ярополкъ; въ Переяславль же долженъ былъ перейдти слѣдующій за Ярополкомъ братъ Вячеславъ; но вмѣсто того Ярополкъ перевелъ туда изъ Новгорода племянника своего, Всеволода Мстиславича; дяди, и особенно самый дѣятельный изъ нихъ, Юрій Владиміровичъ, возстали за это на племянниковъ, Мстиславичей; враждою между Мономаховичами воспользовались Святославичи черниговскіе, вспомнили свою обиду, что лишены были старшинства и Кіева сперва въ пользу Мономаха, а потомъ сыновей его, и вооружились: такимъ образомъ къ усобицѣ между племянниками и дядьми въ потомствѣ Мономаха присоединилась еще усобица между Мономаховичами и Ольговичами (ибо въ потомствѣ Святослава Ярославича главную роль играетъ линія сына его Олега). Этою же усобицею, ослабленіемъ силъ у Мономаховичей, воспользовались князья полоцкіе, возвратились изъ Греціи и заняли свои прежнія владѣнія.

Когда умеръ Ярополкъ Владиміровичъ въ 1139 году и старшій по немъ братъ его Вячеславъ Владиміровичъ занялъ Кіевъ, то Всеволодъ Ольговичъ черниговскій выгналъ его оттуда, выставляя свое старшинство въ цѣломъ родѣ. Мономаховичи не могли помѣшать ему утвердиться здѣсь какъ нарочно, самый старшій теперь изъ нихъ Вячеславъ Владиміровичъ, былъ человѣкъ неспособный къ правленію способнѣе его былъ другой братъ, Юрій Владиміровичъ ростовскій, но ему мимо старшаго брата трудно было дѣйствовать, тѣмъ больше, что онъ былъ во враждѣ съ племянниками своими Мстиславичами: изъ этихъ племянниковъ старшій, Всеволодъ, умеръ во Псковѣ; слѣдующій за нимъ братъ, Изяславъ Мстиславичъ, князь волынскій, былъ лучшій князь не только между Мономаховичами, но и между всѣми русскими князьями, больше всѣхъ князей напоминалъ народу дѣда своего Мономаха, слѣдовательно былъ способенъ бороться съ Ольговичами но

Изяславъ, какъ племянникъ, мимо дядей, не могъ принять на себя главной роли, дядя Юрій Ростовскій никакъ не хотѣлъ допустить его до этого. Пользуясь такими обстоятельствами, Всеволодъ Ольговичъ прокняжилъ въ Кіевѣ до самой смерти своей и хотѣлъ, чтобъ послѣ него княжилъ здѣсь родной братъ его Игорь Ольговичъ. Но Кіевляне этого не хотѣли; они не любили вообще Ольговичей, какъ чужихъ князей и не отличавшихся такими привлекательными качествами, какъ Мономахъ и многіе изъ его потомковъ; кромѣ того, княжа въ Кіевѣ, Всеволодъ Ольговичъ не умѣлъ пріобрѣсть народной любви, позволяя чиновникамъ своимъ притѣснять жителей. И вотъ, какъ скоро Всеволодъ умеръ и братъ его Игорь хотѣлъ княжить на его мѣстѣ, то Кіевляне отказались повиноваться ему, не смотря на то, что онъ обѣщалъ имъ назначить чиновниковъ, какихъ они сами захотятъ. Они объявили своимъ княземъ Изяслава Мстиславича, который выгналъ Ольговичей изъ Кіева, причемъ Игорь Ольговичъ былъ взятъ въ плѣнъ послѣ Кіевляне выразили свою ненависть къ Ольговичамъ тѣмъ, что убили Игоря, хотя онъ уже постригся въ монахи.

Изяславъ Мстиславичъ сталъ княжить въ Кіевѣ, но не могъ княжить покойно, потому что занялъ старшій столъ, по тогдашнимъ понятіямъ незаконно, мимо дядей: дядя Юрій ростовскій два раза выгонялъ его изъ Кіева, и напослѣдокъ Изяславъ, чтобъ избавиться отъ него, долженъ былъ призвать въ Кіевъ самаго старшаго дядю своего, неспособнаго Вячеслава, покаяться предъ нимъ объявить, что согрѣшилъ, осмѣлившись мимо его занять старшій столъ. Вячеславъ, довольный честію старшинства, отдалъ все управленіе Изяславу; но Юрій не былъ доволенъ этою сдѣлкою, и требовалъ непремѣнно, чтобъ въ Кіевѣ княжилъ одинъ Вячеславъ, чтобъ Изяслава при немъ не было. На это требованіе никто не хотѣлъ

согласиться, ни Вячеславъ ни Изяславъ, ни Кіевляне, которые, увидавши разницу между Изяславомъ и Юріемъ, очень не полюбили послѣдняго. Юрій былъ разбитъ и долженъ былъ отказаться отъ надежды одолѣть храбраго племянника. Во время этой усобицы дяди съ племянникомъ, въ постоянномъ союзѣ съ Изяславомъ Мстиславичемъ былъ венгерскій король Гейза II, женатый на сестрѣ его; постояннымъ же союзникомъ Юрія Владиміровича былъ галицкій князь Владимірко Володаревичъ, успѣвшій только хитростію, обманомъ, къ которымъ прибѣгалъ въ крайности, удержаться на своемъ столѣ противъ соединенныхъ силъ Изяслава и Гейзы. Владимірко умеръ, оставивъ княжество свое нераздѣльнымъ сыну Ярославу, по прозванію Осмомыслу.

Не долго послѣ Владимірка жилъ и Изяславъ Мстиславичъ: онъ умеръ въ 1154 году. Старикъ Вячеславъ принялъ къ себѣ въ сыновья и въ правители кіевскаго княжества вмѣсто Изяслава другаго брата его, Ростислава, князя смоленскаго, послѣ чего скоро умеръ. Ростиславъ, князь добрый и набожный, не былъ похожъ на брата храбростію и распорядительностію; онъ проигралъ сраженіе противъ старшаго тогда между черниговскими князьями, Изяслава Давыдовича (двоюроднаго брата Всеволоду Ольговичу), бросилъ Кіевъ и бѣжалъ въ старую свою волость — Смоленскъ. Изяславъ Давыдовичъ сѣлъ было въ Кіевѣ, но принужденъ былъ уступить его Юрію Долгорукому. На этотъ разъ Юрій остался княжить въ Кіевѣ до самой смерти своей, случившейся въ 1157 году. Ростиславъ Мстиславичъ, оставшійся теперь старшимъ въ потомствѣ Мономаха, позволилъ занять Кіевъ опять Изяславу Давыдовичу. Но на Волыни княжилъ сынъ знаменитаго Изяслава Мстиславича, Мстиславъ Изяславичъ, храбростію и дѣятельностію похожій на отца: когда Изяславъ Давыдовичъ поссорился съ галицкимъ княземъ Ярославомъ, то Мсти-

славъ соединился съ послѣднимъ, выгналъ Изяслава Давыдовича изъ Кіева и посадилъ здѣсь дядю Ростислава, а по смерти его самъ сѣлъ въ Кіевѣ. Но занявши Кіевъ, Мстиславъ Изяславичъ находился въ такомъ же положеніи, какъ прежде отецъ его, ибо не былъ старшимъ въ потомствѣ Мономаха: старшимъ былъ двоюродный дядя его, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, сынъ Юрія Долгорукаго, княжившій, подобно отцу, на сѣверѣ, въ землѣ Ростовской. Подобно отцу, Андрей не хотѣлъ видѣть въ Кіевѣ племянника своего Мстислава, и, воспользовавшись неудовольствіемъ, которое тотъ возбудилъ противъ себя въ князьяхъ южныхъ, послалъ противъ него большое войско въ 1169 году. Мстиславъ не могъ сопротивляться соединеннымъ силамъ одиннадцати князей, Кіевъ былъ взятъ и страшно разграбленъ.

ГЛАВА IX.

Отъ взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго до кончины Михаила Юрьевича.

Казалось, что возобновятся старыя времена, когда отецъ Андрея, Юрій, боролся съ отцемъ Мстислава, Изяславомъ: но вышло иначе. Андрей, рожденный и воспитанный на сѣверѣ, приходилъ на югъ во время усобицы отца своего съ Изяславомъ Мстиславичемъ, когда уже ему было за тридцать лѣтъ, отличился здѣсь большою отвагою, но съ самаго начала показывалъ нерасположеніе къ югу, и когда отецъ его Юрій,

утвердившись окончательно въ Кіевѣ, хотѣлъ, чтобъ Андрей помѣстился подлѣ него въ Вышгородѣ, то Андрей, вопреки волѣ отцовской, ушелъ изъ Вышгорода на сѣверъ и сталъ тамъ княжить. Теперь, вооружившись противъ Мстислава Изяславича во имя правъ своихъ на старшинство, Андрей не повелъ самъ войска къ Кіеву, и когда этотъ городъ, къ которому у прежнихъ князей было непреодолимое стремленіе, былъ взятъ его войскомъ и соперникъ изгнанъ, то Андрей не пріѣхалъ въ стольный городъ отцовскій и дѣдовскій, отдалъ Кіевъ брату Глѣбу, а самъ остался на сѣверѣ, оттуда распоряжаясь дѣлами на югѣ, какъ старшій и сильнѣйшій князь. Такимъ образомъ со времени Андрея Боголюбскаго выступаетъ на главную сцену вмѣсто южной сѣверная Россія съ своими особенностями въ природѣ страны, въ характерѣ народонаселенія и въ отношеніяхъ политическихъ, отъ чего и русская исторія должна была съ этихъ поръ принять особенный характеръ. На сѣверѣ, въ княжествѣ Боголюбскаго и отца его Юрія, главнымъ городомъ былъ Ростовъ Великій, за нимъ второе мѣсто по старшинству занималъ Суздаль, бо́льшая часть другихъ городовъ была построена въ позднѣйшее время, особенно при Юріи Долгорукомъ, между ними была и Москва о которой въ первый разъ упоминается въ лѣтописи въ 1147 году. Жители Ростова, какъ жители другихъ старшихъ русскихъ городовъ, Кіева, Новгорода, Полоцка, Смоленска, въ важныхъ случаяхъ сходились по звуку колокола на совѣщанія или в ѣ ч а, рѣшали тутъ дѣла, и приговору этихъ вѣчей повиновались города младшіе или п р и г о р о д ы. Такъ, когда Андрей, безъ воли отцовской, пріѣхалъ съ юга на сѣверъ, то Ростовцы взяли его къ себѣ въ князья, вопреки распоряженію Юрія, который хотѣлъ, чтобъ Андрей оставался на югѣ, а сѣверъ назначалъ младшимъ своимъ сыновьямъ — Михаилу и Всеволоду. Но Андрей не остался жить

въ Ростовѣ, а утвердилъ свое пребываніе во Владимірѣ (Залѣсскомъ, на рѣкѣ Клязьмѣ), городѣ новомъ, непривыкшемъ рѣшать дѣла свои на вѣчахъ самостоятельно, въ которомъ слѣдовательно власть княжеская не могла встрѣтить для себя препятствія; потомъ Андрей выгналъ изъ своего княжества младшихъ братьевъ и племянниковъ отъ умершаго старшаго брата, Ростислава Юрьевича, выгналъ и старыхъ бояръ отцовскихъ: дѣлалъ онъ это, говоритъ лѣтописецъ, желая быть самовластцемъ. Хотѣлъ онъ быть самовластцемъ не на одномъ сѣверѣ, но и во всей Руси, и потому перемѣнилъ обращеніе свое съ другими князьями. До сихъ поръ князья младшіе смотрѣли на великаго князя только какъ на старшаго въ родѣ, а не какъ на государя, и потому онъ долженъ былъ обращаться съ ними по родственному, какъ съ братьями только, не требовалъ безусловнаго повиновенія. Но Андрей началъ смотрѣть на дѣло иначе, и это обнаружилось вотъ по какому случаю.

Братъ его Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ; сыновья бывшаго великаго князя Ростислава Мстиславича, князья смоленскіе, выпросили у Андрея Кіевъ и окрестные города себѣ, Андрей согласился, и Романъ Ростиславичъ сѣлъ въ Кіевѣ, а младшіе его братья по другимъ городамъ. Но скоро Андрею дали знать, что братъ его Глѣбъ умеръ не своею смертію, и указали на нѣкоторыхъ бояръ кіевскихъ какъ на отравителей его. Андрей потребовалъ, чтобъ Ростиславичи выдали ему этихъ бояръ, но тѣ не послушались; тогда Андрей велѣлъ имъ идти вонъ изъ Кіевской области, и особенно сердился на одного изъ нихъ, Мстислава Ростиславича, самаго храбраго, который изъ дѣтства никого не боялся, кромѣ Бога одного. Ростиславичи не послушались, не вышли изъ Кіева; мало того: Мстиславъ опозорилъ посланника Андреева и велѣлъ сказать великому князю: «Мы признали тебя старшимъ, а ты сталъ обходиться съ нами не какъ съ князьями а какъ съ подруч-

никами: такъ Богъ насъ разсудитъ.» Андрей опять послалъ большое войско на югъ, но на этотъ разъ оно долго безъ всякаго успѣха стояло подъ стѣнами Вышгорода, гдѣ засѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ, и наконецъ обратилось въ бѣгство. Скоро послѣ этого приближенные къ Андрею люди, ожесточенные его строгостію, составили заговоръ и убили его въ 1174 году.

Смертію Андрея хотѣли воспользоваться недовольные его правленіемъ бояре и Ростовцы, хотѣли выбрать себѣ такого князя, который бы не подражалъ Андрею, а велъ себя по старинѣ: они выбрали не сына Андреева Юрія, и не братьевъ его Михаила и Всеволода, законныхъ наслѣдниковъ и по старшинству и по распоряженію Юрія Долгорукаго: они выбрали Мстислава и Ярополка Ростиславичей, племянниковъ Андреевыхъ, отъ старшаго брата, Ростислава, давно умершаго, которые, по тогдашнимъ понятіямъ, не имѣли при жизни дядей права на престолъ и, будучи обязаны за свое возвышеніе боярамъ и Ростовцамъ, должны были поступать во всемъ по ихъ желанію. Ростиславичи, изгнанные, какъ мы видѣли, Андреемъ съ сѣвера, жили въ Черниговѣ вмѣстѣ съ дядьями своими Михаиломъ и Всеволодомъ, также изгнанными. Получивъ приглашеніе отъ бояръ и Ростовцевъ, они поѣхали на сѣверъ; но дядья также поѣхали туда, не желая отказываться отъ своихъ правъ. Бояре и Ростовцы не хотѣли и слышать о Юрьевичахъ — Михаилѣ и Всеволодѣ; но Владимірцы приняли къ себѣ Михаила, какъ своего законнаго князя. Владимірцы должны были сдѣлать это потому, что, въ случаѣ торжества Ростовцевъ, они должны были отказаться не только отъ первенства, которое далъ имъ Андрей, утвердивши у нихъ свое пребываніе, но даже и отъ независимости, потому что Ростовцы, озлобленные противъ нихъ за предпочтеніе, оказанное ихъ городу Андреемъ, говорили: «Владиміръ нашъ

пригородъ, тамъ живутъ наши холопы, каменьщики, сожжемъ ихъ городъ или посадимъ у нихъ своего посадника.» Бояре и Ростовцы съ своими князьями Ростиславичами осадили Михаила въ Владимірѣ; Владимірцы оборонялись семь недѣль; наконецъ, доведенные до крайности голодомъ, отказались отъ Михаила, но удержали, по крайней мѣрѣ, независимость, потому что старшій изъ Ростиславичей, Мстиславъ, сѣлъ княжить въ Ростовѣ; младшій его братъ, Ярополкъ, во Владимірѣ. Но Владимірцы не долго могли быть покойны: дружина Ярополкова, набранная въ южной Руси, гдѣ онъ прежде жилъ, грабила народъ, который особенно былъ выведенъ изъ терпѣнія тѣмъ что самъ князь сталъ грабить великолѣпную церковь Богородицы, построенную во Владимірѣ Андреемъ Боголюбскимъ. Владимірцы жаловались Ростовцамъ; но тѣ на словахъ только были за нихъ, а на дѣлѣ были рады ихъ бѣдѣ; тогда Владимірцы сговорились избавиться отъ Ростиславичей, и призвали опять Михаила. На этотъ разъ Михаилъ разбилъ Ростиславичей, выгналъ ихъ, и утвердилъ свой столъ во Владимірѣ, а братъ его Всеволодъ сѣлъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, также младшемъ городѣ; старшій, Ростовъ, былъ покинутъ. Это было въ 1175 году; а въ слѣдующемъ 1176 году Михаилъ умеръ.

ГЛАВА X.

Княженіе Всеволода III Юрьевича.

По смерти Михаила Владимірцы и Переяславцы присягнули брату его Всеволоду и дѣтямъ его (здѣсь въ первый

разъ упоминается присяга и дѣтямъ); но Ростовцы и бо́льшая часть бояръ опять вызвали къ себѣ прежняго князя своего, Мстислава Ростиславича. Всеволодъ разбилъ Мстислава, послѣ чего Ростовъ окончательно долженъ былъ уступить свое мѣсто Владиміру. Всеволодъ велъ себя точно такъ же, какъ братъ его Андрей Боголюбскій. Онъ не далъ волостей племянникамъ, подчинилъ себѣ Рязань, Новгородъ, распоряжался Кіевомъ. Въ южной Руси продолжались прежнія усобицы между Мономаховичами и Ольговичами. Всеволодъ поддерживалъ въ Кіевѣ своихъ Мономаховичей, но не хотѣлъ и окончательнаго низложенія Ольговичей, чтобъ не дать слишкомъ большой силы Мономаховичамъ; заводилъ ссоры и между самими Мономаховичами. Съ Ольговичами вели борьбу за Кіевъ Ростиславичи смоленскіе, изъ которыхъ старшій, Рюрикъ, былъ посаженъ Всеволодомъ въ Кіевѣ; но самымъ знаменитымъ изъ нихъ по храбрости былъ сынъ Мстислава Ростиславича Храбраго, Мстиславъ Удалой, князь торопецкій, бывшій, подобно отцу, образцомъ стараго южнорусскаго князя: онъ не думалъ объ усиленіи себя и дѣтей своихъ на счетъ другихъ князей, не думалъ объ умноженіи своихъ волостей, но заботился только о томъ, какъ бы прославить себя воинскими подвигами, любилъ рѣшать споры битвами въ которыхъ видѣлъ судъ Божій; съ дружиною своею, славною также храбростію, онъ переѣзжалъ изъ одного конца русскихъ владѣній въ другой, являлся всюду гдѣ только нужно было защитить слабаго отъ сильнаго и поддержать старину. Этимъ характеромъ своимъ Мстиславъ Удалой представлялъ противоположность характеру Всеволода III, который, въ свою очередь, былъ образцомъ большей части потомковъ своихъ, князей сѣверныхъ: былъ очень остороженъ, не охотникъ до рѣшительныхъ дѣйствій, до рѣшительныхъ битвъ, которыми можно много вдругъ выиграть, но можно вдругъ много и потерять, уступчивъ въ

тѣхъ случаяхъ, гдѣ видѣлъ успѣхъ невѣрный, но постояненъ въ стремленіяхъ къ достиженію цѣли, а цѣль эта какъ у него, такъ и у потомковъ его — пріобрѣсть какъ можно больше владѣній, усилить себя на счетъ всѣхъ другихъ князей, подчинить ихъ себѣ это-то стремленіе Всеволода III и потомковъ его и было средствомъ къ утвержденію единовластія въ Россіи.

Такъ разнились между собою князья изъ разныхъ линій Мономахова потомства — Ростиславичи, потомки Мстислава Великаго, и Юрьевичи, потомки Долгорукаго; но мы видѣли, что у Мстислава Великаго былъ сынъ старше Ростислава, знаменитый Изяславъ Мстиславичъ, у котораго былъ сынъ Мстиславъ Изяславичъ, выгнанный изъ Кіева войсками Боголюбскаго. У этого Мстислава, который долженъ былъ ограничиться Волынскимъ княжествомъ и умеръ тутъ, былъ сынъ Романъ. Въ этой линіи княжеской блестящія способности, храбрость и дѣятельность были наслѣдственны: Романъ Мстиславичъ, похожій на отца и дѣда, обратилъ свое вниманіе не на Кіевъ уже, потерявшій прежнее значеніе, но на западъ, на богатое княжество Галицкое, и успѣлъ утвердиться здѣсь, когда линія князей галицкихъ, Ростиславичей, пресѣклась Владиміромъ, сыномъ Ярослава Осмосмысла. Но здѣсь въ Галичѣ были очень сильны бояре, сильнѣе, чѣмъ въ другихъ княжествахъ русскихъ, и Романъ, чтобъ утвердиться здѣсь, долженъ былъ дѣйствовать противъ нихъ жестокими средствами, истреблять ихъ. Романъ былъ убитъ въ войнѣ съ Поляками, оставивъ по себѣ дурную память между боярами галицкими и славную въ преданіяхъ народныхъ за свои подвиги въ войнахъ съ Половцами, Ятвягами и Литвою. По смерти Романа остались двое малолѣтныхъ сыновей — Даніилъ и Василько; бояре выгнали ихъ, и начали призывать на галицкое княжество то того, то другаго

изъ сосѣднихъ владѣтелей, и пошла борьба за Галичъ между князьями русскими — Мономаховичами и Ольговичами, также между Поляками и Венграми. Въ то же время на сѣверо-западѣ, на берегахъ Балтійскаго моря, среди дикой Чуди, платившей дань князьямъ полоцкимъ, утвердились Нѣмцы. Монахъ Мейнгардъ, получившій потомъ отъ папы санъ епископа. сталъ обращать туземцевъ ливонскихъ въ католицизмъ; такъ какъ они оказывали сильное сопротивленіе, то третій послѣ Мейнгарда епископъ, Албертъ, построившій городъ Ригу основалъ въ 1201 году орденъ Рыцарей Меча, чтобъ держать туземцевъ постоянно въ повиновеніи и распространять владѣнія рижской церкви. Полоцкіе князья были такъ слабы, что не могли сопротивляться рыцарямъ и должны были уступить имъ всѣ свои владѣнія въ Ливоніи.

Въ такомъ положеніи находилась Россія въ концѣ княженія Всеволода III. Подобно брату своему Андрею, и Всеволодъ предъ концемъ жизни испыталъ неудачу отъ южнаго князя, именно Мстислава Мстиславича Удалаго, который, видя, что Всеволодъ притѣсняетъ Новгородцевъ, явился на помощь къ послѣднимъ и заставилъ Всеволода отказаться отъ Новгорода. Потомъ великій князь потерпѣлъ огорченіе и отъ роднаго сына живя во Владимірѣ, Всеволодъ отправилъ управлять Ростовомъ старшаго сына Константина, а передъ смертію сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ Константинъ, ставши великимъ княземъ, переѣхалъ во Владиміръ, а Ростовъ отдалъ второму сыну Юрію. Но Константинъ не былъ доволенъ такимъ распоряженіемъ и требовалъ отъ отца, чтобъ тотъ кромѣ Владиміра далъ ему и Ростовъ. Всеволодъ разсердился, лишилъ Константина великаго княженія и отдалъ его второму сыну Юрію, послѣ чего умеръ въ 1212 году.

ГЛАВА XI.

Событія отъ кончины Всеволода III до нашествія Татаръ.

Константинъ Всеволодовичъ не могъ спокойно сносить того, что старшинство досталось мимо его младшему брату, и потому тотчасъ по смерти отца начинаются между ними усобицы. Но эти усобицы сначала ограничивались мелкими дѣйствіями, до тѣхъ поръ, пока не вступился въ дѣло князь южный, знаменитый Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, а вступился онъ въ дѣло опять по поводу Новгорода. У Константина и Юрія Всеволодовичей былъ еще третій братъ, Ярославъ, княжившій въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Это былъ самый дѣятельный и предпріимчивый изъ сыновей Всеволода III, онъ не упускалъ случая дѣлать пріобрѣтенія. Новгородцы позвали его къ себѣ княжить, и онъ захотѣлъ утвердить надъ ними свою власть навсегда. Для этого онъ выѣхалъ изъ Новгорода, засѣлъ въ Торжкѣ и не сталъ пропускать въ Новгородъ съѣстныхъ припасовъ, отъ чего тамъ сдѣлался голодъ. Напрасно Новгородцы упрашивали его возвратиться въ Новгородъ: онъ ничего не хотѣлъ слушать, задерживалъ бояръ и купцовъ новгородскихъ. Въ это время пріѣзжаетъ въ Новгородъ Мстиславъ Удалой, созываетъ вѣче и говоритъ «Не быть Торжку Новгородомъ, а Новгороду Торжкомъ!» Новгородцы и Мстиславъ цѣловали другъ другу крестъ — не разставаться ни въ животѣ, ни въ смерти, и Мстиславъ гово-

рилъ: «Либо отыщу людей и волости новгородскія, либо головою повалю за Новгородъ», и дѣйствительно выступилъ противъ Ярослава; тотъ началъ отступать на востокъ. Въ ссорѣ между сыновьями Всеволода III, Ярославъ держалъ сторону брата Юрія противъ Константина: теперь Юрій былъ за него, а Мстиславъ вступилъ въ союзъ съ Константиномъ. На рѣкѣ Липицѣ произошла битва, Мстиславъ побѣдилъ, заставилъ Юрія отказаться отъ старшинства и Владиміра, и вмѣсто его посадилъ Константина. Но Константинъ не долго былъ великимъ княземъ въ 1219 году онъ умеръ, и Юрій опять получилъ старшинство и сѣлъ во Владимірѣ, а дѣти Константина стали княжить въ Ростовѣ.

Юрій счастливо продолжалъ борьбу съ Болгарами и Мордвою; въ землѣ мордовской онъ довелъ границы своихъ владѣній до устья Оки въ Волгу, гдѣ построилъ Нижній Новгородъ. Въ то время какъ на сѣверовостокѣ распространялись русскія владѣнія на счетъ варваровъ, на югозападѣ надобно было защищать старый Русскій Галичъ отъ чужихъ народовъ. Венгры овладѣли имъ, начали притѣснять православную вѣру. И тутъ, какъ вездѣ, на помощь притѣсненнымъ явился Мстиславъ Удалой, прогналъ Венгровъ и самъ сталъ княжить въ Галичѣ, выдавъ дочь за Даніила Романовича, который, выросши въ бѣдахъ, въ гоненіяхъ, окрѣпъ духомъ и тѣломъ, и обѣщалъ идти по слѣдамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ. Но бояре галицкіе, желая управлять сами, не хотѣли имѣть у себя такого князя, какъ Даніилъ, и потому уговорили Мстислава выдать другую дочь за венгерскаго королевича и отдать ему Галичъ. Въ другихъ княжествахъ южной Руси было спокойно, Мономаховичи не ссорились съ Ольговичами, когда въ 1224 году прибѣжали въ Кіевъ Половцы и объявили о новомъ, неслыханномъ врагѣ.

ГЛАВА XII.

Нашествіе Татаръ.

Въ степяхъ на сѣверозападъ отъ Китая жили издавна два кочевыхъ народа — Монгкулы и Тата. Въ первой четверти XIII вѣка одинъ изъ монгольскихъ хановъ, Темучинъ, извѣстный больше подъ именемъ Чингисъ-Хана, великаго хана, началъ покорять себѣ другихъ хановъ, сдѣлался мало-по-малу единственнымъ повелителемъ обоихъ народовъ и замыслилъ посредствомъ ихъ покорить себѣ весь міръ. Въ 1224 году двое полководцевъ его прошли обычнымъ путемъ кочевыхъ ордъ — между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами, — вошли въ землю Половцевъ и поразили ихъ. Половецкій ханъ Котянъ, тесть Мстислава Удалаго, сталъ упрашивать зятя и другихъ князей русскихъ подать ему помощь. Князья съѣхались въ Кіевъ на совѣтъ и рѣшили идти на встрѣчу Татарамъ. 16-го іюня произошла между ними битва; Половцы, бывшіе вмѣстѣ съ Русскими, первые обратились въ бѣгство и дали побѣду Татарамъ; пораженіе было страшное, какого не бывало отъ начала русской земли, погибло восьмеро князей и семьдесятъ богатырей. Татары пошли слѣдомъ за бѣжавшими Русскими, но, опустошивши нѣсколько волостей, возвратились отъ Днѣпра назадъ въ степи, и долго послѣ того не было о нихъ слышно на Руси.

Здѣсь въ 1228 году умеръ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, послѣ чего начинаются опять войны и усобицы за Галичъ; враги со всѣхъ сторонъ поднялись на Даніила Романовича. Три раза онъ долженъ былъ брать Галичъ съ бою, два раза

у Венгровъ, третій разъ у князя Михаила Черниговскаго. Отъ враговъ внѣшнихъ онъ успѣлъ наконецъ избавиться, но трудно ему было сладить съ врагами внутренними, съ боярами, которые поднимали крамолу за крамолой, сносясь съ его врагами, замышляя убить его. Въ области Днѣпровской происходили по прежнему усобицы между Мономаховичами и Ольговичами; этими усобицами захотѣлъ воспользоваться самый дѣятельный изъ сѣверныхъ князей, Ярославъ Всеволодовичъ переяславскій; онъ успѣлъ опять утвердиться въ Новгородѣ, а теперь задумалъ овладѣть Кіевомъ, и дѣйствительно овладѣлъ имъ, но пробылъ не долго на югѣ: съ сѣвера пришли страшныя вѣсти о второмъ татарскомъ нашествіи.

Въ 1227 году умеръ Чингисъ-Ханъ; ему наслѣдовалъ сынъ его Угедей (Октай), который отдалъ племяннику своему Батыю страну между Яикомъ (Ураломъ) и Днѣпромъ, то-есть прежнія кочевья половецкія. Въ 1236 году этотъ Батый, собравши 300.000 войска, вошелъ въ землю болгарскую, опустошилъ ее, а въ слѣдующемъ году Татары явились въ рязанскихъ предѣлахъ, и потребовали отъ тамошнихъ князей десятины отъ всего, отъ людей и отъ скота. «Когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше», отвѣчали князья. Батый взялъ Рязань, опустошилъ всю страну; потомъ, двигаясь далѣе на сѣверъ, разбилъ войско великаго князя Юрія у Коломны, сжегъ этотъ городъ, сжегъ Москву, и 3-го февраля 1238 года осадилъ Владиміръ, откуда великій князь выѣхалъ на Волгу собирать войско. 7-го февраля Владиміръ былъ взятъ и сожженъ, при чемъ погибло все семейство великокняжеское. Отъ Владиміра Татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ и плѣнили всю страну Поволжскую, въ одинъ февраль мѣсяцъ взяли четырнадцать городовъ. 4-го марта Татары встрѣтились съ великимъ княземъ Юріемъ который стоялъ на рѣкѣ Сити: послѣ злой битвы русскіе

полки побѣжали; самъ великій князь былъ убитъ. Отъ Сити Татары пошли къ югозападу, взяли Торжокъ и, не дошедши 100 верстъ до Новгорода, остановились, боясь приближенія весенняго времени, разлива рѣкъ, таянія болотъ, и пошли къ юговостоку на степь. На этой дорогѣ Батый былъ задержанъ семь недѣль у города Козельска, жители котораго упорно отбивались и перебили 4.000 непріятелей; Татары взяли наконецъ Козельскъ, истребивши всѣхъ его жителей, и прозвали его злымъ городомъ.

Въ 1239 году Татары изъ степей половецкихъ явились въ южной Россіи, сожгли Переяславль, Черниговъ, а въ 1240 самъ Батый осадилъ Кіевъ; жители долго и упорно защищались подъ начальствомъ боярина Димитрія, присланнаго къ нимъ княземъ Даніиломъ галицкимъ; наконецъ 6-го декабря Батыю удалось овладѣть Кіевомъ, послѣ чего онъ двинулся на западъ, опустошилъ Волынь, откуда князь Даніилъ бѣжалъ въ Венгрію. Бояринъ Димитрій, взятый въ плѣнъ въ Кіевѣ и пощаженный за храбрость, видя опустошеніе русскихъ земель, сталъ говорить Батыю: «Будетъ тебѣ здѣсь воевать, время идти на Венгровъ; если же еще станешь медлить, то тамъ земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее». Батый послушался и въ 1241 году перешелъ Карпатскія горы; Татары опустошили Венгрію, Силезію, Моравію, но не шли дальше, потому что сильные полки чешскіе (богемскіе) и австрійскіе загородили имъ дорогу. Батый возвратился въ свои приволжскія степи, и сосѣдняя Россія должна была признать его владычество, платить ему дань. Съ этихъ поръ южная, днѣпровская Русь, вконецъ опустошенная Татарами, окончательно сходитъ со сцены, и жизнь русская сосредоточивается на сѣверѣ.

ГЛАВА XIII.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ половины IX до половины XIII вѣка.

1. Общій взглядъ на событія описаннаго времени. Если мы сравнимъ извѣстія лѣтописи о бытѣ славянскихъ племенъ до половины IX вѣка съ извѣстіями о событіяхъ на Руси XI и XII вѣковъ, то увидимъ великую разницу, происшедшую именно вслѣдствіе призванія князей, собравшихъ племена въ одинъ народъ. Племенныя названія исчезаютъ не встрѣчаемъ больше названій Поляне, Древляне, Сѣверяне, Кривичи, Меря; эти названія замѣняются названіями областными, отъ имени главнаго, стольнаго города происшедшими: Кіевляне, Владимірцы, Черниговцы, Смольняне, Ростовцы, и всѣ эти области, при видимомъ раздѣленіи, связаны между собою, жители ихъ понимаютъ, что составляютъ одинъ народъ русскій, живутъ всѣ въ одной землѣ русской, хотя въ тѣсномъ смыслѣ Русью продолжаетъ называться Кіевское княжество. Каждая область имѣла своего князя, независимаго въ дѣлахъ внутренняго управленія; но князья эти владѣли русскою землею сообща, и мѣняли свои княжества, подвигаясь, по старшинству къ главному столу кіевскому; вслѣдствіе этого области находились въ тѣсной связи: смерть кіевскаго князя была событіемъ одинакой важности какъ для Кіевлянина, такъ и для Черниговца, и для Смольнянина, и для отдаленнаго Ростовца и Новгородца, ибо она влекла за собою перемѣны въ ихъ родныхъ областяхъ; самыя усобицы княжескія за старшинство, за обладаніе Кіевомъ, укрѣпляли сознаніе о

единствѣ земли, потому что вслѣдствіе ихъ дружины сѣверныя стремились на югъ, южныя на сѣверъ; не смотря на огромное разстояніе областей русскихъ, напримѣръ Волыни отъ Ростова или Новгорода, жители ихъ принимали участіе въ дѣлахъ другъ друга, благодаря этой нераздѣльности княжескаго рода.

2. Значеніе князя. Названіе князя на Руси принадлежало только членомъ Рюрикова потомства, и не отнималось ни у кого изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ; старшій между ними назывался великимъ княземъ. Князь былъ призванъ для того, чтобъ княжить и владѣть, по словамъ лѣтописи; онъ заботился объ утвержденіи порядка въ землѣ, о дѣлѣ военномъ, о законахъ. Князь обыкновенно былъ главнымъ вождемъ во время войны и верховнымъ судьею во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ; его дворъ былъ мѣстомъ суда; его слуги были исполнителями судебныхъ приговоровъ. Князь собиралъ дань съ жителей своей области; кромѣ того въ его пользу шли пошлины, которыя брались съ привозимыхъ товаровъ, съ обвиненныхъ при рѣшеніи дѣлъ судныхъ; наконецъ большой доходъ князьямъ приносили принадлежавшія имъ земли, населенныя рабами: на этихъ земляхъ князья устроивали себѣ дворы, гдѣ складывались всякаго рода вещи, нужныя въ хозяйствѣ — медъ, вино, мѣдь, желѣзо, и т. п. Эти земли, доставлявшія множество съѣстныхъ припасовъ, давали возможность князьямъ угощать безпрестанно дружину духовенство, иногда всѣхъ жителей городскихъ.

3. Дружина и войско. Подлѣ князя видимъ дружину, съ которою онъ обо всемъ совѣтуется, ходитъ въ походы, за данью, охотится, пируетъ; изъ членовъ дружины назначалъ князь правителей въ города или посадниковъ, воеводъ для городовыхъ полковъ или тысяцкихъ, приставниковъ при разныхъ дѣлахъ или тіуновъ; хорошій князь, по тогдашнимъ по-

нятіямъ, ничего не щадилъ для дружины, что получалъ, все издерживалъ на нее, ничего не откладывалъ собственно для себя, потому что съ храброю, преданною дружиною никогда не могъ быть бѣденъ. Дружиннику было хорошо при князѣ; онъ былъ его совѣтникомъ (думцемъ), получалъ отъ него обильное содержаніе, и денежное жалованье, и доходныя мѣста, а если ему что-нибудь не нравилось, то могъ свободно переходить отъ одного князя къ другому: это не считалось измѣною, ибо князья владѣли сообща русскою землею. Не будучи привязанъ къ одному какому-нибудь князю, дружинникъ не былъ привязанъ и къ одному какому-нибудь княжеству, но сопровождалъ князя, въ службѣ котораго ему нравилось, изъ одного княжества въ другое. Это движеніе не давало дружинникамъ возможности усиливаться въ качествѣ постоянныхъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ; не могли они усилиться и какъ посадники, правители волостей, городовъ, потому что съ самаго начала князья потомки Рюрика чрезвычайно размножаются, вслѣдствіе чего всѣ сколько-нибудь значительные города и волости находятся въ управленіи самихъ князей, а не посадниковъ ихъ.

Сначала, при первыхъ князьяхъ, дружины наполняются преимущественно Варягами; но скоро потомъ онѣ являются вполнѣ туземными, хотя доступъ въ нихъ постоянно былъ открытъ всякому чужестранцу, извѣстному своею храбростію. Дружина раздѣлялась на старшую — боляръ или бояръ, совѣтниковъ, думцевъ князя по преимуществу, и на младшую — людей молодыхъ лѣтами и подвигами (гриди, гридьба); въ составъ дружины входила также собственная прислуга князя (отроки, дѣтскіе, пасынки, дворяне). Войско составлялось изъ дружины и полковъ, собираемыхъ изъ остальнаго народонаселенія, городскаго и сельскаго; ополченія раздѣлялись на конницу и пѣхоту, и располагались пятью отдѣлами: большой

полкъ, два крыла — правое и лѣвое, передовой полкъ и сторожевой, котораго обязанность состояла въ наблюденіи за непріятелемъ.

4. Города. Городомъ называлось огороженное, укрѣпленное мѣсто, устроенное для защиты отъ непріятеля: сюда, въ случаѣ вражьяго нападенія, укрывалось все окрестное народонаселеніе съ семействами и пожитками. Въ самомъ городѣ жили князь или посадникъ его, окруженный дружиною, подъ стѣнами города селились люди промышленные, сначала, разумѣется, тѣ, которыхъ издѣлія всего нужнѣе были для дружины, мастера оружейные; потомъ, если городъ находился на выгодномъ мѣстѣ, на большой рѣкѣ, на торговомъ пути, то число жителей и богатство ихъ увеличивались так явились большіе города на Руси: Кіевъ, Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ; но жители, селившіеся подлѣ другихъ небольшихъ городовъ, занимались обыкновенно землед ѣліемъ; каменныя стѣны у городовъ были рѣдкостію, большею частію стѣны были деревянныя. Когда князь предпринималъ что-нибудь, то въ совѣтъ свой вмѣстѣ съ дружиною призывалъ и городскихъ старцевъ: такъ было при первыхъ князьяхъ; но потомъ, послѣ Ярослава I, видимъ, что князья созываютъ всѣхъ городскихъ жителей на вѣче и предлагаютъ имъ какое-нибудь предпріятіе, обыкновенно походъ; граждане соглашаются или не соглашаются. Особенно значеніе вѣча поднялось во время княжескихъ усобицъ, когда города получили возможность выбирать между нѣсколькими князьями-соперниками, выбирать того, кто былъ ласковѣе и уступчивѣе; сила вѣча зависѣла также отъ многочисленности и богатства жителей: были сильныя вѣча въ Кіевѣ, Новгородѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ; маленькіе же города или пригороды своего вѣча не имѣли, а исполняли то, что̀ рѣшатъ вѣча большихъ городовъ. Особенно сильно было вѣче въ Новгородѣ Великомъ,

во первыхъ, по богатству и многочисленности жителей; во вторыхъ, потому что князья мѣнялись очень часто вслѣдствіе усобицъ, происходившихъ на югѣ, и Новгородцы могли выбирать изъ многихъ; въ третьихъ, такъ какъ главная сцена дѣйствія была на югѣ, князья бились все около Кіева и ближайшихъ къ нему городовъ, то Новгородцы могли безопасно мѣнять князей и заключать съ ними ряды или договоры князья, занятые на югѣ, не имѣли средствъ и охоты ходить съ большимъ войскомъ къ далекому Новгороду и заставлять его жителей исполнять свою волю. Но на сѣверовостокѣ, гдѣ единственный большой, старый городъ, имѣвшій вѣче, Ростовъ, упалъ, при сыновьяхъ Юрія Долгорукаго, и остались одни малые города, не имѣвшіе прежде вѣчей, тамъ о вѣчахъ, объ условіяхъ горожанъ съ князьями, уже не слыхать. Жители городскіе раздѣлялись на десятки, каждый подъ начальствомъ своего десятскаго, десятскіе зависѣли отъ сотскихъ, начальниковъ сотенъ, а сотскіе, въ свою очередь, зависѣли отъ тысяцкаго или воеводы городоваго.

5. Торговля. Города богатѣли отъ торговли, и такъ какъ самая сильная торговля въ древней Россіи производилась на пространствѣ между Балтійскимъ и Чернымъ морями, на этомъ водномъ пути, который соединялъ сѣверную Европу съ южною, то самыми богатыми городами были тѣ, которые находились на оконечностяхъ этого пути — Кіевъ на югѣ и Новгородъ на сѣверѣ: Кіевъ преимущественно торговалъ съ Греціею, былъ складкою южныхъ европейскихъ и азіятскихъ товаровъ, а Новгородъ торговалъ съ скандинавскими и германскими народами; кромѣ Кіева и Новгорода еще два города, по выгодному положенію своему на томъ же пути, вели большую торговлю Смоленскъ и Полоцкъ. Богатство городовъ выражалось особенно въ многочисленности и богатствѣ церк-

вей, которыя были почти исключительными тогда общественными зданіями.

6. Сельское народонаселеніе. Въ селахъ жили или свободные земледѣльцы, или челядь, рабы, принадлежащіе владѣльцамъ земель; свободные сельскіе жители управлялись своими старостами.

7 Законодательство. Князья были призваны для правды, для суда справедливаго, безпристрастнаго, и потому одною изъ главныхъ заботъ первыхъ князей былъ уставъ земскій, о которомъ они думали съ дружиною, старцами городскими и епископами. Ярославу I приписывается писанный уставъ, извѣстный подъ именемъ «Русской Правды». Этотъ уставъ первыми строками своими указываетъ на государство только что родившееся, въ которомъ еще ясны слѣды прежняго быта племенъ, когда они жили порознь, каждый родъ особо. Такъ въ случаѣ убійства убійца, по «Русской Правдѣ», наказывался не государственною властію по закону, а должны были мстить ему ближайшіе родственники убитаго: братъ долженъ былъ мстить за брата, сынъ за отца, отецъ за сына, дядя за племянника; если же послѣ убитаго не оставалось близкихъ родственниковъ, которые бы за него отомстили, то убійца платилъ князю пеню, виру, за простаго человѣка вдвое меньше, чѣмъ за члена дружины или слугу княжескаго, за женщину вполовину меньше, чѣмъ за мужчину. Дѣти Ярослава отняли у родственниковъ убитаго право мстить убійцѣ смертію, а положили, что онъ долженъ откупаться деньгами. Когда не было ясныхъ свидѣтельствъ преступленія, то употреблялось испытаніе желѣзомъ, водою, а потомъ ввелись и судебные поединки.

8. Церковь. Съ самаго начала сильное вліяніе на смягченіе нравовъ, на распространеніе лучшихъ понятій въ обществѣ, оказала новая религія — христіанство. Но благодѣтельное

вліяніе свое христіанство успѣшнѣе могло оказывать на югѣ, гдѣ оно принялось скорѣе; на сѣверѣ же и сѣверовостокѣ язычество еще крѣпко держалось: здѣсь проповѣдники христіанства подвергались мученической смерти, какъ напримѣръ, св. Леонтій въ Ростовѣ, св. Кукша у Вятичей; здѣсь являлись волхвы и возмущали народъ противъ новой религіи, пользуясь особенно физическими бѣдствіями, голодомъ. Однажды волхвъ явился въ Новгородѣ, сталъ говорить передъ народомъ, что все знаетъ, что можетъ ходить по водѣ, какъ по суху; народъ повѣрилъ ему, и когда епископъ вышелъ на площадь съ крестомъ въ рукахъ, то на его сторонѣ сталъ только князь съ дружиною, всѣ же остальные Новгородцы стали на сторонѣ волхва; епископа спасла отъ погибели только рѣшительность князя, который подошелъ къ волхву и разрубилъ его топоромъ; народъ, видя, что старые боги не умѣли защитить своего слугу, разошелся. Касательно управленія русская церковь зависѣла отъ константинопольскаго патріарха, который поставлялъ для нея митрополитовъ и произносилъ окончательные приговоры въ дѣлахъ церковныхъ. Митрополиты были обыкновенно Греки; изъ Русскихъ были только: при Ярославѣ I Иларіонъ, Русскій и поставленный соборомъ русскихъ епископовъ безъ вѣдома патріарха; потомъ при Изяславѣ Мстиславичѣ Климентъ, поставленный также въ Россіи безъ вѣдома патріарха; но нѣкоторые епископы не соглашались на его поставленіе. Послѣ этой попытки патріархъ продолжалъ присылать митрополита въ Кіевъ изъ Константинополя, но съ согласія великаго князя. Митрополитъ, съ своей стороны, поставлялъ епископовъ во всѣ епархіи, но опять съ согласія тамошнихъ князей; Новгородцы избирали своихъ архіепископовъ или владыкъ жребіемъ. Для содержанія главныхъ или любимыхъ церквей, также домовъ архіерейскихъ, нѣкоторые князья давали десятую часть (десятину)

изъ своихъ доходовъ, давали сѐла, слободы, иногда цѣлые города.

Для упроченія христіанства нужно было, чтобъ оно распространялось не словомъ только, но самымъ дѣломъ, чтобъ новые русскіе христіане увидали въ лучшихъ людяхъ дѣйствіе христіанства, и въ этомъ дѣйствіи признали превосходство новой религіи надъ старою. Такое вліяніе на молодое русское общество производили монахи, изъ которыхъ особенно прославились монахи Кіевскаго Печерскаго монастыря. Основателемъ монастыря былъ св. Антоній, родомъ изъ города Любеча; онъ былъ на Аѳонской горѣ, постригся тамъ, возвратился въ отечество и поселился въ Кіевѣ, въ пещерѣ, на берегу Днѣпра, въ княженіе Изяслава Ярославича. Слухъ о подвигахъ его суровой монашеской жизни скоро разнесся по Кіеву и около него собралась братія; изъ этой братіи знаменитѣе всѣхъ своими подвигами былъ св. Ѳеодосій, въ ранней молодости бросившій богатый домъ отцовскій для того, чтобъ жить суровою монастырскою жизнію. Ставши игуменомъ Печерскаго монастыря послѣ Антонія, Ѳеодосій былъ защитникомъ притѣсненныхъ, у себя въ кельи ходилъ за больнымъ монахомъ, писалъ поученія монахамъ и князьямъ, по ночамъ отправлялся спорить съ жидами; знаменитый повсюду, онъ отличался смиреніемъ необыкновеннымъ. Кромѣ Антонія и Ѳеодосія Печерскій монастырь выставилъ рядъ проповѣдниковъ христіанства, епископовъ, лѣтописцевъ; въ немъ видѣли, какъ проходилъ монашескій искусъ одинъ изъ князей черниговскихъ, Святославъ (Святоша) Давыдовичъ, какъ онъ рубилъ дрова, былъ привратникомъ и служилъ при трапезѣ братской. Для содержанія своего и въ это уже время монастыри имѣли недвижимыя имущества; до насъ дошла въ подлинникѣ грамота великаго князя Мстислава Владиміровича (1128 — 1132 годовъ) новгородскому Юрь-

еву монастырю на волость: это древнѣйшая подлинная грамота, до насъ дошедшая.

9. Просвѣщеніе. Съ распространеніемъ христіанства распространялась и грамотность: человѣкъ благочестивый, который хотѣлъ быть крѣпокъ въ вѣрѣ, хотѣлъ побольше знать о божественномъ, долженъ былъ читать, пріобрѣтать книги для собственной духовной пользы и пользы другихъ. Князья и простые люди, священники и монахи обращались къ архіереямъ и знаменитымъ игуменамъ съ разными вопросами, особенно ихъ занимавшими; тѣ должны были отвѣчать имъ, иногда письменно; эти отвѣты, имѣвшіе всеобщую занимательность, переписывались, распространялись, и такимъ образомъ дошли до насъ. Новыхъ русскихъ христіанъ занималъ вопросъ зачѣмъ Христосъ воплощался? вѣдь и Евреи знали единаго истиннаго Бога. Это нужно было объяснить, и вотъ еще при Ярославѣ первый кіевскій митрополитъ изъ Русскихъ Иларіонъ писалъ объ этомъ. Въ Кіевъ приходили христіане римскаго исповѣданія: русскимъ людямъ хотѣлось знать, какая разница между этимъ исповѣданіемъ и греческимъ? И католики тоже христіане, а между тѣмъ Греки ихъ не любятъ, называютъ ихъ вѣру неправою. И вотъ появились сочиненія, показывавшія эту неправоту между прочими и отвѣтъ св. Ѳеодосія на вопросъ великаго князя Изяслава о вѣрѣ латинской. Изъ поученій, написанныхъ для князей, особенно замѣчательно поученіе митрополита Никифора Владиміру Мономаху, изъ котораго мы узнаемъ объ образѣ жизни этого знаменитаго князя. Записывались поученія, которыя говорили архіереи въ церквахъ всему народу: такъ записано было простое, краткое поученіе новгородскаго епископа Луки Жидяты, о томъ, какъ долженъ вести себя христіанинъ; записаны одушевленныя, краснорѣчивыя проповѣди Кирилла, епископа туровскаго, содержащія въ себѣ объясне-

нія, прославленіе разныхъ евангельскихъ событій; поученія св. Θеодосія Печерскаго, изъ которыхъ мы узнаемъ о нравахъ того времени. Кромѣ поученій, принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, до насъ дошло поученіе, написанное Владиміромъ Мономахомъ для своихъ дѣтей, которыхъ онъ учитъ быть благочестивыми, правосудными, никого не убивать, держать свое слово, не зарывать добра въ землю, въ домѣ за всѣмъ смотрѣть самимъ, чтобъ гости не осмѣяли обѣда; вышедши на войну, не надѣяться на воеводъ, а за всѣмъ смотрѣть самимъ; во время дороги не давать слугамъ своимъ обижать жителей; ласкать иностранцевъ всякаго званія, потому что они разносятъ добрую и дурную славу; учиться всему доброму; въ заключеніе Мономахъ разсказываетъ дѣтямъ о своихъ трудахъ. Охота къ паломничеству, къ путешествіямъ во Святую Землю распространилась въ это время между русскими людьми, и вотъ дошло до насъ описаніе одного изъ такихъ путешествій, совершеннаго игуменомъ Даніиломъ. Отъ этого же времени дошло до насъ сочиненіе другаго Даніила: «Посланіе Даніила Заточника къ князю Юрію Владиміровичу Долгорукому»; сочиненіе это наполнено изрѣченіями житейской мудрости того времени, собранными, какъ говоритъ самъ авторъ, изъ многихъ книгъ.

Самыя старинныя историческія пѣсни и сказки, дошедшія до насъ уже въ измѣненномъ видѣ, содержатъ разсказы о подвигахъ богатырей времени св. Владиміра, о борьбѣ ихъ съ степными народами, которая больше всего занимала народъ. Послѣ св. Владиміра эта борьба продолжалась, больше всѣхъ князей пріобрѣлъ въ ней славы Владиміръ Мономахъ, и поэтому въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ слѣды народныхъ поэтическихъ сказаній о подвигахъ Мономаха противъ Половцевъ. Отъ позднѣйшаго времени дошло до насъ въ цѣлости поэтическое сказаніе о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей,

Игоря Святославича съ братьями, на Половцевъ, «Слово о полку Игоревѣ». Особенная храбрость этихъ князей, ихъ ревность добыть себѣ славы въ борьбѣ съ погаными, ихъ великодушіе, по которому они не захотѣли покинуть въ бѣдѣ простыхъ людей, заслуженная поэтому народная любовь къ этимъ князьямъ, любопытныя подробности похода, необыкновенная удача въ началѣ, необыкновенное бѣдствіе въ концѣ, наконецъ удивительное спасеніе Игоря изъ плѣна — все это должно было возбудить вниманіе народа къ событію, которое и стало предметомъ поэтическаго сказанія. Наконецъ отъ описываемаго времени дошли до насъ лѣтописи, то-есть погодныя записки о событіяхъ; дошли онѣ до насъ въ видѣ сборниковъ, составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, написанныхъ въ разныхъ мѣстахъ разными лицами; но преданіе сохранило намъ имя древнѣйшаго лѣтописца, монаха Кіево-Печерскаго монастыря, преподобнаго Нестора. Съ половины XI вѣка мы замѣчаемъ въ лѣтописяхъ явные слѣды, что событія записываются современниками и даже очевидцами; до этого же времени событія записаны по устнымъ преданіямъ. До насъ дошли въ цѣлости и въ отрывкахъ лѣтописи, написанныя въ Кіевѣ, Новгородѣ, на Волыни, въ Полоцкѣ, въ области Черниговской, въ области Ростовской или Суздальской. Вліяніе этихъ различныхъ мѣстностей отразилось на характерѣ лѣтописнаго разсказа: такъ лѣтописи южныя — Кіевская и Волынская отличаются живостію, полнотою разсказа, въ нихъ описываются не только дѣйствія историческихъ лицъ, но и приводятся рѣчи ихъ отъ чего эти лица и являются людьми живыми. Новгородская лѣтопись отличается краткостію и силою. Разсказъ суздальскаго лѣтописца сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной.

ГЛАВА XIV.

Отъ Батыева нашествія до кончины Александра Ярославича Невскаго.

Къ счастію для Россіи, послѣ Батыева нашествія оставался въ живыхъ самый дѣятельный, предпріимчивый и распорядительный изъ сыновей Всеволода III, Ярославъ. Узнавши о погибели старшаго брата Георгія, онъ пріѣхалъ изъ Кіева во Владиміръ, очистилъ церкви отъ труповъ, собралъ людей, оставшихся въ живыхъ послѣ Татаръ, утѣшилъ ихъ. О сопротивленіи Татарамъ нечего было и думать; надобно было другимъ средствомъ предохранить опустошенную страну отъ новаго опустошенія, и вотъ Ярославъ отправился въ Орду къ Батыю, который раскинулъ станъ свой на берегу Волги; чрезъ нѣсколько времени великій князь поѣхалъ къ великому хану въ Татарію, гдѣ и умеръ въ 1246 году.

Въ то время, какъ на востокѣ русскіе князья принуждены были признать надъ собою власть татарскихъ хановъ, ѣздить къ нимъ въ степь, кланяться и обдаривать ихъ, — западныя русскія области, Новгородъ и Псковъ, подвергаются сильнымъ нападеніямъ съ трехъ сторонъ, со стороны Шведовъ, Ливонскихъ рыцарей и Литвы. Шведскій владѣтель Биргеръ, побуждаемый папскими посланіями, вздумалъ идти на Русскихъ крестовымъ походомъ, для обращенія ихъ въ католицизмъ. Въ Новгородѣ въ это время княжилъ сынъ Ярославовъ Александръ. Узнавши, что Шведы пришли въ устье Ижоры въ Неву, Александръ съ небольшою дружиною выступилъ противъ непріятеля и 15-го іюля 1240 года нанесъ ему сильное

пораженіе, за что получилъ прозваніе Невскаго. Шведы ушли; но въ томъ же году уѣхалъ изъ Новгорода и Александръ, разссорившись съ его жителями, потому что велъ себя съ ними подобно отцу и дѣду. А между тѣмъ Нѣмцы ливонскіе взяли Изборскъ, разбили Псковичей и стали владѣть во Псковѣ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Твердилою Ивановичемъ. Нѣмцы не довольствовались Псковомъ, но стали завоевывать и новгородскія области, въ тридцати верстахъ отъ Новгорода не было проѣзда купцамъ. Въ такой бѣдѣ Новгородцы опять послали за Александромъ Ярославичемъ; тотъ пріѣхалъ, очистилъ отъ Нѣмцевъ и Новгородскую область, и Псковъ, и 5-го апрѣля 1241 года одержалъ надъ Нѣмцами знаменитую побѣду на льду Чудскаго озера, почему она и слыветъ ледовымъ побоищемъ; Нѣмцы должны были заключить миръ и отступились отъ всего ими захваченнаго. Оставались Литовцы, которыхъ толпы опустошали новгородскія владѣнія: Александръ три раза поразилъ ихъ.

Такъ прославился Александръ въ своей молодости отбитіемъ трехъ враговъ отъ границъ русскихъ. Но по смерти отца начиналась для него другая, печальная дѣятельность. По смерти Ярослава великимъ княземъ во Владимірѣ сталъ братъ его Святославъ; Александръ Невскій съ храбростію древнихъ южныхъ князей соединялъ холодную разсудительность князей сѣверныхъ: онъ бился храбро съ Шведами, Нѣмцами и Литвою, потому что видѣлъ возможность одолѣть ихъ; но сопротивляться Татарамъ онъ не видѣлъ никакой возможности, и потому употреблялъ всѣ средства, чтобъ не раздражить хановъ противъ Россіи. По смерти отца, онъ поѣхалъ къ Батыю вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ; а между тѣмъ, въ отсутствіе ихъ, на Руси произошла важная перемѣна: одинъ изъ младшихъ братьевъ ихъ, Михаилъ, прозвищемъ Хоробритъ, князь московскій, отнялъ у дяди Святослава великое

княженіе и самъ заступилъ его мѣсто. Этотъ поступокъ Михаила очень замѣчателенъ, потому что московскій князь дѣйствуетъ тутъ только по праву сильнаго, презирая всѣ прежнія родовыя права: онъ вооружается противъ дяди, не будучи даже старшимъ изъ племянниковъ. Михаилъ скоро погибъ въ битвѣ съ Литовцами еще до возвращенія старшихъ братьевъ изъ Орды, гдѣ Александра утвердилъ ханъ на столѣ кіевскомъ и новгородскомъ, Андрею же далъ великое княженіе Владимірское; дядя Святославъ остался и на этотъ разъ въ сторонѣ. Но и Андрей не долго княжилъ во Владимірѣ: изгнанный Татарами въ 1252 году, онъ принужденъ былъ бѣжать въ Швецію, а великое княжество Владимірское получилъ Александръ Невскій. Послѣ, Андрей возвратился въ отечество и получилъ отъ брата Суздаль.

Ставши великимъ княземъ, Александръ Ярославичъ больше всего хлопоталъ о томъ, чтобъ сдерживать своихъ подданныхъ отъ возстаній противъ Татаръ, съ которыми они не были въ силахъ бороться. Еще при Ярославѣ Татары сдѣлали первую перепись народа въ Россіи для сбора дани. По смерти Батыя, при братѣ его Берке, была вторая перепись пріѣхали татарскіе посланники, сочли всю землю, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ, темниковъ (начальниковъ надъ 10.000), не считали только духовенства. Въ это время въ Новгородѣ ужь образовались двѣ стороны: сторона лучшихъ и сторона меньшихъ людей (аристократическая и демократическая). Лучшіе соглашались на перепись, но меньшіе не хотѣли; насилу Александръ могъ уговорить ихъ. Но когда успокоились Новгородцы, поднялись волненія на востокѣ: здѣсь народъ былъ выведенъ изъ терпѣнія насиліями татарскихъ откупщиковъ дани, которые и были выгнаны изъ Ростова, Владиміра, Суздаля, Переяславля и Ярославля. Полки татарскіе уже посланы были пустошить за это Россію; тогда

Александръ, чтобъ отмолить людей отъ бѣды, поѣхалъ въ четвертый разъ въ Орду и успѣлъ въ своемъ дѣлѣ; но это было уже послѣднее его дѣло; на возвратномъ пути онъ умеръ въ Городцѣ Волжскомъ 14-го ноября 1263 года, «много потрудившись за землю русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой, и за правовѣрную вѣру.» Сохраненіе русской земли отъ татарскаго нашествія на востокѣ, подвиги за вѣру и землю противъ Шведовъ, Нѣмцевъ и Литвы на западѣ, доставили Александру славную память на Руси, сдѣлали его виднѣе всѣхъ князей отъ Мономаха до Димитрія Донскаго.

ГЛАВА XV.

Княженіе братьевъ Невскаго, Ярослава и Василія.

Александру Невскому наслѣдовалъ по старинѣ братъ его, Ярославъ Ярославичъ, князь тверской. Новый великій князь, поступая въ Новгородѣ подобно своимъ предшественникамъ, возбудилъ противъ себя Новгородцевъ, которые его выгнали; но онъ не хотѣлъ оставить этого дѣла такъ; сталъ собирать полки и послалъ въ Орду съ просьбою о помощи на Новгородцевъ, которыхъ выставилъ противниками Татаръ. Ханъ отправилъ уже войско къ Ярославу, и Новгороду грозила большая бѣда; но онъ былъ спасенъ роднымъ братомъ Ярослава, Василіемъ, княземъ костромскимъ, который поѣхалъ въ Орду, сказалъ хану, что Новгородцы правы, и воротилъ съ дороги татарское войско. Ярославъ съ однѣми своими силами не могъ сладить съ Новгородцами, долженъ былъ прислать къ нимъ съ поклономъ и сталъ у нихъ княжить на всей ихъ волѣ.

Въ княженіе Ярослава, именно въ 1266 году кончилось первое, самое тяжелое двадцатипятилѣтіе татарскаго ига; въ этомъ году, говорятъ лѣтописи, умеръ ханъ Берке, и была ослаба Руси отъ насилія татарскаго; Берке былъ первый ханъ, который перемѣнилъ языческую вѣру на магометанство. На западѣ у Новгорода и Пскова по прежнему шли войны съ Литвою и Нѣмцами. Въ Литвѣ въ это время произошли усобицы, вслѣдствіе которыхъ прибѣжалъ во Псковъ одинъ изъ князей литовскихъ, именемъ Довмонтъ, принялъ крещеніе подъ именемъ Тимоѳея и былъ посаженъ Псковичами княжить. Псковичи не ошиблись въ своемъ выборѣ: отличаясь христіанскими добродѣтелями, Довмонтъ отличался съ тѣмъ вмѣстѣ храбростію, оборонялъ Псковъ отъ Литвы и отъ Нѣмцевъ, предпринималъ удачные походы и внутрь земли непріятельской. Онъ участвовалъ и въ знаменитомъ походѣ Новгородцевъ въ Ливонію подъ начальствомъ семи князей; у Раковора (Везенберга) Русскіе встрѣтились съ нѣмецкимъ войскомъ, и послѣ страшнаго побоища, какого не вѣдали ни отцы, ни дѣды, Русскіе побѣдили, потерявши однако много убитыми.

Въ 1271 году умеръ великій князь Ярославъ; ему наслѣдовалъ на великомъ княженіи братъ Василій Ярославичъ костромской. Казалось бы, что онъ будетъ жить въ согласіи съ Новгородцами, которыхъ спасъ прежде отъ бѣды: но вмѣсто того Василій тотчасъ же начинаетъ войну съ Новгородцами, требуетъ, чтобъ они уничтожили выгодный для нихъ договоръ съ прежнимъ великимъ княземъ Ярославомъ. Такимъ образомъ оказалось, что Василій и прежде вступался за Новгородъ для того только, чтобъ не дать усилиться брату своему Ярославу, ибо теперь всѣ великіе князья хлопочутъ только о томъ, какъ бы скорѣе усилить свое княжество насчетъ другихъ, и обыкновенно съ этою цѣлію нападаютъ на Новгородъ.

Василій успѣлъ сѣсть въ Новгородѣ на всей своей волѣ съ помощію Татаръ, но не имѣлъ времени предпринять ничего болѣе для усиленія Костромскаго княжества, ибо умеръ въ 1276 году.

ГЛАВА XVI.

Судьба югозападной Россіи послѣ татарскаго нашествія.

Послѣ татарскаго нашествія старинная Русь, Кіевская область, потеряла послѣднія силы: Кіевъ сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти; окрестности его представляли пустыню, по которой разбросаны были черепа и кости человѣческія; Литовцы свободно гуляли по Приднѣпровью, истребляя и послѣднее, что осталось послѣ Татаръ; защищаться было некому. Народъ разбѣгался или въ сѣверовосточныя русскія области, или на западъ, гдѣ, въ уголкѣ прикарпатскомъ, уцѣлѣло еще русское княжество, поддержанное знаменитымъ Даніиломъ Романовичемъ. Но и въ этомъ уголкѣ, не смотря на татарское опустошеніе, доканчивалась старинная усобица между Мономаховичами и Ольговичами; Мономаховичъ Даніилъ Романовичъ долженъ былъ бороться съ Ольговичемъ — Ростиславомъ, сыномъ Михаила черниговскаго. Во время татарскаго нашествія оба они, и Даніилъ и Ростиславъ съ отцемъ, скрывались въ Польшѣ, и, какъ только Татары схлынули, начали воевать другъ съ другомъ; война эта кончилась въ 1249 году битвою на рѣкѣ Санѣ, гдѣ Ростиславъ потерпѣлъ отъ Даніила совершенное пораженіе съ союзниками своими, Венграми и Поля-

ками. Такъ кончилась послѣдняя усобица между Мономаховичами и Ольговичами на югозападѣ. Даніилъ окончательно утвердился на галицкомъ столѣ, но вотъ отъ Батыя съ Волги пришелъ къ нему грозный зовъ, и Даніилъ отправился въ Орду. Тяжко было южному князю, въ которомъ разсудительность не преобладала надъ чувствами, какъ у сѣверныхъ князей, тяжко было правнуку Изяславову, который привыкъ вездѣ честь свою брать, тяжко было Даніилу унижаться предъ степнымъ варваромъ, становиться передъ нимъ на колѣни, пить кумысъ. Ханъ отпустилъ его ласково; но эта ласка показалась Даніилу злою обидою, и всѣ плакали отъ досады, когда Даніилъ, возвратившись домой, разсказалъ о ласкѣ татарской: «злѣе зла честь татарская», говоритъ по этому случаю лѣтописецъ южный. Не могши никакъ помириться съ мыслію, что должно остаться подданнымъ хана, Даніилъ началъ хлопотать, какъ бы свергнуть татарское иго. Съ одними средствами своего Галича да Волыни, гдѣ княжилъ братъ Даніиловъ Василько, этого сдѣлать было нельзя, — надобно было вступить въ союзъ со всѣми сосѣдними европейскими государствами и предпринять крестовый походъ на Татаръ, общихъ враговъ всего христіанства; но о крестовомъ походѣ въ союзѣ съ католическими державами нельзя было думать безъ соединенія съ папою, и потому Даніилъ завелъ сношенія съ Римомъ насчетъ этого соединенія. Папа очень обрадовался, прислалъ Даніилу вѣнецъ королевскій, писалъ въ разныя страны о необходимости крестоваго похода противъ Татаръ; но такъ какъ посланія папскія не имѣли никакого слѣдствія, то Даніилъ скоро прервалъ сношенія свои съ Римомъ, удержавъ однако титулъ королевскій, и сталъ думать, какъ бы собственными средствами избавиться отъ Татаръ. Для этого онъ началъ укрѣплять города, не позволялъ ханскимъ воеводамъ утверждаться въ низовьяхъ Днѣстра и вступилъ въ яв-

ную войну съ слабымъ воеводою Куремсою, но когда, вмѣсто Куремсы; пришелъ другой сильный воевода Бурундай, то Даніилъ увидалъ невозможность бороться съ Татарами, и принужденъ былъ, по ихъ требованію, раззорить укрѣпленія своихъ городовъ.

Но если Даніилъ не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ Татарами, за то былъ счастливъ въ войнахъ съ другими своими сосѣдями. Въ это время Литва начала усиливаться, благодаря ослабленію русскихъ княжествъ и единовластію, которое началъ утверждать въ ней князь Миндовгъ, варваръ хитрый и жестокій, не разбиравшій средствъ для достиженія своихъ цѣлей; не смотря на то, Даніилъ счастливо воевалъ съ нимъ, и по смерти Миндовга, сынъ его Воишелкъ призналъ свою зависимость отъ брата Даніилова, Василька волынскаго. Также удачно шла война съ Ятвягами, которые наконецъ обѣщались служить Даніилу и строить города въ землѣ своей. Такіе успѣхи прославили Даніила среди сосѣдей, которые искали его союза и помощи; вслѣдствіе этого Даніилъ принималъ участіе въ борьбѣ Венгровъ съ Чехами за Австрію, которой престолъ былъ тогда празденъ; по уговору съ венгерскимъ королемъ, сынъ Даніиловъ, Романъ, женился на сестрѣ умершаго австрійскаго герцога Фридриха и въ приданое бралъ Австрію; но венгерскій король обманулъ Романа, не далъ ему помощи противъ чешскаго короля Оттокара, и Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды посадить сына своего на австрійскій престолъ. Кромѣ военныхъ подвиговъ, король Даніилъ славился также своею правительственною распорядительностію: послѣ татарскаго опустошенія онъ успѣлъ привести свою землю въ цвѣтущее состояніе: населилъ, обстроилъ города, усилилъ промышленность, торговлю. Но должно замѣтить, что Даніилъ, желая населить города свои, наполнилъ ихъ, подобно сосѣдямъ своимъ, князьямъ польскимъ, чужестранцами,

Нѣмцами, Поляками, Армянами, Жидами; отъ этого городское населеніе Галицкаго княжества, богатое и сильное, но чуждое русской народности, не имѣло патріотизма, не могло содѣйствовать къ поддержанію независимости Галиціи. Даніилъ умеръ между 1264 и 1266 годами, почти въ одно время съ Александромъ Невскимъ. Между этими знаменитыми современниками есть сходство, но есть и важное различіе, показывающее именно, что одинъ былъ южный, а другой сѣверный князь: Даніилъ, оскорбленный униженіемъ, которое онъ претерпѣлъ въ Ордѣ, не могъ помириться съ мыслію о необходимости татарскаго ига; Александръ, не менѣе Даніила храбрый и славный своими побѣдами, но болѣе разсчетливый, осторожный и благоразумный, призналъ тяжкую необходимость только дарами и поклонами отмаливать людей своихъ отъ бѣды татарскаго нашествія; то, что Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ свергнуть иго, долженъ былъ срыть свои крѣпости, служитъ лучшимъ оправданіемъ поведенія Александрова.

По смерти короля Даніила, галицкая земля раздѣлилась между троими его сыновьями, Львомъ, Мстиславомъ и Шварномъ, а Волынь осталась по прежнему за дядею ихъ Василькомъ Романовичемъ. Въ Литвѣ сынъ Миндовговъ, Воишелкъ, пошелъ въ монахи, и отдалъ всѣ свои владѣнія Шварну Даниловичу, женатому на его сестрѣ. Но Шварнъ скоро умеръ бездѣтнымъ, и Литовцы опять вызвали Воишелка изъ монастыря для управленія княжествомъ. Воишелкъ былъ убитъ братомъ Шварна, Львомъ Даниловичемъ, который хотѣлъ пріобрѣсти себѣ Литву, но не получилъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, и Литовцы выбрали себѣ князя изъ своего народа. Изъ князей восточной стороны Днѣпра, соперникъ Даніиловъ, князь Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій, вмѣстѣ съ бояриномъ

своимъ Θеодоромъ, скончался въ Ордѣ мученическою смертію, не желая измѣнить христіанству.

ГЛАВА XVII.

Борьба между сыновьями Александра Невскаго.

По смерти всѣхъ сыновей Ярослава Всеволодовича, старшинство, великое княженіе Владимірское, досталось старшему сыну старшаго изъ нихъ, Димитрію Александровичу, князю переяславскому. Слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, Димитрій началъ съ того, что захотѣлъ усилиться на счетъ Новгорода; но точно такъ какъ прежде Василій Ярославичъ костромской, боясь усиленія старшаго брата, Ярослава Ярославича тверскаго, вступился за Новгородъ и остановилъ стремленіе Ярослава, — такъ точно теперь младшій братъ Димитрія, Андрей Александровичъ, князь городецкій, вооружается противъ старшаго брата, и мало того, что хочетъ остановить усиленіе послѣдняго, хочетъ добыть себѣ старшинство, ибо старыя понятія о правѣ старшинства теперь все болѣе и болѣе ослабѣваютъ. Андрей отправляется въ Орду задариваетъ хана, получаетъ ярлыкъ на великое княженіе и войско татарское противъ Димитрія; остальные князья русскіе также соединяются съ Андреемъ противъ Димитрія. Послѣдній не могъ сопротивляться и убѣжалъ за Балтійское море; Татары, приведенные Андреемъ, опустошили Россію; но какъ скоро они ушли къ себѣ въ степь, Димитрій возвратился изъ-за моря съ наемными войсками; Андрей опять уѣхалъ въ Орду за татарскимъ войскомъ; но въ это время Орда раздѣлилась: на берегахъ Чернаго моря раскинулась Орда Ногаева, неза-

висимая и враждебная Золотой или Волжской. Димитрій обратился сюда, къ хану Ногаю, и съ помощію его полковъ осилилъ Андрея. Но Андрей вмѣстѣ съ другими князьями опять отправился въ Золотую Орду, взялъ здѣсь войско, и на этотъ разъ окончательно низложилъ Димитрія, который долженъ былъ отказаться отъ великаго княженія и скоро послѣ того умеръ (1294 г.). И княженіе Андрея не было спокойно, князья раздѣлились: одни держали сторону Андрея, другіе были противъ него. Въ это время, когда старшіе Александровичи истощали свои силы въ усобицѣ, усиливалось княжество Московское, которымъ владѣлъ младшій сынъ Невскаго, Даніилъ. Этотъ Даніилъ сперва былъ въ союзѣ съ Андреемъ противъ Димитрія, но потомъ, когда Димитрій былъ низложенъ и умеръ, Даніилъ вмѣстѣ съ сыномъ Димитрія, Иваномъ переяславскимъ, и Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ вооружается противъ Андрея; тотъ же самый Даніилъ удачно воевалъ съ княземъ рязанскимъ, взялъ его въ плѣнъ; наконецъ Даніилу удалось усилить свое княжество важнымъ пріобрѣтеніемъ племянникъ его, Иванъ Димитріевичъ переяславскій, умирая бездѣтнымъ, отказалъ свое княжество Даніилу, ибо сѣверные князья смотрятъ теперь на себя какъ уже на полновластныхъ владѣльцевъ своей области, которою могутъ распоряжаться по произволу, тогда какъ прежде области находились въ общемъ родовомъ владѣніи, и судьба ихъ зависѣла отъ распоряженія цѣлаго рода княжескаго. Великій князь Андрей Александровичъ не хотѣлъ допустить, чтобъ московскій князь такимъ образомъ усилился, благодаря новымъ понятіямъ и обычаямъ, хотѣлъ отнять Переяславль у Даніила, но безуспѣшно. Въ 1303 году умеръ Даніилъ Александровичъ московскій. Старшій сынъ его Юрій также имѣлъ въ виду, какъ бы только усилить свое княжество: онъ не отдалъ Переяславля дядѣ Андрею, и оторвалъ Можайскъ отъ Смоленскаго княжества.

ГЛАВА XVIII.

Борьба между Москвою и Тверью до смерти князя Юрія Даниловича московскаго.

Когда умеръ Андрей Александровичъ въ 1304 году, то великое княженіе Владимірское принадлежало по старшинству тверскому князю Михаилу Ярославичу; но мы уже видѣли, что мѣсто родовыхъ споровъ между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрій Даниловичъ московскій былъ такъ же силенъ, если еще не сильнѣе Михаила тверскаго, и потому хотѣлъ быть самъ великимъ княземъ владимірскимъ. Соперники отправились въ Орду покупать ярлыкъ на великое княженіе; Михаилъ осилилъ на этомъ аукціонѣ, наддалъ больше и возвратился великимъ княземъ. Сердясь на Юрія и за соперничество и за то, что Юрій и ему не отдавалъ Переяславля, Михаилъ два раза нападалъ на Юрія, подступалъ къ Москвѣ, но безъ успѣха; подобно предшественникамъ своимъ, Михаилъ старался также усилиться на счетъ Новгорода; намѣстники его тѣснили Новгородцевъ, а когда тѣ не хотѣли сносить ихъ обидъ, то Михаилъ прекратилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Новгородъ, принудилъ его этимъ заплатить 1500 гривенъ, и намѣстники тверскіе по прежнему стали притѣснять Новгородцевъ. Юрій, съ своей стороны, также хлопоталъ о томъ, какъ бы усилить свое княжество всякими средствами: онъ убилъ отцовскаго плѣнника, князя рязанскаго, удержалъ за собою рязанскую волость Коломну, заставилъ братьевъ своихъ выѣхать изъ Москвы въ Тверь, значитъ не хотѣлъ дать имъ удѣловъ. Въ такомъ положеніи на-

ходились дѣла, когда въ 1313 году умеръ ханъ Тохта, и престолъ его занялъ молодой племянникъ его Узбекъ. Михаилъ долженъ былъ ѣхать въ Орду, чтобъ взять ярлыкъ отъ новаго хана; этимъ отсутствіемъ рѣшились воспользоваться Новгородцы, чтобъ съ помощію московскаго князя избавиться отъ притѣсненій тверскаго, какъ прежде отъ притѣсненій отца Михаилова Ярослава избавились съ помощію Василія костромскаго, отъ притѣсненій Димитрія Александровича переяславскаго избавились съ помощію Андрея городецкаго. Новгородцы послали въ Москву звать къ себѣ князя Юрія; тотъ поѣхалъ къ нимъ и былъ принятъ съ радостію. Но не долго они радовались: ханъ прислалъ звать Юрія въ Орду, и тотъ поѣхалъ вмѣстѣ съ послами новгородскими, а между тѣмъ Михаилъ возвратился изъ Орды и поразилъ Новгородцевъ, рѣшившихся ему противиться; Новгороду грозила большая бѣда, какъ вдругъ пришелъ Юрій московскій изъ Орды. Юрій не даромъ жилъ въ Ордѣ: онъ не только оправдался въ обвиненіяхъ Михаиловыхъ, но умѣлъ сблизиться съ семействомъ хана и женился на сестрѣ его Кончакѣ, которую при крещеніи назвали Агаѳіею. Ханскій зять возвратился въ Россію съ посломъ татарскимъ Кавгадыемъ, и началъ войну съ Михаиломъ. Послѣдній разбилъ его въ 40 верстахъ отъ Твери въ селѣ Бортеневѣ; взялъ въ плѣнъ жену его, брата Бориса, многихъ князей и бояръ; Юрій убѣжалъ въ Новгородъ; Новгородцы и Псковичи взяли его сторону и пошли съ нимъ на Михаила; у Волги соперники встрѣтились, но битвы не было: они условились идти въ Орду и тамъ рѣшить споръ. Въ это время жена Юріева умерла въ Твери въ плѣну, и пронесся слухъ, что ее отравили. Такой слухъ былъ выгоденъ для Юрія: онъ отправился въ Орду съ Кавгадыемъ, многими князьями, боярами и Новгородцами, жаловаться хану на Михаила, Кавгадый сильно подкрѣплялъ эти жалобы, и

Михаилъ былъ вызванъ къ хану въ 1319 году; его осудили и убили варварскимъ образомъ за Терекомъ, недалеко отъ Дербента, куда ханъ переселился для охоты.

Юрій возвратился въ Москву съ ярлыкомъ на великое княженіе; тверскіе князья, дѣти Михаиловы, изъ которыхъ старшимъ былъ Димитрій Михайловичъ, по прозванію Грозныя Очи, на время смирились передъ Москвою; но когда Юрій отправился въ Новгородъ защищать его отъ враговъ, — Димитрій Михайловичъ поѣхалъ въ Орду съ обвиненіями на Юрія; послѣдній также поѣхалъ въ Орду, соперники встрѣтились, и Димитрій убилъ Юрія. Ханъ за это самоуправство велѣлъ убить Димитрія, но великое княженіе отдалъ брату его Александру Михайловичу. Такимъ образомъ на этотъ разъ Тверь вышла все же побѣдительницею изъ борьбы.

ГЛАВА XIX.

Іоаннъ I Даниловичъ Калита.

Юрію въ Москвѣ наслѣдовалъ также братъ, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита (мѣшокъ, сумка для денегъ). Остальные братья Калиты умерли еще при жизни Юрія, слѣдовательно онъ владѣлъ Московскимъ княжествомъ одинъ. Управляя Москвою при жизни Юрія, который безпрестанно былъ въ отлучкахъ, Калита успѣлъ сдѣлать для своего княжества важное пріобрѣтеніе: еще въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найдти безопасности, и переѣхалъ жить во Владиміръ. Калита умѣлъ пріобрѣсть расположеніе преемника Максимова, Петра, ко-

торый поэтому живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ въ ней. Выборъ святаго мужа казался внушеніемъ Божіимъ, и новый митрополитъ, Ѳеогностъ, уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворцева. Это утвержденіе престола митрополичьяго въ Москвѣ имѣло важное значеніе: оно давало ей видъ главнаго города всей русской земли, ибо князей было еще много и одинъ не успѣлъ еще подчинить себѣ всѣхъ другихъ, а митрополитъ былъ одинъ; кромѣ того престолъ митрополичій способствовалъ возрастанію и обогащенію Москвы, ибо въ нее со всѣхъ сторонъ пріѣзжали лица, имѣвшія нужду до верховнаго святителя русской церкви; наконецъ митрополитъ долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго жилъ. Другіе князья предвидѣли слѣдствія утвержденія митрополичьяго престола въ Москвѣ и сердились, но помочь было уже нельзя.

Но въ то время какъ московскій князь утвержденіемъ у себя митрополичьяго престола пріобрѣталъ такія важныя выгоды, въ Твери случилось происшествіе, которое было гибельно и для князя и для княжества. Въ 1327 году пріѣхалъ туда ханскій посолъ Чол-Ханъ или Щелканъ, какъ его называютъ наши лѣтописи, двоюродный братъ Узбека, и, по обыкновенію всѣхъ пословъ татарскихъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Тверичи вышли изъ терпѣнія, встали на Татаръ и всѣхъ ихъ истребили вмѣстѣ съ Чол-Ханомъ. Узбекъ очень разсердился, узнавъ объ участи Чол-Хановой; этимъ воспользовался Калита, поѣхалъ въ Орду, и возвратился оттуда съ 50.000 татарскаго войска; Александръ бѣжалъ во Псковъ, и Тверское княжество было страшно опустошено. Калита и братъ Александровъ, Константинъ Михайловичъ, поѣхали въ Орду: Узбекъ далъ великое княженіе Калитѣ, Константину Михайловичу далъ Тверь и

отпустилъ ихъ съ приказомъ искать князя Александра. Князья и Новгородцы послали во Псковъ уговаривать Александра, чтобъ ѣхалъ въ Орду, иначе всѣмъ имъ придется пострадать за него отъ Татаръ. Александръ хотѣлъ ѣхать въ Орду, но Псковичи не пустили его, говоря: «Не ѣзди, господинъ, въ Орду; что̀ бъ ни случилось, умремъ съ тобою вмѣстѣ.» Видя, что Псковичи обѣщались умереть за Александра, и боясь потерпѣть неудачу подо Псковомъ, Калита уговорилъ митрополита Ѳеогноста отлучить отъ церкви Александра и весь Псковъ, если они не исполнятъ требованія князей. Средство подѣйствовало, Александръ сказалъ Псковичамъ: «Братья мои и друзья! не будь на васъ проклятія ради меня; ѣду вонъ изъ вашего города и снимаю съ васъ крестное цѣлованіе.» Псковичи со слезами отпустили Александра въ Литву, потому что онъ пришелся имъ по сердцу своею добротою.

Полтора года пробылъ Александръ въ Литвѣ, и когда гроза пріутихла, возвратился къ женѣ во Псковъ, жители котораго приняли его съ честію и посадили у себя на княженіе. Десять лѣтъ спокойно княжилъ Александръ во Псковѣ, но тосковалъ по своей родной Твери и безпокоился на счетъ будущности дѣтей своихъ. «Если умру здѣсь, говорилъ онъ, то что̀ будетъ съ дѣтьми моими? всѣ знаютъ, что я выбѣжалъ изъ княжества моего и умеръ на чужбинѣ, такъ дѣти мои будутъ лишены своего княжества»; Псковъ же, по формамъ своего быта, не могъ быть наслѣдственнымъ княжествомъ для сыновей его. Въ 1336 году Александръ послалъ въ Орду сына Ѳедора попытаться, нельзя ли какъ-нибудь умилостивить хана, и, узнавши, что есть надежда на успѣхъ, поѣхалъ самъ къ Узбеку, вымолилъ прощеніе и возвратился съ ярлыкомъ на великое княженіе Тверское, которое Константинъ Михайловичъ долженъ былъ ему уступить. Но возвращеніе Александра служило знакомъ къ возобновленію борьбы между Мос-

квою и Тверью въ 1339 году Калита отправился въ Орду; по его внушенію, Александръ получилъ приказъ явиться туда же, и по пріѣздѣ былъ убитъ вмѣстѣ съ сыномъ Өедоромъ, Калита же возвратился изъ Орды съ великимъ пожалованіемъ и честію; Тверское княжество досталось опять Константину Михайловичу который называется собирателемъ и возстановителемъ Тверской волости.

Прежде, когда великій князь задумывалъ усиливаться, то находилъ препятствіе этому въ другихъ князьяхъ, начиная съ родныхъ братьевъ; но теперь московскій князь такъ усилился, что самовластные поступки его въ другихъ княжествахъ не встрѣчали ни откуда сопротивленія: ни одинъ князь не могъ соперничать съ Калитою ни въ Россіи, ни въ Ордѣ, ибо ни у одного не было столько денегъ какъ у Калиты. Вельможи московскіе позволяли себѣ разнаго рода насилія въ Ростовѣ, разогнали многихъ изъ его жителей въ другія страны; Тверь также терпѣла насилія отъ Москвы по смерти Александра. Новгородцы, избавленные Москвою отъ бѣды, которою грозила имъ Тверь, въ борьбѣ этихъ двухъ княжествъ были постоянно за Москву; но какъ скоро Калита осилилъ Тверь, то спѣшилъ показать Новгородцамъ, что перемѣнилось только имя, и что ни одинъ сильный великій князь не будетъ ихъ другомъ. Уже давно Новгородцы привыкли откупаться деньгами отъ великихъ князей, съ которыми не могли сладить, и деньги теперь были очень нужны князьямъ, ибо съ деньгами можно было все сдѣлать въ Ордѣ. Калита требовалъ денегъ съ Новгородцевъ, и за отказъ пустошилъ ихъ владѣнія, строилъ слободы на ихъ земляхъ, посылалъ рать свою въ Двинскую область, которою очень дорожили Новгородцы, получая оттуда серебро и дорогіе мѣха. Но если въ Ростовѣ, Твери и Новгородѣ не были довольны Калитою, то очень довольны были имъ въ Московской и Владимірской

великокняжеской области: съ началомъ его княженія наступила здѣсь великая тишина; о Татарахъ не было слышно; тишина эта и внѣшняя безопасность дали князю возможность заняться устроеніемъ порядка и внутренней безопасности, истребленіемъ вредныхъ для общества людей, живущихъ на чужой счетъ. Калита умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, тѣмъ, что̀ приготовлено было для Москвы Даніиломъ и Юріемъ, далъ современникамъ почувствовать первыя добрыя слѣдствія единовластія и потому перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя русской земли. Собственно Калита завоеваніемъ не пріобрѣлъ ничего и въ этомъ отношеніи не можетъ называться собирателемъ земли русской; но онъ копилъ деньги и скупалъ небольшія княжества у князей ихъ, напримѣръ Бѣлоозеро, Галичъ.

Въ то самое время, какъ на сѣверовостокѣ русская земля начала собираться около Москвы, такое же собираніе русскихъ волостей въ одно цѣлое происходило на югозападѣ, посредствомъ князей литовскихъ. Потомки короля Даніила не могли поддержать могущество Галицкаго княжества и собрать около него югозападную Русь, несмотря на то, что и Волынь перешла къ нимъ же, ибо сынъ Василька Романовича, Владиміръ, умеръ бездѣтнымъ. Но въ то время какъ на Руси остановилось движеніе, Литва усиливалась все болѣе и болѣе; утвердилась въ русскихъ княжествахъ Полоцкомъ, Туровскомъ, отчасти Волынскомъ. Въ 1315 году литовскимъ великимъ княземъ является Гедиминъ, при которомъ Волынь и Кіевская область подпали литовскому владычеству. Но варвары Литовцы, при столкновеніи съ болѣе образованными Русскими, не могли не подчиниться ихъ гражданственности: русская православная вѣра и русскій языкъ начинаютъ распространяться между литовскими князьями и подданными ихъ. Что̀ же касается до королевства Галицкаго, то оно, по прекращеніи

потомства короля Даніила, было присоединено къ Польшѣ королемъ послѣдней, Казиміромъ Великимъ, въ 1340 году.

ГЛАВА XX.

События при сыновьяхъ Іоанна Калиты.

Калита московскій умеръ въ 1341 году подѣливши свое княжество вмѣстѣ съ имѣніемъ движимымъ между тремя сыновьями и женою. Старшій сынъ его Симеонъ, вмѣстѣ со всѣми другими князьями русскими, отправился въ Орду; но соперничество другихъ князей съ богатымъ и сильнымъ княземъ московскимъ было невозможно, ханъ объявилъ Симеона великимъ княземъ владимірскимъ, и «всѣ князья русскіе даны были подъ руки Симеона», говорятъ лѣтописи. Итакъ исполнилось то чего боялись князья еще со временъ Мстислава Храбраго: они перестали считаться полноправными родственниками великаго князя и стали его подручниками, подчиненными. Сынъ Калиты заставилъ князей почувствовать эту перемѣну: доказательствомъ служитъ прозваніе — Гордый, которое они ему дали; съ Новгородцами поступалъ онъ такъ же, какъ и предшественники его: ходилъ на нихъ войною и заставилъ дорого купить миръ. Со стороны Татаръ во владѣніяхъ Симеона было спокойно точно такъ же, какъ и при отцѣ его; Симеонъ пять разъ ходилъ въ Орду и всякій разъ возвращался оттуда съ большою честію и пожалованіемъ. Съ востока было покойно; но за то на западѣ поднимался опасный врагъ: то была Литва. Мы видѣли, что Гедиминъ занятъ былъ подчиненіемъ себѣ областей западной Россіи;

сынъ его Олгердъ обратилъ вниманіе и на восточную. Олгердъ, по отзыву лѣтописца, былъ очень уменъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, не любилъ забавъ, а занимался дѣлами день и ночь, былъ воздерженъ, хмѣльнаго питья не пилъ, отъ этого пріобрѣлъ великій разумъ и смыслъ, коварствомъ своимъ многія земли повоевалъ и увеличилъ свое княжество. Олгердъ началъ войну съ Симеономъ походомъ подъ Можайскъ; не надѣясь одолѣть Симеона одними своими силами, Олгердъ хотѣлъ погубить Московское княжество посредствомъ Татаръ, и отправилъ брата своего къ хану просить у него помощи противъ Симеона. Но московскій князь представилъ хану, какъ и для самихъ Татаръ будетъ опасно могущество Олгерда, если онъ усилится покореніемъ восточной Россіи; ханъ послушался, задержалъ брата Олгердова и выдалъ его Симеону, что̀ заставило Олгерда просить мира у московскаго князя. Съ другой стороны важною помощію для восточной Россіи было то обстоятельство, что Олгердъ постоянно отвлекался на западѣ опасною для него борьбою съ Нѣмецкимъ Орденомъ — въ Пруссіи.

Псковичи въ это время вели постоянно войны съ ливонскими Нѣмцами; не получая помощи отъ великаго князя изъ далекой Москвы, они должны были обращаться къ ближайшему великому князю, литовскому, взяли къ себѣ въ князья Олгердова сына Андрея, но тотъ не сталъ жить у нихъ самъ, а хотѣлъ управлять Псковомъ черезъ намѣстниковъ; Псковичи не были этимъ довольны, и выгнали литовскихъ намѣстниковъ, чѣмъ нажили себѣ новаго врага — въ Литвѣ. Новгородъ боролся со Шведами, которыхъ король Магнусъ опять вздумалъ предпринять крестовый походъ противъ Новгорода съ цѣлію обращать русскихъ въ католицизмъ. Магнусъ овладѣлъ было Орѣшкомъ, но Новгородцы взяли этотъ городъ обратно. Во время шведской войны Новгородцы, нуждаясь въ

помощи Псковитянъ, признали полную независимость Пскова отъ Новгорода: положено было, чтобъ посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть, ни судить, Псковичей на судъ въ Новгородъ не вызывать ни по какимъ дѣламъ, Пскову называться не пригородомъ, но младшимъ братомъ Новгорода. Осталась зависимость только въ церковномъ отношеніи, ибо архіепископъ новгородскій былъ вмѣстѣ и псковскимъ; но и тутъ положено, что судья отъ владыки по церковнымъ дѣламъ будетъ во Псковѣ Псковичъ же, а не Новгородецъ.

Въ 1353 году умеръ великій князь Симеонъ отъ мороваго повѣтрія, которое, подъ именемъ черной смерти свирѣпствовало тогда въ Россіи. Симеонъ, не имѣя дѣтей, отказалъ удѣлъ свой и все движимое и недвижимое имѣніе женѣ, по смерти которой все это переходило къ брату Симеонову, Іоанну. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что два удѣла Московскаго княжества соединились теперь въ одинъ, и такимъ образомъ сила князя Іоанна Іоанновича увеличивалась вдвое; третій сынъ Калиты, Андрей, умеръ тотчасъ послѣ Симеона; уже по смерти его родился сынъ его Владиміръ, который получилъ только одинъ удѣлъ отцовскій. Въ духовной грамотѣ своей Симеонъ наказывалъ братьямъ, чтобъ они слушались владыки Алексѣя митрополита и старыхъ бояръ, которые отцу ихъ и имъ добра хотѣли.

У брата Симеонова Іоанна явился соперникъ въ исканіи великаго княженія Владимірскаго: то былъ Константинъ Васильевичъ, князь суздальскій, происходившій, по однимъ извѣстіямъ, отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго, по другимъ — отъ Андрея Александровича, сына Невскаго. Константинъ не имѣлъ никакого права на великое княженіе, потому что ни отецъ, ни дѣдъ его не были великими князьями; но онъ искалъ великаго княженія не по старымъ родовымъ пра-

вамъ, а по новому обычаю, по которому всякій князь считалъ себя въ правѣ, когда былъ отваженъ, богатъ и силенъ; Константинъ бытъ отваженъ, но не былъ такъ богатъ и силенъ, какъ московскій князь, который потому получилъ ярлыкъ въ Ордѣ и удержался великимъ княземъ, не смотря на то, что богатые Новгородцы, недовольные московскими князьями, хлопотали въ Ордѣ за Константина. Въ правленіе Іоанна, кроткаго, тихаго и милостиваго князя, какъ называетъ его лѣтописецъ, произошло въ Москвѣ слѣдующее замѣчательное событіе. Когда на сѣверѣ князья перестали переѣзжать изъ одного княжества въ другое, а оставались всегда въ одномъ, то вмѣстѣ съ ними усѣлась и дружина, отъ чего бояре должны были пріобрѣсти бо́льшее значеніе, какъ постоянные знатные и богатые обыватели княжества, могшіе передавать свое значеніе и дѣтямъ своимъ. Бо́льшее значеніе долженъ былъ пріобрѣсти и тысяцкій, какъ воевода городовыхъ полковъ, имѣвшій ближайшее, непосредственное отношеніе къ жителямъ города: онъ могъ теперь отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сряду безъ смѣны, могъ передать ее сыну. Еще при Симеонѣ Гордомъ бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ поднялъ крамолу противъ великаго князя, былъ изгнанъ, лишенъ своихъ волостей; всѣ три брата, князья Симеонъ, Іоаннъ и Андрей, поклялись не принимать къ себѣ мятежнаго боярина, ни дѣтей его, — и не смотря на то, Алексѣй Петровичъ явился тысяцкимъ въ княженіе Іоанна; но въ 1357 году Алексѣй Петровичъ былъ тайно убитъ, и пошелъ слухъ, что убили его другіе бояре; въ городѣ отъ этого всталъ сильный мятежъ, и большіе бояре московскіе должны были отъѣхать въ Рязань; но когда все утихло, великій князь перезвалъ къ себѣ опять изъ Рязани двоихъ бояръ: Михаила и зятя его Василія Васильевича Вельяминова, который получилъ должность тысяцкаго.

ГЛАВА XXI.

Димитрій Іоанновичъ Донской.

Въ 1359 году умеръ Іоаннъ московскій 33 лѣтъ отъ роду. оставивъ малолѣтныхъ сыновей Димитрія и Ивана и малолѣтнаго же племянника Владиміра Андреевича. Казалось, что ранняя смерть Іоанна будетъ гибельна для Москвы, ибо малютка сынъ его могъ ли хлопотать въ Ордѣ, могъ ли бороться съ другими князьями? И дѣйствительно, когда всѣ князья явились въ Ордѣ и не доставало одного московскаго, то ханъ отдалъ великое княженіе Владимірское суздальскому князю Димитрію Константиновичу. Но Москва была уже такъ сильна, что и такое неблагопріятное обстоятельство, какъ малолѣтство князя, не могло повредить ей. Бояре московскіе, привыкшіе быть боярами сильнѣйшихъ князей всея Руси, не хотѣли сойдти на нисшую степень или отъѣхать къ новому великому князю, въ новое княжество, гдѣ ничто не было имъ извѣстно и обезпечено; они начали стараться добыть ярлыкъ своему князю. Малютка Димитрій отправился въ Орду; но тамъ нельзя было ничего добиться при сильной смутѣ, когда одинъ ханъ смѣнялъ другаго; наконецъ Орда раздѣлилась между двумя ханами — Абдуломъ, именемъ котораго правилъ сильный вельможа Мамай, и Мюридомъ. Московскіе бояре отправили пословъ къ послѣднему и онъ далъ ярлыкъ Димитрію. Бояре посадили на коней всѣхъ трехъ малолѣтныхъ князей своихъ — Димитрія, Ивана и двоюроднаго брата ихъ Владиміра Андреевича, и выступили съ ними на Димитрія Константиновича этотъ князь не могъ противиться московскимъ

полкамъ, и покинулъ Владиміръ. Одиннадцатилѣтній Димитрій московскій занялъ старинную столицу великокняжескую, и когда пріѣхалъ сюда къ нему посолъ отъ хана Абдула съ ярлыками, то онъ принялъ его съ честію и отпустилъ съ дарами. Это разсердило Мюрида, который, чтобъ отомстить Димитрію московскому, прислалъ новый ярлыкъ на Владиміръ Димитрію суздальскому. Тотъ обрадовался и сѣлъ въ другой разъ во Владимірѣ, но сидѣлъ очень недолго, потому что Димитрій московскій опять пришелъ на него съ большимъ войскомъ, выгналъ изъ Владиміра, осадилъ въ Суздалѣ и заставилъ отказаться отъ великаго княженія. Послѣ, когда Димитрію Константиновичу выслали въ третій разъ ярлыкъ изъ Орды, то онъ уже не хотѣлъ вступать въ борьбу съ Москвою и даже выдалъ дочь свою за ея князя.

Отдѣлавшись отъ соперника, Димитрій московскій тотчасъ же далъ почувствовать свою силу князьямъ слабѣйшимъ: онъ привелъ въ свою волю князя ростовскаго, а князя стародубскаго и галицкаго выгналъ изъ ихъ княжествъ. Между тѣмъ моровая язва сильно опустошила Россію, умерло много князей, въ томъ числѣ молодой братъ Димитрія московскаго, Иванъ; великій князь присоединилъ его удѣлъ къ своему, что̀ произошло совершенно спокойно, тогда какъ въ другихъ княжествахъ за выморочные удѣлы между князьями пошли усобицы: такъ встала усобица между Димитріемъ Константиновичемъ суздальскимъ и братомъ его Борисомъ за Нижній Новгородъ. Четырнадцатилѣтній великій князь московскій вступился за Димитрія и заставилъ Бориса уступить ему Нижній. Тутъ онъ дѣйствовалъ не однимъ свѣтскимъ оружіемъ, но и духовнымъ, ибо митрополитъ Алексій постоянно поддерживалъ политику московскаго князя и старался утвердить его силу: онъ отнялъ епископію нижегородскую у суздальскаго владыки, и въ то же время посломъ отъ

московскаго князя явился въ Нижнемъ преподобный Сергій, игуменъ Радонежскій; онъ позвалъ Бориса Константиновича въ Москву, и когда тотъ не послушался, то Сергій, по приказу митрополита и великаго князя московскаго, заперъ всѣ церкви въ Нижнемъ.

Москва хотѣла утвердить свое вліяніе и въ Тверскомъ княжествѣ, пользуясь тамошними усобицами; но тверской князь Михаилъ Александровичъ, дѣятельный и смѣлый, не хотѣлъ уступить Москвѣ безъ борьбы. Разумѣется, онъ не могъ противиться собственными силами, и потому обратился къ зятю своему (сестрину мужу), Олгерду литовскому: слѣдовательно на эту вторую борьбу Твери съ Москвою, мы должны смотрѣть собственно какъ на борьбу московскаго князя съ литовскимъ по поводу тверскаго князя. У Олгерда, по словамъ лѣтописца, былъ такой обычай, что никто не зналъ, ни свои, ни чужіе, куда онъ замышляетъ походъ, этою-то хитростію онъ и забралъ города и земли. Такъ и теперь Димитрій московскій узналъ о замыслахъ Олгерда, когда тотъ уже стоялъ на границѣ, съ братомъ Кейстутомъ, молодымъ сыномъ его Витовтомъ, своими сыновьями, Михаиломъ тверскимъ и полками смоленскими. Димитрій не успѣлъ собрать войска, велѣлъ пожечь посады московскіе и заперся въ каменномъ кремлѣ, только что построенномъ. Олгердъ не могъ взять кремля, но страшно опустошилъ окрестности Москвы, и Димитрій долженъ былъ помириться съ Михаиломъ, уступивъ ему все у него захваченное. Но когда Олгердъ ушелъ, отвлекаемый на западѣ Нѣмцами, то московскій князь, отдохнувши, вооружился опять противъ тверскаго, и опустошилъ его княжество; Михаилъ опять бросился въ Литву, Олгердъ опять вмѣстѣ съ нимъ осадилъ Москву, но узнавъ, что на помощь ей собирается войско въ Перемышлѣ, заключилъ перемиріе съ Димитріемъ и возвратился назадъ.

Не видя большой пользы отъ союза съ Олгердомъ, Михаилъ поѣхалъ въ Орду и вывезъ оттуда ярлыкъ на великое княженіе Владимірское; но Димитрій взялъ во Владимірѣ и по всѣмъ городамъ этого княжества присягу съ жителей не передаваться Михаилу, и дѣйствительно Владимірцы не пустили къ себѣ этого князя. Чтобъ отнять у Михаила всякую надежду на Орду, Димитрій самъ поѣхалъ туда, задарилъ тамъ всѣхъ, пожалованъ былъ великимъ княженіемъ Владимірскимъ и отпущенъ съ большою честію; въ это же время находился въ Ордѣ сынъ Михаила Тверскаго, Иванъ, наблюдавшій за выгодами отца; этотъ Иванъ задолжалъ здѣсь 10,000 рублей; Димитрій московскій заплатилъ долгъ и взялъ Ивана съ собою въ Москву, гдѣ онъ сидѣлъ, пока отецъ не выкупилъ его. Такимъ образомъ тверской князь принужденъ былъ задолжать въ Ордѣ, а московскій имѣлъ средства выкупить его: значитъ борьба была неравная, и московскій князь, какъ богатѣйшій, имѣлъ всегда возможность восторжествовать надъ соперниками. Не получивъ помощи отъ Орды, Михаилъ въ третій разъ повелъ Олгерда на Москву: на этотъ разъ Димитрій приготовился, встрѣтилъ Олгерда съ сильнымъ войскомъ у Любутска, заставилъ его бѣжать и заключилъ перемиріе. Но усобицы въ Твери и внутреннія смуты въ Москвѣ повели опять къ войнѣ московскаго князя съ тверскимъ. Михаилъ тверской ссорился съ своимъ родственникомъ, удѣльнымъ княземъ кашинскимъ; тотъ, не будучи въ состояніи бороться съ Тверью собственными силами, прибѣгалъ подъ покровительство Димитрія московскаго; съ другой стороны, и Михаилъ нашелъ внутри самой Москвы враговъ Димитрію. Въ 1374 году умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ, и великій князь не назначилъ другаго на это важное мѣсто. Сынъ покойнаго, Иванъ, вѣроятно, надѣявшійся получить отцовское мѣсто и обманутый въ своей надеждѣ, сго-

ворился съ другимъ недовольнымъ, купцомъ Некоматомъ, оба бѣжали къ тверскому князю, и успѣли побудить его снова искать великаго княженія Владимірскаго. Михаилъ отправилъ ихъ въ Орду, а самъ поѣхалъ въ Литву, и когда Некоматъ вынесъ ему ярлыкъ изъ Орды, то онъ объявилъ войну московскому князю. Но онъ обманулся въ своихъ разсчетахъ: ни Татары, ни Литва ему не помогли; осажденный въ Твери Димитріемъ, онъ долженъ былъ заключить миръ на всей волѣ московскаго князя: независимый великій князь тверской, не утрачивая титула — «великій князь», обязался считать себя младшимъ братомъ Димитрія, равнымъ удѣльному московскому, Владиміру Андреевичу: когда великій князь московскій или братъ его выступятъ въ походъ, то и тверской князь обязанъ садиться на коня, если пошлютъ воеводъ, то и онъ обязанъ послать своихъ воеводъ; Михаилъ долженъ былъ согласиться, чтобъ княжество Кашинское было независимо отъ Тверскаго; важное условіе постановлено относительно Татаръ: изъ него уже видно, какая большая перемѣна произошла во взглядѣ князей на татарскія отношенія: «будемъ ли мы въ мирѣ съ Татарами, говоритъ Димитрій, дадимъ ли выходъ или не дадимъ — это зависитъ отъ насъ;. если Татары пойдутъ на насъ или на тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ.» Наконецъ Михаилъ долженъ былъ отказаться отъ союза съ Литвою и даже обязался воевать съ нею, если она нападетъ на московскаго князя. Иванъ Вельяминовъ, уѣхавшій въ Орду, вздумалъ было потомъ возвратиться въ отечество, но на дорогѣ былъ схваченъ, приведенъ въ Москву, и торжественно казненъ. Народъ, котораго толпы присутствовали при казни, плакалъ «о благородствѣ его и о величествѣ его». Какъ дѣйствительно знаменитъ былъ этотъ боярскій родъ, видно изъ того, что за роднымъ братомъ казненнаго, Николаемъ Вельяминовымъ,

была замужемъ родная сестра великой княгини московской, дочь великаго князя нижегородскаго. — Во время войны съ Тверью и Литвою, которыя занимали преимущественно вниманіе Димитрія, у него была война и съ великимъ княземъ рязанскимъ, Олегомъ Ивановичемъ, въ 1371 году; война эта окончилась также счастливо для московскаго князя, воевода котораго, Димитрій Михайловичъ Волынскій-Боброкъ, нанесъ Олегу жестокое пораженіе. Въ Рязани шла постоянная вражда между двумя княжескими линіями, рязанскою и пронскою; эта борьба помогала Москвѣ точно такъ, какъ въ Твери помогали ей усобицы между князьями тверскими и кашинскими.

Скоро послѣ мира съ Тверью московскій князь избавился отъ опаснаго врага, который поддерживалъ Михаила тверскаго: въ 1377 году умеръ Олгердъ; великимъ княземъ сталъ сынъ его Ягайло, который не походилъ на отца, былъ недалекъ, лѣнивъ, безхарактеренъ, любилъ удовольствія. По наговору любимца своего, онъ началъ ссору съ дядею, Кейстутомъ, княземъ троцкимъ; сперва Кейстутъ осилилъ его и отнялъ великое княженіе; но потомъ Ягайлу коварствомъ удалось захватить Кейстута и сына его Витовта; Кейстутъ былъ умерщвленъ, Витовту посчастливилось убѣжать въ Пруссію къ Нѣмцамъ, которыхъ онъ поднялъ противъ Ягайла. Эти усобицы отняли у литовскихъ князей средства враждебно дѣйствовать противъ Москвы и дали послѣдней возможность обратить все свое вниманіе на востокъ, на Татаръ. Димитрій выросъ въ неповиновеніи хану, два раза въ дѣтствѣ своемъ ходилъ онъ отнимать Владимірское княженіе у Димитрія суздальскаго, у котораго былъ ярлыкъ ханскій. Княжество Московское постоянно усиливалось, тогда какъ Орда видимо ослабѣвала вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, усобицъ, и ничтожные ханы, подчиненные могущественнымъ вельможамъ, свергаемые ими, теряли все болѣе и болѣе свое значеніе, переставали внушать

страхъ. Отъ страха передъ Татарами началъ отвыкать русскій народъ и потому что со временъ Калиты пересталъ испытывать ихъ нашествія и опустошенія; возмужало цѣлое поколѣніе, которому чуждъ былъ трепетъ отцовъ предъ именемъ татарскимъ; московскій князь, находившійся во цвѣтѣ лѣтъ, въ самомъ полномъ развитіи силъ, былъ представителемъ этого новаго поколѣнія. Съ малолѣтства привыкъ Димитрій дѣйствовать иначе, нежели дѣйствовали дѣдъ, дядя и отецъ его; въ дѣтствѣ съ оружіемъ въ рукахъ добылъ онъ себѣ великое княженіе Владимірское; потомъ съ тридцатилѣтняго возраста не выпускалъ изъ рукъ оружія, выдержалъ опасную борьбу съ Литвою, Тверью, Рязанью, и вышелъ изъ нея побѣдителемъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Неудивительно, что такой князь рѣшился первый поднять оружіе противъ Татаръ.

Князья пограничныхъ княжествъ, Рязанскаго и Нижегородскаго, перестали терпѣливо сносить татарскія нападенія и прогоняли разбойниковъ; великій князь московскій заботливо сторожилъ отъ нихъ берега Оки; по окончаніи борьбы съ Литвою и Тверью онъ впервые послѣ татарскаго ига началъ наступательное движеніе на востокъ, на страну волжскихъ Болгаръ или на Казань, и заставилъ князей ея заплатить себѣ дань. Въ 1377 году московскія и нижегородскія войска были поражены татарскимъ царевичемъ Арапшею на рѣкѣ Пьянѣ, по самонадѣянности воеводъ; но эта самая самонадѣянность уже показывала, что на Руси перестали бояться Татаръ и получили выгодное понятіе о своихъ собственныхъ силахъ. Въ слѣдующемъ 1378 году Мамай отправилъ князя Бѣгича съ большимъ войскомъ на Димитрія московскаго, но тотъ вышелъ на встрѣчу къ Бѣгичу и поразилъ его на рѣкѣ Вожѣ. Наконецъ въ 1380 году Мамай рѣшился двинуться самъ со всѣми своими силами, чтобъ наказать Димитрія; Ягайло литовскій

обѣщалъ также соединиться съ нимъ; великій князь рязанскій Олегъ, котораго пограничное княжество больше всѣхъ другихъ страдало отъ Татаръ, испуганный союзомъ Орды съ Литвою, не надѣясь, чтобъ Димитрій осмѣлился вступить съ ними въ борьбу, вошелъ въ переговоры съ Мамаемъ и Ягайломъ. Но Димитрій не испугался: собравши какъ можно больше войска въ своихъ областяхъ и у князей подручныхъ, подкрѣпленный нравственно благословеніемъ и увѣщаніемъ св. Сергія, игумена троицкаго, Димитрій выступилъ въ походъ, переправился за Донъ, и 8-го сентября, при устьѣ Непрядвы, на Куликовомъ полѣ далъ Татарамъ битву, которая была рѣшена въ пользу Русскихъ засаднымъ отрядомъ, находившимся подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и боярина Волынскаго-Боброка.

Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ; побѣдителей погибло такъ много, что лѣтописецъ говоритъ: «Оскудѣла совершенно вся земля русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей русской землѣ.» Мамай, возвратившись въ Орду, собралъ опять большое войско съ тѣмъ, чтобъ идти на московскаго князя, но былъ остановленъ другимъ врагомъ: на него напалъ ханъ заяицкій (зауральскій) Тохтамышъ, выгналъ его и овладѣлъ Золотою Ордою. Тохтамышъ отправилъ къ русскимъ князьямъ пословъ извѣстить ихъ о своемъ воцареніи, князья приняли пословъ съ честію, отправили своихъ пословъ съ дарами для новаго хана, но сами къ нему не поѣхали съ поклономъ. Тохтамышъ сердился и думалъ о томъ, какъ бы заставить русскихъ вспомнить о своихъ недавнихъ повелителяхъ. Въ 1382 году внезапно съ большимъ войскомъ перевезся онъ черезъ Волгу и пошелъ къ Москвѣ, наблюдая большую осторожность, чтобъ въ русской землѣ не узнали о его походѣ. Эта осто-

рожность показывала лучше всего перемѣну произведенную куликовскою битвою; ханъ надѣется имѣть успѣхъ, только напавши врасплохъ на московскаго князя, боится встрѣтить его приготовленнымъ въ чистомъ полѣ, употребляетъ осторожность, хитрость, орудіе слабаго, и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ слабость Орды передъ новымъ могуществомъ Руси. Великій князь Димитрій, узнавши о приближеніи Татаръ, не могъ собрать достаточнаго числа войска, потому что области его оскудѣли народомъ послѣ куликовской битвы, и потому уѣхалъ на сѣверъ собирать полки. Тохтамышъ осадилъ Москву, не могъ взять ее силою, взялъ коварствомъ и опустошилъ; но узнавши, что великій князь собираетъ полки на сѣверѣ, а братъ его Владиміръ Андреевичъ стоитъ съ войскомъ на западѣ, тотчасъ ушелъ назадъ. Несчастіемъ Москвы спѣшилъ воспользоваться тверской князь Михаилъ и поѣхалъ въ Орду за ярлыкомъ; это заставило Димитрія отправить въ Орду сына своего Василія съ боярами; Тохтамышъ былъ удобренъ, но для этого Димитрій долженъ былъ наложить тяжелую дань на свои области, и безъ того уже опустошенныя.

Кромѣ Татаръ послѣ куликовской битвы Димитрій воевалъ съ Олегомъ рязанскимъ; силою нельзя было принудить къ миру этого смѣлаго и любимаго своимъ народомъ князя, и потому отправился въ Рязань троицкій игуменъ, св. Сергій: онъ тихими и кроткими рѣчами склонилъ Олега къ миру съ Москвою. Были ссоры у Димитрія и съ двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ; до насъ дошли любопытные договоры между двоюродными братьями, показывающіе перемѣну въ отношеніяхъ между князьями: младшій братъ обязывается держать княженіе старшаго честно и грозно, служить ему безъ ослушанья, а старшій обѣщается кормить его по его службѣ: прежнія родственныя отношенія замѣняются

служебными. Владиміръ обязался не домогаться московской отчины Димитріевой и великаго княженія Владимірскаго не только при жизни самого Димитрія, но и при сыновьяхъ его; впервые дядя призналъ старшинство племянника и обязался служить ему. Подобно предшественникамъ своимъ, Димитрій ходилъ войною на Новгородцевъ и взялъ съ нихъ деньги за миръ: причиною похода были разбои новгородской вольницы по Волгѣ. Псковичи продолжали воевать съ Нѣмцами.

Димитрій, прозванный Донскимъ за куликовскую побѣду, умеръ въ 1389 году, еще только 39 лѣтъ отъ рожденія. Дѣдъ, дядя и отецъ Димитрія въ тишинѣ приготовили средства къ борьбѣ открытой съ Татарами; Димитрій умѣлъ воспользоваться этими средствами, умѣлъ развернуть приготовленныя силы и дать имъ во время надлежащее употребленіе. Богатое событіями княженіе Димитрія, протекшее съ начала до конца въ упорной и важной борьбѣ, легко затмило бѣдныя событіями княженія предшественниковъ; куликовская побѣда сильно поразила воображеніе современниковъ, надолго осталась въ памяти потомства, и побѣдитель Мамая получилъ подлѣ Александра Невскаго самое видное мѣсто между князьями новой сѣверовосточной Руси. Важныя слѣдствія дѣятельности Димитрія обнаруживаются въ его духовномъ завѣщаніи: въ немъ встрѣчаемъ неслыханное прежде распоряженіе: московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василія великимъ княженіемъ Владимірскимъ, которое зоветъ своею отчиною; Донской уже не боится соперниковъ для своего сына ни изъ Твери, ни изъ Суздаля, и не стѣсняется тѣмъ, что ханъ можетъ дать ярлыкъ кому-нибудь изъ нихъ.

ГЛАВА XXII.

Василій Димитріевичъ.

Сынъ Донскаго, Василій Димитріевичъ, въ самомъ началѣ княженія своего показалъ, что главною цѣлію его будетъ увеличеніе своего княжества на счетъ другихъ, собираніе русской земли. Черезъ годъ послѣ того, какъ посолъ Тохтамышевъ посадилъ его на великокняжескій столъ во Владимірѣ, Василій поѣхалъ въ Орду и купилъ тамъ ярлыкъ на княжество Нижегородское, которое не задолго передъ тѣмъ выпросилъ себѣ въ Ордѣ же Борисъ Константиновичъ, двоюродный дѣдъ московскаго князя по матери; съ другой стороны Василій преклонилъ на свою сторону бояръ нижегородскихъ, которые и выдали ему своего князя. По тому же ярлыку, кромѣ Нижняго, Василій пріобрѣлъ Городецъ, Муромъ, Мещеру, Тарусу. Но у Бориса нижегородскаго оставались двое племянниковъ, сыновья Димитрія Константиновича, слѣдовательно родные дядья по матери московскому князю. Послѣдній не оставилъ ихъ спокойно княжить въ Суздальской области, они выбѣжали оттуда въ Орду добиваться ярлыковъ на отчину свою, и долго безпокоили Василія вмѣстѣ съ сыновьями Бориса Константиновича; потомки ихъ не отставали отъ своихъ притязаній и при сынѣ Василія, но при внукѣ его всѣ должны были вступить въ службу московскую. Василій хотѣлъ было пріобрѣсти также и владѣнія Новгорода Великаго въ области Сѣверной Двины; это ему не удалось, за то онъ утвердилъ свое вліяніе во Псковѣ, который съ этихъ поръ начинаетъ принимать князей отъ руки великаго князя московскаго. Въ

Твери по смерти Михаила Александровича, знаменитаго соперника Донскому, знаменитаго установленіемъ внутренняго порядка въ своемъ княжествѣ, начались усобицы: наслѣдникъ Михаила, великій князь тверской, по обычаю, хотѣлъ привести въ свою волю младшихъ братьевъ. Великій князь московскій не могъ воспользоваться усобицами тверскими по причинѣ дѣлъ татарскихъ и литовскихъ. Въ концѣ XIV вѣка для Азіи повторились времена Чингисхановы: сынъ небогатаго чагатайскаго князька, Тимуръ или Тамерланъ, началъ въ половинѣ вѣка поприще свое мелкимъ грабежемъ и разбоями, а въ 1371 году владѣлъ уже землями отъ Каспійскаго моря до Манжуріи. Ему былъ обязанъ Тохтамышъ престоломъ Золотой Орды, но не хотѣлъ быть благодарнымъ, вооружился противъ Тамерлана, потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ болгарскихъ, а Тамерланъ вошелъ въ русскіе предѣлы, взялъ Елецъ, плѣнилъ его князя, опустошилъ окрестную страну. Нападеніе не было нечаянное, и Василій Димитріевичъ имѣлъ время приготовиться: онъ собралъ большое войско и сталъ на границахъ своего княжества, на берегу Оки. Но онъ не дождался врага: простоявши 15 дней въ землѣ рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерланъ вышелъ изъ русскихъ предѣловъ въ тотъ самый день, когда Москвичи встрѣтили образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра; образъ этотъ остался съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, какъ главнѣйшая святыня столицы.

Послѣ разгрома Тамерланова, Золотая Орда долго не была опасна московскому князю. Нѣсколько хановъ перемѣнилось въ ней, а Василій не думалъ не только ѣздить самъ къ нимъ на поклонъ, но даже не посылалъ никого; на требованіе дани отвѣчалъ, что княжество его стало бѣдно людьми, не на комъ взять выхода, тогда какъ татарская дань шла въ казну велико-

княжескую; наконецъ обращеніе съ Татарами перемѣнилось: надъ послами и купцами ордынскими начали смѣяться въ областяхъ московскихъ, мстить имъ за прежнее разными притѣсненіями. Въ это время, какъ во время Мамаево, всѣми дѣлами въ Ордѣ заправлялъ князь Эдигей; долго терпѣлъ онъ презрительное обращеніе московскаго князя съ бывшими повелителями, наконецъ рѣшился напомнить ему о себѣ. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмѣлился явно напасть на Москву, встрѣтиться въ чистомъ полѣ съ ея полками; только отъ хитрости и тайны ждалъ онъ успѣха: въ 1408 году, онъ далъ знать Василію, что ханъ со всею Ордою идетъ на Литву, а самъ съ необыкновенною скоростію устремился къ Москвѣ. Василій Димитріевичъ, застигнутый врасплохъ, оставилъ защищать Москву дядю Владиміра Андреевича да братьевъ своихъ, а самъ уѣхалъ въ Кострому. Эдигей осадилъ Москву, разослалъ отряды въ разныя стороны для опустошенія областей великокняжескихъ, и хотѣлъ зимовать подъ столицей, надѣясь взять ее голодомъ; но изъ Орды пришли дурныя вѣсти: кто-то напалъ тамъ на хана, и Эдигей принужденъ былъ спѣшить домой, взявши съ Москвичей 3.000 рублей за отступленіе, ибо Москвичи не знали, что онъ отступаетъ поневолѣ.

Ослабленные Татары могли вредить Россіи только внезапными, разбойническими нападеніями; опаснѣе была Литва, которая домогалась завоеваній прочныхъ. Ягайло, угрожаемый Нѣмецкимъ Орденомъ, подъ покровительство котораго отдался Витовтъ, примирился съ двоюроднымъ братомъ. Въ это время шелъ важный для восточной Европы вопросъ о томъ, кто будетъ мужемъ молодой польской королевны Ядвиги, дочери короля Людовика; польскіе вельможи заставили Ядвигу отдать свою руку Ягайлу литовскому, потому что тотъ обѣщалъ принять католицизмъ самъ и со всѣмъ литовскимъ

народомъ и соединить навѣки свои владѣнія, т. е. Литву и Русь, съ Польшею. Онъ исполнилъ обѣщаніе, заставилъ тѣхъ Литовцевъ, которые еще не приняли христіанства по православному исповѣданію, принять его по латинскому; но вслѣдствіе этого въ областяхъ литовско-русскихъ стали теперь другъ подлѣ друга два враждебныя исповѣданія, что послужило неодолимымъ препятствіемъ къ внутреннему, прочному сліянію западной, литовской Россіи съ Польшею, хотя Ягайло и преемники его сильно старались поддержать внѣшнее ихъ соединеніе. Но если Ягайлу и Полякамъ хотѣлось присоединить Литву къ Польшѣ, то Литовцамъ не хотѣлось потерять своей самостоятельности, и они поддерживали замыслы Витовта, который, заставивъ Ягайла признать себя великимъ княземъ литовскимъ въ зависимости отъ Польши, тяготился этою зависимостію и хотѣлъ получить для себя независимую королевскую корону. Этотъ-то Витовтъ, стремясь съ одной стороны къ самостоятельности и королевскому титулу въ Литвѣ, съ другой стремился увеличить свои владѣнія на востокѣ на счетъ областей русскихъ, не смотря на то, что родная дочь его Софья была замужемъ за Василіемъ Димитріевичемъ, великимъ княземъ московскимъ. Въ Смоленскѣ въ это время происходили усобицы между князьями вслѣдствіе всеобщаго тогда стремленія великихъ князей заставить служить себѣ удѣльныхъ, слабѣйшихъ. Этимъ воспользовался Витовтъ и захватилъ Смоленскъ обманомъ, выставивши себя посредникомъ между его князьями; старшій изъ этихъ князей, Юрій, съ помощію рязанскаго великаго князя Олега, отнялъ было Смоленскъ у Витовта, но не надолго; когда Юрій уѣхалъ въ Москву просить Василія Димитріевича о помощи, Витовтъ подступилъ къ Смоленску и овладѣлъ имъ окончательно съ помощію тамошнихъ бояръ. Но одного Смоленска было мало Витовту: онъ обратилъ свои властолюбивые виды на Новго-

родъ Великій и на самую Москву. Принявши въ свое покровительство изгнаннаго Тохтамыша, онъ взялся доставить ему Золотую Орду съ условіемъ, чтобъ тотъ помогъ ему овладѣть Москвою. Но возвратить Тохтамышу престолъ ордынскій Витовту не удалось, потому что онъ потерпѣлъ страшное пораженіе отъ Эдигея на берегахъ Ворсклы въ 1399 году. Отдохнувши отъ этого пораженія, Витовтъ напалъ на Псковскую область; Новгородцы и Псковичи послали просить помощи въ Москву, и Василій Димитріевичъ объявилъ войну тестю; три раза полки московскіе сходились съ литовскими, но битвы не было, потому что и Витовтъ и Василій отличались одинакою осторожностію. Витовтъ былъ такимъ образомъ удержанъ отъ дальнѣйшихъ замысловъ на восточную Россію; рѣка Угра, на которой встрѣтился онъ въ послѣдній разъ съ великимъ княземъ московскимъ, назначена была границею между литовскими и московскими владѣніями: такъ эта граница была близко отъ Москвы! Но здѣсь былъ послѣдній предѣлъ распространенія литовскихъ владѣній въ русскихъ областяхъ.

Василій Димитріевичъ умеръ въ 1425 году. Главными совѣтниками его были: сначала бояринъ Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, а потомъ сынъ его Иванъ.

ГЛАВА XXIII.

Василій Васильевичъ Темный.

Василій Димитріевичъ оставилъ одного малолѣтнаго сына, Василія, подъ опекою матери его, Софьи Витовтовны. До сихъ поръ не было усобицъ въ родѣ князей московскихъ мы ви-

дѣли, что двоюродный братъ Донскаго, Владимiръ Андреевичъ, безъ борьбы уступилъ старшинство племяннику Василiю Димитрiевичу; но этотъ братъ Донскаго былъ, во первыхъ, братъ двоюродный; во вторыхъ, не могъ занять старшаго стола по отчинѣ: отецъ его не былъ великимъ княземъ московскимъ и владимiрскимъ; у Василiя же Димитрiевича были родные братья, изъ которыхъ старшiй по немъ былъ Юрiй Димитрiевичъ звенигородскiй и галицкiй (Галича костромскаго). Этотъ князь, считая себя по старинѣ полноправнымъ наслѣдникомъ старшинства, отказался признать старшинство племянника Василiя Васильевича, отказался признать новый порядокъ престолонаслѣдiя отъ отца къ сыну. Не смотря на то, молодой Василiй спокойно началъ княжить въ Москвѣ, ибо у Юрiя не было средствъ силою вытѣснить его оттуда. Чтобъ избѣжать войны, и дядя и племянникъ согласились ѣхать въ Орду и положиться на рѣшенiе хана; въ Ордѣ, благодаря ловкости боярина московскаго Ивана Димитрiевича Всеволожскаго, ханъ объявилъ, что великимъ княземъ долженъ быть Василiй; но Юрiй не хотѣлъ успокоиваться на ханскомъ рѣшенiи, и возвратясь домой, ждалъ только благопрiятнаго для себя случая начать борьбу съ племянникомъ. Этотъ случай скоро представился.

Василiй Васильевичъ, будучи въ Ордѣ, далъ обѣщанiе боярину своему Всеволожскому жениться на его дочери; но, по прiѣздѣ въ Москву, мать великаго князя, Софья Витовтовна, никакъ не согласилась на этотъ бракъ, и настояла, чтобъ сынъ обручился на княжнѣ Марьѣ Ярославнѣ, внукѣ Владимiра Андреевича. Тогда разсерженный бояринъ Иванъ Димитрiевичъ отъѣхалъ изъ Москвы къ князю Юрiю и началъ поднимать его на племянника; въ то же время сыновья Юрiя, прiѣхавшiе на свадьбу къ великому князю, были оскорблены Софьею Витовтовною, и это послужило предлогомъ къ войнѣ.

Василій Васильевичъ, праздновавшій свою свадьбу, вовсе не былъ готовъ къ войнѣ, выступилъ противъ дяди съ наскоро собранными, нестройными толпами, былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ. Юрій вступилъ въ Москву и сѣлъ на столѣ великокняжескомъ, племяннику же Василію отдалъ въ удѣлъ Коломну, по совѣту любимца своего, боярина Морозова; но какъ скоро Василій пріѣхалъ въ этотъ городъ, то началъ призывать къ себѣ отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, дворяне, потому что, говоритъ лѣтописецъ, не привыкли они служить галицкимъ князьямъ: дружина такъ уже привыкла теперь къ преемству престола отъ отца къ сыну, что старшій въ родѣ, дядя, считался какимъ-то чужимъ княземъ, служить которому было унизительно, тогда какъ молодой сынъ покойнаго великаго князя уже считался прирожденнымъ великимъ княземъ. Увидавши, что около Василія въ Коломнѣ собралось большое войско, съ которымъ не сладить, сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка, въ припадкѣ досады и злости, убили боярина Морозова, за то, что присовѣтовалъ отцу ихъ возвратить Василію Васильевичу свободу и дать удѣлъ. Убѣгая отцовскаго гнѣва, убійцы уѣхали изъ Москвы; тогда Юрій, видя себя оставленнымъ всѣми, послалъ къ племяннику звать его обратно на великое княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичъ, сопровождаемый только пятью человѣками. Онъ заключилъ съ Василіемъ Васильевичемъ договоръ, въ которомъ обязался не принимать къ себѣ сыновей — Косаго и Шемяку и призналъ племянника старшимъ братомъ. Понадѣявшись на обѣщаніе дяди, Василій отправилъ войско противъ Косаго и Шемяки, но тѣ разбили Москвичей; узнавши, что Юрій не сдержалъ обѣщанія, что полки его помогали Косому и Шемякѣ, великій князь опять началъ войну съ дядею, которая опять кончилась для него несчастливо: онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы и

собирался уже въ Орду, какъ вдругъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія и о томъ, что сынъ послѣдняго, Василій Косой, занялъ престолъ московскій — по новому обычаю, потому что по старинѣ старшинство въ родѣ, по смерти Юрія, принадлежало Василію Васильевичу какъ сыну старшаго брата. Но Косой, оставленный даже и родными братьями, Шемякою и Димитріемъ Краснымъ, не могъ удержаться въ Москвѣ. Лишенный и великаго княженія, и удѣла своего — Звенигорода, Косой не переставалъ однакоже воевать съ Василіемъ Васильевичемъ опустошая его области, наконецъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ. Во время этой усобицы умерли и три остальные сына Донскаго, дядья Василіевы; двое изъ нихъ умерли бездѣтны, а третій, Андрей, оставилъ двоихъ сыновей: Ивана, князя можайскаго, и Михаила, князя верейскаго.

Борьба великаго князя съ двоюродными братьями возобновилась по поводу дѣлъ татарскихъ. Въ 1437 году ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ Золотой Орды братомъ своимъ, засѣлъ въ опустѣлой отъ русскихъ набѣговъ Казани, поставилъ себѣ городъ на новомъ мѣстѣ и въ 1439 году явился нечаянно подъ Москвою. Великій князь не успѣлъ собраться съ силами и уѣхалъ за Волгу; ханъ стоялъ 10 дней подъ Москвою, взять ее не могъ, но надѣлалъ много зла русской землѣ. Въ 1445 году Татары Улу-Махметовы опять появились на русскихъ границахъ, и великій князь вышелъ противъ нихъ съ небольшимъ войскомъ, всего тысячи съ полторы, потому что полки другихъ князей не успѣли собраться; подлѣ Суздаля сошлись Русскіе съ Татарами и потерпѣли сильное пораженіе, самъ великій князь попался въ плѣнъ и былъ отведенъ въ Казань. Татары не пошли дальше, и ханъ отправилъ посла къ Шемякѣ, который принялъ его съ большою честію и отправилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Казань своего посла уговаривать

Улу-Махмета, чтобъ не отпускалъ Василія на великое княженіе. Но такъ какъ послы эти долго не пріѣзжали въ Казань, то ханъ, думая, что посолъ его убитъ Шемякою, вошелъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ и согласился отпустить его въ Москву за извѣстную сумму денегъ; кромѣ того съ Василіемъ выѣхало много Татаръ, которыхъ онъ принялъ въ свою службу. Пріѣздъ этихъ непріятныхъ гостей и тяжелыя подати, наложенныя для того, чтобъ собрать обѣщанныя хану деньги, возбудили неудовольствіе, которымъ спѣшилъ воспользоваться Шемяка; онъ началъ сноситься съ великимъ княземъ тверскимъ, Борисомъ, и княземъ можайскимъ, Иваномъ Андреевичемъ, сообщилъ имъ слухъ, который носился тогда объ условіяхъ Василія съ ханомъ Махметомъ: именно шла молва, будто великій князь обѣщалъ отдать хану все Московское княжество, а самъ бралъ себѣ Тверь. Князья тверской и можайскій повѣрили и согласились дѣйствовать за одно съ Шемякою, въ пользу котораго составился въ Москвѣ заговоръ. Въ 1446 году заговорщики дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій поѣхалъ на богомолье въ Троицкій монастырь. Шемяка и можайскій князь ночью 12-го февраля овладѣли врасплохъ Москвою, схватили мать и жену великаго князя, казну его разграбили, вѣрныхъ бояръ перехватали, и въ ту же ночь князь можайскій отправился къ Троицѣ съ большою толпою вооруженныхъ людей, схватилъ тамъ Василія, вовсе неожидавшаго бѣды, и привезъ его въ Москву; здѣсь его ослѣпили, сказавши ему такія вины: «Зачѣмъ привелъ Татаръ на русскую землю, и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Татаръ и языкъ ихъ любишь сверхъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости; золото, серебро и всякое имѣніе отдаешь Татарамъ; наконецъ, зачѣмъ ослѣпилъ князя Василья Юрьевича?» Шемяка отослалъ слѣпаго (Темнаго) Василія въ Угличъ и провозгласилъ себя великимъ княземъ,

но не могъ удержаться въ Москвѣ съ своими малочисленными приверженцами; большинство было за Василія. Приверженцы его, и убѣжавшіе въ Литву (какъ-то князь Василій Ярославичъ серпуховской, братъ жены Василіевой, князь Оболенскій, Басенокъ), и оставшіеся въ московскихъ областяхъ, какъ-то князья Ряполовскіе и многіе дѣти боярскіе явно дѣйствовали въ его пользу; Шемяка, особенно по настоянію епископа Іоны, назначеннаго въ митрополиты, рѣшился освободить Василія и далъ ему въ удѣлъ Вологду, взявши клятву не искать великаго княженія. Но приверженцы Василія ждали только его освобожденія и толпами кинулись къ нему; игуменъ Кириллова Бѣлоозерскаго монастыря разрѣшилъ его отъ клятвы, данной Шемякѣ, и Василій съ своими приверженцами отправился къ Твери, которой князь Борисъ Александровичъ обѣщалъ ему помощь съ условіемъ, чтобъ онъ обручилъ своего старшаго сына и наслѣдника Ивана на его дочери Марьѣ: жениху было тогда только семь лѣтъ; Василій согласился, и съ тверскими полками пошелъ на Шемяку къ Москвѣ, а съ другой стороны шли туда же изъ Литвы князь Василій Ярославичъ серпуховской съ товарищами своего изгнанія. Шемяка вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ можайскимъ выступилъ противъ Василія, но въ его отсутствіе Москва также внезапно и легко была захвачена приверженцами послѣдняго, какъ прежде приверженцами Шемяки, который, узнавши о потерѣ столицы, не бившись съ Василіемъ, убѣжалъ въ Каргополь и заключилъ миръ съ Василіемъ въ 1447 году, отказавшись отъ великаго княженія и отъ нѣкоторыхъ своихъ волостей.

Но миръ не былъ продолжителенъ вездѣ, въ великомъ Новгородѣ и Казани, между князьями удѣльными и въ стѣнахъ самой Москвы Шемяка заводилъ крамолы, хотѣлъ возбудить нерасположеніе къ Василію. Тотъ отдалъ свое дѣло на судъ духовенству, которое отправило къ Шемякѣ грозное по-

сланіе. Посланіе это замѣчательно тѣмъ, что въ немъ духовенство вооружилось прямо противъ стараго порядка престолонаслѣдія; укоряя отца Шемякина, князя Юрія, за то, что онъ не по праву искалъ великаго княженія подъ племянникомъ, духовенство грозило проклятіемъ Шемякѣ, если онъ не будетъ исполнять условій договора, заключеннаго имъ съ великимъ княземъ. Шемяка не послушался увѣщаній духовенства, и нѣсколько разъ возобновлялъ войну; лишенный своего удѣла, Галича костромскаго, онъ скрылся въ Новгородѣ Великомъ, продолжалъ оттуда нападать на земли великокняжескія; наконецъ въ 1453 году онъ умеръ въ Новгородѣ отъ отравы, присланной изъ Москвы. Сынъ Шемяки, Иванъ ушелъ въ Литву, гдѣ дали ему волости. Но кромѣ Шемяки въ Московскомъ княжествѣ оставались еще другіе удѣльные князья, отъ которыхъ Василій хотѣлъ избавиться: онъ началъ съ союзника Шемякина, князя Ивана можайскаго который не послушался митрополита, два раза звавшаго его на помощь къ великому князю противъ Татаръ; можайскій князь не могъ бороться съ московскимъ убѣжалъ въ Литву и удѣлъ его присоединенъ къ Москвѣ. Потомъ великій князь за какую-то неизвѣстную намъ крамолу велѣлъ схватить въ Москвѣ и заточить брата жены своей, серпуховскаго князя Василія Ярославича, котораго удѣлъ также былъ присоединенъ къ Москвѣ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ удѣловъ Московскаго княжества остался только одинъ — Верейскій, гдѣ княжилъ Михаилъ Андреевичъ, ведшій себя такъ спокойно, что не могъ возбудить никакого опасенія со стороны великаго князя. Такъ кончилась усобица между князьями московскими, потомками Калиты. Вмѣсто того, чтобъ раздробить, ослабить это княжество, отнять у него пріобрѣтенія прежнихъ князей, она кончилась тѣмъ, что Василій Васильевичъ, вовсе не превосходившій своихъ предшественниковъ личными достоинствами,

и къ тому еще слѣпой въ послѣдствіи, уничтожилъ удѣлы (кромѣ одного) въ Московскомъ княжествѣ и удержалъ пріобрѣтенія отцовскія и дѣдовскія: такъ новый порядокъ вещей уже былъ крѣпокъ въ Московскомъ княжествѣ, такъ отвыкли здѣсь повиноваться удѣльнымъ князьямъ мимо сына великаго князя.

Но въ то время, какъ въ Московскомъ княжествѣ происходила эта усобица между правнуками Калиты, усобица первая и послѣдняя, въ это время что̀ же дѣлали великіе князья, давніе соперники московскихъ, князь рязанскій и тверской? Отчего они не воспользовались усобицею, и не постарались усилиться на счетъ Москвы? Они были такъ слабы, что имъ не приходило и на мысль подобное предпріятіе, имъ оставалось на выборъ — подчиниться московскимъ или литовскимъ великимъ князьямъ, смотря по тому, которые изъ нихъ возьмутъ верхъ. Когда усиленіе Московскаго княжества было пріостановлено усобицею между потомками Калиты, рязанскій князь почелъ нужнымъ примкнуть къ Литвѣ и заключилъ съ Витовтомъ договоръ, въ которомъ отдался ему на службу; князья Пронскій, Новосильскій, Одоевскій и Воротынскій сдѣлали то же самое. Такимъ образомъ, чего съ одной стороны не успѣвали сдѣлать князья московскіе, то съ другой доканчивали литовскіе, отнимая независимость и у князей восточной Руси, заставляя ихъ вступать къ себѣ въ службу. Но когда Витовтъ умеръ, и Литва ослабѣла отъ междоусобій, тогда тотъ же рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ примкнулъ къ Москвѣ, и, умирая, отдалъ маленькаго сына на руки великому князю Василію послѣдній перевезъ малютку вмѣстѣ съ сестрою къ себѣ въ Москву, а въ Рязань и другіе города княжества послалъ своихъ намѣстниковъ. И тверской великій князь также сначала колебался между союзомъ московскимъ и литовскимъ, но подъ конецъ предпочелъ союзъ съ Василіемъ Темнымъ.

Но если во время усобицъ московскихъ Рязань и Тверь колебались между Москвою и Литвою, то Новгородъ Великій хотѣлъ быть самостоятельнѣе; Новгородцы слѣдовали правилу признавать побѣдителя своимъ княземъ, а между тѣмъ давать у себя убѣжище и побѣжденному, но это, разумѣется, не нравилось побѣдителю. Мы видѣли, что они держали Шемяку до самой его смерти, не смотря на увѣщанія митрополита Іоны не сообщаться съ отлученнымъ отъ церкви княземъ. Новгородцы должны были ждать мести отъ Василія, и дѣйствительно въ 1456 году великій князь выступилъ противъ Новгорода; воеводы его, князь Стрига-Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ, разбили Новгородцевъ, которые принуждены были купить миръ за 10.000 рублей. Но на этотъ разъ великій князь не довольствовался одними деньгами, и заставилъ Новгородцевъ отказаться отъ права раздавать грамоты на вѣчѣ безъ участія великаго князя или его намѣстниковъ, заставилъ ихъ принять свою великокняжескую печать и присягнуть, что не будутъ принимать никого изъ враждебныхъ ему князей. Во Псковѣ власть московскаго князя утвердилась еще болѣе. Литва не мѣшала Василію утверждать свою власть въ Рязани, Новгородѣ и Псковѣ. Страшный Витовтъ умеръ въ 1430 году; великимъ княземъ въ Литвѣ провозглашенъ былъ родной братъ Ягайловъ, Свидригайло Олгердовичъ, который хотѣлъ непремѣнно возвратить Литвѣ независимость отъ Польши; началась усобица между братьями; Поляки выставили Свидригайлу соперника въ братѣ Витовта, Сигизмундѣ Кейстутовичѣ, который согласился признать свою зависимость отъ короны польской. Вслѣдствіе этого произошло раздѣленіе: Литва стала за Сигизмунда, русскія области остались вѣрны Свидригайлу, и усобица между ними не прекращалась. Ягайло умеръ въ 1434 году, и Поляки выбрали себѣ въ короли сына его Владислава III, который послѣ получилъ и престолъ венгерскій.

Въ Литвѣ жестокій и безнравственный Сигизмундъ былъ убитъ вслѣдствіе заговора, и Поляки прислали на его мѣсто молодаго Казимира Ягайловича, брата короля Владислава, въ качествѣ намѣстника польскаго; но Литовцы провозгласили его великимъ княземъ. Въ 1444 году Владиславъ, король польскій и венгерскій, палъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ, и это событіе повело опять къ соединенію Литвы съ Польшею, ибо Поляки выбрали Казимира себѣ въ короли. Затруднительно было положеніе этого короля между стремленіями Поляковъ присоединить къ себѣ нѣкоторыя литовскія области, Волынь, Подолію, и между стремленіями Литовцевъ удержать въ цѣлости свои владѣнія и свою независимость отъ Польши; иногда дѣло доходило до явнаго разрыва, и большихъ усилій стоило Казимиру отвратить кровопролитіе, а съ другой стороны дѣла Нѣмецкаго Ордена отвлекали его вниманіе на западъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Литва не могла воспользоваться московскими усобицами, помѣшать Василію Темному собрать московскіе удѣлы и усилить свою власть въ сосѣднихъ княжествахъ. Въ послѣднее время своей жизни Василій думалъ нанести окончательный ударъ Новгороду Великому: только архіепископъ новгородскій Іона, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, успѣлъ удержать его отъ похода, уговаривая обратить все свое вниманіе на Татаръ, враговъ христіанства, которые дѣйствительно не переставали нападать на русскія области. Въ 1462 году умеръ Василій Васильевичъ, оставивъ престолъ великокняжескій старшему сыну, Іоанну, котораго еще при жизни своей объявилъ великимъ княземъ и соправителемъ всѣ грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ князей. Димитрій Донской первый рѣшился благословить старшаго сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ, потому что не боялся ему соперниковъ ни изъ Твери, ни изъ Нижняго; Василій Димитріевичъ не рѣшился благосло-

вить сына своего утвердительно Владиміромъ, зная о притязаніяхъ брата своего Юрія. Василій Темный не только благословляетъ старшаго сына своего отчиною, великимъ княженіемъ, но считаетъ область великаго княжества Владимірскаго неразрывно соединенною съ Московскимъ княжествомъ, вслѣдствіе чего Владиміръ и другіе города его области смѣшиваетъ съ городами московскими. Кромѣ Іоанна, у Василія осталось еще четверо сыновей: Юрій, Андрей Большой, Борисъ и Андрей Меньшой, которымъ всѣмъ онъ далъ удѣлы; но старшій, Іоаннъ, получилъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, не говоря уже о значеніи городовъ и величинѣ областей. Такимъ образомъ старшему даны были всѣ средства держать младшихъ подъ своею рукою.

ГЛАВА XXIV.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ половины XIII до половины XV вѣка.

1. Главныя явленія означеннаго времени. Съ половины XIII до половины XV вѣка, главныя явленія были, во первыхъ, отдѣленіе Россіи западной отъ восточной: западная, истощенная усобицами и опустошенная кочевыми ордами, не могла сохранить своей самостоятельности, собраться въ одно цѣлое собственными средствами, и должна было подчиниться князьямъ литовскимъ, а потомъ вмѣстѣ съ Литвою соединилась съ Польшею, Галицкое же королевство непосредственно подчинилось Польшѣ. Русь сѣверовосточная, имѣвшая болѣе свѣжихъ силъ, съ которыми недавно выступила на историческую

сцену и тотчасъ же пріобрѣла явный перевѣсъ надъ западною, Русь сѣверовосточная могла самостоятельно, собственными средствами собраться, составить одно государство. Разумѣется, ей помогли въ этомъ разныя благопріятныя обстоятельства: нашествіе Батыево не повторялось, Татары откочевали далеко, ханы, получая дань и дары отъ князей, не принимали никакого участія во внутреннихъ дѣлахъ Россіи, вовсе не понимали того, что̀ тамъ дѣлается: вмѣсто того, чтобъ поддерживать усобицы, не давать сильнѣйшимъ князьямъ усиливаться на счетъ другихъ, они поступали наоборотъ, принимали и отпускали отъ себя съ великою честію и съ пожалованіями князей, которые давали имъ больше денегъ, не предугадывая, что это самые опасные для нихъ князья. На западѣ опасныхъ сосѣдей также не было у сѣверовосточной Руси: Литва не пошла дальше Угры, не могла овладѣть ни Новгородомъ, ни Псковомъ, ибо сначала сдерживалась Нѣмецкимъ Орденомъ, а потомъ усобицами и затруднительными отношеніями къ Польшѣ. Наконецъ, къ счастію для сѣверовосточной Руси, въ Ярославѣ Всеволодовичѣ и его потомствѣ она имѣла князей дѣятельныхъ и благоразумныхъ, неуклонно стремившихся къ одной цѣли — усилиться на счетъ другихъ, примыслить къ своему отдѣльному княжеству какъ можно больше волостей, заставить другихъ князей сдѣлаться изъ родственниковъ слугами.

Въ старой югозападной Руси мы видѣли, что князья владѣли землею сообща, цѣлымъ родомъ, перемѣняя волости по старшинству; въ новой же сѣверовосточной Руси хотя Владиміръ съ своею областью и считается собственно великимъ княженіемъ, но великіе князья не живутъ болѣе въ немъ, остаются въ своей вотчинѣ, тверскіе въ Твери, московскіе въ Москвѣ; въ старину родъ княжескій сохранялъ свое единство и потому имѣлъ одного старшаго, великаго князя; теперь же этого единства больше нѣтъ, и потому является нѣсколько ве-

ликихъ князей: такъ называются и московскій князь, и тверской, и рязанскій, и нижегородскій. Въ старину, при единствѣ княжескаго рода, великому князю наслѣдовалъ не сынъ его, но старшій по немъ въ цѣломъ родѣ, дядя имѣлъ преимущество передъ племянникомъ, имѣлъ для племянника значеніе отца; если и были попытки племянниковъ, сыновей отъ старшаго брата, отнимать старшинство у дядей, младшихъ братьевъ отцовскихъ, то попытки эти были неудачны, встрѣчали неодобреніе въ обществѣ, какъ дѣло преступное, грѣховное; теперь же на сѣверѣ всѣ эти старыя преданія ослабѣли: племянники съ успѣхомъ вооружаются противъ дядей, отнимаютъ у нихъ великое княженіе Владимірское, младшіе братья отнимаютъ старшинство у старшихъ; великіе князья стараются передать великое княженіе своимъ сыновьямъ, минуя братьевъ, стараются заставить послѣднихъ отказаться отъ своихъ правъ въ пользу племянника. Такъ какъ отъ старыхъ родовыхъ представленій и названій еще не освободились, новыя еще не выработались отчетливо, то употребляются странныя выраженія: дядя, напримѣръ, обязывается считать племянника старшимъ братомъ, отцомъ! Дядья, разумѣется, противятся, не хотятъ отказываться отъ своихъ правъ; но ихъ сопротивленіе напрасно, ибо противъ нихъ идетъ теперь цѣлое общество, что̀ такъ ясно обнаружилось во время борьбы Василія Васильевича съ дядею Юріемъ: всѣ ратные люди бросились къ молодому Василію въ Коломну, не желая служить галицкому князю, дядѣ, старшему въ родѣ, духовенство вооружается противъ поступка Юріева, какъ противъ грѣха, сравниваетъ его съ грѣхомъ праотца Адама, захотѣвшаго быть равнымъ Богу. Такимъ образомъ новый порядокъ престолонаслѣдія утвердился на самомъ дѣлѣ, но не по закону; мы теперь знаемъ, что послѣ императора наслѣдникъ старшій сынъ его, ибо таковъ законъ имперіи; но въ XV вѣкѣ закона не было, и потому чтобъ упрочить

престолонаслѣдіе за сыномъ, великій князь долженъ былъ прибѣгать къ самому дѣлу: такъ Василій Васильевичъ при жизни своей назвалъ сына своего Іоанна великимъ княземъ, присоединяя имя его къ своему собственному во всѣхъ грамотахъ.

Изъ XIV и XV вѣковъ до насъ дошло много духовныхъ завѣщаній и договорныхъ грамотъ княжескихъ, изъ которыхъ можемъ видѣть, какъ постепенно, но очень медленно происходила перемѣна прежнихъ родовыхъ отношеній между князьями на новыя, служебныя: сюда относятся выраженія, что младшій долженъ держать старшаго честно и грозно, обязанъ служить ему, а тотъ обязанъ кормить его по его службѣ; младшіе, удѣльные князья не имѣли права непосредственно сноситься съ ханомъ, знать Орду, какъ тогда выражались. Въ завѣщаніяхъ князья обыкновенно даютъ большое значеніе женамъ своимъ: отказываютъ имъ богатыя волости, приказываютъ сыновьямъ во всемъ слушаться матери, которой дается право въ случаѣ смерти одного сына раздѣлять его удѣлъ между оставшимися въ живыхъ; поэтому князья-братья начинали договоры свои такъ «По слову и благословенію матери нашей». Такое значеніе матерей имѣло религіозное основаніе «держи мать свою въ чести и матерствѣ, какъ Богъ сказалъ», говорятъ князья сыновьямъ въ завѣщаніяхъ; поэтому и духовенство, во имя религіи, подтверждало эти приказанія.

2. Татарское вліяніе. И теперь въ новой сѣверной Руси вступленіе великаго князя на престолъ сопровождалось обрядомъ посаженія, съ тѣмъ однако различіемъ, что теперь сажалъ на столѣ посолъ татарскій, въ чемъ ясно выражалась зависимость князя отъ хана. Какъ же велика была эта зависимость? При описаніи первыхъ временъ татарскаго ига говорится, что Батый поставилъ намѣстниковъ (баскаковъ) своихъ по всѣмъ городамъ Русскимъ; въ извѣстіи о перечисленіи

для наложенія поголовной дани говорится, что численники поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ, темниковъ (десятитысячниковъ). Подъ 1266 годомъ лѣтописецъ уже говоритъ, что притѣсненія татарскія ослабѣли; потомъ не находимъ уже больше извѣстій о баскакахъ на сѣверѣ; послѣ 1275 года не упоминается болѣе о перечисленіи — знакъ, что ханы, по разнымъ причинамъ, начали оказывать полную довѣренность великимъ князьямъ, и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду. Такимъ образомъ чрезъ удаленіе баскаковъ, численниковъ и сборщиковъ дани, къ концу XIII вѣка князья освобождались совершенно отъ татарскаго вліянія на свои внутреннія распоряженія; но и во время присутствія баскаковъ мы не имѣемъ основанія предполагать большаго вліянія ихъ на внутреннее управленіе. Какъ скоро исчезли татарскіе численники, то прекратилась и несправедливая подушная дань, равная для всѣхъ, слѣдовательно легкая для богатыхъ, тяжелая для бѣдныхъ; князья стали брать дань по силѣ, то-есть по средствамъ плательщиковъ; дань бралась съ сохъ (количество земли, обработываемое извѣстными средствами, напримѣръ, съ помощію трехъ лошадей) и съ промысловъ, которые приравнивались къ сохѣ (напримѣръ неводъ считался за соху, кузница также); въ случаѣ нужды, при запросахъ изъ Орды, бралась дань и съ членовъ дружины, смотря по ихъ доходамъ. Кромѣ выхода или дани въ Орду были еще другаго рода издержки на Татаръ, ордынскія тягости и проторы, какъ тогда говорили. Таковъ былъ ямъ (отъ татарскаго слова: ямъ — дорога), — обязанность доставлять подводы татарскимъ чиновникамъ; содержаніе пословъ ханскихъ и ихъ многочисленной хищной свиты; наконецъ поѣздки князей въ Орду, гдѣ должно было дарить хана, женъ его, вельможъ и всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ людей; неудивительно, что у князей иногда не доставало на

все это денегъ, и они должны были входить въ долги. Дань шла въ казну княжескую тогда только, когда не было запросовъ изъ Орды, то-есть когда можно было не удовлетворять этимъ запросамъ; постоянные же доходы княжескіе состояли по прежнему въ пошлинахъ торговыхъ, судныхъ, и доходахъ съ земельной частной собственности.

3. **Дружина.** Князья на сѣверѣ перестаютъ переходить изъ одного княжества въ другое, постоянно сидятъ въ одномъ, которое усиливаютъ на счетъ другихъ: это обстоятельство даетъ возможность и членамъ дружины оставаться въ одной области и пріобрѣтать здѣсь значеніе постоянныхъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ и наслѣдственно пользоваться правительственными должностями. Вмѣстѣ съ усиленіемъ московскаго князя усиливаются московскіе бояре; имъ выгодно удержать эту силу навсегда за своимъ княземъ, и они дѣйствительно хлопочутъ объ этомъ, подкрѣпляемые митрополитами: такъ въ малолѣтство Димитрія Донскаго они удержали за нимъ великое княженіе Владимірское. Дружинники: бояре, дѣти боярскіе и слуги вольные, по прежнему удерживали право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому; дружинникамъ слабѣйшихъ князей выгодно было переходить въ дружину сильнѣйшихъ, чѣмъ они еще болѣе усиливали послѣднихъ: такъ, мы видѣли, поступили бояре нижегородскаго князя, передавшіеся московскому; они не считали себя измѣнниками, потому что во всѣхъ договорахъ княжескихъ повторялось «боярамъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля». Какъ усилилось значеніе бояръ московскихъ, видно изъ того, что великіе князья нижегородскій, тверской искали родственныхъ союзовъ съ ними. Но это усиленіе не было опасно для великаго князя: ни одна знатная фамилія долго не сохраняла своего могущества, ибо ко двору московскому безпрестанно пріѣзжали новые знатные и богатые выходцы и тѣснили старыхъ; чѣмъ сильнѣе стано-

вился московскій князь, тѣмъ бо́льшее число людей находило выгоднымъ вступать къ нему въ службу; притомъ же эти пришлецы, люди новые, окруженные новыми лицами, новыми явленіями, не имѣли на что̀ опереться, не могли дѣйствовать обдуманно и дружно. Скоро начали стекаться отовсюду въ Москву князья, лишенные своихъ владѣній, и Рюриковичи русскіе, и Гедиминовичи литовскіе, и оттѣсняли старыхъ московскихъ бояръ отъ первыхъ мѣстъ; князья Рюриковичи пріѣзжали лишенные уже своихъ княжествъ, удѣловъ; за ними оставалось нѣсколько земель въ этихъ удѣлахъ, земель раздробленныхъ и дробившихся все болѣе и болѣе съ умноженіемъ дѣтей княжескихъ, которые всѣ получали участки въ отцовскомъ владѣніи; Гедиминовичи же литовскіе пріѣзжали вовсе безъ земель, и получали ихъ по милости великихъ князей московскихъ; всѣ эти князья слѣдовательно не были сильны, не были опасны. — За службу свою дружинники получали отъ великихъ князей волости и села въ кормленіе. — Кромѣ дружины въ составъ войска входили по прежнему полки изъ городскаго и сельскаго народонаселенія.

4. Города. Въ городахъ, которые, какъ стольные города великокняжескіе, занимаютъ теперь главное мѣсто, въ Москвѣ, Твери, Рязани, Нижнемъ, Суздалѣ, даже въ знаменитомъ Владимірѣ, мы не встрѣчаемъ больше вѣчей и того участія горожанъ въ дѣлахъ, какое встрѣчали прежде въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ; усобицы между князьями продолжаются по прежнему, но города не принимаютъ въ нихъ участія какъ прежде, ихъ го́лоса не слышно; ни одинъ князь не собираетъ вѣча для объявленія горожанамъ о походѣ или о какомъ-нибудь другомъ важномъ дѣлѣ, ни одинъ князь не заключаетъ ни о чемъ договора съ ними. Подъ именемъ вѣча теперь лѣтописцы разумѣютъ незаконное мятежное собраніе народа, собравшихся лѣтописцы называютъ мятежниками, кра-

мольниками. Очень дурно отзываются московскіе лѣтописцы и о вѣчевомъ бытѣ Новгорода, обнаруживаютъ къ нему отвращеніе. Мы видѣли, что Новгородцы, не будучи въ состояніи защищать свою вольность силою отъ великихъ князей, выкупали ее деньгами; за деньги великіе князья оставляли Новгородцевъ жить по старинѣ, подтверждая эту старину договорами, изъ которыхъ самый древній, дошедшій до насъ, относится ко временамъ великаго князя Ярослава Ярославича; договоры эти заключались отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ, отъ всего Новгорода; князь раздавалъ правительственныя мѣста въ Новгородской области только Новгородцамъ, безъ посадника не раздавалъ мѣстъ и грамотъ; не могъ управлять Новгородомъ не находясь въ Новгородѣ; безъ вины, по своему произволу, не могъ никого лишить должности; не могъ судить никого безъ посадника. Уже давно, по всѣмъ вѣроятностямъ во второй четверти XII вѣка, Новгородцы стали сами себѣ выбирать посадника и тысяцкаго, и помѣстили посадника подлѣ князя при судѣ и раздачѣ мѣстъ, хотя при этомъ князь не потерялъ вліянія при избраніи посадника и не лишился права требовать его смѣны, объявивши только вину его. Въ прежнее время великіе князья, не имѣя возможности сами жить или часто бывать въ Новгородѣ, посылали туда вмѣсто себя одного изъ родственныхъ себѣ князей; но потомъ великіе князья, особенно московскіе, посылали въ Новгородъ намѣстниковъ своихъ изъ бояръ.

Въ городахъ югозападной Руси въ это время кромѣ русскаго народонаселенія видимъ Нѣмцевъ, Жидовъ и Армянъ; во время литовскаго владычества Жиды получили здѣсь большія выгоды; тогда же русскіе города начали получать право нѣмецкое, магдебургское, по которому горожане освобождались изъ-подъ вѣдомства воеводъ, судей и всякихъ чиновниковъ ве-

ликокняжескихъ, и во всѣхъ дѣлахъ расправлялись передъ своимъ начальникомъ, который носилъ названіе войта. Полоцкъ, имѣвшій одинакій бытъ съ Новгородомъ Великимъ и другими старыми русскими городами, сохраняетъ этотъ бытъ и при князьяхъ литовскихъ онъ заключаетъ договоры съ Ригою, съ магистромъ ливонскимъ; по грамотѣ короля Казимира. бояре, мѣщане, дворяне и всѣ жители полоцкіе должны были собираться для разсужденія о городскихъ дѣлахъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна сходились; мѣщане, дворяне и чернь не могли собирать сеймовъ безъ бояръ; казну берегли сообща выборные изъ всѣхъ городскихъ сословій, изъ бояръ, мѣщанъ, дворянъ и черни.

5. Сельское народонаселеніе. Пустыхъ земель было много, народу мало, и потому князья старались перезывать въ свои области поселенцевъ изъ другихъ областей, давая имъ на нѣсколько лѣтъ свободу отъ всякихъ податей. Крестьяне свободно переходили отъ одного землевладѣльца къ другому; но они могли оставлять землю, или отказываться, какъ тогда называли, только въ извѣстный срокъ, по преимуществу осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, за двѣ недѣли до Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ него. Встрѣчаются также случаи, когда князья запрещали переходъ крестьянъ въ пользу извѣстнаго землевладѣльца, напримѣръ, великій князь Василій Темный пожаловалъ Троицкій Сергіевъ монастырь, запретивъ переходъ крестьянамъ одного изъ селъ, принадлежавшихъ этому монастырю. Землевладѣльцы получали отъ князей право суда надъ поселившимися на ихъ земляхъ крестьянами, кромѣ случаевъ уголовныхъ. Но кромѣ переходнаго, свободнаго сельскаго народонаселенія, по прежнему видимъ народонаселеніе несвободное, принадлежащее землевладѣльцамъ.

6. Козаки. Въ концѣ первой половины XV вѣка въ пер-

вый разъ встрѣчаемъ названіе козаковъ именно рязанскихъ. Подъ этимъ именемъ у предковъ нашихъ разумѣлись вообще люди бездомовные, безсемейные, принужденные добывать себѣ пропитаніе работой у чужихъ людей; такимъ образомъ козакъ значилъ то же самое, что̀ работникъ, батракъ, и въ этомъ отношеніи козаки противополагались земскимъ людямъ, имѣющимъ постоянное мѣсто жительства и собственность. Сосѣдство съ степью, не безплодною, но привольною для житья, орошаемою большими рыбными рѣками, влекло туда самыхъ отважныхъ изъ этихъ бездомовниковъ, козаковъ, къ нимъ присоединялись и поневолѣ всѣ тѣ, которымъ нельзя было оставаться въ обществѣ, которыхъ законъ преслѣдовалъ за безпорядочную, преступную жизнь, наконецъ бѣглые холопи. Изъ такихъ-то людей образовалось военное пограничное населеніе, извѣстное преимущественно подъ именемъ козаковъ. Козаки эти имѣли важное значеніе, потому что, какъ люди отважные, они пролагали пути къ населенію пустыхъ, степныхъ пространствъ; выходъ въ козаки былъ легокъ русскому человѣку потому что, уходя въ степь, онъ не уходилъ въ чужую сторону, не переставалъ быть православнымъ русскимъ человѣкомъ, и въ степи, среди козаковъ, онъ находилъ своихъ же; они признавали надъ собою власть правительства русскаго но повиновались ему только тогда, когда это было имъ выгодно; въ бо̀льшей зависимости отъ правительства находились тѣ козаки, которые жили недалеко отъ границъ, подъ руками правительства, въ меньшей тѣ, которые удалялись въ глубь степей, но такихъ въ описываемое время еще не могло быть много, потому что въ степяхъ еще были сильны Татары.

7 Торговля. Самымъ значительнымъ торговымъ городомъ на Руси, послѣ упадка Кіева, оставался Новгородъ Великій, отъ этого онъ былъ и самымъ богатымъ городомъ; въ

Новгородъ пріѣзжало много Нѣмцевъ для торговли, новгородскіе купцы ѣздили торговать въ Любекъ, Готландію, въ Стокгольмъ, какъ видно изъ договоровъ, которые они заключали съ Нѣмцами, съ Ганзою. Послѣ Новгорода значительную заграничную торговлю вели Псковъ, Смоленскъ, Полоцкъ; Нѣмцы привозили сюда хлѣбъ, соль овощи сельди, сукно, полотно, металлъ и металлическія вещи, пергаменъ, вино, пиво; вывозили: мѣха, кожи, сало, воскъ, лѣсъ, и восточныя произведенія: жемчугъ, шелкъ, дорогія ткани. На югѣ Кіевъ, не смотря на опустошеніе татарское, по удобству положенія и по старой привычкѣ, привлекалъ къ себѣ купцовъ иностранныхъ, италіянскихъ. Нѣмцы ѣздили на Волынь и въ Галицію; Галичане и Подольцы торговали въ Молдавіи Бессарабіи, Венгріи; русскіе купцы ѣздили также торговать въ Судакъ (Сурожъ) и Өеодосію (Кафу), въ Грецію и Турцію. На сѣверовостокѣ Нижній Новгородъ благодаря своему выгодному положенію, уже начинаетъ быть извѣстенъ, какъ богатый торговый городъ, вслѣдствіе чего суздальскіе князья и перенесли въ него свой столъ: въ Нижній, кромѣ Татаръ, пріѣзжали торговать и Армяне; Армяне и литовскіе купцы пріѣзжали также въ Москву; татарскіе купцы пріѣзжали въ русскіе города обыкновенно вмѣстѣ съ послами. Главнымъ препятствіемъ для торговли, кромѣ татарскихъ опустошеній, были еще разбои, производившіеся въ большихъ размѣрахъ, особенно по Волгѣ; эти разбои производились преимущественно Новгородцами.

8. Богатство народа, его домашній бытъ. Богатые торговлею города, Новгородъ и Псковъ славились прочностію своихъ укрѣпленій, обиліемъ каменныхъ церквей; церкви эти были небольшія, строились скоро, иногда очень неискусно; мастера, строившіе церкви, были русскіе; но расписывали церкви греческіе мастера, или русскіе, ученики Грековъ;

изъ русскихъ славился особенно Андрей Рублевъ. Владыки начинаютъ строить для себя палаты каменныя въ Новгородѣ и Москвѣ, наконецъ вводятся кой-гдѣ въ употребленіе звонящіе часы. Домашній бытъ отличался по прежнему простотою. Князья, строившіе города, церкви, богато ихъ украшавшіе, спали на соломѣ; въ завѣщаніяхъ московскихъ князей упоминается объ иконахъ, дорогихъ платьяхъ, цѣпяхъ, рѣдко о дорогомъ оружіи, о нѣсколькихъ сосудахъ столовыхъ, и все это въ такомъ небольшомъ количествѣ, что не могло занимать много мѣста, легко могло быть спрятано, собрано, увезено. Но если такъ было у князей, то чего же мы должны искать у простыхъ людей? У нихъ, кромѣ самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего сыскать, ибо все, что̀ получше и подороже, хранилось въ церквахъ, какъ мѣстахъ, наименѣе подвергавшихся пожарамъ и разграбленіямъ. Это отсутствіе мебели, домашнихъ украшеній и удобствъ помогало нашимъ предкамъ равнодушнѣе переносить частые, пожары и непріятельскія нашествія: если жизнь и свобода были спасены, то объ остальномъ нечего было много тужить, дорогаго было такъ мало, что его легко было унести съ собою, небольшіе же деревянные домы легко было вновь построить по необыкновенной дешевизнѣ матеріяла.

9. Церковь. Прежде упоминалось о сильномъ сопротивленіи, которое христіанство встрѣтило на сѣверѣ отъ финискаго язычества, отъ волхвовъ; теперь же такого сопротивленія мы больше не видимъ; христіанство распространяется между Корелами на сѣверозападѣ, между Зырянами или Пермяками на сѣверовостокѣ. Апостоломъ Зырянъ былъ св. Стефанъ, который приготовился къ своему подвигу тѣмъ, что изобрѣлъ азбуку и перевелъ нужнѣйшія богослужебныя книги на языкъ зырянскій. Какъ св. Стефанъ заботился о новообращенныхъ, которыхъ былъ первымъ епископомъ, видно изъ

«Плача земли пермской» по немъ, помѣщеннаго въ житіи его: «Теперь мы лишились защитника, который Богу молился о душахъ нашихъ, а передъ княземъ и вельможами былъ нашимъ защитникомъ, избавлялъ насъ отъ насилій, работы и чиновническихъ грабежей; сами Новгородцы разбойники словъ его слушались и не воевали насъ».

Дѣятельность главныхъ архіереевъ русской церкви, митрополитовъ всея Руси, становится теперь замѣтнѣе, чѣмъ прежде, во первыхъ, потому что совершается великій переворотъ въ судьбахъ отечества, устанавливается единовластіе, причемъ должно было духовенство рѣшительно высказаться и высказалось въ пользу единовластія; во вторыхъ теперь митрополиты выбираются изъ Русскихъ, а не изъ Грековъ, которые не могли принимать такъ къ сердцу русскіе интересы, не могли, какъ чужеземцы, имѣть такого сильнаго вліянія на князей и на народъ. Кромѣ того были еще другія важныя дѣла, въ рѣшеніи которыхъ духовенство должно было принимать сильное участіе; таковы были дѣла татарскія, литовскія, греческія.

Такъ какъ Кіевъ и вообще южная Русь потеряла свое главное значеніе, которое перешло къ Руси сѣверной, то и главные пастыри русской церкви, митрополиты, должны были обратить особенное вниманіе на сѣверъ и тамошнихъ князей: они начинаютъ ѣздить туда по нѣскольку разъ, а митрополитъ Максимъ окончательно переѣхалъ на житье изъ Кіева во Владиміръ. Преемникъ Максима, св. Петръ, родомъ Русскій изъ Волыни, избралъ своимъ пребываніемъ Москву и тѣмъ много способствовалъ усиленію ея на счетъ всѣхъ другихъ княжествъ; Петръ ѣздилъ въ Орду и былъ тамъ принятъ съ большою честію, ибо Татары уважали служителей всѣхъ религій; когда наложена была дань на Русскихъ, духовенство было освобождено отъ нея, и ханы давали нашимъ митрополитамъ ярлыки или грамоты, которыми подтверждалось

свобода духовенства отъ всякихъ поборовъ въ пользу Татаръ. Преемникомъ св. Петра былъ Грекъ Θеогностъ; какъ до сихъ поръ митрополиты должны были обращать особенное вниманіе на сѣверъ и наконецъ утвердиться здѣсь, такъ теперь они должны были обратить одинакое же вниманіе и на югозападъ, ибо здѣсь русскія области соединились теперь подъ властію одного могущественнаго князя, литовскаго: вотъ почему Θеогностъ не разъ ѣздилъ на Волынь и жилъ тамъ долгое время. Преемникомъ Θеогноста былъ св. Алексій изъ знатнаго московскаго рода Плещеевыхъ, которые выѣхали въ Москву изъ Чернигова. Алексій много помогалъ московскимъ князьямъ, особенно Димитрію Донскому, при утвержденіи ихъ могущества, потому что князья, которые осмѣливались противиться московскимъ князьямъ, имѣли противъ себя и митрополита: такъ Алексій наложилъ проклятіе на нѣкоторыхъ князей, которые обѣщали великому князю московскому выступить вмѣстѣ съ нимъ противъ Татаръ и не исполнили обѣщанія; наложилъ проклятіе на смоленскаго князя, который помогалъ Олгерду противъ Москвы; кромѣ этой дѣятельности внутри Россіи св. Алексій ѣздилъ въ Орду и своимъ вліяніемъ на хана спасалъ Россію отъ бѣды, которою грозили ей Татары.

Но если митрополитъ всея Руси, Москвичъ, жившій въ Москвѣ, такъ помогалъ московскому князю усиливаться, то конечно это не могло нравиться литовскимъ князьямъ отъ этого у нихъ родилось желаніе имѣть для подвластныхъ имъ Русскихъ областей особаго митрополита въ Кіевѣ, который бы находился подъ ихъ вліяніемъ. Олгердъ жаловался константинопольскому патріарху, что митрополитъ Алексій помогаетъ московскому князю въ его завоевательныхъ замыслахъ, не ѣздитъ въ Литву и Кіевъ, освобождаетъ отъ присяги перебѣжчиковъ изъ Литвы въ Москву; Олгердъ требовалъ другаго митрополита для подвластныхъ ему и союзныхъ рус-

скихъ княжествъ. Въ Константинополѣ исполнили это требованіе и поставили митрополитомъ для югозападной Руси Кипріана, родомъ изъ южныхъ Славянъ, но съ тѣмъ, чтобъ по смерти престарѣлаго Алексія онъ былъ митрополитомъ и всея Руси; потомъ однако, по смерти св. Алексія, въ Константинополѣ согласились поставить особаго митрополита для Москвы, Пимена; по смерти послѣдняго Кипріанъ соединилъ подъ своею властію обѣ русскія церкви, что было легко ему сдѣлать, когда великій князь московскій Василій Димитріевичъ жилъ согласно съ тестемъ своимъ Витовтомъ литовскимъ. Но когда послѣдовалъ между ними разрывъ, то преемнику Кипріанову, Греку Фотію, невозможно стало удержать за собою Кіевъ: Витовтъ настоялъ, чтобъ въ 1415 году соборъ югозападныхъ русскихъ епископовъ самъ собою посвятилъ въ кіевскіе митрополиты Григорія Цамблака, ученаго Болгарина, ибо Константинопольскій патріархъ не соглашался на это. Цамблакъ умеръ въ 1419 году: въ это время вражда къ Москвѣ остыла въ Витовтѣ, все вниманіе его было поглощено дѣлами польскими и онъ не хлопоталъ объ избраніи преемника Цамблаку, вслѣдствіе чего Фотій опять получилъ въ управленіе церковь южно-русскую.

По смерти Фотія усобицы великаго князя московскаго Василія Васильевича съ дядею и потомъ съ двоюродными братьями долго мѣшали назначенію новаго митрополита; наконецъ былъ избранъ рязанскій епископъ Іона; но когда онъ пріѣхалъ въ Константинополь для поставленія, то нашелъ, что тамъ уже посвященъ былъ для Россіи митрополитъ, Исидоръ Грекъ. Исидоръ, пріѣхавши въ Москву, сталъ собираться на соборъ, созванный въ Италіи для соединенія церквей, восточной и западной. Самое уже мѣсто собора въ странѣ неправославной возбудило подозрѣніе въ Москвѣ. Великому князю Василію Васильевичу не хотѣлось, чтобъ Исидоръ ѣхалъ въ Италію;

когда же онъ не могъ отклонить митрополита отъ этого путешествія, то сказалъ ему: «Смотри же приноси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ св. Владиміра, а новаго, чужаго не приноси, мы не примемъ». Исидоръ обѣщалъ крѣпко стоять въ православіи, но не исполнилъ своего слова, на соборѣ Флорентійскомъ подписалъ соединеніе съ западною церковію, и возвратился въ Москву въ званіи папскаго легата, велѣлъ на литургіи поминать папу вмѣсто патріарховъ восточныхъ, а послѣ литургіи читать народу грамоту о соединеніи церквей, о принятіи римскаго ученія на счетъ происхожденія Св. Духа и другія новизны. Тогда великій князь велѣлъ посадить его подъ стражу а самъ созвалъ духовенство и велѣлъ ему разсмотрѣть дѣло; духовенство рѣшило, что Исидоръ поступаетъ несогласно съ божественными правилами и преданіями, а между тѣмъ онъ успѣлъ бѣжать изъ заключенія.

Послѣ сверженія Исидорова, Іона рязанскій былъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ; впрочемъ великій князь далъ знать греческому императору, что русская церковь этимъ нисколько не разрываетъ тѣсной связи своей съ греческою церковію и всегда будетъ сохранять православіе. Съ этихъ поръ митрополиты у насъ постоянно избирались изъ русскихъ архіереевъ и не посылались на посвященіе въ Константинополь къ патріарху. При митрополитѣ Іонѣ произошло окончательное отдѣленіе югозападной русской церкви отъ сѣверовосточной; съ этихъ поръ были постоянно два особые митрополиты — одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ.

Относительно власти митрополита, въ грамотѣ, составленной по взаимному согласію великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кипріана, положено, что всѣ лица, принадлежавшія къ церкви, подчиняются суду митрополита; изъ этой грамоты узнаемъ, что митрополитъ имѣлъ своихъ бояръ и слугъ, которые въ случаѣ войны выступали въ походъ подъ

начальствомъ особаго митрополичьяго воеводы, но подъ знаменемъ великокняжескимъ; слугъ великокняжескихъ и людей, платящихъ дань въ казну великокняжескую, митрополитъ не имѣлъ права ставить въ священники или въ дьяконы, потому что этимъ наносился ущербъ службѣ и казнѣ: здѣсь причина, почему въ духовное званіе поступали только люди изъ того же званія. Изъ слугъ своихъ митрополитъ посылалъ для управленія своими селами (въ волостели), для суда церковнаго (въ десятинники).

Митрополиты для обсужденія важныхъ вопросовъ созывали соборы изъ епископовъ; епископы въ своихъ епархіяхъ созывали соборы изъ подвѣдомственнаго имъ духовенства; кромѣ того митрополиты, для исправленія нравственности въ народѣ, писали посланія къ духовенству и мірянамъ. Особенное вниманіе не только митрополитовъ русскихъ, но и патріарховъ константинопольскихъ во второй половинѣ XIV вѣка обратили на себя Новгородъ и Псковъ вслѣдствіе появившейся тамъ ереси Стригольниковъ; еретики отвергали необходимость священниковъ, упрекая послѣднихъ въ дурномъ поведеніи; утверждали, что міряне могутъ учить вѣрѣ, что не должно молиться за умершихъ; ересь эта прекратилась въ первой половинѣ XV вѣка.

Монастыри продолжаютъ сохранять свое важное значеніе. Чѣмъ былъ въ старину Печерскій монастырь для Кіева, тѣмъ былъ Троицкій Сергіевъ монастырь для Москвы. Основателемъ этого монастыря былъ Варѳоломей, въ иночествѣ Сергій, сынъ ростовскаго выходца, поселившагося въ Радонежѣ. Сергій въ молодости еще удалился въ дремучій лѣсъ и долго жилъ здѣсь одинъ, но не могъ утаиться; иноки стали собираться къ нему; Сергій своими руками строилъ кельи, носилъ дрова изъ лѣсу и кололъ ихъ, носилъ воду изъ колодезя къ каждой кельи, готовилъ кушанье на всю братію, служилъ всѣмъ какъ рабъ.

Это-то смиренное служеніе прославило Сергія по всѣмъ областямъ русскимъ и дало ему то значеніе, съ какимъ мы уже встрѣчали его въ княженіе Димитрія Донскаго. Изъ монастыря Сергіева выведены были другіе монастыри сподвижниками, учениками и учениками учениковъ Сергіевыхъ; изъ этихъ монастырей особенно важенъ въ нашей исторіи монастырь Бѣлозерскій, основанный св. Кирилломъ, славнымъ святостію жизни и поученіями, въ которыхъ онъ напоминалъ князьямъ о ихъ обязанностяхъ. Монастыри въ описываемое время имѣли еще то важное значеніе, что были проводниками гражданской жизни въ дикихъ пустыняхъ, монахи расчищали лѣса, заводили пашню, привлекали къ себѣ народонаселеніе; монастыри были гостинницами для странниковъ, во время голодовъ кормили бѣдныхъ. Средства къ тому монастыри получали отъ своихъ селъ и деревень, которыя дарили имъ князья и другіе богатые люди на помпнъ душамъ своимъ и своихъ родителей, какъ тогда выражались. Не смотря на укоренившійся обычай отдавать села и деревни монастырямъ, уже возникалъ вопросъ, слѣдуетъ ли монахамъ владѣть ими? И митрополитъ Кипріанъ думалъ, что не слѣдуетъ. Сначала въ монастыряхъ каждый монахъ имѣлъ свое особое хозяйство, но съ конца XIV вѣка начало вводиться общее житіе.

10. Состояніе нравственности народной. Нравы народа становились замѣтно грубѣе, потому что Русскіе все болѣе и болѣе удалялись отъ европейскихъ христіанскихъ народовъ и находились въ постоянномъ сообщеніи только съ азіятскими, нехристіанскими народами, отъ которыхъ нечего было заимствовать хорошаго. Кромѣ того были и другія причины огрубѣнія нравовъ шли усобицы между князьями, но шли они не за право на старшинство, какъ прежде, а за то, какому князю быть сильнѣе всѣхъ другихъ, отнять у всѣхъ другихъ волости, подчинить себѣ всѣхъ другихъ; о правахъ

нѣтъ уже болѣе рѣчи, старыхъ родовыхъ правъ никто болѣе не уважаетъ, новыя еще не утвердились на мѣсто старыхъ: силѣ поэтому открылась полная свобода дѣйствовать. Сильный при первомъ удобномъ случаѣ прибѣгалъ къ насилію, слабый, чтобы спастись отъ сильнаго, прибѣгалъ къ хитрости, коварству, ѣхалъ въ Орду, льстилъ, унижался предъ ханомъ, его женами и вельможами. Народъ находился въ положеніи тяжеломъ, ему не было покоя и отъ чужихъ, Татаръ и Литвы, и отъ своихъ: сильные князья, желая привести въ свою волю слабыхъ, притѣсняли ихъ подданныхъ; когда въ какомъ-нибудь княжествѣ начинались усобицы, то народъ убѣгалъ изъ него въ другія области; когда усобицы стихали, народъ возвращался. Такимъ образомъ народъ жилъ въ постоянномъ страхѣ предъ своими и чужими, не было безопасности, безъ которой не могутъ успѣвать ни промышленность, ни торговля, и жизнь не украшалась ни наукою, ни искусствомъ. При этой бѣдности жизни были доступны человѣку только одни грубыя удовольствія, которыя не могли способствовать смягченію нравовъ, а только вели къ усиленію нескромности, которая выражалась и на дѣлѣ, и въ словахъ. Женщина, для сохраненія скромности, должна была избѣгать общества, предававшагося такимъ удовольствіямъ: отсюда укоренился обычай, что жены и дочери значительныхъ и богатыхъ людей укрывались въ теремахъ, не появлялись въ мужскихъ обществахъ, отъ чего мужчины еще болѣе грубѣли въ своихъ нравахъ, ибо не сдерживались присутствіемъ женщины. Обличенія нравамъ времени слышались изъ устъ святыхъ мужей, отшельниковъ; но людей, которыхъ будилъ ихъ голосъ, очищалъ отъ грязи житейской, было не много; для немногихъ избранныхъ монастырь, церковь, служили пріютомъ, спасеніемъ отъ грубости нравовъ, утѣшеніемъ въ бѣдахъ жизни; но для большинства единственнымъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ бѣдахъ жизни

оставался пьяный пиръ, сопровождавшійся бранью и драками, а иногда и убійствами.

11. Просвѣщеніе. При такомъ состояніи общества литература не могла процвѣтать. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы извѣстій объ образованности князей и вельможъ. Но грамотность по прежнему сохранялась въ сословіи духовномъ; епископы продолжали говорить народу поученія въ церквахъ. Изъ этихъ проповѣдниковъ особенно замѣчателенъ былъ Серапіонъ, епископъ владимірскій: онъ въ своихъ проповѣдяхъ призывалъ къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, удручавшія Русь. Особенно замѣчательно изъ словъ его то, гдѣ онъ говоритъ противъ привычки приписывать общественныя бѣдствія женщинамъ, которыхъ считали вѣдьмами, и губить ихъ за это. Отъ времени до времени являлись люди, которые не только словомъ, но и дѣломъ, святою, исполненною чудесъ жизнію возбуждали всеобщее вниманіе, благотворно дѣйствовали на общество; подвиги этихъ святыхъ мужей записывались и передавались въ наставленіе потомству; путешественники ко Святымъ Мѣстамъ описывали чудеса природы и искусства, которыя они встрѣчали на пути. Кромѣ путешествій ко Святымъ Мѣстамъ, дошло до насъ описаніе путешествія во Флоренцію, составленное однимъ изъ спутниковъ митрополита Исидора; другой спутникъ Исидора, монахъ Симеонъ Суздалецъ, составилъ описаніе Флорентійскаго собора. Продолжали переводить съ греческаго, но бо̀льшая часть этихъ переводовъ сдѣлана была не въ Россіи, а на Аѳонской горѣ, въ русскомъ и сербскомъ монастыряхъ. Что̀ касается до литературы свѣтской, то до насъ дошли отъ описываемаго времени историческія пѣсни, сказанія и лѣтописи. Такъ въ пѣсни разсказана смерть Шевкала въ Твери: эта пѣсня замѣчательна тѣмъ, что въ ней описывается поведеніе татарскихъ баскаковъ въ городахъ русскихъ. Какъ прежде содержаніемъ историческихъ пѣсенъ и сказаній служили подвиги князей и богатырей

противъ Печенѣговъ и Половцевъ, такъ теперь съ XIII вѣка содержаніями сказаній служитъ борьба съ Татарами на востокѣ, съ Нѣмцами и Литвою на западѣ. Сказанія, относящіяся къ борьбѣ съ Татарами, начинаются рязанскимъ сказаніемъ о нашествіи Батыя, гдѣ описываются подвиги и гибель рязанскихъ князей, гибель княгини Евпраксіи, которая, услыхавъ объ убіеніи мужа своего, князя Ѳедора, Батыемъ, бросилась вмѣстѣ съ малюткою сыномъ съ высокихъ хоромъ и убилась до смерти, разсказывается о необыкновенной храбрости и гибели вельможи рязанскаго Коловрата. Составилось нѣсколько сказаній о знаменитой куликовской битвѣ, изъ которыхъ одно носитъ явные слѣды подражанія «Слову о полку Игореву»; но ни одно изъ этихъ сѣверныхъ сказаній не можетъ сравниться поэтическими красотами съ «Словомъ о полку Игореву». Нашествіе Тохтамыша на Москву послужило также предметомъ особаго сказанія; извѣстія о Тамерлановомъ нашествіи вошли въ повѣсть о чудѣ отъ Владимірской иконы Богородицы: здѣсь говорится, что къ выходу изъ русскихъ владѣній побудилъ Тамерлана сонъ, въ которомъ явилась ему на воздухѣ жена, запрещавшая ему идти далѣе на русскую землю. Составилось сказаніе о житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Ивановича (Донскаго), царя русскаго: это похвальное слово, въ которомъ почти исключительно выставляются нравственныя достоинства Димитрія съ тою цѣлію, чтобъ цари научились подражать ему. Это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведеніе описываемаго времени.

Въ борьбѣ на западныхъ границахъ со Шведами, Нѣмцами и Литвою прославились два князя — Александръ Невскій и Довмонтъ Псковскій, поэтому подвиги ихъ описаны въ особыхъ украшенныхъ сказаніяхъ. Лѣтописи по прежнему составлялись въ разныхъ городахъ — въ Ростовѣ, Твери, Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ.

ГЛАВА XXV.

Княженіе Іоанна III Васильевича.

Счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, дѣятельныхъ, бережливыхъ предковъ, Іоаннъ III вступилъ на московскій престолъ, когда собраніе русской земли въ одно государство могло почитаться уже оконченнымъ. Общество такъ образовалось, что власти государевой ни откуда не могло быть сильнаго противодѣйствія, ни со стороны духовенства, ни со стороны бояръ, ни со стороны городовъ. Новгородъ, Тверь, удѣлы княжества Московскаго, ждали только перваго движенія со стороны великаго князя московскаго, чтобъ подчиниться ему; Орда падала сама собою отъ раздѣленія и усобицъ. На западѣ король польскій и великій князь литовскій занятъ внутри раздоромъ между Польшею и Литвою, занятъ извнѣ дѣлами Пруссіи, Богеміи, Венгріи, власть его ограничена вельможами и сеймомъ, и онъ не можетъ мѣшать Москвѣ усиливаться, не можетъ бороться съ ея могущественнымъ, неограниченнымъ государемъ, и уступаетъ ему цѣлыя области. Іоанну III принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. При этомъ онъ явился истиннымъ правнукомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ сѣверной Руси: разсчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ, которыми можно было много выиграть, но и много потерять, и при этомъ стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго, хладнокровіе — вотъ отличительныя черты въ характерѣ Іоанна III.

1. Покореніе Новгорода и Вятки. Василій Темный какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, такъ началъ тяготиться, что Новгородъ не воздаетъ ему достойной чести, и только увѣщаніе архіепископа Іоны да скоро потомъ случившаяся смерть помѣшали ему нанести Новгороду послѣдній ударъ. Чего не успѣлъ сдѣлать отецъ, то готовъ былъ исполнить сынъ. Новгородцы понимали опасность своего положенія, видѣли, что противъ Іоанна III не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ сѣверныхъ русскихъ князей, и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ великаго князя московскаго, теперь сильнаго, спокойнаго, замышлявшаго нанести послѣдній ударъ Новгороду, былъ еще великій князь литовскій, который назывался также и русскимъ, и не попрасну, потому что подъ его властію находились всѣ княжества югозападной Руси; къ этому князю отъѣзжали изъ сѣверовосточной Руси всѣ князья недовольные, лишенные волостей, угрожаемые княземъ московскимъ; къ нему обратились и Новгородцы въ послѣдній, рѣшительный часъ. Но великій князь литовскій и вмѣстѣ король польскій былъ католикъ; отложиться отъ московскаго, православнаго князя, и поддаться литовскому, католику, казалось большей части Новгородцевъ измѣною православію. И прежде не одинъ разъ великіе князья литовскіе предлагали свое покровительство Новгороду; ихъ предложенія были отвергаемы, ибо отъ Москвы не было еще тогда такой опасности; но теперь нашлись люди, особенно между вельможами, которые считали необходимымъ поддаться литовскому великому князю, чтобъ сохранить свой прежній бытъ. Въ главѣ этихъ людей, преданныхъ Литвѣ, стояли Борецкіе, дѣти умершаго посадника Исака; мать ихъ Марѳа, женщина съ сильнымъ характеромъ, имѣла большое вліяніе надъ дѣтьми и заправляла всѣмъ.

Подъ вліяніемъ литовской стороны, въ Новгородѣ начали оскорблять Іоанновыхъ намѣстниковъ, утаивать пошлины, слѣдующія великому князю. Послѣдній нѣсколько разъ отправлялъ въ Новгородъ пословъ, требуя, чтобы жители его исправились, но не получалъ никакого удовлетворенія. Въ Новгородъ пріѣхалъ литовскій князь Михайла Олельковичъ (т. е. Александровичъ), выпрошенный приверженными къ Литвѣ вельможами, которые взяли наконецъ верхъ на вѣчѣ посредствомъ подкупленныхъ ими людей и отдали Новгородъ подъ покровительство короля Казимира. Казимиръ заключилъ съ Новгородцами договоръ какъ съ вольными людьми, обязался оставить ненарушимымъ весь ихъ старый бытъ и защищать ихъ отъ великаго князя московскаго. Послѣдній, узнавши объ этомъ, выступилъ въ походъ лѣтомъ 1471 года; онъ велъ большое войско, съ нимъ были Тверичи и Псковичи, а къ Новгородцамъ не приходила помощь ни откуда, король Казимиръ не трогался и князь Михайла Олельковичъ уѣхалъ изъ Новгорода. Передовой отрядъ московскаго войска нанесъ новгородскому войску сильное пораженіе на берегахъ рѣки Шелони; въ числѣ плѣнниковъ, доставшихся побѣдителямъ, находился самъ посадникъ Борецкій, котораго Іоаннъ велѣлъ казнить. Не смотря на это, литовская сторона все еще была сильна и приготовилась защищаться; но когда вздорожалъ хлѣбъ, то простой народъ поднялся на вельможъ, укоряя ихъ, зачѣмъ они привели великаго князя на Новгородъ; вслѣдствіе этого архіепископъ Ѳеофилъ съ знатными людьми поѣхалъ бить челомъ Іоанну, который расположился станомъ на устьѣ Шелони; великій князь согласился дать миръ Новгородцамъ съ условіемъ, чтобъ они заплатили ему 15,500 рублей и обязались не отдаваться впередъ Литвѣ, не брать къ себѣ оттуда князей, и архіепископовъ своихъ посылать на посвященіе только въ Москву.

Въ старые годы, при ослабленіи власти княжеской въ Новгородѣ, вслѣдствіе постоянной борьбы многихъ князей-соперниковъ, образовались здѣсь партіи, также постоянно боровшіяся между собою; богатый бояринъ, имѣвшій средства платить многочисленнымъ вѣчникамъ (крикунамъ на вѣчѣ), могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбленія; иногда цѣлыя улицы, цѣлыя части города (концы) враждовали другъ съ другомъ, отстаивая того или другаго вельможу; сила рѣшала споры, предводитель побѣдившей стороны достигалъ должности посадника, и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, которые были противъ него. Что оставалось побѣжденнымъ и слабымъ? Молчать и ждать благопріятныхъ обстоятельствъ, ждать усиленія своей стороны, ждать возможности собраться на вѣче въ большомъ числѣ, низложить соперниковъ и поступить съ ними по ихъ же примѣру. Такъ бывало прежде, когда великій князь былъ далеко, а намѣстниковъ мало слушались. Но теперь, когда великій князь хотѣлъ и могъ возстановить свое значеніе верховнаго судьи, теперь сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низложенію враговъ своихъ: она могла требовать защиты и суда отъ великаго князя. Такъ, когда посадникъ Ананьинъ съ нѣкоторыми другими боярами напалъ на враждебныхъ ему людей и даже на цѣлыя улицы, пограбилъ ихъ и побилъ нѣсколько человѣкъ, то обиженные послали жаловаться на него въ Москву. Вслѣдствіе этихъ жалобъ Іоаннъ въ 1475 году пріѣхалъ въ Новгородъ и потребовалъ на судъ обвиненныхъ; судъ былъ по старой формѣ, въ присутствіи владыки и старыхъ посадниковъ, и найдено, что обвиненные дѣйствительно виновны: тогда великій князь велѣлъ сковать ихъ и отправить въ Москву. Многимъ понравилось искать защиты отъ обидъ на судѣ великокняжескомъ, и когда Іоаннъ возвратился въ Москву, то и туда Новгородцы начали

ѣздить къ нему на судъ. Іоаннъ видѣлъ, что пришло время нанести послѣдній ударъ. Однажды пріѣхали въ Москву двое пословъ новгородскихъ и назвали Іоанна государемъ, тогда какъ прежде Новгородцы называли великаго князя только господиномъ. Іоаннъ воспользовался этимъ и тотчасъ послалъ спросить Новгородцевъ: па какомъ основаніи они называютъ его государемъ? какого хотятъ государства? хотятъ ли, чтобъ у нихъ былъ одинъ судъ государевъ? Новгородцы отвѣчали, что они не хотятъ ничего новаго, хотятъ, чтобъ все оставалось по старинѣ. Но Іоаннъ говорилъ «Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются, выставляютъ меня лжецомъ,» — и объявилъ походъ подъ Новгородъ. На этотъ разъ Іоаннъ осадилъ Новгородъ безъ битвы; владыка Ѳеофилъ явился просить мира, спрашивалъ, какъ великій князь хочетъ жаловать свою отчину? — «Хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же, какое у насъ въ Москвѣ,» отвѣчалъ Іоаннъ: «вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать.» Новгородцы, подумавши, согласились, и 13 января 1478 года присягнули Іоанну какъ самовластному государю. Новгородъ однако не вдругъ могъ забыть свой прежній бытъ; происходили волненія, вслѣдствіе которыхъ нѣсколько тысячъ лучшихъ гражданъ были переведены въ города восточной Россіи, а на ихъ мѣсто въ Новгородъ переселены дѣти боярскіе и купцы изъ Москвы и другихъ восточныхъ городовъ. Колонія новгородская, Вятка, пользуясь отдаленнымъ положеніемъ своимъ, хотѣла также быть независимою, позволила себѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не слушаться великаго князя: въ 1489 году Іоаннъ отправилъ противъ нея большое войско подъ начальствомъ князя Даніила Щени; Вятчане принуждены были покориться и выдали троихъ главныхъ зачинщиковъ неповиновенія, которые и были повѣшены, осталь-

ные же лучшіе люди выселены и получили помѣстья на южной границѣ государства, а купцы поселены въ Дмитровѣ. Псковъ удержалъ на время свою старину, потому что постоянно старался угождать великому князю, покорностію утишать гнѣвъ его.

2. Власть Іоанна въ Рязани. И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени, потому что на самомъ дѣлѣ безпрекословно подчинялась распоряженіямъ великаго князя московскаго. Рязанскій великій князь Василій, взятый малюткою въ Москву при Василіи Темномъ, выросъ здѣсь и женился на сестрѣ великаго князя Іоанна. Василій умеръ, оставя двоихъ сыновей, Ивана и Ѳедора; послѣдній, умирая бездѣтнымъ, отказалъ свой удѣлъ дядѣ, великому князю московскому; старшій Иванъ умеръ, оставя пятилѣтняго сына Ивана, подъ опекою матери и бабки; эта бабка, великая княгиня Агриппина, слушалась во всемъ брата своего, Іоанна III.

3. Покореніе Твери. Вполнѣ независимымъ великимъ княженіемъ была Тверь; ея великій князь Михаилъ Борисовичъ находился въ мирѣ и союзѣ съ Іоанномъ до конца 1484 года; въ это время въ Москвѣ узнали, что тверской князь началъ держать дружбу съ Казимиромъ литовскимъ и женился на его внукѣ; въ договорѣ съ королемъ Михаилъ обязался стоять съ нимъ заодно противъ всѣхъ безъ исключенія. Это обстоятельство было явнымъ нарушеніемъ обязательствъ, заключенныхъ прежде съ московскимъ княземъ, и потому послѣдній объявилъ Михаилу войну, которая началась опустошеніемъ Тверской области; Тверь одна не могла воевать съ Москвою, литовская помощь не являлась, и Михаилъ принужденъ былъ просить мира. Іоаннъ далъ миръ, потому что не любилъ ничего дѣлать съ одного раза, а приготовлялъ вѣрный успѣхъ исподоволь. Бояре тверскіе начали переѣзжать въ Москву на службу къ Іоанну, не могши сносить обидъ отъ него, потому что въ спорахъ за земли между Москвичами и

Тверичами если Москвичи обижали, то Тверичи не находили никакой управы, если же Тверичи обижали, то Іоаннъ съ бранью и угрозами посылалъ къ тверскому князю, отвѣтамъ его не вѣрилъ, суду быть не позволялъ. Михаилъ Борисовичъ опять завелъ сношенія съ Литвою; въ Москвѣ узнали объ этомъ и стали собирать войско; испуганный Михаилъ напрасно присылалъ бить челомъ Іоанну, тотъ не хотѣлъ ничего слышать и осадилъ Тверь; Михаилъ ночью убѣжалъ въ Литву, и Тверь присягнула Іоанну въ 1485 году.

4. Присоединеніе удѣла Верейскаго. Послѣ Василія Темнаго кромѣ удѣловъ, которые онъ роздалъ меньшимъ сыновьямъ своимъ, оставался еще одинъ удѣлъ, Верейскій, принадлежавшій Михаилу Андреевичу, внуку Димитрія Донскаго. Этотъ старикъ Михаилъ Андреевичъ уступалъ всѣмъ требованіямъ Іоанна, отдавалъ все, чего только тотъ ни просилъ, и такимъ образомъ не представлялъ никакого предлога къ присоединенію Верейскаго удѣла къ Москвѣ. Предлогъ однако нашелся: великая княгиня, жена Іоаннова, выдавъ замужъ племянницу свою за сына Михаилова, Василія, дала ей въ приданое нѣкоторыя вещи, которыя потомъ понадобились Іоанну; узнавши, что они у Василія Верейскаго, Іоаннъ разсердился, послалъ забрать у него все женнино приданое, при чемъ грозилъ посадить его въ тюрьму вмѣстѣ съ женою; молодой князь испугался и убѣжалъ въ Литву. Тогда Іоаннъ отобралъ Верею у старика Михаила за вину сына его, и хотя отдалъ назадъ, но только въ пожизненное владѣніе; по смерти Михаила Верея присоединена была къ Москвѣ.

5. Отношенія Іоанна къ роднымъ братьямъ. Съ другими удѣльными князьями московскими, родными братьями своими, Іоаннъ жилъ мирно до 1472 года, когда умеръ старшій изъ нихъ по немъ, Юрій Васильевичъ дмитровскій; Іоаннъ присоединилъ его удѣлъ къ Москвѣ, не давши ничего братьямъ;

тѣ разсердились, на этотъ разъ однако дѣло кончилось перемиріемъ, при чемъ Іоаннъ далъ братьямъ нѣкоторыя волости. Но потомъ неудовольствія возобновились, когда великій князь нарушилъ право бояръ, членовъ дружины, переходить свободно отъ одного князя къ другому; одинъ изъ князей, находившихся въ службѣ Іоанна, Оболенскій-Лыко, недовольный великимъ княземъ, отъѣхалъ, по обычаю, изъ Москвы къ брату Іоаннову, князю Борису волоцкому. Но великій князь велѣлъ тайно схватить Оболенскаго и въ оковахъ отвезти въ Москву. Князь Борисъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ къ брату Андрею углицкому съ жалобою на старшаго брата, и удѣльные рѣшили защищать свои права. Собравши большое войско, они двинулись къ литовскимъ границамъ, чтобъ тамъ удобнѣе пересылаться съ королемъ Казиміромъ; войско ихъ сильно опустошило русскія области, черезъ которыя проходило. Занятый войною татарскою, великій князь не могъ развлекать своихъ силъ еще войною съ братьями, и потому исполнилъ всѣ ихъ требованія. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого, осенью 1491 года Іоаннъ велѣлъ братьямъ отправить воеводъ своихъ на помощь крымскому хану, на что имѣлъ полное право по договорамъ; князь Борисъ послалъ свои полки, но князь Андрей не послалъ. За это ослушаніе великій князь велѣлъ схватить Андрея, когда тотъ пріѣхалъ въ Москву; сыновья его были также схвачены и заключены въ оковы, удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ.

6. **Бракъ Іоанна на греческой царевнѣ и слѣдствія этого брака.** Кромѣ ссоръ съ братьями, Іоанна сильно безпокоила смута, происходившая въ собственномъ его семействѣ. Іоаннъ въ первый разъ былъ женатъ на Маріи Борисовнѣ, дочери великаго князя тверскаго, которая умерла въ 1467 году. Отъ этого брака Іоаннъ имѣлъ сына Іоанна, котораго онъ, по примѣру отца, назвалъ великимъ княземъ, такъ что грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ кня-

зей, двоихъ Іоанновъ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ отъ смерти Маріи, какъ началось сватовство великаго князя на царевнѣ греческой. Послѣ взятія Константинополя Турками, братъ убитаго на стѣнахъ его императора Константина, Ѳома Палеологъ, нашелъ съ семействомъ убѣжище въ Римѣ; послѣ него осталось здѣсь двое сыновей и дочь Софья, которую папа Павелъ II и предложилъ въ супружество московскому великому князю, безъ сомнѣнія желая воспользоваться случаемъ завязать сношенія съ Москвою и утвердить здѣсь свою власть посредствомъ Софьи. Предложеніе было принято; въ 1472 году Софья пріѣхала въ Москву и обвѣнчалась съ великимъ княземъ. Кардиналъ, пріѣхавшій съ нею, завелъ споръ съ митрополитомъ о необходимости для русской церкви соединиться съ Римомъ, но не могъ переспорить русскаго книжника Никиту Поповича, котораго выставилъ противъ него митрополитъ; и Софья не думала благопріятствовать видамъ папы, ея дѣятельность была обращена на другое. Племянницѣ греческаго императора не нравилось, что мужъ ея, великій князь московскій, не имѣлъ еще вполнѣ царственнаго положенія, былъ окруженъ боярами, которые не забыли еще недавней старины, когда они при малѣйшемъ неудовольствіи могли отъѣхать отъ одного князя къ другому, былъ окруженъ князьями, которые хорошо помнили, что они одного происхожденія съ великимъ княземъ и очень недавно были еще князьями владѣтельными. Эти князья и бояре замѣтили, что послѣ брака на Софьѣ Іоаннъ перемѣнилъ съ ними обращеніе, окружилъ себя небывалымъ прежде величіемъ, заставилъ ихъ держаться въ почтительномъ отъ него отдаленіи, сталъ взыскателенъ и строгъ, отъ чего и получилъ прозваніе Грознаго. Князья и бояре приписали такую перемѣну Софьѣ и сильно ее не взлюбили. Эта нелюбовь особенно обнаружилась, когда возникъ важный вопросъ о престолонаслѣдіи.

Въ 1490 году умеръ Іоаннъ Молодой, старшій сынъ великаго князя; онъ былъ уже женатъ на Еленѣ, дочери господаря молдавскаго Стефана, и оставилъ малолѣтнаго сына Димитрія. Но у стараго великаго князя Іоанна былъ сынъ отъ Софьи, Василій, и вотъ раждался вопросъ кому наслѣдовать великое княженіе, сыну или внуку? Враждебные Софьѣ вельможи стали на сторонѣ Елены и сына ея Димитрія, и сначала имъ удалось одержать побѣду: Василій, обвиненный въ заговорѣ противъ отца, былъ посаженъ подъ стражу, приверженцы его, люди все незнатные, казнены; великій князь удалился и отъ жены, которую сталъ подозрѣвать въ злыхъ умыслахъ, и торжественно вѣнчалъ внука Димитрія на великое княженіе. Но торжество враговъ Софьи было непродолжительно: она успѣла опять сблизиться съ мужемъ, и слѣдствіемъ было то, что страшная опала постигла двѣ самыя знатныя фамиліи, особенно близкія къ великому князю и потому болѣе другихъ враждебныя Софьѣ — князей Патрикѣевыхъ, литовскихъ выходцевъ, потомковъ Гедимина, и родственниковъ ихъ, князей Ряполовскихъ-Стародубскихъ, потомковъ Всеволода III: Ряполовскому отрубили голову, Патрикѣевыхъ — отца и сына постригли въ монахи. Послѣ этого великій князь сталъ обнаруживать нерасположеніе ко внуку Димитрію, сблизился съ сыномъ Василіемъ, объявилъ его сначала великимъ княземъ Новгорода и Пскова, а потомъ посадилъ подъ стражу Димитрія и мать его Елену, а Василія провозгласилъ великимъ княземъ и самодержцемъ всея Руси.

7 Спаденіе татарскаго ига. Кромѣ вліянія на дѣла внутреннія, Софья Ѳоминична, какъ говорятъ, требовала отъ мужа, чтобъ онъ пересталъ быть татарскимъ данникомъ. Татарское царство въ это время дѣлилось на три независимыя Орды—Золотую, Казанскую и Крымскую. Ханъ Золотой Орды, Ахматъ, не былъ доволенъ Іоанномъ за то, что тотъ не ѣхалъ

къ нему съ поклономъ и не удовлетворялъ его требованіямъ относительно дани; притомъ же польскій король Казимиръ, не имѣя средствъ прямо бороться съ Іоанномъ, подстрекалъ Ахмата, чтобъ тотъ нападалъ на Московское государство и такимъ образомъ отвлекалъ вниманіе Іоанна отъ запада на востокъ. Ахматъ въ 1472 году напалъ на московскія границы со стороны Оки, и, сжегши Алексинъ, удалился назадъ. Въ 1480 году, услыхавши о возстаніи братьевъ великаго князя и сговорившись съ Казимиромъ литовскимъ дѣйствовать заодно, Ахматъ опять напалъ на московскія владѣнія, теперь уже со стороны рѣки Угры, и обнаруживалъ намѣреніе идти далѣе къ самой Москвѣ; Іоаннъ, самъ крайне осторожный и уговариваемый двумя приближенными вельможами, Ощерою и Мамономъ, опасался дать битву хану и хотѣлъ удалиться въ сѣверныя области. Оставя войско на берегу Оки, онъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ встрѣченъ сильнымъ негодованіемъ народа; митрополитъ и особенно ростовскій архіепископъ Вассіанъ уговаривали Іоанна безъ боязни встрѣтить Ахмата и дать ему битву: «Зачѣмъ боишься смерти? говорилъ ему Вассіанъ: вѣдь ты не безсмертенъ; а безъ року смерти нѣтъ ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; дай мнѣ, старику, войско въ руки: увидишь, уклоню ли я лице свое предъ Татарами!» Іоаннъ поѣхалъ опять къ войску и завелъ переговоры съ ханомъ; въ это время получилъ онъ грамоту отъ Вассіана, который опять въ сильныхъ выраженіяхъ увѣщевалъ его не слушаться людей, совѣтующихъ избѣгать битвы. Іоаннъ прервалъ переговоры, а между тѣмъ наступила осень, рѣка Угра стала, и такимъ образомъ открывалась возможность Татарамъ переправиться на другой берегъ; Іоаннъ велѣлъ своему войску отступать къ Боровску, обѣщая дать битву Татарамъ въ окрестностяхъ этого города; войско не отступало, а бѣжало, пораженное страхомъ; но Татары не преслѣдовали его, ибо начались лютые морозы,

которые отняли у плохо одѣтыхъ Татаръ всякую возможность идти далѣе на сѣверъ, гдѣ еще они должны были сражаться съ войскомъ московскимъ. 16 ноября Ахматъ ушелъ назадъ въ степи, гдѣ въ началѣ 1481 года былъ настигнутъ врасплохъ и убитъ Ивакомъ, ханомъ Тюменской Орды.

8. Союзъ Москвы съ Крымомъ. Такимъ образомъ послѣднiй грозный для Москвы ханъ Золотой Орды погибъ отъ одного изъ потомковъ Чингисхановыхъ; послѣ Ахмата остались сыновья, которымъ также суждено было погибнуть отъ татарскаго оружiя. Еще въ княженiе Василiя Темнаго стала извѣстна Крымская Орда, составленная Едигеемъ изъ улусовъ черноморскихъ; но сыновья Едигеевы погибли въ усобицахъ, и родоначальникомъ крымскихъ хановъ былъ Ази-Гирей, отъ котораго всѣ его потомки назывались Гиреями. Сынъ Ази-Гиреевъ, Менгли-Гирей, по причинѣ жестокой, наслѣдственной вражды съ ханами Золотой Орды, почелъ полезнымъ для себя сблизиться съ великимъ княземъ московскимъ, чтобъ вмѣстѣ дѣйствовать противъ общихъ враговъ; въ случаѣ изгнанiя отъ этихъ враговъ Менгли-Гирей выговорилъ себѣ убѣжище у московскаго государя, который охотно принималъ къ себѣ татарскихъ хановъ для увеличенiя своего войска; Менгли-Гирей долженъ былъ готовить себѣ убѣжище на всякiй случай и потому еще, что въ 1475 году Крымъ былъ завоеванъ Турками, Менгли-Гирей остался ханомъ, но въ качествѣ подручника султанова, и боялся, что въ Константинополѣ могутъ когда-нибудь смѣнить его. Вражда Ахматовыхъ сыновей съ Менгли-Гиреемъ продолжалась, и московскiя войска ходили на помощь крымскимъ; въ 1502 г. Менгли-Гирей напалъ на послѣдняго Ахматова сына Шигъ-Ахмета и нанесъ его Ордѣ тяжелый, окончательный ударъ; Шигъ-Ахметъ убѣжалъ въ Польшу и тамъ умеръ въ темницѣ. Такъ кончилось существованiе знаменитой Золотой Орды!

9. **Подчиненіе Казани и завоеваніе Перми.** Не задолго передъ тѣмъ потеряла свою независимость и Орда Казанская. Съ начала своего княженія Іоаннъ все воевалъ съ Казанью, нѣсколько разъ высылалъ противъ нея большое войско, которое однако возвращалось безъ значительныхъ успѣховъ; такъ шли дѣла до самой смерти хана Ибрагима, когда начались усобицы въ Казани, между двумя сыновьями его Алегамомъ и Магметъ-Аминемъ. Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву, назвалъ Іоанна отцемъ себѣ и просилъ у него войска на старшаго брата; это войско отправилось въ 1487 году, осадило Алегама въ Казани и тотъ принужденъ былъ сдаться; на его мѣсто былъ посаженъ Магметъ-Аминь, какъ подручникъ великаго князя московскаго. Іоаннъ распространялъ свою власть и на отдаленномъ сѣверовостокѣ, въ странахъ, лежащихъ по обѣ стороны Уральскихъ горъ въ 1472 г. покорена Пермь; потомъ московскіе воеводы совершили нѣсколько удачныхъ походовъ за Уральскія горы, въ югорскую землю, русскія суда явились на Иртышѣ и на Оби; дикіе Вогуличи принуждены были отказаться отъ нападеній на русскія области.

10. **Войны съ Литвою и Ливоніею.** Но важнѣе были дѣла на западѣ, гдѣ московскій великій князь впервые послѣ тяжелыхъ временъ Витовтовыхъ начинаетъ наступательное движеніе, и высказываетъ мысль, что всѣ западныя русскія волости должны принадлежать ему, какъ потомку св. Владиміра, а не князьямъ литовскимъ. Не имѣя средствъ вести открытой войны съ Москвою, король Казимиръ въ сношеніяхъ своихъ съ Новгородомъ и Ордой обнаруживалъ явную вражду къ Іоанну, и этимъ заставлялъ послѣдняго принимать свои мѣры, искать союзниковъ противъ Литвы: такъ, отправляя пословъ своихъ въ Крымъ, онъ обыкновенно наказывалъ имъ

стараться, чтобъ Менгли-Гирей не заключалъ мира съ Казимиромъ. Поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между Литвою и Москвою подавали мелкіе пограничные князья, большею частію потомки черниговскихъ, изъ которыхъ одни находились въ зависимости отъ Москвы, другіе отъ Литвы; продолжая старыя родовыя усобицы, они безпрестанно ссорились между собою, переходили изъ литовскаго подданства въ московское: такъ поступили князья воротынскіе, бѣлевскіе. Казимиръ жаловался, но войны не было до самой смерти его, случившейся въ 1492 году; Польша и Литва раздѣлились между его сыновьями Яну Албрехту досталась Польша, Александру Литва. Іоаннъ немедленно послалъ воеводъ своихъ на Литву, настоялъ, чтобъ и Менгли-Гирей послалъ туда же своихъ Татаръ. Литвѣ было трудно отбиваться отъ Іоанна и отъ Менгли-Гирея вмѣстѣ, вельможи ея стали думать о мирѣ съ Москвою и, чтобъ склонить Іоанна къ уступкамъ, рѣшили предложить ему брачный союзъ одной изъ дочерей его съ великимъ княземъ Александромъ. Іоаннъ отвѣчалъ, что не хочетъ слышать о сватовствѣ до заключенія мира, а для этого Литва должна уступить ему всѣ его пріобрѣтенія, которыя увеличивались все болѣе и болѣе, ибо князья не переставали переходить изъ литовскаго подданства въ московское съ своими отчинами, и воеводы Іоанновы не переставали забирать города Александровы; наконецъ литовскій князь прислалъ въ Москву великихъ пословъ и заключилъ миръ на всей волѣ Іоанновой: городъ Вязьма, князья новосильскіе, одоевскіе, воротынскіе и бѣлевскіе, отошли къ Москвѣ съ вотчинами; въ договорной грамотѣ московскій князь былъ написанъ государемъ всея Руси: Іоаннъ первый началъ употреблять этотъ титулъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, что очень не нравилось великимъ князьямъ литовскимъ и королямъ польскимъ, имѣвшимъ за собою много русскихъ владѣній.

Въ 1495 году Александръ женился на Еленѣ, дочери Іоанновой, при чемъ далъ тестю обѣщаніе не принуждать жены къ принятію римско-католическаго исповѣданія; Іоаннъ требовалъ также, чтобъ Алексанръ устроилъ для Елены домовую православную церковь въ самомъ дворцѣ; но Александръ не хотѣлъ исполнить этого требованія, также перестаљъ называть тестя государемъ всея Руси и не хотѣлъ, чтобъ при Еленѣ оставались московскіе бояре. Все это повело къ размолвкѣ между тестемъ и зятемъ, а возобновившійся переходъ князей изъ литовскаго подданства въ московское повелъ къ открытой войнѣ: такъ перешелъ князь Бѣльскій на томъ основаніи, что православные терпятъ въ Литвѣ большую нужду отъ католиковъ; за Бѣльскимъ перешли съ богатыми волостями князья, до сихъ поръ бывшіе заклятыми врагами великаго князя московскаго, а именно князь Василій Ивановичъ, внукъ Шемяки, и сынъ пріятеля Шемякина, Ивана Андреевича можайскаго, князь Семенъ Ивановичъ; Шемячичъ поддался съ своими волостями — Рыльскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ, князь Семенъ поддался съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Любечемъ; поддались и другіе князья, менѣе значительные,—все по причинѣ гоненія за вѣру. Іоаннъ послалъ объявить Александру, что принялъ въ службу можайскаго съ Шемячичемъ, и въ то же время послалъ складную грамоту или объявленіе войны.

Война началась счастливо для Москвы. 14 іюля 1500 года московское войско, подъ начальствомъ князя Даніила Щени, встрѣтилось у Дорогобужа на рѣчкѣ Ведрошѣ съ литовскимъ войскомъ, которое было подъ начальствомъ гетмана, князя Константина Острожскаго; благодаря тайной засадѣ, рѣшившей дѣло, московскіе воеводы одержали рѣшительную побѣду: гетманъ князь Острожскій и другіе литовскіе воеводы попались въ плѣнъ; за ведрошскою побѣдою слѣдовала побѣда подъ

Мстиславлемъ, гдѣ Литовцы потеряли также много людей. Послѣ этого война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ; въ ней принялъ участіе литовскій магистръ, Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ, который, благодаря своей артиллеріи, разбилъ псковское и московское войско подъ Изборскомъ, но потомъ Русскіе отомстили ему сильнымъ пораженіемъ подъ Гелмедомъ; въ третьемъ сраженіи, на берегахъ озера Смолина, Нѣмцы, не смотря на малочисленность свою сравнительно съ Русскими, бились отчаянно, устояли на мѣстѣ, и Плеттенбергъ со славою отступилъ къ своимъ границамъ, но со славою безполезною, ибо Орденъ не могъ бороться съ Московскимъ государствомъ, даже въ союзѣ съ Польшею и Литвою. Александръ литовскій, сдѣлавшійся по смерти брата Яна Албрехта и королемъ польскимъ, долженъ былъ просить мира у тестя; при посредничествѣ венгерскаго посла, заключено было перемиріе на 6 лѣтъ — отъ 25 марта 1503 до 25 марта 1509 года; Александръ уступилъ тестю земли всѣхъ князей, поддавшихся Москвѣ, стародубскаго, Шемячича и другихъ. Въ то же время заключено было перемиріе и съ Ливонскимъ Орденомъ.

11. Отношенія Москвы къ другимъ государствамъ европейскимъ. Кромѣ Литвы и Ливонскаго Ордена, на западѣ въ Іоанново княженіе велась еще война съ Швеціею, въ союзѣ съ королемъ датскимъ, въ 1496 году; война эта велась съ перемѣннымъ счастіемъ и кончилась, когда союзникъ московскій, король датскій, сталъ и королемъ шведскимъ. Въ угоду тому же союзнику своему, королю датскому, врагу Ганзы, Іоаннъ велѣлъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ, отнять у нихъ товары, гостиные дворы, божницу; этимъ былъ нанесенъ сильный ударъ торговлѣ Новгорода и его благосостоянію.

Кромѣ Даніи при Іоаннѣ начались сношенія съ австрійскимъ домомъ, Венеціею и Турціею сношенія съ императо-

ромъ Фридрихомъ и сыномъ его Максимиліаномъ кончились ничѣмъ, по недостатку общихъ интересовъ; въ Венецію Іоаннъ отправлялъ пословъ для вызова нужныхъ ему мастеровъ; съ султанами сносился для того, чтобъ доставить русскимъ купцамъ больше удобствъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

12. Кончина и завѣщаніе Іоанна III. Счастливый во все продолженіе жизни своей, Іоаннъ передъ смертію былъ огорченъ печальною вѣстію, что подручникъ его, ханъ казанскій Магметъ-Аминь, свергнулъ это подручничество; Іоаннъ не могъ наказать измѣнника: онъ умеръ 27 октября 1505 года на 67 году отъ рожденія, переживъ вторую жену свою, знаменитую Софью, двумя годами. Въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ подѣлилъ волости между пятью сыновьями: Василіемъ, Юріемъ, Димитріемъ, Семеномъ и Андреемъ; но старшему Василію далъ 66 городовъ и притомъ самыхъ значительныхъ, тогда какъ всѣмъ остальнымъ четверымъ сыновьямъ вмѣстѣ далъ только 30 городовъ; право чеканить монету получилъ только одинъ великій князь; наконецъ Іоаннъ III въ своей духовной окончательно рѣшаетъ вопросъ о выморочныхъ удѣлахъ: «Если кто-нибудь изъ сыновей моихъ, говоритъ онъ, умретъ, не оставивъ ни сына, ни внука, то удѣлъ его весь идетъ сыну моему Василію, а меньшіе братья въ этотъ удѣлъ не вступаются.» Чтобъ утвердить новый порядокъ престолонаслѣдія, Іоаннъ при жизни своей заставилъ сыновей своихъ Василія и Юрія заключить договоръ, по которому Юрій обязался, въ случаѣ смерти Василія, не искать великаго княженія подъ сыномъ его.

13. Внутренняя дѣятельность Іоанна III: вызовъ иностранныхъ мастеровъ. Прекращеніе дани или выхода въ Орду, пріобрѣтеніе обширныхъ и богатыхъ земель, внутреннее спокойствіе, благопріятствовавшее мирнымъ промысламъ и торговлѣ — все это увеличивало доходы Іоанна

не въ примѣръ предъ его предшественниками, а это увеличеніе доходовъ дало ему средства окружить себя царскою пышностію и украсить свою столицу Москву, до сихъ поръ бѣдный городъ, наполненный почти исключительно небольшими и незатѣйливыми деревянными избами. Главнымъ украшеніемъ города считался соборный храмъ; но Москва не могла похвастаться и своимъ Успенскимъ соборомъ, который, будучи построенъ при Калитѣ, уже такъ обветшалъ, что своды тронулись, а потому должны были подпирать зданіе толстыми деревянными столпами. Въ 1472 году эту ветхую церковь разрушили, начали строить новую, но когда стали сводить своды, то зданіе рухнуло. Великій князь послалъ въ Италію искать искуснаго архитектора, и привезли изъ Венеціи Аристотеля Фіоравенти, болонскаго уроженца, который согласился ѣхать въ Москву за десять рублей въ мѣсяцъ жалованья. Въ 1475 году началъ Аристотель свои работы, и въ 1479 кончилъ построеніе Успенскаго собора, и до сихъ поръ существующаго. Кромѣ Успенскаго собора другими мастерами были построены соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный дворецъ великокняжескій, нѣсколько красивыхъ башенъ; митрополитъ и богатые люди строили себѣ также каменные дома, и такимъ образомъ Москва, т. е. собственно Кремль принялъ другой видъ. Отправляя пословъ своихъ къ иностраннымъ дворамъ европейскимъ, Іоаннъ наказывалъ имъ: добывать мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлить золото и серебро; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другаго мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки, да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ; да лѣкаря добраго,

который бы умѣлъ лѣчить внутреннія болѣзни и раны. Судьба иностранныхъ лѣкарей была незавидна въ это время въ Москвѣ: одного умертвили за то, что не вылѣчилъ сына великокняжескаго Іоанна Молодаго; другаго за то, что не вылѣчилъ одного татарскаго князька.

14. Изданіе Судебника. Въ 1497 дьяку Владиміру Гусеву поручено было составить судный уставъ или Судебникъ. Здѣсь прежде всего опредѣлено, кто и какъ долженъ судить. Судья (бояринъ или сынъ боярскій) не можетъ судить одинъ при немъ должны быть дворскій, староста и лучшіе люди; судьи, ихъ тіуны и люди не должны брать посула (взятки). За двукратное воровство, разбой, душегубство, ябедничество, святотатство, похищеніе людей, подметъ, зажигательство, назначена смертная казнь. О наслѣдствѣ опредѣлено такъ если человѣкъ умретъ безъ духовнаго завѣщанія и не будетъ у него сына, то все имѣніе и земля идутъ дочери, а не будетъ дочери, то наслѣдуетъ ближайшій родственникъ.

15. Дѣла церковныя. Русская церковь во времена Іоанна III боролась съ опасною ересію жидовствующихъ. Эта ересь, отвергавшая таинство Св. Троицы, божество Іисуса Христа, необходимость воплощенія, почитаніе угодниковъ Божіихъ, иконъ, монашество, явилась въ Кіевѣ въ половинѣ XV вѣка, а можетъ-быть и ранѣе. Глава или членъ общества кіевскихъ еретиковъ, Жидъ Схарія, пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ и насадилъ здѣсь ересь. Первыми учениками Схаріи были два священника, Діонисій и Алексѣй, наружное благочестіе которыхъ обратило на нихъ вниманіе народа и содѣйствовало быстрому распространенію ереси; еретики отличались ученостію, имѣли книги, какихъ не было у православнаго духовенства, которое потому сначала и не могло успѣшно бороться съ еретиками. Слава благочестивой жизни и мудрости двоихъ главныхъ ере-

тиковъ новгородскихъ — Діонисія и Алексѣя достигла до того, что обратила на нихъ вниманіе великаго князя, когда онъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1480 году, и оба они взяты были въ Москву; здѣсь они скоро распространили свое ученіе и между людьми знатными; въ числѣ принявшихъ это ученіе были симоновскій архимандритъ Зосима, дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, извѣстный своею грамотностію и способностями; наконецъ невѣстка великаго князя, Елена, мать наслѣдника престола. Когда новгородскій архіепископъ Геннадій открылъ ересь въ Новгородѣ и началъ преслѣдовать тамъ еретиковъ, то они бѣжали въ Москву, гдѣ жили безъ всякаго стѣсненія. Видя такое послабленіе еретикамъ въ Москвѣ, Геннадій призвалъ на помощь Іосифа, игумена и основателя Волоколамскаго монастыря.

Іосифъ Санинъ, сынъ московскаго служилаго человѣка, еще до двадцатилѣтняго возраста успѣлъ испытать свои силы въ безмолвномъ иночествѣ, а потомъ поступилъ въ монастырь Пафнутія Боровскаго. Избранный по смерти Пафнутія въ игумены Боровскаго монастыря, Іосифъ уже не былъ доволенъ его уставомъ и хотѣлъ ввести строжайшій; когда братія не согласилась на это, то Іосифъ оставилъ Пафнутіевъ монастырь и основалъ собственный въ лѣсахъ волоколамскихъ съ самымъ строгимъ общежительнымъ уставомъ. Такого-то человѣка, неутомимаго въ подвигахъ, строгаго къ себѣ и другимъ, способнаго неуклонно стремиться къ своей цѣли не смотря ни на какія препятствія, вызвалъ Геннадій на борьбу съ ересью, которая усиливалась все болѣе и болѣе. Въ 1489 году былъ посвященъ въ митрополиты тайный соумышленникъ еретиковъ, симоновскій архимандритъ Зосима; по свидѣтельству Іосифа Волоцкаго, въ домахъ, на дорогахъ, на рынкѣ, всѣ — иноки и міряне съ сомнѣніемъ разсуждали о вѣрѣ, основываясь на словахъ еретиковъ; Іосифъ писалъ противъ нихъ

обличительныя слова, собраніе которыхъ извѣстно подъ именемъ Просвѣтителя, требовалъ, чтобъ архіереи отказались отъ всякаго сообщенія съ митрополитомъ Зосимою; послѣдній принужденъ былъ отречься отъ митрополіи; но ересь не ослабѣвала, потому что находила себѣ подпору въ самомъ дворцѣ, въ великой княгинѣ Еленѣ, на сторонѣ которой были самые могущественные вельможи. Дѣйствуя противъ еретиковъ, слѣдовательно противъ Елены, Іосифъ естественно долженъ былъ стать на сторону Софьи и ея сына, торжество которыхъ надъ Еленою и ея приверженцами необходимо давало торжество православнымъ надъ еретиками. Іосифъ нашелъ доступъ къ великому князю и убѣдилъ его принять строгія, рѣшительныя мѣры противъ еретиковъ; въ концѣ 1504 года созванъ былъ соборъ, слѣдствіемъ котораго было то, что главные изъ еретиковъ были сожжены, другіе разосланы въ заточеніе. Впрочемъ ударъ, нанесенный ереси соборомъ 1504 года, хотя былъ силенъ, однако не былъ окончательнымъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Кромѣ борьбы противъ ереси жидовствующихъ, Іосифъ Волоцкій участвовалъ еще въ рѣшеніи важнаго вопроса, о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными имѣніями. Вопросъ этотъ становился все важнѣе и важнѣе, потому что служилые или ратные люди, которыхъ число правительство старалось увеличивать, получали свое содержаніе отъ населенныхъ земель, отъ наслѣдственныхъ (отчинъ) и жалуемыхъ государемъ во временное владѣніе (помѣстій); государю нужно было, чтобъ такихъ земель, которыя онъ могъ раздавать въ помѣстья, было какъ можно больше въ его распоряженіи; вмѣстѣ съ тѣмъ государю нужно было, чтобъ служилые люди не уменьшали своихъ отчинъ, не уменьшали такимъ образомъ средствъ къ существованію и службѣ, а ратные люди уменьшали ихъ, потому что имѣли обычай раздавать часть своихъ

земель на поминъ души по монастырямъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть монастырямъ селами, былъ поднятъ на соборѣ знаменитымъ отшельникомъ Ниломъ Сорскимъ (такъ названнымъ по обители его на рѣкѣ Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря). Нилъ требовалъ, чтобъ монахи жили по пустынямъ и кормились своими трудами; онъ смотрѣлъ на монастыри, какъ на общества людей, отрекшихся отъ міра, и потому не могущихъ заниматься ничѣмъ мірскимъ. Нила поддерживали пустынники бѣлозерскіе, но Іосифъ Волоцкій смотрѣлъ на монастырь, какъ на общество, изъ котораго должны выходить правители церковные: «Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ Іосифъ, то какъ честнóму и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честны́хъ старцевъ, то откуда взять архіереевъ?» Мнѣніе Іосифа Волоцкаго превозмогло на соборѣ, и великій князь оставилъ дѣло; но вопросъ не затихъ, какъ увидимъ послѣ.

Кромѣ этихъ дѣлъ русская церковь занималась при Іоаннѣ III мѣрами для исправленія нравственности духовенства и для просвѣщенія его; новгородскій архіепископъ Геннадій, узнавши по опыту во время появленія ереси жидовствующихъ, какъ необходимо просвѣщеніе для поддержанія православія, поднялъ вопросъ о необходимости училищъ для духовенства.

ГЛАВА XXVI.

Княженіе Василія Іоанновича.

1. Отношенія Василія къ боярамъ и дѣло о разводѣ. Мы познакомились съ Василіемъ Іоанновичемъ въ то время, когда онъ вступилъ въ борьбу за престолъ съ племян-

никомъ своимъ Димитріемъ. Мы видѣли, что во время этой борьбы вельможи стояли на сторонѣ Димитрія, на сторонѣ же Василія и его матери Софьи стояли люди незначительные по происхожденію и сану, дѣти боярскіе и дьяки; видѣли также, что на сторонѣ Василія стоялъ знаменитый противникъ жидовствующихъ, Іосифъ Волоцкій. Василій восторжествовалъ; противная ему сторона, лишенная вождей своихъ, Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ, не могла по смерти Іоанна III обнаружить никакого движенія противъ Василія въ пользу Димитрія, и этотъ несчастный князь умеръ въ тѣсномъ заключеніи въ 1509 году. Съ торжествомъ Василія, разумѣется, должны были восторжествовать люди, бывшіе ему преданными во время жизни отца его; взявши престолъ съ бою противъ сильныхъ враговъ, противъ вельможъ, Василій не могъ питать къ нимъ расположенія, долженъ былъ смотрѣть на нихъ враждебно, удаляться отъ нихъ; если вельможи жаловались и на Іоанна III, что онъ перемѣнилъ обращеніе съ ними, и приписывали перемѣну эту внушеніямъ великой княгини Софьи, то еще больше стали жаловаться на сына Софьи: по ихъ отзывамъ, при Іоаннѣ III было имъ еще легко, Іоаннъ III еще совѣтовался съ ними и позволялъ противорѣчить себѣ; но Василій не допускалъ противорѣчій и рѣшалъ дѣла безъ бояръ у себя въ комнатѣ, съ своими приближенными людьми, которыми были дворецкій Шигона Поджогинъ да человѣкъ пять дьяковъ, хотя по формѣ дѣла были отдаваемы на обсужденіе совѣта изъ бояръ или, какъ тогда называли, думы. Такимъ образомъ Василій, по словамъ одного умнаго и наблюдательнаго иностранца, Герберштейна, кончилъ то, что̀ начато было отцемъ его, и властію своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ, имѣлъ неограниченную власть надъ жизнію, имуществомъ людей свѣтскихъ и духовныхъ; изъ совѣтниковъ его, бояръ, никто не смѣлъ про-

тиворѣчить или противиться его приказанію. Первое мѣсто между боярами занималъ сначала князь Василій Холмскій; но, какъ видно, онъ пошелъ по слѣдамъ Патрикѣевыхъ, потому что скоро былъ заключенъ въ тюрьму; боярину Берсеню отрѣзали языкъ за то, что онъ вздумалъ жаловаться на великаго князя и на перемѣны, произведенныя, по его мнѣнію, Софьею; митрополитъ Варлаамъ былъ свергнутъ.

Но былъ еще живъ сынъ знаменитаго отца и самъ знаменитый своимъ высокоуміемъ, на которое жаловался Іоаннъ III, князь Василій Патрикѣевъ, постриженный при Іоаннѣ III подъ именемъ Вассіана, прозвище ему было Косой. Великій князь Василій, вѣроятно считая его безвреднымъ для себя, позволилъ ему жить въ Москвѣ, въ Симоновѣ монастырѣ, и ласкалъ его, какъ старца умнаго, начитаннаго и знатнаго по своему происхожденію. Иночество не укротило Патрикѣева, онъ продолжалъ ожесточенную борьбу съ Іосифомъ Волоцкимъ, который не переставалъ утверждать, что противъ оставшихся еретиковъ, жидовствующихъ, должны быть приняты самыя строгія мѣры. Монахи Кириллова и вологодскихъ монастырей, и во главѣ ихъ Вассіанъ Косой, опровергали это мнѣніе Іосифа. Іосифъ умеръ въ 1515 году; Вассіанъ Косой пережилъ его и продолжалъ воевать съ его мнѣніями: такъ онъ продолжалъ утверждать, что монастырямъ не должно владѣть селами, при чемъ нашелъ себѣ единомышленника въ знаменитомъ Максимѣ Грекѣ. Великій князь Василій просилъ аѳонскіе монастыри прислать ему ученаго монаха, способнаго исправить старые переводы церковныхъ книгъ и сдѣлать новые, и вслѣдствіе этой просьбы пріѣхалъ въ Москву Максимъ, албанскій Грекъ, путешествовавшій по Европѣ, учившійся въ Парижѣ, Флоренціи, Венеціи. Максимъ оказалъ большія услуги русскому просвѣщенію: переводилъ, исправлялъ книги, писалъ противъ разныхъ суевѣрій, противъ сочиненій, которыя распростра-

няли въ народѣ разныя сказки; наконецъ, сблизившись съ Вассіаномъ Косымъ, писалъ о томъ, что не слѣдуетъ монахамъ владѣть селами. Но Максимъ и Вассіанъ не успѣли дать силы своему мнѣнію, потому что оба подверглись бѣдѣ по дѣлу о разводѣ великаго князя.

Великій князь Василій былъ женатъ на Соломонидѣ, изъ рода Сабуровыхъ, и не имѣлъ отъ нея дѣтей. Такимъ образомъ престолъ долженъ былъ достаться послѣ него брату его Юрію Ивановичу. Но Василій жилъ очень не дружно съ этимъ братомъ и считалъ его и другаго брата, Андрея, неспособными къ управленію государствомъ. Кромѣ того, если люди, которые не любили Василія, радовались, что мѣсто его заступитъ князь не столько строгій, умный и дѣятельный, то люди, всѣмъ обязанные Василію, должны были ждать для себя большой бѣды въ случаѣ безпотомственной смерти великаго князя, ибо всѣ преданные ему люди возбудили къ себѣ сильную вражду въ людяхъ недовольныхъ имъ, а въ томъ числѣ и вражду братьевъ великокняжескихъ. Между самыми преданными Василію людьми находился и митрополитъ Даніилъ, взятый на митрополію изъ игумновъ Іосифова Волоцкаго монастыря, и уже по этому самому непріятный Вассіану Косому и всей его сторонѣ. Даніилъ разрѣшилъ великому князю развестись съ Соломонидою и жениться во второй разъ, на Еленѣ Васильевнѣ, дочери литовскаго выходца, князя Глинскаго. Этотъ поступокъ Василія, разумѣется, возбудилъ новое сильное негодованіе въ людяхъ уже и прежде имъ недовольныхъ; сильно вооружился противъ развода Вассіанъ Косой, и Максимъ Грекъ его поддерживалъ. Лишившись благосклонности великаго князя вслѣдствіе этого сопротивленія разводу, Вассіанъ и Максимъ были обвинены въ церковныхъ преступленіяхъ и оба заточены; Вассіанъ умеръ въ этомъ заточеніи; Максимъ пережилъ и великаго князя и митрополита.

2. Войны съ Литвою. Такова была въ княженіе Василія борьба партій, служившая продолженіемъ борьбы, начатой при отцѣ его. Враги внѣшніе надѣялись, что эта борьба будетъ сильнѣе, опаснѣе для Василія, и хотѣли воспользоваться ею; великій князь литовскій Александръ и ливонскій магистръ Плеттенбергъ ждали съ часу на часъ извѣстій объ усобицахъ въ Москвѣ и держали войско наготовѣ. Но они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ; въ Москвѣ все было тихо. Скоро самъ Александръ литовскій умеръ (въ 1506 году), и Василій московскій хотѣлъ воспользоваться смертію бездѣтнаго зятя для мирнаго соединенія Литвы и западной Россіи съ Москвою: онъ послалъ сказать сестрѣ своей, королевѣ Еленѣ, чтобъ она уговаривала Литовцевъ признать его, Василія, своимъ государемъ. Но Елена отвѣчала, что королемъ польскимъ и вмѣстѣ великимъ княземъ литовскимъ уже назначенъ братъ Александровъ, Сигизмундъ I Казимировичъ. Впрочемъ эта перемѣна въ Литвѣ не обошлась безъ сильной смуты и усобицы, которою, въ свою очередь, хотѣлъ воспользоваться великій князь московскій.

Любимцемъ покойнаго короля Александра былъ князь Михаилъ Глинскій, проведшій долгое время за границею, умѣвшій вездѣ пріобрѣсти расположеніе умомъ, образованностію, искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ. Сильная привязанность короля Александра къ Глинскому, могущество и богатство послѣдняго возбудили зависть и вражду въ остальныхъ панахъ литовскихъ. Новый король, Сигизмундъ, былъ уже предубѣжденъ противъ князя Михаила и явно склонялся на сторону враговъ его Тогда Глинскій удалился отъ двора въ свои имѣнія и завелъ пересылку съ великимъ княземъ московскимъ, который обѣщалъ ему помощь на всѣхъ его непріятелей. Въ 1507 году начались непріятельскія дѣйствія вступленіемъ московскихъ полковъ въ литовскую землю; Глинскій волновалъ Русь и со-

единился съ войсками Василіевыми; Сигизмундъ не видѣлъ возможности кончить съ успѣхомъ эту войну и рѣшился прекратить ее важнымъ пожертвованіемъ съ своей стороны, именно уступилъ Василію въ вѣчное владѣніе пріобрѣтенія Іоанна III. Вѣчный миръ или докончаніе, какъ тогда называли, было заключено въ сентябрѣ 1508 года, при чемъ Глинскимъ и ихъ пріятелямъ выговоренъ былъ свободный выѣздъ изъ Литвы въ Москву.

Понятно, что Михаилъ Глинскій не могъ быть доволенъ этимъ миромъ: онъ потерпѣлъ полную неудачу въ своихъ замыслахъ, принужденъ былъ покинуть родную страну, отказаться отъ богатыхъ владѣній, за которыя великій князь московскій не могъ вознаградить его ни обширными волостями, ни важнымъ значеніемъ при дворѣ своемъ. Вотъ почему даровитый, ловкій и дѣятельный Глинскій употреблялъ всѣ усилія къ возвращенію себѣ прежняго положенія, для чего должна была служить новая война Москвы съ Литвою. Обстоятельства были благопріятны: Албрехтъ, маркграфъ бранденбургскій и вмѣстѣ магистръ Тевтонскаго Ордена готовился къ войнѣ съ королемъ польскимъ; императоръ, другія князье нѣмецкіе и ливонскіе поддерживали Албрехта. Поводомъ къ войнѣ послужилъ слухъ о непріятностяхъ, которымъ подвергается сестра великаго князя, Елена, въ Литвѣ, и стараніе короля Сигизмунда возбудить крымскихъ Татаръ противъ Москвы. Война началась въ 1512 году; три раза Василій осаждалъ Смоленскъ, и только въ 1514 году, 29 іюля, этотъ крѣпкій городъ принужденъ былъ къ сдачѣ. Глинскій надѣялся, что великій князь отдастъ ему Смоленскъ, но обманулся въ своей надеждѣ, и видя, что ему нечего ждать больше отъ Москвы, завелъ сношенія съ королемъ Сигизмундомъ, который охотно принималъ его опять къ себѣ въ службу; но переговоры эти были открыты, Глинскій схваченъ и въ оковахъ отвезенъ въ

Москву. Торжество взятія Смоленска было помрачено сильнымъ пораженіемъ, которое потерпѣли московскія войска у Орши 8 сентября 1514 года: здѣсь князь Константинъ Острожскій, начальствовавшій снова полками литовскими, отомстилъ Москвичамъ за ведрошское пораженіе. Но король не могъ извлечь для себя никакой пользы изъ оршинской побѣды, не могъ возвратить себѣ Смоленска, пріобрѣтеніе котораго для Василія служило достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ потери. Послѣ оршинской битвы война продолжалась еще семь лѣтъ безъ всякаго замѣчательнаго успѣха съ обѣихъ сторонъ, наконецъ въ 1522 году заключено было перемиріе, при чемъ Смоленскъ остался за Москвою до заключенія вѣчнаго мира; но вѣчнаго мира между Москвою и Литвою не увидятъ ни шестнадцатый, ни первая четверть семнадцатаго вѣка, именно благодаря Смоленску, который обѣ стороны могли уступить на вѣки только въ самой крайности.

3. Войны съ Крымомъ и Казанью. Во время литовской войны Василій былъ въ союзѣ съ Албрехтомъ, курфирстомъ бранденбургскимъ и великимъ магистромъ Тевтонскаго Ордена, которому помогалъ деньгами для войны съ Польшею; король Сигизмундъ, съ своей стороны, не щадилъ денегъ, чтобъ поднимать на Москву крымскихъ Татаръ. Столько выгодный для Іоанна III союзъ съ Крымомъ кончился въ началѣ княженія сына его: Менгли-Гирей не боялся болѣе остатковъ Золотой Орды, не видалъ безпокойства со стороны Турціи, въ Москвѣ вмѣсто знаменитаго своимъ могуществомъ и счастіемъ Іоанна княжилъ молодой сынъ его, окруженный опасностями, не могшій еще внушить варварамъ уваженія и страха; притомъ Менгли-Гирей устарѣлъ, ослабѣлъ, и былъ окруженъ толпою хищныхъ сыновей, родственниковъ и князей. Эта хищная толпа съ жадностію бросилась на Сигизмундовы подарки, обѣщая ему за нихъ опустошать московскія владѣнія; но Крым-

цамъ было еще выгоднѣе брать подарки съ обоихъ государствъ, Московскаго и Литовскаго, обѣщать свою помощь тому, кто больше дастъ, — обѣщать помощь, а на самомъ дѣлѣ, взявъ деньги съ обоихъ, опустошать владѣнія обоихъ, пользуясь ихъ взаимною враждою. Съ этихъ поръ сношенія обоихъ государствъ съ Крымцами представляютъ задариваніе разбойниковъ, которые не сдерживаются никакимъ договоромъ, никакими клятвами. Великій князь московскій пытался было сдержать Крымцевъ другимъ средствомъ, именно старался заключить союзъ съ султаномъ турецкимъ, который, какъ верховный повелитель, могъ запретить крымскому хану вторгаться въ Россію; но султанъ постоянно отклонялъ предложеніе союза со стороны государя московскаго, потому что у Россіи съ Турціею не могло быть никакихъ общихъ выгодъ, напротивъ уже и въ это время обнаруживались причины, которыя должны были повести къ сильной борьбѣ между этими государствами, а именно: Московское государство, усилившись, начало наступательное движеніе на татарскія владѣнія, обломки Батыева царства; но султанъ, какъ глава магометанскаго міра, не могъ равнодушно видѣть магометанскія земли подъ зависимостію христіанскаго государя, считалъ своею обязанностію защищать ихъ отъ Москвы; на предложеніе тѣснаго союза со стороны Василія султанъ прямо отвѣчалъ требованіемъ, чтобъ великій князь не трогалъ Казани; разумѣется, великій князь не могъ исполнить этого требованія: какая же послѣ того могла быть дружба у султана съ государемъ московскимъ?

Мы видѣли, что предъ самою смертію Іоанна III казанскій ханъ Магметъ-Аминь измѣнилъ Москвѣ, и потому первымъ дѣломъ Василія было смирить мятежника. Первый походъ московскаго войска подъ Казань былъ неудаченъ; но когда въ Москвѣ начали готовиться ко второму, Магметъ-Аминь прислалъ просить мира на прежнихъ условіяхъ, получилъ его

и сохранялъ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1518 году. Магметъ-Аминь умеръ не оставивъ дѣтей, и раждался вопросъ — кому быть ханомъ въ Казани?—вопросъ важный и трудный по отношеніямъ къ Крыму, потому что сынъ и преемникъ Менгли-Герея, Магметъ-Гирей сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ всѣ татарскія владѣнія находились въ рукахъ одного рода Гиреевъ крымскихъ, чему, разумѣется, Москва должна была препятствовать всѣми силами. Великій князь Василій отдалъ Казань родовому непріятелю Гиреевъ, Шигъ-Алею, внуку Ахматову, жившему въ Россіи. Но Шигъ-Алей возбудилъ къ себѣ нерасположеніе въ вельможахъ казанскихъ, которые составили противъ него заговоръ, снеслись съ Крымомъ, и когда въ 1521 году братъ Магметъ-Гиреевъ, Саипъ-Гирей, явился съ крымскимъ войскомъ у Казани, то городъ сдался ему безъ сопротивленія, и Шигъ-Алей долженъ былъ уѣхать въ Москву. Въ то же время Магметъ-Гирей устремился къ берегамъ Оки, опрокинулъ московскихъ воеводъ и достигъ до самой Москвы, а съ другой стороны новый казанскій ханъ, Саипъ-Гирей, опустошивши области Нижегородскую и Владимірскую, соединился съ братомъ. Великій князь, застигнутый врасплохъ, уѣхалъ изъ Москвы на Волокъ-Ламскій собирать войско; впрочемъ ханъ, обязанный своимъ успѣхомъ одной нечаянности, не могъ долго оставаться подъ Москвою, и удалился къ Рязани; не могши взять и этого города, онъ вышелъ изъ русскихъ владѣній, выведши изъ нихъ огромное количество плѣнныхъ. Московскій князь не могъ отомстить крымскому хану, могъ только предпринять мѣры осторожности противъ будущихъ нападеній; но могъ справиться съ ближайшимъ сосѣдомъ своимъ, казанскимъ ханомъ: Гиреи были изгнаны изъ Казани, и великій князь послалъ туда ханомъ Еналея, брата Шигъ-Алеева.

4. **Присоединеніе Пскова, Рязани и сѣверскихъ княжествъ.** Таковы были внѣшнія войны въ княженіе Василія; внутреннихъ не было, потому что безъ войны присоединилъ Василій къ Москвѣ Псковъ, Рязань и сѣверскія княжества. Во Псковѣ граждане безпрестанно ссорились съ намѣстниками великокняжескими по очень простой причинѣ: намѣстники хотѣли поступать по московскому обычаю, Псковичи московскаго обычая не знали и жаловались на притѣсненія. Въ концѣ 1509 года великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ, вызвалъ туда на судъ намѣстника псковскаго, князя Репню-Оболенскаго, посадниковъ и купеческихъ старостъ; когда посадники оказались виноватыми въ глазахъ великаго князя, то онъ задержалъ ихъ, а Псковичамъ послалъ сказать: «Если хотите прожить въ старинѣ, то должны исполнить двѣ мои воли: чтобъ у васъ вѣча не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ, да быть у васъ двоимъ моимъ намѣстникамъ: иначе много у меня силы готовой и кровопролитіе взыщется на тѣхъ, кто государевой воли не исполнитъ.» Псковичи проплакали весь этотъ день и всю ночь, а на разсвѣтѣ другаго дня собрали въ послѣдній разъ вѣче и сказали посланнику великокняжескому: «Воленъ Богъ да государь въ городѣ Псковѣ, въ насъ и въ колоколѣ нашемъ; мы на государя рукъ поднять не хотимъ.» 13 января 1510 года сняли вечевой колоколъ у Св. Троицы (соборная церковь во Псковѣ) и повезли къ великому князю въ Новгородъ; триста семействъ лучшихъ людей выведено было изъ Пскова въ Москву, на ихъ мѣсто пріѣхали триста же купеческихъ семействъ изъ десяти московскихъ городовъ.

Рязань была присоединена также безъ большихъ затрудненій. Мы видѣли, что Іоаннъ III распоряжался Рязанью во время малолѣтства великаго князя ея Ивана Ивановича, Василій продолжалъ распоряжаться ею такимъ же образомъ. Когда

великій князь рязанскій выросъ, то увидалъ себя не больше какъ намѣстникомъ великаго князя московскаго; ему оставалось на выборъ или добровольно сойдти на степень служебнаго князя, или попытаться возвратить себѣ прежнее значеніе; онъ рѣшился на послѣднее. Василію московскому дали знать, что великій князь рязанскій вошелъ въ сношенія съ крымскимъ ханомъ: тогда Василій, въ 1517 году, вызвалъ его въ Москву, гдѣ его схватили и посадили подъ стражу; но въ 1521 году, пользуясь нашествіемъ Магметъ-Гирея, рязанскій князь успѣлъ убѣжать изъ Москвы и скрыться въ Литву. Съ Рязанцами, которые отличались смѣлымъ, безпокойнымъ характеромъ, было поступлено такъ же, какъ съ Новгородцами и Псковичами: многочисленными толпами переселяли ихъ въ другія области.

Въ землѣ Сѣверской, признавая надъ собою верховную власть московскаго князя, владѣли два Василія — одинъ Семеновичъ, внукъ Ивана можайскаго, князь стародубскій, другой — Ивановичъ, внукъ Шемяки, князь Новгорода Сѣверскаго. Эти князья давно уже питали другъ къ другу непримиримую ненависть, и, не смѣя затѣвать явныхъ усобицъ, доносили другъ на друга великому князю московскому. Шемячичу удалось выгнать своего врага изъ его отчины, которая была присоединена къ Москвѣ; но скоро послѣ того Шемячичъ самъ былъ позванъ въ Москву и заключенъ въ темницу, обвиненный въ сношеніяхъ съ Литвою.

Послѣдній собиратель русской земли, великій князь Василій Ивановичъ, умеръ въ 1533 году, оставя двоихъ маленькихъ сыновей, Іоанна и Юрія; старшему, Іоанну, котораго отецъ благословилъ на великое княженіе, было только три года.

ГЛАВА XXVII.

Царствованіе Іоанна IV Васильевича Грознаго.

1. Правленіе великой княгини Елены. Опека надъ малолѣтними сыновьями и управленіе государствомъ во имя старшаго изъ нихъ принадлежали вдовѣ Василіевой, великой княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ. Тотчасъ послѣ похоронъ Василія правительницѣ донесли уже о крамолѣ, поднятой нѣкоторыми вельможами въ пользу дяди великокняжескаго, Юрія Ивановича, котораго по этому поводу схватили и посадили подъ стражу. Въ это время главными совѣтниками Елены были двое вельможъ: родной дядя ея, извѣстный уже намъ князь Михаилъ Глинскій, который, по случаю брака великаго князя Василія на его племянницѣ, былъ освобожденъ изъ темницы и приближенъ ко двору; вторымъ приближеннымъ къ правительницѣ лицемъ былъ князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Глинскій и Оболенскій не могли ужиться въ мирѣ другъ съ другомъ, и Елена должна была выбирать между ними: она выбрала Оболенскаго, и Глинскій, обвиненный въ властолюбивыхъ замыслахъ, былъ схваченъ и посаженъ въ прежнюю свою темницу, гдѣ скоро и умеръ. Между вельможами происходило сильное волненіе: нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ Литву, другіе были схвачены за соумышленничество съ бѣглецами. Скоро потерялъ свободу и другой дядя великаго князя, Андрей Ивановичъ, князь старицкій. Нашлись люди, которые постоянно ссорили Андрея съ Еленою: правительницѣ наговаривали, что Андрей недоволенъ, сердитъ на нее, Андрею говорили, что въ Москвѣ хотятъ его схватить; когда Елена

послала звать Андрея въ Москву для совѣщаній о дѣлахъ государственныхъ, то онъ не поѣхалъ, сказавшись больнымъ, а между тѣмъ изъ Старицы дали знать въ Москву, что Андрей собирается бѣжать въ Литву. Елена послала войско перехватить его; узнавши объ этомъ, Андрей выѣхалъ изъ Старицы и бросился въ новгородскія области, гдѣ возмутилъ многихъ помѣщиковъ. Настигнутый войскомъ великокняжескимъ, которое было подъ начальствомъ любимца правительницы, князя Телепнева-Оболенскаго, Андрей не вступилъ въ битву и согласился ѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Оболенскимъ, понадѣявшись на обѣщаніе послѣдняго, что тамъ не сдѣлаютъ съ нимъ ничего дурнаго; но Елена сдѣлала строгій выговоръ Оболенскому, зачѣмъ давалъ обѣщаніе безъ ея вѣдома, и велѣла заключить Андрея въ оковы.

Московскія смуты возбудили надежды въ королѣ польскомъ Сигизмундѣ: онъ перемѣнилъ тонъ въ сношеніяхъ съ малолѣтнимъ государемъ московскимъ, и въ 1534 году началась война съ Литвою. Война эта, ведшаяся съ перемѣннымъ счастіемъ, не ознаменована была ничѣмъ важнымъ и кончилась перемиріемъ въ 1537 году. Въ Москвѣ спѣшили этимъ перемиріемъ, чтобъ имѣть возможность управиться съ Казанью и Крымомъ. Вслѣдствіе смѣны хановъ, вслѣдствіе разныхъ противоположныхъ вліяній, русскаго и крымскаго, въ Казани образовались партіи, изъ которыхъ каждая ждала удобнаго случая низложить партію противную. Въ то время, когда Москва была занята литовскою войною, крымская сторона въ Казани увидѣла удобный случай свергнуть московскаго подручника Еналея; составился заговоръ, Еналей былъ убитъ, и ханомъ провозглашенъ Сафа-Гирей, царевичъ крымскій, который тотчасъ же сталъ нападать на русскія владѣнія, а угрозы крымскаго хана удерживали правительство московское отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Казани.

2. Правленіе боярское. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда скончалась правительница въ апрѣлѣ 1538 года, и правленіе, за продолжавшимся малолѣтствомъ великаго князя, должно было перейдти теперь въ руки бояръ. По отстраненіи Патрикѣевыхъ, Ряполовскихъ и Холмскихъ, первое мѣсто между вельможами московскими занимали князья Шуйскіе, потомки тѣхъ суздальско-нижегородскихъ князей, которые были лишены своихъ отчинъ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ, такъ долго не хотѣли покориться своей участи, и только при Іоаннѣ III вступили въ службу московскую. Способности, энергія и честолюбіе, были наслѣдственными въ этомъ знаменитомъ родѣ; главою его въ описываемое время былъ князь Василій Васильевичъ, который при великомъ князѣ Василіи отличился защитою Смоленска отъ Литвы, при чемъ обнаружилъ способность свою къ мѣрамъ рѣшительнымъ и суровымъ. Въ седьмый день по кончинѣ Елены Шуйскіе уже распорядились на счетъ ея любимца: князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій и сестра его, мамка маленькаго великаго князя, были схачены и заточены, и заточеніе это было такъ жестоко, что Оболенскій не могъ перенести его. Противъ Шуйскаго-Рюриковича поднялся было князь Иванъ Бѣльскій-Гедиминовичь, родня слѣдовательно Патрикѣевымъ; но Шуйскіе были сильнѣе, не смотря на то, что на сторонѣ Бѣльскаго стоялъ митрополитъ Даніилъ: Бѣльскій былъ посаженъ въ заключеніе; митрополитъ остался не тронутымъ, но не надолго: когда князь Василій Шуйскій умеръ и значеніе его перешло къ брату его, князю Ивану, то новый правитель свергнулъ Даніила, на мѣсто котораго былъ возведенъ Іоасафъ. Этотъ митрополитъ не долго оставался на сторонѣ Шуйскаго: въ 1540 году онъ успѣлъ распорядиться такъ, что князь Бѣльскій былъ освобожденъ, и Шуйскій, застигнутый врасплохъ, долженъ былъ покинуть правленіе, которое пере-

шло теперь къ Бѣльскому и митрополиту Іоасафу. Правители поспѣшили освободить изъ темницы двоюроднаго брата Іоаннова, князя Владиміра старицкаго, сына несчастнаго Андрея, и возвратить ему отцовскій удѣлъ. Не смотря на это, сторона ихъ все была слаба въ сравненіи съ стороною Шуйскаго, приверженцы котораго составили заговоръ: Шуйскій въ началѣ 1542 года явился изъ Владиміра въ Москву, съ вооруженнымъ отрядомъ; Бѣльскій былъ схваченъ, заточенъ на Бѣлоозеро и тамъ умерщвленъ, главные совѣтники его разосланы; митрополитъ Іоасафъ свергнутъ съ безчестіемъ, и на его мѣсто возведенъ Макарій. Иванъ Шуйскій не долго жилъ послѣ этого; власть перешла въ руки къ родственнику его, князю Андрею Михайловичу Шуйскому. Этому новому правителю показался опасенъ Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ, который успѣлъ приблизиться къ молодому государю и понравиться ему; въ присутствіи Іоанна Шуйскіе и совѣтники ихъ напали на Воронцова, чуть-чуть не убили его, и послали въ дальнюю ссылку, не смотря на просьбы великаго князя.

3. Воспитаніе Іоанна и его первыя самостоятельныя дѣйствія. Іоанну исполнилось тогда уже 13 лѣтъ. Ребенокъ имѣлъ блестящія дарованія, природу воспріимчивую, легко увлекающуюся, страстную; эти послѣднія качества если не были произведены, то, разумѣется, были развиты до высшей степени воспитаніемъ, обстоятельствами дѣтства его. По смерти матери, Іоаннъ былъ окруженъ людьми, которые заботились только о собственныхъ выгодахъ; передъ глазами ребенка происходила борьба партій, и мы видѣли, въ какихъ формахъ происходила эта борьба; прибить, оборвать противника, сослать его, умертвить; свергнуть съ безчестіемъ верховнаго пастыря церкви, митрополита, — вотъ чѣмъ оканчивалось дѣло; у ребенка-сироты отнимали людей самыхъ къ нему близкихъ, которыхъ онъ любилъ; передъ нимъ нагло

оскорбляли ихъ, потомъ заточали, замучивали; передъ нимъ Шуйскіе и друзья ихъ позволяли себѣ оскорблять память отца его и матери, ибо мы знаемъ, какъ вельможи не любили великаго князя Василія и вторую жену его. Іоаннъ тѣмъ болѣе оскорблялся этимъ, что хорошо понималъ свое значеніе, понималъ, что онъ государь, ибо тѣ же самые люди, которые такъ оскорбляли его, пугали, не обращали никакого вниманія на его слезы и просьбы,—тѣ самые люди при извѣстныхъ церемоніяхъ, напримѣръ при посольскомъ пріемѣ, стояли передъ его престоломъ въ видѣ покорныхъ слугъ. Такимъ образомъ ребенокъ привыкалъ видѣть въ вельможахъ враговъ своихъ, но удерживать ихъ, бороться съ ними на дѣлѣ не могъ; безсильный гнѣвъ, раздраженіе, досада, оставались внутри его и портили его природу: ребенокъ затаивалъ месть до удобнаго случая; но какъ же онъ будетъ мстить своимъ врагамъ, какъ будетъ поступать съ людьми ему непріятными? разумѣется точно такъ же, какъ они сами пріучили его, а они пріучили его къ насиліямъ, къ немедленной, безсудной расправѣ съ непріятными людьми. Какъ только Іоаннъ началъ подростать, въ немъ уже обнаружились дурныя наклонности, онъ находилъ удовольствіе мучить животныхъ, а люди, которые должны были смотрѣть за нимъ, не останавливали его, позволяли ему дѣлать все, что̀ онъ хотѣлъ. Но скоро Іоаннъ принялся и за людей, и первою жертвою его былъ вельможа-правитель, князь Андрей Шуйскій. Озлобленный поступкомъ Шуйскаго съ Воронцовымъ, Іоаннъ рѣшился напасть врасплохъ на правителя, и въ концѣ 1543 года, будучи тринадцати лѣтъ, онъ велѣлъ схватить его и убить. Родственники и приверженцы его подверглись опаламъ и казнямъ въ послѣдствіи; не избѣжалъ казни и прежній любимецъ Іоанна, Воронцовъ, явившійся снова при дворѣ послѣ казни Шуйскаго и хотѣвшій занять его мѣсто, быть правителемъ; но Іоаннъ хотя по моло-

дости не могъ усердно заниматься дѣлами, однако не хотѣлъ терпѣть, чтобъ кто-нибудь осмѣлился обнаружить желаніе располагать его волею, и, по примѣру отца, Іоаннъ сталъ приближать къ себѣ людей незнатнаго происхожденія, дьяковъ.

4. Принятіе царскаго титула и женитьба Іоаннова. Вынесши изъ своего дѣтства горькое чувство вражды къ людямъ, которые похищали его права и неуважительно обходились съ нимъ, смотря поэтому подозрительно на всѣхъ вельможъ своихъ, Іоаннъ только и думалъ о томъ, какъ бы упрочить свою власть. Въ началѣ 1547 года, будучи 16 лѣтъ, Іоаннъ короновался, но мало этого—принялъ титулъ царя, съ которымъ соединялось понятіе о власти болѣе обширное, чѣмъ съ прежнимъ титуломъ великаго князя. Скоро послѣ Іоаннъ женился; выборъ его палъ на дѣвушку изъ одного изъ самыхъ знатныхъ и древнихъ московскихъ боярскихъ родовъ, именно на Анастасію Романовну, дочь умершаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, предковъ котораго мы видѣли на первомъ мѣстѣ въ княженіе Василія Дмитріевича, а братъ его, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ, былъ однимъ изъ близкихъ людей къ отцу Іоаннову, великому князю Василію.

5. Пожары московскіе; Сильвестръ и Адашевъ. Въ февралѣ 1547 года была царская свадьба; въ апрѣлѣ были два сильные пожара въ Москвѣ, а 21 іюня вспыхнулъ такой страшный пожаръ, какого еще никогда не бывало въ Москвѣ, народу сгорѣло 1700 человѣкъ! Царь съ царицею, братомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево. Но этимъ бѣда не кончилась: бояре сказали царю, что Москву сожгли злонамѣренные люди, сожгли чародѣйствомъ; царь велѣлъ розыскать дѣло; бояре собрали народъ на площадь и стали спрашивать: кто зажигалъ Москву? въ толпѣ закричали, что зажигала волшебствомъ княгиня Анна Глинская съ своими сыновьями. Чернь говорила это потому, что Глинскіе, родственники царя

по матери, были самыми близкими къ нему людьми; прислуга Глинскихъ, пользуясь силою господъ своихъ, притѣсняла простой народъ, а Глинскіе ея не унимали. Родной дядя царскій, князь Юрій Васильевичъ Глинскій, услыхавши о себѣ и о матери своей такія рѣчи въ народѣ, поспѣшилъ скрыться въ Успенскій соборъ; но бояре, злобясь на Глинскихъ за ихъ силу при царѣ, подожгли чернь; та бросилась въ соборъ, убила Глинскаго, перебила множество его людей, разграбила дворъ; мало того,—толпы черни явились въ селѣ Воробьевѣ, у дворца царскаго, съ крикомъ, чтобъ государь выдалъ имъ бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и другаго сына ея, Михайлу. Іоаннъ въ отвѣтъ велѣлъ схватить крикуновъ и казнить; на остальныхъ напалъ страхъ, и они разбѣжались.

Пожаръ и народное волненіе произвели сильное впечатлѣніе на молодаго царя, страстная природа котораго была именно способна быстро принимать впечатлѣнія. Изъ молодаго человѣка, преданнаго удовольствіямъ, онъ сдѣлался набоженъ, серьёзенъ, неутомимъ въ занятіяхъ дѣлами государственными. Недовѣряя по прежнему людямъ знатнымъ, онъ приблизилъ къ себѣ священника придворнаго Благовѣщенскаго собора Сильвестра и Алексѣя Ѳедоровича Адашева, ложничаго своего, человѣка очень незначительнаго происхожденія. Сильвестръ, какъ лицо духовное, какъ человѣкъ, отличавшійся предъ другими нравственною чистотою, имѣлъ особенно сильное вліяніе на улучшеніе нравственности Іоанна. Прошло года два послѣ пожаровъ; Іоаннъ, пылкій, не умѣвшій сдерживать своихъ мыслей и чувствъ, захотѣлъ торжественно, предъ цѣлымъ народомъ, предъ цѣлою Россіею объявить, что онъ самъ началъ править государствомъ, а потому прежніе безпорядки и насилія, бывшіе слѣдствіемъ управленія боярскаго, не повторятся болѣе. Для этого въ 1550 году онъ приказалъ пріѣхать въ Москву выборнымъ изъ городовъ, и когда

они съѣхались, то Іоаннъ, въ воскресный день, вышелъ съ крестами на лобное мѣсто (возвышеніе на Красной площади), и послѣ молебна обратился къ митрополиту съ описаніемъ всѣхъ безпорядковъ, бывшихъ во время его малолѣтства, во время управленія боярскаго, объявилъ, что онъ нисколько не виноватъ въ слезахъ и крови, пролитыхъ въ это время; потомъ, обратясь къ народу, просилъ его забыть все прошлое, обѣщая съ этихъ поръ быть для всѣхъ судьею и защитникомъ. Въ тотъ же день царь поручилъ Алексѣю Адашеву принимать просьбы отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и выбирать судей справедливыхъ. Въ томъ же году Іоаннъ занялся составленіемъ новаго Судебника, ибо старый Судебникъ дѣда его оказался недостаточнымъ; а въ слѣдующемъ 1551 году царь созвалъ церковный соборъ, подалъ архіереямъ описаніе всѣхъ безпорядковъ церковныхъ, для прекращенія которыхъ потребовалъ ихъ содѣйствія.

6. Покореніе Казани. Въ это время, когда молодой царь занимался такими важными дѣлами внутренними, вниманіе его было обращено также на татарскія царства — Казань и Крымъ. Мы видѣли, что въ концѣ правленія Елены оба эти царства соединились подъ властію одного дома Гиреевъ и потому стали очень опасны для Москвы. Сафа-Гирей казанскій опустошалъ области Муромскую и Костромскую; Саипъ-Гирей крымскій подходилъ къ Окѣ со всею Ордою. Но въ Казани боролись другъ съ другомъ партіи крымская и московская. Послѣдней скоро помогло то обстоятельство, что когда въ Москвѣ государь выросъ и съ чрезвычайнымъ усердіемъ сталъ заниматься дѣлами правленія, въ Казани ханъ Сафа-Гирей умеръ, оставивъ престолъ сыну-младенцу. Дѣло кончилось тѣмъ, что Казанцы отослали своего маленькаго хана въ Москву и приняли къ себѣ Шигъ-Алея. Но Шигъ-Алей, покорствуя Москвѣ, возбудилъ противъ себя сильную

ненависть въ Казани. Ненависть къ Алею и въ то же время невозможность избавиться отъ него, невозможность бороться съ Москвою, внушили Казанцамъ мысль подчиниться вполнѣ царю московскому, лишь бы онъ вывелъ отъ нихъ Шигъ-Алея. Іоаннъ согласился, вывелъ Алея и отправилъ въ Казань намѣстника своего, князя Микулинскаго. Все было шло хорошо, Казанцы спокойно начали присягать царю московскому, какъ вдругъ трое знатныхъ людей распустили между ними слухъ, что Русскіе идутъ съ тѣмъ, чтобъ всѣхъ ихъ истребить. Народъ взволновался, не пустилъ Микулинскаго въ городъ, послалъ къ Ногаямъ просить себѣ въ цари одного изъ тамошнихъ владѣльцевъ, и получилъ Едигера-Магмета.

Тогда Іоаннъ рѣшился покончить съ Казанью. 16 іюня 1552 года онъ выступилъ въ походъ, но въ самомъ началѣ пути получилъ вѣсть, что крымскій ханъ съ большимъ войскомъ идетъ къ московскимъ границамъ; Іоаннъ рѣшилъ переправиться черезъ Оку и встрѣтить хана, но пришла вѣсть, что Крымцы не могли взять Тулы, были побиты на вылазкѣ и бѣжали назадъ въ степь. Избавившись такимъ образомъ отъ Крымцевъ, Іоаннъ продолжалъ походъ и 23 августа осадилъ Казань. У осаждающихъ было 150.000 войска и 150 пушекъ; но осажденные, не смотря на то, что защищались только деревянными стѣнами, выставили отчаянное сопротивленіе, и только 2 октября Казань была взята приступомъ послѣ страшной рѣзни. Съ великимъ торжествомъ возвратился Іоаннъ въ Москву, какъ завоеватель татарскаго царства. Этотъ подвигъ, совершенный съ большими усиліями и трудностями, высоко поднялъ Іоанна въ глазахъ современниковъ и потомковъ, ибо это было первое завоеваніе, и, что̀ всего важнѣе, завоеваніе татарскаго царства: послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился наконецъ царь на Руси, который возвратилъ ей славное время первыхъ князей-завое-

вателей. Впечатлѣніе, произведенное событіемъ, усиливалось еще потому, что взятіе Казани было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка: подвигъ этотъ совершался для защиты христіанства отъ бусурманства, для охраненія русскихъ областей, опустошаемыхъ варварами, для освобожденія плѣнниковъ христіанскихъ. Наконецъ, взятіе Казани было важно въ томъ отношеніи, что открыло для русской торговли все теченіе Волги, дало возможность русскимъ людямъ селиться на юговостокѣ, въ безлюдной, но богатой, плодоносной странѣ, орошаемой Волгою и ея притоками.

7 Покореніе Астрахани. Въ области Казанскаго царства, по обѣимъ сторонамъ Волги, западной (горной) и восточной (луговой), жили разные дикіе народы: Черемисы, Мордва, Чуваши, Вотяки, Башкиры. Послѣ паденія Казани эти народы долго не хотѣли подчиниться московскому владычеству; нужно было еще пять лѣтъ опустошительной войны, чтобъ усмирить ихъ. Въ этой войнѣ противъ Москвы принимали участіе Ногаи, подущаемые турецкимъ султаномъ, который никакъ не могъ равнодушно сносить того, что магометанскія владѣнія достаются христіанамъ, и потому хотѣлъ, чтобъ всѣ ближайшіе къ Москвѣ магометанскіе народы дружно и постоянно враждовали противъ нея. Но къ счастію для Москвы народы эти не были способны къ такому дружному и постоянному дѣйствію; ногайскіе князья ссорились другъ съ другомъ, и стоило одному изъ нихъ вооружиться противъ Москвы, какъ другой враждебный ему князь начиналъ заискивать расположеніе московскаго государя. Одинъ ногайскій князь — Юсуфъ былъ врагомъ Москвы, другой — Измаилъ ея союзникомъ. Въ 1553 году Измаилъ прислалъ просить Іоанна, чтобъ онъ защитилъ его отъ астраханскаго царя Ямгурчея и посадилъ бы на его мѣсто въ Астрахани прежде выгнаннаго оттуда царя

Дербыша, жившаго теперь въ Россіи. Вслѣдствіе этой просьбы, весною 1554 года 30.000 русскаго войска подъ начальствомъ князя Юрія Пронскаго поплыло Волгою подъ Астрахань, и безо всякаго труда овладѣло этимъ городомъ, гдѣ на мѣсто бѣжавшаго Ямгурчея былъ посаженъ Дербышъ. Новый ханъ обязался быть подъ рукою царя московскаго и платить ему дань, но не долго былъ ему вѣренъ, вступилъ въ союзъ съ Крымомъ и враждебными Москвѣ Ногаями, за что въ 1556 году былъ изгнанъ, и Астрахань окончательно присоединена къ Москвѣ. Такимъ образомъ русскіе люди утвердились и на устьяхъ Волги. Изъ астраханскаго кремля московскій воевода легко наблюдалъ за Ногаями, которые просили только позволенія кочевать безопасно подъ Астраханью, ловить рыбу на Волгѣ и торговать безпрепятственно, а безпрестанныя усобицы между ними ручались и за будущую безопасность русскаго владычества въ Астрахани.

8. Отношенія къ народамъ прикавказскимъ и къ Крыму. Утвержденіе на устьяхъ Волги открыло Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣній въ Прикавказьѣ: князья ихъ ссорились другъ съ другомъ, терпѣли отъ Крымцевъ, и потому какъ скоро увидали у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, то и бросились къ нему съ просьбами союза, свободной торговли въ Астрахани, нѣкоторые съ предложеніемъ подданства, и такимъ образомъ незамѣтно, волею-неволею, затягивали Московское государство все далѣе и далѣе на юговостокъ, къ Кавказу и за него. Крымскій ханъ, не умѣвши помѣшать утвержденію русскаго господства въ Казани и Астрахани, сильно сердился, нападалъ на московскія украйны; чтобъ отвлечь его отъ этихъ нападеній, Іоаннъ посылалъ свои легкіе отряды Дономъ и Днѣпромъ опустошать крымскія владѣнія; начальникъ малороссійскихъ казаковъ,

князь Дмитрій Вишневецкій, перешелъ изъ литовской службы въ московскую, и также дѣйствовалъ противъ Крымцевъ.

9. Война съ Швеціею и Ливоніею. Но не война съ Крымомъ главнымъ образомъ занимала вниманіе Іоанна: взоры его, послѣ взятія Казани, были преимущественно устремлены на западъ. Здѣсь сначала занимала его война съ Швеціею, начавшаяся въ 1554 году вслѣдствіе пограничныхъ ссоръ. Война эта не была ознаменована никакими важными дѣйствіями; шведскій король, знаменитый Густавъ-Ваза, началъ ее, обнадеженный въ помощи польской и ливонской; но помощь эта не приходила, и престарѣлый король принужденъ былъ искать мира въ Москвѣ. Царь позволилъ шведскимъ купцамъ ѣздить чрезъ Россію въ Индію и Китай, съ тѣмъ, чтобъ русскіе купцы могли ѣздить изъ Швеціи въ Любекъ, Антверпенъ, Испанію, Англію и Францію.

Такъ высказывалось стремленіе начать дѣятельныя торговыя связи съ западною Европою; но эти связи должны были зависѣть отъ произвола сосѣднихъ приморскихъ государствъ, обыкновенно враждебныхъ Россіи; своихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ у Московскаго государства не было. Это запертое положеніе было тѣмъ болѣе нестерпимо, что чувствовалась сильная потребность въ просвѣщеніи, которое начало тогда сильно распространяться въ западной Европѣ, а людей, которые бы могли принести это просвѣщеніе въ Москву, ученыхъ и художниковъ, не пропускали враждебные сосѣди: они боялись, что Московское государство, и безъ того уже для нихъ опасное, будетъ гораздо страшнѣе если пріобрѣтетъ просвѣщеніе. Больше другихъ боялось Москвы самое слабое изъ сосѣднихъ государствъ — Ливонское; Ливонцы болѣе другихъ хлопотали о томъ, чтобъ науки не проникали въ Москву; но этими поступками они, разумѣется, усиливали только въ московскомъ правительствѣ желаніе пріобрѣсть бал-

тійскіе берега, и ускоряли, слѣдовательно, паденіе своего государства. Еще въ 1547 году Іоаннъ отправилъ въ Германію Саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать тамъ какъ можно болѣе ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте набралъ слишкомъ сто человѣкъ и привезъ уже ихъ въ Любекъ, какъ ливонское правительство представило императору Карлу V опасность, какая можетъ произойдти отъ этого для Ливоніи и другихъ сосѣднихъ странъ, и достигло того, что Карлъ далъ магистру Ливонскаго Ордена полномочіе не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Іоаннъ, занятый тогда важными дѣлами на востокѣ, не могъ отомстить Ливоніи за это недоброжелательство; но когда потомъ, въ 1554 году, ливонскіе послы пріѣхали въ Москву съ просьбою о продолженіи перемирія, то царь велѣлъ объявить имъ, что они прежде должны заплатить ему дань за Юрьевскую (Дерптскую) область, что̀ они обязаны сдѣлать по старымъ договорамъ съ великими князьями русскими. Епископъ дерптскій обѣщалъ выплатить всѣ недоимки, и не исполнилъ обѣщанія. Тогда въ 1558 году русское войско вступило въ Ливонію и страшно опустошило ее; были взяты Нарва, Нейгаузъ, Дерптъ и другіе менѣе значительные города, числомъ до 20. Не будучи въ состояніи противиться Москвѣ собственными силами, магистръ Кетлеръ обратился къ сосѣднимъ государствамъ съ просьбою о помощи Швеція и Данія, кромѣ безполезнаго ходатайства за Ливонію предъ царемъ, не оказали никакой помощи, но Польша вступилась въ дѣло. Въ ней царствовалъ въ это время сынъ Сигизмунда I, Сигизмундъ II Августъ въ 1559 году между нимъ и ливонскимъ правительствомъ заключенъ былъ договоръ, по которому король обязался защищать орденскія владѣнія отъ Москвы, и такимъ образомъ къ войнѣ ливонской присоединилась еще война польская.

10. Разрывъ Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Но въ то время какъ въ Ливоніи шла эта знаменитая борьба, которая должна была рѣшить самый важный вопросъ для Московскаго государства, вопросъ о непосредственномъ соединеніи съ западною Европою, — въ это время во дворцѣ московскаго царя произошла большая перемѣна. Мы видѣли, что Іоаннъ успокоился душевно, когда взялъ въ свои руки правленіе и нашелъ въ Сильвестрѣ и Адашевѣ помощниковъ, на достоинство нравственное и вѣрность которыхъ вполнѣ полагался. Но скоро между нимъ и Сильвестромъ стали происходить непріятныя столкновенія. Сильвестръ, привыкнувъ къ тому, что Іоаннъ руководился его наставленіями относительно нравственнаго поведенія своего, хотѣлъ, чтобъ онъ слушался его и въ дѣлахъ политическихъ. Такъ напримѣръ Сильвестръ съ единомышленниками своими требовалъ, чтобъ царь послѣ завоеванія Казани и Астрахани приступилъ къ завоеванію третьяго татарскаго царства, Крымскаго; но Іоаннъ понималъ всю трудность завоевать Крымъ, отдаленный отъ Московскаго государства обширными степями, понималъ всю невозможность удержать завоеваніе по этому самому отдаленію и потому еще, что надобно было бороться съ Турціею, которой въ это время трепетала вся Европа. Іоаннъ хорошо понималъ, что для усиленія Россіи, для того, чтобъ она могла не бояться Востока, нужно было прежде всего усвоить себѣ западное просвѣщеніе, и поэтому Іоаннъ обратилъ все свое вниманіе на войну ливонскую, на пріобрѣтеніе прибалтійскихъ областей. Сильвестръ, раздосадованный тѣмъ, что Іоаннъ не принимаетъ его мнѣнія, началъ толковать, что всѣ непріятности, которыя послѣ того постигли царя, были наказаніемъ Божіимъ за его упрямство, за то, что онъ продолжалъ воевать съ Ливоніею вопреки совѣтникамъ своимъ: понятно, какъ тяжело становилось Іоанну имѣть подлѣ себя такого человѣка.

Кромѣ того Сильвестръ сблизился съ вельможами, непріятными Іоанну по прежнему ихъ поведенію во время его малолѣтства, и при всѣхъ столкновеніяхъ ихъ съ царемъ бралъ ихъ сторону; наконецъ Сильвестръ и Адашевъ со всѣми приверженцами соперничали съ братьями царицы Романовыми и перенесли свою вражду на саму царицу, что̀, разумѣется, не могло не оскорблять Іоанна, нарушая его миръ семейный. Но всѣ эти непріятныя столкновенія съ Сильвестромъ не могли бы еще произвести охлажденіе царя къ нему, еслибъ одно несчастное событіе не навело Іоанна на мысль, что Сильвестръ и Адашевъ не имѣютъ усердія къ нему и его семейству. Въ 1553 году Іоаннъ опасно занемогъ, написалъ духовную и потребовалъ, чтобъ двоюродный братъ его, князь Владиміръ Андреевичъ, и бояре присягнули сыну его, младенцу Димитрію; но Владиміръ Андреевичъ отказался присягать, выставляя собственныя права свои на престолъ по смерти Іоанна и стараясь составить для себя партію; и когда нѣкоторые вѣрные Іоанну и семейству его вельможи вооружились за это противъ Владиміра, то Сильвестръ принялъ сторону послѣдняго, а отецъ Алексѣя Адашева, Ѳедоръ, прямо объявилъ, что они не хотятъ служить Романовымъ, родственникамъ царицы, которые будутъ управлять государствомъ во время малолѣтства Димитрія. Больной Іоаннъ изъ своей спальни слышалъ, какъ въ другой комнатѣ бояре кричали: «Не хотимъ служить младенцу: нами будутъ владѣть Романовы!» Іоаннъ выздоровѣлъ, и понятно, что онъ уже смотрѣлъ теперь другими глазами на Сильвестра и Адашева, хотя еще нѣсколько лѣтъ оказывалъ имъ прежнюю довѣренность въ дѣлахъ; но охлажденіе царя къ нимъ все болѣе и болѣе увеличивалось вмѣстѣ съ увеличеніемъ вражды между ними и царицею Анастасіею. Наконецъ въ 1560 году послѣдовало удаленіе Адашева и Сильвестра отъ двора: Адашевъ отправленъ былъ

воеводою въ одинъ изъ городовъ ливонскихъ и тамъ умеръ, Сильвестръ удалился сначала въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, а потомъ перемѣщенъ въ Соловецкій. Вскорѣ послѣ удаленія Сильвестра и Адашева умерла и царица Анастасія: Іоаннъ остался одинокъ, не было болѣе подлѣ него людей, которыхъ онъ любилъ и уважалъ, которые бы поддерживали его нравственно. Чтобъ уйдти отъ горя и одиночества, онъ сталъ предаваться развлеченіямъ, шумнымъ пирамъ, — и страсти, развитыя дурнымъ воспитаніемъ и заснувшія было съ 1547 года, теперь пробудились; приверженцы Сильвестра и Адашева не хотѣли безмолвно смотрѣть на паденіе своей стороны, на перемѣну въ поведеніи Іоанновомъ, хлопотали о возвращеніи вождямъ своимъ прежняго значенія, — и нѣкоторые изъ нихъ были казнены, другіе сосланы, съ иныхъ взяты письменныя обѣщанія не отъѣзжать въ чужія земли.

11. Отъѣздъ князя Курбскаго и его слѣдствія. Вельможамъ, находившимся въ Москвѣ, трудно было отъѣхать; легче было сдѣлать это воеводамъ, находившимся на границахъ, въ Ливоніи этимъ удобствомъ воспользовался одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ воеводъ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, и отъѣхалъ въ Литву, къ королю Сигизмунду-Августу, который принялъ его съ честію. Курбскій былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Сильвестра и Адашева, и вмѣстѣ съ этимъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Іоанна. Но когда Сильвестръ и Адашевъ были удалены, когда опалы и казни постигли родственниковъ и друзей ихъ, то Курбскій, боясь того же и себѣ, рѣшился отъѣхать. Курбскій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ, начитаннѣйшихъ людей своего времени; онъ не хотѣлъ отъѣхать молча, молча разстаться съ Іоанномъ, и написалъ къ нему укорительное письмо; Іоаннъ не выдержалъ и отвѣчалъ. Началась любопытнѣйшая переписка, изъ которой мы узнаемъ,

какъ бояре и особенно князья смотрѣли на новый порядокъ вещей, установленный московскими государями, дѣдомъ и отцомъ Іоанновымъ. Курбскій въ своихъ письмахъ вооружался противъ этого порядка, настаивалъ, что государь, по старинѣ, долженъ обо всемъ совѣтоваться съ боярами, которые имѣютъ право отъѣзжать отъ него; Іоаннъ въ своихъ отвѣтахъ защищалъ новый порядокъ, выставлялъ превосходство его предъ старымъ. Кромѣ писемъ къ Іоанну, Курбскій въ Литвѣ написалъ еще сочиненіе о современныхъ событіяхъ съ цѣлію оправдать, возвеличить свою сторону и обвинить во всемъ Іоанна; сочиненіе это такъ же любопытно для насъ, какъ и переписка съ царемъ.

Отъѣздъ Курбскаго и переписка съ нимъ дорого стоили Іоанну: приверженцы падшей стороны Сильвестра и Адашева не захотѣли безпрекословно сносить гоненія: одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ между ними отъѣхалъ къ враждебному государю, явился предводителемъ полковъ его въ войнѣ съ Москвою, и, что̀ всего хуже, осмѣлился прислать царю грамоту, наполненную укоризнами и воплями о мщеніи. Курбскій былъ представителемъ цѣлой стороны; онъ упрекалъ Іоанна не за одного себя, но за многихъ. Если еще можно удержать вельможъ отъ отъѣзда въ Москвѣ, во внутреннихъ областяхъ государства, то какъ удержать ихъ на границѣ? кого послать съ войскомъ? Но и внутри, если они уже такъ ожесточены и такъ ихъ много, то гдѣ безопасность? Мысль: «Враговъ много, я не въ безопасности, нужно принять мѣры для спасенія себя и своего семейства, въ случаѣ неудачи этихъ мѣръ нужно приготовить убѣжище на чужбинѣ» — эта мысль стала теперь господствующею въ головѣ Іоанна.

12. **Опричнина.** Онъ сталъ готовиться къ борьбѣ; прежде всего нужно было испытать силы противниковъ, узнать, найдутъ ли они защиту въ народѣ, или выдастъ ихъ народъ?

3 декабря 1564 года царь со всѣмъ семействомъ и со всею казною выѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу и ровно черезъ мѣсяцъ прислалъ въ Москву двѣ грамоты: въ одной жаловался на вельможъ и на духовенство, которое заступается за вельможъ, не даетъ царю наказывать ихъ за дурныя дѣла, вслѣдствіе чего царь оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться; въ другой грамотѣ, написанной къ купцамъ и ко всѣмъ остальнымъ жителямъ Москвы, царь писалъ, чтобъ они ничего не опасались, гнѣва и опалы на нихъ никакой нѣтъ. Когда эти грамоты были прочтены, то народъ пришелъ въ отчаяніе: какъ ему остаться безъ царя? кто защититъ его отъ враговъ? Всѣ начали упрашивать митрополита, чтобъ уговорилъ Іоанна не покидать государства, а за измѣнниковъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ, пусть государь правитъ какъ ему угодно. Іоаннъ согласился принять снова правленіе съ условіемъ, что будетъ расправляться съ своими измѣнниками по своей волѣ и учредитъ опричнину, т. е. новый особый дворъ изъ людей вполнѣ ему преданныхъ, на содержаніе которыхъ должны быть назначены особые города и волости; въ самой Москвѣ взяты были въ опричнину нѣкоторыя улицы и слободы, и въ нихъ велѣно было жить только тѣмъ боярамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ, которые были назначены въ опричнину, а прежніе обыватели переведены на другія улицы. Управленіе государствомъ поручено было старымъ боярамъ, которые назывались земскими; только въ случаѣ военныхъ вѣстей и дѣлъ чрезвычайной важности бояре эти приходили съ докладомъ къ государю. Такимъ образомъ государство раздѣлилось на двѣ части—опричнину и земщину, между которыми, разумѣется, не могло быть дружественныхъ отношеній, потому что опричнина учреждалась вслѣдствіе подозрительности и вражды царя къ правителямъ земскимъ. Опричнина представляла цѣлую толпу

временщиковъ, которые пользовались своимъ положеніемъ, пользовались довѣренностію къ нимъ царя, чтобъ угнетать земщину безнаказанно.

Начались казни: нѣсколько вельможъ было умерщвлено; съ другихъ взяты обязательства не отъѣзжать, за порукою многихъ лицъ разнаго званія. Враги Москвы хотѣли воспользоваться этою враждою царя къ вельможамъ своимъ, и знатнѣйшимъ изъ этихъ вельможъ вручены были грамоты отъ короля польскаго съ приглашеніемъ перейдти на его сторону. Дѣло это открылось и подало поводъ къ новымъ казнямъ. Митрополитъ Филиппъ не хотѣлъ равнодушно смотрѣть на такое кровопролитіе и при встрѣчѣ съ царемъ въ церквахъ обличалъ поведеніе его и опричниковъ. Упреки святаго мужа наводили раздумье на Іоанна; это раздумье было страшно опричникамъ, и они постарались оклеветать Филиппа; онъ былъ лишенъ митрополіи и сосланъ въ заточеніе въ Тверской Отрочъ монастырь, гдѣ въ послѣдствіи былъ задушенъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, Малютою Скуратовымъ. Это было въ 1569 году; въ томъ же году погибъ и двоюродный братъ царя, князь Владиміръ Андреевичъ, замышлявшій, какъ говорятъ, поддаться королю польскому. Въ слѣдующемъ 1570 году разгромленъ былъ Новгородъ Великій, ибо царю донесли, что Новгородцы также хотятъ передаться Сигизмунду-Августу. По связи съ дѣломъ новгородскимъ были въ Москвѣ новыя казни, и въ числѣ казненныхъ видимъ любимцевъ Іоанновыхъ, Басманова, Вяземскаго. Въ 1571 году князь Иванъ Мстиславскій далъ запись, въ которой говорилъ, что вмѣстѣ съ товарищами своими навелъ на Москву крымскаго хана; Мстиславскій былъ прощенъ за поручительствомъ 285 человѣкъ. Подозрительность Іоанна къ боярамъ земскимъ увеличивалась все болѣе и болѣе, такъ что онъ прибѣгнулъ къ странному средству: поставилъ надъ ними великимъ княземъ всея Руси Симеона

Бекбулатовича, крещенаго Татарина, касимовскаго хана, а самъ назывался государемъ княземъ московскимъ; княженіе Симеона впрочемъ было недолговременно. Что Іоаннъ дѣйствительно считалъ себя и дѣтей своихъ непрочными на престолѣ московскомъ, доказательствомъ служитъ завѣщаніе его, написанное въ 1572 году. Здѣсь, обращаясь къ сыновьямъ своимъ, Ивану и Ѳедору, царь говоритъ, что онъ изгнанъ отъ бояръ ради ихъ самовольства и скитается по странамъ; уговариваетъ сыновей, чтобъ они не раздѣлялись до тѣхъ поръ, пока старшій, Иванъ, не сломитъ всѣхъ крамолъ и не утвердится на престолѣ; проситъ сыновей поминать его, если даже въ гоненіи и изгнаніи будутъ. Это завѣщаніе важно тѣмъ, что въ немъ Іоаннъ совершенно подчиняетъ младшаго сына старшему, младшій долженъ былъ страдать до крови и до смерти, но не прекословить старшему; младшій не долженъ былъ также думать ни о какой самостоятельности въ своемъ удѣлѣ.

13. Война съ Ливоніею и Польшею. Въ то время какъ эти печальныя явленія происходили внутри Московскаго государства, на западѣ шла важная война ливонская, соединившаяся, какъ мы видѣли, съ войною польскою. Союзъ съ Польшею не принесъ магистру Кетлеру никакой выгоды: русское войско продолжало опустошать Ливонію, брать города, разбивать малочисленные нѣмецкіе отряды, которые осмѣливались выходить къ нему на встрѣчу. Орденскія владѣнія распадались: эзельскій епископъ продалъ этотъ островъ датскому королю Фридриху III, который отдалъ его брату своему Магнусу; Ревельцы поддались Швеціи; наконецъ въ 1561 году Кетлеръ уступилъ Ливонію Польшѣ, а самъ взялъ себѣ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога и съ вассальными обязанностями къ Польшѣ; война у Москвы съ Литвою началась, по обычаю, опустошительными набѣгами; но въ началѣ 1563 года самъ Іоаннъ съ большимъ войскомъ и нарядомъ

(артиллеріею) двинулся къ литовскимъ границамъ и взялъ Полоцкъ,—городъ важный самъ по себѣ и особенно по отношенію къ Ливоніи, по торговой связи его черезъ Двину съ Ригою; большая побѣда, одержанная Литовцами, недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, у села Иванцова, не могла вознаградить короля за лишеніе Полоцка, и онъ просилъ перемирія, уступалъ всѣ города и земли, занятыя московскими войсками. Для рѣшенія этого важнаго вопроса — мириться съ королемъ или нѣтъ?—Іоаннъ созвалъ большой, небывалый соборъ. До сихъ поръ государи совѣтовались о дѣлахъ съ вельможами; въ дѣлахъ важныхъ призывалось на совѣтъ, въ думу, и знатнѣйшее духовенство; но теперь въ 1566 году Іоаннъ велѣлъ собрать духовенство, бояръ, дворянъ, помѣщиковъ съ западныхъ литовскихъ границъ, какъ людей, которымъ знакомы мѣстныя отношенія, дьяковъ, знатнѣйшихъ купцовъ московскихъ и Смольнянъ, предложилъ имъ условія, на которыхъ хочетъ помириться съ королемъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Соборъ отвѣчалъ, что надобно добывать всю Ливонію, и война продолжалась; только въ 1570 году заключено было перемиріе на три года. Между тѣмъ Іоаннъ видѣлъ, какъ трудно овладѣть приморскими городами Ливоніи, и потому, чтобъ облегчить это дѣло, хотѣлъ дать Ливоніи нѣмецкаго правителя, который бы вошелъ въ вассальныя отношенія къ царю московскому, какъ герцогъ курляндскій къ польскому королю. Онъ предложилъ датскому принцу Магнусу, владѣтелю Эзеля, быть такимъ королемъ ливонскимъ. Магнусъ согласился, въ 1570 году пріѣхалъ въ Москву и объявленъ былъ женихомъ племянницы царской, дочери казненнаго Владиміра Андреевича старицкаго.

14. Войны съ Крымомъ и Турціею. Обратившіи все свое вниманіе на Ливонію, Іоаннъ хотѣлъ быть спокоенъ со стороны Крыма. Но Крымъ не могъ оставить его въ покоѣ,

тѣмъ болѣе, что султанъ турецкій никакъ не хотѣлъ отказаться отъ намѣренія отнять у московскаго царя Казань и Астрахань, а польскій король подарками побуждалъ хана нападать на московскія украйны, да и сами Татары понимали, что опасно для нихъ давать усиливаться Іоанну насчетъ польскаго короля; вельможи крымскіе на совѣтѣ говорили хану: «Помириться тебѣ съ московскимъ значитъ короля выдать: московскій короля извоюетъ, Кіевъ возьметъ, станетъ по Днѣпру города ставить, и намъ отъ него не пробыть. Взялъ онъ два юрта бусурманскихъ, взялъ Нѣмцевъ; теперь онъ тебѣ подарки даетъ, чтобъ короля извоевать, а когда короля извоюетъ, то нашему юрту отъ него не пробыть. Онъ и Казанцамъ шубы давалъ; но вы этимъ шубамъ не радуйтесь: послѣ того онъ Казань взялъ.» Султанъ Селимъ рѣшился наконецъ исполнить давнее намѣреніе турецкаго правительства — отнять у московскаго царя магометанскіе юрты — Казань и Астрахань лѣтомъ 1569 года паша Касимъ выступилъ въ походъ съ 17.000 Турокъ, съ нимъ соединился ханъ крымскій съ 50.000 Татаръ; положено было идти къ Переволокѣ, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ Донъ находится въ ближайшемъ разстояніи отъ Волги, соединить эти двѣ рѣки каналомъ и потомъ взять Астрахань. Достигши Переволоки, Турки начали было рыть каналъ, но не могли окончить этого дѣла и пошли къ Астрахани, подъ которою Касимъ хотѣлъ зимовать; но войско этого не захотѣло и взволновалось, особенно когда узнали о приходѣ московскихъ воеводъ въ Астрахань съ большимъ войскомъ, и Касимъ принужденъ былъ бѣжать назадъ степью, при чемъ сильно истомилъ свое войско. Іоаннъ избавился отъ Турокъ, но не избавился отъ крымскаго хана, который не переставалъ требовать Казани съ Астраханью, и въ 1571 году, съ 120.000 войска напалъ на московскія украйны врасплохъ; проведенный измѣнниками, онъ пере-

правился черезъ Оку, явился передъ Москвою и сжегъ ее, уцѣлѣлъ одинъ Кремль; говорятъ, что при этомъ пожарѣ погибло народу до 800.000 человѣкъ; кромѣ того Татары вывели плѣнныхъ до 150.000 человѣкъ. Хану понравились такіе походы, и въ слѣдующемъ 1572 году, съ такимъ же большимъ войскомъ, онъ опять переправился черезъ Оку; но былъ настигнутъ московскимъ воеводою, княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Воротынскимъ, на берегу Лопасни здѣсь произошло нѣсколько сильныхъ схватокъ, которыя всѣ окончились неудачно для хана, и онъ принужденъ былъ бѣжать назадъ, потерявши много войска.

15. **Несчастная война съ Баторіемъ и Шведами.** Въ это самое время, когда Іоаннъ, благодаря стойкости Воротынскаго, поправилъ дѣла свои съ ханомъ, на западѣ произошло важное событіе: король Сигизмундъ-Августъ умеръ, и съ нимъ прекратился домъ Ягеллоновъ. Правленіе неразрывно соединенныхъ съ 1569 года Польши и Литвы объявлёно избирательнымъ, и при этомъ избраніи взоры очень многихъ, особенно въ литовско-русскихъ православныхъ областяхъ, обратились къ Москвѣ. Давши знать Іоанну о смерти Сигизмунда-Августа, паны польскіе и литовскіе тутъ же объявили ему о желаніи своемъ видѣть втораго его сына, царевича Ѳеодора, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ давать сына въ короли, хотѣлъ самъ быть королемъ, и не столько хотѣлъ быть королемъ польскимъ, сколько великимъ княземъ литовскимъ безъ Польши. Іоаннъ медлилъ, не отправлялъ своихъ пословъ на сеймъ, не хотѣлъ унизиться до ласкательствъ и задариванія вельможъ, а французскій посолъ не щадилъ ни лести, ни обѣщаній, и успѣлъ составить сильную сторону, которая провозгласила королемъ Генриха Анжуйскаго, брата французскаго короля Карла IX. Но Генрихъ не долго нацарствовалъ въ Польшѣ: получивъ

извѣстіе о смерти брата, онъ таіикомъ убѣжалъ изъ Польши во Францію, и въ Польшѣ опять должны были начаться выборы. На этотъ разъ Іоаннъ отправилъ своего посланника съ грамотами къ знатнѣйшимъ панамъ, съ обѣщаніями наградъ въ случаѣ его избранія; но однихъ обѣщаній частнымъ лицамъ было мало; когда послы другихъ соискателей распространялись на счетъ выгодъ, какія Польша и Литва получатъ отъ ихъ избранія, никто не слыхалъ, какія выгоды получатъ онѣ отъ избранія царя московскаго. Избранъ былъ Стефанъ Баторій, воевода трансильванскій (1575 г.).

Между тѣмъ Іоаннъ упорно продолжалъ войну въ прибалтійскихъ областяхъ; здѣсь къ войнѣ съ Поляками присоединилась и война со Шведами, ибо царь хотѣлъ также добыть и Ревель съ другими эстонскими городами. Въ 1577 году Ревельцы отбили Русскихъ отъ стѣнъ своихъ; но самъ царь совершилъ удачный походъ въ Ливонію: городъ за городомъ сдавались царю и его воеводамъ съ одной стороны, королю Магнусу съ другой. Но съ отбытіемъ царя дѣла перемѣнились, Поляки и Шведы взяли верхъ, въ 1578 году нанесли Русскимъ сильное пораженіе близъ Вендена, при чемъ погибло четверо царскихъ воеводъ; король Магнусъ, уже женившійся на царской племянницѣ, передался Полякамъ. Слѣдующій 1579 годъ долженствовалъ быть рѣшительнымъ для Ливоніи: Іоаннъ готовился къ новому походу; въ Псковъ уже привезли тяжелый нарядъ (артиллерію), назначенный для осады Ревеля; но этотъ нарядъ получилъ другое назначеніе врагъ явился на русской почвѣ.

Стефанъ Баторій, вступая на престолъ, обѣщалъ возвратить Литвѣ области, завоеванныя у нея московскими государями, и хотѣлъ сдержать обѣщаніе. Кромѣ личныхъ достоинствъ, достоинствъ полководца искуснаго, средства къ успѣху у Баторія были: искусная, закалившаяся въ бояхъ наемная пѣ-

хота, венгерская и нѣмецкая, исправная артиллерія, быстрое наступательное движеніе, которое давало ему огромное преимущество предъ врагомъ, принужденнымъ растянуть свои полки по границамъ, надъ врагомъ, не знающимъ, откуда ждать нападенія, наконецъ надъ врагомъ, въ искусствѣ ратномъ далеко отставшемъ отъ западныхъ сосѣдей своихъ, ибо до сихъ поръ почти во всѣхъ значительныхъ битвахъ въ чистомъ полѣ русскія войска оставались побѣжденными. Іоаннъ думалъ, что война, предпринятая за Ливонію, будетъ ведена въ Ливоніи, и потому отправилъ большое войско туда; но Баторій лѣтомъ 1579 года осадилъ Полоцкъ и взялъ его послѣ упорнаго сопротивленія, взялъ крѣпость Соколъ также съ страшною рѣзнею; въ 1580 взялъ Велижъ, Усвятъ, Великія Луки. Съ другой стороны шведскій полководецъ Делагарди вошелъ въ Карелію, взялъ Кексгольмъ и удачно дѣйствовалъ противъ русскихъ владѣній въ Эстоніи. Въ 1581 году Баторій взялъ крѣпость Островъ и осадилъ Псковъ, подъ стѣнами котораго и остановились его успѣхи. Псковъ славился какъ первая крѣпость въ Московскомъ государствѣ, ибо въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ главною заботою Псковичей было укрѣпленіе своего города, подверженнаго безпрестаннымъ нападеніямъ Нѣмцевъ; теперь обветшавшія укрѣпленія были возобновлены, городъ снабженъ артиллеріею, воеводою былъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, человѣкъ энергическій, способный вдохнуть мужество въ войско. Всѣ приступы Баторія были отбиты. Но за то съ другой стороны удачно дѣйствовали Шведы; Делагарди взялъ Нарву, гдѣ погибло 7000 Русскихъ, взялъ русскіе города: Иваньгородъ, Яму, Копорье. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда начались мирные переговоры съ Баторіемъ при посредничествѣ папскаго посла Іезуита Антонія Поссевина.

Іоаннъ, угрожаемый опасною войною съ Баторіемъ, отправилъ къ папѣ Григорію XIII посла съ грамотою, въ которой жаловался на Баторія и объявлялъ желаніе быть съ папою и императоромъ германскимъ въ согласіи на всѣхъ недруговъ. Григорій воспользовался случаемъ и отправилъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина, которому наказалъ внушать Московскому государю мысль о необходимости принять католическую религію. Но Поссевинъ, поговоривши съ Іоанномъ, увидалъ, что мало надежды склонить его къ принятію католицизма, и потому во время мирныхъ переговоровъ явно держалъ сторону Баторія. Переговоры эти, ведшіеся въ деревнѣ Киверова Гора, недалеко отъ Запольскаго яма, кончились въ январѣ 1582 года тѣмъ, что заключено было перемиріе на 10 лѣтъ, при чемъ Іоаннъ уступилъ Баторію всѣ свои завоеванія въ Ливоніи, равно какъ и Полоцкъ. Поссевинъ, пріѣхавшій въ Москву по заключеніи перемирія, настоялъ, чтобъ царь имѣлъ съ нимъ разговоръ о вѣрѣ; но разговоръ этотъ кончился ничѣмъ Іоаннъ никакъ не убѣдился въ необходимости принять католицизмъ.

16. Сношенія съ Англіею. Въ 1583 году заключено было трехлѣтнее перемиріе и съ Шведами, за которыми остались русскіе города — Ямъ, Иваньгородъ, Копорье. Іоаннъ потерялъ надежду получить какой-либо успѣхъ въ войнѣ съ европейскими народами до тѣхъ поръ, пока Русскіе не сравняются съ ними въ искусствѣ ратномъ. Іоаннъ не оставлялъ мысли о возвращеніи прибалтійскихъ береговъ, но былъ убѣжденъ, что достигнуть этого можно было только въ союзѣ съ какимъ-нибудь европейскимъ государствомъ, которое бы снабдило Россію плодами западнаго искусства. Эта мысль всего яснѣе видна изъ переговоровъ Іоанна съ Елисаветою, королевою англійскою. Еще въ 1553 году, одинъ изъ англійскихъ кораблей, отправившихся для открытія новыхъ странъ на сѣ-

верѣ и новыхъ рынковъ для сбыта англійскихъ товаровъ, явился въ устьѣ Сѣверной Двины, вслѣдствіе чего заведена была торговая связь у Англичанъ съ Русскими. Іоаннъ далъ большія права англійскимъ купцамъ и находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ знаменитою королевою Елисаветою, у которой надѣялся найдти убѣжище, въ случаѣ если враждебные вельможи изгонятъ его изъ Россіи. Въ 1582 году онъ завелъ переговоры съ Елисаветою о союзѣ Россіи съ Англіею противъ Польши, и готовъ былъ уступить Англичанамъ право исключительной торговли въ Россіи, — что̀, по его собственнымъ словамъ, было тяжелѣе дани, — лишь бы только пріобрѣсть союзъ европейскаго государства противъ Польши и Швеціи, отнявшихъ у него Ливонію. Но Англія не имѣла никакой причины начинать войну съ Польшею и Швеціею за Московское государство, и потому переговоры кончились ничѣмъ.

17 Строгановы и Ермакъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что сколько войны Іоанна IV были удачны на востокѣ, столько же были неудачны на западѣ; на востокѣ онъ является завоевателемъ царствъ, на западѣ онъ не только теряетъ всѣ свои завоеванія, не только долженъ отказаться отъ любимой мысли пріобрѣсть гавани на Балтійскомъ морѣ, но и долженъ былъ уступить Шведамъ старинные русскіе города. Это происходило отъ того, что Россія XVI вѣка превосходила народы восточные и отставала отъ народовъ западныхъ въ просвѣщеніи и ратномъ искусствѣ. Такъ и въ то время, когда Іоаннъ терялъ земли на западѣ, на востокѣ русскіе люди перешли черезъ Уральскія горы и положили начало утвержденію своему въ сѣверной Азіи. По обширности пустынныхъ земель въ Россіи князья наши издавна съ большою охотою уступали обширные земельные участки людямъ, бравшимся населить ихъ, и давали большія права этимъ населителямъ. Въ 1558 году, богатый землевладѣлецъ и промышленникъ Григорій

Строгановъ выпросилъ у Іоанна IV пустыя земли по рѣкѣ Камѣ на 146 верстъ, съ тѣмъ, чтобъ поставить здѣсь городокъ для обереганья отъ варварскихъ ордъ, призвать людей, завести хлѣбопашество и соляныя варницы, что̀ все и было исполнено. Утвердившись по сю сторону Уральскихъ горъ, Строгановы обратили вниманіе и на земли зауральскія, на Сибирь, и такъ какъ сибирскій султанъ Кучумъ дѣйствовалъ враждебно противъ Московскаго государства, то Строгановы просили у царя позволенія поставить крѣпости по рѣкѣ Тоболу и по рѣкамъ, въ нее впадающимъ, сторожей нанимать, пушки держать на свой счетъ, желѣзо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владѣть. Іоаннъ далъ имъ и на это право, право вести не только оборонительную, но и наступательную войну съ сибирскимъ султаномъ. Но для войны нужно было войско, и войско нашлось. Число казаковъ въ донскихъ степяхъ увеличивалось; уходя все дальше и дальше въ степь, они все болѣе и болѣе слагали съ себя зависимость отъ государства, и, нападая на враговъ Россіи, Ногаевъ, Крымцевъ, они въ то же время не щадили и своихъ Русскихъ: разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ и купцовъ русскихъ. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ войскомъ; казаковъ ловили и казнили, другіе разбѣжались, и одна толпа ихъ, подъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѳеева, отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу и согласилась съ радостію. 1 сентября 1581 года Строгановы — Семенъ, братъ Григорья, съ двумя племянниками, Максимомъ и Никитою,—отпустили на сибирскаго султана казаковъ, придавши къ нимъ ратныхъ людей изъ городковъ своихъ — Литовцевъ, Нѣмцевъ (плѣнныхъ), Татаръ и Русскихъ, всего войска было 840 человѣкъ. Ермакъ, плывя преимущественно

по рѣкамъ, добрался благополучно до сибирской страны, и началъ удачно дѣйствовать противъ Татаръ, не имѣвшихъ огнестрѣльнаго оружія; ханъ Кучумъ, не успѣвшій остановить казаковъ ни войскомъ, ни засѣками, бросилъ свой городъ Сибирь, который занятъ былъ Ермакомъ; храбрый родственникъ Кучума, Маметкулъ, который старался вредить завоевателямъ нечаянными нападеніями, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Лѣто 1582 года Ермакъ употребилъ на покореніе городковъ и улусовъ татарскихъ по рѣкамъ Иртышу и Оби, и, возвратившись въ Сибирь, послалъ въ Москву извѣстить царя о покореніи сибирской земли. Іоаннъ послалъ за это казакамъ свое полное большое жалованье, а для принятія у нихъ сибирскихъ городовъ отправилъ воеводъ своихъ. Это распоряженіе царя относительно Сибири было послѣднее: онъ не дождался вѣстей о судьбѣ Ермака.

18. Кончина Іоанна. Страшная жизнь, какую велъ Іоаннъ, страшная болѣзнь, которою страдалъ онъ, должны были состарить его преждевременно; неудачи послѣднихъ войнъ также не могли не дѣйствовать разрушительно на его здоровье; наконецъ сюда присоединялось невоздержаніе всякаго рода, противъ котораго не могло устоять и самое крѣпкое тѣлосложеніе. Послѣ смерти Анастасіи Іоаннъ женился шесть разъ, при чемъ два раза безъ вѣнчанія церковнаго. Въ седьмой разъ онъ былъ женатъ на Марьѣ Ѳедоровнѣ Нагой, отъ которой имѣлъ сына Димитрія; но передъ смертію онъ думалъ развестись съ нею и сватался на Англичанкѣ, родственницѣ королевы Елисаветы. Привычка давать волю гнѣву и рукамъ не осталась безъ страшнаго наказанія: въ концѣ 1851 года, разсердившись за что-то на старшаго сына своего Іоанна, царь ударилъ его, — и ударъ былъ смертельный. Не съ большимъ черезъ два года умеръ и самъ Іоаннъ, 18 марта 1584 года, на 54 году жизни.

19. Внутреннія распоряженія Іоанна IV: распоряженія его относительно мѣстничества и военнаго устройства. Долговременное царствованіе Іоанна IV, кромѣ характера государя, его отношенія къ вельможамъ и важной воинской дѣятельности на востокѣ и западѣ, замѣчательно и внутренними правительственными распоряженіями. Іоаннъ обратилъ свое вниманіе на явленіе, которое, коренясь въ народномъ быту, усиливалось все болѣе и болѣе, и представляло правительству сильныя затрудненія, особенно во время войны. то было мѣстничество. Мы видѣли, какъ долго у насъ княжескій родъ сохранялъ единство; такія же понятія о родовомъ единствѣ господствовали и между членами частныхъ родовъ, а вслѣдствіе этого человѣкъ, подвигавшійся впередъ на службѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ подвигалъ, возвышалъ цѣлый родъ свой, иногда чрезвычайно обширный, состоявшій изъ многихъ фамилій, и человѣкъ, понижавшійся на служебномъ поприщѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ понижалъ цѣлый родъ свой, цѣлому роду наносилъ безчестье или поруху, какъ тогда говорили. Отсюда главною заботою каждаго служиваго человѣка при назначеніи его на службу въ младшихъ товарищахъ съ кѣмъ-нибудь, или подъ начальствомъ чьимъ-нибудь, было освѣдомиться, можно ли ему быть въ младшихъ товарищахъ или въ подчиненіи у извѣстнаго лица безъ униженія своему роду, и если узнавалъ, что нельзя, то подавалъ просьбу, что вмѣстѣ съ такимъ-то быть не можетъ. Напримѣръ князь NN назначался въ младшихъ товарищахъ съ княземъ MM; но князь NN узнавалъ, что въ одномъ изъ прежнихъ походовъ дѣдъ его, князя NN, занималъ высшее мѣсто предъ дѣдомъ князя MM, и слѣдовательно родъ NN былъ выше рода MM, потому теперь князь NN никакъ уже не хотѣлъ быть ниже князя MM, ибо не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности передъ цѣлымъ родомъ своимъ, который онъ понизилъ бы, еслибъ согласился быть

ниже ММ: тогда всѣ члены рода ММ стали бы пользоваться этимъ случаемъ, чтобъ выставлять свое преимущество предъ членами рода NN. Средствомъ для служивыхъ людей узнавать, когда кто съ кѣмъ прежде былъ въ какой службѣ, были разрядныя книги, куда вписывались всѣ служебныя назначенія и всѣ мѣстническіе случаи, къ которымъ подавали поводъ эти назначенія. Разрядныя книги велись самимъ правительствомъ и частными людьми именно на случай мѣстническихъ споровъ. Мѣстничались воеводы по полкамъ, по городамъ, мѣстничались царедворцы въ придворныхъ церемоніяхъ, мѣстничались женщины за столомъ у царицы. Іоаннъ ограничилъ число случаевъ, когда воеводы разныхъ полковъ могли мѣстничаться; потомъ уничтожилъ право молодыхъ служилыхъ людей знатнаго происхожденія мѣстничаться съ воеводами менѣе знатнаго происхожденія; право мѣстничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами. При Іоаннѣ положено основаніе постоянному войску учрежденіемъ стрѣльцовъ; для безопасности южныхъ, степныхъ границъ устроена станичная и сторожевая служба: отряды вооруженныхъ людей должны были стоять на извѣстныхъ мѣстахъ въ степи, на сторо́жахъ, смѣняя другъ друга; другіе отряды или станицы должны были разъѣзжать по степи въ опредѣленныхъ направленіяхъ и наблюдать, не покажутся ли гдѣ Татары.

20. Распоряженія относительно городскаго и сельскаго народонаселенія. Еще въ малолѣтство Іоанна Грознаго, во время боярскаго правленія, произошла важная перемѣна въ управленіи городскомъ и сельскомъ: жители городскіе и сельскіе получаютъ отъ правительства позволеніе сами ловить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ, для чего должны ставить себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, присоединяя къ нимъ старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей. Іоаннъ, получая безпрестанныя жалобы на притѣсненія, ко-

торыя позволяли себѣ намѣстники и волостели въ городахъ и селахъ, сталъ давать жителямъ городскимъ и сельскимъ право выбирать себѣ правителей, которые потому и назывались излюбленными старостами, а тѣ деньги, которыя они давали прежде намѣстникамъ, доставлять въ казну. Относительно холопей Іоаннъ ограничилъ число случаевъ, въ которыхъ свободный человѣкъ становился холопомъ.

21. Дѣла церковныя. Въ 1551 году Іоаннъ созвалъ соборъ церковный и подалъ архіереямъ длинный списокъ безпорядкамъ, для прекращенія которыхъ требовалъ ихъ содѣйствія. Соборъ вслѣдствіе этого требованія постановилъ, чтобы сто священниковъ выбирали себѣ старосту, лучшаго человѣка, который собиралъ бы ихъ для совѣщаній о дѣлахъ духовныхъ. Соборъ постановилъ также выбирать добрыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, благочестивыхъ и грамотныхъ, и у нихъ въ домахъ устроить училища. Для больныхъ и престарѣлыхъ соборъ опредѣлилъ по всѣмъ городамъ устроить богадѣльни мужскія и женскія. На соборѣ 1551 года былъ поднятъ опять важный вопросъ о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ, и тутъ въ первый разъ рѣшились постановить границу увеличенію этихъ имуществъ, а именно, было опредѣлено, что впередъ архіереи и монастыри не имѣютъ права покупать вотчинъ безъ царскаго согласія; потомъ соборъ 1573 года опредѣлилъ: въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давать по душѣ, можно давать вотчины только бѣднымъ монастырямъ съ дозволенія государева; наконецъ соборъ 1580 года уничтожилъ и это исключеніе въ пользу бѣдныхъ монастырей. Кромѣ этихъ вопросовъ русскую церковь Іоаннова времени занимала борьба съ ересями: съ ересью Матвѣя Башкина, который не признавалъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, и съ ересью Ѳеодосія Косаго, который училъ, что Христосъ — простой человѣкъ.

22. Изданіе новаго Судебника. Въ 1550 году Іоаннъ велѣлъ составить новый Судебникъ. Такъ какъ въ это время явилась сильная потребность въ мѣрахъ противъ злоупотребленій правителей и судей, то эта потребность не могла не выразиться и въ Судебникѣ Іоанна IV, чѣмъ этотъ Судебникъ вообще и отличается отъ Судебника Іоанна III. Напримѣръ, подобно Судебнику Іоанна III, новый Судебникъ запрещаетъ судьямъ дружить, мстить и брать взятки; но не ограничивается однимъ общимъ запрещеніемъ, а грозитъ опредѣленнымъ наказаніемъ въ случаѣ ослушанія.

23. Литература и книгопечатаніе. Царствованіе Іоанна IV отличается также успѣхомъ литературной дѣятельности. Борьба Іоанна съ вельможами своими не ограничивалась одними насильственными средствами, она велась также и перомъ, ибо Іоаннъ отвѣчалъ Курбскому на его укорительныя посланія. Іоаннъ славился между современниками своею начитанностію, своимъ искусствомъ говорить и писать, слылъ «словесной премудрости риторомъ». Кромѣ отвѣтовъ Курбскому до насъ дошло еще замѣчательное по своей силѣ обличительное посланіе Іоанна въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Курбскій, ученикъ Максима Грека, не уступалъ Іоанну въ словесной премудрости. Мы видѣли, что кромѣ посланій къ Іоанну Курбскій написалъ еще исторію своего времени, подъ заглавіемъ: «Исторія князя великаго московскаго». Найдя въ Литвѣ русскую православную вѣру окруженную сильными врагами, католиками и протестантами, Курбскій началъ стараться о томъ, чтобъ дать Русскимъ средства къ успѣшной борьбѣ съ врагами, дать сочиненія отцовъ восточной церкви въ русскомъ переводѣ, самъ началъ учиться полатыни и переводилъ Златоуста, Дамаскина, написалъ исторію Флорентійскаго собора. Другой ученикъ Максима Грека, Зиновій Отенскій, боролся въ Московскомъ государствѣ съ

ересью Θеодосія Косаго, написалъ на нее опровержение. Кромѣ этихъ полемическихъ сочиненій религіознаго и политическаго содержанія, отъ временъ Іоанновыхъ дошли до насъ и другіе любопытные литературные памятники. Таковъ Домострой, написанный знаменитымъ священникомъ Сильвестромъ. Подъ именемъ Домостроя разумѣется собраніе правилъ житейской мудрости, домашняго семейнаго благочинія, изложеніе обязанностей къ Богу, духовнымъ пастырямъ, къ царю и ближнему вообще. По мысли и старанію митрополита Макарія составленъ былъ громадный сборникъ, извѣстный подъ именемъ Макарьевскихъ Миней: въ 12 большихъ книгахъ собраны толкованія на Евангеліе, Дѣянія и Посланія Апостольскія, сочиненія отцовъ церкви, извѣстныя въ славянскихъ переводахъ, также житія святыхъ. Ко временамъ же Іоанновымъ относится составленіе Степенной Книги — изложенія церковныхъ и гражданскихъ событій русской исторіи съ религіозной точки зрѣнія. Составленіе лѣтописей продолжалось по прежнему; до насъ дошли два рода лѣтописей отъ описываемаго времени: одни — составленныя по приказанію и подъ надзоромъ правительства, другія — составленныя частными людьми.

Къ царствованію Іоанна относится и введеніе книгопечатанія въ Московскомъ государствѣ. Первая типографія въ Москвѣ была заведена въ 1563 году; начали заниматься книгопечатаніемъ два мастера: дьяконъ Иванъ Θедоровъ и Петръ Тимоθеевъ Мстиславецъ; въ 1564 году они окончили печатаніе первой книги — Дѣяній Апостольскихъ. Напечатавши въ 1565 году Часовникъ, первые мастера принуждены были бѣжать изъ Москвы въ Литву по обвиненію въ ереси; но книгопечатаніе продолжалось и безъ нихъ въ Московскомъ государствѣ.

ГЛАВА XXVIII.

Царствованіе Θеодора Іоанновича.

1. Смуты въ началѣ царствованія Θеодорова. И по смерти Іоанна IV государство находилось въ такомъ же положеніи, какъ и по смерти отца его: хотя сынъ Іоанновъ Θеодоръ вступилъ на престолъ и возрастнымъ, но былъ младенецъ по способностямъ, не могъ управлять государствомъ, слѣдовательно нужна была опека, регентство, и открывалось поприще для борьбы за это регентство. Но такъ какъ младенчество Θеодора было постоянно, и онъ умеръ не оставя кровныхъ наслѣдниковъ, то борьба бояръ за регентство въ его царствованіе получаетъ уже новое значеніе: здѣсь должны были выставиться не могущественнѣйшіе только роды боярскіе, но будущія династіи царскія. Изъ князей Гедиминовскаго литовскаго рода бо́льшимъ почетомъ пользовалась фамилія князей Мстиславскихъ; при смерти Іоанна князь Иванъ Θеодоровичъ Мстиславскій занималъ первое мѣсто между боярами; но ни онъ, ни сынъ его, князь Θедоръ, не отличались значительными способностями и энергіею. Между князьями Рюриковичами по прежнему первое мѣсто занимала фамилія Шуйскихъ. Опала, постигшая эту фамилію при совершеннолѣтіи Іоанна, не могла сломить ее, и князь Иванъ Петровичъ Шуйскій защитою Пскова отъ Баторія сильно поднялъ славу фамиліи; онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ горожанъ московскихъ, купцовъ и простыхъ людей. Но подлѣ княжескихъ фамилій Рюриковскихъ и Гедиминовскихъ, являются двѣ старыя боярскія московскія фамиліи, приблизившіяся къ

престолу чрезъ родство съ царями, фамилія Романовыхъ-Юрьевыхъ и Годуновыхъ бояринъ Никита Романовичъ-Юрьевъ былъ родной дядя царя Θеодора по матери; бояринъ Борисъ Θедоровичъ Годуновъ былъ родной братъ жены царя Θеодора, царицы Ирины.

Θеодоръ утвердился на престолѣ не безъ смутъ: какъ по смерти великаго князя Василія началась немедленно смута по поводу удѣльнаго князя, такъ и теперь смута началась также по поводу удѣльнаго князя, брата Θеодорова, Димитрія, хотя этотъ удѣльный и былъ младенецъ. Приверженные къ Θеодору вельможи, опасаясь непріязненныхъ движеній со стороны приверженцевъ Димитрія, удалили этого маленькаго князя съ матерью и родственниками ея, Нагими, въ Угличъ, городъ, назначенный Димитрію въ удѣлъ отцомъ его. Но смута этимъ не прекратилась: Богданъ Бѣльскій, вельможа, славившійся умомъ, ловкостію во всякихъ дѣлахъ, безпокойный, честолюбивый, склонный къ крамоламъ, возбудилъ противъ себя и вельможъ и народъ, который взволновался, осадилъ кремль, и успокоился только тогда, когда узналъ, что Бѣльскій сосланъ въ Нижній. 31 мая 1584 года Θеодоръ вѣнчался на царство. Сначала самое сильное вліяніе на дѣла имѣлъ бояринъ Никита Романовичъ, но уже въ августѣ 1584 года онъ тяжело занемогъ, а въ апрѣлѣ 1586 года умеръ, и на его мѣсто правителемъ сталъ братъ царицы, Борисъ Годуновъ.

2. Правленіе Бориса Годунова и его борьба съ Шуйскими. Но утвержденіе на мѣстѣ правителя не могло обойдтись для Годунова безъ борьбы съ людьми, которые считали за собою бóльшія права на занятіе этого мѣста. Образовались двѣ враждебныя партіи: въ главѣ одной стоялъ Годуновъ, въ главѣ другой первенствующій бояринъ, князь Иванъ Мстиславскій, съ князьями Шуйскими, Воротынскими и дру-

гими вельможами. Годуновъ осилилъ враждебную себѣ партію: князь Мстиславскій былъ постриженъ въ монахи, Воротынскихъ и другихъ его приверженцевъ разослали по городамъ; но Шуйскіе, искусно дѣйствуя черезъ другихъ, остались нетронутыми; Годуновъ съ своими приверженцами сильно на нихъ сердился; они, съ своей стороны, держались крѣпко и ни въ чемъ ему не уступали, купцы и всѣ простые люди московскіе стояли за нихъ. Митрополитъ Діонисій хотѣлъ быть посредникомъ: онъ позвалъ и Годунова, и Шуйскихъ къ себѣ, умолялъ помириться, и они послушались его увѣщаній. Но въ то время, какъ бояре были у митрополита, у Грановитой палаты собралась толпа купцовъ; князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, вышедши отъ митрополита, подошелъ къ купцамъ и объявилъ имъ, что они, Шуйскіе, съ Борисомъ Ѳедоровичемъ помирились; тутъ изъ толпы выступили два купца и сказали ему: «Помирились вы нашими головами: и вамъ отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть.» Въ ту же ночь эти два купца были схвачены и сосланы неизвѣстно куда. Этотъ поступокъ Годунова съ купцами воспламенилъ снова вражду между нимъ и Шуйскими, которые придумали самое удобное средство сломить въ корню могущество Годунова, убѣдивши царя Ѳеодора развестись съ неплодною Ириною и вступить въ новый бракъ; князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, другіе бояре и купцы московскіе согласились и подписались просить государя о разводѣ; митрополитъ также былъ согласенъ дѣйствовать за одно съ ними. Но Годуновъ узналъ о замыслѣ враговъ и постарался уговорить Діонисія не начинать дѣла. Отклонивъ бѣду, Годуновъ не хотѣлъ долго оставлять въ покоѣ Шуйскихъ: лѣтописцы говорятъ, что онъ научилъ людей ихъ обвинить господъ своихъ въ измѣнѣ; вслѣдствіе этого въ 1587 году Шуйскихъ и друзей ихъ перехватали и сослали въ заточеніе. Знатныхъ купцовъ московскихъ пытали и казнили.

Видя пытки и казни, митрополитъ Діонисій не хотѣлъ терпѣть и сталъ говорить царю о неправдахъ Годунова; но Годуновъ оклеветалъ митрополита предъ царемъ: Діонисій былъ свергнутъ и заточенъ, и на его мѣсто возведенъ Іовъ, архіепископъ ростовскій, человѣкъ, вполнѣ преданный Годунову. Послѣ паденія Шуйскихъ и сверженія Діонисія никто уже не смѣлъ возставать противъ Годунова, который былъ признанъ правителемъ и внутри Россіи и въ чужихъ государствахъ. Годуновъ величался конюшимъ и ближнимъ великимъ бояриномъ, намѣстникомъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго; правительствамъ иностраннымъ давалось знать, что если они хотятъ получить желаемое отъ московскаго правительства, то должны обращаться къ шурину царскому, вслѣдствіе чего Годуновъ переписывался и передаривался съ императоромъ нѣмецкимъ, королевою англійскою, ханомъ крымскимъ, принималъ у себя пословъ отъ государей. Этому значенію Годунова соотвѣтствовали большіе доходы, которые онъ получалъ съ цѣлыхъ областей и городовъ.

3. Сношенія съ Польшею. Въ то время, когда въ Москвѣ воцарился Ѳеодоръ и передъ его глазами боролся за правительство Годуновъ съ Шуйскими, въ Польшѣ оканчивалъ свое царствованіе Баторій, который до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1586 году, не переставалъ грозить Москвѣ войною. Но какъ ни страшенъ былъ Баторій, сильнѣйшая, повидимому, опасность начинала грозить Москвѣ послѣ его смерти, когда кандидатомъ на польскій престолъ явился Сигизмундъ, сынъ шведскаго короля Іоанна и по матери родной племянникъ послѣдняго изъ Ягеллоновъ, Сигизмунда-Августа. Этотъ Сигизмундъ, еслибъ избранъ былъ въ короли польскіе, то, по смерти отца, соединялъ подъ своею властію и Польшу и Швецію, соединялъ такимъ образомъ силы двухъ самыхъ опасныхъ для Россіи государствъ. Вотъ почему Годуновъ началъ

сильно хлопотать, чтобъ помѣшать избранію Сигизмунда: онъ отправилъ на сеймъ въ Польшу великихъ пословъ, которымъ наказалъ стараться, чтобъ избранъ былъ въ короли царь Ѳеодоръ, или если уже этого нельзя, то стараться объ избраніи эрцгерцога Максиміліана Австрійскаго, брата нѣмецкаго императора Рудольфа. Въ Литвѣ очень хотѣли избранія Ѳеодора, но и здѣсь понимали какъ это трудно, и главное затрудненіе состояло въ различіи вѣроисповѣданій: Поляки не могли согласиться имѣть королемъ не-католика, Ѳеодоръ не могъ перемѣнить своей вѣры; кромѣ того московскіе послы пріѣхали на сеймъ безъ денегъ, которыя были необходимы для составленія себѣ сильной партіи. Вслѣдствіе этихъ причинъ Ѳеодоръ, имѣвшій сначала большой успѣхъ, потомъ былъ отстраненъ, и двѣ партіи, австрійская и шведская, каждая провозгласила королемъ своего кандидата, австрійская — Максиміліана, а шведская — Сигизмунда; но Сигизмундъ осилилъ противника и утвердился на польскомъ престолѣ.

4. Война шведская. Въ Москвѣ однако напрасно безпокоились на счетъ опасности, которою грозило возведеніе на польскій престолъ шведскаго королевича: Русскіе въ 1590 году начали войну съ Швеціею, которая была для нихъ удачна: Яма, Ивань-городъ и Копорье, отнятые Шведами при Іоаннѣ IV теперь опять перешли къ Русскимъ, и Поляки не помогли Шведамъ. Въ концѣ 1592 года умеръ король шведскій Іоаннъ; король польскій Сигизмундъ сталъ и королемъ шведскимъ, но не надолго: онъ былъ ревностный католикъ, а Шведы протестанты; во время кратковременнаго пребыванія своего въ Швеціи для коронованія, Сигизмундъ возбудилъ противъ себя народъ явною враждою къ протестантизму, явнымъ нарушеніемъ условій, данныхъ государственнымъ чинамъ предъ коронаціею. Когда Сигизмундъ возвратился въ Польшу, правителемъ Швеціи остался дядя его Карлъ, который

успѣлъ пріобрѣсть любовь народную и готовился отнять шведскій престолъ у племянника. Въ такихъ обстоятельствахъ и Сигизмундъ и Карлъ—оба желали поскорѣе окончить войну съ Москвою, вслѣдствіе чего въ 1595 году заключенъ былъ вѣчный миръ между Россіею и Швеціею, по которому Россія получила Яму, Ивань-городъ, Копорье и Корелу.

5. Сношенія съ Австріею и Англіею. Изъ другихъ европейскихъ государствъ, Россія въ царствованіе Ѳеодора сносилась съ Австріею, которая хлопотала о томъ, чтобъ московскій государь помогъ ей противъ Турокъ, и Годуновъ въ 1595 году отправилъ императору Рудольфу огромное количество разныхъ мѣховъ, цѣною на 45.000 рублей. Англійская королева Елисавета хлопотала о торговыхъ выгодахъ для своихъ подданныхъ въ Россіи, и потому величала Годунова своимъ кровнымъ, любительнымъ пріятелемъ. Однимъ изъ пословъ Елисаветы къ Ѳеодору былъ Флетчеръ, оставившій чрезвычайно любопытное описаніе Московскаго государства.

6. Отношенія къ Крыму, Турціи, Персіи и Грузіи. И при Ѳеодорѣ московское правительство должно было постоянно обращать вниманіе на югъ, гдѣ изъ Крыма ежечасно ждали нападенія разбойничьихъ шаекъ и гдѣ Турція не переставала грозить отнятіемъ завоеваній Іоанна IV Лѣтомъ 1591 года крымскій ханъ Казы-Гирей подошелъ къ самой Москвѣ, но здѣсь встрѣтилъ сильное царское войско, послѣ сшибокъ съ которымъ, продолжавшихся цѣлый день, ушелъ ночью назадъ въ степь. Но за этотъ неудачный походъ Татары вознаградили себя внезапнымъ нападеніемъ на рязанскія, каширскія и тульскія земли въ 1592 году: на этотъ разъ вывели они такъ много плѣнныхъ изъ Россіи, что и старые люди не помнили подобной войны отъ поганыхъ. Война съ Австріею отвлекла Татаръ отъ московскихъ украйнъ; она же мѣшала и султану турецкому обращать большое вниманіе

на Москву, хотя онъ и не переставалъ враждебно смотрѣть на нее по причинѣ жалобъ ногайскихъ владѣльцевъ на притѣсненія отъ Москвы, и особенно по причинѣ донскихъ казаковъ, которые безпрестанно приходили подъ Азовъ и на морѣ громили турецкіе корабли. Вражда, хотя и не открытая, съ Турціею, скрѣпляла дружественную связь Москвы съ Персіею, которой шахъ Аббасъ Великій также враждовалъ съ Турціею. Въ это время границы московскія сходились съ персидскими вслѣдствіе подданства царю единовѣрнаго кахетинскаго князя Александра въ 1586 году; изъ Москвы отправились въ Кахетію монахи, священники, иконописцы, чтобъ возстановить христіанство среди народа, окруженнаго иновѣрцами; послано было и войско для защиты Александра, но оно потерпѣло сильную неудачу въ битвѣ съ горцами.

7 Утвержденіе въ Сибири. Удачнѣе шли дѣла за Уральскими горами. Здѣсь, не смотря на то, что Ермакъ, проложившій дорогу въ Сибирь, погибъ въ 1584 году вслѣдствіе нечаяннаго нападенія на него Кучума, торжество послѣдняго не было продолжительно. Новое правительство московское высылало въ Сибирь воеводу за воеводой, которые утверждали здѣсь русское владычество построеніемъ городовъ.

8. Закрѣпленіе крестьянъ. Изъ внутреннихъ дѣлъ въ царствованіе Θеодора самыми важными были: законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и учрежденіе патріаршества. И въ это время въ Россіи земли было гораздо больше, чѣмъ жителей; богатые землевладѣльцы имѣли возможность большими льготами переманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земель бѣдныхъ отчинниковъ, которые владѣли наслѣдственными землями, и помѣщиковъ. Но если для значительныхъ землевладѣльцевъ было выгодно льготами перезывать къ себѣ крестьянъ отъ менѣе значительныхъ, то эти выгоды должны были стол-

кнуться съ выгодами государства. Одною изъ самыхъ главныхъ потребностей государства было умноженіе войска, возможность имѣть его всегда наготовѣ въ значительномъ количествѣ; основу войска составляли дворяне и дѣти боярскіе, получавшіе за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должны были содержать себя и, по призыву государеву, являться на службу конны, людны и оружны, по тогдашнему выраженію, т. е. на конѣ, съ извѣстнымъ количествомъ людей и въ полномъ вооруженіи. Но эта возможность содержать себя и являться на службу въ требуемомъ видѣ зависѣла отъ дохода, который получалъ помѣщикъ съ своего земельнаго участка, а доходъ этотъ зависѣлъ отъ населенія земли; чтобъ имѣть возможность всегда нести требуемую службу, служилый человѣкъ долженъ былъ имѣть на своей землѣ постоянное народонаселеніе; а могъ ли онъ имѣть его, когда богатый сосѣдъ переманивалъ у него крестьянъ бо́льшими льготами? Государство, давши служилому человѣку землю, должно было дать ему и постоянныхъ работниковъ, иначе онъ служить не могъ. Вотъ почему изданъ былъ законъ, по которому крестьяне не могли болѣе покидать разъ занятыхъ ими земель.

9. Учрежденіе патріаршества. Главный архіерей русской церкви въ царствованіе Ѳеодора перемѣнилъ званіе митрополита на званіе патріарха. Хотя восточная русская или московская церковь уже съ половины XV вѣка была независима отъ константинопольской, но все же она управлялась только митрополитомъ, который считался ниже патріарха, подчиненнымъ патріарху. Возвышеніе сѣверовосточной русской церкви, какъ самостоятельной и цвѣтущей, требовало уравненія ея съ старшими церквами, которыя страдали подъ игомъ невѣрныхъ, нуждались въ ея помощи. Государь такъ разсуждалъ съ духовенствомъ и вельможами объ этомъ дѣлѣ: «Восточные патріархи и прочіе святители только имя святи-

телей носятъ, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благодатію Божіею, все больше и больше расширяется, и потому я хочу устроить въ Москвѣ превысочайшій престолъ патріаршескій.» Духовенство и вельможи похвалили мысль царскую, но прибавили, что надобно приступить къ дѣлу съ согласія всей церкви восточной. Въ 1588 году пріѣхалъ въ Москву старшій изъ патріарховъ, Іеремія константинопольскій; ему предложили остаться въ Московскомъ государствѣ, быть патріархомъ всероссійскимъ, но жить во Владимірѣ, ибо онъ не знаетъ русскаго языка и обычаевъ, да и митрополита Іова неприлично изгнать изъ Москвы. Іеремія не согласился на это предложеніе, но согласился посвятить въ патріархи всероссійскіе Іова, что̀ и было исполнено въ 1589 году.

10. Убіеніе царевича Димитрія и смерть царя Θеодора. Такова была внѣшняя и внутренняя дѣятельность въ царствованіе Θеодора, т. е. дѣятельность правителя-Годунова. Достигнувъ первенства между всѣми вельможами, Годуновъ долженъ былъ думать о будущемъ, и будущее это было для него страшно, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ выше было его положеніе настоящее: у Θеодора не было сына, при которомъ бы Годуновъ, какъ дядя, могъ надѣяться сохранить прежнее значеніе, по крайней мѣрѣ, прежнюю честь: преемникомъ бездѣтнаго Θеодора долженствовалъ быть братъ его Димитрій, удаленный въ Угличъ. Димитрій росъ при матери и ея родственникахъ, Нагихъ, которые питали враждебныя чувства къ людямъ, подвергнувшимъ ихъ изгнанію, и въ этихъ враждебныхъ чувствахъ къ Годунову и ко всей его партіи воспитывали ребенка. И вотъ въ маѣ 1591 года разнеслась по государству вѣсть, что царевичъ Димитрій погибъ въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, и что эти убійцы умерщвлены жителями Углича. Для розыска про дѣло и для погребенія Димитрія посланы были въ Угличъ князь Василій

Ивановичъ Шуйскій, Андрей Клешнинъ (приверженецъ Годунова), которому приписываютъ главное распоряженіе насчетъ убійства, и крутицкій митрополитъ Геласій. Слѣдствіе было произведено недобросовѣстно: слѣдователи спѣшили собрать побольше свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, не обратили вниманія на противорѣчія и на укрытіе главныхъ обстоятельствъ. Не смотря на то, патріархъ Іовъ на соборѣ изъ духовенства и вельможъ объявилъ, согласно показанію слѣдователей, что смерть цацевичу приключилась судомъ Божіимъ, и что Угличане невинно умертвили нѣсколько человѣкъ, на которыхъ Нагіе указали какъ на убійцъ Димитрія. Вслѣдствіе этого царицу Марью постригли подъ именемъ Мароы и заточили въ пустынь за Бѣлоозеро; Нагихъ всѣхъ разослали по городамъ, по тюрьмамъ; Угличанъ — однихъ казнили смертію, другимъ рѣзали языки, разсылали по тюрьмамъ, много людей свели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ.

Черезъ годъ послѣ углицкаго происшествія, у царя родилась дочь Ѳеодосія, но въ слѣдующемъ году ребенокъ умеръ; черезъ пять лѣтъ по смерти дочери, въ январѣ 1598 года, скончался самъ Ѳеодоръ.

ГЛАВА XXIX.

Царствованіе Бориса Годунова.

1. Избраніе на престолъ Годунова. На вопросъ патріарха и бояръ: «Кому приказываешь царство?» умирающій Ѳеодоръ отвѣчалъ: «Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ Ему угодно, такъ и будетъ.» По смерти Ѳеодора

поспѣшили присягнуть женѣ его, царицѣ Иринѣ, чтобъ избѣжать междуцарствія. Но Ирина отказалась отъ престола, уѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ и постриглась подъ именемъ Александры. Не смотря на то, дѣла производились ея именемъ, дѣйствительно же въ главѣ правленія стоялъ патріархъ; ему слѣдовательно принадлежалъ и первый голосъ въ дѣлѣ царскаго избранія, а Іовъ былъ самый ревностный приверженецъ Годунова. Итакъ за Годунова былъ патріархъ; за Годунова было долголѣтнее пользованіе царскою властію при Өеодорѣ, доставлявшее ему большія средства: повсюду правительственныя должности занимали люди всѣмъ ему обязанные; при Өеодорѣ онъ самъ и родственники его пріобрѣли огромное богатство, также могущественное средство пріобрѣтать доброжелателей; за Годунова было то обстоятельство, что сестра его признавалась царицею правительствующею: кто же мимо роднаго брата могъ взять скипетръ изъ рукъ ея? Патріархъ съ духовенствомъ, боярами и гражданами московскими, отправился въ Новодѣвичій монастырь просить царицу, чтобъ благословила брата на престолъ,— просили и самого Годунова принять царство; но онъ отказался, ибо хотѣлъ быть избранъ въ цари всею Россіею, соборомъ, на которомъ бы находились выборные изо всѣхъ городовъ, совѣтные люди, какъ тогда говорили. На соборѣ большинство составляли духовенство и дворянство второстепенное, которые были давно за Годунова или шли за мнѣніемъ патріарха. 17 февраля 1598 года на соборѣ патріархъ объявилъ, что, по его мнѣнію, также и по мнѣнію всего духовенства, бояръ и всѣхъ Москвичей, мимо Бориса Өеодоровича Годунова другаго государя искать нечего, и совѣтные люди отвѣчали, что ихъ мнѣніе такое же. Отправились опять къ Годунову, который жилъ вмѣстѣ съ сестрою въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и опять получили отказъ. Тогда патріархъ пошелъ въ монастырь

съ крестнымъ ходомъ и со множествомъ народа; патріархъ съ духовенствомъ и боярами вошли въ келью къ царицѣ и долго упрашивали ее со слезами, стоя на колѣняхъ, чтобъ благословила брата на царство; на монастырѣ и около монастыря, народъ, стоя на колѣняхъ, вопилъ о томъ же. Царица наконецъ благословила, и Годуновъ принялъ царство. Говорятъ, будто народъ пригнанъ былъ неволею,—грозили, что если кто не пойдетъ, съ того будутъ взыскивать деньги.

2. Сношенія царя Бориса съ державами европейскими и азіятскими. Такъ былъ избранъ въ цари Борисъ Годуновъ. Царствованіе его относительно западныхъ, самыхъ опасныхъ сосѣдей, Польши и Швеціи, началось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: эти державы, такъ недавно грозившія Москвѣ страшнымъ союзомъ своимъ подъ однимъ королемъ, теперь находились въ открытой и ожесточенной враждѣ; Шведы отказались повиноваться Сигизмунду польскому и провозгласили королемъ своимъ дядю его Карла, въ которомъ Сигизмундъ, разумѣется, видѣлъ похитителя своего престола. Оба государства, и Швеція и Польша, вслѣдствіе этого искали союза съ Борисомъ, который, подобно Іоанну IV не спускалъ глазъ съ Ливоніи, считая прибалтійскіе берега необходимыми для своего государства. Пріобрѣсть эту желанную страну или часть ея было теперь легко, но для этого было средство одно, средство прямое, рѣшительное: заключить тѣсный союзъ съ королемъ шведскимъ и дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ противъ Польши. Но Годуновъ, по характеру своему, не былъ способенъ къ средствамъ рѣшительнымъ, прямымъ и открытымъ. Онъ думалъ, что Швеція уступитъ ему Нарву, а Польша Ливонію или часть ея, если только онъ будетъ грозить Швеціи союзомъ съ Польшею, а Польшѣ союзомъ съ Швеціею; но этими угрозами онъ только раздражалъ и Швецію и Польшу, а не пугалъ ихъ, обнаруживая политику ме-

лочную, двоедушную. Онъ боялся войны: самъ не имѣлъ ни духа ратнаго, ни способностей воинскихъ, воеводамъ не довѣрялъ, и потому хлопоталъ, чтобъ Ливонія сама поддалась ему, для чего поддерживалъ неудовольствіе ея жителей противъ польскаго правительства; но эти средства, не подкрѣпляемыя дѣйствіями прямыми и рѣшительными, не вели ни къ чему. Чтобъ имѣть наготовѣ вассальнаго короля для Ливоніи, какъ Іоаннъ IV имѣлъ Магнуса, Борисъ вызвалъ въ Москву шведскаго принца Густава, племянника королю Карлу; Годуновъ хотѣлъ также выдать за этого Густава дочь свою Ксенію; но Густавъ не захотѣлъ отказаться отъ протестантизма, и былъ отосланъ въ Угличъ. Нужно было искать другаго жениха Ксеніи между иностранными принцами, и жениха нашли въ Даніи: принцъ Іоаннъ, братъ короля Христіана, согласился ѣхать въ Москву, чтобъ быть зятемъ царскимъ и княземъ удѣльнымъ. Іоаннъ былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ, очень ласково отъ будущаго тестя, но скоро потомъ у него сдѣлалась горячка, отъ которой онъ и умеръ на двадцатомъ году жизни.

Отношенія къ Крыму были благопріятны: ханъ, жившій не въ ладу съ султаномъ турецкимъ, принуждаемый принимать участіе въ войнахъ послѣдняго, и видя съ другой стороны могущество Москвы, невозможность приходить врасплохъ на ея украйны, ибо въ степяхъ являлись одна за другою русскія крѣпости, долженъ былъ смириться и соглашаться съ московскими послами, которые объявляли, что государь ихъ не боится ни хана, ни султана, что рати его безчисленны. Но если отношенія къ Крыму видимо принимали благопріятный оборотъ, то иначе шли дѣла за Кавказомъ рано еще, не по силамъ было Московскому государству бороться въ этихъ далекихъ краяхъ съ могущественными Турками и Персіянами. Александръ кахетинскій, признавая себя слугою Бориса, сно-

сился въ то же время съ сильнымъ Аббасомъ, шахомъ персидскимъ, и позволилъ сыну своему Константину принять магометанство; но и это не помогло: Аббасъ хотѣлъ совершеннаго подданства Кахетіи, и велѣлъ отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москвѣ. Преступленіе было совершено; съ другой стороны, въ Дагестанѣ, Русскіе вторично утвердились было въ Таркахъ, но Турки вытѣснили ихъ отсюда, а Кумыки перерѣзали при отступленіи: 7000 Русскихъ пало вмѣстѣ съ воеводами, и владычество Москвы исчезло въ этой странѣ.

3. Окончаніе борьбы съ Кучумомъ сибирскимъ. Въ Закавказьѣ Москва не могла защищать единовѣрцевъ своихъ отъ могущественныхъ народовъ магометанскихъ; за то безпрепятственно утверждалась ея власть за Уральскими горами. Въ Сибири Кучумъ былъ еще живъ и не переставалъ враждовать противъ Русскихъ. Въ 1598 году за нимъ погнался воевода Воейковъ, нашелъ Кучума на рѣкѣ Оби и поразилъ семейство Кучума попалось въ плѣнъ къ Русскимъ, старикъ самъ-третей ушелъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Въ этой рѣшительной битвѣ у Русскихъ было 400, а у Кучума 500 человѣкъ войска! Лишенный всѣхъ средствъ противиться долѣе, Кучумъ ушелъ къ Ногаямъ и былъ тамъ убитъ. Русскіе продолжали строить города въ Сибири, заводить хлѣбопашество; кромѣ служилыхъ людей и хлѣбопашцевъ, въ новопостроенные сибирскіе города переводились изъ другихъ городовъ и купцы; проводились дороги.

4. Распоряженія Бориса относительно крестьянъ и просвѣщенія. Что касается внутреннихъ распоряженій Годунова въ Европейской Россіи, то онъ опредѣлилъ, сколько крестьянинъ долженъ платить землевладѣльцу и сколько работать на него, позволилъ временно переходъ крестьянъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ къ мелкимъ же, но не къ бога-

тымъ, чтобъ послѣдніе не могли переманивать крестьянъ отъ бѣдныхъ. Годуновъ старался облегчить народъ отъ податей, старался о распространеніи просвѣщенія. Онъ хотѣлъ вызвать изъ-за границы ученыхъ людей и основать школы, гдѣ бы иностранцы учили русскихъ людей разнымъ языкамъ. Но духовенство не согласилось на это. Тогда Борисъ придумалъ другое средство: уже давно былъ обычай посылать русскихъ молодыхъ людей въ Константинополь учиться тамъ по-гречески; теперь царь хотѣлъ сдѣлать то же относительно другихъ странъ и языковъ: выбрали нѣсколько молодыхъ людей и отправили ихъ учиться — однихъ въ Любекъ, другихъ въ Англію, нѣкоторыхъ во Францію и Австрію. Борисъ очень любилъ иностранцевъ, составилъ изъ Нѣмцевъ, преимущественно изъ Ливонцевъ, отрядъ войска,—Нѣмцы эти получали большое жалованье и помѣстья; покровительствовалъ иностраннымъ купцамъ, иностранныхъ медиковъ своихъ держалъ какъ бояръ. Такое расположеніе царя къ иностранцамъ, убѣжденіе въ превосходствѣ ихъ надъ Русскими относительно просвѣщенія, убѣжденіе въ необходимости учиться у нихъ, возбудило въ нѣкоторыхъ Русскихъ желаніе подражать иностранцамъ и начать это подражаніе со внѣшняго вида и свои и чужіе говорятъ о пристрастіи Русскихъ къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ во времена Годунова, о введеніи обычая брить бороды.

5. Начало смуты; доносы и опалы. Для большинства русскаго народа Борисъ, въ два первые года своего царствованія, оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Ѳеодорѣ, т. е. «наружностію и умомъ всѣхъ людей превосходилъ, много устроилъ въ Русскомъ государствѣ похвальныхъ вещей, старался искоренять разбои, воровства, корчемства, но не могъ искоренить; былъ онъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ; но въ военномъ дѣлѣ былъ

неискусенъ. Цвѣлъ онъ добродѣтелями, и еслибъ зависть и злоба не помрачали его добродѣтелей, то могъ бы древнимъ царямъ уподобиться. Онъ принималъ доносы отъ клеветниковъ на невинныхъ, отчего возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ всей русской земли: отсюда поднялось на него много бѣдъ, которыя и привели его къ погибели.» Такимъ образомъ, по свидѣтельству современниковъ, вся бѣда для Годунова произошла отъ того, что онъ не могъ уподобиться древнимъ царямъ, не имѣлъ достаточно величія духа, чтобъ, восшедши на престолъ, позабыть всѣ старыя боярскія свои вражды, унизился до страха предъ своими прежними соперниками, страдалъ мелкою, болѣзненною подозрительностію; этою подозрительностію и враждою онъ раздражилъ противъ себя вельможъ, которые и были виновниками его паденія. Первая опала отъ подозрительнаго Бориса постигла Богдана Бѣльскаго, извѣстнаго намъ по смутѣ въ началѣ царствованія Ѳеодора, сосланнаго вслѣдствіе этой смуты и возвращеннаго изъ ссылки Годуновымъ. Царь послалъ Бѣльскаго строить въ степи городъ Борисовъ; Бѣльскій, будучи очень богатъ, не щадилъ издержекъ для угощенія ратныхъ людей, строившихъ городъ, бѣднымъ изъ нихъ давалъ деньги, платье, и этимъ заслужилъ отъ нихъ громкія похвалы. Это стараніе Бѣльскаго пріобрѣсти народную любовь, стараніе, увѣнчавшееся успѣхомъ, возбудило подозрительность и злобу Бориса, тѣмъ болѣе, что Бѣльскій былъ человѣкъ дѣйствительно подозрительный: Бѣльскаго схватили и сослали въ одинъ изъ дальнихъ городовъ въ тюрьму. Подозрительность Бориса разыгралась. Желая знать, что̀ говорятъ о немъ знатные люди и не умышляютъ ли чего-нибудь дурнаго, онъ началъ поощрять холопей къ доносамъ на господъ своихъ. Доносчики получали награды, и язва эта быстро разлилась, заразила людей всѣхъ званій; слѣдствіями доносовъ были пытки, казни, заточенія:

ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ, говорятъ современники. Поданъ былъ доносъ на Романовыхъ отъ двороваго человѣка одного изъ нихъ, Александра Никитича. Романовыхъ забрали подъ стражу вмѣстѣ со всѣми родственниками и пріятелями ихъ, пытали, пытали и людей ихъ, но не могли ничего свѣдать. Въ 1601 году старшаго изъ Романовыхъ, Өеодора Никитича, постригли подъ именемъ Филарета и сослали въ Антоніевъ Сійскій монастырь; жену его Аксинью Ивановну, урожденную Шестову, также постригли подъ именемъ Мареы и сослали въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ; Александра Никитича Романова сослали къ Бѣлому морю, Михайлу Никитича въ Пермскую область, Ивана Никитича въ Пелымъ, Василья Никитича въ Яренскъ; мужа сестры ихъ, князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ племянникомъ ея, сыномъ Өедора Никитича, маленькимъ Михаиломъ (будущимъ царемъ) на Бѣлоозеро. Только двое изъ братьевъ пережили свое несчастіе — Филаретъ и Иванъ Никитичи; остальные померли отъ жестокости приставовъ, отправленныхъ съ ними въ мѣста заточенія.

6. Голодъ и разбои. Въ то время какъ доносчики свирѣпствовали въ Москвѣ, страшное физическое бѣдствіе постигло Россію: отъ сильныхъ неурожаевъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, отъ 1601 до 1604, сдѣлался голодъ небывалый, къ которому присоединилось еще моровое повѣтріе. За голодомъ и моромъ слѣдовали разбои: люди, спасавшіеся отъ голодной смерти, составляли шайки, чтобъ вооруженною рукою кормиться на счетъ другихъ. Преимущественно эти шайки составлялись изъ холопей, которыми наполнены были домы знатныхъ и богатыхъ людей. Во время голода, найдя обременительнымъ для себя кормить толпу холопей, господа выгоняли ихъ отъ себя; число этихъ холопей, лишенныхъ пріюта и средствъ къ пропитанію, увеличилось еще холопями опаль-

ныхъ бояръ, Романовыхъ и другихъ, ибо этихъ холопей Годуновъ запретилъ всѣмъ принимать къ себѣ. Эти люди, изъ которыхъ многіе были привычны къ военному дѣлу, шли къ границамъ, въ сѣверскую украйну (нынѣшнія губерніи Орловская, Курская, Черниговская), которая уже и безъ того была наполнена людьми, ждавшими только случая начать непріятельскія дѣйствія противъ государства; еще царь Іоаннъ IV, желая умножить народонаселеніе этой страны людьми воинственными, способными защищать ее отъ Татаръ и Поляковъ, позволялъ преступникамъ спасаться отъ наказанія бѣгствомъ въ украинскіе города. Вслѣдствіе всего этого теперь послѣ голода образовались въ украйнѣ многочисленныя разбойничьи шайки, отъ которыхъ не было проѣзда не только по пустымъ мѣстамъ, но и подъ самою Москвою; атаманомъ ихъ былъ Хлопка Косолапъ. Царь выслалъ противъ нихъ войско подъ начальствомъ воеводы Ивана Басманова, который сошелся съ Хлопкою подъ Москвою; разбойники бились отчаянно и убили Басманова; не смотря на то, царское войско одолѣло ихъ; полумертваго Хлопку взяли въ плѣнъ, товарищей его, пробиравшихся назадъ въ украйну, ловили и вѣшали; но въ украйнѣ было много имъ подобныхъ, — черная роль ея только что начиналась: начинали ходить слухи о Самозванцѣ.

7. Появленіе Самозванца. Въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка проявился въ Москвѣ бойкій, смышленый, грамотный мальчикъ, сирота, сынъ галицкаго служилаго человѣка Богдана Отрепьева, Юрій. Онъ проживалъ во дворахъ вельможъ, подозрительныхъ царю, а поэтому самъ сдѣлался подозрителенъ. Бѣда грозитъ молодому человѣку, онъ спасается отъ нея постриженіемъ подъ именемъ Григорія, скитается изъ монастыря въ монастырь, попадаетъ наконецъ въ Чудовъ, и поступаетъ даже къ патріарху Іову для книжнаго письма. Но здѣсь дерзкія рѣчи, что онъ будетъ царемъ на

Москвѣ, навлекло на него новую бѣду; царь Борисъ велѣлъ одному дьяку сослать Отрепьева въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, но дьякъ не исполнилъ царскаго приказа, молодой монахъ убѣжалъ изъ Чудова монастыря, и послѣ долгихъ странствованій по разнымъ мѣстамъ пробрался за литовскую границу въ сопровожденіи двухъ другихъ монаховъ. Въ польскихъ владѣніяхъ онъ скинулъ съ себя монашескую рясу, поучился немного въ школѣ города Гащи, потомъ побывалъ у казаковъ запорожскихъ, и наконецъ поступилъ въ службу къ польскому вельможѣ, князю Адаму Вишневецкому, которому при первомъ удобномъ случаѣ открылъ, что онъ московскій царевичъ Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича, спасенный отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ, которые вмѣсто него убили другаго, подставленнаго ребенка.

8. Успѣхи Самозванца въ Польшѣ. Вишневецкій повѣрилъ, и вѣсть о московскомъ царевичѣ, чудесно спасшемся отъ смерти, быстро распространилась между сосѣдними панами, которые начали принимать Отрепьева съ царскими почестями; у одного изъ нихъ, сандомирскаго воеводы Юрія Мнишка, жившаго въ Самборѣ, Самозванцу очень понравилась дочь Марина. Мнишки были ревностные католики; принятіе католицизма всего болѣе помогало Отрепьеву, ибо становило на его сторону духовенство польское и особенно могущественныхъ іезуитовъ; Лжедимитрій позволилъ францисканскимъ монахамъ обратить себя въ католицизмъ. Въ началѣ 1604 года Мнишекъ привезъ Лжедимитрія въ Краковъ, гдѣ папскій нунцій Рангони представилъ его королю Сигизмунду. Король находился въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны ему хотѣлось помочь Самозванцу и такимъ образомъ завести смуту въ Московскомъ государствѣ; съ другой стороны страшно было нарушить перемиріе, оскорбить могущественнаго Годунова, который могъ жестоко отомстить Польшѣ за свою обиду

наступательнымъ союзомъ съ Швецiею. Сигизмундъ рѣшился употребить такую хитрость: онъ призналъ Отрепьева московскимъ царевичемъ, хотя и не публично, назначилъ ему ежегодное содержанiе, но не хотѣлъ помогать ему явно войскомъ отъ имени правительства польскаго, а позволилъ вельможамъ частнымъ образомъ помогать царевичу. Вести дѣло поручено было Мнишку, который съ торжествомъ привезъ царевича въ Самборъ, гдѣ тотъ предложилъ руку свою Маринѣ. Предложенiе было принято, но свадьба отложена до утвержденiя Димитрiя на престолѣ московскомъ.

9. Мѣры Годунова противъ Лжедимитрiя. Мнишекъ собралъ для будущаго зятя 1600 человѣкъ всякаго сброда въ польскихъ владѣнiяхъ; но подобныхъ людей было много въ степяхъ и украйнахъ Московскаго государства, слѣдовательно сильная помощь ждала Самозванца впереди. Московскiе бѣглецы, искавшiе случая безопасно и съ выгодою возвратиться въ отечество, первые прiѣхали къ нему и провозгласили истиннымъ царевичемъ; донскiе казаки, стѣсненные при Борисѣ болѣе чѣмъ когда-либо прежде, откликнулись также немедленно на призывъ Лжедимитрiя. Какъ скоро Лжедимитрiй объявился въ Польшѣ, то слухи объ немъ начали съ разныхъ сторонъ приходить въ Москву. Борисъ объявилъ прямо боярамъ, что это они подставили Самозванца, и началъ принимать мѣры противъ страшнаго врага, котораго нельзя было сокрушить одною военною силою. Отправлены были грамоты въ Польшу къ королю, вельможамъ, воеводамъ пограничнымъ съ объявленiемъ, что тотъ, кто называетъ себя царевичемъ Димитрiемъ, есть бѣглый монахъ Отрепьевъ. Въ Москвѣ патрiархъ Iовъ и князь Василiй Шуйскiй уговаривали народъ не вѣрить слухамъ о царевичѣ; патрiархъ проклялъ Гришку Отрепьева со всѣми его приверженцами и разослалъ по областямъ грамоты съ извѣстiемъ объ этомъ проклятiи и

съ увѣщаніемъ не вѣрить спасенію царевича. Но средства эти оказались тщетными: сѣверская украйна волновалась отъ подметныхъ грамотъ Лжедимитріевыхъ; воеводы царскіе прямо говорили, что «трудно воевать противъ природнаго государя (т. е. противъ Димитрія)»; въ Москвѣ на пирахъ пили здоровье Димитрія.

10. Вступленіе Лжедимитрія въ московскіе предѣлы. Въ октябрѣ 1604 года Лжедимитрій вошелъ въ области Московскаго государства. Сѣверскіе города начали ему сдаваться; не сдался одинъ Новгородъ Сѣверскій, гдѣ засѣлъ воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ царя Бориса. Борисъ выслалъ войско подъ начальствомъ перваго боярина, князя Мстиславскаго, который сошелся съ войсками Самозванца подъ Новгородомъ Сѣверскимъ: не смотря на малочисленность своего войска въ сравненіи съ войскомъ царскимъ, Самозванецъ разбилъ Мстиславскаго, ибо у Русскихъ, пораженныхъ сомнѣніемъ — не сражаются ли они противъ законнаго государя?— не было рукъ для сѣчи, какъ говорятъ очевидцы. Такъ какъ Мстиславскій былъ раненъ въ битвѣ, то вмѣсто него начальствовать надъ войскомъ былъ присланъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Самозванецъ 21 января 1605 года ударилъ на царское войско при Добрыничахъ, но, не смотря на храбрость необыкновенную, потерпѣлъ пораженіе, вслѣдствіе многочисленности пушекъ въ царскомъ войскѣ. Годуновъ сильно обрадовался, думалъ, что дѣло съ Самозванцемъ кончено, но радость его не была продолжительна, ибо скоро пришли вѣсти, что Самозванецъ не истребленъ, а усиливается; 4000 донскихъ казаковъ явилось къ нему въ Путивль, гдѣ заперся онъ, а между тѣмъ московскіе воеводы ничего не дѣлали, не пользовались своею побѣдою.

11. Смерть Бориса и провозглашеніе Лжедимитрія царемъ. Въ такомъ нерѣшительномъ положеніи нахо-

дились дѣла, когда 13 апрѣля 1605 года умеръ царь Борисъ скоропостижно. Послѣ него остался сынъ Ѳедоръ, котораго всѣ свидѣтельства единогласно осыпаютъ похвалами, какъ молодаго человѣка, наученнаго всякой премудрости, ибо дѣйствительно отецъ успѣлъ дать ему хорошее по времени и по средствамъ образованіе. Жители Москвы спокойно присягнули Ѳедору. Къ войску вмѣсто Шуйскаго, отозваннаго въ Москву, отправленъ былъ Басмановъ, прославившійся защитою Новгорода Сѣверскаго. Но Басмановъ увидалъ, что ничего нельзя было сдѣлать съ войскомъ, которое и прежде не имѣло рукъ отъ недоумѣнія, а теперь еще болѣе было ослаблено нравственно вслѣдствіе смерти Бориса. Видя это, видя, что воеводы самые способные, могшіе придать одушевленіе войску, не хотятъ Годунова, Басмановъ рѣшился измѣнить сыну своего благодѣтеля, и вмѣстѣ съ князьями Голицыными (Васильемъ и Иваномъ Васильевичами) и съ Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ 7 мая объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій, и полки безъ сопротивленія провозгласили его государемъ.

Самозванецъ двинулся по дорогѣ въ Москву, гдѣ 1 іюня Плещеевъ и Пушкинъ возмутили народъ и свели съ престола царя Ѳедора; скоро пріѣхали въ Москву изъ стана Самозванцева князья Василій Голицынъ и Василій Масальскій, свергнули патріарха Іова, разослали въ заточеніе Годуновыхъ и родственниковъ ихъ, и звѣрски умертвили царя Ѳедора Борисовича и мать его, царицу Марью; царевна Ксенія Борисовна осталась въ живыхъ и послѣ была пострижена подъ именемъ Ольги.

ГЛАВА XXX.

Царствованіе Лжедимитрія.

20 іюня 1605 года Лжедимитрій съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву. Богданъ Бѣльскій, снова возвращенный въ Москву, торжественно, съ Лобнаго мѣста, свидѣтельствовалъ предъ народомъ, что новый царь есть истинный Димитрій. Но другое втихомолку свидѣтельствовалъ князь Василій Шуйскій: онъ поручилъ одному купцу и одному лѣкарю разглашать въ народѣ, что новый царь — самозванецъ. Басмановъ узналъ о слухахъ, узналъ отъ кого они идутъ, и донесъ царю. Шуйскій былъ схваченъ, и Лжедимитрій отдалъ дѣло на судъ собору изъ духовенства, вельможъ и простыхъ людей; соборъ осудилъ Шуйскаго на смерть: уже былъ онъ выведенъ на мѣсто казни, какъ прискакалъ гонецъ съ объявленіемъ помилованія; Шуйскаго вмѣстѣ съ братьями сослали въ галицкіе пригороды, но прежде нежели они достигли мѣста ссылки, ихъ возвратили въ Москву, отдали имѣніе и боярство.

Извѣстить области о восшествіи на престолъ новаго царя долженъ былъ патріархъ; такъ какъ Іовъ былъ свергнутъ, то на его мѣсто возвели рязанскаго архіепископа Игнатія, родомъ Грека, который первый изъ архіереевъ призналъ Лжедимитрія истиннымъ царемъ. Но признаніе Игнатія не могло окончательно утвердить новаго царя на престолѣ: это могло сдѣлать только признаніе матери, царицы Марѳы. Ее привезли въ Москву; Лжедимитрій встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ, имѣлъ свиданіе наединѣ, въ шатрѣ, послѣ чего народъ былъ свидѣтелемъ взаимныхъ нѣжностей матери и сына. Вскорѣ по пріѣздѣ матери Лжедимитрій вѣнчался на

царство по обыкновенному обряду, при чемъ объявлены были милости мнимымъ родственникамъ царскимъ, гонимымъ при Годуновѣ, Нагимъ и Романовымъ: Филаретъ Никитичъ Романовъ былъ сдѣланъ ростовскимъ митрополитомъ.

Не проходило дня, въ который бы царь не присутствовалъ въ думѣ, гдѣ удивлялъ бояръ здравымъ смысломъ, находчивостію при рѣшеніи трудныхъ дѣлъ, начитанностію; указывая на невѣжество бояръ, онъ обѣщалъ позволить имъ ѣздить въ чужія земли для образованія; объявилъ, что хочетъ держать народъ въ повиновеніи не строгостію, но щедростію. Если и на Годунова сильно жаловались за то, что онъ очень любилъ иностранцевъ, отъ чего началось подражаніе иностраннымъ обычаямъ, то гораздо больше поводовъ къ подобнымъ жалобамъ подавалъ Лжедимитрій, который, побывавъ самъ на чужой сторонѣ, пристрастился къ тамошнимъ обычаямъ и, по живости природы своей, не могъ сообразоваться съ церемонною, сидячею жизнію прежнихъ царей. Желаніе какъ можно скорѣе видѣть невѣсту свою въ Москвѣ, равно какъ желаніе быть въ союзѣ съ католическими державами для общей войны противъ Турокъ, заставляли Лжедимитрія дорожить дружбою польскаго короля Сигизмунда, но онъ не хотѣлъ для этой дружбы жертвовать выгодами своего государства: такъ въ угоду королю онъ не только не хотѣлъ отказаться отъ титула царя, но еще принялъ титулъ императора, объявилъ, что не уступитъ ни клочка русской земли Польшѣ; въ сношеніяхъ съ папою Лжедимитрій также уклонялся отъ обязательства ввести католицизмъ въ Московское государство. Не смотря на то, пріѣздъ въ Москву Марины Мнишекъ со множествомъ Поляковъ, которые вели себя дерзко, женитьба царя на Полькѣ некрещеной, возбуждали неудовольствіе въ Москвѣ, которымъ спѣшилъ воспользоваться князь Василій Шуйскій вмѣстѣ съ другими боярами. Шуйскій по горькому опыту зналъ, что

нельзя подвинуть народа противъ царя однимъ распущеніемъ слуховъ о самозванствѣ, зналъ, что большинство московскаго народа предано Лжедимитрію, какъ государю доброму и ласковому, и потому началъ дѣйствовать съ большою осторожностію. Особенно надѣялся онъ на осьмнадцатитысячное войско, собранное подъ Москвою царемъ для предполагавшагося похода на Крымъ; для безопасности же отъ большинства Москвичей, преданныхъ Лжедимитрію, заговорщики положили по первому набату броситься во дворецъ съ крикомъ: «Поляки бьютъ государя!» окружить царя какъ будто для защиты и убить его. Не смотря однако на эту осторожность и хитрости, умыселъ легко могъ бы не имѣть успѣха, еслибъ заговорщикамъ не помогла необыкновенная довѣрчивость Лжедимитрія, который смѣялся надъ Поляками, увѣдомлявшими его о народномъ волненіи, не хотѣлъ принимать никакихъ доносовъ отъ нѣмецкихъ тѣлохранителей и пренебрегъ всѣми мѣрами осторожности.

17 мая 1606 года, около четырехъ часовъ утра раздался набатъ въ Москвѣ, и толпы заговорщиковъ хлынули на Красную площадь, гдѣ уже сидѣли на коняхъ бояре. Шуйскій повелъ народъ въ Кремль «на злаго еретика», какъ онъ выразился. Лжедимитрій проснулся отъ набата и выслалъ Басманова справиться, въ чемъ дѣло Басмановъ въ отчаяніи прибѣжалъ назадъ къ царю, крича, что вся Москва собралась на него. Когда уже бояре вошли во дворецъ, то Басмановъ вышелъ къ нимъ и сталъ уговаривать ихъ не выдавать народу Лжедимитрія, но былъ убитъ; Лжедимитрій увидалъ, что сопротивленіе безполезно, выскочилъ изъ окна и разбился. Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ, подняли его, привели въ чувство и приняли было его сторону, но заговорщики закричали: «Пойдемъ въ Стрѣлецкую слободу, истребимъ семейства стрѣльцовъ, если они не хотятъ намъ выдать обманщика.» Стрѣльцы испугались и сказали боярамъ: «Спросимъ царицу:

если она скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ.» Самъ Лжедимитрій требовалъ, чтобъ спросили мать его или вывели его на Лобное мѣсто и дали объясниться съ народомъ. Но объясниться ему не дали; пришелъ князь Иванъ Голицынъ и сказалъ, что царица Мареа называетъ своимъ сыномъ того, который убитъ въ Угличѣ, а отъ этого отрекается. Тогда Лжедимитрія убили, и трупъ его вмѣстѣ съ трупомъ Басманова выставили на Красной площади въ маскѣ съ дудкою и волынкою. Между тѣмъ другія толпы народа били Поляковъ. Тесть Самозванца, Мнишекъ съ родственниками, равно какъ послы королевскіе, пріѣхавшіе на свадьбу, были спасены боярами, Марину также не тронули и отвели изъ дворца къ отцу.

Тотъ, кто назывался царемъ Димитріемъ, былъ убитъ; начали думать объ избраніи новаго царя. Виднѣе всѣхъ бояръ московскихъ по уму, энергіи, знатности рода были два князя: Василій Ивановичъ Шуйскій и Василій Васильевичъ Голицынъ; оба имѣли сильныя стороны, но Голицынъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ Шуйскаго, который гораздо больше выдался впередъ въ послѣднее время: онъ былъ первымъ обличителемъ Самозванца, главою заговора, вождемъ народа противъ злаго еретика. Для людей, совершившихъ послѣдній переворотъ, кто могъ быть лучшимъ царемъ, какъ не вождь ихъ въ этомъ дѣлѣ? Бояре хотѣли созвать выборныхъ изъ всѣхъ городовъ, чтобъ по совѣту всей земли избранъ былъ государь такой, который былъ бы всѣмъ любъ. Но Шуйскій не хотѣлъ дожидаться собора, не будучи увѣренъ, что соборъ кончится въ его пользу, ибо дѣло истребленія Самозванца, которымъ онъ прославился, было дѣло чисто московское, да и не всѣ Москвичи его одобряли. 19 мая утромъ на Красной площади толпился народъ точно также, какъ и 17 мая. Вышли бояре и духовенство и предложили избрать патріарха (ибо Игнатій былъ сверг-

нутъ какъ приверженецъ Лжедимитрія), и разослать грамоты для созванія совѣтныхъ людей изъ городовъ на соборъ, который долженъ избрать государя. Но въ толпѣ закричали, что царь нужнѣе патріарха, а царемъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Этому крику никто не смѣлъ противорѣчить, и Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, послѣ чего въ патріархи былъ избранъ Гермогенъ, митрополитъ казанскій.

ГЛАВА XXXI.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

1. Причины новыхъ смутъ. Вступивши на престолъ, Шуйскій цѣловалъ крестъ, что ему, «не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, никого смерти ни предавать, вотчинъ, дворовъ и имѣнія у братьевъ, жены и дѣтей преступника не отнимать, если они не виноваты, доносовъ ложныхъ не слушать, но изслѣдовать всякое дѣло какъ можно обстоятельнѣе; а ложныхъ доносчиковъ казнить, смотря по винѣ, какую взвели на другаго.» Разослана была по областямъ грамота отъ имени бояръ и всѣхъ людей московскихъ съ извѣщеніемъ о гибели Лжедимитрія и возведеніи на престолъ Шуйскаго. Въ этой грамотѣ говорилось, что Гришка Отрепьевъ овладѣлъ царствомъ съ бѣсовскою помощію, всѣхъ людей прельстилъ чернокнижествомъ. Но эта странная грамота могла произвести только недоумѣніе въ жителяхъ областей; недавно извѣщали ихъ изъ Москвы, что Годуновъ свергнутъ истиннымъ царемъ Димитріемъ; теперь увѣряютъ, что этотъ Димитрій былъ обманщикъ, злодѣй, еретикъ и чернокнижникъ, объявляютъ, что онъ погибъ за свое злодѣйство, но какъ

погибъ?—это остается тайною; объявляютъ, что избранъ новый царь, но какъ и кѣмъ?—неизвѣстно; совѣтные люди изъ областей не участвовали въ избраніи Шуйскаго; новый царь сѣлъ на престолъ тайкомъ отъ земли, съ нарушеніемъ формы уже освященной, по которой царь, не по наслѣдству вступающій на престолъ, долженъ былъ выбираться по совѣту всей земли, а не однихъ Москвичей. Такимъ образомъ эта извѣстительная грамота Шуйскаго порождала только неудовольствіе и недовѣрчивость; не довѣряя человѣку, который безъ вѣдома всѣхъ сѣлъ на престолъ, не знали кому теперь вѣрить, и наступило смутное время.

Но если въ областяхъ были недовольны, то много недовольныхъ было и въ Москвѣ. Народъ былъ недоволенъ тѣмъ, что съ воцареніемъ Шуйскаго бояре стали имѣть гораздо больше власти, чѣмъ самъ царь; нѣкоторые изъ бояръ были недовольны, потому что сами хотѣли быть на престолѣ; другіе не хотѣли видѣть царемъ Шуйскаго по прежнимъ отношеніямъ; люди, участвовавшіе въ гибели Лжедимитрія и провозгласившіе царемъ Шуйскаго, были недовольны, потому что Шуйскій былъ скупой старикъ и не осыпалъ ихъ милостями. Но всѣ эти недовольные не могли отважиться прямо на сверженіе Шуйскаго, ибо некого было выставить лучшаго на его мѣсто. Для всѣхъ недовольныхъ нуженъ былъ предлогъ къ возстанію, нужно было лице, во имя котораго можно было дѣйствовать, лице, столько могущественное, чтобъ могло свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ столько ничтожное, чтобъ не могло быть препятствіемъ для достиженія каждому своей цѣли, однимъ словомъ нуженъ былъ самозванецъ: Шуйскаго можно было свергнуть только такъ, какъ свергнутъ былъ Годуновъ. Но кромѣ недовольныхъ московскихъ, желавшихъ имѣть предлогъ къ возстанію противъ Шуйскаго, самозванецъ чрезвычайно понравился козакамъ, которые увидали въ немъ

средство мутить государство и жить безнаказанно на его счетъ; еще при жизни Лжедимитрія терскіе казаки (жившіе на рѣкѣ Терекѣ) провозгласили одного изъ своихъ, Муромца Илью Коровина, царевичемъ Петромъ, сыномъ царя Ѳеодора Іоанновича, котораго будто бы Годуновъ подмѣнилъ на дѣвочку Ѳеодосію. Но кромѣ этого царевича Петра скоро явился опять и дядя его, царь Димитрій.

2. Возстаніе южныхъ областей въ пользу Самозванца. 17 мая, когда заговорщики были заняты истребленіемъ Самозванца и Поляковъ, одинъ изъ приверженцевъ Лжедимитрія, Молчановъ, успѣлъ скрыться изъ дворца, изъ Москвы, и направилъ путь къ литовскимъ границамъ, вездѣ распуская по дорогѣ слухи, что онъ царь Димитрій, спасающійся отъ убійцъ. Въ самой Москвѣ въ народѣ пошли слухи о возможности этого спасенія; маска, надѣтая на лице мертваго Лжедимитрія, подавала поводъ къ толкамъ, что тутъ скрывалась подстановка; тѣмъ болѣе могли вѣрить въ спасеніе Димитрія жители областей, которые ничего не знали. Самъ Шуйскій видѣлъ, что ему нельзя разувѣрить народъ касательно слуховъ о спасеніи Лжедимитрія, и что гораздо благоразумнѣе вооружиться противъ правъ его, дабы Самозванецъ, и спасшійся по мнѣнію нѣкоторыхъ отъ убійцъ, оставался все же самозванцемъ. Для этого Шуйскій велѣлъ съ большимъ торжествомъ перенести изъ Углича въ Москву мощи царевича Димитрія, и самъ несъ ихъ всею Москвою до Архангельскаго собора, прославляя святость невиннаго младенца, павшаго подъ ножами убійцъ; но въ Москвѣ помнили очень хорошо, что этотъ же самый Шуйскій объявилъ, что царевичъ умертвилъ самъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни.

Шуйскому не вѣрили. Народъ былъ въ недоумѣніи; опять, какъ при появленіи перваго самозванца, онъ былъ пораженъ нравственнымъ безсиліемъ, ибо человѣкъ недоумѣвающій,

неувѣренный, не способенъ къ дѣйствію твердому и рѣшительному. Но въ то время, какъ у добрыхъ были отняты такимъ образомъ руки, у злыхъ, обрадовавшихся смутѣ, руки развязывались на злыя дѣла. Возмутилась сѣверская украйна по призыву путивльскаго воеводы, князя Григорія Шаховскаго; тамъ, въ Сѣверской странѣ, подлѣ Шаховскаго начинаетъ играть важную роль Иванъ Болотниковъ, прежде бывшій холопомъ и теперь недавно возвратившійся изъ татарскаго плѣна. Болотниковъ обратился къ подобнымъ себѣ, обѣщая волю, богатство и почести подъ знаменами Димитрія, и подъ эти знамена начали стекаться преступники, спасшіеся въ украйну отъ наказанія, бѣглые холопи и крестьяне, казаки,—къ нимъ приставали въ городахъ посадскіе люди и стрѣльцы. Они начали въ городахъ хватать воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы; крестьяне и холопи начали нападать на господъ своихъ, мужчинъ убивали, женъ и дочерей заставляли выходить за себя замужъ. Царскія войска, высланныя противъ Болотникова, были поражены; боярскій сынъ Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; воевода Сунбуловъ и дворянинъ Прокофій Ляпуновъ возмутили княжество Рязанское. На востокѣ, по Волгѣ, въ Перми, Вяткѣ, возстали также крестьяне, холопи, инородцы, — поднялась за Лжедимитрія и отдаленная Астрахань.

3. **Борьба Шуйскаго съ Болотниковымъ и появленіе втораго Лжедимитрія.** Болотниковъ переправился за Оку, снова разбилъ царскихъ воеводъ въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, безпрепятственно приблизился къ самой столицѣ и сталъ въ селѣ Коломенскомъ, подметными письмами поднимая Московскую чернь противъ высшихъ сословій. Царствованіе Шуйскаго казалось конченнымъ; но дворяне, соединившіеся съ Болотниковымъ, Ляпуновъ и Сунбуловъ съ товарищами, увидали съ кѣмъ у нихъ общее дѣло, и поспѣшили отдѣлиться; они предпочли снова служить

Шуйскому и явились съ повинною въ Москву, гдѣ были приняты съ радостію и награждены. Тверь, Смоленскъ остались вѣрны царю Василію и прислали своихъ ратныхъ людей къ нему на помощь. Племянникъ царскій, молодой, даровитый воевода, князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, поразилъ Болотникова, благодаря особенно отступленію отъ него Пашкова съ дворянами. Болотниковъ принужденъ былъ бѣжать на югъ и заперся въ Тулѣ, куда пришли къ нему казацкій самозванецъ Лжепетръ и Шаховской. Тогда Шуйскій принялъ мѣры рѣшительныя: онъ собралъ до 100.000 человѣкъ войска и въ маѣ 1607 года самъ повелъ его осаждать Тулу. Осажденные писали въ Польшу къ друзьямъ Мнишка, чтобъ тѣ выслали имъ непремѣнно какого-нибудь Лжедимитрія, и второй Лжедимитрій наконецъ явился. Какого онъ былъ происхожденія — носились разные слухи, но вѣрнаго между ними не было ни одного; извѣстно объ немъ только то, что онъ былъ человѣкъ умный, ловкій, грамотный и глубоко развращенный. Онъ открылся жителямъ Стародуба, они провозгласили его тотчасъ же государемъ, и вся сѣверская страна послѣдовала ихъ примѣру. Около Самозванца начала собираться дружина, умножавшаяся выходцами изъ Литвы; но съ этою малочисленною еще дружиною Лжедимитрій не могъ идти на освобожденіе Тулы, и участь ея была рѣшена: удручаемые голодомъ, осажденные принуждены были сдаться; Шаховскаго сослали въ пустынь на Кубенское озеро, Болотникова утопили, Лжепетра повѣсили.

4. Самозванецъ въ Тушинѣ. Шуйскій съ торжествомъ возвратился въ Москву, а между тѣмъ Самозванецъ усиливался: къ нему пришелъ изъ Литвы знаменитый наѣздникъ Лисовскій, спасавшійся отъ смертной казни, которая грозила ему въ отечествѣ, пришло нѣсколько знатныхъ пановъ, изъ которыхъ князь Рожинскій сдѣлался гетманомъ у Самозванца;

пришли казаки запорожскіе, донскіе—послѣдніе подъ начальствомъ Заруцкаго. Но казакамъ было мало одного самозванца; у нихъ явилось ихъ нѣсколько подъ разными именами, все сыновья и внуки Іоанна Грознаго. Эти мелкіе самозванцы пропадали безъ вѣсти, а главный началъ успѣшно свои дѣйствія. Весною 1608 года Самозванецъ съ гетманомъ своимъ Рожинскимъ двинулся къ Болхову, поразилъ здѣсь царское войско и поспѣшно пошелъ къ Москвѣ, гдѣ въ это время шли переговоры о мирѣ между боярами и послами короля польскаго: заключено было трехлѣтнее перемиріе съ тѣмъ, что Шуйскій отпускаетъ въ Польшу Мнишка съ дочерью и всѣхъ задержанныхъ послѣ убіенія Самозванцева Поляковъ, а король обязывается отозвать всѣхъ Поляковъ, поддерживающихъ втораго Самозванца, и впередъ никакимъ самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться; Юрію Мнишку не признавать зятемъ втораго Лжедимитрія, дочери своей за него не выдавать, и Маринѣ не называться московскою государынею. Посланники королевскіе послали сказать Рожинскому и товарищамъ его объ этихъ условіяхъ перемирія; но тѣ отвѣчали, что ничьего приказа слушаться не хотятъ. 1-го іюня Лжедимитрій приблизился къ Москвѣ и расположился станомъ по волоколамской дорогѣ, въ селѣ Тушинѣ, между рѣками Москвою и Всходнею. Въ битвѣ подъ самою Москвою на рѣкѣ Ходынкѣ Самозванецъ потерпѣлъ неудачу; не смотря на то, и для Шуйскаго мало было утѣшительнаго въ будущемъ: ни одинъ Полякъ не оставлялъ тушинскаго стана, напротивъ приходили одинъ за другимъ новые отряды, между прочими пришелъ Янъ Сапѣга, староста усвятскій, котораго имя, вмѣстѣ съ именемъ Лисовскаго, получило такую черную знаменитость въ нашей исторіи. Но нужнѣе всѣхъ этихъ подкрѣпленій для Самозванца было присутствіе Марины въ его станѣ. Узнавъ, что, въ исполненіе договора, Мнишекъ съ дочерью отпущены

въ Польшу, Лжедимитрій послалъ перехватить ихъ на дорогѣ, что̀ и было исполнено; старый Мнишекъ рѣшился продать дочь Тушинскому вору за богатыя обѣщанія, и Марина волею-неволею должна была играть роль царицы въ Тушинѣ, роль незавидную, потому что воръ обходился съ нею очень грубо.

5. Успѣхи Тушинцевъ на Сѣверѣ. Если со стороны Поляковъ было такое явное нарушеніе договора, если воръ утверждался въ Тушинѣ съ польскою помощію, то Шуйскому естественно было обратиться съ просьбою о помощи ко врагу Польши и короля ея, Карлу IX шведскому, тѣмъ болѣе, что послѣдній уже давно предлагалъ эту помощь. Царь отправилъ племянника своего, князя Скопина-Шуйскаго, въ Новгородъ, гдѣ онъ и началъ переговоры со Шведами относительно вспомогательныхъ войскъ. Но въ то время, какъ Шведы еще только обѣщали пособить Шуйскому, Поляки Самозванцевы дѣйствовали въ пользу своего союзника подъ Москвою и на сѣверѣ. Сапѣга, хотѣвшій дѣйствовать отдѣльно, пошелъ къ Троицкому монастырю и осадилъ его вмѣстѣ съ Лисовскимъ. Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены, при чемъ монахи ревностно помогали ратнымъ людямъ, составлявшимъ гарнизонъ укрѣпленнаго монастыря. Троицкій монастырь, благодаря религіозному одушевленію защитниковъ святаго мѣста, защитниковъ гроба чудотворцева отъ хищныхъ иновѣрцевъ, держался, но многіе другіе города сѣверные достались въ руки Тушинцамъ, захваченные врасплохъ среди смуты, недоумѣнія, сомнѣній, овладѣвшихъ гражданами. Такъ захвачены были Суздаль, Владиміръ, Переяславль Залѣсскій, Ростовъ; въ послѣднемъ городѣ Тушинцы захватили митрополита Филарета и отослали его къ Самозванцу, который велѣлъ провозгласить его патріархомъ. Ростовскіе бѣглецы смутили и напу-

гали жителей Ярославля, лучшіе изъ которыхъ, покинувъ домы, разбѣжались; остальные отправили повинную въ Тушино. Двадцать два города присягнули царю Тушинскому, по большей части неволею, застигнутые врасплохъ, увлекаемые примѣромъ другихъ городовъ, въ тяжкомъ недоумѣніи, на чьей сторонѣ правда?

6. Возстаніе народа на сѣверѣ противъ Тушинцевъ. Но скоро изъ этого недоумѣнія жители городовъ и селъ были выведены поведеніемъ Тушинцевъ, которые прежде всего думали о деньгахъ, врывались въ домы знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали народъ на улицахъ, поборамъ не было конца. Услыхавъ объ этихъ насиліяхъ, жители отдаленныхъ сѣверныхъ городовъ, еще не занятыхъ Тушинцами, начали пересылать другъ другу грамоты, съ убѣжденіемъ поразмыслить, повременить присягою Димитрію: Лжедимитріемъ, самозванцемъ, воромъ, они его не называютъ, ибо не знаютъ на этотъ счетъ ничего вѣрнаго. Если положеніе городскихъ жителей было тяжко, то еще тягостнѣе было положеніе сельскихъ жителей: казаки не знали мѣры своимъ неистовствамъ, вслѣдствіе чего крестьянскія возстанія противъ Тушинцевъ вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ; начали одинъ за другимъ возставать противъ нихъ и города.

7. Борьба Москвы съ Тушиномъ. Въ это время когда сѣверные города, выведенные изъ терпѣнія насиліями Тушинцевъ, изгоняютъ ихъ, истребляютъ воеводъ, вѣрныхъ Лжедимитрію, какъ враговъ Московскаго государства (ибо вопросъ о государяхъ, о законности того или другаго изъ нихъ, по прежнему не рѣшенъ для жителей городовъ), снаряжаютъ ратныхъ людей на помощь этому государству, царь московскій Василій продолжалъ бороться съ сосѣдомъ своимъ, царемъ тушинскимъ. Мы видѣли, что сначала подъ знамена

Самозванца собирались люди изъ самыхъ низкихъ слоевъ народонаселенія: крестьянинъ шелъ къ Самозванцу для того, чтобъ не быть больше крестьяниномъ, чтобъ получить выгоднѣйшее положеніе, стать помѣщикомъ, вмѣсто прежняго своего помѣщика; но теперь, когда подлѣ старой столицы, Москвы, поднялась другая столица, Тушино, съ своимъ особымъ царемъ, у котораго былъ свой дворъ, свое войско, свое управленіе, то сильное движеніе произошло во всѣхъ сословіяхъ: торговый человѣкъ шелъ изъ Москвы въ Тушино, чтобъ сдѣлаться приказнымъ человѣкомъ, дьякомъ; подъячій шелъ, чтобъ сдѣлаться думнымъ дворяниномъ; наконецъ люди значительные, князья, но молодые, не надѣявшіеся, по разнымъ обстоятельствамъ, когда-либо или скоро подвинуться къ высшимъ чинамъ, шли въ Тушино, гдѣ тотчасъ получали желаемое. Было два царя, московскій и тушинскій, оба нуждались въ слугахъ, и вотъ нашлось много людей, которымъ показалось выгодно удовлетворять требованіямъ обѣихъ сторонъ и получать двойную плату. Нѣкоторые, поцѣловавши крестъ въ Москвѣ Шуйскому, уходили въ Тушино, цѣловали тамъ крестъ Лжедимитрію и, взявши у него жалованье, возвращались назадъ въ Москву; Шуйскій принималъ ихъ ласково, давалъ награды за раскаяніе, но скоро узнавалъ, что эти раскаявшіеся опять отправились въ Тушино требовать жалованья отъ Самозванца. Такіе люди получили названіе перелетовъ отъ легкости, съ какою переходили, перелетали изъ Москвы въ Тушино и обратно. Собирались родные и знакомые, обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обѣда одни отправлялись во дворецъ къ царю Василію, а другіе ѣхали въ Тушино.

Шуйскаго вообще не любили въ Москвѣ; но добрые граждане не хотѣли мѣнять его на какого-нибудь другаго боярина, тѣмъ менѣе на царя тушинскаго, ибо хорошо знали, чѣмъ грозитъ торжество вора. Вотъ почему попытки свергнуть

Шуйскаго не удавались, хотя царь жилъ въ постоянной тревогѣ. Но за то и тушинскій царь не былъ болѣе спокоенъ; вся зима 1608—1609 года прошла въ смутахъ и бунтахъ, что̀ и мѣшало вору дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы; на весну взбунтовались войсковые слуги, поставили сами себѣ начальниковъ, ходили по областямъ и грабили, а къ господамъ своимъ въ Тушино не хотѣли возвратиться; для укрощенія бунтовщиковъ надобно было высылать цѣлыя роты; притомъ силы Самозванца были раздѣлены, разные отряды его войска дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ. Подъ Москвою поэтому происходили битвы частыя, но мелкія. Лѣтомъ 1609 года произошла значительная битва между рѣчками Ходынкою и Химкою: сначала Поляки было побѣдили, но потомъ Русскіе оправились и прогнали ихъ. Эта битва была послѣднимъ важнымъ дѣломъ между Москвою и Тушиномъ, потому что съ двухъ сторонъ союзники и враги шли избавить Москву отъ Тушина.

8. Движеніе князя Скопина-Шуйскаго. Отъ Новгорода шелъ къ Москвѣ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ 5000 Шведовъ, которыхъ прислалъ на помощь царю Василію король Карлъ IX; Шведы были подъ начальствомъ генерала Делагарди; въ благодарность за эту помощь Шуйскій долженъ былъ уступить Швеціи городъ Корелу съ уѣздомъ и обязаться вѣчнымъ союзомъ противъ Польши. Весною 1609 года князь Скопинъ началъ наступательныя движенія на Тушинцевъ, очистилъ отъ нихъ Старую Русу, Торопецъ, Торжокъ, Порховъ, Орѣшекъ, воевода котораго, Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, приверженецъ обоихъ Самозванцевъ, ушелъ въ Тушино. Поразивъ Тушинцевъ въ двухъ битвахъ, Скопинъ приближался къ Москвѣ, куда съ другой стороны, съ востока, шелъ бояринъ Шереметевъ, также приводя города въ подданство царю Василію. Такимъ образомъ сѣверъ очищался, и главныя рати

Шуйскаго съ востока и запада сходились къ Москвѣ, чтобъ подъ ея стѣнами дать рѣшительный бой царю тушинскому. Самозванецъ былъ сильно встревоженъ; но гроза поднималась надъ нимъ еще съ другой стороны.

9. Вступленіе польскаго короля въ предѣлы Московскаго государства и слѣдствія этого вступленія для Тушина. Въ началѣ царствованія Шуйскаго королю польскому Сигизмунду, угрожаемому дома сильнымъ возмущеніемъ подданныхъ, было не до Москвы. Но возмущеніе это окончилось торжествомъ короля, который имѣлъ теперь возможность заняться дѣлами внѣшними, а между тѣмъ въ дѣла Московскаго государства вмѣшалась Швеція, держава ему враждебная, и Шуйскій заключилъ съ Карломъ IX вѣчный союзъ противъ Польши. При такихъ обстоятельствахъ Сигизмундъ не могъ оставаться болѣе въ покоѣ; съ другой стороны, послы польскіе, возвратившіеся изъ Москвы, увѣряли короля, что бояре за него, что стоитъ только ему показаться съ войскомъ въ предѣлахъ московскихъ, какъ бояре заставятъ Шуйскаго отказаться отъ престола и провозгласятъ царемъ королевича Владислава, сына Сигизмундова. Но, имѣя власть сильно ограниченную, король Сигизмундъ не могъ заботиться только о своихъ фамильныхъ интересахъ; онъ прежде всего долженъ былъ дать обѣщаніе сенату и сейму, что въ предстоящей войнѣ съ Москвою будетъ заботиться только о выгодахъ государства Польскаго. Вотъ почему Сигизмундъ спѣшилъ пріобрѣсти для Польши какое-нибудь важное мѣсто въ московскихъ владѣніяхъ. Такимъ мѣстомъ былъ Смоленскъ, издавна предметъ спора между Москвою и Литвою. Сигизмунда увѣдомляли, что воевода смоленскій Шеинъ и жители охотно сдадутся ему; особенно торопилъ короля Левъ Сапѣга, канцлеръ литовскій, и 21 сентября 1609 года король стоялъ подъ стѣнами Смоленска. Сигизмундъ послалъ

въ Смоленскъ грамоту, въ которой писалъ, что пришелъ не для пролитія крови русской, но для защиты русскихъ людей, и будетъ стараться больше всего о сохраненіи православной русской вѣры. Но Смольнянъ нельзя было обмануть подобными увѣреніями; какъ сосѣди Литвы, они хорошо знали, что въ ней дѣлается, какъ тамъ Сигизмундъ, изъ ревности къ католицизму, позволялъ притѣснять православную русскую вѣру; они отвѣчали королю, что у нихъ дано обѣщаніе: за православную вѣру, за святыя церкви и за царя всѣмъ помереть, а Литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклониться. Съ самаго начала осада Смоленска пошла неудачно для короля: приступъ былъ отбитъ, подкопы не удавались.

Не Смоленскъ, но Тушино испытало на себѣ весь вредъ отъ королевскаго похода: когда здѣсь узнали объ этомъ походѣ, то началось сильное волненіе; Поляки кричали, что Сигизмундъ пришелъ за тѣмъ, чтобъ отнять у нихъ заслуженныя награды и воспользоваться выгодами, которыя они пріобрѣли своею кровію и трудами. Пріѣхали въ Тушино послы Сигизмундовы съ требованіемъ, чтобъ всѣ Поляки оставили Лжедимитрія и соединились съ войскомъ королевскимъ. Начались переговоры, сопровождавшіеся сильными волненіями; отъ этихъ переговоровъ зависѣла вся будущность Лжедимитрія, а между тѣмъ на него, называвшагося царемъ, никто не обращалъ вниманія; польскіе вожди, поставленные въ непріятное положеніе, срывали на немъ сердце, бранились съ нимъ, грозили побоями. Тогда Лжедимитрій рѣшился бѣжать изъ Тушина, и вечеромъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, уѣхалъ въ Калугу. Послѣ отъѣзда Самозванцева Рожинскому съ товарищами ничего больше не оставалось, какъ вступить въ соглашеніе съ королемъ. Но въ Тушинѣ было много Русскихъ: что̀ имъ было теперь дѣлать? Двинуться за Самозванцемъ они не могли: Поляки бы ихъ не пустили; да и трудно

имъ было надѣяться, что Самозванецъ успѣетъ поправить свои обстоятельства. Они не могли рѣшиться просить помилованія у Шуйскаго, промѣнять положеніе вѣрное на участь еще неизвѣстную даже и въ случаѣ помилованія. Русскимъ Тушинцамъ, какъ и польскимъ, оставался одинъ выходъ—вступить въ соглашеніе съ королевскими послами, которые убѣждали ихъ отдаться подъ покровительство Сигизмундово. Они приняли это покровительство и отправили своихъ уполномоченныхъ подъ Смоленскъ къ королю.

31 января 1610 года послы отъ русскихъ Тушинцевъ были торжественно представлены королю; явились люди разныхъ чиновъ: тутъ былъ и бояринъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ; тутъ были и князья, и дьяки; между дьяками первое мѣсто занималъ Грамотинъ, человѣкъ самой подозрительной нравственности, но грамотный, ловкій, смышленый дѣлецъ; тутъ былъ и Ѳедоръ Андроновъ, бывшій московскій кожевникъ, поднявшійся въ смутное время, умѣвшій приблизиться къ первому Лжедимитрію, умѣвшій найдти почетное мѣсто и при второмъ въ Тушинѣ. Эти люди объявили, что согласны признать царемъ московскимъ сына королевскаго Владислава, и написали условія: неприкосновенность православной русской вѣры, неприкосновенность правъ высшихъ сословій; перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли; никого не казнить, не осудя прежде съ боярами и думными людьми; людей великихъ чиновъ невинно не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ. Въ этомъ послѣднемъ условіи оказалось вліяніе дьяковъ и людей, подобныхъ Андронову, которыхъ было много въ тушинскомъ станѣ; люди незнатные, выхваченные бурями смутнаго времени снизу наверхъ, хотятъ удержать свое положеніе, и требуютъ, чтобъ новое правительство возвышало людей низшихъ сословій по заслугамъ, которыя они ему окажутъ. Выговорено было и другое любо-

пытное условіе, въ которомъ видно вліяніе Салтыкова и другихъ приверженцевъ перваго Лжедимитрія, видно вліяніе долгаго пребыванія Русскихъ въ Тушинѣ вмѣстѣ съ чужеземцами,—выговорено, что для науки вольно каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія. Но выговоривъ для себя свободный выѣздъ за границу, Тушинцы вытребовали, чтобъ переходъ крестьянскій былъ запрещенъ, и чтобъ король не давалъ вольности холопямъ.

Между тѣмъ въ Тушинѣ продолжалось волненіе; Марина тайкомъ убѣжала изъ стана, сперва къ Сапѣгѣ, который снялъ осаду Троицкаго монастыря въ началѣ 1610 года и расположился въ Дмитровѣ; отсюда уже Марина отправилась въ Калугу къ мужу, который не терялъ еще надежды, поддерживаемый преимущественно казаками. Наконецъ въ первыхъ числахъ марта 1610 года Рожинскій зажегъ тушинскій станъ или скорѣе городъ, и пошелъ по дорогѣ къ Волоколамску. Такъ Москва безъ битвы освободилась отъ Тушина; скоро и Сапѣга оставилъ Дмитровъ и двинулся также къ Волоколамску, вслѣдствіе чего князь Скопинъ могъ безпрепятственно вступить въ Москву.

10. Торжество Скопина и смерть его. Знаменитому воеводѣ было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Въ одинъ годъ пріобрѣлъ онъ себѣ славу, которую другіе полководцы пріобрѣтали подвигами жизни многолѣтней, и что̀ еще важнѣе, пріобрѣлъ сильную любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, желавшихъ землѣ успокоенія отъ смутъ; въ то время, какъ старый, нелюбимый дядя его Василій не могъ ничего сдѣлать для государства, сидя въ осадѣ, и вслѣдствіе этого бездѣйствія исчезалъ для земли, самая видная, царственная дѣятельность принадлежала Скопину,—съ его именемъ для добрыхъ гражданъ связана была надежда на избавленіе, на лучшее будущее. Наружность и характеръ Скопина много содѣйствовали также пріобрѣтенію

любви народной: это былъ красивый молодой человѣкъ, обнаруживавшій свѣтлый умъ, зрѣлость сужденія не по лѣтамъ, въ дѣлѣ ратномъ искусный, храбрый и осторожный вмѣстѣ, ловкій въ обхожденіи съ иностранцами; кто зналъ его, всѣ отзывались объ немъ какъ нельзя лучше. Таковъ былъ человѣкъ, которому, повидимому, суждено было очистить Московское государство отъ воровъ и Поляковъ, поддержать колебавшійся престолъ стараго дяди, примирить русскихъ людей съ фамиліею Шуйскихъ, упрочить ее на престолѣ царскомъ, ибо по смерти бездѣтнаго Василія голосъ всей земли не могъ не указать на любимца народнаго. Но если граждане спокойные, найдя себѣ точку опоры въ племянникѣ царскомъ, для блага земли и самого Скопина должны были терпѣливо дождаться кончины царя Василія, чтобъ законно возвести на престолъ своего избранника, чистаго отъ нареканій въ искательствахъ властолюбивыхъ; то не хотѣлъ спокойно дождаться этого Ляпуновъ, не умѣвшій сдерживать своихъ порывовъ, не сознававшій необходимости средствъ чистыхъ для достиженія цѣли высокой, для прочности дѣла. Ляпуновъ отправилъ къ Скопину посланниковъ, которые поздравили его царемъ отъ имени Ляпунова и подали грамоту, наполненную укоризнами противъ царя Василія. Въ первую минуту Скопинъ разорвалъ грамоту и велѣлъ схватить присланныхъ, но потомъ позволилъ имъ упросить себя и отослалъ ихъ назадъ въ Рязань, не донеся въ Москву. Этимъ воспользовались, чтобъ заподозрить Скопина въ глазахъ дяди.

21 марта 1610 года Скопинъ съ Делагарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, и былъ встрѣченъ Москвичами съ восторгомъ. Царь Василій встрѣтилъ племянника также очень ласково; но иначе велъ себя братъ царскій, князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій, который считалъ себя наслѣдникомъ престола, и, увидавъ себѣ страшнаго соперника въ Скопинѣ,

возненавидѣлъ его. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегалъ Михаила, уговаривалъ его какъ можно скорѣе оставить Москву и выступить къ Смоленску противъ Сигизмунда, положеніе котораго было вовсе не блестящее: Смоленскъ не сдавался, сѣверскіе города нужно было брать съ большими усиліями, съ страшною рѣзнею. Рожинскій съ тушинскими Поляками, остановившійся въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ, умеръ тамъ; послѣ его смерти Поляки были вытѣснены изъ монастыря Русскими и шведскими ихъ союзниками, при чемъ должны были покинуть Русскихъ, выведенныхъ ими изъ Тушина, и въ томъ числѣ митрополита Филарета, который такимъ образомъ получилъ возможность уѣхать въ Москву. Одна часть этихъ тушинскихъ бѣглецовъ ушла къ Лжедимитрію въ Калугу, другая рѣшилась соединиться съ королемъ; но Самозванецъ и Сигизмундъ оба не много выигрывали отъ этой помощи; первый видѣлъ московскіе отряды подъ самою Калугою, а король, который поспѣшилъ подъ Смоленскъ съ малыми силами въ надеждѣ на смуты, терзавшія Московское государство, теперь долженъ былъ бояться неравной борьбы со врагами сильными и раздраженными. Видя опасность, онъ попытался было войдти въ переговоры съ московскимъ царемъ, но Василій, ободренный благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ, отклонилъ ихъ. Счастіе впрочемъ улыбнулось Шуйскому на очень короткое время.

23 апрѣля князь Скопинъ на пиру у князя Воротынскаго занемогъ кровотеченіемъ и послѣ двухнедѣльной болѣзни умеръ. Пошелъ общій, хотя неосновательный слухъ объ отравѣ, и преступленіе было приписано князю Дмитрію Шуйскому, — подозрѣвали и самого царя Василія. Смерть Скопина и это подозрѣніе были гибельны для Шуйскаго, ибо одинъ Скопинъ былъ крѣпкою связью между царемъ и народомъ, поддерживая въ послѣднемъ надежду на лучшее будущее. Но

теперь будущее для народа нисколько уже не связывалось съ фамиліею Шуйскихъ: царь Василій старъ и бездѣтенъ, брата его Димитрія и прежде не любили, не уважали, а теперь обвиняли въ отравленіи племянника. Когда такимъ образомъ смертію Скопина порвана была связь русскихъ людей съ Шуйскими, когда взоры многихъ невольно и тревожно обращались въ разныя стороны, ища опоры для будущаго, —раздался голосъ, призывавшій къ выходу изъ тяжелаго положенія: то былъ голосъ знакомый, голосъ Ляпунова. Рязанскій воевода поднимается противъ Шуйскаго, требуетъ его сверженія, въ Калугѣ заводитъ переговоры съ Самозванцемъ, въ Москвѣ совѣщается съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, который сильно желаетъ занять престолъ по сверженіи Шуйскаго.

11. Сведеніе царя Василія съ престола. Въ то время, когда уже Ляпуновъ поднялъ возстаніе въ Рязани, войско московское вмѣстѣ съ вспомогательнымъ шведскимъ отрядомъ выступило противъ Поляковъ по направленію къ Смоленску. Кто же былъ главнымъ воеводою? князь Димитрій Шуйскій, обвиняемый въ отравленіи племянника, не любимый и безъ того за гордость, презираемый за изнѣженность! Король, узнавъ о выступленіи этого войска, отправилъ на встрѣчу къ нему гетмана Станислава Жолкѣвскаго, который напалъ на Шуйскаго 24 іюня при деревнѣ Клушинѣ и, благодаря особенно измѣнѣ иностранныхъ союзниковъ Шуйскаго, разбилъ послѣдняго на-голову. Послѣ этой побѣды Жолкѣвскій, провозглашая царемъ королевича Владислава, пошелъ къ Москвѣ, а съ другой стороны спѣшилъ къ ней изъ Калуги Самозванецъ, надѣявшійся, что Москвичи, въ крайности, скорѣе поддадутся ему, чѣмъ признаютъ царемъ польскаго королевича. Захаръ Ляпуновъ, братъ Прокофья, уже волновалъ Москву;

17 іюля толпы народа собрались на Красной площади, отсюда, за тѣснотою мѣста, двинулись за Москву рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ, и здѣсь бояре и всякіе люди приговорили бить челомъ царю Василью Ивановичу, чтобъ онъ царство оставилъ, потому что кровь многая льется, въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливъ, и не хотятъ его города украинскіе, которые отступили къ вору. Василій долженъ былъ согласиться съ этимъ приговоромъ и выѣхалъ изъ дворца въ свой прежній боярскій домъ. Но этимъ не удовольствовались: 19 іюля Захаръ Ляпуновъ съ товарищами насильно постригли его въ монахи и свезли въ Чудовъ монастырь, постригли также и жену его; двоихъ братьевъ посадили подъ стражу.

ГЛАВА XXXII.

Междуцарствіе.

1. Провозглашеніе царемъ королевича Владислава. По сверженіи Шуйскаго, во главѣ правительства стала дума боярская; всѣ должны были присягать — до избранія новаго царя повиноваться боярамъ. Но гдѣ было взять новаго царя? Большинство, и большинство огромное, не хотѣло Поляка Владислава, чернь благопріятствовала Лжедимитрію, но знатные и средніе люди не хотѣли о немъ слышать, какъ о ворѣ, царѣ казацкомъ. Патріархъ Гермогенъ требовалъ избранія царя изъ вельможъ русскихъ, предлагалъ имъ князя Василья Васильевича Голицына, или четырнадцатилѣтняго Михаила

Θеодоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Но это желаніе выбрать царя изъ своихъ не могло на этотъ разъ осуществиться: въ Можайскѣ стоялъ гетманъ Жолкѣвскій, требуя, чтобъ Москва признала царемъ Владислава, а въ селѣ Коломенскомъ стоялъ Лжедимитрій. Временному правительству московскому не было возможности отбиваться отъ Жолкѣвскаго и Лжедимитрія вмѣстѣ, особенно когда у послѣдняго были приверженцы между низшимъ народонаселеніемъ города, некогда было созывать соборъ для избранія царя всею землею, надобно было выбирать изъ двоихъ готовыхъ искателей престола, Лжедимитрія и Владислава. Узнавши, что приверженцы Лжедимитрія хотятъ впустить его войско тайно въ Москву, первый бояринъ, князь Мстиславскій, послалъ сказать Жолкѣвскому, чтобъ тотъ шелъ немедленно подъ столицу. Когда онъ подошелъ подъ Москву, то начались переговоры между нимъ и боярами. Жолкѣвскій объявилъ, что онъ согласенъ только на тѣ условія избранія Владиславова, которыя были приняты русскими Тушинцами подъ Смоленскомъ, но такъ какъ бояре требовали, чтобъ королевичъ принялъ православіе до пріѣзда своего въ Москву, то это условіе положено было передать на рѣшеніе короля. 27 августа происходила торжественная присяга московскихъ жителей королевичу Владиславу; но чрезъ два дня послѣ этой присяги пріѣхалъ изъ-подъ Смоленска Θедоръ Андроновъ съ письмомъ отъ короля, который требовалъ отъ гетмана, чтобъ Московское государство было упрочено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его. Вслѣдъ за Андроновымъ пріѣхалъ Полякъ Гонсѣвскій съ подробнѣйшимъ наказомъ для гетмана; но не только самъ гетманъ, даже и Гонсѣвскій, узнавъ положеніе дѣлъ, счелъ невозможнымъ исполнить желаніе короля, котораго одно имя, по собственному признанію Поляковъ, было

ненавистно московскому народу. Жолкѣвскій не обнаружилъ ни въ чемъ намѣреній королевскихъ, исполнилъ свое обѣщаніе, данное боярамъ, отогналъ Самозванца отъ Москвы опять въ Калугу, и началъ настаивать на скорѣйшее отправленіе пословъ къ Сигизмунду для испрошенія Владислава въ цари и для окончательнаго улаженія дѣла. Это посольство давало гетману случай удалить изъ Москвы подозрительныхъ людей, на которыхъ патріархъ указалъ народу, какъ на достойныхъ занять престолъ. Жолкѣвскій уговорилъ Голицына принять на себя посольство: удаливъ изъ Москвы, отдавши въ руки королевскія искателя престола, гетманъ удалилъ съ тѣмъ вмѣстѣ самаго виднаго по способностямъ и дѣятельности боярина, съ остальными легче было управиться. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ еще очень молодъ, его нельзя было включить въ посольство, и потому Жолкѣвскій постарался, чтобъ посломъ отъ духовенства назначили отца Михаилова, митрополита Филарета, какъ человѣка, соединявшаго въ себѣ высокость сана съ знатностію происхожденія, чего не имѣли другіе архіереи.

2. Посольство Филарета Никитича и князя В. В. Голицына къ королю; вступленіе Поляковъ въ Москву; отъѣздъ Жолкѣвскаго и переговоры великихъ пословъ съ панами подъ Смоленскомъ. Филаретъ и Голицынъ отправились подъ Смоленскъ къ королю; Жолкѣвскій остался подъ Москвою съ небольшимъ своимъ войскомъ, остался въ положеніи очень опасномъ: онъ видѣлъ, что Русскіе только вслѣдствіе крайней необходимости согласились принять на престолъ иноземца и никогда не согласятся принять иновѣрца, а Сигизмундъ никогда не согласится позволить сыну принять православіе. Но Самозванецъ помогалъ гетману: изъ страха предъ простымъ народомъ, который не

переставалъ обнаруживать расположеніе свое къ Лжедимитрію, бояре сами предложили Жолкѣвскому ввести польское войско въ Москву; патріархъ сначала сильно этому противился, но потомъ уступилъ, и ночью съ 20 на 21 сентября Поляки тихо вступили въ Москву. Жолкѣвскій для собственной выгоды хотѣлъ предотвратить всякое враждебное столкновеніе между Поляками и Русскими: рѣшеніе распрей между ними предоставлено было равному числу судей изъ обоихъ народовъ; судъ былъ безпристрастный и строгій. Гетманъ привлекъ къ себѣ стрѣльцовъ обходительностію, подарками и угощеніями, подружился съ патріархомъ. Не смотря однако на всѣ эти пріязненныя отношенія и ловкія мѣры, Жолкѣвскій зналъ, что возстаніе вспыхнетъ при первой вѣсти о нежеланіи короля отпустить Владислава въ Москву, зналъ, что эта вѣсть можетъ придти очень скоро, — и потому поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы, оставя на свое мѣсто Гонсѣвскаго. Гетманъ взялъ съ собой къ королю сверженнаго царя Василія Шуйскаго съ двоими его братьями, изъ опасенія, чтобъ они смутъ не надѣлали. Двое другихъ подозрительныхъ лицъ, Филаретъ и Голицынъ, были уже подъ Смоленскомъ во власти короля, въ совѣтѣ котораго было рѣшено не отпускать Владислава въ Москву, на томъ основаніи, что онъ еще молодъ, требуетъ искуснаго воспитанія, которое трудно получить ему въ Москвѣ, по той же молодости не способенъ успокоить внутреннія волненія, выбранный по необходимости, будетъ сверженъ при первомъ удобномъ случаѣ, а главное побужденіе къ сверженію уже готово — иновѣріе. Положено было не отказывать Русскимъ прямо въ королевичѣ, но манить обѣщаніями, оставляя правленіе за королемъ. На этомъ основаніи паны объявили великимъ посламъ, Филарету и Голицыну, что король не можетъ отпустить своего пятнадцатилѣтняго сына въ Мос-

кву, хочетъ прежде самъ успокоить Московское государство, послѣ чего паны начали настаивать на самое важное для Польши, чтобъ Смоленскъ сдался на имя королевское. Послы никакъ не хотѣли на это согласиться, требовали, чтобъ Владиславъ немедленно былъ отпущенъ въ Москву, ибо только такой немедленный пріѣздъ его туда уничтожитъ недовѣрчивость и прекратитъ всѣ смуты. Время проходило въ безполезныхъ спорахъ, при чемъ паны, раздражаемые самою несправедливостію своихъ требованій, позволяли себѣ жесткія выходки противъ пословъ. Пріѣздъ гетмана Жолкѣвскаго подъ Смоленскъ нисколько не подвинулъ дѣла. Видя непреклонность главныхъ пословъ, обратились къ второстепеннымъ, обѣщаніями склонили нѣкоторыхъ измѣнить своему дѣлу, бросить главныхъ пословъ и отправиться въ Москву, чтобъ тамъ дѣйствовать въ пользу короля. Хотѣли поколебать и думнаго дьяка Томилу Луговскаго, суля милости королевскія, предлагали ему ѣхать подъ Смоленскъ и уговаривать его жителей къ сдачѣ. Но Томила остался непреклоненъ и отвѣчалъ: «Какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчную клятву на себя навести? Не только Господь Богъ и люди Московскаго государства мнѣ за это не потерпятъ, и земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, и мнѣ первому соблазнъ ввести? по Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуться въ море. Присланы мы къ королевскому величеству не о себѣ промышлять и челомъ бить, но о всемъ Московскомъ государствѣ.»

3. Поведеніе Салтыкова и Андронова въ Москвѣ; возстаніе восточныхъ городовъ противъ Владислава и смерть втораго Лжедимитрія. Но не всѣ такъ думали, какъ Томила Луговской. Первый бояринъ, князь Мстиславскій, принялъ отъ короля санъ конюшаго; другіе пи-

сали униженныя письма къ литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, чтобъ похлопоталъ объ нихъ у короля; многіе отправились сами къ королю подъ Смоленскъ бить челомъ о милостяхъ: до насъ дошло множество грамотъ Сигизмундовыхъ, жалованныхъ разнымъ русскимъ людямъ на помѣстья, званія, должности. Такимъ образомъ временное правительство московское, дума боярская молча согласилась признать короля правителемъ до пріѣзда Владислава; большая часть бояръ впрочемъ этимъ и ограничивалась; но не ограничивался этимъ Михайла Глѣбовичъ Салтыковъ, который прямо велъ дѣло къ тому, чтобъ царемъ былъ провозглашенъ не Владиславъ, а Сигизмундъ. Но одного Салтыкова было мало, а потому въ Смоленскомъ станѣ признали полезнымъ принять услуги и другаго рода людей, именно тѣхъ Тушинцевъ, которые готовы были на все, чтобъ только выйдти изъ толпы. Виднѣе всѣхъ этихъ людей былъ Ѳедоръ Андроновъ; онъ умѣлъ приблизиться къ королю или его совѣтникамъ до такой степени, что король приказалъ московскимъ боярамъ сдѣлать его государственнымъ казначеемъ. Андроновъ въ этомъ новомъ званіи служилъ вѣрою и правдою королю; всѣ требованія Гонсѣвскаго онъ исполнялъ безпрекословно; лучшія вещи изъ казны царской были отосланы къ королю, нѣкоторыя взялъ себѣ Гонсѣвскій; Андроновъ постарался также, чтобъ на всѣхъ главныхъ мѣстахъ управленія посажены были его тушинскіе товарищи.

Бояре сильно оскорбились, когда увидали рядомъ съ собою въ думѣ торговаго мужика Андронова съ важнымъ званіемъ казначея; особеннымъ безчестіемъ для себя считали они то, что этотъ торговый мужикъ осмѣливался говорить противъ старыхъ бояръ — Мстиславскаго, Воротынскаго, — распоряжался всѣмъ, пользуясь полною довѣренностію короля и Гонсѣв-

скаго. Но если сердились Мстиславскіе, Воротынскіе, Голицыны, то еще больше сердился на Андронова бояринъ Салтыковъ, который за свою преданность королю хотѣлъ играть главную роль, и долженъ былъ однако дѣлиться властію съ торговымъ мужикомъ. Между этими людьми немедленно же началось соперничество, они доносили другъ на друга канцлеру Льву Сапѣгѣ, при чемъ каждый выставлялъ свои заслуги королю и королевству Польскому въ прошедшемъ, свое радѣніе для будущаго; такъ Салтыковъ писалъ Сапѣгѣ: «Пусть король идетъ въ Москву не мѣшкая, распустивъ слухъ, что идетъ на вора къ Калугѣ. Какъ будетъ король въ Можайскѣ, то отпиши ко мнѣ сейчасъ же, а я бояръ и всѣхъ людей приведу къ тому, что пришлютъ бить челомъ королю, чтобъ пожаловалъ въ Москву, государство сына своего очищалъ и на вора наступалъ.» Но Салтыковъ встрѣчалъ сильное сопротивленіе своимъ замысламъ въ патріархѣ, который, блюдя за выгодами церкви, никакъ не хотѣлъ согласиться на призваніе короля въ Москву. Народъ стоялъ на сторонѣ патріарха, и чѣмъ яснѣе обнаруживались замыслы Сигизмунда и его русскихъ клевретовъ, тѣмъ сильнѣе становилось волненіе въ пользу вора Калужскаго. По подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Лжедимитріемъ, Поляки посадили подъ стражу князя Андрея Голицына (брата Василья Васильевича), Ивана Михайловича Воротынскаго и Засѣкина. Казань и Вятка явно присягнули Самозванцу и разослали грамоты по другимъ городамъ, убѣждая ихъ сдѣлать то же самое. Но города переписывались о присягѣ Лжедимитрію, когда уже его не было въ живыхъ: 11 декабря онъ былъ убитъ крещеннымъ татариномъ Петромъ Урусовымъ, который поклялся отомстить ему за служилаго татарскаго царя касимовскаго, умерщвленнаго по приказу Лжедимитрія.

4. Первое общее возстаніе противъ Поляковъ. Смерть вора была вторымъ поворотнымъ событіемъ въ исторіи смутнаго времени, считая первымъ вступленіе короля Сигизмунда въ предѣлы Московскаго государства, вступленіе, поведшее съ одной стороны къ уничтоженію тушинскаго стана, съ другой къ сверженію Шуйскаго. Теперь, по смерти Самозванца, у короля и московскихъ приверженцевъ его не было болѣе предлога требовать дальнѣйшаго движенія Сигизмундова въ русскія области. Лучшіе люди въ Москвѣ и по областямъ, которые согласились признать царемъ Владислава только изъ страха покориться казацкому царю, теперь освобождались отъ этого страха и могли дѣйствовать свободнѣе противъ Поляковъ. Какъ только въ Москвѣ узнали, что воръ убитъ, то русскіе люди обрадовались и стали другъ съ другомъ говорить, какъ бы всей землѣ, всѣмъ людямъ, соединиться и стать противъ литовскихъ людей, чтобъ они изъ земли московской вышли всѣ до одного. Салтыковъ и Андроновъ писали къ Сигизмунду, что патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ: если королевичъ не крестится въ христіанскую вѣру и всѣ литовскіе люди не выйдутъ изъ московской земли, то королевичъ намъ не государь; такія же слова патріархъ и въ грамотахъ писалъ во многіе города, а Москвичи всякіе люди хотятъ стоять противъ Поляковъ. Но и тутъ, при всеобщей готовности стоять противъ Поляковъ, первый двинулся Ляпуновъ въ Рязани. И другіе города начали опять переписываться другъ съ другомъ, увѣщевать другъ друга стать за вѣру православную, вооружиться на Поляковъ, грозящихъ ей гибелью. Первые подали голосъ жители волостей смоленскихъ, занятыхъ, опустошенныхъ Поляками. Смольняне писали, что они покорились Полякамъ, дабы не лишиться православнаго христіанства и не подвер-

гнуться конечной гибели, и, не смотря на то, подвергаются ей: вѣра поругана, церкви раззорены, все разграблено. Москвичи, получивъ эту грамоту, разослали ее въ разные города съ приложеніемъ собственной увѣщательной грамоты. Области поднялись на этотъ призывъ къ соединенію для защиты вѣры, собирались подъ знамена служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе, горожане складывались и давали имъ содержаніе.

5. Причины неудачи перваго ополченія. Не смотря однако на сильное одушевленіе и ревность къ очищенію государства отъ враговъ иновѣрныхъ, предпріятіе не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что во главѣ его становился Ляпуновъ, человѣкъ страстный, не могшій принесть свои личныя отношенія и стремленія въ жертву общему дѣлу. Выдвинутый бурями смутнаго времени на высокое мѣсто, стремясь страстно къ первенству, Ляпуновъ ненавидѣлъ людей, которые загораживали ему дорогу, опираясь на свое прежнее значеніе, на значеніе своихъ предковъ. Ставши главнымъ вождемъ ополченія, онъ не только не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки людямъ знатнымъ, но находилъ особенное удовольствіе унижать ихъ, величаясь предъ ними своимъ новымъ положеніемъ, и тѣмъ самымъ возбуждалъ негодованіе, вражду, смуты. Другою, еще болѣе важною причиною неуспѣха было то, что Ляпуновъ, издавна неразборчивый въ средствахъ, и теперь при возстаніи земли для очищенія государства, для установленія порядка, подалъ руку — кому же? врагамъ всякаго порядка, людямъ, жившимъ смутою, казакамъ. Съ нимъ соединились казаки, бывшіе подъ начальствомъ Заруцкаго, Просовецкаго, князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго—все тушинскихъ бояръ и воеводъ. Трубецкой и Заруцкій приглашали отовсюду казаковъ, обѣщая крѣпостнымъ людямъ волю и жалованье.

6. Сожженіе Москвы. Въ это время, когда и дворяне, и казаки, съ разныхъ сторонъ съ разными цѣлями спѣшили къ Москвѣ, Салтыковъ съ товарищами предложилъ боярамъ просить короля, чтобъ отпустилъ Владислава въ Москву; къ великимъ посламъ, Филарету и Голицыну, написать, чтобъ отдались во всемъ на волю королевскую, а къ Ляпунову, чтобъ не затѣвалъ возстанія. Бояре согласились; но не согласился Гермогенъ: «Положиться на королевскую волю, говорилъ онъ, значитъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать, а къ Прокофью Ляпунову напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литвы изъ московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ идти подъ Москву и помереть за православную вѣру.» Салтыковъ началъ бранить Гермогена и вынулъ даже ножъ; но патріархъ, перекрестивъ его, сказалъ: «Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа, будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и будущемъ!» Такимъ образомъ приказъ посламъ—положиться во всемъ на волю королевскую — былъ отправленъ за подписью однихъ бояръ, безъ патріарховой. На этомъ основаніи Филаретъ и Голицынъ отказались исполнить приказъ; они говорили: «Отпускали насъ патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго государства, а не одни бояре; теперь мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный, безъ патріарха теперь о такомъ великомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже.» Видя непоколебимость этого начальнаго человѣка, Поляки посадили его подъ стражу, никого не велѣли пускать къ нему; всѣмъ русскимъ людямъ въ Москвѣ запретили ходить съ оружіемъ, а сами сильно вооружались, предвидя осаду. 19 марта 1611 года, во вторникъ на страстной недѣлѣ Поляки начали принуждать извощиковъ,

чтобъ шли помогать имъ тащить пушки на башню. Извощики не согласились, начался споръ, крикъ; Нѣмцы, находившіеся въ польской службѣ, думая, что началось народное возстаніе, ринулись на толпу и стали бить Русскихъ; Поляки послѣдовали примѣру Нѣмцевъ, и началась страшная рѣзня безоружнаго народа въ Китаѣ-городѣ, гдѣ погибло до 7000 человѣкъ; но въ Бѣломъ городѣ Русскіе имѣли время собраться, вооружиться, и прогнали непріятеля въ Кремль и Китай, при чемъ важную помощь народу оказалъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, прославившійся прежде при Шуйскомъ защитою Зарайска отъ Лжедимитрія. Загнанные въ Кремль и Китай-городъ, обхваченные со всѣхъ сторонъ возставшимъ народонаселеніемъ, Поляки зажгли Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и весь городъ, кромѣ Кремля и Китая, выгорѣлъ. Но Поляки торжествовали недолго среди пепла и развалинъ московскихъ: 25 марта, въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, ополченіе Ляпунова, Заруцкаго и другихъ воеводъ, въ числѣ 100.000 человѣкъ, подошло къ Москвѣ и осадило непріятеля, который скоро былъ приведенъ въ бѣдственное положеніе по недостатку съѣстныхъ припасовъ.

7 Заточеніе Филарета и Голицына, и взятіе Смоленска. Въ то же время подъ Смоленскомъ паны вымогали на послахъ Филаретѣ и Голицынѣ, чтобъ они согласились впустить Поляковъ въ Смоленскъ; тѣ не согласились, и 12 апрѣля ихъ схватили, ограбили и отправили въ заточеніе въ Маріенбургъ, въ Пруссію. 3 іюня Смоленскъ былъ взятъ приступомъ послѣ геройскаго сопротивленія жителей, которое сами Поляки сравниваютъ съ сопротивленіемъ Сагунтинцевъ. Шеина пытали и отправили въ оковахъ въ Литву. Радость о взятіи Смоленска была неописанная въ Литвѣ и Польшѣ; думали, что этимъ взятіемъ все кончено; забыли что въ Мос-

квѣ горсть Поляковъ осаждена многочисленнымъ непріятелемъ. Вмѣсто того, чтобъ тотчасъ же идти къ нимъ на помощь, король принужденъ былъ распустить войско и отправился на сеймъ въ Варшаву, куда повезли и плѣннаго царя московскаго, Василія Шуйскаго, съ братьями; давши народу варшавскому невиданное зрѣлище — торжественный въѣздъ плѣннаго московскаго царя, Шуйскихъ заключили въ Гостынскомъ замкѣ, гдѣ Василій Ивановичъ съ братомъ Димитріемъ скоро умерли.

8. Смерть Ляпунова. Осажденные въ Москвѣ, Поляки остались безъ помощи и были спасены только раздоромъ, господствовавшимъ въ станѣ осаждавшихъ. 30 іюня 1611 года «Московскаго государства разныхъ земель царевичи (татарскіе), бояре, окольничіе и всякіе служилые люди, которые стояли за домъ Пресвятой Богородицы и за православную христіанскую вѣру, приговорили и выбрали всею землею бояръ и воеводъ: князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго да думнаго дворянина Прокофья Петровича Ляпунова, чтобъ они строили землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышляли; если же они всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлать не станутъ, то всею землею вольно ихъ перемѣнить, а на ихъ мѣсто выбрать другихъ, поговоря со всею землею.» Но между этими избранными троеначальниками была великая ненависть и гордость, ни одинъ не хотѣлъ быть меньше другаго, всякій хотѣлъ одинъ владѣть. Ляпуновъ попрекалъ Трубецкому и Заруцкому Тушиномъ, отъ гордости его отецкимъ дѣтямъ много позора было: не только дѣти боярскіе, но и сами бояре должны были приходить къ нему на поклонъ, и стояли у его избы долгое время, никого къ себѣ прямо не пускалъ, а къ казакамъ былъ очень жестокъ, и за то была на него ненависть большая.

Этою ненавистію воспользовался Гонсѣвскій, чтобъ погубить Ляпунова, который былъ ему опаснѣе всѣхъ другихъ воеводъ, какъ воевода дворянскій, а не казацкій, и какъ человѣкъ, который превосходилъ своихъ товарищей способностями и энергіею. На одной изъ стычекъ Поляки взяли въ плѣнъ донскаго казака, который былъ побратимомъ атамана Заварзина; этотъ Заварзинъ началъ стараться, какъ бы освободить товарища, и выпросилъ у Гонсѣвскаго позволеніе повидаться съ нимъ и поговорить. Гонсѣвскій воспользовался этимъ случаемъ, велѣлъ написать грамоту отъ имени Ляпунова, въ которой тотъ писалъ во всѣ города: «Гдѣ поймаютъ казака—бить и топить.» Подъ руку Ляпунова искусно было подписано на грамотѣ, которую плѣнный казакъ отдалъ Заварзину, а Заварзинъ, возвратившись въ станъ, показалъ ее казакамъ. Казаки, по обычаю своему, собрались въ кругъ, куда вызвали Ляпунова и стали кричать, что онъ измѣнникъ; Ляпуновъ отрекался, что онъ грамоты не писалъ; начался споръ и кончился тѣмъ, что Ляпуновъ лежалъ мертвый подъ казацкими саблями; съ нимъ вмѣстѣ убили Ивана Никитича Ржевскаго, который былъ Ляпунову большой недругъ, но тутъ, видя его правду, за него сталъ и умеръ съ нимъ вмѣстѣ.

Со смертію Ляпунова дворяне остались безъ вождя во власти казаковъ; многіе изъ нихъ были побиты, многіе изувѣчены, другіе разъѣхались по домамъ; нашлись и такіе, которые купили у Заруцкаго воеводства и разныя другія должности и отправились по городамъ наверстывать заплаченныя деньги; казаки ѣздили по дорогамъ станицами, грабили и побивали.

9. Взятіе Новгорода Шведами и появленіе третьяго Самозванца. Въ то время, когда казаки убійствомъ Ляпунова и разогнаніемъ лучшихъ дворянъ остановили успѣхи

ополченія подъ Москвою, на сѣверозападѣ Новгородъ Великій достался въ руки Шведамъ. Послѣ клушинскаго сраженія Делагарди отступилъ со своимъ отрядомъ на сѣверозападъ, и когда Москва присягнула врагу короля его, Владиславу польскому, то началъ враждебно дѣйствовать противъ Русскихъ, забирать ихъ города. Но когда произошло возстаніе противъ Владислава и Поляковъ, то вожди ополченія завели сношенія со Шведами на счетъ избранія въ цари одного изъ сыновей Карла IX. Переговоры затянулись, потому что и Шведы, подобно Полякамъ, требовали прежде всего денегъ и городовъ, а между тѣмъ въ Новгородѣ происходили смуты, ссоры между воеводами, подававшія Делагарди надежду овладѣть городомъ. Надежда исполнилась: въ ночь на 16 іюля, по указанію одного измѣнника, Шведы вошли въ Новгородъ такъ, что никто не видалъ, общаго сопротивленія не было, частныя геройскія сопротивленія не помогли: въ одномъ мѣстѣ выставили сильное сопротивленіе стрѣлецкій голова Гаютинъ, дьякъ Голенищевъ, Орловъ и казачій атаманъ Шаровъ съ сорока казаками; въ другомъ—софійскій протопопъ Аммосъ, погибшій въ пламени со всѣми своими товарищами. Новгородъ покорился Шведамъ съ условіемъ, что одинъ изъ сыновей королевскихъ будетъ царемъ русскимъ, но обязался признать покровителемъ своимъ самого короля. Въ Новгородѣ были Шведы, въ Псковской области явился новый самозванецъ, Лжедимитрій; подмосковное ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго продолжало осаду, битвы происходили здѣсь съ перемѣнными счастіемъ; литовскій гетманъ Ходкѣвичъ, пришедшій осенью на помощь къ осажденнымъ, не могъ ничего сдѣлать и отступилъ послѣ нѣсколькихъ не очень удачныхъ для себя ошибокъ: неудача его происходила отъ того, что у него было всего 2000 войска, да и это войско дѣлилось на партіи. Бояре, осажденные

вмѣстѣ съ Поляками въ Кремлѣ, видѣли, что только немедленное прибытіе короля или королевича съ войскомъ можетъ спасти ихъ, и потому отправили къ Сигизмунду новое посольство, составленное изъ князя Юрія Никитича Трубецкаго и Михайлы Глѣбовича Салтыкова, готовыхъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ королевскимъ. Но русскіе люди въ областяхъ ждали спасенія не отъ короля изъ Польши и не отъ казаковъ, стоявшихъ подъ Москвою: гибель Ляпунова открыла имъ глаза на счетъ казаковъ, и они рѣшились покончить съ ними. Такъ жители Казани писали Пермичамъ: «Подъ Москвою, господа, поборника по Христовой вѣрѣ, Прокофья Петровича Ляпунова казаки убили; но мы согласились: быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньи, за Московское и Казанское государство стоять, дурнаго ничего другъ надъ другомъ не дѣлать, быть всѣмъ по прежнему; казаковъ въ городъ не пускать, стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ на Московское государство государя, а выбрать намъ государя всею землею; если же казаки станутъ выбирать государя одни по своей волѣ, то намъ такого государя не хотѣть.»

10. Троицкія грамоты. Такимъ образомъ смерть Ляпунова не привела въ отчаяніе русскихъ людей; нравственныя силы народа были напряжены по прежнему, и по прежнему раздавались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру отцовскую. Прежде призывалъ къ возстанію за вѣру начальный человѣкъ, патріархъ; теперь не было его слышно изъ темницы кремлевской; но вмѣсто грамотъ патріаршихъ шли призывныя грамоты отъ властей Троицкаго Сергіева монастыря, отъ архимандрита Діонисія и келаря Аврамія Палицына. Смиренный и уступчивый, когда дѣло шло о немъ самомъ, Діонисій шелъ впереди, обнаруживалъ необыкновенную твердость, когда дѣло шло о благѣ общемъ, о сл ж ніи страждު-

щимъ. Когда Москва была раззорена и казаки свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ, изломанныхъ, обожженныхъ, истерзанныхъ, съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому монастырю. Приведенные въ отчаяніе множествомъ этихъ несчастныхъ, монахи, слуги и крестьяне монастырскіе не знали, что̀ дѣлать; Діонисій воодушевилъ ихъ и заставилъ подавать дѣятельную момощь несчастнымъ: монастырь Троицкій превратился въ больницу и богадѣльню, а въ келліи архимандричьей сидѣли писцы борзые, сочиняли увѣщательныя посланія и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію земли.

11. Мининъ и Пожарскій. Въ октябрѣ 1611 года увѣщательная троицкая грамота явилась въ Нижнемъ Новгородѣ; когда въ соборной церкви протопопъ прочелъ ее предъ всѣмъ народомъ, то земскій староста (градскій глава), мясной торговецъ Кузьма Миничъ Сухорукій, началъ говорить: «Если мы захотимъ помочь Московскому государству, то нечего намъ жалѣть имѣнія; не пожалѣемъ ничего, дома свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ, и будемъ бить челомъ — кто бы вступился за православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ.» Положено было скликать служилыхъ людей и собирать деньги имъ на жалованье. Но прежде чѣмъ скликать ратныхъ людей, надобно было найдти воеводу. Въ это время въ Суздальской области жилъ воевода извѣстный, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, долѣчивавшійся отъ ранъ, полученныхъ имъ при раззореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло, и сказалъ народу, что не за кѣмъ больше посылать, кромѣ князя Пожарскаго. На просьбу Нижегородцевъ Пожарскій отвѣчалъ: «Радъ я вашему совѣту, готовъ хоть сейчасъ ѣхать; но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну сбирать.» Когда

Нижегородцы отвѣчали, что у нихъ нѣтъ на примѣтѣ такого человѣка, то Пожарскій сказалъ: «Есть у васъ Кузьма Мининъ, бывалъ онъ человѣкъ служилый, ему это дѣло за обычай.» Тогда Нижегородцы стали бить челомъ Кузьмѣ, чтобъ принялся за дѣло; Мининъ отказывался до тѣхъ поръ, пока Нижегородцы не сдались на всю его волю, пока не написали приговора, что не пожалѣютъ ничего для великаго дѣла.

12. Пожарскій въ Ярославлѣ. Какъ скоро разнеслось вездѣ, что Нижегородцы поднялись и готовы на всякія пожертвованія, то ратные люди стали собираться къ нимъ отовсюду. Пожарскій съ Нижегородцами разослалъ повсюду грамоты, въ которыхъ говорилось: «Теперь мы, Нижняго Новгорода всякіе люди, идемъ на помощь Московскому государству; къ намъ же пріѣхали изъ многихъ городовъ дворяне, и мы приговорили имѣніе свое и домы съ ними раздѣлить, жалованье имъ дать. И вамъ бы, господа, также идти на литовскихъ людей поскорѣе. Отъ казаковъ ничего не опасайтесь: какъ будемъ всѣ въ сборѣ, то всею землею совѣтъ учинимъ и ворамъ ничего дурнаго сдѣлать не дадимъ. Непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и на Поляковъ идти вмѣстѣ, чтобъ казаки по прежнему рати не разогнали.» Такъ кончился 1611 годъ и начался 1612. Вѣсть о новомъ ополченіи добрыхъ граждан встревожила одинаково и осажденныхъ Поляковъ въ Москвѣ и осаждающихъ казаковъ. Поляки прислали къ Гермогену русскихъ людей, которые стали его уговаривать отписать къ Нижегородскому ополченію, чтобъ не ходило подъ Москву; Гермогенъ отвѣчалъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты.» Скоро послѣ этого Гермогенъ скончался (17 февраля 1612 года) отъ недостатка въ пищѣ. Въ то время, какъ Гермогенъ погибалъ

жертвою своей твердости, въ то время какъ добрые граждане приговорили пожертвовать всѣмъ для успокоенія государства, казаки подмосковнаго стана приговорили присягнуть третьему, псковскому Самозванцу и послать отряды на сѣверъ, чтобъ мѣшать нижегородскому ополченію. Но Пожарскій предупредилъ казаковъ и въ первыхъ числахъ апрѣля занялъ Ярославль, важный пунктъ, обезпечивающій соединеніе съ сѣверными областями. Скоро пришла вѣсть, что подмосковное ополченіе отказалось отъ третьяго Самозванца, который былъ схваченъ въ Псковѣ; но ополченіе Пожарскаго должно было надолго остановиться въ Ярославлѣ: во первыхъ надобно было подождать ратныхъ людей, шедшихъ изъ отдаленныхъ областей, потомъ нужно было выгнать казацкія шайки, разбойничавшія въ сѣверныхъ уѣздахъ, нужно было обезопасить себя и отъ Шведовъ, занимавшихъ Новгородъ. Съ казаками управились силою; Шведовъ положено было манить переговорами на счетъ избранія одного изъ ихъ королевичей въ цари русскіе. Для прекращенія внутреннихъ смутъ, споровъ между начальными людьми о старшинствѣ, вызванъ былъ въ посредники бывшій ростовскій митрополитъ Кириллъ, которому и удалось утишить распри. Но когда все улаживалось и ополченіе готово было выступить изъ Ярославля, Пожарскій чуть-чуть не погибъ отъ ножа убійцы вслѣдствіе казацкаго заговора.

13. Пожарскій въ Москвѣ. Понятно, съ какимъ чувствомъ послѣ этого Пожарскій и все ополченіе должны были выступать въ походъ подъ Москву, гдѣ подъ видомъ союзниковъ должны были встрѣтить убійцъ. Къ счастію, число казаковъ подъ Москвою очень уменьшилось: Заруцкій съ преданными ему казаками покинулъ станъ, взялъ въ Коломнѣ Марину съ маленькимъ ея сыномъ Иваномъ, котораго она имѣла отъ Тушинскаго вора, и пошелъ на юго-востокъ, къ степямъ,

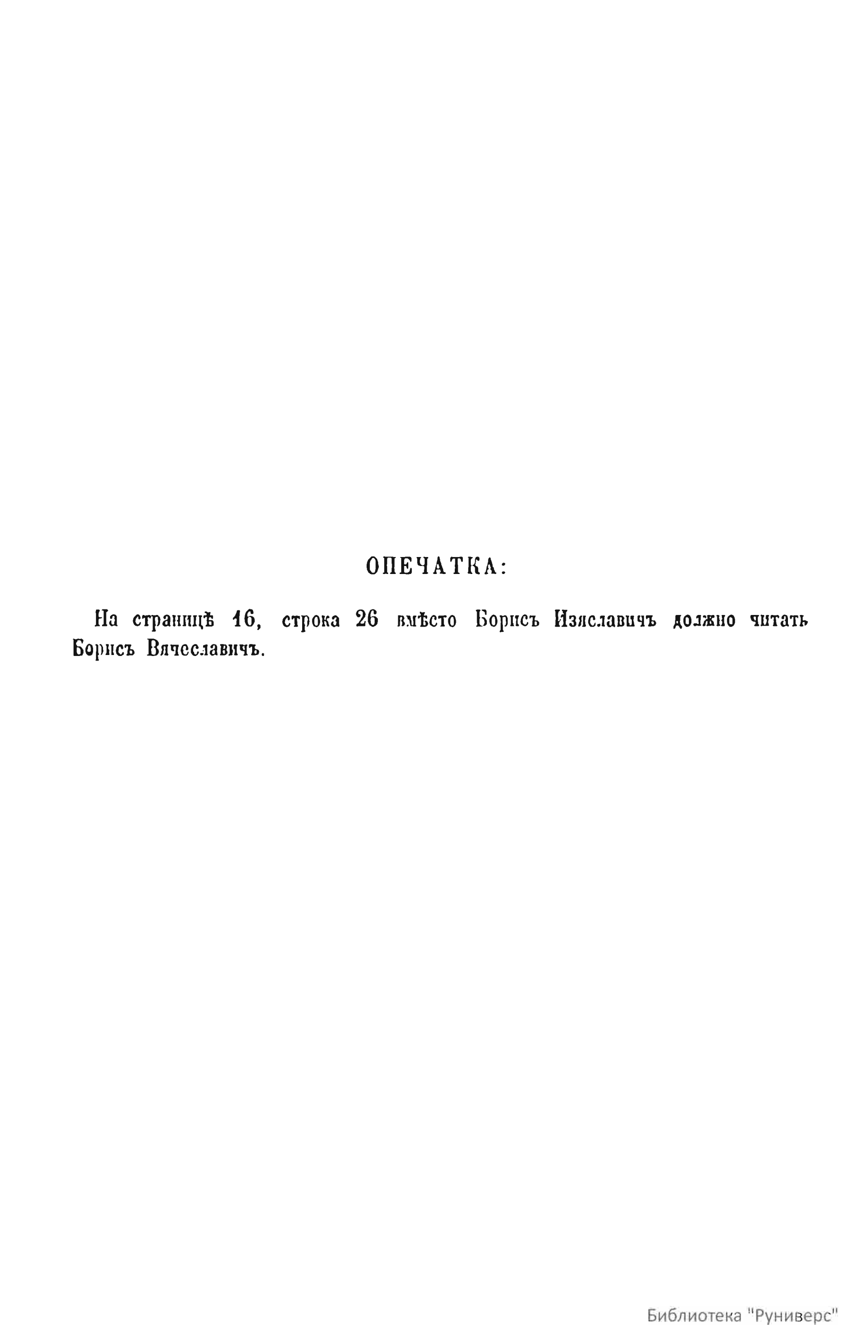
приволью казаковъ и самозванцевъ. Число Поляковъ, сидѣвшихъ въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ, также очень уменьшилось: многіе изъ нихъ самовольно оставили службу и ушли въ Польшу; уѣхалъ и Гонсѣвскій, на мѣсто котораго принялъ начальство Струсь. Но за то опять шелъ къ Москвѣ гетманъ Ходкѣвичъ; Пожарскій упредилъ его и 18 августа подошелъ къ Москвѣ. Трубецкой съ казаками требовали, чтобъ новое ополченіе стало съ ними вмѣстѣ; но ратные люди, пришедшіе съ Пожарскимъ, помнили участь Ляпунова и объявили: «Отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать.» Вечеромъ 21 августа явился подъ Москву и Ходкѣвичь. Чтобъ загородить ему дорогу въ кремль, русское войско стало по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки, Пожарскій на лѣвомъ, Трубецкой на правомъ. 22 числа гетманъ напалъ на Пожарскаго, но былъ отбитъ; 24 онъ двинулся по правой сторонѣ рѣки къ Кремлю; казаки въ рѣшительную минуту отказались биться и ушли въ свой станъ; но троицкій келарь Авраміи Палицынъ успѣлъ уговорить ихъ вступить въ дѣло; тогда общими усиліями дворянъ и казаковъ, и особенно благодаря смѣлому движенію Минина съ отборнымъ отрядомъ, дѣло кончилось въ пользу Русскихъ: Ходкѣвичъ былъ отбитъ и ушелъ къ литовскимъ границамъ, не успѣвъ снабдить осажденныхъ съѣстными припасами.

14. Очищеніе Китая-города и кремля отъ Поляковъ. 22 октября казаки пошли на приступъ и взяли Китай-городъ. Въ кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ, терпя страшный голодъ, заставлявшій ѣсть человѣческое мясо; наконецъ сдались на условіи, чтобъ имъ была оставлена жизнь. Сперва были выпущены изъ кремля бояре—князья Мстиславскій, Воротынскій, Иванъ Никитичъ Романовъ съ племянникомъ Михаиломъ Θеодоровичемъ; потомъ вышелъ Струсь съ товарищами, а 27 ноября ополченіе и народъ съ торже-

ствомъ вошли въ очищенный отъ враговъ кремль. Трубецкой и Пожарскій послѣ отбитія Ходкѣвича жили согласно и вмѣстѣ управляли дѣлами, потому что Пожарскій, не будучи нисколько похожъ на Ляпунова, отличался скромностію и уступилъ Трубецкому первенство, какъ старшему по чину: Трубецкой былъ бояринъ, а Пожарскій стольникъ. Но казаки Трубецкаго не давали покоя дворянамъ Пожарскаго: пропивая и проигрывая все получаемое, казаки были постоянно бѣдны, постоянно требовали жалованья и волновались въ случаѣ отказа, кричали, что побьютъ начальныхъ людей, едва между ними и дворянами не дошло до боя.

15. Неудачный походъ короля Сигизмунда противъ Москвы и избраніе въ цари Михаила Θеодоровича Романова. Ратные люди, думая, что съ очищеніемъ кремля все кончено, начали разъѣзжаться изъ Москвы, какъ вдругъ пришла вѣсть, что самъ король Сигизмундъ идетъ съ войскомъ къ столицѣ. Въ Москвѣ сильно испугались, ибо ни войска, ни съѣстныхъ припасовъ въ достаточномъ количествѣ для осады не было. Страхъ, впрочемъ, былъ непродолжителенъ: король съ тѣмъ небольшимъ войскомъ, какое у него было, не могъ даже взять и Волоколамска и ушелъ назадъ въ Польшу. Отступленіе Сигизмунда дало досугъ заняться избраніемъ царя всею землею. Разосланы были грамоты по городамъ, чтобъ присланы были въ Москву духовныя власти и выборные изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей; чтобъ выбраны были лучшіе люди, крѣпкіе и разумные, и чтобъ духовенство и эти выборные договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей полные договоры на счетъ царскаго избранія. Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Положили прежде всего не

выбирать иностранцевъ, выбирать своихъ Русскихъ; тутъ начались козни, смуты и волненія: всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола; подкупали и засылали; образовались партіи, но ни одна изъ нихъ не брала верхъ; наконецъ произнесено было имя, которое согласило всѣхъ, имя Михаила Ѳеодоровича Романова. 21 февраля 1613 года былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка— Михаила Ѳеодоровича. Пошли нѣсколько духовныхъ лицъ и одинъ бояринъ на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого онъ хочетъ въ цари?—«Михаила Ѳеодоровича Романова»—былъ отвѣтъ.

ОПЕЧАТКА:

На страницѣ 16, строка 26 вмѣсто Борисъ Изяславичъ должно читать Борисъ Вячеславичъ.

УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Сочиненіе

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ВЫПУСКЪ III.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 4 Октября 1859 г.

Ценсоръ *А. Драшусовъ.*

ГЛАВА XXXIII.

Царствованіе Михаила Феодоровича.

1. Посылка въ Кострому за Михаиломъ и подвигъ Сусанина. Провозгласивши царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Феодоровича Романова, соборъ назначилъ нѣсколько знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ѣхать къ нему и отъ имени всѣхъ чиновъ просить, чтобъ былъ государемъ и ѣхалъ въ Москву. 13 марта послы пріѣхали въ Кострому, гдѣ въ Ипатьевскомъ монастырѣ жилъ тогда Михаилъ съ матерью, монахинею Мароою Ивановною. 14 числа соборные послы пошли въ монастырь крестнымъ ходомъ вмѣстѣ со всѣми Костромичами. Услыхавши отъ пословъ предложеніе идти въ Москву и царствовать, Михаилъ отказался, а Мароа Ивановна говорила: «Сынъ мой въ несовершенныхъ лѣтахъ, а люди московскаго государства измалодушествовались, прежнимъ государямъ — царю Борису, Лжедимитрію и Василію Шуйскому присягали и потомъ измѣнили; кромѣ того, московское государство раззорено въ конецъ; прежнихъ сокровищъ царскихъ нѣтъ, земли розданы, служилые люди обѣднѣли, и будущему царю чѣмъ служилыхъ людей жаловать, свой дворъ содержать и какъ противъ недруговъ стоять! Наконецъ митрополитъ Филаретъ въ плѣну у Польскаго короля, который, узнавши объ избраніи сына, отомститъ за это на отцѣ.» Соборные послы отвѣчали, что избранъ Михаилъ по Божіей воли, а три прежніе государя садились на престолъ по своему желанію, неправо, отъ чего во всѣхъ людяхъ московскаго государства была рознь и междоусобіе; теперь же Русскіе люди

наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ.— Послы долго упрашивали Михаила и мать его, грозили, что въ случаѣ отказа Богъ взыщетъ на немъ окончательное раззореніе государства: наконецъ Марѳа Ивановна благословила сына принять престолъ.

Слова соборныхъ пословъ, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе — эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ Русскіе люди научились, къ чему ведутъ смуты, несогласія и междоусобіе; они имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и будутъ теперь въ состояніи поддержать новаго государя, не смотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ, на которое указывала Марѳа. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія, охраненія новаго царя, возстановлявшаго порядокъ, — показывалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши изъ Москвы послѣ сдачи Кремля, жилъ въ Костромѣ, отрядъ Литовцевъ, узнавши объ избраніи новаго царя, отыскивалъ мѣсто его пребыванія съ цѣлію умертвить соперника Владиславова; въ этихъ поискахъ враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ Костромскаго уѣзда села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показаніе, гдѣ скрывался Михаилъ? Сусанинъ зналъ, что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ и былъ замученъ до смерти.

2. Царское вѣнчаніе Михаила и война съ Заруцкимъ. 2 мая 1613 года Михаилъ въѣхалъ въ Москву, 11 іюля происходило царское вѣнчаніе: въ этотъ день князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій пожалованъ былъ въ бояре, а

на другой день, въ царскія имянины, Кузьма Мининъ пожалованъ былъ въ думные дворяне. Милостей, льготъ народу новый государь не могъ дать для торжества своего царскаго вѣнчанія: ратные люди били челомъ, что помѣстьи и вотчины у нихъ отъ долгой войны запустѣли, служить имъ не съ чего, а въ казнѣ царской денегъ, и въ житницахъ запасовъ не было, служилымъ людямъ жалованья дать было нечего. Царь и духовенство отъ имени собора разослали грамоты по городамъ съ просьбою помочь государству въ его тяжелой нуждѣ; а между тѣмъ надобно было вести упорную войну съ врагами внутренними и внѣшними. Заруцкій съ Мариною и сыномъ ея засѣлъ въ Астрахани, сносился съ Персидскимъ шахомъ, призывалъ къ себѣ козаковъ и Татаръ. Старые казаки, сознаваясь, что по горло ходятъ въ крови христіанской, хотѣли покаяться и служить государству; а молодые, желая достать себѣ зипуновъ, по ихъ выраженію, шли къ Заруцкому. Но жители Астрахани, выведенные изъ терпѣнія жестокостями Заруцкаго, возстали противъ него, и онъ долженъ былъ запереться отъ нихъ въ Астраханской крѣпости или кремлѣ; городъ на Терекѣ отложился также отъ Заруцкаго и тамошній воевода отправилъ на помощь къ Астраханцамъ войско подъ начальствомъ Хохлова, а изъ Москвы шелъ воевода, князь Одоевскій съ большимъ войскомъ: Заруцкій не сталъ дожидаться Одоевскаго и ушелъ изъ Астрахани, Хохловъ бросился за нимъ, нагналъ и нанесъ сильное пораженіе, послѣ чего Заруцкій направилъ путь на Яикъ; но посланные Одоевскимъ стрѣльцы настигли его и принудили сдаться 25 іюня. Плѣнниковъ отправили въ Москву: здѣсь Заруцкаго посадили на колъ, сына Марины повѣсили, а сама Марина умерла въ тюрьмѣ.

3. Война съ казаками. Избавились отъ Заруцкаго, успокоена была Астрахань; но казаковъ оставалось еще много

внутри государства: почти не было ни одной области, которая бы ни страдала отъ ихъ опустошеній. Объ этихъ опустошеніяхъ лѣтописецъ говоритъ, что и въ древнія времена такихъ мукъ не бывало; особенно отличался между казаками атаманъ Баловень. 1-го сентября 1614 года государь объявилъ на соборѣ, что воры казаки православныхъ христіанъ бьютъ и жгутъ разными муками, доходовъ собирать не даютъ, собранную казну въ Москву провести отъ нихъ нельзя: такъ какъ съ ними быть? Духовенство, бояре и всякихъ чиновъ люди приговорили: послать къ ворамъ уговаривать ихъ, чтобъ отъ воровства отстали. И посланы былъ Суздальскій архіерей да бояринъ, князь Лыковъ, съ тѣмъ, что если казаки увѣщаній не послушаются, то Лыкову собрать войско и промышлять надъ ними. Скоро Лыковъ далъ знать государю, что казаки отъ воровства не отстаютъ, унять ихъ никакъ нельзя, стали воровать пуще прежняго; прискакалъ и другой гонецъ съ вѣстію, что казаки собрались большими толпами и идутъ прямо на Москву. Дѣйствительно казаки явились подъ Москвою и стали по Троицкой дорогѣ; но изъ Ярославля шелъ за ними по слѣдамъ князь Лыковъ; казаки обошли Москву и бросились бѣжать къ югу по Серпуховской дорогѣ, но были настигнуты царскими воеводами и побиты на голову.

4. **Война и безуспѣшные переговоры съ Польшею; сношеніе съ Австріею.** Кромѣ казаковъ надобно было раздѣлываться съ литовскими людьми. Царскіе воеводы безуспѣшно осаждали Смоленскъ; за Лисовскимъ опустошавшимъ югозападныя границы, пошелъ въ погоню князь Пожарскій, но слёгъ отъ тяжкой болѣзни, истомленный невѣроятно быстрою погонею за самымъ неутомимымъ изъ наѣздниковъ; тогда Лисовскій могъ свободно бросаться по всему государству, пробираясь между городами, опустошая все на пути. Съ тою же чудесною быстротою дѣйствовали на отдаленномъ

сѣверѣ Черкасы или козаки Малороссійскіе, они опустошили Двинскую область, но и сами всѣ погибли отъ тамошнихъ жителей. Во время этихъ военныхъ дѣйствій шли продолжительные, хотя и безплодные переговоры о мирѣ. Въ сентябрѣ 1615 года отправились къ Литовской границѣ подъ Смоленскъ великіе полномочные послы — бояре князья Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій; они должны были съѣхаться съ польскими уполномоченными, все съ знакомыми людьми — гетманомъ Ходкѣвичемъ, канцлеромъ Львомъ Сапѣгою и Александромъ Гонсѣвскимъ; посредникомъ былъ посолъ императора Нѣмецкаго, Еразмъ Ганделіусъ, Славянинъ родомъ. Но долгіе переговоры, сопровождавшіеся укорами и оправданіями съ обѣихъ сторонъ, кончились ничѣмъ, по причинѣ, которую высказалъ посредникъ Ганделіусъ, говорившій такъ московскимъ посламъ: «Вы называете своего государя, а Польскіе послы называютъ государемъ вашимъ своего королевича, и у одного государства стало два государя; тутъ между вами огонь и вода: чѣмъ воду съ огнемъ помирить?» Воду съ огнемъ не помирили, и уполномоченные разъѣхались. Ганделіусъ не могъ ничего тутъ сдѣлать, да и не хотѣлъ какъ видно. Вообще сношенія съ Австрійскимъ дворомъ при царѣ Михаилѣ не имѣли прежняго дружественнаго характера; Австрійскій дворъ находился въ родствѣ и дружбѣ съ Сигизмундомъ Польскимъ, и счелъ нужнымъ перемѣнить тонъ въ сношеніяхъ съ раззореннымъ московскимъ государствомъ, которое уже не могло болѣе присылать богатыхъ мѣховъ въ Вѣну; при томъ здѣсь не были убѣждены, что новый царь можетъ утвердиться на престолѣ послѣ такихъ смутъ, и потому не хотѣли смотрѣть на него какъ смотрѣли на его предшественниковъ, а Михаилъ не хотѣлъ позволить уменьшенія своей чести, и потому сношенія у Московскаго двора съ Австрійскимъ скоро прекратились.

5. Сношенія съ Турціею и Персіею; война и миръ съ Швеціею. Гораздо дѣятельнѣе происходили сношенія съ Турціею, которая, враждуя съ Польшею за набѣги Запорожскихъ казаковъ, была естественною союзницею Москвы; но дружественнымъ переговорамъ московскихъ пословъ въ Константинополѣ постоянно мѣшали Донскіе козаки, которые, подобно Запорожцамъ и вмѣстѣ съ ними, нападали моремъ на Турецкія владѣнія, а султанъ, считая Донцовъ подданными царя московскаго, сердился на послѣдняго. Не было никакихъ препятствій для дружественныхъ сношеній съ Персіею, и шахъ Аббасъ Великій въ концѣ 1617 года по просьбѣ царя прислалъ ему серебра въ слиткахъ на 7000 рублей. Но болѣе чѣмъ гдѣ-либо участія новый государь Московскій нашелъ на далекомъ Западѣ, у морскихъ державъ Англіи и Голландіи; разумѣется, это участіе было корыстное; внутреннія смуты въ Московскомъ государствѣ и опустошенія, причиняемыя войною Польскою и Шведскою, вредили ихъ торговлѣ, имъ выгодно было успокоить Московское государство и въ награду пріобрѣсти здѣсь еще бóльшія торговыя выгоды. Въ августѣ 1614 года въ Москву пріѣхалъ давно уже извѣстный здѣсь Англійскій купецъ Джонъ Мерикъ съ значеніемъ посла и предложилъ свое посредничество въ примиреніи Москвы съ Швеціею, при чемъ просилъ для Англійскихъ купцовъ вольной торговли и позволенія ѣздить Волгою въ Персію, а рѣкою Обью въ Индію. Ему отвѣчали, что государь уже далъ Англійскимъ купцамъ позволеніе торговать всякими товарами безпошлинно, что же касается до другихъ выгодъ, то объ этомъ начнутся переговоры когда кончится Шведское дѣло. Мерикъ отправился въ Новгородъ, который, какъ мы видѣли, покорился Шведамъ съ условіемъ, чтобъ одинъ изъ сыновей королевскихъ былъ его государемъ. Король Карлъ IX умеръ, и въ іюнѣ 1613 года преемникъ его Густавъ-Адольфъ извѣстилъ

Новгородцевъ объ отправленіи брата своего Карла Филиппа въ Выборгъ, куда должны явиться уполномоченные отъ Новгорода и отъ всего Русскаго царства для рѣшенія дѣла на счетъ избранія Карла Филиппа въ цари: но въ Русскомъ царствѣ былъ въ это время уже свой природный царь, въ слѣдствіе чего московскіе уполномоченные не явились въ Выборгъ; Карлъ Филиппъ, съ своей стороны, не захотѣлъ быть государемъ одного Новгорода, и Густавъ Адольфъ велѣлъ объявить Новгородцамъ, чтобъ они присягали прямо ему, королю; Новгородцы отказывались, длили время, терпѣли сильныя притѣсненія, налоги отъ Шведовъ, а между тѣмъ шли военныя дѣйствія между Шведскими и Московскими войсками. Дѣйствія эти были неудачны для Русскихъ въ чистомъ полѣ: Делагарди оттѣснилъ князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго отъ Бронницъ, при чемъ у Русскихъ погибло много людей; Густавъ-Адольфъ самъ взялъ Гдовъ и въ іюлѣ 1615 года осадилъ Псковъ, но взять его не могъ. Король желалъ мира, потому что опасался королей Польскаго и Датскаго, внутреннихъ смутъ и терпѣлъ недостатокъ въ деньгахъ; въ Москвѣ также сильно желали мира, и переговоры между уполномоченными съ обѣихъ сторонъ открылись въ январѣ 1616 года въ сельцѣ Дедеринѣ при посредничествѣ Джона Мерика и Голландскихъ пословъ. Здѣсь не могли окончить дѣла; съѣхались вторично въ селѣ Столбовѣ, (между Тихвинымъ и Ладогою), и здѣсь, при посредствѣ одного Мерика, въ февралѣ 1617 года заключили вѣчный миръ, по которому Шведы возвратили царю Михаилу Новгородъ, Русу, Порховъ, Гдовъ, Ладогу, но удерживали за собою Ивань городъ, Ямы, Копорье и Орѣшекъ, да кромѣ того должны были получить 20,000 рублей денегъ.

6. Война съ Польшею и Деулинское перемиріе. Царь спѣшилъ заключеніемъ мира съ Швеціею, потому что дол-

женъ былъ употребить всѣ свои силы для борьбы съ болѣе опаснымъ врагомъ. Въ сентябрѣ 1617 года выступилъ противъ Москвы королевичь Владиславъ вмѣстѣ съ гетманомъ Ходкѣвичемъ. Страхъ напалъ на воеводъ московскихъ, когда они узнали, что самъ королевичь при войскѣ. Дорогобужскій воевода сдалъ свой городъ Владиславу, какъ царю московскому; Вязьма была также покинута своими воеводами и сдалась. Но не сдалась Калуга, защищенная княземъ Дмитр. Мих. Пожарскимъ, не сдался Можайскъ. 1617-й и двѣ трети 1618 года прошли безъ рѣшительныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ. Только въ сентябрѣ 1618 Владиславъ рѣшился двинуться прямо къ Москвѣ. Узнавъ объ этомъ царь Михаилъ созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ и всякихъ чиновъ людей, и объявилъ, что онъ, прося у Бога милости, обѣщался противъ недруга своего Владислава стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть и съ Польскими людьми биться: и они бы, митрополиты, бояре и всякихъ чиновъ люди за православную вѣру, за него государя и за себя съ нимъ въ осадѣ сидѣли, а на королевичевы прельщенія не сдавались. Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что они дали обѣтъ Богу за православную вѣру и за него государя стоять и съ врагами биться не щадя головъ своихъ. И тутъ же сдѣланы были всѣ распоряженія, кому защищать разныя части Москвы. Опять пошли изъ Москвы грамоты по городамъ, чтобъ жители ихъ усердно помогали государству въ настоящей бѣдѣ людьми и деньгами.

Не одинъ Владиславъ приближался къ Москвѣ: шелъ на нее съ юга Малороссійскій гетманъ Конашевичь Сагайдачный, разоривши на пути своемъ города — Путивль, Ливны, Елецъ, Лебедянь. 20 сентября королевичь сталъ въ знаменитомъ Тушинѣ, Сагайдачный соединился съ нимъ, и въ ночь на первое октября Поляки повели приступъ къ Москвѣ, но

потерпѣли неудачу у Арбатскихъ и Тверскихъ воротъ. Послѣ этой неудачи начались переговоры о мирѣ; уполномоченные съѣзжались сначала подъ Москвою, на рѣкѣ Прѣснѣ (теперь Прѣсненскіе пруды), потомъ, когда Владиславъ перешелъ къ сѣверу, на Переяславскую дорогу, то переговоры производились въ самой Москвѣ; наконецъ положено было съѣхаться въ деревнѣ Деулинѣ (отъ Троицы въ 3 верстахъ), гдѣ 1-го декабря заключили перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ съ уступкою Польшѣ Смоленска и Сѣверской земли, при чемъ Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на Московскій престолъ: уполномоченные положили это дѣло на судъ Божій; условились также размѣняться плѣнными съ обѣихъ сторонъ. Эта размѣна происходила въ іюнѣ мѣсяцѣ 1610 года въ 17 верстахъ отъ Вязьмы на рѣкѣ Поляновкѣ. Здѣсь Поляки возвратили митрополита Филарета Никитича, боярина Шеина, Томилу Луговскаго; князь же Василій Васильевичъ Голицынъ умеръ на дорогѣ въ Гродно. Филаретъ по пріѣздѣ въ Москву былъ посвященъ въ патріархи.

7. **Патріархъ Филаретъ Никитичъ и его значеніе.** Съ возвращеніемъ Филарета Никитича начинается двоевластіе въ Московскомъ государствѣ: въ грамотахъ писались два *великихъ государя*, Михаилъ Ѳеодоровичъ и отецъ его святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ; всѣ дѣла докладывались обоимъ государямъ, рѣшались обоими, послы иностранные представлялись обоимъ вмѣстѣ, подавали двойныя грамоты, подносили двойные дары. Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, однако опытный и твердый Филаретъ имѣлъ очень большую долю въ правленіи при малоопытномъ, молодомъ и мягкосердечномъ Михаилѣ. До пріѣзда Филаретова этою малоопытностію и мягкосердіемъ молодаго царя воспользовались люди, которымъ, по заслугамъ ихъ, не слѣдовало быть близко у престола: таковы были двое братьевъ

Салтыковыхъ — Борисъ и Михайла, которые «только и дѣлали, что себя и родню свою богатили, земли крали, и во всякихъ дѣлахъ дѣлали неправду, промышляли тѣмъ, чтобъ при государской милости, кромѣ себя, никого не видѣть.» Они, изъ личныхъ цѣлей, разстроили бракъ государя съ Марьею Ивановною Хлоповой; но когда возвратился Филаретъ Никитичъ, то поднялъ это дѣло, обнаружилъ преступленіе Салтыковыхъ и сослалъ ихъ въ ссылку. Люди, преданные Салтыковымъ, жаловались на строгость Филарета; за то другіе превозносили его именно за то, что онъ избавилъ землю отъ отъ своеволія временщиковъ, держалъ въ милости и защищалъ достойныхъ людей. Филаретъ Никитичъ сперва хотѣлъ женить сына на иностранной принцессѣ, и по этому поводу велись переговоры съ дворами Датскимъ и Шведскимъ, но дѣло не состоялось потому, что иностранныя принцессы не соглашались на перемѣну вѣры, чего непремѣнно требовали въ Москвѣ. Тогда государь въ 1623 году женился на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой; но молодая царица въ тотъ же годъ умерла, и на слѣдующій годъ царь женился на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, дочери незначительнаго дворянина.

8. Сношенія съ Швеціею, Англіею и Франціею. Что касается до внѣшнихъ сношеній, которыми долженъ былъ заняться Филаретъ Никитичъ, то прежде всего надобно было задарить Крымскаго хана, хотя сдѣлать это было очень трудно въ слѣдствіе истощенія казны, послѣ войны Польской. Нужно было уладить и отношенія къ Ногаямъ, которые въ смутное время отстали отъ Москвы: Астраханскій воевода князь Львовъ успѣлъ привести ихъ подъ царскую руку и выручилъ множество Русскихъ плѣнныхъ. Съ Швеціею была большая дружба: Густавъ-Адольфъ, враждуя съ Польшею и будучи занятъ трудною борьбою въ Германіи, заискивалъ рас-

положеніе царя Михаила, старался представить ему, что католическій союзъ папы, государей Габсбургскаго дома и короля Польскаго грозитъ гибелью не однимъ протестантскимъ владѣтелямъ, но также и Московскому государству, что если паписты одолѣютъ Шведскую землю, то начнутъ стараться объ искорененіи Греческой вѣры: «Когда мы видимъ, писалъ Густавъ-Адольфъ Михаилу, когда мы видимъ, что сосѣдній дворъ горитъ, то намъ надобно воду носить и помогать гасить, чтобъ свое уберечь; пора уже вашему царскому величеству подумать, какъ сосѣдямъ помочь и какъ свое уберечь.» Шведскіе послы утверждали, что Густавъ-Адольфъ съ своимъ войскомъ — передовая стѣна Московскаго государства, передовой полкъ, бьющійся въ Германіи за Русское царство. Въ слѣдствіе этого увѣренія въ дружбѣ и общности интересовъ, Шведамъ было позволено покупать въ Россіи безпошлинно хлѣбъ, крупу, смолу, селитру. Въ 1631 году впервые явился при Московскомъ дворѣ Шведскій резидентъ.

Дружественныя отношенія къ Швеціи были слѣдствіемъ Столбовскаго мира, который былъ заключенъ при посредствѣ Англіи. Но услуги Англіи этимъ не ограничились: во время похода Владиславова на Москву король Іаковъ прислалъ царю взаймы на военныя издержки 20,000 рублей. Въ слѣдствіе этого Джонъ Мерикъ, пріѣхавшій опять въ Москву въ 1620 году, счелъ себя въ правѣ просить дороги Волгою въ Персію. Государь велѣлъ собрать знатнѣйшихъ купцовъ Московскихъ испросить ихъ: «Если дать Англійскимъ купцамъ дорогу въ Персію, то не будетъ ли отъ этого вамъ убытка?» Почти всѣ отвѣчали, что имъ будетъ убытокъ, Англичане отобьютъ у нихъ всю торговлю, потому что имъ нельзя соперничать съ богатыми Англичанами; но если Англичане будутъ платить большія пошлины или разомъ дадутъ большія деньги въ казну, оскудѣвшую отъ войны, то имъ, купцамъ, для блага государ-

ственнаго, на время и потерпѣть можно. Но какъ скоро бояре намекнули Мерику о пошлинахъ, то онъ сейчасъ же и прекратилъ дѣло, ибо Англичанамъ хотѣлось безпошлинной торговли черезъ Россію съ Персіею. Отдѣлались отъ Англичанъ; явились Французы съ тѣми же требованіями. Еще въ 1615 году царь отправилъ во Францію своего посланника съ объявленіемъ о своемъ восшествіи на престолъ и съ просьбою о помощи противъ Поляковъ и Шведовъ. Король Людовикъ XIII отпустилъ посланника ни съ чѣмъ; но осенью 1629 года пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ Французскій посолъ Де Гэ Курмененъ съ предложеніемъ союза и съ просьбою о дозволеніи французскимъ купцамъ ѣздить въ Персію чрезъ московское государство. «Царское величество, говорилъ Курмененъ, — начальникъ надъ восточною страною и надъ Греческою вѣрою, а Людовикъ король Французскій начальникъ въ южной странѣ, и когда царь будетъ съ королемъ въ дружбѣ и союзѣ, то у царскихъ недруговъ много силы убудетъ; императоръ Нѣмецкій съ Польскимъ королемъ за одно, такъ царю надобно быть за одно съ королемъ Французскимъ. Король Французскій и царское величество вездѣ славны, другихъ такихъ великихъ и сильныхъ государей нѣтъ, подданные ихъ во всемъ имъ послушны, не такъ какъ Англичане и Брабантцы — что хотятъ, то и дѣлаютъ, что есть дешевыхъ товаровъ скупятъ въ Испанской землѣ, да и продаютъ Русскимъ дорогою цѣною, а Французы будутъ продавать все дешево.» Не смотря однако на эти обѣщанія, бояре отказали послу въ Персидской торговлѣ, говоря, что Французы могутъ покупать Персидскіе товары у Русскихъ купцовъ. Такой же отказъ получили и Голландскіе и Датскіе послы.

9. **Вторая Польская война.** Но главное вниманіе московскаго двора было обращено на отношенія Польскія. На Деулинское перемиріе согласились въ Москвѣ, не имѣя

средствъ съ успѣхомъ вести войну, желая отдохнуть хотя не много, собраться съ силами и освободить отца государева изъ заточенія; но долго оставаться въ томъ положеніи, въ какое царь Михаилъ былъ поставленъ Деулинскимъ перемиріемъ, было нельзя: Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на Московскій престолъ, Польское правительство не признавало Михаила царемъ, не хотѣло сноситься съ нимъ, называть его въ грамотахъ — и это при безпрерывныхъ сношеніяхъ двухъ сосѣднихъ государствъ! Русскіе никакъ не могли войдти въ подобныя отношенія, требовали, чтобъ начальники Литовскихъ пограничныхъ городовъ называли въ своихъ грамотахъ великаго государя Михаила Θеодоровича; тѣ отказывались, но одного отказа было мало: нѣкоторые изъ нихъ осмѣливались называть Михаила уничижительнымъ полуименемъ, порочить его избраніе, грозили самозванцемъ. При такихъ оскорбленіяхъ въ Москвѣ ждали только удобнаго случая къ разрыву. Когда въ 1621 году пріѣхалъ въ Москву Турецкій посланникъ Грекъ Θома Кантакузинъ съ предложеніемъ отъ султана Османа воевать вмѣстѣ Польшу, то Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ ему: «Перемиріе съ Польскимъ королемъ сынъ мой велѣлъ заключить только для меня, неправды Поляковъ и московскаго разоренья забыть намъ нельзя; мы того только и смотримъ, чтобъ хотя въ чемъ-нибудь Польскій король миръ нарушилъ: тогда сынъ мой пошлетъ на него рать.» Дѣйствительно государи созвали соборъ изъ духовенства, бояръ и всякихъ чиновъ людей, говорили о неправдахъ искони вѣчнаго врага Московскому государству, Сигизмунда короля и о томъ, что теперь самое благопріятное время къ войнѣ съ нимъ, потому что Турки и Шведы предлагаютъ союзъ свой. Соборъ билъ челомъ государямъ, чтобъ они за святыя Божіи церкви, за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стояли крѣпко, а они, бояре и служилые люди

ради биться, торговые же люди ради давать деньги. Вслѣдствіе этого рѣшенія уже начали собирать войско, какъ пришла вѣсть, что предпріятіе султана Османа противъ Польши кончилось неудачно, почему и въ Москвѣ отложили войну, но не переставали готовиться къ ней. Видѣли несостоятельность Русскаго войска и положили нанять иноземцевъ, болѣе искусныхъ; мало того, сдѣлали шагъ рѣшительный, чего при прежнихъ государяхъ не бывало: велѣли Русскихъ ратныхъ людей учить иноземному строю; послали за границу закупать оружіе, приговаривать людей, умѣющихъ обходиться съ пушками, лить ядра.

Въ апрѣлѣ 1632 года умеръ въ Польшѣ король Сигизмундъ, наступило междоцарствіе, избирательный сеймъ: въ Москвѣ хотѣли воспользоваться этимъ, двинуть немедленно же воеводъ, давно уже готовыхъ; но вотъ одинъ изъ этихъ воеводъ, бояринъ князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій билъ челомъ на другаго, на боярина князя Бориса Михайловича Лыкова: «князь Борисъ Михайловичъ со мною въ товарищахъ быть не хочетъ, говоритъ, будто мною люди владѣютъ и обычай у меня тяжелъ, и что онъ передо мною старъ, служитъ государю сорокъ лѣтъ, лѣтъ съ тридцать ходитъ самъ по себѣ, а не въ товарищахъ.» Государи приказали Лыкову заплатить Черкасскому безчестье 1200 рублей, но въ походъ этихъ воеводъ не послали, послали славнаго защитой Смоленска, боярина Михайлу Борисовича Шеина и Артемья Измайлова съ 32,000 войска и 158 пушками, съ приказаніемъ идти подъ Смоленскъ; другіе воеводы выступили изъ разныхъ другихъ городовъ.

Война началась счастливо: 23 города сдались Русскимъ воеводамъ. Шеинъ съ Измайловымъ осадили Смоленскъ, который отбивался 8 мѣсяцевъ, и готовъ былъ уже сдаться по недостатку припасовъ, какъ получилъ помощь: въ эти 8 мѣ-

сяцевъ дѣла въ Польшѣ устроились, въ короли былъ избранъ сынъ умершаго Сигизмунда Владиславъ, первымъ дѣломъ котораго было идти на помощь Смоленску съ 23,000 войска. Въ тоже время Крымцы, подущенные Поляками, опустошили Московскую украйну: тогда многіе ратныя люди, бывшіе въ войскѣ Шеина, услыхавъ, что Татары воюютъ ихъ помѣстье и вотчины, разъѣхались изъ подъ Смоленска. 25 августа 1633 года король Владиславъ пришелъ подъ этотъ городъ, сбилъ Русскихъ съ выгоднаго положенія ихъ и отрѣзалъ Шеину московскую дорогу. Съ конца октября Русскіе начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; въ станѣ у нихъ господствовали смута и безпорядокъ: иноземный полковникъ Лесли въ глазахъ Шеина застрѣлилъ другаго иноземнаго полковника Сандерсона, и остался безнаказаннымъ. Наконецъ въ генварѣ 1634 года Шеинъ, угнетаемый голодомъ, холодомъ и сильною смертностію въ полкахъ, вошелъ въ сношенія съ королемъ и согласился отступить отъ Смоленска, оставивши весь обозъ и артиллерію во власти Поляковъ; 19 февраля Русскіе выступили изъ обоза своего съ унизительною церемоніею: должны были преклонять знамена передъ королемъ.

Жестокая участь ждала Шеина и товарищей его въ Москвѣ: Филарета Никитича уже не было въ живыхъ (онъ умеръ 1-го октября 1633 года); бояре получили опять большую силу, а бояре были жестоко оскорблены Шеинымъ, который, прощаясь съ государемъ при отправленіи въ походъ подъ Смоленскъ, хвастался своими заслугами и говорилъ, что въ то время какъ онъ служилъ, другіе бояре за печью сидѣли. Теперь припомнили это оскорбленіе и осудили Шеина на смерть, приписавши Смоленское несчастіе его измѣнѣ. Отрубили голову и второму воеводѣ Измайлову, также сыну его; другихъ воеводъ сослали въ Сибирь.

Выпустивши Шеина изъ подъ Смоленска, король двинулся къ Бѣлой, надѣясь легко взять этотъ городъ, но вышло иначе. Надмѣнные Смоленскимъ успѣхомъ, Поляки отложили всякую осторожность: этимъ воспользовались Русскіе и сдѣлали удачную вылазку, въ которой погибло много Поляковъ, терпѣвшихъ съ другой стороны отъ голода и болѣзней, а между тѣмъ приходили вѣсти, что Турецкое войско приближается къ границамъ Польши. Въ такихъ обстоятельствахъ королю нужно было какъ можно скорѣе заключить миръ съ Москвою. миръ вѣчный, который бы упрочилъ за Литвою пріобрѣтенія Сигизмундовы. Польскіе паны первые прислали къ боярамъ предложеніе о мирѣ; это предложеніе было принято очень охотно, и назначенъ съѣздъ полномочнымъ на рѣкѣ Поляновкѣ, тамъ же, гдѣ былъ прежде съѣздъ для размѣна плѣнныхъ, и здѣсь 17 мая 1634 года заключенъ былъ вѣчный миръ: Русскіе уступили всѣ города, отданные въ Деулинѣ, кромѣ Серпѣйска, кромѣ того заплатили 20,000 рублей; за это Владиславъ отказался отъ всѣхъ правъ своихъ на Московскій престолъ и согласился признать за Московскими государями царскій титулъ. Въ началѣ 1635 года для закрѣпленія мира присягою королевскою отправился въ Польшу великій посолъ князь Львовъ-Ярославскій, которому удалось уговорить Поляковъ отпустить въ Москву тѣла бывшаго царя Василія Ивановича Шуйскаго, брата его Димитрія и жены послѣдняго. Тѣло царя Василія съ торжествомъ было принесено въ Москву и погребено въ Архангельскомъ соборѣ.

10. Взятіе Азова казаками. Послѣ второй Польской войны не было больше войны въ царствованіе Михаила, ибо разрыва съ Турціею постарались избѣжать. Съ этою державою происходили постоянныя сношенія, во время которыхъ Московскіе послы должны были терпѣть непріятности за то, что Донскіе казаки не переставали нападать на Турецкія вла-

дѣнія и громить Турецкіе корабли. Въ 1637 году казаки задумали взять Азовъ, важную Турецкую крѣпость при устьѣ Дона, съ жителями которой у нихъ были безпрестанныя войны. Взявши съ собою 1000 человѣкъ Запорожскихъ казаковъ, Донцы 21 апрѣля выступили къ Азову въ числѣ 4400 человѣкъ. Въ это время проѣзжалъ черезъ ихъ землю въ Москву Турецкій посланникъ Грекъ Кантакузинъ: они его остановили, и, заподозривъ въ сношеніяхъ съ Азовцами, убили. 18 іюня Азовъ былъ взятъ казаками: истребивъ всѣхъ жителей, кромѣ Грековъ, освободивъ плѣнныхъ Христіанъ, завоеватели засѣли въ городѣ и послали вѣсть въ Москву о своей побѣдѣ. Царь отвѣчалъ: «Вы сдѣлали дурно, что Турецкаго посла побили самовольствомъ: ни гдѣ не ведется, чтобъ пословъ побивать, и Азовъ взяли вы безъ нашего царскаго повелѣнья.» Къ Султану царь писалъ: «Казаки Азовъ взяли воровствомъ, они издавна воры, бѣглые холопи и нашего царскаго приказанья ни въ чемъ не слушаютъ; вамъ бы брату нашему, на насъ не досадовать за то, что казаки посланника вашего убили и Азовъ взяли: это они сдѣлали безъ нашего повелѣнья, самовольствомъ, и мы за такихъ воровъ никакъ не стоимъ, и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ воровъ всѣхъ въ одинъ часъ велите побить; мы съ вашимъ султановымъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ.» Но ссоры съ Турками трудно было избѣжать: осенью Крымцы опустошили Московскую украйну и ханъ писалъ въ Москву, что нападеніе сдѣлано по приказу султана за взятіе Азова казаками. Персидская война и смерть султана Мурада долго не позволяли Туркамъ дѣйствовать противъ казаковъ; только въ маѣ 1641 года султанъ Ибрагимъ 1-й двинулъ подъ Азовъ 200,000 войска; но казаки съ отчаяннымъ мужествомъ отразили 24 приступа, и принудили Турокъ снять осаду.

Казаки прислали въ Москву вѣсть о своемъ торжествѣ и вмѣстѣ о жалкомъ положеніи: «Мы наги, босы и голодны, писали они: запасовъ, пороху и свинцу нѣтъ, отъ этого многіе казаки хотятъ идти врознь, а многіе переранены.» Они просили, чтобъ государь принялъ отъ нихъ Азовъ. 3 января 1642 года Михаилъ созвалъ соборъ изо всякихъ чиновъ людей, и велѣлъ спросить выборныхъ: «Государю съ Турецкимъ царемъ за Азовъ разрывать ли, и Азовъ у Донскихъ казакавъ принимать ли? Если принимать и войну съ Турками начинать, то ратныхъ людей понадобится много, хлѣбныхъ, пушечныхъ и всякихъ запасовъ надобно будетъ не на одинъ годъ: такъ гдѣ взять столько денегъ?» Духовенство отвѣчало, что оно радо войску помогать деньгами, сколько силы станетъ. Дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали, что они служить рады, что Азовъ надобно принять; для сбора денегъ пусть государь укажетъ выбрать изъ всякихъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три, и сдѣлать при сборѣ денегъ разницу между богатыми и бѣдными; если же вдругъ понадобятся деньги, то взять патріаршую казну, у архіереевъ и въ монастыряхъ домовую казну; съ купцовъ и черныхъ людей, съ ихъ торговъ, промысловъ и прожитковъ взять денегъ въ казну, сколько государю Богъ извѣститъ; пусть государь велитъ приказныхъ своихъ людей счесть по приходнымъ книгамъ, чтобъ государева казна безъ вѣдома не терялась; при этомъ дворяне и дѣти боярскіе, указывая на свою бѣдность, говорили, что дьяки и подьячіе, получая денежное жалованье, имѣя помѣстья и вотчины, обогатѣвши отъ взятокъ, покупили много вотчинъ, и построили себѣ дома каменные такіе, какихъ прежде и у великородныхъ людей не бывало; наконецъ дворяне и дѣти боярскіе жаловались, что пуще Турецкихъ и Крымскихъ бусурманъ разорены они Московскими несправедливыми судами. Купцы сказали, что они разорились отъ

службъ, отъ послѣдней Польской войны, когда съ нихъ брали много денегъ, отъ иноземцевъ, Нѣмцевъ и Персіянъ, которые отняли у нихъ торги, и отъ воеводъ, которые ихъ грабятъ; въ заключеніе купцы сказали, что ради служить своими головами, за царское здоровье и за православную вѣру помереть.

Но войны не начали: купцы ясно указывали на свое разоренье; служилые люди, указывая на свою бѣдность, для сбора денегъ предлагали такія средства, которыя трудно было привести въ исполненіе, а война предстояла опасная и продолжительная; наконецъ посланные осматривать Азовъ донесли, что городъ этотъ разбитъ и защищать его нельзя. Тогда государь послалъ казакамъ грамоту съ приказаніемъ покинуть Азовъ; казаки вышли изъ города, но прежде не оставили въ немъ камня на камнѣ.

11. Королевичь Вальдемаръ. Въ послѣднее время жизни вниманіе царя Михаила особенно занимали два тяжелыя дѣла по отношенію къ Даніи и Польшѣ. Въ 1642 году государь отправилъ въ Данію посла Проестева предложить королю Христіану IV прислать сына своего Вальдемара въ Москву для женитьбы на старшей дочери царской Иринѣ Михайловнѣ. Предложеніе не было принято, ибо посолъ объявилъ, что Вальдемаръ долженъ принять православную вѣру. Не смотря на то, въ концѣ года государь отправилъ опять въ Данію Нѣмецкаго купца, поселившагося въ Россіи — Петра Марселиса съ тѣмъ же порученіемъ уладить дѣло о сватовствѣ. Марселисъ исполнилъ порученіе, заключенъ былъ договоръ, въ которомъ было сказано, что королевичу въ вѣрѣ неволи не будетъ и церковь ему будетъ поставлена по его закону. Въ началѣ 1644 года Вальдемаръ пріѣхалъ въ Москву, былъ принятъ очень радушно, но когда приступили къ дѣлу, то необходимымъ условіемъ брака для него поставили принятіе православія; Вальдемаръ никакъ не хотѣлъ согла-

ситься на это условіе, требовалъ отпуска, и видя, что его намѣренно задерживаютъ, покушался тайно уйти изъ Москвы, при чемъ дѣло не обошлось безъ кровопролитія.

12, Самозванецъ Луба. Въ то самое время, когда въ Москвѣ не знали, какъ быть съ Вальдемаромъ, шли непріятные переговоры съ Польшею. Послѣ Поляновскаго мира, Михаилъ отправлялъ пословъ къ королю Владиславу съ постоянными жалобами на то, что Польскіе паны и пограничные державцы пишутъ титулъ царскій съ ошибками; Поляки считали это дѣло не важнымъ, но Русскіе утверждали, что для нихъ это дѣло главное — оберегать честь государеву, и требовали жестокаго наказанія виновнымъ, Поляки отговаривались и неудовольствіе росло. Съ своей стороны Поляки жаловались, что возстававшіе противъ нихъ казаки Малороссійскіе находятъ убѣжище въ Московскихъ владѣніяхъ. Наконецъ въ 1643 году отправился въ Польшу посолъ князь Львовъ съ важною жалобою, что Поляки укрываютъ у себя самозванца, который называетъ себя царевичемъ Иваномъ Дмитріевичемъ, сыномъ Тушинскаго царя отъ Марины. Открылось, что шляхтичь Польскій Дмитрій Луба вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ пошелъ въ Москву при войскѣ въ смутное время и былъ тамъ убитъ; сироту взялъ другой шляхтичь Бѣлинскій и привезъ въ Польшу, выдавая за сына Лжедимитрія и Марины, котораго будто бы сама мать отдала ему, Бѣлинскому на сохраненіе. Когда мальчикъ выросъ, то Бѣлинскій объявилъ объ немъ на сеймѣ; Лубу отдали на сбереженіе Льву Сапѣгѣ, назначили ему содержаніе, отдали въ русскій монастырь учиться; но когда заключенъ былъ вѣчный миръ съ Москвою, то объ немъ забыли, какъ о человѣкѣ вовсе ненужномъ, и несчастный молодой человѣкъ, котораго величали Московскимъ царевичемъ, долженъ былъ снискивать себѣ пропитаніе службою у частныхъ лицъ, и тутъ

еще титулъ царевича накликалъ на него страшную бѣду. Князь Львовъ потребовалъ его выдачи. Польское правительство не соглашалось выдать на явную смерть человѣка вовсе невиннаго, паны увѣряли посла, что Луба безвреденъ, немедленно же вступитъ въ духовное званіе; Львовъ отвѣчалъ, что и Гришка Отрепьевъ былъ также постриженъ, однако это не помѣшало ему смутить Московское государство. Наконецъ король Владиславъ отправилъ Лубу съ посломъ своимъ Стемпковскимъ въ Москву, и въ грамотѣ своей просилъ царя отпустить несчастнаго и ничѣмъ невиннаго шляхтича опять въ Польшу, но царь не соглашался, и дѣло затянулось до самой смерти государя, которая послѣдовала 12 іюля 1645 года. Михаилъ оставилъ послѣ себя шестнадцатилѣтняго сына Алексѣя Михайловича и трехъ дочерей.

13. Дѣятельность Михаила и Филарета для возстановленія опустошеннаго государства. Царь Михаилъ вступилъ на престолъ, когда Московское государство находилось въ самомъ печальномъ состояніи. Для освобожденія государства отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ нужно было войско, для содержанія войска нужны были деньги, а казна была расхищена; надобно было наполнять казну податями съ городскаго и сельскаго народонаселенія, но города и села были разорены; жители разбѣжались: изъ городовъ многіе посадскіе люди, чтобъ податей никакихъ не платить, пріѣхали въ Москву и въ другія города и жили здѣсь у родни и друзей; изъ другихъ городовъ посадскіе люди присылали просьбы, чтобъ имъ для разоренья во всякихъ податяхъ дали льготы; иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики (вошли въ зависимость) за бояръ и всякихъ людей, и податей никакихъ вмѣстѣ съ своею братьею, другими посадскими и уѣздными людьми не платили, жили себѣ въ покоѣ; другіе многіе люди присылали жалобы на насиліе и обиды отъ

бояръ и разнаго званія людей. Когда Филаретъ Никитичъ возвратился изъ Польши, то государи созвали соборъ и приговорили: въ разоренные города послать дозорщиковъ добрыхъ, чтобъ они осматривали и описывали всѣ города вправду, безъ взятокъ. Сыскивать вездѣ посадскихъ людей чужихъ городовъ и отсылать въ тѣ города, гдѣ они прежде жили; которые заложились за духовенство, бояръ и другихъ людей, тѣхъ всѣхъ отослать также туда, гдѣ прежде были, а съ тѣхъ людей, за которыми они жили, взять подати за всѣ прошлые годы. Чтобъ знать, въ какомъ состояніи находится городъ и какъ его устроить, взять изъ каждаго города въ Москву по человѣку изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, по два изъ посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды, насильства и разоренья, и какими средствами устроить Московское государство. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ устроенію городовъ были насилія воеводъ и приказныхъ людей, такъ что въ 1620 году правительство разослало грамоты, въ которыхъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія, запрещало воеводамъ и приказнымъ людямъ брать взятки, а городскимъ и уѣзднымъ жителямъ давать ихъ. Особенно терпѣли жители отдаленныхъ областей, напр. Сибирскихъ, жалобы которыхъ не скоро могли достигать Москвы. Кромѣ притѣсненій отъ воеводъ и приказныхъ людей жители городовъ и областей много страдали отъ разбоевъ, которыхъ было много и прежде, а теперь должно было быть еще больше послѣ недавнихъ смутъ и казацкаго господства. Желая какъ можно скорѣе собрать деньги, начали отдавать на откупъ самые мелкіе промыслы; это возбудило сильныя жалобы и правительство въ 1639 году запретило подобные откупа.

14. Иностранные промышленники. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ препятствій промышленность и торговля не могли процвѣтать въ городахъ русскихъ; купцы не могли быть богаты,

не могли соперничать съ купцами иностранными и потому домогались, чтобъ правительство запретило послѣднимъ пріѣзжать во внутренніе города государства. Но пріѣзду иностранныхъ мастеровыхъ и заводчиковъ и правительство и народъ были рады, потому что они давали хлѣбъ бѣднымъ людямъ и отъ нихъ можно было научиться полезнымъ ремесламъ и промысламъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича этихъ иностранцевъ пріѣзжало въ Москву гораздо больше, чѣмъ прежде. Голландскій купецъ Виніусъ устроилъ подлѣ Тулы заводы для литья пушекъ, ядеръ и выдѣлыванія разныхъ другихъ вещей изъ желѣза; извѣстный намъ Марселисъ выпросилъ царскую грамоту для устроенія подобныхъ же заводовъ по рѣкамъ Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ; выданы были привилегіи на извѣстное число лѣтъ и другимъ иностранцамъ для заведенія разныхъ производствъ, и всѣмъ имъ вмѣнялось въ обязанность — русскихъ людей научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать.

15. Сельскіе жители; распространеніе Русскихъ владѣній въ Сибири. Что касается до сельскихъ жителей, то, не смотря на законъ объ укрѣпленіи крестьянъ, богатые землевладѣльцы не переставали переманивать крестьянъ у бѣдныхъ; послѣдніе жаловались, и правительство принимало строгія мѣры противъ нарушителей закона о закрѣпленіи. Въ Европейской Россіи народонаселеніе было такъ рѣдко, что землевладѣльцы переманивали льготами и перевозили силою крестьянъ другъ отъ друга, не смотря на законъ; а между тѣмъ на востокѣ за Уральскими горами все больше и больше прибавлялось къ русскимъ владѣніямъ пустынныхъ пространствъ, требовавшихъ населенія; въ царствованіе Михаила Русскія владѣнія въ Сибири увеличились на 70,000 квадратныхъ миль пустынныхъ пространствъ, ибо прокладыватели путей, казаки продолжали пробираться по пустын-

нымъ рѣкамъ все далѣе и далѣе къ восточному океану и границамъ Китайскимъ, приводя подъ высокую руку государя разсѣянныя толпы дикарей, сбирая съ нихъ ясакъ, часто выводя ихъ изъ терпѣнія своими грабительствами, за которыя иногда приходилось платиться жизнію. Русскіе люди строили здѣсь городки, заводили хлѣбопашество: въ сороковыхъ годахъ государь велѣлъ смотрѣть на рѣкѣ Ленѣ мѣста, удобныя для пашни и кликнуть кличь по охотникамъ заниматься земледѣліемъ, имъ давали льготы, снабжали лошадьми и земледѣльческими орудіями. Такимъ образомъ Русскіе люди, отодвинутые Столбовскимъ и Поляновскимъ договоромъ отъ образованнаго запада, въ пустыняхъ сѣверной Азіи полагали начатки гражданственности, гражданственности Европейской, ибо приносили съ собою христіанство.

16. Исправленіе книгъ. Русская церковь, распространяя свои предѣлы на отдаленномъ востокѣ, должна была прежде всего заботиться о чистотѣ ученія и нравственности, сильно страдавшей отъ недостатка просвѣщенія. Съ возстановленіемъ спокойствія при царѣ Михаилѣ снова началось въ Москвѣ книгопечатное дѣло, прекратившееся въ слѣдствіе разоренія столицы. Но прежде чѣмъ печатать церковныя книги нужно было исправить ихъ отъ грубыхъ ошибокъ, внесенныхъ намѣренно и не намѣренно невѣжественными переписчиками. Это исправленіе въ 1616 году поручено было знаменитому Троицкому архимандриту Діонисію съ двумя товарищами; но невѣжды, едва знавшіе азбуку, обвинили исправителей въ ереси, Діонисія мучили, особенно за то, что не хотѣлъ дать взятки; и онъ освободился изъ заточенія только тогда, когда Іерусалимскій патріархъ, пріѣхавшій въ Москву, указалъ патріарху Филарету на невинность исправителей. Кромѣ исправленія книгъ Русская церковь при Михаилѣ должна была заботиться объ исправленіи нравственности въ духовен-

ствѣ и мірянахъ; особенно должна была вооружиться противъ нравственныхъ безпорядковъ въ Сибири.

17. Просвѣщеніе и литтература. Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи; нововведенія строго преслѣдовались, за употребленіе табаку рѣзали носы: но допущеніе все бо́льшаго и бо́льшаго числа иностранцевъ внутрь государства, явно высказавшаяся потребность въ нихъ, признаніе превосходства ихъ въ наукѣ и всякихъ промыслахъ, признаніе въ необходимости учиться у нихъ, предвѣщали скорый переворотъ въ жизни Русскаго общества, скорое сближеніе съ западною Европою. При царѣ Михаилѣ вызывали изъ-за границы не однихъ ратныхъ людей, не однихъ мастеровъ и заводчиковъ: понадобились люди ученые, и въ 1639 году вызванъ былъ въ Москву извѣстный ученый Голштинецъ Адамъ Олеарій какъ астрономъ, географъ и геометръ «а намъ, говоритъ царь въ своей грамотѣ, такой мастеръ годенъ.» По царскому указу переведена была съ Латинскаго полная козмографія. Съ одной стороны въ наукѣ нуждалось государство для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ, для охраненія цѣлости и самостоятельности своей отъ иностранцевъ болѣе искусныхъ и потому болѣе сильныхъ; съ другой стороны, нуждалась въ наукѣ церковь для охраненія чистоты своего ученія, и вотъ патріархъ Филаретъ заводитъ Греко-Латинское училище. Что касается до литтературныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ Михаиловыхъ, то первое мѣсто занимаютъ здѣсь лѣтописи и сказанія, въ которыхъ заключаются извѣстія о смутномъ времени: такова лѣтопись, изданная подъ именемъ рукописи Филаретовой, также лѣтопись о многихъ мятежахъ и Псковская лѣтопись. Изъ сказаній замѣчательны: Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря, принадлежащее знаменитому Келарю Аврамію Палицыну, и два сказанія, написанныя во Псковѣ: одно принад-

лежитъ человѣку изъ партіи лучшихъ людей, другое человѣку изъ партіи меньшихъ людей; сказанія эти любопытны по различію взглядовъ не только на Псковскія, но и на всероссійскія событія. Изъ иностранныхъ сочиненій о Россіи временъ Михаиловыхъ самое замѣчательное принадлежитъ упомянутому выше Голштинскому ученому Адаму Олеарію.

ГЛАВА XXXIV.

Состояніе Западной Россіи въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка.

1. Іезуиты въ Литвѣ и мысль объ уніи. Обозрѣвши смутное время и возстановленіе спокойствія въ Московскомъ государствѣ при царѣ Михаилѣ, мы должны обратиться теперь къ Западной Россіи, гдѣ шла также сильная борьба, въ рѣшеніи которой долженъ былъ участвовать преемникъ Михаиловъ. Мы видѣли, что Западная Россія примкнула къ болѣе сильному государству Литовскому, а потомъ, при посредствѣ Литвы, соединилась съ Польшею. На первыхъ же порахъ этого соединенія оказались большія неудобства въ слѣдствіе различія исповѣданій, когда при Ягайлѣ и нѣкоторыхъ его преемникахъ Польскіе католики давали себѣ волю увлекаться религіозною ревностію и тѣснить восточное, Русское исповѣданіе. И при Ягеллонахъ подобныя попытки имѣли слѣдствіемъ народную вражду и стремленіе Русскихъ людей оторваться отъ Польско-Литовскаго союза и присоединиться къ восточной Россіи; но при Ягеллонахъ попытки эти не были

постоянны и сильны; иначе пошло дѣло къ концу XVI вѣка, когда были призваны въ Польшу и Литву Іезуиты для борьбы съ распространившимся здѣсь протестантизмомъ. Іезуиты, благодаря своимъ ловкимъ пріемомъ, ослабили протестантизмъ, послѣ чего немедленно обратили свое вниманіе на болѣе опаснаго врага, на старинное, пустившее въ народѣ глубокіе корни исповѣданіе восточное или Русское: противъ него возбудили они фанатизмъ католическаго народонаселенія, противъ него, по ихъ внушеніямъ, начало дѣйствовать правительство, отуманенное фанатизмомъ, неумѣющее разобрать собственнаго интереса; противъ него направлены были ими безпокойныя силы школьной молодежи, противъ него говорили они проповѣди и писали ученыя разсужденія, противъ него дѣйствовали они въ домахъ и школахъ, отрывая русскую молодежь отъ вѣры отцовской.

Знаменитый проповѣдникъ, Іезуитъ Петръ Скарга издалъ книгу: «*О единствѣ церкви Божіей*», гдѣ вооружался противъ Русской церкви, и указывалъ на выгоды, которыя должны были произойти для нея отъ *уніи*, т. е. отъ подчиненія папѣ и принятія католическаго вѣроученія, при оставленіи прежнихъ обрядовъ и церковно-славянскаго богослужебнаго языка. Другой Іезуитъ, извѣстный уже намъ Антоній Поссевинъ, не успѣвши обратить въ католицизмъ Іоанна Грознаго, хлопоталъ объ уніи въ Западной Россіи, для чего просилъ о заведеніи училищъ для русскихъ и въ Римѣ и въ Вильнѣ. Мысль о выгодѣ уніи не могла не распространиться между Русскими людьми въ слѣдствіе очень незавиднаго состоянія ихъ церкви въ Польскихъ областяхъ. Правительство, сначала равнодушное, а потомъ и враждебное, не могло быть внимательно къ интересамъ этой церкви: оно отдавало не только православные монастыри, но и цѣлыя епархіи въ управленіе людямъ, не чувствовавшимъ никакого внутренняго при-

званія къ подобнымъ должностямъ. Такіе пастыри не могли укрѣплять паству въ вѣрѣ и нравственности: отсюда ослабленіе дисциплины церковной, ослабленіе нравственности низшаго духовенства, упадокъ просвѣщенія. Не смотря на то, западно-русское общество умѣло найти въ себѣ средства для борьбы съ опаснымъ врагомъ, для поддержанія своей старой вѣры, а вмѣстѣ съ вѣрою и народности, ибо Русскій человѣкъ, отказавшись отъ православнаго исповѣданія, переходя въ католицизмъ, разрывалъ всѣ связи съ своимъ народомъ. Сначала сильную помощь западно-русской церкви въ борьбѣ ея съ католицизмомъ подали знатные люди, изъ которыхъ самымъ дѣятельнымъ явился князь Константинъ Константиновичъ Острожскій: онъ сносился съ православнымъ востокомъ, собиралъ, издавалъ церковныя книги, заводилъ училища и типографіи, разсылалъ по городамъ Литовско-русскимъ учителей и проповѣдниковъ. Но потомъ большая часть знатныхъ людей ослабѣли въ своей ревности, приняли католицизмъ и ополячились. Обязанность поддерживать русскую вѣру и народность преимущественно должны были принять на себя *братства*.

2. Братства. Братчины или братства представляли явленіе общее всѣмъ областямъ Русскимъ и вели происхожденіе свое изъ глубокой древности: они состояли въ томъ, что для извѣстнаго церковнаго праздника, напримѣръ для Николина дня, прихожане складывались для устроенія общаго пира. Въ Новгородѣ, Псковѣ и въ городахъ Западной Россіи братства имѣли бо́льшое значеніе, бо́льшія права, чѣмъ въ Россіи восточной; въ городахъ западной Россіи они особенно развились подъ вліяніемъ Магдебургскаго права и цеховаго устройства, пріобрѣли опредѣленный кругъ дѣятельности, правъ и обязанностей, обязанностей религіозныхъ, благотворительныхъ; эти братства пріучили своихъ членовъ къ общей самостоятельной

дѣятельности, къ общимъ совѣщаніямъ, при сохраненіи строгаго порядка, уваженія членовъ другъ къ другу и къ выборнымъ старшимъ. И вотъ когда Западно-Русская церковь должна была начать борьбу съ господствующею церковію Латинскою, то въ братствахъ нашла готовыя точки опоры, и отъ поднятія религіозной борьбы, религіозныхъ вопросовъ братства пріобрѣли еще бо́льшее значеніе, вобрали въ себя не однихъ только городскихъ жителей или мѣщанъ, но и дворянство.

Въ описываемое время самое видное мѣсто между братствами занимало братство Львовское (во Львовѣ или Лембергѣ Галицкомъ), основанное въ 1586 году Львовскими мѣщанами, ктиторами (строителями) церкви Успенія Богородицы, по благословенію Антіохійскаго патріарха Іоакима. По уставу этого братства, братья должны были сходиться въ извѣстное время и вносить извѣстное число денегъ; ежегодно выбирать четырехъ старшинъ, которые при сложеніи своихъ должностей обязаны давать отчетъ; нарушеніе уваженія другъ къ другу и другіе непристойные поступки немедленно же наказывались по приговору братства; въ обществѣ братья обязаны были наблюдать другъ за другомъ и доносить братству о безпорядочномъ поведеніи его членовъ; за то каждый членъ имѣлъ право расчитывать на помощь братьевъ въ нуждѣ: братья помогаютъ ему въ судѣ, братья ходятъ за больнымъ и бѣднымъ братомъ, помогаютъ ему братскими деньгами, въ нуждѣ братъ получаетъ братскіе деньги въ займы безъ процентовъ, умершаго брата всѣ братья провожаютъ до мѣста погребенія; покончивъ свои дѣла въ засѣданіяхъ, братья читаютъ священныя книги и скромно другъ съ другомъ разговариваютъ. Кромѣ этихъ правилъ, общихъ всѣмъ братствамъ, патріархъ Іоакимъ далъ Львовскому братству право обличать противныхъ закону христову, истреблять всякое безчиніе въ церкви, далъ право всеобщаго надзора, изъ-подъ котораго не

былъ изъятъ и епископъ, право отлучать отъ церкви. Братство основало школу, гдѣ учились православныя дѣти всякаго званія, завело типографію, гдѣ печатались книги Славянскія и Греческія, устроило госпиталь. Послѣ Львовскаго важное мѣсто занимало братство Виленское.

3. Причины, заставившія нѣкоторыхъ епископовъ желать уніи. Въ 1589 году посѣтилъ Западную Россію Константинопольскій патріархъ Іеремія, возвращавшійся изъ Москвы. Мірскіе люди не замедлили подать ему сильныя жалобы на церковные безпорядки, виною которыхъ были епископы порочные или нерадивые. Въ слѣдствіе этихъ жалобъ патріархъ удалилъ главнаго архіерея, митрополита Кіевскаго Онисифора, и на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу, по рекоммендаціи мірскихъ людей. Михаилъ былъ дѣйствительно человѣкъ безупречнаго поведенія, но слабый, безхарактерный, неспособный занимать первое мѣсто въ такое бурное время. Самымъ дѣятельнымъ, ловкимъ, умнымъ и ученымъ епископомъ Западной Россіи въ это время былъ Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій; но это былъ больше хорошій управитель имѣній церковныхъ, чѣмъ архіерей; по образу жизни, по привычкѣ къ самоуправству, неразборчивости средствъ Терлецкій былъ похожъ больше на тогдашняго свѣтскато пана, чѣмъ на епископа христіанскаго. Не смотря на то, патріархъ далъ Терлецкому званіе своего екзарха съ правомъ наблюдать за епископами, низвергать недостойныхъ. Это право, отнятое такимъ образомъ у митрополита, еще болѣе унизило значеніе Рагозы, возбудило его неудовольствіе противъ патріарха и такимъ образомъ вмѣсто порядка внесены были новые причины безпорядка въ церковь. Митрополитъ былъ недоволенъ учрежденіемъ екзархата въ пользу Терлецкаго; Терлецкій былъ недоволенъ тѣмъ, что, не смотря на званіе екзарха, не пользовался полною довѣренностію патріарха, который выслу-

шивалъ на него жалобы другихъ архіереевъ; во Львовѣ епископъ Гедеонъ Болобанъ велъ соблазнительную борьбу съ тамошнимъ братствомъ, не умѣя никакъ помириться съ правами, данными послѣднему; наконецъ Терлецкій разсорился съ главнымъ столпомъ православія, княземъ Константиномъ Острожскимъ, и въ тоже время подвергая сильному преслѣдованію со стороны католиковъ. Тогда Терлецкій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими епископами, рѣшился избавиться отъ всѣхъ бѣдъ, грозившихъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ, избавиться средствомъ, на которое давно уже указывали Іезуиты—уніею. Епископы представили королю Сигизмунду III грамоту, въ которой соглашались подчиниться римскому папѣ, съ тѣмъ чтобъ Русская церковь сохранила въ цѣлости всѣ свои обряды и богослужебный языкъ, а епископамъ обезпечены были права и вольности, какихъ они желаютъ.

4. Епископы подчиняются папѣ. Король съ радостію принялъ это предложеніе, обѣщалъ епископамъ свои милости, права наравнѣ съ католическимъ духовенствомъ, защиту отъ восточныхъ патріарховъ, неотъемлемость должностей. Скоро Терлецкій пріобрѣлъ себѣ могущественнаго союзника въ новомъ епископѣ Владиміро-Волынскомъ, Ипатіи Потѣѣ. Потѣй, возведенный въ санъ епископа изъ знатныхъ сановниковъ свѣтскихъ, явился великимъ подвижникомъ, воздержникомъ, постникомъ, охранителемъ правъ церковныхъ и чуждымъ суеты мірской; но онъ былъ мало свѣдущъ въ дѣлахъ церковныхъ, равнодушенъ къ вопросу о различіи церквей, и тѣмъ легче могъ быть склоненъ къ уніи, что и другіе православные, даже самъ князь Острожскій желали уніи, какъ средства вывести Русскую церковь изъ тяжкаго положенія. Но князь Острожскій, переписываясь съ Потѣемъ объ уніи, требовалъ, чтобъ это было соединеніе всей восточной церкви съ западною, а не одной западно-русской; Потѣй же считалъ

это неудобоисполнимымъ, и соединился съ Терлецкимъ для приведенія въ исполненіе его плана. Они открыли свой замыселъ митрополиту Михаилу Рагозѣ: этотъ слабохарактерный старикъ, съ одной стороны, видѣлъ для себя большія выгоды отъ уніи и боялся сопротивленіемъ ей разгнѣвать короля; съ другой стороны, боялся сопротивленія православныхъ, боялся разсердить знатныхъ пановъ, начавши дѣло тайкомъ отъ нихъ, и потому началъ хитрить: чрезъ Потѣя и Терлецкаго сносился съ королемъ, торговался съ нимъ на счетъ выгодъ для себя отъ уніи, получалъ требуемое, и въ то же время писалъ православнымъ вельможамъ и братствамъ, что не одобряетъ уніи и не принимаетъ въ ней никакого участія; обманывалъ и Потѣя съ Терлецкимъ, непріѣзжая къ нимъ въ назначенное время на совѣщанія. Но ему нельзя было долго хитрить: князь Острожскій выдалъ посланіе ко всѣмъ православнымъ, въ которомъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, обличалъ митрополита и епископовъ въ отступничествѣ отъ православія; Западная Россія волновалась; видя это, король Сигизмундъ спѣшилъ покончить желанное для него дѣло уніи: Потѣй и Терлецкій вь концѣ 1695 года отправились въ Римъ, и тамъ, отъ имени митрополита и своей братьи, епископовъ, били челомъ папѣ, чтобъ принялъ Русскую церковь подъ свою верховную власть.

5. Брестскій соборъ 1596 года. Въ Римѣ торжествовали возсоединеніе Русской церкви, а въ Варшавѣ на Сеймѣ 1596 года князь Острожскій съ другими православными депутатами требовалъ сверженія епископовъ Потѣя и Терлецкаго за то, что самовольно подчинили Русскую церковь папѣ. Наконецъ для окончательнаго рѣшенія дѣла созванъ былъ соборъ въ Брестѣ, въ октябрѣ 1596 года. Но здѣсь православные и принявшіе унію архіереи не соединились въ общемъ совѣщаніи: три раза православные посылали приглашать къ себѣ митро-

полита и его соумышленниковъ, но они не пришли. Тогда православные, находившіеся подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго Константинопольскимъ патріархомъ экзарха, Грека Никифора, объявили митрополита и всѣхъ епископовъ — уніатовъ лишенными своего сана, и поклялись не отступать отъ восточной церкви. Въ тоже самое время Рагоза съ своими сообщниками предалъ проклятію духовенство, оставшееся вѣрнымъ православію.

6. Борьба православныхъ съ уніатами и католиками; распространеніе просвѣщенія. Такъ произошла унія, или, лучше сказать, раздѣленіе Западно-Русской церкви на православную и уніатскую. Русскіе люди, оставшіеся вѣрными вѣрѣ отцовской, подверглись гоненію: православные церкви запирались; въ селахъ паны отдавали ихъ на откупъ жидамъ, такъ что крестьянинъ, чтобъ окрестить ребенка или похоронить мертваго долженъ былъ прежде идти къ жиду, который за деньги отпиралъ ему церковь. Но это гоненіе, борьба, которую Русскіе люди должны были вести за свою вѣру и народность съ врагомъ, сильнымъ не одними матеріальными средствами, возбудили нравственныя силы ихъ. Такъ какъ уніаты и католики дѣйствовали и перомъ противъ православія, то православные начали защищаться тѣмъ же оружіемъ, издавать книги въ пользу православія противъ уніи и католицизма, въ слѣдствіе чего явилась обширная полемическая литература; чтобъ вести съ успѣхомъ эту борьбу перомъ, Русскіе люди увидали необходимость призвать на помощь науку, и потому начали сильно стараться о распространеніи школьнаго образованія, братства усилили свою дѣятельность. Еще въ 1594 году братство Кіевской Богоявленской церкви завело школу; школа эта сгорѣла въ 1614 году, но въ слѣдующемъ 1615 богатая женщина Анна Гугулевичевна возобновила ее на свой счетъ; самымъ ревностнымъ покрови-

телемъ и распространителемъ этой школы сдѣлался съ 1631 года Петръ Могила, сынъ Молдавскаго воеводы, сперва архимандритъ Кіевопечерской Лавры, а потомъ и митрополитъ Кіевскій: на его счетъ молодые люди, міряне и монахи были отправлены во Львовъ, Римъ и другіе иностранные города, славные своими академіями, чтобъ потомъ быть наставниками въ Кіевской школѣ. Какъ лучшіе люди Западной Россіи понимали свою обязанность въ тяжелое время гоненія, всего лучше видно изъ акта, названнаго Совѣтованіемъ о Благочестіи (1621 года); здѣсь опредѣлено: Епископы должны проповѣдовать правую вѣру, покаяніе и благочестивые дѣла, обходя домы благородныхъ, посылая учениковъ своихъ учить въ церквахъ, не дожидаясь, чтобъ къ нимъ приходили, кланялись или что-нибудь приносили. Должны возбуждать и приготовлять къ мученичеству, какъ самихъ себя, такъ и народъ. Писать и печатать въ защиту благочестія книги; противникамъ возражать письменно, но только посовѣтовавшись съ другими, потому что между русскими разномысліе, а у противниковъ крѣпкое убѣжденіе въ своихъ вѣрованіяхъ и злоба въ сердцахъ на русскихъ. Въ церквахъ каждое воскресенье и праздникъ должна быть проповѣдь. Учреждать по городамъ школы и братства. Вызвать съ Аѳонской горы знаменитыхъ Русскихъ отшельниковъ, а изъ Россіи посылать на Аѳонъ, какъ въ школу духовную.

7. Казаки и ихъ возстанія противъ Польскаго правительства. Но одновременно съ этимъ напряженіемъ нравственныхъ силъ западно-русскаго общества, одновременно съ этою борьбою перомъ и словомъ, шла борьба матеріальная: ее вели казаки. Западные, Малороссійскіе казаки, признававшіе надъ собою власть Польскаго правительства и носившіе въ восточной Россіи названіе Черкасъ, отличались точно такимъ же характеромъ, какъ и восточные, Московскіе казаки.

Они раздѣлялись на городовыхъ казаковъ, носившихъ и названія по городамъ, напримѣръ полкъ Переяславскій, Черкасскій, Миргородскій и т. д., и на Запорожцевъ, жившихъ за Днѣпровскими порогами, въ укрѣпленномъ мѣстечкѣ, называвшемся Сѣчью, и управляемыхъ Кошевымъ атаманомъ. Городовые были болѣе подъ руками правительства; Запорожцы же признавали только по имени его власть и вели одинакій образъ жизни съ Донскими казаками. Кошевой атаманъ и подчиненные ему Куренные атаманы выбирались вольными голосами; свободное отъ походовъ время казаки проводили въ звѣриной или рыбной ловлѣ и въ пирушкахъ; женщины не допускались въ Запорожье. Между Запорожьемъ и Дономъ была тѣсная связь: казаки изъ Запорожья свободно переходили на Донъ и жили тамъ иные лѣтъ по осьмнадцати, и живало ихъ на Дону человѣкъ по 1000; въ Запорожьѣ Донскихъ казаковъ было также очень много. Мы видѣли дѣятельность казаковъ въ Московскомъ государствѣ въ смутное время, видѣли, какъ они ссорили Москву съ Турціею при Михаилѣ. Малороссійскіе казаки своими своевольными нападеніями на Турецкіе берега и громленіемъ Турецкихъ кораблей на Черномъ морѣ, точно также ссорили Польшу съ Турціею, но для Польши эта ссора была опаснѣе по близости границъ ея къ границамъ Турецкимъ. Вотъ почему Польское государство начало стремиться подчинить казаковъ своимъ требованіямъ: эти требованія состояли въ томъ, чтобъ казаковъ было ограниченное, извѣстное правительству число, и чтобъ старшина казацкій находился въ непосредственной зависимости отъ правительства, которое должно распоряжаться всѣми движеніями казаковъ. Но казаки не хотѣли подчиниться этимъ требованіямъ: отсюда въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ мы видимъ рядъ казацкихъ возстаній. Но эти казацкія возстанія противъ Польскаго государства имѣли другой исходъ, чѣмъ

возстанія казаковъ на востокѣ противъ Московскаго государства. Польское государство носило въ себѣ глубокую рану, которая растравлялась все болѣе и болѣе: то была религіозная борьба въ слѣдствіе уніи, сильное гоненіе, которому подвергались православные, въ соединеніи съ тяжкимъ состояніемъ, въ которомъ находилось нисшее, земледѣльческое сословіе. Въ какомъ положеніи находились крестьяне всего лучше видно изъ того, что паны имѣли обыкновеніе отдавать свои населенныя земли въ аренду жидамъ съ правомъ казнить смертью крестьянъ, которые отъ такихъ притѣсненій бѣжали въ казаки или въ предѣлы Московскаго государства. Поэтому казаки, возставая противъ государства за свои казацкіе интересы, въ тоже время, какъ православные Русскіе люди, поднимали знамя во имя вѣры и народности и въ интересахъ низшаго, сильно угнетеннаго сословія; поэтому казацкія возстанія встрѣчали сильное сочувствіе не только въ селахъ, но и въ городахъ; дѣло казацкое сливалось съ дѣломъ священнымъ, народнымъ.

Не смотря на то, что казацкія возстанія на западѣ вначалѣ удавались, оканчивались они всегда торжествомъ Польскаго государства: предводители этихъ возстаній или погибали позорною и жестокою смертію, или должны были бѣжать изъ родной страны. Государство, повидимому, достигло своей цѣли относительно казаковъ: число ихъ было ограничено; старшина ихъ, назначенный правительствомъ, находился въ полной зависимости отъ главнокомандующаго или короннаго гетмана. Но дѣла перемѣнились, когда въ 1648 году начальникомъ казацкаго возстанія явился Богданъ Хмельницкій. Дѣятельность этого знаменитаго гетмана равно относится и къ исторіи западной, и къ исторіи восточной Россіи, гдѣ царствовалъ преемникъ Михаиловъ.

ГЛАВА XXXV.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

1. Правленіе Морозова. Новый царь добротою, мягкостію, способностію сильно привязываться къ близкимъ людямъ былъ похожъ на отца своего, но отличался бо̀льшею живостію ума и характера и получилъ воспитаніе болѣе сообразное своему положенію. Воспитателемъ его былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, проведшій при немъ безотлучно тринадцать лѣтъ. Молодой Алексѣй сильно привязался къ своему воспитателю; царь Михаилъ также очень любилъ и уважалъ Морозова, и, умирая, поручилъ ему сына. Морозовъ былъ человѣкъ умный, ловкій, по тому времени образованный, понимавшій новыя потребности государства, но не умѣвшій возвыситься до того, чтобъ подчинить свои частные интересы общему. Самыми приближенными людьми къ нему были думный дьякъ Назаръ Чистой и князь Трубецкой, и всѣ трое пользовались совѣтами иностраннаго заводчика Виніуса. Въ самомъ началѣ царствованія можно было видѣть, что правленіе находится въ рукахъ человѣка, умѣющаго распоряжаться умно и съ достоинствомъ: немедленно были рѣшены два тяжелыя дѣла, оставшіяся отъ предшествовавшаго царствованія: королевичъ Вальдемаръ былъ съ честію отпущенъ въ Данію, Луба въ Польшу. Узнавъ о нападеніяхъ Крымцевъ на Украйну, новое правительство не хотѣло довольствоваться по прежнему одною оборонительною войною: велѣно было воеводамъ собираться къ Дону и идти на Азовъ; въ то же время шли переговоры съ Польшею о томъ, чтобъ общими силами дѣйство-

вать противъ Крымцевъ. Посолъ короля Владислава, вельможа православнаго исповѣданія, Адамъ Кисель въ витіеватой рѣчи уже славилъ предъ молодымъ царемъ Московскимъ великое время вѣчнаго союза между двумя могущественными Славянскими государствами, которыя десница Вседержителя создала отъ одного корня, какъ два кедра Ливанскіе, прославлялъ наступленіе времени, когда Славяне соединятся по прежнему воедино и наполнятъ весь міръ славою своего имени. Но этимъ выгоднымъ внѣшнимъ отношеніямъ въ началѣ царствованія Алексѣя далеко не соотвѣтствовало внутреннее состояніе Московскаго государства: народъ томился подъ тяжестію налоговъ; купечество было бѣдно въ слѣдствіе той же причины и въ слѣдствіе физическихъ бѣдствій — неурожая и скотскаго падежа, наконецъ въ слѣдствіе дурнаго состоянія правосудія. Въ началѣ 1648 года царь женился на Марьѣ Ильиничнѣ, дочери незнатнаго чиновника, Ильи Даниловича Милославскаго; Морозовъ, чтобъ упрочить свою силу, женился тогда же на другой дочери Милославскаго; этотъ Милославскій, человѣкъ высокомѣрный и жадный, воспользовался своимъ новымъ положеніемъ, чтобъ дать выгодныя мѣста родственникамъ своимъ, которые принялись наживаться; Назаръ Чистой также запятналъ себя лихоимствомъ; наконецъ въ народѣ боялись пристрастія царя и правителя къ иностраннымъ обычаямъ; дѣйствительно употребленіе табаку уже было позволено, только продажа его сдѣлана исключительнымъ правомъ казны. Лѣтомъ 1648 года вспыхнулъ мятежъ въ Москвѣ: народъ потребовалъ выдачи судьи Плещеева, получилъ его и умертвилъ, умертвилъ вмѣстѣ съ нимъ и Чистаго, разграбивъ домы ихъ и многихъ другихъ знатныхъ и богатыхъ людей. На другой день сдѣлался страшный пожаръ въ Москвѣ, послѣ котораго вспыхнуло опять возмущеніе: народъ началъ требовать самого Морозова и окольничаго Трахоніо-

това на смертную казнь: Траханіотова выдали, но Морозова отослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, откуда послѣ, когда все утихло, онъ возвратился въ Москву и пользовался прежнимъ расположеніемъ царя; но теперь уже является на сцену новое могущественное лице въ церкви и государствѣ: то былъ Никонъ.

2. Никонъ. Никонъ, въ міру Никита, родился въ 1605 году, когда для Московскаго государства началось смутное время, подъ впечатлѣніями котораго протекло его дѣтство; родился онъ въ крестьянскомъ быту, въ той чистой, свѣжей странѣ, откуда пришли подъ Москву бойцы за нарядъ, за вѣру, — въ Нижегородской области; младенцемъ лишился онъ матери; отецъ далъ ему мачиху, отъ которой малютка терпѣлъ большія бѣды, не одинъ разъ жизнь его находилась въ опасности. Молодой Никита нашелъ случай выучиться грамотѣ, а это было тогда вѣрнымъ средствомъ для худороднаго человѣка выйти на видъ; обиліе нравственныхъ силъ, энергія не могли позволить Никитѣ долго оставаться въ той средѣ, гдѣ онъ родился; таланты молодаго человѣка рѣзко выдѣляли его изъ толпы, увлекали его впередъ, указывали на дорогу иную. Онъ поступилъ въ монастырь на искусъ; но отсюда однако онъ былъ вызванъ снова въ міръ просьбами родственниковъ; онъ женился и получилъ священническое мѣсто, на 20 году отъ рожденія. Молодой священникъ былъ такъ замѣтенъ своими достоинствами, что Московскіе купцы упросили его перейти въ Москву. 10 лѣтъ жилъ Никита съ женою, но, потерявъ всѣхъ дѣтей, разошелся добровольно съ нею, и ушелъ на Бѣлое море, въ пустынный Анзерскій скитъ, гдѣ и постригся. Слава иноческихъ подвиговъ его въ сѣверныхъ монастыряхъ достигла Москвы, и когда онъ въ 1646 году явился здѣсь, то произвелъ сильное впечатлѣніе на молодаго и религіознаго царя. По желанію Алексѣя Ми-

хайловича, Никонъ былъ сдѣланъ архимандритомъ Московскаго Новоспасскаго монастыря. Въ этомъ новомъ званіи своемъ онъ каждую недѣлю являлся во дворецъ бесѣдовать съ царемъ, при чемъ не упускалъ случая ходатайствовать за утѣсненныхъ, вдовъ, сиротъ. Въ 1648 году Никонъ былъ посвященъ въ Новгородскіе митрополиты, и явился въ Новгородъ съ неограниченною довѣренностію царя, съ правомъ надзора за правленіемъ и судомъ, велъ частую переписку съ государемъ и каждую зиму ѣздилъ къ нему для личнаго свиданія.

3. Уложеніе. Между тѣмъ, немедленно послѣ мятежей, молодой царь усердно занялся важнымъ дѣломъ: 16 іюля 1648 года государь совѣтовался съ патріархомъ, духовенствомъ, боярами и думными людьми о томъ, чтобъ выписать нужныя статьи изъ правилъ апостольскихъ и св. Отцовъ, изъ законовъ Византійскихъ, собрать также указы прежнихъ русскихъ государей, справить ихъ съ старыми судебниками, а на какіе случаи прежнихъ указовъ нѣтъ, написать вновь по общему совѣту, чтобъ Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровно. Собраніе статей и составленіе доклада поручено было боярамъ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольничему князю Волконскому и двоимъ дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Кромѣ того велѣно было выбрать изъ дворянъ, купцовъ и посадскихъ добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобъ со всѣми этими выборными дѣло утвердить нерушимо. Такъ составлено было знаменитое *уложеніе*. Сѣяніе и продажа табаку по прежнему запрещены, остававшійся у казенныхъ продавцевъ табакъ былъ отобранъ и сожженъ. Купцы получили то, чего давно добивались еще въ царствованіе Михаила: Англійскіе купцы высланы были изъ внутрен-

нихъ городовъ государства: имъ позволено было торговать только въ Архангельскѣ съ платою обыкновенной пошлины; кромѣ разныхъ злоупотребленій и притѣсненій Русскимъ купцамъ, Англичанамъ было поставлено въ вину, что они «всею землею учинили большое злое дѣло, государя своего Карлуса короля убили до смерти.» (1649 г.)

4. Мятежи въ Новгородѣ и Псковѣ, и патріаршество Никона. Въ Москвѣ было спокойно, но въ Новгородѣ и Псковѣ ненависть къ иностраннымъ купцамъ была такъ сильна, что не удовольствовались изгнаніемъ Англичанъ, и тѣмъ, что отказались, повидимому, отъ иностранныхъ обычаевъ и запретили табакъ: въ мартѣ 1650 года въ Новгородѣ вспыхнуло возмущеніе противъ Нѣмецкихъ купцовъ, какъ друзей Морозова. Нѣмцы были ограблены, прибиты, посажены въ тюрьму; воевода князь Хилковъ не могъ остановить возмущенія и убѣжалъ къ митрополиту Никону. Бунтующая толпа окружила домъ митрополичій, требуя выдачи воеводы; явился Никонъ и сталъ уговаривать мятежниковъ; въ отвѣтъ раздались крики: «вотъ измѣнничій заступникъ!» и камни посыпались на митрополита. Думая, что Никонъ убитъ, толпа испугалась собственнаго дѣла и разошлась. Но Никонъ не былъ убитъ тѣломъ, еще менѣе духомъ. Раздается благовѣстъ, Никонъ созываетъ духовенство, исповѣдуется, служитъ обѣдню, изможденный ложится въ сани и велитъ везти себя къ присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ собрался народъ. Здѣсь онъ возобновляетъ свои увѣщанія; отвѣта нѣтъ: въ стыдѣ и страхѣ одинъ за другимъ мятежники расходятся. Съ площади Никонъ велитъ везти себя въ Софійскій соборъ и тамъ предаетъ проклятію главныхъ мятежниковъ. Между тѣмъ Никонъ успѣлъ обо всемъ извѣстить царя, который прислалъ въ Новгородъ грамоту, гдѣ писалъ, чтобъ Новгородцы просили милости у митрополита, которому отдано

на волю простить ихъ, однако подъ условіемъ выдачи главныхъ возмутителей. Опять Никонъ явился на площадь, три часа уговаривалъ народъ покориться царскому требованію и успѣлъ уговорить: болѣе 300 зачинщиковъ было выдано, изъ нихъ только одинъ казненъ смертію. Псковичи держались долѣе; съ ними не обошлось безъ войны и кровопролитія; но къ осени и они принесли повинную. — Черезъ два года послѣ этихъ событій (въ іюлѣ 1652) Никонъ былъ посвященъ въ патріархи; онъ согласился принять этотъ санъ только тогда, когда въ Успенскомъ соборѣ бояре и народъ дали ему клятву: «Почитать его какъ архипастыря и отца и дать ему устроить церковныя дѣла.»

5. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи. Никонъ сталъ верховнымъ пастыремъ церкви и главнымъ совѣтникомъ царя въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ рѣшить великій вопросъ о соединеніи Малой Россіи съ Великою или Московскимъ государствомъ. Казацкій сотникъ Зиновій Богданъ Хмельницкій, давно уже извѣстный своею храбростію и ловкостію въ дѣлахъ, жестоко оскорбленный однимъ Польскимъ чиновникомъ и не нашедшій себѣ управы, въ концѣ 1647 года убѣжалъ въ Запорожье, оттуда въ Крымъ, уговорилъ Хана дать ему Татарское войско, и съ этимъ войскомъ явился опять въ Запорожье, куда бѣжали къ нему толпы недовольныхъ изъ Малороссіи. Узнавши объ этомъ возстаніи, два гетмана Польскихъ Потоцкій и Калиновскій пошли весною 1648 года на встрѣчу къ Хмельницкому, но потерпѣли страшное пораженіе въ двухъ битвахъ — при Желтыхъ Водахъ и при Корсунѣ: оба гетмана попались въ плѣнъ и отведены были въ Крымъ. Такое блистательное начало дѣла взволновало всю Украйну: крестьяне поднимались противъ пановъ, духовенство проповѣдовало освобожденіе православныхъ отъ притѣснителей — католи-

ковъ, ненависть сословная соединилась съ ненавистію религіозною. Въ это опасное для государства время умираетъ король Владиславъ, наступаетъ междоцарствіе въ Польшѣ, выборы новаго короля. Недѣятельность правительства, оставшагося безъ главы, усиливаетъ возстаніе; вся Украйна наполняется загонами или вооруженными отрядами, составленными преимущественно изъ возставшихъ крестьянъ, называвшихся гайдамаками. Жители панскихъ мѣстечекъ и селъ обыкновенно принимали гайдамаковъ какъ избавителей, соединялись и вмѣстѣ разрушали господскій домъ, умерщвляли пановъ. Кромѣ пановъ ненависть возставшихъ особенно обращалась на Жидовъ, бывшихъ орудіями панскихъ притѣсненій, также на католическое духовенство и церкви католическія. Поляки платили жестокостями за жестокости; особенною лютостію въ мести отличался самый храбрый и искусный изъ Польскихъ предводителей, окатоличившійся и ополячившійся Русскій вельможа, князь Іеремія Вишневецкій. Между тѣмъ Хмельницкій съ главными силами поразилъ осенью Поляковъ подъ Пилавою, проникнулъ до Львова въ Галиціи, взялъ окупъ съ этого богатаго города. Хмельницкій осаждалъ Замостье, когда получилъ вѣсть объ избраніи новаго короля, Яна Казимира, брата Владиславова. Король прислалъ ему приказаніе отступить въ Украйну и тамъ дожидаться Польскихъ коммисаровъ для начатія мирныхъ переговоровъ. Хмельницкій повиновался; переговоры дѣйствительно начались въ началѣ 1649 года, но не могли повести ни къ чему: Хмельницкій видѣлъ, что онъ крѣпокъ только возстаніемъ народнымъ, и потому, когда Польскій уполномоченный, обѣщая удовлетвореніе Хмельницкому и казакамъ, поставилъ условіемъ, чтобъ они отступились за это отъ мятежной черни, пусть крестьяне воздѣлываютъ поля, а казаки воюютъ, то Хмельницкій отвѣчалъ: «Теперь уже прошло время для переговоровъ: выбью изъ

Польской неволи народъ Русскій весь. Сперва я воевалъ за свою обиду, теперь буду воевать за вѣру православную. Поможетъ мнѣ вся чернь по Люблинъ и по Краковъ, а я отъ нея не отступлю.» Призвавши на помощь Крымскаго хана, Хмельницкій выступилъ на встрѣчу Польскому войску, которымъ предводительствовалъ самъ новоизбранный король Янъ Казиміръ. Король былъ окруженъ Татарами и казаками подъ Зборовомъ и находился въ самомъ затруднительномъ положеніи; но былъ спасенъ союзникомъ Хмельницкаго, ханомъ. Король обѣщалъ хану большія деньги вдругъ и ежегодно, и ханъ ушелъ, выговоривъ только въ пользу союзника, чтобъ король простилъ казаковъ и принялъ въ свою милость Хмельницкаго; съ послѣднимъ заключенъ былъ договоръ, по которому число реестровыхъ казаковъ опредѣлено было въ 40,000; городъ Чигиринъ отданъ гетману казацкому для постояннаго пребыванія; войска коронныя и Жиды не будутъ находиться въ мѣстахъ, назначенныхъ для жительства казаковъ; Іезуитовъ не будетъ тамъ, гдѣ находятся Русскія школы, Кіевскій митрополитъ засѣдаетъ въ Сенатѣ. Но, не смотря на видимыя выгоды договора, Хмельницкій былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе: не съ 40,000 казаковъ только Хмельнацкій дѣйствовалъ противъ Поляковъ; послѣ внесенія въ реестръ 40,000 осталось много лишнихъ, много такихъ загонщиковъ, которые погуляли на счетъ своихъ пановъ, а теперь опять должны были возвратиться въ прежнее состояніе. Хмельницкій принужденъ былъ отказаться отъ союза съ чернію, мало того, онъ долженъ былъ вооружиться противъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ, долженъ былъ казнить смертію тѣхъ изъ нихъ, которые не хотѣли возвратиться въ прежнее состояніе и волновались; волненіе это все болѣе и болѣе увеличивалось и обращалось противъ Хмельницкаго. Гетманъ долженъ былъ признаться, что Зборовскаго договора исполнить нельзя; По-

ляки, съ своей стороны, не исполняли условій договора, не дали Кіевскому митрополиту мѣста въ Сенатѣ, и война опять началась. Хмельницкій опять призвалъ на помощь Крымскаго Хана; но въ сраженіи подъ Берестечкомъ Татаринъ бѣжалъ, слѣдствіемъ чего было пораженіе казаковъ. Подъ Бѣлою церковію заключенъ былъ миръ на условіяхъ далеко не такъ выгодныхъ для казаковъ, какъ Зборовскія, и главное — число реестровыхъ казаковъ уменьшалось до 20,000. Слѣдовательно положеніе Хмельницкаго еще ухудшилось; видя всеобщее неудовольствіе и возстаніе народа въ Малороссіи, онъ позволилъ вписывать въ реестръ и болѣе 20,000. Съ другой стороны Малороссіяне толпами уходили на лѣвый берегъ Днѣпра, въ предѣлы Московскаго государства. И взоры самого гетмана постоянно обращались туда же, все чаще и чаще посылалъ онъ въ Москву бить челомъ, чтобъ царь Алексѣй Михайловичъ принялъ Малороссію подъ свою руку. Но принять Малороссію значило начать войну съ Польшею, съ которою у Москвы былъ вѣчный миръ, хотя и продолжались неудовольствія по причинѣ умаленія царскаго титула Польскими чиновниками; Московское правительство требовало казни виновнымъ, Польское не хотѣло исполнить этого требованія. Началась третья война у Хмельницкаго съ Поляками; гетманъ прислалъ въ Москву съ просьбою, что если царю угодно помирить казаковъ съ Поляками, то чтобъ отправлялъ своихъ пословъ къ королю немедленно, потому что Поляки уже наступаютъ. Лѣтомъ 1653 года Московскіе послы явились въ Польшѣ и потребовали, чтобъ виновные въ умаленіи царскаго титула были казнены; Поляки не соглашались; тогда послы объявили, что царь готовъ простить людей, виновныхъ въ умаленіи его титула, если король перестанетъ тѣснить православную вѣру, уничтожитъ унію и приметъ Хмельницкаго въ подданство по Зборовскому договору. Поляки не согласи-

лись, и войско ихъ двинулось на Хмельницкаго. Тогда государь послалъ сказать гетману, что принимаетъ его подъ свою власть, и 1 октября 1653 года созвалъ соборъ изъ всякихъ чиновъ людей, которому объявилъ о неправдахъ Польскаго короля и противъ Москвы и противъ Малороссіи; объявилъ, что Турецкій Султанъ зоветъ казаковъ къ себѣ въ подданство, но что гетманъ лучше хочетъ быть подъ властію православнаго государя. Соборъ приговорилъ, что надобно принять казаковъ, чтобъ не отпустить ихъ въ подданство къ Турецкому Султану, что надобно объявить войну Польшѣ за притѣсненія православной вѣрѣ и за оскорбленіе царской чести. Тогда государь послалъ боярина Бутурлина взять съ Хмельницкаго, со всего войска и со всей Малороссіи присягу въ вѣрности.

Присяга эта не могла быть взята вскорѣ, потому что Хмельницкій долженъ былъ выступить въ походъ противъ Поляковъ, съ которыми сошелся на Днѣстрѣ, подъ Жванцемъ, недалеко отъ Каменца-Подольскаго. Казаки, по прежнему, были въ союзѣ съ Татарами, и по прежнему Татары измѣнили казакамъ: помирились съ Поляками на выгодныхъ для себя условіяхъ и покинули Хмельницкаго. Гетманъ ушелъ домой въ Чигиринъ, и 8 января 1654 года назначилъ общую раду (народное собраніе) въ Переяславлѣ: «Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и всѣ православные христіане! говорилъ Хмельницкій на радѣ: видно нельзя намъ жить болѣе безъ царя, такъ выбирайте изъ четверыхъ— царя Турецкаго, Хана Крымскаго, короля Польскаго и царя православнаго великой Россіи, царя восточнаго, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Царь Турецкій бусурманъ: извѣстно, какую бѣду терпятъ отъ него наши братья, православные Греки; Крымскій Ханъ то же бусурманъ: подружившись съ нимъ, натерпѣ-

лись мы бѣды; объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить! А православный Христіанскій царь восточный одного съ нами благочестія: кромѣ его царской руки мы не найдемъ лучшаго пристанища. Кто не захочетъ насъ послушать, тотъ пусть идетъ куда хочетъ: вольная дорога!» Тутъ закричало множество голосовъ: «Хотимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу!» Давши присягу, Хмельницкій съ старшинами отправилъ посольство къ царю въ Москву просить объ утвержденіи разныхъ правъ за Малороссіею, и государь утвердилъ слѣдующія: войску Запорожскому быть всегда въ числѣ 60,000; казаки имѣютъ право выбирать гетмана; права шляхты и городовъ остаются прежнія; въ городахъ правителямъ быть изъ Малороссіянъ, имъ же и доходы сбирать; гетманъ имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ, давая объ нихъ знать государю; но если эти послы придутъ съ предложеніями, вредными для государя, то задерживать ихъ и дожидаться указа царскаго; съ Турецкимъ же Султаномъ и Польскимъ королемъ безъ царскаго указа не ссылаться.

6. Война съ Польшею. 18 мая 1654 года царь Алексѣй выступилъ самъ въ походъ противъ Польши, по дорогѣ къ Смоленску и тотчасъ же началъ получать извѣстія о сдачѣ городовъ Русскому войску; 5 іюля государь приступилъ къ Смоленску: и сюда гонецъ за гонцомъ пріѣзжали съ извѣстіями о взятіи Литовскихъ городовъ разными воеводами и о побѣдахъ; 10 сентября сдался и Смоленскъ. Лѣтомъ слѣдующаго 1655 года бояринъ князь Яковъ Черкасскій разбилъ Литовскаго гетмана Радзивила и взялъ столицу Литвы, Вильну; въ слѣдъ за тѣмъ сдались Ковно и Гродно. Съ другой стороны Хмельницкій съ Московскими воеводами дѣйствовалъ противъ Поляковъ на юго-западѣ, взятъ былъ Люблинъ. Съ

третьей стороны напалъ на Польшу Шведскій король Карлъ X Густавъ и также имѣлъ блистательный успѣхъ, овладѣлъ Познанью, Варшавою, Краковымъ. Польша находилась на краю гибели. Тогда Австрійскій дворъ, которому такъ опасно было паденіе дружественной Польши и усиленіе на ея мѣсто враждебной Швеціи, отправилъ двоихъ пословъ Аллегретти и Лорбаха уговаривать царя Алексѣя Михайловича къ миру съ Польшею и къ войнѣ съ Швеціею. Чтобъ уладить это трудное дѣло Аллегретти предложилъ, что Поляки еще при жизни бездѣтнаго Яна Казимира изберутъ Алексѣя Михайловича ему въ преемники, въ слѣдствіе чего царь, защищая свое наслѣдство, долженъ объявить войну Швеціи. Царь, по совѣту Никона, согласился на это условіе, и договоръ былъ заключенъ въ 1656 году. Договоръ этотъ былъ очень выгоденъ для Польши, ибо опасный врагъ дѣлался союзникомъ, чтожъ касается до избранія царя, то оно было только обѣщано; договоръ былъ выгоденъ и для Москвы, ибо всѣ завоеванія оставались за нею, давалось ей время въ нихъ утвердиться, опираясь на русское православное народонаселеніе; Польша не была болѣе опасною; страшна становилась Швеція, которой нельзя было позволить захватить Польшу, послѣ чего надобно же было бы воевать съ нею за Литву.

7. Война съ Швеціею. Въ іюлѣ 1656 года самъ царь двинулся въ походъ къ завѣтной цѣли Московскихъ государей, къ Ливоніи. По завоеваніи Динабурга, Кокенгаузена и другихъ незначительныхъ мѣстъ царь осадилъ Ригу, но осада была неудачна: въ октябрѣ осажденные нанесли сильное пораженіе Русскимъ и заставили ихъ снять осаду; также неудачна была осада Орѣшка (Нотебурга) и Кексгольма; только Дерптъ былъ занятъ Московскими войсками. Въ 1657 году значительныхъ военныхъ дѣйствій не было, въ мелкихъ же Шведы имѣли большею частію верхъ; въ началѣ 1658 года

было заключено перемиріе, оно подтверждено въ концѣ 1659 года въ мѣстечкѣ Валіесарѣ на 20 лѣтъ, при чемъ Москва удержала свои завоеванія — Дерптъ и другія мѣста; но въ 1661 году заключенъ былъ вѣчный миръ въ Кардисѣ, по которому царь уступилъ Швеціи всѣ эти мѣста.

8. Смуты въ Малороссіи по смерти Богдана Хмельницкаго и вторая война съ Польшею. Причиною этого желанія царя успокоить сѣверо-западныя границы были смуты на югѣ, въ Малороссіи, которыя заняли все вниманіе Алексѣя Михайловича. Богдану Хмельницкому очень не нравился союзъ Москвы съ Польшею, и, привыкнувъ къ самостоятельности, старый гетманъ, прямо вопреки обязательствамъ, позволялъ себѣ сноситься съ иностранными государями, враждебными Москвѣ, позволялъ себѣ сноситься и съ Польшею. Это необходимо вело къ разладу. Весною 1657 года Хмельницкій далъ знать государю, что онъ, съ согласія всѣхъ полковниковъ, поручилъ гетманство сыну своему, шестнадцатилѣтнему Юрію и просилъ быть милостивымъ къ послѣднему; царь обѣщалъ эту милость подъ условіемъ вѣрной службы. Въ августѣ того же года Богданъ умеръ, и смерть его послужила знакомъ къ смутѣ. Генеральный писарь (завѣдывавшій всѣми письменными дѣлами войска) Иванъ Выговскій удалилъ Юрія Хмельницкаго и съ помощію приверженныхъ къ себѣ полковниковъ провозгласилъ себя гетманомъ; но Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь и Запорожцы не хотѣли имѣть Выговскаго гетманомъ. Запорожскій кошевой атаманъ Барабашъ прислалъ въ Москву вѣсть, что гетманъ и полковники измѣняютъ, но что вся чернь хочетъ остаться вѣрною государю: «мы, говорили Запорожскіе послы, Выговскаго гетманомъ отнюдь не хотимъ и не вѣримъ ему ни въ чемъ, потому что онъ не природный Запорожскій казакъ, а взятъ изъ Польскаго войска на бою; Богданъ Хмель-

ницкій подарилъ ему жизнь и сдѣлалъ его писаремъ, но онъ, по своей природѣ, войску никакого добра не хочетъ.» Обнаружилось раздѣленіе на двѣ стороны: сторону старшинъ, большею частію стоявшихъ за Выговскаго, и склонныхъ къ возвращенію въ подданство Польское, обѣщавшее имъ больше воли, — и сторону черни, которая жаловалась на притѣсненія отъ старшинъ и была привержена къ Москвѣ, особенно на восточномъ берегу Днѣпра. Царь находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны Выговскій присылалъ въ Москву жаловаться на Пушкаря какъ на бунтовщика, съ другой, Пушкарь присылалъ съ обвиненіями противъ Выговскаго, который наконецъ, не смотря на царское запрещеніе, пошелъ на Пушкаря, разбилъ и убилъ его. Избавившись такимъ образомъ отъ внутренняго врага и усиливъ себя союзомъ съ ханомъ Крымскимъ, Выговскій въ сентябрѣ 1658 года заключилъ съ Польшею договоръ, которымъ поддавался королю на выгодныхъ для себя условіяхъ, потому что Поляки не были скупы теперь на обѣщанія, лишь бы только пріобрѣсть опять Малороссію. Но многіе казаки тотчасъ же объявили себя за Москву; Выговскій сталъ воевать съ ними и съ царскими воеводами, объявляя въ то же время, что онъ вѣренъ царю, а воюетъ только съ своими ослушниками. Лѣтомъ 1659 года Московскій воевода князь Трубецкой былъ разбитъ Выговскимъ и Крымскимъ ханомъ подъ Конотопомъ. Но какъ скоро ханъ вышелъ изъ Малороссіи, то Выговскій увидалъ противъ себя всѣхъ казаковъ, которые провозгласили гетманомъ Юрія Хмельницкаго; Выговскій бѣжалъ въ Польшу, а Хмельницкій присягнулъ царю.

Но этимъ Малороссійскія смуты не кончились, а только начинались, потому что начиналась снова война у Москвы съ Поляками, которые, оправившись, выгнавши Шведовъ изъ своихъ владѣній, и надѣясь на смуты Малороссійскія, не хо-

тѣли ни провозглашать Алексѣя Михайловича наслѣдникомъ Польскаго престола, ни уступать Москвѣ всѣ ея недавнія завоеванія. Эта вторая Польская война далеко не была такъ удачна для Москвы какъ первая: осенью 1659 года воевода князь Хованскій разбилъ и взялъ въ плѣнъ Литовскаго гетмана Гонсѣвскаго; а въ іюнѣ 1660 года былъ разбитъ у Полонки знаменитымъ Польскимъ воеводою Чарнецкимъ, который прославился освобожденіемъ своего отечества отъ Шведовъ. На югѣ бояринъ Шереметевъ положилъ съ гетманомъ Хмельницкимъ двинуться ко Львову двумя разными путями: Хмельницкій, окруженный на этомъ пути Поляками и Татарами, передался на сторону короля; тогда все непріятельское войско устремилось на Шереметева и въ сентябрѣ окружило его подъ Чудновымъ; бывшіе при немъ казаки передались непріятелю, Шереметевъ принужденъ былъ сдаться и отведенъ въ Крымъ въ неволю. Въ 1661 году Русскіе потерпѣли новыя неудачи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, все благодаря князю Хованскому, отличавшемуся своею безразсудною запальчивостію въ битвахъ: потеряны были Вильна, Гродно, Могилевъ; въ слѣдующемъ 1662 году въ Малороссіи князь Ромодановскій вмѣстѣ съ вѣрными казаками разбилъ Хмельницкаго близъ Канева, однако не могъ удержаться на правомъ берегу Днѣпра. Хмельницкій отказался отъ гетманства, постригся въ монахи, и въ преемники ему былъ избранъ Тетеря, присягнувшій королю; но лѣвая сторона Днѣпра осталась за Москвою: здѣсь въ Нѣжинѣ на шумной радѣ избранъ былъ въ гетманы Запорожскій кошевой атаманъ Брюховецкій, который скоро послѣ избранія своего увидалъ у себя на лѣвой сторонѣ самого короля Яна Казимира съ Поляками и казаками правой стороны. Король воевалъ удачно въ концѣ 1663 и началѣ 1664 года, благодаря мѣстничеству Московскихъ воеводъ; онъ занялъ почти всю Малороссію, но успѣхи его были останов-

лены подъ Глуховымъ, который отлично оборонялся, а между тѣмъ князь Ромодановскій и Брюховецкій начали успѣшно дѣйствовать противъ Поляковъ, и король, снявши осаду Глухова, долженъ былъ уйти за Десну, потерявши при этомъ отступленіи много народа отъ голода и холода. Оба государства, и Московское, и Польское, истощенныя продолжительною войною, сильно желали ея прекращенія, и вотъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, въ 1667 году, въ деревнѣ Андрусовѣ (между Смоленскомъ и Мстиславлемъ) бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ заключилъ съ Польшею перемиріе на тринадцать лѣтъ и 6 мѣсяцевъ: царь Алексѣй Михайловичъ отказался отъ Литвы, но пріобрѣлъ Смоленскъ, Сѣверскую страну и Малороссію, которая оставалась за Москвою въ послѣднее время т. е. по сю сторону (лѣвую) Днѣпра, на правой же сторонѣ Днѣпра Москва удержала только Кіевъ на два года.

9. Расколъ и паденіе Никона. Въ то время какъ шли переговоры о мирѣ съ Польшею, царя Алексѣя занимало самое тяжелое дѣло въ его жизни — судъ надъ патріархомъ Никономъ. Первые годы своего патріаршества Никонъ продолжалъ пользоваться неограниченною довѣренностію и сильною привязанностію царя Алексѣя, который называлъ его «особеннымъ своимъ другомъ душевнымъ и тѣлеснымъ». Никонъ управлялъ государствомъ во время отлучекъ царя въ походы, при чемъ оказалъ важную услугу государю, сберегши его семейство во время мороваго повѣтрія; Никонъ назывался великимъ государемъ, подобно царю, титулъ, который носилъ только Филаретъ Никитичъ, но не какъ патріархъ, а какъ отецъ царскій; теперь же опять явились въ Москвѣ два великіе государя, при чемъ Никонъ назывался великимъ государемъ какъ патріархъ, власть патріарха такимъ образомъ приравнивалась къ власти царской. Но это небывалое

приравненіе необходимо возбуждало вопросъ о законности его; вопросъ этотъ долженъ былъ подняться скоро, потому что Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайностей, умѣренно пользоваться своею властію. Съ яснымъ умомъ Никонъ не соединялъ образованія, котораго негдѣ было получить ему тогда; съ необыкновенною энергіею Никонъ не соединялъ вовсе благодушія, снисходительности, не умѣлъ вносить въ отношенія свои къ людямъ теплоты и мягкости, примиряющихъ съ превосходствомъ человѣка, съ его вліяніемъ. Онъ былъ властолюбивъ, и тѣмъ болѣе непріятно давалъ чувствовать свое властолюбіе, что былъ жестокъ и вспыльчивъ, въ сердцахъ не умѣлъ владѣть самимъ собою, не умѣлъ обращать вниманія на то, что говорилъ и дѣлалъ. При такихъ свойствахъ Никонъ, разумѣется, скоро нажилъ себѣ враговъ сильныхъ между придворными, между людьми близкими къ царю. Всякій, кто считалъ себя въ правѣ на какую нибудь власть, на какое-нибудь вліяніе, необходимо сталкивался съ Никономъ, который не любилъ обращать вниманія на чужія права и притязанія, который считалъ для себя унизительнымъ и ненужнымъ пріобрѣтать союзниковъ, который не боялся и презиралъ враговъ. Сама царица, родственники ея, Милославскіе, родственники государя по матери, Стрѣшневы и другіе вельможи скоро сдѣлались врагами Никона. Къ нимъ пристали и многіе изъ духовныхъ значительныхъ лицъ, оскорбленныхъ крутостію нрава Никона, жестокостію наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ. Наконецъ Никонъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе исправленіемъ книгъ и наказаніями, которымъ подверглись люди, не хотѣвшія принять этихъ исправленій.

По недостатку образованности, въ XV и XVI вѣкахъ въ Русской церкви распространилось нѣсколько мнѣній, кото-

рыхъ не допускала православная восточная церковь, мнѣній, касавшихся, большею частію, одной внѣшности, обрядовъ, но очень важныхъ въ глазахъ людей, которые, по умственной неразвитости, придаютъ особенное значеніе внѣшнему, обрядамъ, буквѣ, такъ наприм. что надобно произносить Ісусъ вмѣсто Іисусъ, служить на семи просвирахъ, а не на пяти, складывать два пальца, а не три при крестномъ знаменіи, не брить бороды и усовъ и т. п.; такія мнѣнія даже замѣшались въ такъ называемый Стоглавъ, т. е. въ постановленія, приписываемыя извѣстному намъ собору, бывшему при Іоаннѣ IV въ 1551 году, замѣшались въ богослужебныя книги, и когда эти книги начали печататься безъ надлежащаго исправленія, то ошибки, вкравшіяся въ нихъ, распространились во всемъ народѣ, въ глазахъ котораго явились освященными. Мы видѣли, какимъ гоненіямъ подвергся архимандритъ Діонисій съ товарищами за попытку исправить книги; послѣ Діонисія исправленіе продолжалось, но производилось очень небрежно, безъ знанія дѣла; особенно дурно шло дѣло при патріархѣ Іосифѣ, предшественникѣ Никона: исправители внесли наприм. наставленіе о двуперстномъ сложеніи въ книги самыя употребительныя (псалтырь, катихизисъ и т. п.), издали каждую книгу въ числѣ 1200 экземпляровъ, и вотъ въ нѣсколько лѣтъ, двоеперстіе сдѣлалось господствующимъ во всей Россіи. Греческіе патріархи и другіе архіереи, пріѣзжавшіе въ Москву, замѣтили эти странности и начали указывать на нихъ; Малороссійскіе ученые монахи, Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій, вызванные въ Москву для перевода нужныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, указывали также патріарху Никону на неисправность прежнихъ изданій. Никонъ созвалъ соборъ въ 1654 году и предложилъ вопросъ: «Новымъ ли печатнымъ служебникамъ слѣдовать, или Греческимъ и Русскимъ старымъ?» Соборъ отвѣчалъ, что надобно

исправить книги согласно съ старыми Русскими рукописями и Греческими: приступили къ исправленію, собрали отовсюду старинныя Русскія рукописи, выписали съ Востока старинныя Греческія, поручили исправленіе по нимъ людямъ знающимъ, и прежде всего издали исправленный служебникъ. Но противъ этого Никонова дѣла тотчасъ же обнаружилось сопротивленіе: Коломенскій епископъ Павелъ съ нѣкоторыми другими лицами духовными, большею частію старыми исправителями книгъ при патріархѣ Іосифѣ, явно возсталъ противъ исправленія какъ противъ искаженія и новизнъ (новшествъ, какъ они называли). Ихъ мнѣніе нашло себѣ отголосокъ: не умѣя понять въ чемъ дѣло, привыкши придавать внѣшности, обрядамъ великое значеніе, ужаснулись при слухѣ, что въ священную сферу церковную вводятъ новшества, велятъ молиться по новому, не такъ какъ молились предки, не такъ какъ молились святые угодники и спаслись. Извѣстно, какое сильное вліяніе имѣютъ на воображеніе народное апокалипсическія представленія: съ мыслію о новостяхъ въ вѣрѣ, о перемѣнѣ вѣры сейчасъ же соединилась мысль о послѣднемъ времени, объ антихристовомъ пришествіи. Эти страхи тѣмъ болѣе имѣли силы, что внушались они людьми, имѣвшими вліяніе на толпу, людьми знающими писаніе, начетчиками; въ числѣ этихъ людей были епископъ, протопопы; наказаніе, которому подверглись эти люди за свое сопротивленіе собору, еще болѣе усилило ихъ значеніе, выставивъ ихъ мучениками за правду, еще болѣе усилило ненависть къ Никону, какъ мучителю людей праведныхъ.

Такимъ образомъ много ненавистей скоплялось надъ головою Никона. Придворные враги его успѣли указать государю, что великій государь патріархъ превышаетъ власть свою, успѣли поселить холодность между нимъ и царемъ. Характеръ Никона давалъ врагамъ его всѣ выгоды надъ нимъ; ору-

жіе было неравное: враги дѣйствовали тайно, усильно, постоянно, а Никонъ, вмѣсто того, чтобъ при первомъ признакѣ охлажденія, спѣшить къ царю, стараться отстранить всякое недоразумѣніе, бороться, отражать нападенія враговъ, — вмѣсто всего этого Никонъ удалялся, и такимъ образомъ оставлялъ своимъ противникамъ поле сраженія. Никонъ былъ одаренъ способностію пріобрѣтать вліяніе, но не былъ способенъ сохранить пріобрѣтенное; онъ не могъ снизойти до средствъ, которыя употреблялись врагами его, не могъ снизойти до мысли, что ему должно бороться, защищаться, ему, который долженъ повелѣвать. Удаленіе Никона отъ царя повело къ усиленію охлажденія между ними; Никона перестали призывать во дворецъ въ важныхъ случаяхъ, царь сталъ избѣгать встрѣчи съ нимъ въ праздники, во время патріаршаго служенія. Однажды князь Ромодановскій пришелъ въ Успенскій соборъ объявить патріарху, что государь не будетъ къ обѣдни, и между нимъ и Никономъ вышла брань, Ромодановскій сталъ упрекать его въ гордости, въ присвоеніи титула великаго государя. Никонъ не выдержалъ: послѣ обѣдни онъ объявилъ народу, что если не хотятъ слушаться его, вопреки клятвамъ, то онъ больше не патріархъ, поставилъ свой посохъ къ Владимірской иконѣ Богоматери, и написалъ гнѣвное письмо къ царю, въ которомъ просилъ себѣ кельи для жительства. Народъ пришелъ въ сильное волненіе, начался плачъ; народъ очень любилъ Никона, ибо ни одинъ изъ патріарховъ не раздавалъ такой щедрой милостыни бѣднымъ, ни одинъ такъ усердно не хлопоталъ за несчастныхъ. Когда Никонъ хотѣлъ выйти изъ церкви, то народъ не пустилъ его: ждали, что придетъ царь, послѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними. Но царь не пришелъ, а прислалъ сказать Никону, что можетъ избрать себѣ монастырь какой хочетъ. Никонъ вышелъ изъ собора и, въ сопровожденіи многочисленной тол-

пы народа, пѣшкомъ отправился не на патріаршій дворъ, а на Воскресенское подворье, откуда уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), имъ построенный.

Не смотря на охлажденіе, существовавшее между царемъ и Никономъ, Алексѣй Михайловичъ не могъ рѣшиться покончить съ послѣднимъ, т. е. созвать соборъ для избранія новаго патріарха; долго послѣ этого онъ позволялъ Никону сердиться, жить внѣ Москвы и все оставаться патріархомъ, хотя такое положеніе дѣлъ не могло не отозваться ко вреду церкви. При удобныхъ случаяхъ Алексѣй Михайловичъ давалъ чувствовать Никону, что помнитъ и заботиться объ немъ, но Никонъ встрѣчалъ жестко эти выраженія заботливости со стороны царя; для обоихъ положеніе ихъ было тяжело; царь вызывалъ Никона на объясненіе, тотъ спѣшилъ на него: но при встрѣчѣ ни одинъ не хотѣлъ первый начать это объясненіе, ждалъ его отъ другаго. Наконецъ царь созвалъ соборъ, гдѣ послышалось мало голосовъ за Никона, который успѣлъ между тѣмъ сильно раздражить царя рѣзкими выраженіями на его счетъ въ письмахъ къ греческимъ архіереямъ, и выходками, которыя позволялъ себѣ въ своей запальчивости. Положили снестись съ Восточными патріархами, вызвать ихъ для рѣшенія дѣла. Попытка боярина Зюзина вызвать Никона обманомъ въ Москву и устроить свиданіе и объясненіе между нимъ и царемъ, не удалась: Никонъ пріѣхалъ въ Москву, но царь, удержанный врагами его, не пошелъ на свиданіе, и Никону велѣно было ѣхать назадъ въ Воскресенскій монастырь. Въ 1666 году пріѣхали въ Москву два патріарха — Александрійскій и Антіохійскій и на соборѣ осудили Никона на низверженіе изъ архіерейскаго сана и заточеніе въ монастырь за самовольное оставленіе патріаршества, за самовольныя, безъ собора, низверженія, проклятія и жестокія наказанія духовныхъ лицъ, наконецъ за выходки противъ патріар-

ховъ, царя и бояръ. Никона заточили въ Бѣлозерскую Ѳерапонтову пустыню.

10. Соловецкое возмущеніе. Патріархи осудили Никона, но одобрили дѣло исправленія книгъ. Новоисправленныя книги были разосланы всюду, но не вездѣ ихъ принимали: монахи по пустынямъ, священники по селамъ продолжали употреблять старыя, а въ Соловецкомъ монастырѣ дѣло дошло до явнаго возмущенія. Узнавъ, что монахи этого монастыря не принимаютъ новыхъ книгъ, изъ Москвы отправили къ нимъ архимандрита съ царскою грамотою; но монахи отвѣчали посланному: «Указу великаго государя мы послушны и во всемъ ему повинуемся, но повелѣнія о новоизданныхъ книгахъ не принимаемъ.» Всѣхъ больше шумѣлъ бывшій архимандритъ Саввина монастыря Никаноръ, который жилъ въ Соловкахъ на покоѣ: сложивши три первыя пальца онъ кричалъ: «Это ученіе и преданіе латинское, преданіе антихристово — я готовъ пострадать!» Тогда присланный изъ Москвы архимандритъ началъ задавать раскольникамъ страшные вопросы: «Какъ вамъ кажется — великій государь царь Алексѣй Михайловичъ православенъ ли?» Тѣ отвѣчали, что православенъ. «А повелѣнія его православны?» На это монахи смолчали. «А какъ вамъ кажется, продолжалъ спрашивать архимандритъ: соборъ, отъ котораго я присланъ, православенъ ли?» Монахи отвѣчали: «Патріархи восточные прежде были православны, а теперь Богъ вѣсть, потому что живутъ въ неволѣ, Россійскіе же архіереи православны.» «А соборное повелѣніе, со мною присланное, православно ли?» — «Повелѣнія ихъ не хулимъ, отвѣчали монахи, а новой вѣры и ученія ихъ не принимаемъ, держимъ преданіе св. чудотворцевъ, и за ихъ преданіе хотимъ всѣ помереть.» Въ челобитныхъ своихъ монахи писали царю: «Въ новыхъ книгахъ Никона патріарха вмѣсто *Ісуса* написано съ приложеніемъ лиш-

ней буквы *Іисусъ*, что намъ грѣшнымъ страшно и помыслить: милосердый государь! помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, не вели нарушить преданіе прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, Соловецкихъ чудотворцевъ!» Монахи удержались при страшныхъ вопросахъ: не принимая новыхъ книгъ, не хотѣли однако разрывать ни съ церковію, ни съ государствомъ. Но когда возмущеніе усилилось, и когда власть перешла къ мірянамъ, къ ратнымъ людямъ, составлявшимъ гарнизонъ монастыря, то эти пошли дальше, объявили, что не хотятъ молиться за государя и запрещали монахамъ молиться за него. Противъ возмутившихся отправлено было войско въ 1668 году.

11. Бунтъ Разина. Но въ то время какъ осада Соловецкаго монастыря тянулась медленно по недостатку средствъ и энергіи у осаждавшихъ воеводъ, возмущеніе болѣе широкое и опасное пылало на противоположномъ концѣ государства, въ низовьяхъ Волги и Дона, гдѣ опять поднялись казаки на государство. Въ 1667 году дали знать государю, что на Дону собираются многіе казаки, хотятъ идти воровать на Волгу. Царь, въ своей грамотѣ къ Астраханскимъ воеводамъ всего лучше объясняетъ намъ, какъ составлялись въ то время эти казацкія сборища: «Въ Донскіе городки пришли съ Украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и отъ того теперь на Дону голодъ большой.» Старшины старыхъ Донскихъ казаковъ не сочувствовали этой новоприбылой толпѣ, этимъ *голутвеннымъ* людямъ (голь, голяки), какъ ихъ тогда называли, и потому голутвенные должны были искать себѣ особаго предводителя и дѣйствовать особо; предводитель нашелся: то былъ Донской казакъ Степанъ Тимоѳеевъ Разинъ съ братомъ Фроломъ. Сперва Разинъ хотѣлъ промышлять по обычаю надъ Азовомъ, но не былъ допущенъ Донцами, которые находились въ мирѣ съ Азовцами; тогда Ра-

зинъ рѣшился пробраться на востокъ, на Волгу и на Яикъ (Уралъ), откуда получилъ приглашеніе отъ подобныхъ ему воровскихъ казаковъ; Разинъ счастливо пробрался на Яикъ, взялъ обманомъ здѣшній городокъ и засѣлъ въ немъ на зиму; царскіе отряды, высланные противъ него, были разбиты; на служилыхъ людей и горожанъ напалъ страхъ, пошелъ слухъ, что Разинъ колдунъ, что его ни ружье, ни сабля ни беретъ и пушки по немъ не стрѣляютъ; тѣмъ съ большею охотою собирались въ разныхъ мѣстахъ воровскія шайки для соединенія съ счастливымъ атаманомъ. Весною Разинъ вышелъ въ Каспійское море, грабилъ всѣ суда, шедшія изъ Персіи въ Астрахань, приставалъ къ Персидскимъ берегамъ, опустошалъ села, города, разбилъ Персидскій флотъ. Въ концѣ лѣта 1669 года Разинъ возвратился въ устье Волги съ огромною добычею; къ нему на встрѣчу выплылъ изъ Астрахани отрядъ царскаго войска; но вмѣсто битвы воевода послалъ сказать Разину, что государь проститъ его, позволитъ возвратиться спокойно на Донъ, если казаки отдадутъ пушки, взятыя изъ царскихъ судовъ и городковъ, служилыхъ людей, забранныхъ неволею, морскія суда и плѣнныхъ Персіянъ. Мы видѣли изъ примѣра Донскихъ казаковъ, что государство при слабости своей, смотрѣло не такъ строго на дѣйствія казаковъ, если они обращались только противъ чужихъ странъ; при слабости государства считалось нужнымъ давать выходъ этимъ безпокойнымъ силамъ; примѣръ Польши и казаковъ Малороссійскихъ научилъ, какъ опасно было удерживать у себя эти силы въ далекихъ Украйнахъ; на устьяхъ Волги воеводы не имѣли достаточно войска и потому не могли надѣяться на вѣрный успѣхъ въ борьбѣ съ казаками, доведенными до крайности и притомъ боялись сочувствія къ казакамъ въ своихъ ратныхъ людяхъ, въ стрѣльцахъ и въ остальномъ народонаселеніи, особенно въ низшихъ слояхъ его. Чѣмъ необразованнѣе

общество, тѣмъ сильнѣе въ его членахъ стремленіе обнаруживать, употреблять физическую силу, тѣмъ сильнѣе въ нихъ стремленіе какъ можно меньше трудиться, а жить на счетъ чужаго труда; подобная жизнь пріобрѣтаетъ для нихъ особенную прелесть, особый почетъ; отсюда у варварскихъ народовъ презрѣніе къ труду, который предоставляется рабамъ и женщинамъ, и почетъ исключительный войнѣ, которая у варваровъ значитъ одно и то же, что хищничество. Какъ въ Русскомъ украинскомъ народонаселеніи сильно было сочувствіе къ казацкому житью-бытью, къ казацкимъ подвигамъ, видно изъ того, что когда купцы изъ украинскихъ городовъ пріѣзжали на Донъ къ казакамъ для торговли и узнавали, что казаки сбираются на море громить Турецкіе берега и корабли, то присоединялись къ нимъ. Тѣмъ больше сочувствія къ казакамъ было у холопей и крестьянъ, которыхъ казачество прельщало вольностію.

Разинъ принялъ предложеніе царскихъ воеводъ, пріѣхалъ въ Астрахань, принесъ повинную; но условій, на которыхъ получилъ прощеніе, не исполнилъ, не выдалъ всѣхъ плѣнныхъ и всѣхъ пушекъ; воеводы не настаивали, потому что удаль, счастье, богатство, щедрость Разина произвели сильное впечатлѣніе на Астраханскій народъ. Въ началѣ сентября Разинъ отправился изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, и на дорогѣ еще началъ буйствовать, а когда явился на Донъ, то со всѣхъ сторонъ начали сбираться къ нему *голутвенные*; онъ сдѣлался предводителемъ особаго большаго войска, не хотѣлъ знать стараго атамана Донскихъ казаковъ, Корнила Яковлева, удерживавшаго казаковъ въ покорности государству, и прямо кричалъ, что пора идти противъ бояръ. Въ маѣ 1670 года Разинъ съ своею шайкою поплылъ вверхъ по Дону, переволокся на Волгу; большинство жителей Царицына сдали ему свой городъ, царскій воевода погибъ отъ мятежни-

ковъ. Отрядъ стрѣльцовъ, высланный противъ Разина, былъ разбитъ, Камышинъ сданъ, въ Астрахани между стрѣльцами и простымъ народомъ обнаружилось расположеніе къ знаменитому атаману. Подъ Чернымъ Яромъ Разинъ встрѣтилъ флотъ, шедшій противъ него подъ начальствомъ одного изъ Астраханскихъ воеводъ, князя Семена Львова; но стрѣльцы, плывшіе на этомъ флотѣ, какъ только увидали Разина, закричали: «Здравствуй, нашъ батюшка! Смиритель всѣхъ нашихъ лиходѣевъ!» начали вязать своихъ начальниковъ и выдавать казакамъ. «Будутъ противъ меня драться въ Астрахани?» спросилъ ихъ Разинъ. Ему отвѣчали: «въ Астрахани свои люди: только ты придешь, тутъ же тебѣ городъ сдадутъ.» И дѣйствительно, какъ только (въ іюнѣ) Разинскіе казаки приступили къ Астраханскому кремлю, то сами Астраханцы подавали имъ руки и пересаживали черезъ стѣны. Когда казаки вошли въ городъ, то чернь бросилась бить людей высшихъ чиновъ, ограблены были церкви, лавки; Астрахань, какъ и всѣ города, занимаемые мятежниками, получила казацкое устройство, т. е. жители раздѣлены на тысячи, сотни и десятки подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и десятниковъ, заведенъ казацкій кругъ или старинное вѣче, начались безпрерывныя убійства лучшихъ людей и бражничанье казаковъ съ чернью. Старшій воевода, князь Прозоровскій былъ сброшенъ съ высокой колокольни, сынъ его также варварски умерщвленъ.

Въ половинѣ іюля, Разинъ, оставивъ въ Астрахани атаманомъ Василья Уса, поплылъ вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, Самару, въ которыхъ поступалъ также какъ и въ Астрахани; разсыльные его разсѣялись по нынѣшнимъ губерніямъ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской и дальше, поднимая чернь противъ лучшихъ людей, обѣщая вездѣ установить казацкое равенство; но, зная, что въ народѣ крѣпко

уваженіе къ царю и духовенству, Разинъ распустилъ слухъ, что при немъ находится сынъ царя Алексѣя Михайловича, царевичь Алексѣй (умершій въ началѣ того же года) и патріархъ Никонъ; возмущены были Черемисы, Чуваши, Мордва, Татары. Но эти мятежники не дождались къ себѣ Разина: въ сентябрѣ подошелъ онъ подъ Симбирскъ, подъ которымъ цѣлый мѣсяцъ былъ задержанъ воеводою Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ, а между тѣмъ успѣлъ подойти къ Симбирску князь Юрій Борятинскій съ царскимъ войскомъ, съ солдатами, выученными по новому, и поразилъ на голову Разина, который послѣ того ночью, бросивъ своихъ союзниковъ — чернь, убѣжалъ съ одними казаками внизъ по Волгѣ; остальные мятежники бросились было бѣжать за нимъ, но были настигнуты и разгромлены царскими войсками. Обаяніе, производимое Разинымъ, исчезло послѣ первой неудачи: его не впустили теперь ни въ Самару, ни въ Саратовъ; пріѣхавъ зимою на Донъ, онъ хотѣлъ было поднять здѣшнихъ казаковъ, но не успѣлъ; атаманъ Корнила Яковлевъ схватилъ Разина и отослалъ въ Москву, гдѣ его казнили 6 іюня 1671 года.

Послѣ бѣгства Разина изъ-подъ Симбирска бунтъ продолжался еще между Окою и Волгою: какъ въ смутное время, крестьяне убивали помѣщиковъ и управителей, составляли казацкія шайки и страшно свирѣпствовали надъ лучшими людьми въ захваченныхъ ими городахъ; Мордва, Чуваши и Черемисы также разбойничали. Князь Борятинскій поразилъ мятежниковъ въ Алатырскомъ уѣздѣ (въ ноябрѣ 1670); съ другой стороны князь Щербатовъ разбилъ другую толпу, сбиравшуюся было приступить къ Нижнему Новгороду; князь Долгорукій поразилъ третью подъ Арзамасомъ, послѣ чего бунтъ былъ утишенъ; при этомъ утишеніи погибло до ста тысячъ народа. Въ Астрахани намѣстникъ Разина, Васька Усъ продолжалъ сви-

рѣпствовать, пыталъ и сбросилъ съ колокольни митрополита Іосифа; казаки отправились было вторично изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, но вторично потерпѣли пораженіе подъ Симбирскомъ отъ воеводы Шереметева. Прежній защитникъ Симбирска, бояринъ Милославскій подступилъ подъ Астрахань, которая и сдалась въ ноябрѣ 1671 года. Но на сѣверѣ, при осадѣ Соловецкаго монастыря правительство не могло употребить большаго войска, и потому эта осада продлилась до 1676 года: 22 января этого года воевода Мещериновъ взялъ наконецъ монастырь приступомъ и перевѣшалъ мятежниковъ.

12. Смуты Малороссійскія, война Турецкая и кончина царя Алексѣя. Въ то время какъ царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ заниматься укрощеніемъ мятежей на сѣверѣ и юго-востокѣ, смуты не прекращались въ Малороссіи, по поводу которыхъ Московское государство должно было теперь вступить въ борьбу съ Турціею. Осенью 1655 года пріѣхалъ въ Москву гетманъ Брюховецкій вмѣстѣ съ другими начальными людьми Малороссійскими и билъ челомъ, чтобъ государь принялъ всѣ Малороссійскіе города, чтобъ доходы съ нихъ собирались прямо въ государеву казну, и чтобъ государь послалъ во всѣ города воеводъ своихъ съ людьми ратными. Подъ челобитьемъ Брюховецкій подписался *холопомъ* государевымъ, тогда какъ прежде гетманы подписывались *вѣрными слугами и подданными.* Государь велѣлъ за это Брюховецкаго милостиво похвалить, пожаловалъ его въ бояре, другихъ старшинъ, пріѣхавшихъ съ гетманомъ, въ дворяне; всѣ получили богатые подарки; наконецъ Брюховецкій женился въ Москвѣ на дочери боярина Шереметева и взялъ за нею богатое приданое. Въ Москвѣ всѣ — и Великороссіяне, и Малороссіяне были довольны; но не были довольны въ Малороссіи. Ропотъ поднялся въ народѣ, когда прі-

ѣхали Московскіе чиновники, наложили подати, переписали народъ; самовольные и жестокіе поступки Брюховецкаго увеличивали неудовольствіе; жители Переяславля возмутились и поддались гетману Западной стороны, Дорошенку, который не хотѣлъ болѣе зависѣть отъ слабой Польши и поддался Турціи. Казацкіе послы, ѣздившіе въ Москву съ жалобами на воеводъ и сборщиковъ податей, и не получившіе удовлетворенія, распустили въ Малороссіи слухъ, что царь хочетъ отдать ее Полякамъ; движеніе Московскихъ войскъ въ Малороссію еще болѣе усилило волненіе; Нѣжинскій епископъ Меѳодій стращалъ Брюховецкаго и поджигалъ его противъ Москвы. Въ это время Дорошенко присылаетъ сказать Брюховецкому, что западная часть Украйны освободилась отъ Поляковъ, пусть онъ, Брюховецкій освободитъ восточную отъ Москвы и будетъ гетманомъ надъ обѣими. Брюховецкій, прельщенный честію быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, вдался въ обманъ, и въ январѣ 1668 года созвалъ раду въ Гадячѣ, гдѣ было положено: отступить отъ царя Алексѣя, поддаться султану Турецкому, послать за Татарами въ Крымъ и выживать изъ городовъ воеводъ Московскихъ. Возвратившись послѣ рады по домамъ, полковники казацкіе тотчасъ же затѣяли ссоры съ воеводами и начали выбивать ихъ изъ городовъ. Но Брюховецкій не долго нажилъ послѣ этого: казаки его передались Дорошенкѣ, который велѣлъ убить Брюховецкаго.

Дорошенко, ставши гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, дѣйствовалъ удачно противъ Московскихъ войскъ на лѣвой сторонѣ, но не могъ долго пробыть здѣсь самъ, и оставилъ наказнымъ гетманомъ Многогрѣшнаго. Слѣдствіемъ этого удаленія Дорошенка былъ то, что восточная сторона опять поддалась Москвѣ. Въ мартѣ 1669 года созвана была рада въ Глуховѣ, гдѣ Многогрѣшный былъ избранъ гетманомъ, послѣ

чего постановлено было, чтобъ воеводамъ Московскимъ и ратнымъ людямъ быть только въ Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ, и не должны они мѣшаться въ дѣла Малороссійскія; доходы въ казну будутъ собирать Малороссіяне, какъ было при Богданѣ Хмельницкомъ; изъ этихъ доходовъ получаютъ жалованье старшины и казаки, которыхъ остается 30,000; гетманъ будетъ жить въ Батуринѣ. И двухъ лѣтъ не пробылъ Многогрѣшный на гетманствѣ: старшины вдругъ напали на него, схватили, сковали и отослали въ Москву, обвиняя его въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, въ намѣреніи поддаться Султану. Свергнутаго гетмана сослали въ Сибирь, и въ іюнѣ 1672 года избранъ былъ на его мѣсто Иванъ Самойловичъ.

Между тѣмъ, въ слѣдствіе подданства Дорошенкова Турціи, новая, опасная война стала грозить обоимъ государствамъ, и Московскому, и Польскому, ибо султанъ, принимая въ свое покровительство Дорошенко, не думалъ ограничиваться одною тою областью, гдѣ господствовалъ послѣдній, но объявлялъ себя повелителемъ всѣхъ казаковъ, всей Украйны, подѣленной между Москвою и Польшею. Вотъ почему еще въ концѣ 1667 года между царемъ Алексѣемъ и королемъ Яномъ Казиміромъ заключенъ былъ договоръ, по которому оба государя обязались сообща очищать Украйну отъ Турокъ. Весною 1672 года заключенъ былъ новый договоръ съ преемникомъ Яна Казиміра, Михаиломъ Вишневецкимъ, по которому царь обѣщалъ помогать Польшѣ противъ Турокъ войскомъ Калмыцкимъ, Татарскимъ, Ногайскимъ, Донскими и Запорожскими казаками. Въ августѣ 1672 года гроза разразилась: Султанъ Магометъ IV, окончивши войну съ Венеціанами, устремился на Украйну, въ то время когда въ Польшѣ царствовала страшная смута между королемъ и вельможами, мѣшавшая быстрому и общему дѣйствію; Крымскій ханъ и

Дорошенко присоединились къ султану, который взялъ Каменецъ, оплотъ Польши съ юга: церкви христіанскія были обращены въ мечети, улицы мостили образами. Въ Москвѣ царь созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ и думныхъ людей, извѣстилъ его объ успѣхахъ султана, о замыслахъ его идти весною подъ Кіевъ, и спрашивалъ, что дѣлать? Назначили чрезвычайные сборы, царь объявилъ намѣреніе принять лично начальство надъ войскомъ; но до этого не дошло: король Михаилъ поспѣшилъ заключить миръ съ султаномъ, отдавши ему казаковъ, Каменецъ и обязавшись платить ежегодную дань. Но сеймъ отказался утвердить постыдный договоръ короля своего; война продолжалась. тутъ-то прославился своими подвигами коронный гетманъ Янъ Собѣскій.

Въ 1673 году умеръ король Михаилъ. Противная Яну Собѣскому сторона предложила престолъ Польскій сыну царя Алексѣя, царевичу Ѳеодору; но самъ царь хотѣлъ быть избраннымъ въ короли; дѣло, какъ и прежде, не могло состояться потому, что Поляки не хотѣли имѣть королемъ не католика. Избранъ былъ Янъ Собѣскій. Между тѣмъ въ концѣ 1673 и въ 1674 году Московскія войска вмѣстѣ съ восточными Малороссійскими казаками вели счастливо войну съ Дорошенкомъ и Татарами на западной сторонѣ Днѣпра. Но плоды этихъ успѣховъ были потеряны, когда въ другой разъ явился Турецкій султанъ въ Украйнѣ: Московскія войска ушли на свою сторону Днѣпра и несчастная западная сторона подверглась страшному опустошенію; когда султанъ ушелъ, Московскія войска опять начали утверждаться на западной сторонѣ; но въ это время, 29 января 1676 года умеръ царь Алексѣй Михайловичъ, на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія. Отъ первой жены, Марьи Ильиничны Милославской (умершей въ мартѣ 1669 года) онъ оставилъ двоихъ сыновей Ѳеодора и Ивана и шесть дочерей; отъ второй, Натальи Ки-

рилловны Нарышкиной (на которой женился въ январѣ 1671 года) сына Петра (родившагося 30 мая 1672 года) и двухъ дочерей. Наслѣдникомъ своимъ царь въ 1674 году провозгласилъ царевича Өеодора.

13. Подготовка къ преобразованію въ царствованіе Алексѣя Михайловича; Симеонъ Полоцкій. Мы видѣли, какъ и въ царствованіе Михаила Өеодоровича чувствовалась потребность въ наукѣ, въ сближеніи съ иностранцами, которые могли принести въ Россію науку и искусства свои. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича эта потребность чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Въ началѣ царствованія боялись перемѣны старыхъ обычаевъ на новые иностранные; этой перемѣны не послѣдовало, время еще не пришло для того, перемѣна эта или такъ называемое преобразованіе подготовлялось только. Чувствовали сильную потребность въ наукѣ для церкви и государства; но изъ опасенія за чистоту вѣры православной боялись прямо обратиться за нею къ иностранцамъ иновѣрнымъ, и обратились сначала къ западной православной Руси, въ которой школьное образованіе, какъ мы видѣли, распространилось вслѣдствіе борьбы съ католицизмомъ. Для перевода книгъ вызваны были въ Москву изъ Кіева ученые монахи Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій; въ Москвѣ и при дворѣ явился ученый Бѣлоруссъ Симеонъ Полоцкій, которому государь поручилъ воспитаніе сыновей своихъ. Такимъ образомъ впервые сыновья царя Московскаго получили школьное образованіе, выучились древнимъ языкамъ Латинскому и Греческому; Симеонъ Полоцкій былъ писатель неутомимый, писалъ противъ раскольниковъ (Жезлъ Правленія, 1668 года), писалъ похвальныя стихи или вирши, проповѣди, драмматическія сочиненія, предметы для которыхъ бралъ изъ священной исторіи, собиралъ изъ иностранныхъ сочиненій древнихъ и новыхъ нравствен-

ныя правила, изрѣченія, описанія добродѣтелей и пороковъ и все это переводилъ на Русскій языкъ виршами для того чтобъ привлекали пріятностію къ частому чтенію и легче удерживались въ памяти. Примѣръ изъ дворца началъ дѣйствовать: вельможи также начали учить дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, на что Симеонъ Полоцкій указалъ въ своихъ виршахъ: «Былъ король Французскій, именемъ Францискъ Первый; такъ какъ онъ любилъ писаніе и мудрость (а родители его не любили ихъ, но, подобно варварамъ, жили въ простотѣ), то немедленно дѣти знатныхъ людей стали учиться, угождая королевской склонности; такимъ образомъ, по примѣру королевскому, мудрость распространилась во всей странѣ. Обычай естъ у людей подражать царю, всѣ любятъ то, что ему любезно; благо тому царству, въ которомъ царь пріемлетъ благіе нравы для исправленія всѣхъ» (*).

14. Ординъ-Нащокинъ. Въ дѣлѣ этой подготовки къ преобразованію изъ вельможъ царя Алексѣя Михайловича болѣе другихъ замѣчательны бояре — Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Сынъ незначительнаго Псковскаго помѣщика, Нащокинъ сталъ извѣстенъ во время Шведской войны какъ храбрый воевода и

(*) Франтискъ именемъ первый кроль Франційскій бяше
Сей яко писаніе и мудрость любяше
(Ея же родители его не любяху
Но подобіемъ варваръ въ простотѣ живяху)
Абіе честныхъ дѣти писаній взискаша
Кралевску любленію тако угождаша.
И бысть въ малѣ времени мудрость разширена
Образомъ краля во всеи земли умножена:
Обычаи бо есть въ людяхъ царю подражати
Еже ему любезно — всѣмъ то возлюбляти.
Благо убо есть царству, егда благи нравы
Царствуяй воспріемлетъ, ради всѣхъ исправы.

вмѣстѣ какъ человѣкъ искусный въ веденіи переговоровъ; изъ дипломатическихъ порученій, исполненныхъ Нащокинымъ, самымъ важнымъ было заключеніе Андрусовскаго перемирія. Какъ завѣдывавшій иностранными сношеніями, Нащокинъ указывалъ царю на необходимость преобразованія Посольскаго Приказа, наполненія его людьми честными, которые были бы достойными представителями Россіи предъ иностранцами; обращая вниманіе на положеніе Россіи, Нащокинъ хотѣлъ, чтобъ она была средоточіемъ торговли между Европою и Азіею: съ этою цѣлію заключенъ былъ договоръ съ Персіею, по которому Персидскіе купцы обязались доставлять только въ Россію весь шелкъ, добываемый въ Персіи; для усиленія восточной торговли Нащокинъ хотѣлъ завести флотъ на Каспійскомъ морѣ, и на Окѣ, въ селѣ Дѣдновѣ построенъ былъ первый Русскій корабль Орелъ; но спущенный по Волгѣ въ Астрахань, онъ былъ сожженъ тамъ во время Разинскаго бунта. Нащокинъ учредилъ почты для заграничной переписки; сперва извѣстіе о событіяхъ за границею Московское правительство получало чрезъ своихъ пословъ и гонцовъ, которымъ наказывалось провѣдывать, что дѣлается въ Европѣ; понятно, что эти извѣстія были отрывочны, несвоевременны и черпались часто изъ мутныхъ источниковъ; при царѣ Михаилѣ иностранные резиденты доставляли въ Посольскій Приказъ о текущихъ событіяхъ; но странно было бы долго оставаться въ зависимости отъ иностранцевъ, которые могли сообщать только то, что имъ нравилось: и вотъ теперь, при Ординѣ-Нащокинѣ, стали переводить извѣстія объ Европейскихъ событіяхъ изъ иностранныхъ газетъ, и эти первыя Русскія рукописныя газеты, назначавшіяся исключительно для правительства, назывались *курантами*. Какъ человѣкъ, требовавшій преобразованій, улучшеній, Ординъ-Нащокинъ, разумѣется, долженъ былъ вступить въ борьбу съ людьми,

которымъ выгодно было поддерживать старое дурное, ибо при новомъ лучшемъ они уже не годились; эти люди, эти дьяки, отъ которыхъ онъ хотѣлъ очистить Посольскій Приказъ, не упускали случая дѣлать ему непріятности, когда онъ находился въ отсутствіи на посольскихъ съѣздахъ, при дворахъ иностранныхъ, лишали его милости царя; это удавалось дѣлать тѣмъ легче, что Нащокинъ, какъ человѣкъ незнатнаго происхожденія, не имѣлъ поддержки между вельможами. По свидѣтельствамъ иностранцевъ, Нащокинъ былъ человѣкъ неподкупный, воздержный, неутомимый, великій политикъ, неуступавшій, быть можетъ, ни одному изъ министровъ Европейскихъ, подражатель иностранныхъ обычаевъ; Русскія извѣстія прибавляютъ, что онъ отличался Христіанскими добродѣтелями. При концѣ жизни Нащокинъ постригся въ монахи, но и тутъ государь вызывалъ его для дѣлъ дипломатическихъ и переписывался съ нимъ.

15. Матвѣевъ. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ сынъ дьяка, въ молодости приблизился къ царю Алексѣю и скоро сталъ его любимцемъ; въ слѣдствіе незнатности своего происхожденія, Матвѣевъ только при самомъ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича добился боярскаго сана; не смотря на то, пользуясь полною довѣренностію царя, онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ царствованія и, какъ человѣкъ храбрый, энергическій, очень по тогдашнему времени образованный и обладавшій яснымъ умомъ, отличался и во время войны и во время мира: тамъ спасалъ артиллерію, впрягаясь самъ подъ пушку для показанія примѣра ратнымъ людямъ, здѣсь вырывалъ воеводу изъ рукъ мятежнаго войска, изъ-подъ Риги вдругъ отправлялся въ Малороссію къ Хмельницкому, подлѣ котораго царю нужно было имѣть вѣрнаго человѣка; управлялъ Малороссійскимъ Приказомъ, потомъ Посольскимъ. Привязанность Алексѣя Михайловича къ Мат-

вѣеву всего лучше видна изъ слѣдующаго письма, которое писалъ царь къ своему любимцу: «Другъ мой Сергѣичъ! пріѣзжай къ намъ поскорѣй: дѣти мои и я безъ тебя осиротѣли. За ними присмотрѣть некому, а мнѣ посовѣтоваться не съ кѣмъ.» И этотъ-то самый близкій человѣкъ къ царю отличался приверженностію къ новымъ Европейскимъ обычаямъ: домъ его былъ уже убранъ по Европейски картинами, часами; но важнѣе этихъ внѣшнихъ измѣненій были внутреннія: къ Матвѣеву гости съѣзжались на разговоръ, а не для того только, чтобъ ѣсть и особенно пить, какъ обыкновенно бывало тогда у другихъ, и, что всего важнѣе, жена хозяина не была затворницею, выходила къ гостямъ и занимала ихъ. Въ этомъ-то преобразованномъ уже домѣ и семействѣ Матвѣева воспитана была Наталья Кирилловна Нарышкина, вышедшая отсюда замужъ за царя Алексѣя. Вслѣдствіе вліянія Матвѣева при дворѣ явились сценическія представленія; царь выписалъ изъ Германіи труппу актеровъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и поручилъ ихъ надзору Матвѣева; но Матвѣевъ не ограничился иноземными актерами: онъ выучилъ драматическому искусству своихъ дворовыхъ людей; эти народные актеры тѣшили великаго государя представленіями, предметы которыхъ были заимствованы изъ священной исторіи.

16. Ртищевъ. Наконецъ изъ близкихъ къ царю Алексѣю Михайловичу людей замѣчателенъ постельничій его, Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Онъ устроилъ подлѣ Москвы монастырь (теперь Андреевская богадѣльня), гдѣ изъ Малороссійскихъ монаховъ основалъ ученое братство съ училищемъ; въ этомъ монастырѣ Ртищевъ иногда цѣлыя ночи просиживалъ въ разговорахъ съ учеными монахами. Онъ устроилъ также на свой счетъ богадѣльню. Продавая одно изъ своихъ селъ, Ртищевъ уменьшилъ цѣну съ условіемъ, чтобъ покупатель хорошо обходился съ крестьянами; подарилъ землю городу

Арзамасу, узнавши, что она нужна жителямъ, а купить ее они не въ состояніи; при смерти умолялъ наслѣдниковъ объ одномъ, чтобъ хорошо обходились съ крестьянами.

Изъ описаній Московскаго государства въ царствованіе Алексѣя Михайловича особенно замѣчательны: 1) подъячаго Григорія Кошихина, который бѣжалъ въ Швецію и здѣсь написалъ любопытное сочиненіе о Россіи; 2) барона Мейерберa, императорскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1661 году.

ГЛАВА XXXVI.

Царствованіе Θеодора Алексѣевича.

1. Перемѣны при дворѣ въ началѣ царствованія. Новый царь, воспитанникъ Симеона Полоцкаго, былъ очень хорошо, по тогдашнему времени, образованъ, но ему было только 14 лѣтъ и притомъ онъ имѣлъ очень слабое здоровье. Рождался вопросъ, кому владѣть довѣренностію царя, начались движенія партій. Самымъ довѣреннымъ лицемъ при царѣ Алексѣѣ, какъ мы видѣли, былъ Матвѣевъ; но Матвѣевъ былъ самый близкій человѣкъ къ мачихѣ царской, царицѣ Натальи Кирилловнѣ и ея сыну, царевичу Петру; поэтому Матвѣевъ былъ ненавистенъ родственникамъ первой жены царя Алексѣя, Милославскимъ и друзьямъ ихъ; теперь, когда вступилъ на престолъ сынъ Милославской, Милославскіе и друзья ихъ воспользовались своимъ временемъ, чтобъ низвергнуть Матвѣева: его обвинили въ чернокнижіи, въ нерадѣніи о здоровьи царскомъ, и сослали сперва въ Казань, а оттуда въ Пустозерскъ, лишивши имѣнія и боярства. Тщетно

28

старикъ писалъ къ царю и вельможамъ оправдательныя и умилостивительныя письма, въ которыхъ сравнивалъ свою участь съ участью Велисарія и умолялъ Θеодора уподобиться добротою императору Титу, жаловался, что его осудили безъ суда, не дали очной ставки съ обвинителями, что ему съ сыномъ не во что обуть ноги въ Пустозерскѣ; только въ концѣ царствованія участь его была облегчена: его перевели изъ Пустозерска въ городъ Лухъ и возвратили одну вотчину. Тогда же и умирающаго Никона позволено было перевезти съ Бѣлаозера въ Воскресенскій монастырь; но онъ умеръ на дорогѣ въ Ярославлѣ. Но не Ивану Михайловичу Милославскому удалось занять самое видное мѣсто въ царствованіе Θеодора: это мѣсто занялъ бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ.

2. Война и перемиріе съ Турками. Во время этихъ придворныхъ перемѣнъ на югѣ продолжалась война съ Дорошенкомъ, противъ котораго подъ Чигиринъ отправились въ 1676 году князь Григорій Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ. Дорошенко, видя невозможность защищаться противъ нихъ, сдалъ Чигиринъ, и отказался отъ гетманства. Но этимъ дѣло не кончилось, потому что Турки не хотѣли выпускать изъ рукъ своихъ Украйны. Въ августѣ 1677 года сорокатысячное Турецкое войско осадило Чигиринъ, осажденные оборонялись отчаянно, а между тѣмъ къ нимъ на выручку спѣшили князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ; Турки и Татары не могли помѣшать имъ переправиться черезъ Днѣпръ и, поражаемые съ одной стороны этими войсками, а съ другой осажденными, ушли отъ Чигирина. Въ іюлѣ слѣдующаго года вдвое большее число Турокъ опять осадило Чигиринъ; опять пошли къ нему на выручку Ромодановскій и Самойловичъ, но на этотъ разъ не могли помѣшать Туркамъ истребить Чигиринъ подкопами. Наконецъ въ началѣ 1681 года заключено было

съ Турками и Татарами двадцатилѣтнее перемиріе, по которому Турки обязались не вступаться въ Украйну и Запорожье и не строить крѣпостей на своихъ пустыняхъ за Днѣпромъ.

3. Уничтоженіе мѣстничества. Послѣ Чигиринскихъ походовъ, кончившихся не такъ какъ бы хотѣлось, возникъ вопросъ о преобразованіи войска. Мы видѣли, что еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича не только были приглашены иностранцы въ Русскую военную службу, но изъ Русскихъ людей были составлены полки, обученные иностранному строю; теперь же возникъ вопросъ о необходимости преобразованія въ цѣломъ составѣ Русскаго войска. Въ началѣ 1682 года царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ поручилъ разсмотрѣніе этого вопроса князю Василью Васильевичу Голицыну и выборнымъ изъ военныхъ чиновъ. Выборные объявили, что, по ихъ мнѣнію, надобно раздѣлить полки не по прежнему на сотни, а на роты, полкъ долженъ состоять изъ 6 ротъ, каждая рота изъ 60 человѣкъ; вмѣсто сотенныхъ головъ выбрать ротмистровъ и поручиковъ, которымъ между собою не мѣстничаться. Тутъ же выборные объявили, что необходимо уничтожить мѣстничество не только въ ратныхъ, но и въ посольскихъ и всякихъ дѣлахъ, чтобъ всякій отъ великаго до малаго чипа былъ безпрекословно на томъ мѣстѣ, которое ему государь укажетъ. 12 января былъ созванъ соборъ изъ знатнаго духовенства и членовъ думы, на которомъ прочли мнѣніе выборныхъ, и царь объявилъ, что самъ дьяволъ посѣялъ среди Русскихъ людей мѣстничество, отъ котораго во всякихъ дѣлахъ была большая пагуба, а ратнымъ людямъ въ битвахъ пораженіе, что дѣдъ его, отецъ и самъ онъ много заботились объ искорененіи этого зла, и спросилъ: «отмѣнить ли, по челобитью выборныхъ, мѣстничество, или оставить его по прежнему?» Патріархъ Іоакимъ отвѣчалъ, что мѣстничество есть источникъ всякаго зла, и потому онъ со всѣмъ духовен-

ствомъ не знаетъ какъ благодарить государя за намѣреніе искоренить его; свѣтскіе члены собора объявили, что согласны съ патріархомъ; тогда государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: «Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія всѣ просьбы и записки по мѣстничеству приказываемъ предать огню.» Присутствующіе сказали: «Да погибнетъ въ огнѣ это богоненавистное, братоненавистное, любовь отгоняющее мѣстничество и впередъ да не вспомнится во вѣки!» Книги были тутъ же сожжены. Послѣ этого государь объявилъ, что прикажетъ составить нѣсколько родословныхъ книгъ, въ которыя внесутся фамиліи смотря по ихъ знатности.

4. Славяно-Греко-Латинская академія. Къ царствованію же Ѳеодора относится основаніе въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи. Монахъ Тимоѳей, возвратившись изъ Греціи, разсказалъ царю о жалкомъ положеніи православной церкви на востокѣ, происходящемъ отъ недостатка образованія; тогда Ѳеодоръ призналъ необходимымъ поддержать православіе на Руси распространеніемъ просвѣщенія; учреждено было училище, гдѣ собрано 30 человѣкъ дѣтей изо всѣхъ сословій; царь писалъ къ патріархамъ, чтобъ прислали въ Москву учителей, искусныхъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ и въ наукахъ, особенно же твердыхъ въ православіи; ему хотѣлось, чтобъ это училище объемомъ преподаванія равнялось другимъ Европейскимъ академіямъ. Написанъ былъ уставъ для Академіи, въ которомъ царь говоритъ, что онъ, подобно Соломону, вступивъ юношею на престолъ, ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, царскихъ должностей родительницѣ, всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ. Начальникъ Академіи или Блюститель и учителя могли быть только Русскіе или Греки, и послѣдніе должны были имѣть отъ патріарховъ сви-

дѣтельство въ православіи. Въ ученики Академіи могли вступать люди всѣхъ сословій и возрастовъ; никто не смѣлъ держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, но могъ, если хотѣлъ, посылать дѣтей своихъ въ Академію; ученики, съ успѣхомъ окончившіе свое воспитаніе въ Академіи, жаловались въ приличные чины и, какъ мудрые, пользовались особенною царскою милостію. Всѣ ученые иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію, подвергались испытанію въ Академіи, и только въ слѣдствіе одобренія ея принимались въ службу. Академія должна была смотрѣть, чтобъ иновѣрцы не распространяли своихъ ученій между православными; блюститель смотрѣлъ за поведеніемъ всѣхъ иностранцевъ, обратившихся въ православіе; блюститель и учителя наблюдали, чтобъ ни у кого не было запрещенныхъ церковію книгъ; всякій уличенный въ хулѣ на православную вѣру, отдавался на судъ блюстителю и учителямъ, и если обвиненіе оказывалось вѣрнымъ, то преступникъ подвергался сожженію. — Такимъ образомъ новая Московская Академія, не смотря на то, что не была училищемъ духовнымъ, а всенароднымъ, учреждалась однако въ видахъ церковныхъ, должна была служить церкви, охранять православіе отъ иновѣрныхъ ученій.

Царь Ѳеодоръ въ 1681 году лишился сына и жены (Агаѳіи Семеновны Грушецкой); не смотря на слабое здоровье царя, Языковъ убѣдилъ его вступить во второй бракъ съ Марѳою Матвѣевною Апраксиной въ февралѣ 1682 года, но послѣ свадьбы болѣзнь Ѳеодора усилилась, и онъ скончался 27 апрѣля того же года.

ГЛАВА XXXVII.

Общій обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства.

1. Опредѣленіе Московскаго государства. Подъ именемъ Московскаго государства разумѣлись сѣверо-восточныя Русскія княжества, соединенныя въ одно Московскими князьями и увеличенныя обширными пространствами на востокѣ въ слѣдствіе завоеванія царствъ — Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Такъ какъ не весь Русскій народъ, не всѣ Русскія области находились подъ державой Московскаго царя, многія изъ нихъ находились подъ властію королей Польскихъ и вмѣстѣ великихъ князей Литовскихъ, то слова: Россія, Русь, Россійское царство употреблялись рѣдко; только титуломъ своимъ Московскіе государи указывали на это соединеніе всѣхъ Русскихъ областей какъ на что-то естественное и необходимое, случайно, временно нарушенное: они назывались: «великій государь царь и великій князь всея Руси самодержецъ.» Понятно, что Полякамъ не нравился этотъ титулъ: даже при заключеніи Поляновскаго мира они хлопотали о его измѣненіи, но въ Москвѣ не согласились на это, и царь Алексѣй Михайловичъ послѣ удачной войны съ Польшею принялъ титулъ: «всея великія, малыя и бѣлыя Руси самодержца». Русью, Русскимъ народомъ преимущественно называли себя жители юго-западной, Литовской Россіи; жители же сѣверо-восточной Россіи называли себя людьми Московскаго государства; въ юго-западной Россіи и въ Польшѣ этихъ людей Московскаго государства называли просто *Мо-*

сква: «Москва побѣдила, много Москвы было побито;» а у иностранцевъ Московское государство называлось Московіею.

2. Отношенія его къ Востоку и Западу. Московское государство, расположенное на Европейской Украйнѣ, на границѣ съ Азіею, въ удаленіи отъ тѣхъ державъ, которыя преимущественно участвовали въ Европейской исторіи, отталкиваемое постоянно отъ запада враждебными сосѣдями, Поляками и Шведами, имѣя свое особое исповѣданіе Христіанское, занятое внутри труднымъ дѣломъ установленія внутренняго порядка при бѣдности средствъ, — Московское государство, въ слѣдствіе всѣхъ этѣхъ причинъ не входило въ систему Европейскихъ государствъ. На востокѣ оно съ торжествомъ для себя окончило борьбу съ ослабѣвшею, распадшеюся Ордою Татарскою; Москва была сильнѣе своихъ восточныхъ сосѣдей: ни Казань, ни Астрахань, ни инородцы Сибирскіе не могли ей противостать; съ Крымскими разбойниками ей трудно было сладить, потому что обширныя степи защищали отъ нея полуостровъ и она принуждена была платить ежегодно хану, чтобъ удерживать его отъ нападеній. Но во сколько Москва была сильнѣе восточныхъ варварскихъ народовъ, во столько же была слабѣе западныхъ Европейскихъ своихъ сосѣдей, болѣе искусныхъ въ дѣлѣ ратномъ, и потому въ исторіи Московскаго государства мы видимъ, что оно постоянно распространяется на востокъ, и терпитъ ущербъ на западѣ; только въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ слѣдствіе присоединенія Малороссіи и счастливыхъ обстоятельствъ, при которыхъ была ведена война съ Польшею, Москва успѣла сдѣлать пріобрѣтенія на западѣ, и тутъ же она должна была войти въ непосредственныя столкновенія съ Турціею.

3. Правленіе. Власть въ Московскомъ государствѣ сосредоточивалась въ рукахъ великаго государя царя всея Руси

самодержца. Потомки князей и вельможъ старинныхъ, бѣдные средствами, не могли противодѣйствовать этому сосредоточенію; они не посылались на долгое время правителями областей, не посылались на долгое время предводителями войскъ, потому что походы были кратковременные и воеводы смѣнялись. Жили они постоянно въ Москвѣ, имѣя свои домы подлѣ дворца, въ Кремлѣ и подлѣ Кремля, въ Китаѣ городѣ, и постоянно находились на глазахъ государя; каждый день рано поутру пріѣзжали они всѣ ударять челомъ государю, потомъ пріѣзжали въ другой разъ послѣ обѣда въ вечерни. Писались они холопами государевыми; менѣе знатные издавна въ грамотахъ къ царю писались уменьшительными именами; самые знатные до временъ Грознаго сохраняли право писаться полнымъ именемъ; но потомъ всѣ стали писаться полуименами. Самый знатный санъ былъ санъ боярина, за нимъ слѣдовалъ санъ окольничаго; знатнѣйшіе дворяне, допускаемые въ совѣтъ, *въ думу* къ государю, назывались думными дворянами. Сыновья знатныхъ людей начинали свою службу при дворѣ въ званіи спальниковъ и стольниковъ: первые поочередно спали у царя въ комнатѣ и прислуживали ему; вторые во время торжественныхъ обѣдовъ подавали кушанье царю и гостямъ его; первая должность, какъ ближайшая къ царю, считалась почетнѣе. Сыновья самыхъ знатныхъ людей жаловались изъ спальниковъ прямо въ бояре, менѣе знатныхъ въ окольничіе и назывались они *ближніе* бояре и окольничіе. Государь *думалъ*, разсуждалъ о дѣлахъ съ боярами, окольничими и думными людьми, и совѣтъ этотъ назывался *думою;* если же царь хотѣлъ посовѣтоваться о какомъ-нибудь тайномъ дѣлѣ, то призывалъ въ думу только самыхъ близкихъ людей, ближнихъ бояръ и окольничихъ, которые были пожалованы изъ спальниковъ. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ въ думу призывался патріархъ и другіе архіереи; а царь Іоаннъ Грозный сталъ призы-

вать и выборныхъ изъ другихъ сословій, и такое засѣданіе называлось *соборомъ*. Особенно часты были такіе соборы при царѣ Михаилѣ, когда государство, послѣ литовскаго раззоренія, находилось въ крайнемъ затрудненіи и потому постоянно обращалось къ землѣ, къ народу съ требованіемъ средствъ для своего поддержанія; соборы бывали и въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича; но потомъ, когда государство окрѣпло по прежнему, соборы выходятъ изъ употребленія.

4. Дьяки. Письменная часть находилась въ завѣдываніи думныхъ дьяковъ (государственныхъ секретарей), простыхъ дьяковъ и подъячихъ. И въ Московскомъ государствѣ сохранялся старинный взглядъ, по которому знатные люди, окружавшіе государя, считая себя дружинниками, призванными исключительно къ военной службѣ, службу перомъ, а не мечемъ считали для себя унизительною, и потому какъ ни важна была должность думнаго дьяка, люди знатные ея не принимали; обыкновенно въ дьяки шли изъ духовнаго званія и изъ торговыхъ людей.

5. Приказы. Управленіе и судъ сосредоточивались въ Приказахъ, которыхъ было очень много. *Посольскій* Приказъ соотвѣтствовалъ министерству иностранныхъ дѣлъ; *розрядный*—министерству военному; Приказъ Большаго Дворца — министерству Двора и т. п.; но дѣла одного и того же рода дробились на нѣсколько приказовъ, потому что, какъ скоро являлось новое учрежденіе, такъ и установлялся новый приказъ для его завѣдыванія; напримѣръ всѣ дѣла, относящіяся къ войску вѣдались не въ одномъ розрядномъ приказѣ, кромѣ него были еще приказы: Иноземный, гдѣ вѣдались ратные люди изъ иностранцевъ, Стрѣлецкій, который вѣдалъ Стрѣлецкое войско, Рейтарскій — рейтаръ; аптека и лѣкаря, которые были иностранцы, вѣдались въ особомъ приказѣ — Аптекарскомъ; отъ того приказовъ и было много. Приказы

поручались иногда одному вельможѣ или дьяку, иногда нѣсколькимъ.

6. Государственные доходы. Войско. Въ слѣдствіе малости народонаселенія сравнительно съ огромнымъ пространствомъ земли, въ слѣдствіе незначительнаго развитія промышленности и торговли, государственные доходы были малы, неудовлетворяли нуждамъ государства, безпрестанно увеличивавшимся, особенно когда нужно было вести продолжительныя и тяжелыя войны, какъ напримѣръ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Помѣстья для содержанія служилыхъ людей были недостаточны, и потому во время похода они получали жалованье; расходы на войско увеличились, когда въ XVII вѣкѣ увидали необходимость нанимать иностранныхъ солдатъ; тогда же составились и полки изъ русскихъ людей, обученные иностранному строю и носившіе иностранныя названія—рейтары, драгуны, солдаты; но это были только начатки; масса же войска состояла изъ придворныхъ, которые не теряли прежняго своего военнаго, дружиннаго значенія, ибо всѣ эти спальники и стольники составляли государевъ полкъ или гвардію; потомъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и городовыхъ казаковъ: это были ратные люди, жившіе обыкновенно въ своихъ помѣстьяхъ и собиравшіеся на случай войны; стрѣльцы, составлявшіе гарнизоны по городамъ, были постоянно подъ ружьемъ, пушкари находились также постоянно при своихъ орудіяхъ. Кромѣ этихъ ратныхъ людей собирались во время войны еще такъ называемые *даточные* люди и шедшіе по своей волѣ, *охочіе* люди; наборъ какъ даточныхъ людей, такъ стрѣльцовъ и солдатъ производился съ дворовъ, а не съ душъ. Наконецъ при Московскомъ войскѣ находились казаки степные (Донскіе, Терскіе) и Татары. Ратные люди выѣзжали на войну въ латахъ и шлемахъ, съ огненнымъ и лучнымъ боемъ, т. е. вооруженные огнестрѣльнымъ

оружіемъ и луками. По единогласному свидѣтельству Московское войско гораздо лучше защищало города, чѣмъ сражалось въ чистомъ полѣ. Это происходило отъ недостатка военнаго искусства, отъ того, что масса войска не состояла изъ людей, постоянно находящихся подъ ружьемъ.

7. Города и села. Городъ по прежнему имѣлъ значеніе крѣпости, назначенной для защиты окрестнаго народонаселенія отъ непріятеля. Какъ только правительство получало вѣсть о вторженіи непріятеля въ какую-нибудь область, то разсылало приказы высылать изъ уѣздовъ въ города семейства служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, также дворовыхъ людей и крестьянъ со всѣмъ имѣніемъ и запасами,—хлѣбъ прятали по ямамъ; при этомъ правительство объявляло, что кто не поѣдетъ въ городъ и попадется въ плѣнъ, тотъ пусть выкупается самъ, правительство его выкупать не станетъ, потому что самъ виноватъ. Стѣны большей части городовъ были деревянныя; подъ стѣнами располагались посады, обитаемые посадскими, торговыми и промышленными людьми; какъ многіе города мало разнились отъ селъ, видно изъ того, что жители ихъ занимались хлѣбопашествомъ. Управлялись города воеводами, назначаемыми отъ правительства, или выборными правителями, которые обыкновенно носили названіе Губныхъ старостъ; въ выборахъ участвовали и духовенство, и служилые и посадскіе люди, но выбирались дворяне. Дѣла по воеводскому управленію сосредоточивались въ *Съѣзжей избѣ*. Посадскіе люди для своихъ дѣлъ, преимущественно по городовому хозяйству, раскладкѣ податей и т. д. выбирали себѣ своего старосту, который назывался Земскимъ старостою, дѣла по его управленію сосредоточивались въ *Земской избѣ*. Самые богатые торговые люди назывались гостями, потомъ было раздѣленіе на торговыхъ людей гостиной и суконной сотни. Такъ какъ посадскіе люди были

главные плательщики податей, то правительству важно было, чтобъ число ихъ не уменьшалось и чтобъ они не уклонялись отъ податей. Такъ издавна старалось оно, чтобъ они не переходили въ другія сословія, нетяглыя, т. е. неплатящія податей. Подати платили посадскіе люди всѣмъ міромъ, по числу дворовъ, принадлежащихъ къ посаду, *тяглыхъ* дворовъ; число этихъ дворовъ было извѣстно правительству по переписи, по такъ называемымъ *писцовымъ книгамъ*, и правительство требовало всѣхъ денегъ со всѣхъ дворовъ; но дворы пустѣли отъ вымиранія ихъ хозяевъ, отъ пожаровъ, отъ побѣговъ посадскихъ людей въ другія мѣста, и остальные посадскіе люди должны были платить и за выбывшихъ товарищей своихъ, что было имъ очень тяжело. Тяжело было имъ еще и отъ того, что многіе желали жить въ посадахъ, промышлять разными промыслами, и между тѣмъ не быть въ числѣ посадскихъ тяглыхъ людей, быть свободными отъ податей и повинностей: такъ торговали казаки, стрѣльцы, монастырскіе, архіерейскіе служки, дѣти духовныхъ и сами духовные, а податей не платили; кромѣ того, чтобъ отбыть отъ податей, многіе переходили въ частную зависимость, *закладывались*, по тогдашнему выраженію, за патріарха, монастыри, за бояръ и другихъ знатныхъ и сильныхъ людей, подъ покровительствомъ которыхъ торговали, промышляли разными промыслами, не платя податей, богатѣли, покупали и брали въ закладъ на посадахъ тяглые дворы, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ на городской землѣ устроили себѣ цѣлыя слободы, а посадскіе люди, не будучи въ состояніи соперничать съ этими привилегированными людьми, неплятящими податей, бѣднѣли, разбѣгались, отбывая отъ податей. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича прекращены были эти явленія: всѣмъ торгующимъ, къ какому бы званію ни принадлежали, велѣно быть въ тяглѣ вмѣстѣ съ посадскими людьми, также

запрещено жителямъ слободъ и посадовъ быть закладчиками за частными лицами. Это стремленіе входить въ зависимость отъ частныхъ лицъ, закладываться было сильно въ Московскомъ государствѣ, какъ въ государствѣ молодомъ, неустроившемся еще, оно было сильно здѣсь какъ было сильно въ западной Европѣ въ Средніе вѣка, гдѣ повело къ феодализму; но въ Московскомъ государствѣ оно къ феодализму повести не могло, потому что здѣсь изначала была сильна власть государева, которая наблюдала за интересомъ государственнымъ, и предъ которою было слабо значеніе частныхъ лицъ. Запрещая на городскихъ земляхъ слободы, населенныя закладчиками частныхъ лицъ, чтобъ никого въ избылыхъ не было, чтобъ всѣ несли ровно государственныя повинности, правительство, по тому же побужденію, чтобъ никого въ избылыхъ не было и чтобъ не затруднялся сборъ податей, строго запрещало переходъ посадскихъ людей изъ одного посада въ другой; такимъ образомъ посадскіе люди были прикрѣплены къ мѣсту своего жительства; но тоже правительство, опять по финансовымъ побужденіямъ, чтобъ пополнить Московскія торговыя сотни, переводило волею-неволею богатѣйшихъ купцовъ изъ другихъ городовъ въ Москву. Купцовъ правительство употребляло въ разныя должности, напримѣръ для сбора таможенныхъ доходовъ. Слова: купецъ, купечество не употреблялись въ Московскомъ государствѣ, употреблялось выраженіе: *торговые люди*.

Желая получать постоянные доходы, правительство прикрѣпило посадскихъ людей къ ихъ посадамъ; желая, чтобъ служилые люди, жившіе своими помѣстьями, имѣли также постоянныхъ работниковъ, постоянные доходы, имѣли возможность нести государственную службу, правительство прикрѣпило и крестьянъ къ землямъ ихъ. Всѣ эти прикрѣпленія произошли отъ одной причины, отъ бѣдности государства, отъ бѣдности

промышленности и торговли, отъ недостатка рабочихъ рукъ, отъ несоразмѣрности народонаселенія съ огромнымъ пространствомъ земли, когда и безъ того слабое народонаселеніе все болѣе и болѣе растягивалось на вновь пріобрѣтаемыхъ пустынныхъ пространствахъ, уходило въ казаки.

8. Церковь. Съ учрежденіемъ патріаршества права главнаго архіерея Русской церкви не увеличились, и вообще состояніе церкви въ Московскомъ государствѣ мало разнилось отъ состоянія церкви въ древней Россіи. Выборъ патріарха, если царь не имѣлъ никого въ виду заблаговременно, происходилъ по жребію изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, назначенныхъ собравшимся въ Москву духовенствомъ. Патріархъ, какъ и митрополитъ прежде, приглашался въ царскую думу когда совѣщались здѣсь о важномъ какомъ-нибудь дѣлѣ; по случаю важныхъ дѣлъ церковныхъ созывались церковные соборы. Какъ царь въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ призывалъ для совѣта патріарха и знатнѣйшее духовенство, такъ въ городахъ воеводы во всѣхъ важныхъ случаяхъ должны были совѣтоваться съ архіереями. Высшее духовенство въ Московскомъ государствѣ пользовалось правомъ ходатайствовать предъ властію гражданскою за несчастныхъ, просить о помилованіи виновныхъ или, по крайней мѣрѣ, о смягченіи наказанія; въ городахъ жители, притѣсненные воеводою, обращались къ архіерею съ просьбою заступиться за нихъ. Въ монастыряхъ монахи обыкновенно сами выбирали себѣ игуменовъ; священниковъ выбирали прихожане, и свидѣтельствовали письменно предъ архіереемъ, что избранный ими человѣкъ добрый. Если по челобитью помѣщика поставлялся въ священники его же крестьянинъ, то дѣти этого священника, родившіяся до священства, оставались въ крестьянахъ, но родившіяся въ священствѣ были вольны. Какъ въ XVI вѣкѣ соборъ 1551 года обратилъ вниманіе на прекращеніе безпорядковъ церковныхъ,

такъ въ XVII вѣкѣ этимъ же знаменитъ соборъ 1667 года; онъ постановилъ, чтобъ въ праздники не работали и не торговали; чтобъ священники учили дѣтей своихъ и приготовляли ихъ такимъ образомъ на свои мѣста, при чемъ соборъ въ чрезвычайно рѣзкихъ выраженіяхъ жаловался на невѣжество сельскаго духовенства; священникамъ и дьяконамъ не позволено было переходить отъ одной церкви къ другой; запрещалась бродячая жизнь монаховъ, запрещалось мнимымъ отшельникамъ и юродивымъ бродить по городамъ и селамъ; запрещалось духовенству торговать. Тотъ же соборъ, отмѣнивъ постановленіе собора 1621 года, опредѣлилъ, что католики, обращающіеся въ православіе, не должны быть перекрещиваемы.

9. Нравы и обычаи. Общественная и домашняя жизнь народа въ Московскомъ государствѣ представляла много особенностей сравнительно съ жизнію другихъ Европейскихъ народовъ, частію отъ того, что русскій народъ жилъ особнякомъ отъ другихъ Европейскихъ народовъ, и оставался при древнихъ обычаяхъ, отъ которыхъ другіе Европейскіе народы отстали; частію отъ вліянія внутреннихъ, только русской исторіи принадлежащихъ явленій; частію наконецъ отъ постояннаго изначала сосѣдства и безпрестанныхъ сношеній съ азіатскими народами и отъ принятія этихъ народовъ въ свою среду. Здѣсь вліяніе азіатства никакъ не должно ограничивать вліяніемъ одного Татарскаго ига; не должно забывать Печенѣговъ и Половцевъ, съ которыми у Русскаго народа сношенія были также часты какъ и съ Татарами; не должно забывать, что, двигаясь все далѣе и далѣе отъ запада на востокъ, народъ Русскій удалялся все болѣе и болѣе отъ Европы и приближался къ Азіи; что извѣстные взгляды и пріемы легко передаются отъ одного народа другому безо всякаго насилія, путемъ частыхъ сношеній, и на оборотъ, насиліе

только возбуждаетъ отвращеніе къ тому, что насильно налагается, отвращеніе ко всему, что напоминаетъ характеръ и обычаи насилующаго.

До второй половины XVII вѣка, когда уже иностранные, западные обычаи и взгляды начали, хотя и довольно слабо, проникать въ высшіе слои общества,—до второй половины XVII вѣка тѣ обычаи и повѣрья, которые мы встрѣчаемъ теперь въ жизни сельскаго народонаселенія, господствовали одинаково и во дворцѣ царей, и въ домахъ вельможъ, и въ избѣ крестьянина. Высшія сословія въ домашней своей жизни отличались отъ нисшихъ тѣмъ, что, имѣя больше средствъ, держали своихъ женщинъ въ заперти. Царицы и царевны жили невидимками; когда выѣзжали на богомолье, то колымаги ихъ были завѣшаны тафтою; случалось, что дочери людей значительныхъ до замужества ни разу и въ церкви не бывали; учить грамотѣ дѣвушекъ считали совершенно безполезнымъ. Такъ какъ общество, по отсутствію просвѣщенія, не представляло для женщины достойныхъ развлеченій, а только одни сплетни и пересуды, то лучшіе люди, заботясь о нравственной чистотѣ матери семейства, должны были совѣтовать ей совершенное затворничество и полное, исключительное погруженіе въ хозяйственныя заботы, какъ сдѣлалъ авторъ Домостроя. Что касается до мущинъ, то отсутствіе просвѣщенія, невозможность заниматься наукою, искусствомъ, невозможность принимать участіе въ судьбахъ всего современнаго человѣчества, по отсутствію всѣмъ доступныхъ извѣстій политическихъ, осуждали ихъ на препровожденіе свободнаго времени въ удовольствіяхъ грубыхъ: отсюда усиленіе пьянства во всѣхъ сословіяхъ; лучшіе люди, правительство церковное и гражданское съ благородною ревностію указывали на гибельныя слѣдствія этого порока и старались ослабить его, но усилія ихъ не увѣнчивались большимъ успѣхомъ, ибо

нельзя было уничтожить порока, не уничтоживши условій, питавшихъ его.

Самыми печальными явленіями въ Московскомъ государствѣ были правежъ, пытки и жестокія казни. Правежъ состоялъ въ томъ, что неплатящаго должника били палками по ногамъ до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ; при взысканіи казенныхъ недоимокъ множество людей подвергалось этому правежу; господа за свои долги могли выставлять на правежъ холопей своихъ. Тѣлеснымъ наказаніямъ, кнуту, батогамъ (палкамъ) подвергались люди всѣхъ сословій. Чтобъ заставить преступника признаться въ преступленіи и раскрыть всѣ его обстоятельства, употреблялись жесточайшія пытки. Жену, убившую мужа, закапывали въ землю, оставляя на верху одну голову; но мужа, убившаго жену, наказывали только кнутомъ; фальшивымъ монетчикамъ заливали горло растопленнымъ металломъ; еретиковъ и чернокнижниковъ сожигали.

Въ удобствахъ жизни большинство жителей Московскаго государства очень мало выиграло противъ предковъ своихъ, Русскихъ людей XIII и XIV вѣка. Казна царей была богаче казны царей Московскихъ, богаче золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями, у нихъ было больше дорогаго платья, больше прислуги знатной, больше лошадей, больше колымагъ, обитыхъ бархатомъ и сукномъ; огромное количество блюдъ приготовлялось ежедневно на кухнѣ царской; столы людей знатныхъ и богатыхъ также отличались изобиліемъ: вотчины и помѣстья доставляли много съѣстныхъ припасовъ. Богатые люди выказывали свое богатство во множествѣ холопей и лошадей. Но жилища были тѣсны и бѣдны; каменные домы по прежнему составляли рѣдкость, лавки и столы, покрытые коврами, представляли единственную мебель, образа въ окладахъ единственное украшеніе дома. Какъ не хитры были жилища большинства, видно изъ того, что деревянные дома, со-

всѣмъ готовые, продавались на рынкахъ. Улицы мостились деревянными бревнами. Пожары страшно свирѣпствовали. Много терпѣли жители городовъ отъ пожаровъ, много терпѣли и отъ предохранительнаго средства отъ пожаровъ: это средство состояло въ томъ, что въ лѣтнее время, съ мая до сентября городскимъ жителямъ запрещалось топить печи въ домахъ и баняхъ, а для приготовленія кушанья велѣно было класть печи въ огородахъ и пустыхъ мѣстахъ вдали отъ жилья. Это особенно было тяжело жителямъ сѣверныхъ городовъ, подверженныхъ сѣвернымъ вѣтрамъ и стужамъ среди лѣта, и по ихъ просьбамъ позволялось имъ топить въ сумрачные дни, также въ назначенные дни въ недѣли и въ большіе праздники. Рѣдкое народонаселеніе повсюду, огромные дремучіе лѣса давали большія удобства разбойникамъ, которые много вредили сельскимъ жителямъ, много вредили торговлѣ. Даже въ самой столицѣ разбои были сильны; на масляницѣ воры, всякихъ чиновъ люди, большими толпами ѣздили и ходили съ оружіемъ, били и грабили встрѣчныхъ.

Особность Московскаго государства, частыя сношенія съ азіятцами, постоянная враждебность сосѣднихъ Европейскихъ державъ, дали иностраннымъ сношеніямъ Московскаго двора характеръ азіятскій. Въ сношеніяхъ этихъ господствовала подозрительность, далеко переходившая предѣлы приличной и необходимой осторожности. Особенно этотъ характеръ въ дипломатическихъ сношеніяхъ началъ господствовать со временъ Іоанна Грознаго, когда были открыты вредныя для государства сношенія Литовскаго посла съ нѣкоторыми вельможами. На посла смотрѣли какъ на человѣка, пріѣхавшаго съ враждебными намѣреніями, пріѣхавшаго провѣдывать, и потомъ держали его въ заперти, не позволяли ни съ кѣмъ сноситься, хватали тѣхъ, кто приближался къ посольскому двору. Чиновникъ, приставленный къ послу, долженъ былъ пре-

возносить предъ нимъ могущество и благоденствіе Московскаго государства, если же посолъ затрогивалъ какой-нибудь важный или непріятный вопросъ, то приставъ долженъ былъ отговариваться незнаніемъ. Во время проѣзда пословъ черезъ города, по улицамъ, чрезъ которыя они проѣзжали, приказывалось толпиться народу, одѣтому въ лучшее свое платье, чтобъ иностранцы видѣли вездѣ только людность и богатство. При сношеніяхъ и переговорахъ прежде всего хлопотали о томъ, чтобъ иностранцы не уменьшили и не исказили какъ-нибудь титулъ великаго государя,—это называлось оберегані-емъ чести государевой и считалось главнымъ дѣломъ. Быть въ посланникахъ не считалось большимъ почетомъ, и потому обыкновенно отправлялись сановники второстепенные. Рѣдко, только въ случаяхъ особенной важности, преимущественно къ Польскому двору назначались великими полномочными послами бояре. Въ XVII вѣкѣ появленіе иностранныхъ резидентовъ въ Москвѣ, и Московскихъ при сосѣднихъ иностранныхъ дворахъ предвѣщало уже перемѣну въ характерѣ дипломатическихъ сношеній.

Много темныхъ сторонъ находили въ Московскомъ государствѣ иностранцы; свои Русскія извѣстія нисколько не скрываютъ этихъ темныхъ сторонъ; громко вопіютъ противъ нихъ и церковь и государство, требуя исправленія. Но иностранцы не могли не отдать справедливости способностямъ Русскаго народа: «Необразованность сковываетъ этотъ народъ, говорили они: но какъ же будетъ онъ могущественъ и страшенъ, когда пріобрѣтетъ образованіе!» Дѣйствительно нельзя не признать нравственной силы народа, который, при самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ условіяхъ, раскинутый на безлюдныхъ пространствахъ, въ странѣ суровой, вдали отъ моря, вдали отъ тѣхъ Европейскихъ народовъ, которые, благодаря стеченію разныхъ счастливыхъ условій, преимуще-

ственно потрудились для Европейской гражданственности, въ сосѣдствѣ и въ безпрестанной борьбѣ и сношеніяхъ съ азіятскими варварами, — успѣлъ сохранить свой Европейско-Христіанскій образъ, трудясь тяжело и скромно при средствахъ самыхъ скудныхъ, населилъ громадныя, необитаемыя пространства восточной Европы и сѣверной Азіи, положилъ здѣсь начало Европейско-Христіанской гражданственности, одинъ изо всѣхъ Славянскихъ народовъ умѣлъ составить могущественное государство, въ безпрерывной борьбѣ съ неблагопріятными обстоятельствами, среди трудной и бѣдной жизни своей, не закоснѣлъ нравственно, не утратилъ способности движенія къ лучшему. Окончивъ съ торжествомъ борьбу съ востокомъ, успокоиваясь отъ смутъ внутреннихъ, бывшихъ въ началѣ XVII вѣка, Московское государство въ тоже самое время начало все болѣе и болѣе сближаться съ западомъ, заимствовать отъ него плоды его цивилизаціи, хотя отрывочно, односторонне, съ колебаніями, какъ обыкновенно бываетъ въ началѣ дѣла; а между тѣмъ вмѣстѣ съ внутреннимъ усиленіемъ потребности сближаться съ западомъ ослабѣвали внѣшнія препятствія къ этому сближенію, ослабѣвало Польское государство въ слѣдствіе событій, ознаменовавшихъ царствованіе Алексѣя Михайловича; оставалась одна Швеція, которая загораживала Европу отъ Москвы, которая держала у себя завѣтные прибалтійскіе берега. Сломить эту послѣднюю преграду и удовлетворить такъ ясно обнаружившейся потребности Московскаго государства сблизиться съ западною Европою суждено было младшему сыну царя Алексѣя Михайловича.

ГЛАВА XXXVIII.

Двоевластіе.

1. Избраніе въ цари Петра Алексѣевича. Закона о престолонаслѣдіи не было; царь Өеодоръ Алексѣевичъ не сдѣлалъ никакого распоряженія о своемъ наслѣдникѣ; старшій по немъ царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ былъ слабъ физически и умственно, и потому здравый смыслъ требовалъ, чтобъ, минуя его, возвести на престолъ младшаго царевича Петра, хотя десятилѣтняго, но одареннаго крѣпостію тѣлесною и большими способностями. Патріархъ Іоакимъ и большинство вельможъ были согласны въ томъ, что необходимо провозгласить Петра царемъ; но дѣло было щекотливое: обойти старшаго, выбрать ребенка. Надобно было въ такомъ великомъ дѣлѣ созвать соборъ, созвать совѣтныхъ людей изо всѣхъ городовъ, объявить всей землѣ причины, почему надобно обойти старшаго въ пользу младшаго, чтобъ не было недоумѣнія, смуты. Но поспѣшили сдѣлать проще: патріархъ велѣлъ народу собраться на площади и спросилъ, кому изъ двоихъ царевичей быть на царствѣ? раздались крики: «Петру Алексѣевичу!» съ тѣмъ же вопросомъ патріархъ обратился къ вельможамъ, и тѣ провозгласили Петра. Такимъ образомъ жители Москвы сдѣланы были представителями всего Московскаго государства; на ихъ рѣшеніи успокоились, и патріархъ благословилъ Петра на царство.

2. Царица Наталья и царевна Софья. Но смута не замедлила, потому что были люди, которымъ была выгодна смута. Новый царь былъ отъ второй жены Алексѣя Михай-

ловича, которая въ царствованіе пасынка Ѳеодора испытала горькую долю, жила въ удаленіи, второй отецъ ея и воспитатель Матвѣевъ былъ сосланъ; все это сдѣлано было происками родственниковъ первой жены царя Алексѣя и друзьями ихъ. Но теперь наступило время царицы Натальи: по господствующему обычаю ей принадлежала опека надъ малолѣтнымъ сыномъ и вмѣстѣ управленіе государствомъ; первымъ ея дѣломъ было — вызвать Матвѣева изъ Луха въ Москву, для занятія того мѣста, какое имѣлъ онъ при царѣ Алексѣѣ. Понятно, чего должны были ждать Милославскіе и друзья ихъ? и вотъ начали они хлопотать всѣми силами, чтобъ сынъ Милославской, царевичъ Іоаннъ не былъ лишенъ правъ своихъ и чтобъ мачиха его не была правительницею. Но кто же могъ дѣйствовать тутъ на первомъ планѣ? царевичъ Іоаннъ не могъ дѣйствовать самъ за себя, и главную роль взяла сестра его, царевна Софья Алексѣевна, которая въ женскомъ тѣлѣ имѣла мужескую душу. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ мы видѣли, новые обычаи проникли во дворецъ, въ слѣдствіе чего долженъ былъ измѣниться и взглядъ на образъ жизни царевенъ; на нихъ уже перестали смотрѣть какъ на обреченныхъ самому строгому затворничеству. Этою перемѣною, этою небывалою прежде свободою воспользовалась самая способная и энергичная изъ нихъ, Софья, поспѣшила выйти на свѣтъ, пріобрѣла образованіе чтеніемъ, разговорами съ лучшими людьми, сблизилась съ однимъ изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ вельможъ, княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, пріобрѣла вліяніе. Тѣмъ тяжелѣе было для нея отказаться отъ всего этого по смерти Ѳеодора, когда правленіе переходило къ раздраженной мачихѣ и еще болѣе раздраженному Матвѣеву, при этой перемѣнѣ кромѣ тяжелаго затворничества, изъ котораго она вырвалась было, не представлялось ей ничего впереди, и вотъ Софья начала искать

средствъ какъ бы выйти изъ бѣды. Законныхъ средствъ не было; было одно незаконное: воспользоваться неудовольствіемъ и волненіемъ вооруженной массы стрѣльцовъ.

3. Стрѣлецкій бунтъ. Эти неудовольствія и волненія стрѣльцовъ происходили отъ беззаконныхъ поступковъ съ ними полковниковъ, которые не доплачивали имъ царскаго жалованья, заставляли ихъ работать на себя и т. п. Волненіе началось еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; по восшествіи на престолъ Петра стрѣльцы подали челобитную новому правительству, которое обнаружило слабость: безъ изслѣдованія дѣла признало полковниковъ виновными, отставило ихъ, подвергло наказаніямъ; стрѣльцы разнуздались, и начали самовольствовать, составлять казацкіе круги или вѣча и, по общему приговору, свергать съ каланчей нелюбимыхъ пятисотенныхъ и сотниковъ. Позволивъ себѣ такую разнузданность, стрѣльцы однако не могли не чувствовать, что поступаютъ беззаконно, что правительство, окрѣпнувъ, не позволитъ имъ долго вести себя такимъ образомъ и строго накажетъ своевольниковъ. Но вотъ изъ дворца имъ даютъ знать, что семейство царское ждетъ отъ нихъ услуги, за которую они не только получатъ прощеніе за прошедшее, но и пріобрѣтутъ право на богатыя награды. Софья съ соумышленниками своими, бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ и двоими братьями Толстыми, постаралась распустить между стрѣльцами слухи, что царевичъ Іоаннъ отстраненъ незаконно, что Нарышкины покушаются даже на его жизнь, что стрѣльцы должны спасти царевича, отомстить его измѣнникамъ, что бояре уже сбираются усмирять ихъ, стрѣльцовъ; слухи эти произвели желанное дѣйствіе между стрѣльцами, и они получили списки именъ главныхъ измѣнниковъ, которыхъ должно истребить. 15 мая 1682 года, утромъ соумышленники Софьи проскакали по стрѣлецкимъ полкамъ съ вѣстью, что Нарыш-

кины задушили царевича Іоанна. Стрѣльцы взволновались, и подъ звуки набата и барабановъ двинулись въ Кремль, крича, что идутъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго дома. Подошедши ко дворцу, они стали требовать головы Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича; тогда царица Наталья вывела на крыльцо обоихъ братьевъ, Іоанна и Петра, чтобъ убѣдить толпу въ ихъ цѣлости и невредимости, при чемъ царевичъ Іоаннъ объявилъ, что никто его не изводитъ. Смятеніе начало утихать; Матвѣевъ съ патріархомъ сошелъ къ стрѣльцамъ, умными увѣщаніями успѣлъ окончательно ихъ обезоружить и пошелъ назадъ во дворецъ, чтобъ успокоить царицу; но тутъ начальникъ Стрѣлецкаго приказа князь Михайла Долгорукій вздумалъ прикрикнуть на стрѣльцовъ и грозно приказать имъ разойтись. Стрѣльцы снова разсвирѣпѣли, бросились на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ на копья, другіе бросились за Матвѣевымъ, который имѣлъ ту же участь, придворные въ ужасѣ разбѣжались и предали дворецъ и кремль во власть мятежниковъ. Съ крикомъ «Пора намъ разбирать, кто намъ надобенъ!» ворвались стрѣльцы во дворецъ и стали вездѣ обыскивать, даже въ церквахъ подъ престолами, не спрятаны ли гдѣ Нарышкины и другіе поименованные въ ихъ спискахъ лица; если находили, сбрасывали внизъ на копья, ошибались, принимали одного за другаго и растерзывали. Братъ царицы, Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ успѣлъ скрыться, и стрѣльцы не могли сыскать его на первый день; за нимъ приходили они на другой день, опять не нашли, пришли на третій и царица принуждена была выдать имъ брата, котораго пытали и потомъ подняли на копья. «Теперь мы довольны, кричали стрѣльцы: дай Богъ здоровья царю-государю! Пусть онъ управится съ остальными; а мы рады умереть за него.» Стрѣльцы не думали о перемѣнѣ въ правленіи; но объ этомъ думала Софья, которая

одна дѣйствовала въ это время всеобщаго ужаса и безначалія. По ея внушеніямъ, стрѣльцы прислали выборныхъ во дворецъ съ требованіемъ, чтобъ царствовали оба брата вмѣстѣ — Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи; созванъ былъ соборъ изъ всякихъ чиновъ людей (разумѣется Московскихъ), и согласился на двоевластіе 23 мая; 29 стрѣльцы явились съ новымъ требованіемъ, чтобъ за молодостію царя, правленіе было вручено сестрѣ ихъ, царевнѣ Софьи. Согласились и на это.

4. Раскольничье движеніе. Софья достигла своей цѣли: верховная власть въ ея рукахъ; Матвѣевъ, дѣятельнѣйшіе изъ Нарышкиныхъ истреблены, мачиха отстранена отъ правленія. Но цѣль была достигнута средствомъ незаконнымъ и опаснымъ; предстояли хлопоты удерживать это средство постоянно въ своихъ рукахъ, ибо и другіе хотѣли также воспользоваться имъ для достиженія своихъ цѣлей. Хотѣли воспользоваться имъ раскольники, хотѣлъ воспользоваться имъ новый начальникъ стрѣльцовъ, назначенный Софьею, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій. Усмиреніе Соловецкаго мятежа, заточеніе и казни самыхъ ревностныхъ защитниковъ старой вѣры, т. е. старыхъ книгъ не истребили раскола при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ, и теперь раскольники, находившіеся въ стрѣлецкихъ полкахъ, вздумали воспользоваться стрѣлецкимъ торжествомъ, чтобъ потребовать отъ архіереевъ отвѣта: «зачѣмъ они старыя книги возненавидѣли, вѣру старую, истинную отвергли, и возлюбили новую Латино-Римскую?» Явились на сцену старые раскольники, разстриженный за расколъ священникъ Никита, прозвищемъ Пустосвятъ, монахи, снеслись съ Хованскимъ, и тотъ объявилъ имъ, что онъ самъ за старую вѣру и обѣщалъ свое содѣйствіе. Большинство стрѣльцовъ было не за расколъ: «Это дѣло не наше, а патріаршее», говорили они; но Никита съ товарищами не унывали, надѣясь на покровительство Хованскаго, раскольники

явно на площадяхъ и торгахъ проповѣдывали свое ученіе, волновали народъ, и 5 іюля Никита Пустосвятъ съ огромною толпою явился въ Кремль, чтобъ вызвать патріарха на Лобное мѣсто для торжественнаго спора. Но патріархъ не хотѣлъ идти на площадь одинъ, безъ особъ царскаго дома, боясь насилія отъ толпы, а раскольники не шли во дворецъ, боясь, что тамъ ихъ перехватаютъ; наконецъ Софья настояла, чтобъ споръ былъ во дворцѣ, въ грановитой палатѣ, въ присутствіи ея, царицы Натальи и двухъ другихъ царевенъ. Раскольники вошли съ шумомъ въ палату и стали читать свою челобитную о старой вѣрѣ, оскорбительную для царей Алексѣя и Ѳеодора; тщетно Софья унимала ихъ, особенно Никиту, наконецъ, плача отъ досады, обратилась къ выборнымъ стрѣлецкимъ и сказала: «Чего вы смотрите! пригоже ли такимъ мужикамъ къ намъ бунтомъ приходить! Намъ здѣсь больше жить нельзя, пойдемъ въ другіе города объявлять народу о такомъ непослушаніи и разореніи». Выборные отвѣчали, что по стеченію и волненію народа рѣшительныхъ мѣръ противъ раскольниковъ принять вдругъ нельзя, а надобно переждать день. Споры продолжались до вечера; подъ предлогомъ поздняго времени раскольниковъ отпустили, сказавъ, что государи завтра учинятъ имъ свой указъ, и тѣ съ торжествомъ вышли изъ дворца, крича: «побѣдили!» Но торжество это было непродолжительно; они были въ сильномъ меньшинствѣ; Софья распорядилась такъ ловко, что черезъ недѣлю предводители раскольничьи были перехватаны, Никитѣ отрубили голову, другихъ заточили, и послѣдователи ихъ разбѣжались въ разныя стороны.

5. Гибель Хованскаго. Освободились отъ раскольниковъ; но оставалось дѣло болѣе трудное — освободиться отъ Хованскаго, который успѣлъ привлечь къ себѣ стрѣльцовъ потаковничествомъ всѣмъ ихъ желаніямъ, а стрѣльцы въ благодарность не иначе называли его какъ отцомъ и готовы

были исполнять всѣ его требованія. Видя эту привязанность къ себѣ могущественныхъ стрѣльцовъ, Хованскій забылся: оскорблялъ правительницу своимъ самовольствомъ, вельможъ гордостію, униженіемъ ихъ службы, хвастовствомъ своею. Хованскій волновалъ стрѣльцовъ; волновалъ ихъ всякій, кто хотѣлъ чего-нибудь добиться; они чувствовали свою вину, знали, что бояре и всѣ лучшіе люди ненавидятъ ихъ, и потому легко вѣрили всякимъ слухамъ о мѣрахъ, которыя будто бы противъ нихъ предпринимались. Наконецъ, 2 сентября, когда царское семейство было въ Коломенскомъ, явился доносъ на Хованскаго, будто бы онъ съ помощію стрѣльцовъ хочетъ истребить царское семейство, перебить бояръ, посредствомъ раскола замутить землю, поднять простой народъ на власти и помѣщиковъ и провозгласить себя царемъ. Современники говорятъ, что доносъ этотъ былъ выдуманъ бояриномъ Милославскимъ, для скорѣйшаго погубленія Хованскаго. Какъ бы то ни было, Софья рѣшилась привести въ исполненіе то, чѣмъ грозила во время раскольничьяго возмущенія: оставить Москву и поднять противъ стрѣльцовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Она немедленно выѣхала изъ Коломенскаго въ Саввинъ Сторожевскій монастырь и разослала грамоты по городамъ, призывая служилыхъ людей для усмиренія бунтующихъ стрѣльцовъ и Хованскаго, послѣ чего отправилась въ Троицкій монастырь. Сюда начали собираться со всѣхъ сторонъ служилые люди; Хованскій вмѣстѣ съ сыномъ былъ схваченъ на дорогѣ изъ Москвы къ Троицѣ, куда ѣхалъ по приглашенію Софьи, и привезенъ въ село Воздвиженское. Тщетно обвиненные требовали суда: обоимъ, отцу и сыну отсѣкли головы. Стрѣльцы, узнавъ о гибели своего любимаго начальника, сначала взволновались было; но потомъ, опомнившись, увидали свое безсиліе, слышали, что къ Троицѣ собралось большое войско, и стали умолять патріарха, чтобъ вступился за нихъ; наконецъ отправили къ Троицѣ выбор-

ныхъ умолять царей о пощадѣ. Пощада была дана съ условіемъ не думать впередъ ни о какой смутѣ, своевольствѣ и дерзости. Управленіе Стрѣлецкимъ приказомъ Софья поручила человѣку дѣятельному, вполнѣ ей преданному и неопасному по незнатности своей — думному дьяку Шакловитому, который былъ крестьянскаго происхожденія и изъ подъячихъ дослужился до думнаго дьячества.

6. Внутреннія распоряженія Софьи. Правленіе Софьи, не смотря на кратковременность свою и смутное состояніе государства, представляетъ замѣчательныя узаконенія и распоряженія. Существовалъ обычай, что должниковъ неплательщиковъ отдавали заимодавцамъ въ заживъ, пока не отработаютъ занятыхъ денегъ: теперь озаботились, чтобъ при этой отдачѣ не разлучали женъ отъ мужей, опредѣлили, какой суммѣ долженъ равняться годъ работы, заимодавцевъ велѣно обязывать записями, чтобъ они не позволяли себѣ жестокостей съ этими работниками. Не велѣно было взыскивать со вдовъ и дѣтей долговъ, если послѣ умершихъ мужей и отцовъ ихъ никакого имѣнія не осталось. Запрещено окапывать въ землю женъ за убійство мужей, вмѣсто того велѣно преступницамъ отсѣкать головы. За произнесеніе возмутительныхъ словъ запрещено было казнить смертію: послѣ наказанія кнутомъ преступниковъ ссылали. Въ этихъ мѣрахъ нельзя не видать бо́льшей правды и мягкости противъ прежняго. Но мы не найдемъ этой мягкости въ борьбѣ съ раскольниками, противъ которыхъ поддерживались прежнія строгія мѣры: событіе 5 іюля, разумѣется, не могло содѣйствовать смягченію этихъ мѣръ. Въ это время раскольники, освободившись отъ власти церковной, перестали ограничиваться однимъ старообрядствомъ; начали появляться среди нихъ разные еретическіе толки, явились даже изувѣры, которые начали побуждать къ очистительному, по ихъ словамъ, подвигу самосожженія, и нашли послѣдователей: нераскаянныхъ еретиковъ жгли,

старообрядцевъ били кнутомъ. Тогда преслѣдуемые устремились за Шведскій и Польскій рубежи, также въ степи, на Донъ и Куму. Кромѣ борьбы съ раскольниками шла борьба съ католическими мнѣніями; возникъ сильный споръ о томъ, въ какое время совершается пресуществленіе даровъ — во время ли призыванія св. Духа или во время произнесенія словъ Христовыхъ: *пріимите, ядите* и проч. Второе мнѣніе по свидѣтельству патріарха Іоакима принесено было въ Москву молодыми людьми, которые ѣздили въ Польшу учиться по латыни; это же мнѣніе поддерживалъ сначала знаменитый Симеонъ Полоцкій, потомъ ученикъ и другъ его подъячій Семенъ (въ монашествѣ Сильвестръ) Медвѣдевъ, оставившій намъ любопытныя записки о современныхъ событіяхъ. Медвѣдевъ, человѣкъ «великаго ума и остроты ученой», по отзывамъ современниковъ, сдѣланный строителемъ Заиконоспасскаго монастыря, былъ другомъ Шакловитаго и сильнымъ приверженцемъ Софьи. Эти связи давали ему возможность распространять свои мнѣнія, противъ которыхъ ратовали братья Лихуды, Іоанникій и Софроній, Греки, выписанные въ учители для новой Московской Академіи. Споръ Медвѣдева съ Лихудами сильно занималъ общество: не только духовные, но и свѣтскіе, даже женщины сходились спорить о времени пресуществленія; противники Медвѣдева называли его мнѣніе *хлѣбопоклонною ересію*.

7. Миръ съ Польшею. Изъ дѣлъ внѣшнихъ въ правленіе Софьи самымъ важнымъ былъ вѣчный миръ и союзъ съ Польшею, слѣдствіемъ которыхъ была война съ Турціею. Какъ прежде такъ долго помѣхою вѣчному миру между Москвою и Польшею былъ Смоленскъ, такъ теперь помѣхою былъ Кіевъ. По Андрусовскому перемирію Польша уступила Кіевъ Москвѣ только на время, но Москва никакъ не соглашалась возвратить этого дорогаго для Россіи города; съ своей стороны Польша только въ крайности могла подтвердить на вѣки

Андрусовскія уступки. Въ такой крайности она дѣйствительно находилась въ описываемое время, когда король ея, знаменитый Янъ Собѣскій, не смотря на свои подвиги, не могъ съ одними своими силами бороться съ Турціею и обратился къ Московскимъ царямъ съ просьбою о помощи и союзѣ; въ Москвѣ соглашались на союзъ только съ условіемъ вѣчнаго мира, который бы закрѣпилъ за нею Кіевъ и всѣ Андрусовскія пріобрѣтенія. Въ 1686 году заключенъ былъ такой миръ, при подтвержденіи котораго слезы навернулись на глазахъ Собѣскаго: такъ тяжелъ былъ этотъ миръ для Польши и такъ выгоденъ слѣдовательно для Москвы!

8. Крымскіе походы. Но за этотъ выгодный миръ надобно было заплатить войною съ Турціею, войною выгодною въ союзѣ съ Польшею, имперіею и Венеціею, и необходимою, потому что безразсудно было допускать сильную Турцію торжествовать надъ слабою Польшею. Положено было, что Русскія войска походомъ на Крымъ отвлекутъ хана отъ поданія помощи Туркамъ. Такимъ образомъ Москва впервые съ большимъ войскомъ рѣшилась искать заклятаго врага своего въ его жилищахъ. Но походъ на Крымъ чрезъ степи былъ до крайности труденъ для большаго войска. Любимецъ Софьи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ выступилъ въ походъ весною 1687 года съ 100,000 войска, къ которому присоединился еще гетманъ Самойловичъ съ 50,000 казаковъ. Русское войско не встрѣчало Татаръ на пути своемъ, но встрѣтило врага болѣе опаснаго — степной пожаръ: лошади отъ устали и безкормицы на выжженыхъ степяхъ стали падать, люди ослабѣли отъ Іюльскаго зноя и страшной копыти, которая препятствовала различать предметы. Голицынъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было — возвратиться. Этою неудачею воспользовались войсковые старшины Малороссійскіе, враждебные гетману Самойловичу, вооружившему всѣхъ противъ себя непомѣрною гордостію и корыстолю-

біемъ; они подали доносъ Голицыну, что гетманъ враждебенъ Московскому правительству и оканчивали доносъ такъ: если государи не согласятся на смѣну гетмана, то войско смѣнитъ его само. Софья отвѣчала, что цари смѣняютъ Самойловича, если онъ неугоденъ старшинамъ и всему войску. Въ слѣдствіе этого Самойловичъ былъ свергнутъ, при чемъ Голицынъ едва успѣлъ спасти его отъ озлобленныхъ казаковъ. Стараго гетмана сослали въ Сибирь, а на его мѣсто былъ избранъ Иванъ Мазепа. Весною 1689 года Голицынъ предпринялъ второй походъ въ степи съ такимъ же большимъ войскомъ и съ новымъ гетманомъ Мазепою. На этотъ разъ степи были пройдены благополучно; ханъ со всѣми своими силами не могъ помѣшать русскимъ дойти до Перекопа; но, не видя никакой выгоды во взятіи этой крѣпости и не видя возможности оставаться здѣсь долѣе по недостатку воды, травы и лѣса, Голицынъ возвратился назадъ.

9. Нерчинскій договоръ. Такъ не блистательно окончилась при Софіи Турецкая или лучше Крымская война. Въ томъ же 1589 году заключенъ былъ Нерчинскій договоръ съ Китаемъ: Русскій уполномоченный Головинъ, имѣя мало точныхъ свѣдѣній о такой отдаленной мѣстности, какъ восточная Сибирь, согласился уступить Китайцамъ оба берега Амура, въ слѣдствіе чего крѣпость Албазинъ, съ такимъ мужествомъ защищаемая казаками противъ Китайцевъ была разорена.

10. Дѣтство и воспитаніе царя Петра. Но въ то время, какъ внутри и внѣ государства Московскаго привыкли уже видѣть Софью въ челѣ управленія, во всемъ къ ней относиться, власть ея приближалась къ концу. Не опасенъ ей былъ старшій братъ Іоаннъ, не вступавшійся ни во что; но опасность для правительницы возрастала вмѣстѣ съ возрастаніемъ младшаго брата ея Петра. Мы видѣли печальную судьбу этого ребенка по смерти отца, въ царствованіе Ѳеодора

Алексѣевича. По смерти Θеодора десятилѣтній Петръ не долго былъ окруженъ блескомъ царскаго величія: за этотъ мгновенный блескъ онъ съ матерью поплатился дорого, и участь царицы Натальи послѣ Стрѣлецкаго бунта не была лучше участи ея при царѣ Θеодорѣ, не смотря на то, что Петръ назывался царемъ и былъ вѣнчанъ вмѣстѣ съ братомъ. Петръ, сынъ мачихи, былъ братомъ нелюбимымъ всемогущей правительницы, царемъ *опальнымъ* такъ сказать; о воспитаніи его не заботились. Еще въ царствованіе Θеодора стали учить его грамотѣ, для чего приставили къ нему раболѣпнаго дьяка Зотова, который ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи не могъ пріобрѣсти вліянія надъ ребенкомъ, рожденнымъ съ способностями геніальными. Уроками Зотова воспитаніе кончилось, и Петръ былъ предоставленъ самому себѣ; самому себѣ былъ предоставленъ ребенокъ, который былъ весь огонь, сгоралъ ненасытимою жаждою дѣятельности, обладалъ пытливостію необычайною: увидитъ какой-нибудь новый предметъ — остановится, немедленно потребуетъ объясненія, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не получитъ его, мало того, сейчасъ же самъ примется за работу, чтобъ приложить узнанное къ дѣлу. Петръ не ходилъ, а бѣгалъ, говорятъ современники, и тѣмъ всего лучше объясняютъ намъ эту огненную натуру, эту неслыханную въ исторіи дѣятельность. Удовлетворенія этой дѣятельности и пытливости Петръ не могъ найти въ пустомъ, опальномъ дворцѣ своей печальной матери; тамъ не было человѣка, подобнаго Симеону Полоцкому, который бы могъ привязать Петра къ дому, стараясь сообщить ему въ нѣкоторомъ научномъ порядкѣ собираемыя отовсюду разнообразныя свѣдѣнія, который бы пріучилъ его хотя сколько-нибудь къ правильному поступанію отъ одного предмета къ другому, умѣрилъ нѣсколько его пылъ, пріучилъ бы его къ болѣе спокойному созерцанію и нравственнымъ вліяніемъ своимъ умѣлъ обуздать

кипучія страсти юноши. Такого человѣка не находилъ Петръ во дворцѣ своей матери, и никто не заботился сыскать для него такого человѣка. Скучно, тяжело было Петру во дворцѣ, и онъ бросился на улицу. Здѣсь, по призыву молодаго царя, окружила его дружина живыхъ, бойкихъ молодыхъ людей, здѣсь начались военныя потѣхи; и, разумѣется, Петръ игралъ не въ стрѣльцы, а въ солдаты; потѣхи эти принимали все болѣе и болѣе обширные размѣры вмѣстѣ съ лѣтами Петра, сформировались два солдатскихъ полка Преображенскій и Семеновскій, для наполненія которыхъ кликнули кличь по охочихъ людяхъ, охотниковъ явилось много, явились придворные конюхи и люди разнаго званія; принимались безъ разбора, мѣста давались по умѣнью и ловкости; бросивъ дворецъ, молодой царь отказался отъ старыхъ преданій, отъ всей обычной дворцовой обстановки; юный и свѣжій, онъ отказался отъ воспоминаній и вліяній прошедшаго, и тѣмъ свободнѣе приготовлялся къ дѣятельности преобразованія.

Но одни потѣхи воинскія не могли исключительно занимать Петра; его мучила жажда знанія. Игра въ солдаты, образованіе солдатскихъ полковъ уже показывали стремленіе къ искусству въ дѣлѣ ратномъ, къ новому, европейскому строю, а представители этого искусства, этого строя были подлѣ; въ Москвѣ цѣлая слобода, такъ называемая Нѣмецкая была наполнена иностранными наемными офицерами. Сюда-то естественно и необходимо долженъ былъ обратиться молодой Петръ за искусствомъ, за знаніемъ; здѣсь открылся для него новый міръ, который приковалъ его къ себѣ навсегда. Эти иностранные офицеры не могли многому научить Петра, между ними не было людей ученыхъ, но это былъ большею частію народъ живой, веселый, бывалый, люди много видѣвшіе, много испытавшіе: они-то въ своихъ разсказахъ открыли Петру западный міръ чудесъ, чудесъ цивилизаціи, они-то съ увлеченіемъ представили ему богатство этого міра въ про-

тивоположности съ бѣдностію міра Русскаго, они-то распалили въ Петрѣ страсть увидать все это самому, перенести все это къ себѣ. Въ ихъ-то кругу, безцеремонномъ и веселомъ отвыкалъ Петръ окончательно отъ дворцовыхъ обычаевъ, отъ обычаевъ русской старины. Изъ этихъ иностранцевъ болѣе всѣхъ подружился Петръ съ Женевскимъ уроженцемъ Францомъ Лефортомъ, привлекшимъ его своимъ веселымъ, открытымъ и общительнымъ характеромъ, безкорыстіе и преданность еще болѣе скрѣпили эту дружбу; какъ другъ, товарищъ любимый Лефортъ имѣлъ сильное вліяніе на Петра. Чтобъ выучиться ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, артиллеріи, Петръ, будучи 15 лѣтъ, отыскалъ себѣ учителя, Голландца Тиммермана. Прежніе царевичи Московскіе не получали научнаго образованія; старшій братъ Петра получилъ его, но съ церковнымъ характеромъ, посредствомъ духовнаго лица; Петру не было дано такого духовнаго наставника, онъ прямо обратился за наукою къ западнымъ иностранцамъ: отсюда свѣтскій характеръ образованія, внесеннаго послѣ Петромъ въ Россію, тогда какъ до него наука хотя и была допущена, но допущена подъ опекою церкви, какъ мы видѣли изъ устава Славяно-Греко-Латинской Академіи при царѣ Ѳеодорѣ. Однажды, разсматривая съ Тиммерманомъ въ селѣ Измайловѣ старыя вещи дѣда своего Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царя Михаила), Петръ нашелъ иностранное судно, и сейчасъ же спросилъ Тиммермана, что это за судно? гдѣ его употребляютъ, чѣмъ оно лучше русскихъ судовъ? Тиммерманъ отвѣчалъ, что это Англійскій ботъ, ходитъ на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра. Изумленный этою диковиною Петръ спросилъ: нѣтъ ли человѣка, который бы починилъ этотъ ботъ и показалъ ему его ходъ? Тиммерманъ указалъ на Голландца Бранта, который удовлетворилъ желаніе молодаго царя, спустивъ ботъ на Яузу. Петръ пристрастился къ боту, перевезъ его на Измайловскій прудъ,

потомъ отправился на Переяславское озеро, чтобъ построить тамъ нѣсколько судовъ. Женитьба на Евдокіи Ѳедоровнѣ Лопухиной (въ январѣ 1689 года) не могла отвлечь его отъ любимаго занятія, отвлекла на время смута Московская.

11. Низверженіе Софьи. Потѣхи молодаго Петра Софія не считала для себя опасными; они удаляли его изъ Москвы, отъ дѣлъ государственныхъ; приверженцы ея указывали и на веселую жизнь Петра, чтобъ очернить его предъ народомъ: «Наша государыня (Софья), говорили они, безпрестанно Богу молится, а тамъ (у Петра) только на органахъ да на скрипкахъ играютъ.» Опасна была для нихъ дружина молодаго царя, потѣшные удальцы. Впрочемъ ненависть Софьи и приверженцевъ ея была направлена преимущественно не на Петра, но на мать его, царицу Наталью Кирилловну, которая съ двумя главными приверженцами своими, Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ и княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, не переставала выражать неудовольствія на властолюбіе Софіи, уже называвшейся Самодержицею всея Руси; правительницѣ переносили все, что говорилось противъ нея у царицы; Шакловитый, терявшій все съ паденіемъ Софьи, не дрожалъ ни передъ какимъ средствомъ чтобъ отклонить это паденіе: «Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известь», говорилъ онъ Софьѣ. Чтобъ упрочить свою власть, Софьѣ хотѣлось короноваться, но холодность, съ какою встрѣтили стрѣльцы это желаніе, заставила отложить намѣреніе. Шакловитый раздувалъ ненависть стрѣльцовъ къ царицѣ; но стрѣльцы, которые прежде такъ быстро подвинулись для спасенія царевича, теперь не двигались на убійство царицы. Шакловитый могъ прибрать изъ нихъ не болѣе пяти человѣкъ, готовыхъ на все по его приказу, и вечеромъ 7 августа 1689 года, когда Шакловитый собралъ въ Кремль стрѣльцовъ подъ предлогомъ защиты Софьи, на которую будто бы Петръ придетъ съ своими Потѣшными, двое стрѣль-

цовъ бросились въ подмосковное село Преображенское, гдѣ жилъ тогда Петръ, извѣстить царя о грозящей ему опасности. Внезапно разбуженный, Петръ перепугался, выслушавъ извѣстіе стрѣльцовъ, вскочилъ на коня и помчался къ Троицѣ; за нимъ отправилась царица Наталья съ дочерью и невѣсткою, женою Петра. Туда же бросились всѣ приверженцы его, пошелъ цѣлый полкъ стрѣлецкій Сухарева, за нимъ пошли другіе стрѣльцы съ извѣтами о всѣхъ движеніяхъ Шакловитаго. Софья находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи; всѣ ея старанія возвратить Петра въ Москву остались тщетными; она послала было патріарха къ брату увѣщевать его къ миру, но патріархъ остался у Троицы; руководитель Петра, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ распоряжался умно и рѣшительно, и большая часть стрѣлецкихъ офицеровъ, по приказу Петра, ушли къ Троицѣ. Видя бѣду, Софья сама поѣхала къ Троицѣ мириться съ братомъ, но была возвращена съ дороги, послѣ чего явились въ Москву посланные отъ Петра захватить Шакловитаго, Медвѣдева и сообщниковъ ихъ. Тщетно Софья уговаривала стрѣльцовъ и народъ стоять за нее и за ея приверженцевъ; стрѣльцы и народъ не двигались въ пользу Софьи; служилые иноземцы поднялись изъ Нѣмецкой слободы къ Троицѣ по приказанію Петра, и сами стрѣльцы наконецъ заставили Софью выдать Шакловитаго, который былъ казненъ у Троицы вмѣстѣ съ своими сообщниками; Софья принуждена была удалиться въ Новодѣвичій монастырь; любимецъ ея, князь В. В. Голицынъ, за потворство властолюбію Софьи и за нерадѣніе во второмъ Крымскомъ походѣ, былъ сосланъ съ сыномъ въ Пустозерскъ; Медвѣдевъ, разстриженный за ересь, былъ казненъ какъ измѣнникъ. Петръ началъ править государствомъ.

УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Сочиненіе

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и К°.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 12 дня 1859 года.

Цензоръ *Драшусовъ.*

ГЛАВА XXXIX.

Царствованіе Петра Великаго.

1. Дѣятельность Петра въ первыя пять лѣтъ по удаленіи Софіи. Съ 12 сентября 1689 года началось правленіе Петра, когда ему было съ небольшимъ 17 лѣтъ; имя Іоанна по прежнему упоминалось во всѣхъ грамотахъ государственныхъ, по прежнему при торжественныхъ случаяхъ являлся онъ народу въ полномъ царскомъ облаченіи, по прежнему имѣлъ полный царскій дворъ, — и по прежнему не принималъ никакого участія въ правленіи. Но и самъ Петръ, по молодости, въ первыя пять лѣтъ не принималъ дѣятельнаго участія въ правленіи, и такъ какъ при молодомъ царѣ не было вельможъ съ большими государственными способностями, то въ эти первыя пять лѣтъ не видимъ ничего замѣчательнаго ни во внутреннемъ управленіи, ни въ дѣлахъ внѣшнихъ. Петръ въ это время оканчивалъ свое воспитаніе, оканчивалъ точно также, какъ началъ: въ потѣхахъ воинскихъ, въ кораблестроеніи, собирая свѣдѣнія отовсюду, сейчасъ же примѣняя ихъ къ дѣлу. Петръ работалъ неутомимо, и отдыхалъ отъ трудовъ на веселыхъ пирахъ съ своею компаніею, съ приближенными къ себѣ людьми, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Лефортъ; потомъ изъ иностранцевъ болѣе другихъ выдавался генералъ Гордонъ, родомъ Шотландецъ, вступившій въ русскую службу еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: Гордонъ не имѣлъ блестящихъ военныхъ способностей; это былъ храбрый, опытный, добросовѣстный служака; но при холодности, осторожности, при слѣдахъ іезуитскаго воспитанія, онъ не могъ возбуждать къ себѣ, особенно въ молодыхъ

людяхъ, такого сочувствія, какое возбуждалъ веселый, открытый Лефортъ. Не смотря на то, что молодой царь явно оказывалъ расположеніе свое къ иностранцамъ и иностранному, новому, двѣ партіи, старая и новая сильно боролись, и Петръ, опять по молодости своей, не пріобрѣлъ еще довольно твердости воли, чтобъ всегда и во всемъ давать побѣду сторонѣ, къ которой явно склонялся. Патріархъ Іоакимъ умеръ, и въ духовномъ завѣщаніи своемъ умолялъ царей отставить проклятыхъ еретиковъ иновѣрцевъ отъ начальства надъ русскими полками. Относительно избранія ему преемника произошла борьба между партіями: партія новая и во главѣ ея молодой царь хотѣли видѣть на патріаршествѣ псковскаго митрополита Маркелла, человѣка ученаго; но старая партія боялась, что ученый архіерей будетъ благопріятствовать новому, иностранцамъ, и потому вооружилась противъ Маркелла, выставляя своего кандидата, казанскаго митрополита Адріана, убѣжденнаго въ томъ, что бритье бороды есть богомерзкая ересь. Петръ уступилъ старой партіи, и Адріанъ былъ поставленъ въ патріархи.

2. Азовскіе походы. Но торжество старой партіи не могло быть прочно: молодой царь въ письмахъ своихъ подписывался уже Petrus, Piter; въ примѣрныхъ битвахъ, начальникъ русской стороны, князь Ѳедоръ Ромодановскій назывался генералиссимусъ Фридрихъ. Среди воинскихъ потѣхъ сухопутныхъ Петръ не забывалъ своихъ любимыхъ корабликовъ, которые продолжалъ строить въ Переяславлѣ: «Нѣсколько лѣтъ, пишетъ Петръ, исполнялъ я свою охоту на озерѣ Переяславскомъ; наконецъ оно стало для меня тѣсно; ѣздилъ я на Кубенское озеро: оно было слишкомъ мелко. Тогда я рѣшился видѣть прямо море и сталъ просить позволенія у матери съѣздить къ Архангельску; многократно возбраняла она мнѣ столь опасный путь; но видя великое желаніе мое и не-

отмѣнную охоту, и не-хотя позволила». Лѣтомъ 1693 года онъ съѣздилъ въ Архангельскъ, поплавалъ по Бѣлому морю, налюбовался на иностранные корабли, заложилъ свой русскій, другой велѣлъ купить въ Голландіи. Въ 1694 году, схоронивъ мать, Петръ опять отправился въ Архангельскъ, по возвращеніи изъ котораго далъ большое примѣрное сраженіе, извѣстное подъ именемъ Кожуховскаго похода. «Хотя, въ ту пору писалъ Петръ,—какъ трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однако эта игра стала предвѣстницею настоящаго дѣла.» Это настоящее дѣло былъ походъ подъ Азовъ, лѣтомъ 1695 году ибо война съ Турками, начатая при Софьѣ вслѣдствіе союза съ Польшею, продолжалась. Отправивъ боярина Бориса Петровича Шереметева съ большимъ московскимъ войскомъ и козаками малороссійскими противъ Крыма къ низовьямъ Днѣпра, самъ царь съ другимъ войскомъ отправился водою — Москвою-рѣкою, Окою и Волгою до Царицына, откуда сухимъ путемъ до Дона и Дономъ внизъ къ Азову. Войско отправилось подъ начальствомъ трехъ генераловъ — Головина, Лефорта и Гордона, которые рѣшали дѣла всѣ вмѣстѣ, но съ согласія «бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева» — такъ назывался царь въ сухопутномъ войскѣ, во флотѣ же носилъ званіе шкипера. Походъ былъ неудаченъ, по неопытности вождей, по недостатку хорошихъ инженеровъ: подкопы причиняли больше вреда Русскимъ чѣмъ Туркамъ, штурмы предпринимались преждевременно, безъ единства въ движеніяхъ. Наконецъ Петръ рѣшился снять осаду и возвратился въ Москву, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Величіе знаменитыхъ историческихъ дѣятелей болѣе всего обнаруживается при неудачахъ, которыя не приводятъ ихъ въ отчаяніе, напротивъ усиливаютъ ихъ дѣятельность: въ одну зиму, по распоряженіямъ Петра, построено было 30 военныхъ судовъ въ Воро-

нежѣ; для нихъ въ Москвѣ царь сформировалъ морской полкъ или регимен тъ, назначивъ адмираломъ любимца своего Лефорта, а генералиссимусомъ сухопутнаго войска назначенъ былъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ. Въ январѣ 1696 года скончался царь Іоаннъ Алексѣевичъ, оставивъ трехъ дочерей — Екатерину, Анну и Прасковью отъ брака своего на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой; а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Петръ, теперь и по имени единодержавный, отправился въ Воронежъ, откуда писалъ: «А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой». Въ апрѣлѣ двинулись войска изъ Воронежа; Петръ Алексѣевъ былъ уже теперь капитаномъ и начальствовалъ осьмью галерами. Новорожденный русскій флотъ преградилъ турецкому путь къ Азову. Петръ днемъ распоряжался осадою, самъ бросалъ бомбы; ночь проводилъ на галерѣ, наблюдая за турецкимъ флотомъ: «Сестрица! писалъ онъ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ: по письму твоему, я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а онѣ ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили». Не видя ниоткуда помощи и напуганные отчаянною храбростію козаковъ, Запорожцевъ и Донцовъ, Азовцы сдались 19 іюля. Распорядившись укрѣпленіемъ Азова, Петръ съ торжествомъ возвратился въ Москву, куда въѣхалъ въ построенные по этому случаю тріумфальные ворота.

3. Кораблестроеніе кумпанствами. Царь не долго отдыхалъ послѣ Азова въ началѣ ноября въ царской думѣ было опредѣлено, чтобъ землевладѣльцы духовные съ 8000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе съ 10,000 выстроили по кораблю, оснащенному и вооруженному, а торговые и посадскіе люди 12 судовъ бомбардирскихъ, вслѣдствіе чего помѣщики и вотчинники должны были явиться въ Москву для соглашенія кому съ кѣмъ складываться для корабельной постройки, или, какъ тогда выражались, кому съ кѣмъ быть въ кумпан-

ствѣ; верфи были устроены подъ Воронежомъ, мастера были вызваны изъ Венеціи, Даніи, Швеціи и Голландіи; выбрано и мѣсто для гавани на Азовскомъ морѣ — Таганрогъ; предположенъ каналъ для соединенія Волги съ Дономъ (между Иловлею и Камышинкою); наконецъ, чтобъ морское дѣло утвердилось въ русскомъ народѣ, Петръ отправилъ 50 стольниковъ и спальниковъ въ Венецію, Англію и Голландію учиться строенію кораблей и управленію ими.

4. Снаряженіе великаго посольства. Но отправленіемъ молодыхъ людей за границу учиться, мѣрою, извѣстною уже и прежде, Петръ не могъ ограничиться. По природѣ своей, жаждущей знанія и дѣятельности, дѣятельности физической столько же, сколько и духовной, Петръ хотѣлъ самъ все видѣть, все узнать, все сработать; не могъ онъ спокойно дожидаться въ Москвѣ, пока посланные за границу возвратятся обученные корабельному мастерству, и не могъ расчитывать, чтобъ это обученіе вполнѣ соотвѣтствовало его желанію. Московское государство, относительно цивилизаціи, похоже было въ это время на вновь заводящуюся фабрику, гдѣ, по неопытности работниковъ, по непривычкѣ къ дѣлу, всюду нужны рука и глазъ самого хозяина. Дѣло было спѣшное, Петръ не могъ и не умѣлъ дожидаться; а тутъ еще издавна воображеніе его было распалено разсказами о чудесахъ цивилизаціи на западѣ, и человѣкъ самый близкій, Лефортъ толковалъ о необходимости для царя видѣть все это самому. Въ концѣ 1696 года опредѣлено: отправить великихъ и полномочныхъ пословъ-генераловъ Лефорта и Головина и думнаго дьяка Возницына ко дворамъ: Цесарскому, Англійскому, Датскому, Римскому, Бранденбургскому, въ Голландію и Венецію; свита посольская состояла изъ дворянъ и волонтеровъ: въ числѣ послѣднихъ находился Петръ Михайловъ — самъ царь; управленіе государствомъ на время отсутствія государя было поручено троимъ

вельможамъ: Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну и князю Петру Ивановичу Прозоровскому; Москва приказана князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому; подъ начальствомъ другаго Ромодановскаго, князя Михайлы Григорьевича, придвинуто было войско къ Литовской границѣ: въ Польшѣ умеръ король Янъ Собѣскій и начались выборы; Россія съ союзницею своею Австріею хлопотала о томъ, чтобъ не былъ избранъ французскій принцъ Конти, союзникъ султана, и Ромодановскій, въ случаѣ нужды, долженъ былъ силою дѣйствовать противъ Француза и его партіи.

5. Заговоръ Цыклера. Въ февралѣ 1697 года все было готово къ отъѣзду великаго посольства; царь веселился на прощальномъ вечерѣ у Лефорта, какъ вдругъ доносятъ ему, что думный дворянинъ Цыклеръ подговариваетъ стрѣльцовъ зажечь домъ и на пожарѣ убить государя. Недавніе мятежи вскружили буйную голову Цыклера: онъ считалъ все возможнымъ для дерзости, и, озлобленный холодностію государя, готовъ былъ сыграть роль Разина, поднять Донскихъ козаковъ и идти разорять Москву. Но за одно съ Цыклеромъ были люди знатные — Соковнинъ и Пушкинъ, говорившіе, что государь погубилъ ихъ всѣхъ, посылаетъ за море; были козаки и стрѣльцы, которые желали, чтобъ козаки разорили Москву съ одного конца, а стрѣльцы съ другаго.

6. Поѣздка Петра заграницу. Послѣ казни Цыклера и сообщниковъ его, великое посольство въ мартѣ мѣсяцѣ отправилось изъ Москвы. Въ Ригѣ, подъ которою еще недавно стояли войска царя Алексѣя, не дозволили Петру осмотрѣть городскія укрѣпленія, что сильно его разсердило. Иной пріемъ встрѣтилъ Петръ у герцога курляндскаго и курфирста бранденбургскаго, которые угощали его по царски, не смотря на его инкогнито, и удовлетворяли всѣмъ его желаніямъ; курфирстина бранденбургская, Софія-Шарлота и мать ея, Софія,

курфирстина ганноверская въ письмахъ своихъ описываютъ впечатлѣніе, которое произвелъ на нихъ Петръ: онъ поразилъ ихъ своими блестящими способностями и вмѣстѣ неумѣньемъ сдерживать себя, грубыми привычками, недостаткомъ воспитанія. Пріѣхавши въ Голландію, Петръ поселился въ мѣстечкѣ Сардамѣ или Зандамѣ, гдѣ, подъ именемъ Петра Михайлова, записался корабельнымъ плотникомъ на верфи. Но ему не долго дали поработать въ волю: разнеслась по Сардаму вѣсть, что молодой московскій плотникъ самъ царь, и толпы любопытныхъ начали окружать его. Пробывъ недѣлю въ Сардамѣ Петръ переѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ слишкомъ четыре мѣсяца работалъ на верфи Остъ-Индской компаніи вмѣстѣ съ своими товарищами, волонтерами русскаго посольства. Для усовершенствованія въ корабельной архитектурѣ, Петръ въ январѣ 1698 года поѣхалъ въ Англію, гдѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ изучалъ кораблестроительное искусство въ городкѣ Дептфордѣ, и принялъ въ русскую службу до 60 разныхъ ученыхъ и мастеровъ, мореходовъ же набралъ преимущественно въ Голландіи. Въ апрѣлѣ выѣхалъ Петръ изъ Англіи назадъ въ Голландію, и оттуда отправился въ Вѣну; здѣсь, взявши съ императора Леопольда обѣщаніе хлопотать, чтобъ при заключеніи мира съ Турками послѣдніе уступили Россіи всѣ ея завоеванія, царь хотѣлъ было уже отправиться въ Венецію, опять для кораблестроительнаго дѣла, какъ вдругъ пришла вѣсть о стрѣлецкомъ бунтѣ, и Петръ вмѣсто Венеціи поспѣшилъ въ Москву.

7. Стрѣлецкій бунтъ. Стрѣльцы, которыхъ тщетно возбуждала Софья къ возстанію противъ Петра въ 1689 году, когда они спокойно жили въ Москвѣ, возмутились въ 1698 году, и стали звать Софью на царство, когда ихъ начали посылать въ дальніе и трудные походы. Четыре полка, передвинутые изъ Азова къ границамъ Литовскимъ, въ Великіе Лу-

ки, сильно роптали: «Какая наша служба! страдаемъ отъ бояръ, скитаемся черезъ нихъ третій годъ». Около 200 человѣкъ изъ нихъ убѣжало въ Москву; выгнанные отсюда солдатами, они возвратились въ полки съ письмомъ отъ царевны Софіи: «теперь вамъ худо, писала Софья, а послѣ будетъ еще хуже; ступайте къ Москвѣ! что вы стали? про государя ничего не слышно». Поднялось волненіе въ полкахъ, начали толковать, что государя за моремъ не стало, а сына его царевича Алексѣя хотятъ задушить бояре, надобно идти къ Москвѣ, перебить бояръ, Нѣмцевъ, разорить Нѣмецкую слободу. Весною ихъ передвинули въ Торопецъ, откуда велѣно каждому полку занять отдѣльные города, а бѣглыхъ отправить въ ссылку; тутъ стрѣльцы открыто взбунтовались, захватили оружіе, пушки, выгнали полковниковъ и капитановъ, на ихъ мѣсто выбрали свою братью, и двинулись къ Москвѣ. Къ нимъ на встрѣчу выступили бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ, и 18 іюня сошлись съ стрѣльцами подъ Воскресенскимъ монастыремъ (Новый Іерусалимъ), на берегу Истры. Напрасно уговаривали ихъ воеводы покориться; стрѣльцы въ отвѣтъ вычисляли свои заслуги, страданіе въ походахъ, говорили, что пришли, боясь князя Ромодановскаго, который велѣлъ ихъ побить неизвѣстно зачто, и слышно, что къ Москвѣ идутъ Нѣмцы «послѣдуя брадобритію и табаку, въ всесовершенное благочестія испровержение». Тогда воеводы велѣли дѣйствовать артиллеріи, и послѣ четырехъ залповъ нестройная толпа стрѣльцовъ, неимѣвшихъ предводителя, разсѣялась въ ужасѣ; но почти всѣ мятежники были переловлены; начался розыскъ, пытки, 130 человѣкъ было повѣшено, остальные разсажены по тюрьмамъ въ разныхъ городахъ и монастыряхъ.

8. Возвращеніе Петра изъ-за границы. Между тѣмъ царь возвращался изъ своего путешествія, насмотрѣвшись Европы, насмотрѣвшись чудесъ ея цивилизаціи, съ твер-

дымъ намѣреніемъ пересадить эту цивилизацію въ Россію; но для этого необходимо было близкое и непосредственное сообщеніе Россіи съ западною Европою; для этого необходимо было осуществить намѣреніе Іоанна IV-го, пріобрѣсть хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. На пути изъ Вѣны въ Москву, въ Галиціи Петръ встрѣтился съ новымъ королемъ польскимъ Августомъ II-мъ, курфирстомъ Саксонскимъ, и объявилъ ему о намѣреніи своемъ воевать съ Швеціею. Августъ умѣлъ угодить вкусамъ молодаго царя и очаровалъ его своею любезностію и ловкостію въ обращеніи, какъ пустой свѣтскій франтъ можетъ иногда на время очаровать молодаго, незнающаго свѣта человѣка, хотя и безконечно превосходящаго его внутренними достоинствами. Въ сущности между Августомъ и Петромъ не было ничего общаго: Августъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государей, которые меньше всего думаютъ о благѣ государства, о благѣ подданныхъ; нравственныя требованія были ему незнакомы; онъ смотрѣлъ на государства свои — Саксонское и Польское, какъ на имѣнія, обязанныя давать ему какъ можно болѣе денегъ, которыя онъ расточалъ на пустыя и безнравственныя удовольствія; тогда какъ величіе Петра по преимуществу состояло въ томъ, что благо государственное было для него выше всего: получая жалованье за свою офицерскую службу, Петръ говорилъ, что этими заслуженными деньгами онъ можетъ располагать по произволу, деньги же, собранныя съ народа онъ оставляетъ для государственной пользы. ибо обязанъ нѣкогда отдать въ нихъ отчетъ Богу.

9. Бритье бородъ и перемѣна платья. 25 августа пріѣхалъ Петръ въ Москву, и на другой же день началась стрижка бородъ у вельможъ, первый и для многихъ самый трудный шагъ къ разставанью съ стариною, потому что борода была знаменемъ старой партіи, враждовавшей съ безбородыми иностранцами, сближеніе съ которыми Петръ считалъ

необходимымъ. Сбритіемъ бородъ наносился сильный ударъ той узкой, мелкой народности, которая состоитъ въ одномъ внѣшнемъ отличіи народа отъ другихъ народовъ, которая, отдаляя народъ отъ другихъ народовъ препятствуетъ его просвѣщенію, препятствуетъ слѣдовательно основывать свою народность на внутреннихъ духовныхъ началахъ, проявлять свою народность въ великихъ произведеніяхъ духа. Сбритіемъ бородъ покончивалось съ тѣми людьми, которые преслѣдовали раскольниковъ, полагавшихъ спасеніе только въ старыхъ книгахъ, старыхъ обрядахъ и знакахъ, и въ тоже время провозглашали, вмѣстѣ съ раскольниками, что брить бороду есть смертный грѣхъ.—Петръ издалъ указъ, что кто изъ свѣтскихъ людей не хочетъ отказаться отъ бороды, тотъ долженъ платить пошлину. Вмѣстѣ съ бородою Русскіе должны были разстаться и съ старинною азіатскою одеждою, замѣнить ее общеевропейскою.

10. Стрѣлецкій розыскъ. Послѣ этихъ перемѣнъ начался страшный стрѣлецкій розыскъ. Петръ остался недоволенъ розыскомъ, который былъ произведенъ Шеинымъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, и въ которомъ ничего не оказалось объ участіи царевны Софьи въ дѣлѣ. Велѣно было прислать въ Москву всѣхъ стрѣльцовъ, разсаженныхъ по городскимъ и монастырскимъ тюрьмамъ; начались по обычаю вѣка, страшныя пытки; оговорена была Софья и сестра ея царевна Марѳа Алексѣевна; Петръ нарядилъ надъ сестрою судъ выборныхъ изо всякихъ чиновъ людей: Софья и Марѳа были пострижены; всѣ стрѣльцы, участвовавшіе въ бунтѣ, казнены смертію, кромѣ несовершеннолѣтнихъ; стрѣлецкое войско мало-по-малу уничтожено. Въ сентябрѣ 1698 года пострижена была въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ и царица Евдокія Ѳеодоровна подъ именемъ Елены: Петръ, при своемъ воспитаніи и привычкахъ, привычкахъ къ рабочей и

походной жизни и къ отдыху отъ трудовъ съ любимою *компаніею*, Лефортомъ съ товарищи, не былъ привязанъ къ семейной жизни; не могла привязать его къ семьѣ воспитанная по старинѣ, въ теремѣ боярышня Евдокія Лопухина; понятія мужа и жены совершенно разнились; при томъ же Евдокіи не могъ нравиться образъ жизни Петра, жизни внѣ семьи; она не скрывала своего неудовольствія, что сильно раздражало Петра, и слѣдствіемъ былъ разводъ.

11. Паткуль. Окончивъ розыскъ, царь отправился въ Воронежъ, и въ его отсутствіе умеръ Лефортъ (въ февралѣ 1699). Петръ уже нашелъ въ Воронежѣ корабли, построенные кумпанствами, и весною 1699 года выплылъ Дономъ въ море, а въ августѣ отпустилъ въ Константинополь для мирныхъ переговоровъ посла своего Украинцова на Русскомъ кораблѣ, который очень удивилъ и напугалъ Турокъ. Петру хотѣлось кончить поскорѣе войну съ Турціею, чтобъ начать войну съ Шведами, для воспламененія которой хлопоталъ также знаменитый Паткуль.

Паткуль былъ Ливонскій дворянинъ. Когда въ Швеціи при королѣ Карлѣ XI постановлено было отобрать у дворянства всѣ коронныя земли, которыми оно владѣло по грамотамъ прежнихъ королей, то это постановленіе распространили и на Ливонію; мало того, отъ здѣшнихъ рыцарей потребовали документовъ, по которымъ они владѣли своими стародавними вотчинами и которые трудно было отыскать. Ливонское рыцарство начало сильно хлопотать, чтобъ не было конфискаціи имѣній или редукціи, какъ тогда это называли, и самымъ ревностнымъ поборникомъ рыцарскихъ правъ явился капитанъ Паткуль, человѣкъ съ блестящими способностями, образованный, исключительно преданный интересамъ своего сословія, пылкій, рѣшительный и неутомимый въ преслѣдованіи разъ предположенной цѣли. Смѣлою защитою своего дѣла и

движеніями, мѣрами которыя онъ употреблялъ въ Ливоніи для этой защиты, Паткуль очень не понравился въ Стокгольмѣ; сюда присоединилась ненависть, которую онъ успѣлъ возбудить къ себѣ въ Рижскомъ генералъ-губернаторѣ Гастферѣ, употреблявшемъ всѣ средства, чтобъ повредить ему. Вслѣдствіе всего этого Паткуль былъ вызванъ въ Стокгольмъ и преданъ суду. Видя, что судная коммиссія непремѣнно хочетъ обвинить его въ государственныхъ преступленіяхъ, Паткуль убѣжалъ изъ Стокгольма, гдѣ заочно приговорили его къ смертной казни. Бѣглецъ скрывался отъ поисковъ Шведскаго правительства, переѣзжая подъ вымышленною фамиліею изъ одной страны Европы въ другую, занимался науками и обдумывалъ планъ, какъ бы освободить Ливонію отъ Шведскаго владычества. Этотъ планъ, предложенный Паткулемъ королю польскому Августу, состоялъ въ томъ. чтобъ Польша, Россія и Данія въ одно время вооружились противъ Швеціи—Польша для возвращенія себѣ Лифляндіи и Эстляндіи, Россія—Ингерманландіи и Кареліи, Данія для овладѣнія Голштейнъ-Готторпомъ, котораго герцогъ былъ женатъ на родной сестрѣ молодаго Шведскаго короля Карла XII.

12. **Начало сѣверной войны, пораженіе подъ Нарвою.** Августъ вошелъ въ виды Паткуля и отправилъ посла въ Москву убѣждать Петра къ союзу противъ Швеціи, прельщая выгодами пріобрѣтенія Балтійскихъ береговъ. Но Петръ не нуждался въ этихъ убѣжденіяхъ: онъ съ радостію согласился на союзъ, который самъ прежде предлагалъ Августу, но объявилъ, что начнетъ войну съ Швеціею только тогда, когда помирится съ Турціею. Весною 1700 года короли Датскій и Польскій начали войну съ Швеціею. Въ іюлѣ Русскому послу Украинцову удалось заключить миръ съ Турками на 30 лѣтъ: Азовъ со всѣми старыми и новыми городками оставался за Россіею, и Крымскій ханъ отказался отъ

ежегодныхъ поминковъ, которые до сихъ поръ обыкновенно присылались ему изъ Москвы. Узнавши о заключеніи этого мира 18 августа, Петръ на другой же день издалъ манифестъ о войнѣ съ Шведами и далъ приказъ войскамъ двигаться для осады Нарвы. Но Петръ вооружился противъ Швеціи, когда оба союзника его, короли Польскій и Датскій, уже успѣли потерпѣть неудачи. Въ то время какъ Датскій король старался овладѣть Голштиніею, Карлъ XII въ маѣ мѣсяцѣ явился подъ стѣнами Копенгагена, и король Датскій, чтобъ спасти свою столицу, подписалъ въ Травендалѣ 18 августа мирный договоръ, по которому отказался отъ союза съ Россіею и Польшею, призналъ независимость Голштиніи и заплатилъ Швеціи военныя издержки. Покончивъ съ Даніею, Карлъ XII поспѣшилъ въ Лифляндію; извѣстіе о приближеніи его заставило Августа Польскаго снять осаду Риги; но Карлъ на время оставилъ въ покоѣ этого врага, и устремился къ Нарвѣ противъ Русскихъ, у которыхъ было до 35,000 войска, состоявшаго большею частію изъ новобранцевъ прошлаго года; главнымъ начальникомъ былъ герцогъ де Кроа, взятый Петромъ въ службу по рекомендаціи императора Леопольда. У Карла XII было около 12,000 войска; но онъ надѣялся быстрымъ натискомъ смять неискусныя толпы русскія, растянутыя и къ тому же слабыя нравственно, ибо у нихъ не было довѣрія къ своимъ иностраннымъ предводителямъ. 19 ноября совершенно неожиданно Карлъ подкрался къ Русскому войску, опрокинулъ неприготовленныя толпы, захватилъ артиллерію; иностранные генералы и офицеры спѣшили отдаться въ плѣнъ, боясь, что Русскіе солдаты побьютъ ихъ; только два гвардейскихъ полка (Преображенскій и Семеновскій) сдерживали напоръ Шведовъ до самой ночи; Карлъ вступилъ въ переговоры съ русскими генералами и обѣщалъ отпустить

русское войско съ оружіемъ и знаменами, но обѣщаніе это не вполнѣ было сдержано.

13. Успѣхи русскихъ въ Ливоніи; основаніе Петербурга. Величіе Петра выдержало и это страшное искушеніе. Принужденный вести борьбу въ одно время и съ врагомъ внѣшнимъ, такъ блистательно доказавшимъ свое превосходство, и съ врагами внутренними, которые возбуждали въ народныхъ массахъ неудовольствіе противъ нововведеній, не оправданныхъ, неблагословенныхъ успѣхомъ, Петръ не упалъ духомъ, и немедленно употребилъ всѣ средства къ болѣе успѣшному продолженію войны. Обстоятельства также помогли ему, ибо Карлъ, оставивъ генерала Шлиппенбаха съ небольшимъ войскомъ для защиты Ливоніи, самъ обратился противъ третьяго врага своего, Августа Польскаго, и остался на нѣсколько лѣтъ во владѣніяхъ послѣдняго. Петръ какъ нельзя лучше воспользовался этимъ обстоятельствомъ, которое называлъ «случаемъ, ниспосланнымъ отъ Бога», и когда воевода, выставленный противъ Шведовъ на границахъ Ливонскихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ колебался вступить въ дѣло съ страшнымъ непріятелемъ, то Петръ увѣщевалъ его пользоваться благодѣяніемъ Божіимъ — удаленіемъ Карла. Почти цѣлый 1701 годъ прошелъ въ маловажныхъ набѣгахъ съ обѣихъ сторонъ; только въ декабрѣ Шереметевъ напалъ на главныя силы Шлиппенбаха и разбилъ ихъ при селеніи Эрестферъ. При этомъ дѣлѣ у Русскихъ было вдвое больше войска, чѣмъ у Шведовъ, и Петръ писалъ: «Слава Богу! мы дошли до того, что можемъ побѣждать Шведовъ, сражаясь двое противъ одного, но скоро станемъ побѣждать ихъ и съ равными силами». Лѣтомъ 1702 года Шереметевъ, пожалованный въ фельдмаршалы за Эрестферскую побѣду, разбилъ вторично Шлиппенбаха при мысѣ Гумельсгофѣ, послѣ чего русскіе страшно опустошили всю восточную часть Лифляндіи. Петръ, начав-

шій войну для пріобрѣтенія гаваней, не учавствовалъ въ этой сухопутной войнѣ, ибо далеко былъ еще отъ надежды завоевать всю Ливонію и удержать ее за собою, тѣмъ болѣе, что и по договору съ Августомъ Польскимъ, Ливонія должна была принадлежать послѣднему. Разнеслась вѣсть, что Шведы хотятъ овладѣть и единственною русскою гаванью на Европейскомъ морѣ—Архангельскомъ, и Петръ поспѣшилъ для его защиты; но слухъ оказался ложнымъ; тогда Петръ прямо изъ Архангельска отправился къ завѣтной цѣли своей, туда, гдѣ и прежде Русскія владѣнія соприкасались съ моремъ, но гдѣ теперь Шведскія знамена виднѣлись на старыхъ русскихъ укрѣпленіяхъ. Петръ осадилъ Нотебургъ, древній Новгородскій Орѣшекъ, 11 октября взялъ его, и назвалъ Шлюссельбургомъ-Ключь-городомъ, ибо крѣпость эта, построенная при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, дѣйствительно служила ключемъ къ морю. Входъ изъ Невы въ Финскій заливъ защищался маленькою крѣпостію Ніеншанцемъ на правомъ берегу Невы. 1-го мая 1703 года крѣпость эта была взята, срыта, и вмѣсто ея, 16 мая заложена новая, ближе къ устью Невы, на островѣ Лустъ-Эйландѣ: то былъ Петербургъ, столица Новой Россіи, добившейся до моря, къ которому стремилась слишкомъ сто лѣтъ. Для прикрытія новаго приморскаго городка со стороны моря основана крѣпость Кроншлотъ на отмели близъ острова Котлина; для новаго Балтійскаго флота устроены верфи въ Олонцѣ; отобраны у Шведовъ и два остальныхъ русскихъ городка—Копорье и Ямы; послѣдній названъ Ямбургомъ; въ 1704 году взяты Дерптъ и Нарва.

14. Дѣйствія Карла въ Польшѣ; бунтъ въ Астрахани; затруднительное положеніе Петра; Альтранштедтскій миръ. Между тѣмъ Карлъ XII все кружилъ за Августомъ польскимъ. Августъ былъ драгоцѣнный союзникъ для Петра не тѣмъ, что усердно помогалъ ему въ

войнѣ съ Шведами: какъ скоро Шведы являлись въ одномъ углу, то онъ бѣжалъ въ другой; но тѣмъ, что задерживалъ Карла въ Польшѣ. Шведскій король никакъ не рѣшался помириться съ Августомъ, выйдти изъ Польши и ударить на Петра, оставя въ тылу Августа, ибо имѣлъ полное право не полагаться на его слово; онъ хотѣлъ непремѣнно покончить съ Августомъ, возвести на его мѣсто другаго короля въ Польшѣ и вмѣстѣ съ этимъ новымъ союзникомъ окончить войну съ Россіею, предписавъ Петру миръ въ Москвѣ. Паткуль, видя, что отъ Августа и его развращенныхъ министровъ нечего ждать для Ливоніи, перешелъ въ службу къ Петру и въ качествѣ русскаго чрезвычайнаго уполномоченнаго отправился ко двору Августа съ двойнымъ порученіемъ: во первыхъ наблюдать, чтобъ денежныя вспоможенія, даваемыя Петромъ Августу, употреблялись именно на войну шведскую, а не на потѣхи королевскія; во вторыхъ набирать всякихъ полезныхъ людей въ царскую службу. Между Поляками было сильное неудовольствіе противъ Августа, который составилъ планъ раздѣла Польши между сосѣдними государями; часть вельможъ перешла на сторону Карла, другая держалась Августа; паны вслѣдствіе этого начали воевать другъ съ другомъ, а тяжесть этой войны падала на несчастную страну, опустошаемую и чужими и своими. Наконецъ Карлъ заставилъ сеймъ свергнуть Августа и выбрать въ короли познаньскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Но этимъ Карлъ не достигъ своей цѣли, ибо Лещинскій многимъ не нравился и Августъ имѣлъ возможность держаться въ Польшѣ.

Желая поддержать союзника, Петръ, весною 1705 года, двинулъ войска свои къ Западной Двинѣ; они перешли эту рѣку, овладѣли Курляндіею, Вильною; главныя силы, около 35,000, сосредоточились въ Гродно, гдѣ былъ устроенъ большой укрѣпленный лагерь. Но въ то время, какъ борьба на

западѣ становилась все важнѣе. Петръ долженъ былъ отдѣлить часть своихъ силъ на отдаленный юго-востокъ, къ Астрахани, гдѣ вспыхнулъ мятежъ стрѣлецкій. Сынъ казненнаго въ Москвѣ стрѣльца Степанъ Москвитинъ бѣжалъ въ Астрахань и три года раздувалъ здѣсь мятежъ, распуская самые нелѣпые слухи. будто «установлена тяжкая служба и новая вѣра, велятъ кланяться болванамъ и носить нѣмецкое платье, брить бороды, Русское государство хотятъ раздѣлить на четыре части. русскихъ дѣвицъ всѣхъ выдать за Нѣмцевъ; чтобъ не допустить до этого. надобно всѣхъ Нѣмцевъ, бояръ и офицеровъ солдатскихъ вырубить». Астраханскіе стрѣльцы взволновались, убили воеводу и лучшихъ людей, послали призывныя грамоты казакамъ; Гребенскіе казаки пристали къ нимъ, но Донъ былъ удержанъ атаманомъ Максимовымъ. Петръ немедленно отправилъ противъ бунтовщиковъ фельдмаршала Шереметева. который долженъ былъ брать Астрахань съ бою. А между тѣмъ на западѣ Карлъ. воспользовавшись зимнимъ путемъ, быстро двинулся изъ Варшавы къ Гродно и отрѣзалъ русскую армію отъ мѣстъ, изъ которыхъ она должна была получать продовольствіе. Надежда на выручку отъ союзниковъ пропала для Русскихъ. потому что генералъ Шуленбургъ, начальствовавшій саксонскими и русскими войсками на границахъ Польши и Силезіи. потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Шведовъ при Фрауштадтѣ. Въ какомъ печальномъ состояніи духа находился въ это время Петръ. видно изъ его писемъ «Боже! пишетъ онъ (весною 1706 года, передъ Лазаревымъ воскресеньемъ): прибавь тяжести въ нашу чашку вѣсовъ, потому что безъ этого она перевѣситься не можетъ. Мы вмѣстѣ съ приближающимся Лазаремъ въ адской сей горести находимся. Дай Боже воскреснуть съ нимъ!» Но, сознавая всю затруднительность своего положенія, Петръ не отчаявался: онъ послалъ въ Гродно приказъ своимъ войскамъ отступить, при чемъ далъ

подробное наставленіе, какъ безпрепятственно совершить это отступленіе, и, благодаря плану Петра, армія русская достигла Кіева почти безъ потерь. Карлъ, оставя Литовскія болота, обратился опять на западъ и вошелъ въ Саксонію, чтобъ здѣсь въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ Августа нанести ему рѣшительный ударъ. Расчетъ Карла былъ вѣренъ: чтобъ спасти Саксонію, Августъ въ сентябрѣ 1706 года заключилъ съ шведскимъ королемъ миръ въ Альтранштедтѣ, по которому отказался отъ польскаго престола въ пользу Станислава Лещинскаго, отказался отъ союза съ Россіею, и не постыдился выдать Шведамъ Паткуля, котораго Карлъ велѣлъ колесовать какъ измѣнника. Августъ заключилъ этотъ миръ тайкомъ отъ Петра и даже находился при войскѣ Меншикова, когда этотъ любимецъ Петра 18 октября разбилъ шведскаго генерала Мардефельда при Калишѣ.

15. Карлъ приближается къ русскимъ границамъ; Булавинскій бунтъ. Послѣ Альтранштедскаго мира у Карла оставался только одинъ непріятель — русскій царь, и Петръ, приготовляясь къ оборонѣ, употреблялъ въ тоже время всѣ средства къ заключенію мира, искалъ посредничества иностранныхъ державъ, соглашался ограничиться одною гаванью на Балтійскомъ морѣ; но Карлъ не хотѣлъ уступить ничего, хотѣлъ заключить миръ въ Москвѣ, и Петръ, не полагаясь на военное счастіе, послалъ приказаніе укрѣплять эту столицу. Въ исходѣ 1707 года Карлъ перешелъ Вислу, въ январѣ 1708 занялъ Гродно и устремился за русскими войсками, расположенными въ Литвѣ; но тѣ, согласно плану Петра, постоянно отступали къ своимъ границамъ, опустошая проходимую ими страну, чтобъ затруднять непріятеля недостаткомъ продовольствія. Но въ это рѣшительное время, когда Россія должна была напречь всѣ свои силы для страшной

борьбы, вспыхнуло сильное казацкое возмущеніе на Дону, въ родѣ Разинскаго.

Время Петра, которое намъ теперь издали представляется такимъ блестящимъ, было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ временъ для русскаго народа: для веденія продолжительной и трудной войны и вмѣстѣ для новыхъ учрежденій требовались большія пожертвованія, а средства страны были скудны; тяжки были рекрутскіе наборы и налоги денежные, и вотъ для избавленія отъ тѣхъ и отъ другихъ, толпы народа бѣжали, по старому обычаю, на Донъ къ казакамъ, вслѣдствіе чего оставшимся, разумѣется, становилось еще тягостнѣе. Петръ не могъ смотрѣть на это равнодушно, и въ концѣ 1707 года отправилъ полковника князя Юрія Долгорукаго съ командою на Донъ отыскивать бѣглецовъ и высылать на прежнія жилища. Долгорукій отыскалъ уже 3000 бѣглыхъ; но въ это время между казаками начала ходить грамота съ увѣщаніемъ не допускать Долгорукаго до исполненія его наказа и бить сыщиковъ. Началось волненіе, большая шайка голутвенныхъ собралась около бахмутскаго старшины Кондратія Булавина, который нечаянно ночью напалъ на отрядъ Долгорукаго и истребилъ его вмѣстѣ съ предводителемъ. Разбитый вѣрными казаками, высланными противъ него атаманомъ Максимовымъ, Булавинъ бѣжалъ въ станицы, расположенныя по верхнему Дону и взволновалъ ихъ, продолжая собирать около себя отовсюду голутвенныхъ. Усилившись такимъ образомъ, онъ овладѣлъ главнымъ городомъ Донскихъ казаковъ Черкаскомъ, переказнилъ тамъ всѣхъ казаковъ на него не похожихъ, начиная съ атамана Максимова, и самъ занялъ его мѣсто. Полковникъ его Голый, подкравшись въ расплохъ, вырѣзалъ Сумской полкъ; но другой предводитель мятежниковъ, Драный потерпѣлъ пораженіе отъ царскихъ войскъ на Донцѣ и погибъ въ битвѣ, третій — Некрасовъ потерпѣлъ пораженіе подъ

Азовомъ. Узнавъ о пораженіи Некрасова и Дранаго, и слыша о приближеніи князя Долгорукаго (Василья Владиміровича, брата убитаго) къ Черкаску, Булавинъ пришелъ въ отчаяніе и застрѣлился; Черкаскъ сдался Долгорукому; но Некрасовъ съ тремя братьями Вориковыми *) ушелъ къ верхнимъ станицамъ; отсюда, увеличивъ свою шайку, двинулся къ Волгѣ, ограбилъ Саратовъ, Царицынъ, Камышинъ, наконецъ бросился на Кубань и тамъ поддался крымскому хану. Долгорукій истребилъ до основанія непокорныя станицы: «Главныхъ бунтовщиковъ и пойманныхъ измѣнниковъ, и въ прочихъ юртахъ отъ девяти десятаго вѣшали и оныхъ всѣхъ на плотахъ висящихъ плыть по рѣкамъ пускали, чѣмъ преужасный страхъ всему Дону наведенъ, и тѣмъ наипаче усмирены».

16. Сраженія при Добромъ и Лѣсномъ; измѣна Мазепы. Между тѣмъ лѣтомъ 1708 года Карлъ XII, разбивши отрядъ русскаго войска при Головчинѣ, занялъ Могилевъ, гдѣ долженъ былъ соединиться съ нимъ генералъ Левенгауптъ, шедшій изъ Лифляндіи съ большими запасами. Но, терпя недостатокъ въ продовольствіи, Карлъ не сталъ дожидаться Левенгаупта и пошелъ на Мстиславль, черезъ лѣса и болота, по опустошенному краю, гдѣ часть войска его у села Добраго, была разбита княземъ Михайлою Михайловичемъ Голицинымъ. Вопреки совѣтамъ генераловъ своихъ, Карлъ не возвратился въ Могилевъ для соединенія съ Левенгауптомъ, но направилъ путь къ Украйнѣ. Этимъ воспользовался Петръ, нагналъ Левенгаупта и поразилъ при деревнѣ Лѣсной на рѣкѣ Сожѣ 28 сентября: Шведы потеряли 10,000 человѣкъ, всю артиллерію, и главное—всѣ запасы, которые были такъ важны для Карла. «Здѣсь первая солдатская проба была» по сло-

*) Эти прозванія: *Голый, Драный, Вориковы* всего лучше показываютъ намъ, что это были за люди и какого происхожденія.

вамъ Петра, потому что здѣсь въ первый разъ Русскіе побѣдили Шведовъ, сражаясь съ ними въ равномъ числѣ.

Карлъ жертвовалъ войскомъ Левенгаупта и запасами, торопясь въ Малороссію, куда звалъ его гетманъ Мазепа. Послѣ Богдана Хмельницкаго не было ниодного гетмана въ Малороссіи, который бы спокойно кончилъ жизнь свою въ гетманскомъ достоинствѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ не вѣрилъ доносамъ на Выговскаго. Пушкарь палъ жертвою этого невѣрія, и Выговскій измѣнилъ; Юрій Хмельницкій измѣнилъ, Брюховецкій измѣнилъ, Многогрѣшный былъ обвиненъ въ измѣнѣ своими и кончилъ жизнь въ ссылкѣ; Самойловичъ также былъ обвиненъ своими и имѣлъ ту же участь. Царь Алексѣй не повѣрилъ доносамъ на Выговскаго и долженъ былъ раскаяться въ своемъ невѣріи; въ дѣлѣ Многогрѣшнаго и Самойловича московское правительство повѣрило обвиненіямъ — и вотъ пошли жалобы, что доносы были не справедливы, что правительство наказало вѣрныхъ слугъ своихъ въ угоду врагамъ ихъ. Затруднительно было положеніе московскаго правительства относительно гетмановъ; крайне затруднительно было положеніе самихъ гетмановъ: гетманъ выбирался или выкрикивался на шумной радѣ толпою своихъ приверженцевъ, взявшихъ верхъ; но соперники, враги его, послѣ этого избранія искали всѣхъ средствъ вредить гетману, избранному противъ ихъ желанія; чтобъ предохранить себя отъ злобы враговъ, гетманъ обыкновенно окружалъ себя наемною стражею, составленною изъ людей всякаго рода, чужеземцевъ, которые возбуждали противъ себя ненависть Малороссіянъ; не имѣя возможности дѣйствовать противъ гетмана насиліемъ, враги старались обнести его въ Москвѣ, выставить измѣнникомъ предъ царемъ. Гетманъ находился между двухъ огней: между требованіями правительства московскаго, которое хотѣло, чтобъ Малороссія участвовала въ общей жизни государства, исполняла обязан-

ности одинакія со всѣми другими частями народонаселенія,— и между требованіями казачества, которое хотѣло быть какъ можно болѣе независимымъ отъ государства, исполнять какъ можно менѣе обязанностей, имъ налагаемыхъ. Въ такомъ положеніи былъ и преемникъ Самойловича, Иванъ Степановичъ Мазепа, старикъ чрезвычайно умный, ловкій, образованный, пріятный говорунъ въ обществѣ. Петръ очень любилъ его и вполнѣ ему довѣрялъ, не смотря на то, что на него былъ цѣлый рядъ доносовъ въ измѣнѣ: доносы эти, по своей не доказанности, только утверждали Петра въ той мыслѣ, что вѣрный ему гетманъ имѣетъ много враговъ. Дѣйствительно, пока шведскій король былъ далеко, странно было бы думать, что умный Мазепа захочетъ измѣнить русскому царю. Но обстоятельства перемѣнились: побѣдоносный Карлъ приближался къ русскимъ границамъ съ цѣлію заключить миръ въ Москвѣ, и самъ Петръ не считалъ достиженія этой цѣли невозможнымъ, ибо послалъ приказъ укрѣплять Москву. Старый Мазепа не могъ преодолѣть искушенія и, полагая невозможнымъ, чтобъ Петръ съ своимъ неопытнымъ войскомъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, завелъ переговоры съ Карломъ и новымъ королемъ польскимъ, Станиславомъ Лещинскимъ. Доносъ не замедлилъ: генеральный судья Кочубей прислалъ монаха въ Москву съ извѣстіемъ, что гетманъ хочетъ измѣнить, передаться Ляхамъ. Петръ не обратилъ никакого вниманія на доносъ, въ которомъ видѣлъ только мщеніе Кочубея за личную обиду, нанесенную ему Мазепою, ибо Кочубей не умѣлъ смолчать объ этой обидѣ. Въ началѣ 1708 года Кочубей повторилъ доносъ вмѣстѣ съ бывшимъ полтавскимъ полковникомъ Искрою. Повтореніе доноса, подобно прежнимъ не подкрѣпленнаго никакими доказательствами, навело Петра на мысль, что измѣняетъ не Мазепа, но Кочубей съ товарищами, которымъ хочется свергнуть вѣрнаго гетмана, чтобъ завести смуту

въ Малороссіи. Кочубей съ Искрою были вызваны въ Витепскъ, гдѣ подали новый пространный, но дурно написанный доносъ. Между прочимъ Кочубей доносилъ, что когда Мазепа былъ потревоженъ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ государя, то собралъ вооруженныхъ людей: конечно, писалъ Кочубей, Мазепа при этомъ имѣлъ намѣреніе отстрѣливаться отъ государя. Но Искра объявилъ, что Мазепа имѣлъ намѣреніе при этомъ убить государя или выдать непріятелю, и что онъ, Искра слышалъ это отъ Кочубея; но Кочубей на очной ставкѣ съ Искрою, отрекся, что никогда неговорилъ ему о намѣреніи гетмана посягнуть на жизнь государя; Искра ссылался на жену Кочубея, свидѣтельницу разговора, Кочубей не признавался. Въ то время, при такихъ обстоятельствахъ, употреблялась пытка. Искра на пыткѣ сложилъ всю вину на Кочубея, котораго обвинилъ въ заговорѣ съ разными лицами для низверженія Мазепы; а Кочубей на пыткѣ объявилъ, что доносилъ на гетмана единственно по злобѣ, не зная за нимъ никакой измѣны. Дѣло, по тогдашнему, было рѣшенное; Искра и Кочубей были выданы Мазепѣ, и въ іюлѣ 1708 г. казнены.

На этотъ разъ Мазепа избавился отъ бѣды, но положеніе его затруднялось все болѣе и болѣе, потому что онъ сдѣлалъ изъ себя игрушку обстоятельствъ, военнаго счастія, былъ слабый между двумя борющимися сильными. Изъ боязни передъ побѣдоносным Карломъ, онъ вошелъ съ нимъ въ сношенія; но въ тоже время не смѣлъ отложиться отъ Петра, ибо только вступленіе Шведовъ въ Украйну могло спасти ег о отъ гнѣва царскаго. Шведскому королю онъ долженъ былъ обѣщать помощь казаковъ, а между тѣмъ не смѣлъ открыться казакамъ, не смѣлъ явно подговаривать ихъ на Шведскую сторону. Хитрость, притворство оставались для Мазепы единственными средствами выпутываться какъ-нибудь изъ затруднительнаго положенія. Чтобъ не начальствовать войскомъ

и нейдти туда, куда царь прикажетъ, онъ притворился отчаянно больнымъ; но когда Карлъ вступилъ въ Украйну, Мазепа выздоровѣлъ, двинулся изъ Батурина съ небольшимъ отрядомъ преданнаго себѣ войска, переправился черезъ Десну, 26 октября объявилъ своему отряду объ измѣнѣ, 29 соединился съ Карломъ. Получивъ извѣстіе объ уходѣ Мазепы, Петръ издалъ манифестъ съ извѣщеніемъ, что гетманъ измѣнилъ и заключилъ договоръ съ Карломъ и Станиславомъ Лещинскимъ, чтобъ Малороссію поработить по прежнему полякамъ, а церкви Божіи и святыя монастыри отдать въ унію. Но Петръ дѣйствовалъ не одними манифестами: онъ двинулъ Меншикова къ Батурину, и эта столица гетманская была взята приступомъ и разорена, послѣ чего 6 ноября въ Глуховѣ собралась казацкая рада, на которой былъ избранъ въ гетманы Стародубскій полковникъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій. 12 ноября въ Глуховѣ малороссійское духовенство, а въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ великоросійское, предало Мазепу проклятію и чучело его было повѣшено палачемъ. Новый гетманъ Скоропадскій выдалъ универсалъ, въ которомъ спрашивалъ Малороссіянъ: «Чего можно ожидать намъ, православнымъ христіанамъ, отъ короля Шведскаго, чужеземца иновѣрнаго? еслибы даже онъ и хотѣлъ защищать насъ, то какъ онъ можетъ это сдѣлать изъ такой дали, изъ-за Балтійскаго моря? и какъ онъ можетъ быть защитникомъ церквей нашихъ, будучи ихъ противникомъ?» Это обращеніе къ здравому смыслу народа не могло остаться безъ дѣйствія, и Шведы, вмѣсто ожидаемой помощи, встрѣтили въ Малороссіи народную войну: крестьяне нападали въ расплохъ на Шведскіе отряды, уводили у непріятеля лошадей, прятали отъ него съѣстные припасы. Полковники Апостолъ и Галаганъ покинули Мазепу и перешли къ царю; самъ Мазепа, видя, что обманулся въ своихъ расчетахъ, что Карлу трудно будетъ за-

ключить миръ въ Москвѣ, завелъ сношенія съ Петромъ, обѣщая оказать ему важную услугу на счетъ Шведскаго короля; Петръ принялъ предложеніе и обѣщалъ полное забвеніе прошедшаго; но Мазепа не нашелъ средствъ оказать ему важной услуги и остался при королѣ.

17 Полтавская битва и успѣхи Русскихъ въ Прибалтійскихъ областяхъ. Мало получилъ помощи Карлъ отъ союзника своего Мазепы, а между тѣмъ напомощь къ Русскимъ явилась могущественная союзница, страшно холодная зима, такъ что птицы падали на лету; доставалось и Русскимъ отъ этой союзницы; но Шведы страдали гораздо больше, потому что не имѣли теплой одежды и обуви, и къ веснѣ 1709 года у Карла оставалось не болѣе 30,000 войска, которое онъ расположилъ между рѣками Пселомъ и Ворсклою съ главною квартирою въ Будищѣ, къ сѣверу отъ Полтавы. Тщетно Карлъ ждалъ помощи изъ Турціи и Польши; только одни Запорожцы соединились съ Шведами: но 14 мая сѣча ихъ была взята царскими войсками. Еще прежде, въ концѣ апрѣля, Карлъ осадилъ Полтаву; безуспѣшная осада длилась слишкомъ мѣсяцъ; 4 іюня Петръ пріѣхалъ къ своему войску, которое было расположено на лѣвой сторонѣ Ворсклы и отдѣлялось отъ Полтавы непроходимыми болотами. Чтобъ спасти городъ, не могшій долѣе защищаться, Петръ рѣшился напасть на непріятеля и переправился черезъ Ворсклу; Карлъ, 27 іюня, двинулся къ нему на встрѣчу, въ четыре часа утра начался бой и въ 11 часовъ кончился совершеннымъ пораженіемъ Шведовъ. Карлъ едва успѣлъ избѣжать плѣна; онъ съ Мазепою и съ небольшимъ числомъ Шведовъ и Запорожцевъ переправился за Днѣпръ и направилъ путь къ турецкой границѣ, но остальное шведское войско, подъ начальствомъ Левенгаупта, принуждено было сдаться Меншикову. Карлъ XII остановился въ Бендерахъ отдался подъ покровительство

Турціи и началъ стараться, чтобъ возбудить эту державу къ войнѣ съ Россіею; Мазепа умеръ черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Бендеры.

Полтавскою битвою сокрушено было могущество Швеціи, которая первенствовала на сѣверѣ Европы послѣ тридцатилѣтней войны; ея мѣсто заступила Россія. Все побѣжденное Карломъ, подняло теперь голову: курфирстъ саксонскій и король датскій спѣшили разорвать миръ съ Швеціею; Станиславъ Лещинскій не могъ безъ Карла держаться въ Польшѣ и долженъ былъ выѣхать въ Померанію; Августъ опять занялъ престолъ польскій. Главная сцена дѣйствія снова перенеслась на берега Балтійскаго моря: Рига, Динамюнде, Пернау, Ревель, Выборгъ, Кексгольмъ были взяты русскими въ 1710 году; тогда же Петръ выдалъ племянницу свою Анну Іоанновну за герцога курляндскаго, и шло дѣло о раздѣлѣ Польши между Россіею, Турціею и Саксоніею: Россія получала большую часть Литвы, Пруссія польскую Пруссію и Самогитію, остальное получалъ Августъ II въ наслѣдственное владѣніе. Но въ 1711 году Петръ долженъ былъ покинуть сѣверъ, потому что Карлу XII и французскому послу удалось поднять противъ него Турцію.

18. **Война турецкая.** Узнавши о заключеніи посла своего въ Семибашенный замокъ, Петръ въ началѣ 1711 года началъ готовиться къ войнѣ; при этомъ у него былъ блестящій планъ проникнуть въ сердце турецкихъ владѣній съ помощію единовѣрнаго и, большею частію, единоплеменнаго народонаселенія. Молдаване, Волохи, Сербы, Черногорцы обѣщали ему помощь, Августъ польскій также обязался выставить 30,000 войска, такъ что число однихъ союзниковъ должно было простираться до 90,000, да Русскихъ было 40,000. Петръ позволилъ себѣ увлечься этими обѣщаніями и попалъ въ такое же положеніе, въ какомъ недавно Карлъ

XII находился въ Малороссіи. Петръ шелъ въ Молдавію черезъ степь, въ лѣтній зной, истомившій его войско; молдавскій господарь Кантемиръ обѣщалъ приготовить запасы для русскихъ, но, какъ слабый между двумя сильными, сначала хитрилъ; боясь Турокъ, притворялся вѣрнымъ султану и объявилъ себя за Россію только тогда, когда передовыя войска царскія подошли къ Яссамъ. Далеко не всѣ вельможи молдавскіе послѣдовали его примѣру, и присоединеніе Кантемира также мало помогло Петру, какъ прежде присоединеніе Мазепы мало помогло Карлу; запасы не были приготовлены, и господарь валахскій Бранковенъ, вопреки своему обѣщанію, соединился съ Турками, которые подъ начальствомъ великаго визиря, уже перешли Дунай. 9 іюля на берегу рѣки Прута Петръ съ 24,000 войска былъ окруженъ Турками, которыхъ было 200,000. Нападенія Турокъ были отбиты съ большимъ урономъ для нихъ; не смотря на то, положеніе русскаго войска, неимѣвшаго съѣстныхъ припасовъ и отрѣзаннаго отъ воды, было отчаянное. На военномъ совѣтѣ было рѣшено предложить миръ визирю, и тотъ согласился принять это предложеніе, потому что, съ одной стороны, янычары волновались и не хотѣли сражаться съ русскими, храбрость которыхъ недавно испытали; съ другой, пришло извѣстіе, что русскій генералъ Ренне, отряженный Петромъ, взялъ Браиловъ и грозилъ разрушить мостъ на Дунаѣ. Но условія мира, разумѣется, не могли быть выгодны для Петра: онъ долженъ былъ возвратить Туркамъ Азовъ и три построенныя имъ крѣпости, обязался не вмѣшиваться въ дѣла Польши и дать Карлу XII свободный проѣздъ въ его королевство. Визирь требовалъ также выдачи Кантемира, но Петръ, не взирая не необходимость мира, рѣшительно отвергъ это требованіе. Увѣдомляя Сенатъ о заключеніи мира, Петръ писалъ: «Хотя это дѣло и не безъ печали, потому что мы должны лишиться

городовъ, на которые столько труда и убытковъ положено; однако думаю, что этимъ лишеніемъ принесется великое укрѣпленіе другой сторонѣ, которая намъ несравненно прибыльнѣе».

19. **Продолженіе сѣверной войны; разладъ Петра съ союзниками, путешествіе его во Францію.** Эта болѣе прибыльная сторона была война на сѣверо-западѣ, утвержденіе на берегахъ Европейскаго моря. Въ 1712 и 1713 году русскіе съ союзниками своими, Саксонцами и Датчанами продолжали вытѣснять Шведовъ изъ Помераніи. Въ томъ же 1713 году, въ началѣ мая, галерный флотъ русскій, состоявшій изъ 200 судовъ вышелъ изъ Петербурга въ море, подъ начальствомъ генералъ-адмирала Апраксина, самъ царь начальствовалъ частію флота въ званіи контръ-адмирала; Гельзингфорсъ и главный городъ Финляндіи, Абовъ были взяты, и абовская библіотека переслана въ Петербургъ. Шведы отступали во внутренность страны, но Апраксинъ и князь Голицынъ (Михайла Михайловичъ) шли за ними по пятамъ. и, поразивши при Таммерсфорсѣ, заняли почти всю Финляндію. Въ 1714 году, 25 іюля Петръ поразилъ шведскій флотъ при Гангудѣ и занялъ островъ Аландъ; на Шведовъ напалъ сильный страхъ: всѣ войска, какія только можно было собрать, стянулись для защиты Стокгольма, между которымъ и Аландомъ было только 15 миль разстоянія, а между тѣмъ занятіемъ Нейшлота докончено было завоеваніе Финляндіи.

Петръ все болѣе и болѣе укрѣплялся на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря и начиналъ грозить самой Швеціи, а Карлъ понапрасну тратилъ время въ Турціи, стараясь опять поднять султана противъ царя. Наконецъ въ ноябрѣ 1714 года Карлъ, пробравшись черезъ Венгрію и Германію, явился въ Штральзундѣ, осажденномъ союзниками, число которыхъ увеличилось еще Пруссіею и Ганноверомъ. Но его присут-

ствіе не спасло этого города въ 1715 году; въ слѣдующемъ 1716 Шведы потеряли и послѣднее свое владѣніе въ Германіи—Висмаръ. Этотъ городъ сталъ впрочемъ причиною охлажденія между Петромъ и союзниками: въ началѣ 1716 года царь выдалъ другую племянницу свою Екатерину Іоанновну за герцога мекленбургскаго, Карла Леопольда, при чемъ Петръ обѣщалъ всѣми силами содѣйствовать герцогу въ полученіи Висмара и Варнемюнде, и поддерживать его какъ противъ враговъ внѣшнихъ, такъ и противъ собственнаго его дворянства мекленбургскаго, съ которымъ онъ былъ во враждѣ; герцогъ за это позволилъ русскимъ купцамъ жить и торговать свободно во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, строить православныя церкви, обязался пропускать чрезъ свои владѣнія русскія войска и устроивать для нихъ магазины на царскій счетъ. Союзникамъ очень не понравилось, что Петръ распоряжался въ мекленбургскихъ владѣніяхъ какъ хозяинъ; они опасались, что царь хочетъ утвердиться здѣсь, вознаградивши герцога какимъ-нибудь другимъ владѣніемъ. Вслѣдствіе этого союзники не впустили русскихъ войскъ въ Висмаръ. Петръ сильно разсердился на союзниковъ, а тутъ голштинскій министръ баронъ Гёрцъ составилъ планъ помирить Карла XII съ Петромъ: Карлъ XII былъ готовъ уступить Петру всѣ его завоеванія, если царь поможетъ ему возвратить Померанію и завоевать нѣкоторыя датскія и ганноверскія области. Подозрительность обнаруженная королемъ датскимъ во время пребыванія Петра въ Даніи съ войскомъ, назначеннымъ для высадки на шведскіе берега, еще болѣе раздражила царя противъ союзниковъ. Въ концѣ года онъ отправился въ Голландію, гдѣ Гёрцъ хлопоталъ о приведеніи въ исполненіе своего плана: примирить Россію съ Швеціею и соединенными ихъ силами низвергнуть съ англійскаго престола Георга 1-го, курфирста ганноверскаго и на его мѣсто возвести претендента Іакова III го

Стюарта; но планъ былъ открытъ. Весною 1717 года Петръ отправился во Францію для заключенія тѣснаго союза съ герцогомъ Орлеанскимъ, правившимъ во время малолѣтства Людовика XV; Петру хотѣлось помолвить дочь свою Елисавету за малолѣтнаго короля. Въ Парижѣ для царя приготовили комнаты въ Луврѣ, но онъ отказался отъ такого великолѣпнаго помѣщенія и поселился въ простомъ домѣ. Французы современники такъ описываютъ наружность Петра: онъ былъ высокаго роста, очень хорошо сложенъ, довольно худощавъ, смуглъ, глаза имѣлъ большіе и живые, взглядъ проницательный, иногда дикій, особенно когда на лицѣ появлялись конвульсіи; движенія его были неправильны и порывисты; никакія свѣтскія приличія не останавливали его дѣятельности, видъ величія и смѣлости возвѣщалъ государя, который чувствуетъ себя хозяиномъ повсюду. Гуляя по улицамъ, онъ заходилъ въ мастерскія къ ремесленникамъ, останавливаясь на всемъ, вездѣ обнаруживая обширныя познанія. Вещи только изящныя, служащія къ удовольствію, мало его занимали; но все, что имѣло цѣлію пользу, все что относилось къ мореплаванію, торговлѣ, къ искусствамъ необходимымъ, возбуждало его любопытство, и здѣсь-то онъ приводилъ въ изумленіе вѣрностію взгляда, обнаруживалъ такую же быстроту въ изученіи, какъ и жадность къ знанію. Среди города, утопавшаго въ блескѣ и роскоши, Петръ отличался простотою въ одеждѣ: онъ носилъ дешевое суконное платье, широкій поясъ, на которомъ висѣла сабля, круглый и короткій парикъ безъ пудры, рубашку безъ манжетъ.

20. Окончаніе сѣверной войны. Петръ не достигъ цѣли своей поѣздки во Францію, и, по возвращеніи въ Голландію, онъ имѣлъ тайные переговоры съ Гёрцомъ, который обѣщалъ устроить миръ между Россіею и Швеціею на счетъ Даніи и Англіи. Вслѣдствіе этого весною 1718 года откры-

лись переговоры на Лофое, одномъ изъ аландскихъ островов, между уполномоченными Петра, Брюсомъ и Остерманомъ и уполномоченными Карла XII, Гёрцомъ и Гилленборгомъ. Здѣсь было постановлено, что Россія удерживаетъ Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кареліи, за что обязывается помогать Шведамъ не только въ возвращеніи ихъ прежнихъ германскихъ владѣній, но и въ пріобрѣтеніи Норвегіи; Августъ долженъ былъ лишиться польскаго престола, который возвращался Станиславу Лещинскому. Но насильственная смерть Карла XII въ декабрѣ 1718 года уничтожила всѣ эти планы. Шведскіе аристократы захватили въ свои руки правленіе, отстранили отъ престола сына старшей сестры Карловой, герцога голштинскаго, и возвели принца гессенскаго, мужа младшей сестры, казнили Гёрца и постановили дѣйствовать вопреки его планамъ; вслѣдствіе этого заключенъ былъ миръ съ Ганноверомъ, Пруссіею и Даніею и возобновлена война съ Россіею. Но истощенная Швеція не могла выставить русскимъ никакого сопротивленія: въ 1719 году царскія войска высадились на берега Швеціи и сожгли два города съ 135 деревнями; Апраксинъ опустошилъ страну въ семи миляхъ отъ Стокгольма; вредъ, причиненный Швеціи этою высадкою русскихъ, простирался до 12 милліоновъ; въ 1720 году опустошеніе возобновилось; наконецъ 30 августа 1721 года заключенъ былъ миръ въ Ништадтѣ прежними уполномоченными Брюсомъ и Остерманомъ: Швеція отказалась отъ Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи, части Кареліи и части Финляндіи. Постоянная цѣль московскихъ государей, начиная съ Грознаго, была достигнута: прибалтійскіе берега пріобрѣтены. Въ Петербургѣ торжествовали это великое событіе маскерадомъ, продолжавшимся цѣлую недѣлю. 22 октября Петръ слушалъ обѣдню въ Троицкомъ соборѣ; по окончаніи литургіи читали подтвержденный мирный договоръ,

псковскій архіерей Θеофанъ Прокоповичъ говорилъ проповѣдь, исчисляя славные подвиги царя, за которые онъ по справедливости долженъ быть названъ отцемъ отечества, императоромъ и великимъ, послѣ чего канцлеръ Головкинъ говорилъ рѣчь: «Трудомъ и руководствомъ вашего царскаго величества мы изъ тьмы невѣжества на θеатръ славы всего свѣта и, такъ сказать, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политическихъ народовъ присовокуплены». Рѣчь оканчивалась восклицаніями: «Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, отецъ отечества, императоръ всероссійскій!» Эти слова повторились присутствующими въ церкви, повторились и внѣ ея при звукѣ трубъ, литавръ, барабановъ, пушечной и ружейной пальбы. Новый императоръ отвѣчалъ сенаторамъ, что «должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, отъ чего народъ получитъ облегченіе».

21. Война Персидская и кончина Петра Великаго. Окончивъ европейскую войну, Петръ сталъ думать объ азіатской. Уже давно европейскіе торговые народы, домогаясь свободнаго пути по Волгѣ въ Каспійское море, къ берегамъ Персіи, указывали московскому правительству, что Россія, по своему положенію, должна быть средоточіемъ торговли между Европою и Азіею, и мы видѣли, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ была сдѣлана попытка посредствомъ армянской компаніи сосредоточить торговлю персидскимъ шелкомъ въ Россіи. Петръ, еще въ 1716 году, хлопоталъ объ отысканіи воднаго пути изъ Каспійскаго моря въ Индію; соединивши искусственно Балтійское море съ Каспійскимъ и утвердившись по Ништадтскому миру на берегахъ перваго, онъ хотѣлъ теперь утвердиться на берегахъ втораго. Весною 1722 года Петръ отправился изъ Москвы внизъ по

рѣкамъ—Москвѣ, Окѣ и Волгѣ въ Астрахань, и въ іюнѣ издалъ манифестъ, что начинаетъ войну съ Персіею, не получивъ отъ безсильнаго шаха удовлетворенія въ обидѣ, нанесенной русскимъ купцамъ въ Шемахѣ. Въ іюлѣ императоръ выступилъ изъ Астрахани съ сухопутнымъ войскомъ и флотомъ; въ августѣ были заняты Тарки; послѣ пораженія Утемишскаго султана Махмуда занятъ Дербентъ. Но эти успѣшныя дѣйствія были остановлены недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, потому что суда, везшія хлѣбъ, были задержаны бурею, и въ военномъ совѣтѣ рѣшили окончить походъ этого года, и, оставя гарнизонъ въ Дербентѣ, возвратиться въ Астрахань. Въ ноябрѣ, отправивъ полковника Шипова для занятія Гилянской области, Петръ поѣхалъ обратно въ Москву. Война продолжалась успѣшно и въ отсутствіе императора: Шиповъ поразилъ Персіянъ при Рештѣ; лѣтомъ 1723 года генералъ Матюшкинъ взялъ Баку; осенью посолъ шаха Тохмаса заключилъ въ Петербургѣ договоръ, по которому Петръ обѣщалъ выслать шаху войско противъ всѣхъ мятежниковъ и утвердить его на персидскомъ престолѣ, за что шахъ уступилъ Россіи города Дербентъ и Баку съ областями — Гилянью, Мазандераномъ и Астрабатомъ.

Между тѣмъ жизненныя силы оставляли великаго императора. Уже давно страдалъ онъ тяжкою болѣзнію, отъ которой минеральныя воды разныхъ странъ доставляли только временное облегченіе, ибо Петръ не щадилъ себя и плохо исполнялъ совѣты медиковъ. 6 генваря 1725 года, при обрядѣ водоосвященія онъ простудился, слегъ въ постелю и не вставалъ болѣе: 28 числа Петра не стало.

ГЛАВА XL.

Внутренняя дѣятельность Петра Великаго.

1. Въ отношеніи къ церкви. Въ 1700 году умеръ патріархъ Адріанъ; царь отложилъ избраніе новаго патріарха и поручилъ дѣла по патріаршему управленію рязанскому митрополиту Стефану Яворскому съ званіемъ Блюстителя патріаршаго престола. Этою мѣрою приготовлялось уничтоженіе патріаршества и замѣненіе его коллегіальнымъ управленіемъ, которое подъ именемъ святѣйшаго Синода учреждено въ 1721 году. Въ регламентѣ для этой духовной коллегіи, написанномъ псковскимъ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, излагалось превосходство новаго учрежденія и вообще превосходство коллегіальнаго управленія; между прочимъ говорилось, что «отъ соборнаго правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какіе могутъ произойти когда въ челѣ церковнаго управленія находится одинъ человѣкъ: простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и, удивленный славою и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ какое-нибудь разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что побораютъ по самомъ Богѣ». Потомъ въ регламентѣ излагались дѣла, подлежащія управленію Духовной Коллегіи: ей вмѣнено въ обязанность истреблять всѣ существующія суевѣрія; для распространенія свѣдѣній о законѣ

Божіемъ сочинить три книги: 1) о догматахъ вѣры, 2) о должностяхъ всякаго человѣка, 3) собраніе проповѣдей св. отецъ о догматахъ и должностяхъ. Каждый епископъ, по регламенту, обязанъ былъ имѣть въ своемъ домѣ школу для приготовленія священниковъ; обязанъ былъ не высоко мыслить о своей чести; чтобъ подъ руки его, пока здоровъ, не водили и въ землю ему не кланялись. Въ главѣ о духовныхъ школахъ говорится: «Дурно многіе говорятъ, что наука порождаетъ ереси: наши русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества такъ жестоко бѣснуются? И если посмотрѣть на мимошедшія вѣка чрезъ исторію, какъ чрезъ зрительную трубу, то увидимъ все худшее въ темныхъ, а не въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ». Въ 1724 году былъ данъ указъ Синоду о монахахъ; здѣсь опредѣлены двѣ цѣли для монашества: 1) служеніе страждущему человѣчеству; 2) образованіе изъ себя властей церковныхъ.

Еще прежде велѣно было отсылать бѣдныхъ отставныхъ военныхъ въ монастыри и давать имъ тамъ жалованье изъ монастырскихъ доходовъ. Такъ какъ изъ монастырей появлялись сочиненія, направленныя противъ преобразованій и преобразователя, то запрещено было монахамъ писать въ кельяхъ, держать чернила и бумагу, если же хотѣли писать, то должны были это дѣлать въ трапезѣ. Что касается бѣлаго духовенства, то священническимъ и дьяконскимъ дѣтямъ велѣно было учиться въ школахъ, не ученыхъ запрещено было посвящать, а велѣно брать въ солдаты.

Продолжалась борьба съ расколомъ, а между тѣмъ наплывъ иностранцевъ и тѣсное сближеніе съ ними заразили нѣкоторыхъ русскихъ иновѣрными взглядами: въ 1713 году открыто было въ Москвѣ общество людей, распространявшихъ протестантскія мнѣнія; главнымъ изъ нихъ былъ лѣкарь Дмитрій Тверитиновъ, а цырюльникъ Ѳома Ивановъ дошелъ

до такой степени фанатизма, что въ Чудовѣ монастырѣ разсѣкъ образъ св. Алексѣя митрополита. Раскольничество своею проповѣдію о недостоинствѣ церкви со временъ Никоновскихъ новшествъ производило въ толпѣ колебаніе, сомнѣніе и холодность къ церкви, къ таинствамъ и общественному богослуженію, такъ что царь почелъ за нужное издать указъ, который требовалъ, чтобъ всѣ посѣщали церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и ежегодно были у исповѣди, въ противномъ случаѣ подвергались штрафу; также въ разныя должности могли избираться только тѣ, которые ежегодно исповѣдовались.

Изъ церковныхъ писателей времени Петрова особенно замѣчательны: 1) Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, знаменитый сочиненіемъ житій святыхъ или такъ называемыхъ Четіихъ-Миней и потомъ борьбой съ расколомъ, противъ котораго написалъ книгу подъ заглавіемъ: «Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ», гдѣ въ первый разъ различены и описаны раскольническія секты. 2) Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій, Блюститель патріаршаго престола и первый президентъ св. Синода; подобно св. Димитрію, Яворскій боролся съ расколомъ, противъ котораго написалъ книгу подъ заглавіемъ: «Знаменія пришествія Антихристова», потому что раскольники указывали на преобразованія Петровы какъ на признаки явленія Антихристова; но распространеніе протестантскихъ мнѣній Тверитиновымъ и товарищами его заставило Стефана вступить въ борьбу и съ протестантизмомъ, противъ котораго онъ написалъ знаменитое свое сочиненіе: Камень Вѣры; кромѣ того Стефанъ былъ извѣстенъ какъ проповѣдникъ. 3) Недругъ Яворскаго, Ѳеофанъ Прокоповичъ, славный проповѣдникъ, прославитель дѣлъ Петровыхъ и защитникъ преобразованія. Всѣ трое были Малороссіяне, какъ почти всѣ церковные писатели этого времени, ибо Малороссія въ своихъ

школахъ имѣла средства къ образованію подобныхъ писателей, а въ Великой Россіи этихъ средствъ еще не было, школы только основывались.

2. Чины. Петръ наслѣдовалъ отъ древней Россіи нѣсколько разрядовъ должностныхъ лицъ, не связанныхъ другъ съ другомъ общимъ названіемъ, общими правами, общими сословными интересами. Издавъ знаменитую табель о рангахъ (1722 года), Петръ раздѣлилъ эти должностныя лица на классы; здѣсь, кромѣ новыхъ названій, новость состояла въ томъ, что въ каждомъ классѣ каждому военному и придворному чину соотвѣтствовалъ чинъ гражданскій, чего, какъ мы видѣли, дружинныя понятія, господствовавшія въ древней Россіи, не допускали. По прежнему доступъ въ служащіе люди, въ чиновничество былъ открытъ каждому. Помѣстья были смѣшаны съ вотчинами; но за то каждый землевладѣлецъ былъ обязанъ вѣчною службою; мало того, такъ какъ было признано, что для пользы службы необходимо для служащаго извѣстное образованіе, то дѣти землевладѣльцевъ предъ поступленіемъ на службу обязаны были пріобрѣсти это образованіе, обязаны были выучиться грамотѣ, цыфиры и геометріи, кто же не выучивался, тому нельзя было жениться. Чтобы дать средства служилымъ людямъ поддержать себя въ хозяйственномъ отношеніи, Петръ въ 1714 году учредилъ майоратъ, по которому все недвижимое имущество должно было переходить къ одному старшему сыну, или котораго отецъ изберетъ; побужденія для учрежденія майората были выставлены слѣдующія: 1) одинъ не будетъ имѣть такой нужды притѣснять крестьянъ, какъ многіе, которые, получивъ малыя доли изъ отцовскаго наслѣдства, домогаются получить съ нихъ какъ можно больше дохода и разоряютъ крестьянъ поборами; 2) при майоратѣ фамиліи не будутъ упадать; 3) младшіе дѣти, не получившія недвижимой собственности, не будутъ праздны, но

трудами своими будутъ приносить пользу государству.—Петръ установилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, и женскій орденъ св. Екатерины.

3. Городскіе жители раздѣлены были на три разряда: къ первому принадлежали банкиры, гости или крупные торговцы, лѣкаря, аптекари, шкипера, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и живописцы; ко второму разничные торговцы и мастера; оба эти первыя разряда носили названіе гильдій; къ третьему разряду принадлежали чернорабочіе и наемники. Два первыхъ разряда выбирали себѣ свое начальство, старосту и помощника его, третій разрядъ выбиралъ себѣ десятскихъ и старшинъ.

4. Сельское народонаселеніе раздѣлялось: 1) на однодворцевъ, образовавшихся изъ обѣднѣвшихъ служилыхъ людей: они, подобно всѣмъ другимъ крестьянамъ, обязаны были платить поголовную подать, но сохраняли право владѣть крѣпостными людьми; 2) половниковъ, малочисленный классъ крестьянъ, удержавшихъ право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому; 3) дворцовыхъ, 4) монастырскихъ, 5) государственныхъ, 6) помѣщичьихъ крестьянъ. Запрещеніе перехода крестьянъ строго поддерживалось, потому что причины, произведшія это запрещеніе, существовали во всей силѣ. Для поимки бѣглыхъ было выставлено войско по границѣ.

5. Иностранцы. Иностранцамъ обезпеченъ былъ свободный пріѣздъ въ Россію, безпрепятственное занятіе торговлею, промыслами, вступленіе въ службу, свободное отправленіе богослуженія; отдавши десятую часть своего имѣнія, иностранецъ свободно могъ выѣхать изъ Россіи, кромѣ принявшихъ православіе. Иностранцы, вступившіе въ службу, получали высшіе оклады противъ Русскихъ. Въ 1721 году

издано посланіе Синода къ православнымъ о безпрепятственномъ вступленіи въ бракъ съ иновѣрцами.

6. Законодательство. Недовольный уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, Петръ хотѣлъ составить новое уложеніе основаніемъ которому должно было служить шведское уложеніе; статьи шведскаго уложенія, которыя не шли къ Россіи, должно было замѣнить или взятыми изъ стараго уложенія царя Алексѣя или вновь сочиненными. Но это намѣреніе Петра не было приведено въ исполненіе. Петръ уничтожилъ правежъ, вмѣсто котораго должниковъ казенныхъ и частныхъ отсылали на работы, зачитая въ число долговъ заработную плату по рублю на мѣсяцъ. Касательно пытокъ установилъ, чтобъ не употребляли ихъ во зло, не употребляли въ малыхъ дѣлахъ. Такъ какъ прежній обычай держать дѣвушекъ въ заперти и не показывать ихъ женихамъ до самой свадьбы былъ причиною семейныхъ несогласій, то Петръ установилъ, чтобъ за шесть недѣль до свадьбы было обрученіе, послѣ котораго если женихъ и невѣста не понравятся другъ другу, то могутъ разорвать дѣло; предъ свадьбою велѣно брать присягу съ родителей и опекуновъ, что они не принуждаютъ неволею дѣтей своихъ къ браку; такую же присягу велѣно брать и съ господъ относительно крѣпостныхъ ихъ людей. Запрещенъ былъ страшный обычай, по которому повивальныя бабки умерщвляли новорожденныхъ младенцевъ—уродовъ. Въ 1721 году Петръ издалъ указъ: «Продажу людей пресѣчь; а если нельзя уже со всѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится».

7. Управленіе. Высшимъ правительственнымъ мѣстомъ при Петрѣ былъ Сенатъ, учрежденный 22 февраля 1711 года изъ осьми членовъ; всѣмъ велѣно было оказывать послушаніе Сенату, какъ самому царю; обязанности Сената, по мысли Петра, состояли въ слѣдующемъ: судъ имѣть не лицепріятный; смот-

рѣть за расходами; стараться объ увеличеніи доходовъ; смотрѣть, чтобъ служилые люди не избѣгали службы. При Сенатѣ находился генералъ-прокуроръ, безъ согласія котораго никакое рѣшеніе Сената не имѣло силы; во всѣхъ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ ему назначался осьмидневный срокъ, въ который онъ могъ совѣщаться съ знающими людьми; если онъ и тогда не соглашался съ мнѣніемъ сената, то дѣло предоставлялось высочайшему рѣшенію. Генералъ-прокурору подвѣдомственны были фискалы, обязанность которыхъ была: тайно и явно наблюдать, не производится ли гдѣ несправедливый судъ или вообще не дѣлается ли чего-нибудь вреднаго государству и доносить объ этомъ сенату. Сенатъ опредѣлялъ въ гражданскія должности. Вмѣсто прежнихъ приказовъ, по совѣту знаменитаго философа Лейбница, учреждены коллегіи, состоявшія изъ президента, двухъ вице-президентовъ, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ. Коллегіи были: иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтейская (завѣдывавшая флотомъ), каммер-коллегія и штатс-коллегія (завѣдывавшія финансами), юстицъ-коллегія, вотчинная коллегія, мануфактуръ-коллегія, бергъ-коллегія, коммерцъ-коллегія. Въ 1715 году царь приказалъ достать всѣ права и положенія датскихъ коллегій и ихъ экономическія учрежденія; получивъ эти уставы, онъ усмотрѣлъ, что «по однимъ книгамъ нельзя будетъ дѣлать, потому что всѣхъ обстоятельствъ въ книгахъ никогда не пишутъ». Поэтому при уставахъ нужны были опытные люди, которымъ отправленіе дѣлъ въ коллегіяхъ было бы за обычай, и вотъ онъ велѣлъ пригласить изъ иностранныхъ ученыхъ-юристовъ во всякую коллегію по одному члену. Эти иностранцы должны были отправлять дѣла посредствомъ толмачей—неудобство страшное! чтобъ помочь дѣлу, Петръ велѣлъ русскому президенту при австрійскомъ дворѣ пригласить шрейберовъ изъ Чеховъ и Моравовъ, которые, какъ

Славяне, могли скорѣе выучиться по-русски; предложено было также шведскимъ плѣннымъ, узнавшимъ уже русскій языкъ, вступить въ гражданскую службу при коллегіяхъ. Чтобъ приготовить искусныхъ производителей дѣлъ въ коллегіяхъ на будущее время, въ 1716 году отправлено было въ Кенигсбергъ человѣкъ сорокъ молодыхъ подъячихъ учиться.

Воеводы и приказные люди въ городахъ, особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ, по прежнему продолжали «чинить великія обиды, налоги и грабежи». Петръ стремился къ тому, чтобъ областной правитель не завѣдывалъ вмѣстѣ и судомъ, какъ было прежде, и потому въ важнѣйшихъ городахъ учреждены были надворные суды. Чтобъ поднять промышленность, торговлю, увеличить благосостояніе городскихъ жителей, Петръ счелъ необходимымъ освободить ихъ изъ-подъ вѣдомства воеводъ. Для этого еще въ 1699 году въ Москвѣ велѣно было купцовъ и промышленныхъ людей вѣдать бурмистрамъ, бурмистровъ выбирать имъ же изъ среды себя погодно, изъ этихъ бурмистровъ одному помѣсячно быть президентомъ; мѣсто ихъ засѣданія названо Ратушею; жители же провинціальныхъ городовъ, если захотятъ отойти отъ воеводъ и приказныхъ людей, могутъ вѣдаться по мірскимъ выборамъ выборными людьми въ земскихъ избахъ. Въ 1720 году учреждены были въ важнѣйшихъ городахъ магистраты, состоявшіе изъ президента и бургомистровъ, выбираемыхъ горожанами изъ среды себя; въ важныхъ дѣлахъ магистраты совѣщались съ гражданами первой и второй гильдіи. Всѣ городовые магистраты были подчинены главному магистрату, который былъ подчиненъ Сенату и состоялъ изъ членовъ петербургскаго городоваго магистрата, которые на половину были иностранцы; президента назначалъ самъ государь. Главный магистратъ обязанъ былъ покровительствовать промышленности и торговлѣ; смертные приговоры, произнесенные городовыми магист-

ратами, не могли быть исполнены безъ утвержденія главнаго магистрата, который рѣшалъ также всѣ другія дѣла, перенесенныя къ нему недовольными рѣшеніемъ городовыхъ магистратовъ, рѣшалъ споры между магистратами и горожанами, утверждалъ членовъ, избранныхъ въ городовые магистраты; доносилъ сенату о состояніи городовъ, сообщалъ коллегіямъ получаемыя имъ свѣдѣнія о промышленности и торговлѣ.

Петръ раздѣлилъ все государство на 12 губерній, губерніи были раздѣлены на провинціи, которыхъ было 43. Правители пограничныхъ губерній назывались генералъ-губернаторами, въ остальныхъ губернаторами; провинціи управлялись воеводами.

8. Войско. Всѣ записанные въ подушный окладъ были обязаны военною службою; купцы могли откупаться отъ нея, заплативши 100 рублей. Лучшіе люди отбирались въ гвардію, которая служила школою для дворянъ: дворянинъ, не прослуживши рядовымъ въ гвардіи, не могъ получить офицерскаго чина. Жалованье войско получало частію деньгами, частію провіантомъ. Для морской службы брали малолѣтныхъ, преимущественно солдатскихъ и матроскихъ дѣтей изъ рекрутъ же брали такихъ, которыхъ родина была на морскихъ берегахъ, или на берегу большихъ рѣкъ и озеръ. Были учреждены морскія школы, воспитанники которыхъ отдавались потомъ на купеческіе корабли для упражненія. Число сухопутнаго регулярнаго войска простиралось до 180,000; флотъ считалъ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ.

9. Финансы. Преобразованіе войска, заведеніе флота, продолжительная и тяжелая война, множество новыхъ учрежденій и построекъ требовали большихъ издержекъ, новыхъ источниковъ доходовъ. Вмѣсто прежней подати съ дворовъ, введена была подушная подать, для чего произведена ревизія или перечисленіе всѣхъ, подлежащихъ подушному окладу жи-

телей государства. Изъ подушнаго оклада исключены были духовные съ дѣтьми, дворяне, отставные солдаты, иностранцы, жители Остзейскихъ провинцій, Башкиры и Лапландцы. Для умноженія доходовъ введена была гербовая бумага. Въ случаѣ крайнихъ нуждъ государственныхъ у служащихъ удерживалась десятая часть ихъ содержанія. Двѣ трети доходовъ шло на войско и флотъ. Сверхъ жалованья чиновникамъ велѣно было со всякихъ исковъ брать за труды на канцелярію съ праваго по 3, а съ виноватаго по 10 копѣекъ съ рубля. Въ 1710 году доходы простирались до 3,000,000 рублей слишкомъ, а въ 1725 году до 10,000,000 слишкомъ.

10. Полиція. Учрежденное Петромъ полицейское управленіе сосредоточивалось въ Петербургѣ въ рукахъ генералъ-полицеймейстера, въ Москвѣ оберъ-полицеймейстера. Въ главныхъ городахъ каждая улица и каждые 10 домовъ имѣли своего надсмотрщика, избираемаго жителями; всѣ городскіе жители, начиная съ двадцати-лѣтнихъ, составляли стражу, обязанную охранять спокойствіе и порядокъ въ городѣ. Въ провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ полиція была въ рукахъ коммендантовъ, магистратовъ и старостъ, въ уѣздахъ у губернаторовъ и воеводъ. Понятно, что разбои не могли вдругъ прекратиться и даже уменьшиться, ибо къ старымъ причинамъ остававшимся во всей силѣ, присоединялись еще новыя, прежде всего многочисленные побѣги изъ полковъ, отъ тяжелой военной службы, къ которой не привыкли: такъ Клинскіе, Волоцкіе и Можайскіе помѣщики били челомъ, что пріѣзжаютъ вооруженные разбойники многолюдствомъ въ домы ихъ, разбиваютъ и жгутъ села, днемъ и ночью, бьютъ и грабятъ мужчинъ, уводятъ женщинъ, собираются на разбой изъ многихъ городовъ и уѣздовъ бѣглые солдаты и драгуны. Въ самой Москвѣ ѣздили разбойники толпами по 30 и по 40 человѣкъ. Разбои усиливались еще и потому, что правительство воору-

жилось противъ бродягъ, мнимыхъ калѣкъ и нищихъ: такъ въ 1712 году запрещено было подъ страхомъ жестокаго наказанія просить милостыню въ Москвѣ. Для предупрежденія пожаровъ домы въ городахъ и селахъ должны были строиться по установленнтму чертежу въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; въ московскомъ кремлѣ и Китаѣ-городѣ велѣно строить только каменные дома и располагать ихъ по улицамъ, а не по дворамъ какъ прежде; улицы здѣсь съ 1705 года начали мостить камнемъ. Въ 1714 году пріостановлено было каменное строеніе во всемъ государствѣ, чтобъ тѣмъ скорѣе производилось оно въ Петербургѣ: богатые люди обязаны были строить здѣсь дома. Для охраненія народнаго здоровья учреждено было въ Москвѣ 8 аптекъ, при чемъ велѣно было истребить лавки, въ которыхъ продавались всякія непотребныя травы. Запрещено хоронить ранѣе трехъ дней; кромѣ знатныхъ особъ запрещено хоронить внутри города подлѣ церквей. Велѣно было устроивать при церквахъ гошпитали для подкидышей.

11. Промышленность и торговля. «Наше россійское государство, говорилъ Петръ, предъ многими иными землями преизобилуетъ, потребными металлами и минералами благословенно, которые до нынѣшняго времени безо всякаго прилежанія исканы; причина этому была, что наши подданные не разумѣли рудокопнаго дѣла, частію же иждивенія и трудовъ не хотѣли къ оному приложить». Чтобъ заставить неповоротливыхъ землевладѣльцевъ прилагать иждивеніе и трудъ, Петръ обнародовалъ, что всѣ, въ собственныхъ и чужихъ земляхъ, имѣютъ право искать и обработывать всякіе металлы и минералы; если помѣщики, въ чьихъ земляхъ откроется руда, не могутъ или не захотятъ ее разработывать, то право ихъ передается другому съ уплатою землевладѣльцу 32 доли прибыли «дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не остава-

лось». Кто утаитъ руду или будетъ препятствовать другимъ въ устроеніи заводовъ, тотъ подвергается тѣлесному наказанію и даже смер тной казни. Бергъ-коллегіи вольно было призывать иностранныхъ охотниковъ до рудокопныхъ дѣлъ. Чтобъ улучшить хлѣбопашество, Петръ хотѣлъ переселить въ Россію иностранныхъ поселянъ, для примѣра своимъ подданнымъ. Камеръ-коллегія обязана была собирать свѣдѣнія о состояніи, натурѣ, и плодородіи каждой провинціи, заселять пустыя земли и всякую пустоту предупреждать осторожнымъ домодержавствомъ. Въ 1721 году Петръ издалъ указъ о снимкѣ хлѣба косами вмѣсто серповъ. Убѣдившись за границею въ важности ископаемаго топлива, Петръ старался разузнать, нѣтъ ли гдѣ каменнаго угля въ Россіи. Предприняты были мѣры не только для сбереженія лѣсовъ, но и для разведенія новыхъ. Начатки виноделія и шелководства въ странахъ при кавказскихъ мы видимъ еще прежде Петра, но это были начатки слабые, при Петрѣ же эти отрасли сельскаго хозяйства были усилены; при немъ же началось разведеніе табаку. При Петрѣ заведенъ лучшій въ Россіи Холмогорскій скотъ; но еще дѣятельнѣе заботился Петръ объ овцеводствѣ, ибо ему нужно было усилить въ Россіи суконныя фабрики для снабженія войска: для этого онъ выписывалъ овчаровъ изъ Силезіи и посылалъ своихъ учиться туда. Конскіе заводы начались также при Петрѣ. Относительно ремеслъ Петръ слѣдовалъ своему обычному правилу: выписывалъ искусныхъ ремесленниковъ изъ-за границы и посылалъ русскихъ учится за границу. Въ Москвѣ велѣно было построить рабочій домъ для праздношатающихся и при немъ завести разныя ремесла; велѣно ввести занятіе ремеслами въ дѣвичьи монастыри. Что касается до мануфактурной промышленности, то до Петра мы встрѣчаемъ ничтожное число заводовъ, тогда какъ послѣ его смерти находимъ 233 фабрики и завода, казенныхъ и частныхъ.— Легко

понять, какъ пріобрѣтеніе прибалтійскихъ береговъ усилило внѣшнюю торговлю; но для процвѣтанія торговли недостаточно было однихъ морскихъ береговъ, нужны были удобные внутренніе пути: для этого Петръ соединилъ воднымъ путемъ Европу съ Азіею, устроилъ Вышневолоцкій и обводный Ладожскій каналъ; предположено было соединеніе Каспійскаго моря съ Чернымъ, и Бѣлаго съ Балтійскимъ, но не было приведено въ исполненіе при жизни Петра. Проведено было множество сухопутныхъ дорогъ, сильно заботился царь объ ихъ исправномъ содержаніи, но другіе мало объ этомъ заботились. Въ Камеръ-Коллегію должны были доставляться вѣдомости объ урожаѣ хлѣба и о цѣнахъ на него, изъ ближнихъ губерній и провинцій каждую недѣлю, изъ дальнихъ ежемѣсячно. Также велѣно было печатать прейсъ-куранты иностраннымъ товарамъ въ знатнѣйшихъ торговыхъ городахъ Европы «дабы знали, гдѣ что дешево или дорого».

12. Просвѣщеніе. Мы видѣли, что Петръ не только отъ духовенства, но и отъ дворянства требовалъ необхдиомаго общаго образованія. Чтобъ дать средства къ его пріобрѣтенію, во всѣхъ провинціяхъ учреждены были элементарныя школы, куда учителями посылались воспитанники математическихъ школъ московскихъ; по главнымъ предметамъ преподаванія московскія школы раздѣлялись на латинскія, нѣмецкія и математическія. Кромѣ того были учреждены морская академія, инженерная школа, школа для подъячихъ, гдѣ учили цыфири, какъ держать книги, стилю письма, а кто тому не выучится, того къ дѣламъ не употребляли. Въ 1719 году 30 учениковъ было отослано къ доктору Блументросту для изученія медицины, и еще прежде, въ 1716 году отослано было нѣсколько учениковъ латинскихъ школъ въ Персію для изученія восточныхъ языковъ. По совѣту Лейбница, за годъ до смерти своей, Петръ издалъ указъ объ учрежденіи академіи: «Учинить ака-

демію, въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ, и переводились бы книги. Для художествъ и наукъ обыкновенно употребляются двоякаго рода учрежденія: университетъ и академія, но въ Россіи нельзя слѣдовать тому, что принято въ другихъ государствахъ; надобно смотрѣть на состояніе здѣшняго государства: одну академію нельзя учредить, потому что она не въ состояніи скоро распространять знанія въ народѣ; университеты также не для чего заводить, когда нѣтъ еще гимназій и семинарій; надобно слѣдовательно основать такое учрежденіе, которое бы изъ лучшихъ ученыхъ людей состояло; но эти ученые должны не только сами заниматься науками и двигать ихъ впередъ, но должны также обучать молодыхъ людей наукамъ публично, и потомъ нѣкоторыхъ людей должны при себѣ обучать, чтобъ они потомъ могли, въ свою очередь, обучать первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ». По мысли того же Лейбница назначена была экспедиція для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Америкою? Въ 1722 году велѣно было изо всѣхъ епархій и монастырей собрать древнія лѣтописи и грамоты и переписать ихъ. Для распространенія образованія, налагавшагося какъ обязанность, требовались учебныя книги; на русскомъ языкѣ ихъ не было, надобно было переводить, и вотъ начались переводы книгъ инженерныхъ, артиллерійскихъ, механическихъ, историческихъ; вмѣсто прежнихъ курантовъ, назначаемыхъ только для правительства, начали для всего народа издаваться Вѣдомости съ изложеніемъ современныхъ событій. Для печатанія свѣтскихъ книгъ изобрѣтена была особая, такъ называемая гражданская азбука.

Изъ литературныхъ памятниковъ петровскаго времени больше всего обращаютъ на себя вниманіе сочиненія торговаго человѣка Посошкова—О скудости и богатствѣ, также доношенія его боярину Головину о состояніи войска и митро-

политу Стефану Яворскому о состояніи духовенства. Посошковъ указываетъ на вопіющіе недостатки общества, требуетъ коренныхъ преобразованій и, по понятіямъ времени, совѣтуетъ употреблять крутыя мѣры; онъ сочувствуетъ государю—преобразователю, и жалуется, что Петръ находитъ мало сочувствія и помощи. «Великій нашъ монархъ на гору самъ десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: какъ же его дѣло споро будетъ?» Посошковъ сильно жалуется на невѣжество русскихъ людей въ законѣ Божіемъ: «въ Москвѣ едва сотый человѣкъ знаетъ, что такое православная христіанская вѣра, кто Богъ и въ чемъ состоитъ Его воля? а между поселянами не думаю найдти и одного изъ десяти тысячь человѣкъ». Указываетъ на дурныя привычки, вкореняющіяся съ младенчества: «Это проистекаетъ, говоритъ онъ, отъ ненаученія младенческаго, а всему корень то, что священники у насъ неученые». Этимъ Посошковъ объясняетъ распространеніе раскола и вообще холодность къ вѣрѣ. Потомъ сильно жалуется на отсутствіе правды въ судахъ, на произволъ и презрѣніе знатныхъ и сильныхъ людей къ нисшимъ: «У насъ вѣра святая, благочестивая, а судная расправа никуда не годится и указы императорскіе ни во что обращаются, всякъ по своему обычаю дѣлаетъ, и пока прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится, то никогда мы не будемъ богаты и доброй славы себѣ не наживемъ. Крестьяне, оставя свои домы, бѣгутъ отъ неправды». Жалуется на бѣдственное положеніе солдатъ, получающихъ чрезвычайно скудное содержаніе, и на бѣдственное положеніе обывателей, разоряемыхъ солдатами. Жалуется на сильные разбои: «въ иной деревнѣ, говоритъ Посошковъ, и много жителей, а разбойниковъ не много придетъ къ крестьянину на дворъ, станутъ его мучить и огнемъ жечь, и пожитки его явно на возы класть, но сосѣди все слыша

и видя, изъ дворовъ своихъ не выходятъ и сосѣда отъ разбойниковъ не выручаютъ».

13. Нравы и обычаи. Обычаи временъ Петровыхъ въ высшихъ слояхъ общества, преимущественно тронутыхъ преобразованіемъ, разумѣется, представляли странную смѣсь стараго съ новымъ; обычаи были также пестры, какъ пестръ былъ языкъ, вобравшій въ себя множество иностранныхъ словъ, вслѣдствіе приплыва множества новыхъ понятій. Затворничество женщинъ рушилось при Петрѣ, который обязалъ вельможъ своихъ давать балы или такъ называемыя тогда ассамблеи; но жесткость нравовъ не могла вдругъ исчезнуть, и потому женщина, введенная въ общество мужчинъ, иногда сильно страдала отъ этой жесткости. Просвѣщеніе, которое должно внушить человѣку понятіе о достоинствѣ человѣка и гражданина и заставить его поступать сообразно съ этимъ достоинствомъ—просвѣщеніе только что начиналось и потому не могло еще оказать сильнаго вліянія на смягченіе нравовъ; науку призывали какъ мастерство, выгодное, необходимое для силы государства и удобствъ частной жизни; происходила первоначальная, черная работа для удовлетворенія первымъ, матеріальнымъ потребностямъ государства; а такая работа не могла быть благопріятна для духовнаго совершенствованія. Вотъ почему иногда самые дѣятельные работники, самые дѣятельные сотрудники Петра пятнали себя безнравственными поступками; вотъ почему и люди самые благонамѣренные, видя зло, полагали спасеніе въ однихъ крутыхъ, жестокихъ, кровавыхъ мѣрахъ, не понимая, что зло искореняется преимущественно духовными, нравственными средствами.

14. Важнѣйшіе дѣятели Петровскаго времени. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, человѣкъ низкаго происхожденія, взысканный Лефортомъ и переданный послѣднимъ государю, сдѣлался самымъ близкимъ человѣкомъ къ

Петру, который имѣлъ въ немъ даровитаго исполнителя своихъ плановъ; какъ человѣкъ новый и всѣмъ обязанный новому, Меншиковъ не имѣлъ никакого сочувствія къ старинѣ, и тѣмъ болѣе нравился преобразователю. Но будучи усерднымъ исполнителемъ приказаній Петровыхъ тамъ, гдѣ эти приказанія не сталкивались съ его личными интересами, Меншиковъ приносилъ въ жертву послѣднимъ интересы государственные, и не разъ былъ уличенъ въ лихоимствѣ; кромѣ того, онъ не имѣлъ величія духа выдержать искушеній необыкновеннаго счастія, зазнался и думалъ высокомѣрнымъ обращеніемъ заставить забыть о низости происхожденія своего. Искушенія были дѣйствительно велики, потому что Петръ далъ своему любимцу положеніе, которое привышало положеніе подданнаго; но въ концѣ жизни своей государь охладѣлъ къ Меншикову. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фельдмаршалъ, одинъ изъ тѣхъ русскихъ вельможъ второй половины XVII вѣка, которые прежде Петра влеклись къ западу и его образованію; уже будучи бояриномъ и 45 лѣтъ отъ роду Шереметевъ отправился въ чужіе краи для изученія военнаго искусства, и возвратился оттуда въ нѣмецкомъ платьѣ, къ величайшему удовольствію Петра; военные подвиги его мы уже видѣли при описаніи сѣверной войны; преданіе сохранило память о его нравственныхъ достоинствахъ, благотворительности и общительности. Другимъ направленіемъ отличался представитель рода Голицыныхъ, сенаторъ князь Дмитрій Михайловичъ, человѣкъ большаго ума, съ твердымъ и жесткимъ характеромъ; гордость его была оскорблена тѣмъ, что признано было превосходство иностранцевъ, и онъ часто повторялъ: «Къ чему намъ всѣ эти новости? развѣ бы мы не могли жить также, какъ жили наши отцы, не нуждаясь въ иностранцахъ, которые пріѣзжаютъ давать намъ законы?» Братъ князя Дмитрія, Михаила Михайловичъ Голицынъ отличался самымъ

привлекательнымъ характеромъ среди вельможъ Петровыхъ; подобно брату, онъ не жаловалъ иностранцевъ; не смотря на то даже иностранцы не могли говорить безъ восторга о его умѣ, любезности, храбрости и великодушіи. Объ немъ-то разсказываютъ, что послѣ сраженія подъ Лѣснымъ Петръ, богато наградивши Голицына, спросилъ, какой милости еще онъ желаетъ? «Государь! отвѣчалъ Голицынъ: прости князя Репнина!» Репнинъ былъ ему врагъ; объ немъ разсказываютъ также, что будучи уже фельдмаршаломъ и отцомъ многочисленнаго семейства, онъ не смѣлъ садиться при старшемъ братѣ своемъ, князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ. Въ лучшихъ преданіяхъ нашего прошедшаго съ именемъ Петра неразлучно имя сенатора, князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, знаменитаго мужествомъ гражданскимъ; Долгорукій, во имя блага народнаго рѣшался останавливать указы великаго царя, умѣвшаго сносить величіе подданнаго. Званіе генералъ-адмирала носили при Петрѣ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и послѣ него графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Головинъ впрочемъ больше занимался иностранными сношеніями. Апраксинъ, не смотря на званіе генералъ-адмирала, начальника флота, учрежденія, которое преимущественно ознаменовывало новый порядокъ вещей, едва ли не сильнѣе всѣхъ вельможъ былъ привязанъ къ старинѣ. Послѣ Головина иностранными сношеніями завѣдывалъ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, въ званіи великаго канцлера; гораздо искуснѣе Головкина на дипломатическомъ поприщѣ былъ баронъ Шафировъ, оказавшій большія услуги особенно въ затруднительныхъ сношеніяхъ съ Турціею послѣ прутскаго мира; но въ послѣднее время царствованія Петра вражда Меншикова и Головкина погубили его: лишенный всѣхъ должностей онъ былъ сосланъ. Подобно Шафирову, изъ низшихъ слоевъ общества былъ выдвинутъ Петромъ къ важной дѣятельности даровитый Ягужин-

скій, первый генералъ-прокуроръ въ сенатѣ. Наконецъ однимъ изъ приближенныхъ людей къ Петру былъ графъ Петръ Андреевичъ Толстой, дѣйствовавшій на дипломатическомъ поприщѣ и по особымъ порученіямъ государя; Толстой участвовалъ въ замыслахъ Софьи, но Петръ простилъ его и приблизилъ къ себѣ за обширный умъ.

Охотно принимая въ свою службу искусныхъ и даровитыхъ иностранцевъ, Петръ однако первыя мѣста по управленію поручалъ русскимъ, и только второстепенныя мѣста предоставлялъ иностранцамъ. Изъ послѣднихъ Петръ особенно отличалъ и возвышалъ троихъ: Остермана, Брюса и Миниха. Баронъ Остерманъ былъ первокласный дипломатъ своего времени и оказалъ много добра своему новому отечеству; ему обязанъ былъ Петръ выгодными условіями Ништадтскаго мира; по мнѣнію Петра, Остерманъ никогда не ошибался въ дипломатическихъ дѣлахъ; но съ блестящими умственными способностями Остерманъ соединялъ двоедушіе, притворство, неразборчивость средствъ при достиженіи цѣлей. Менѣе Остермана даровитый, графъ Брюсъ, въ противоположность ему, отличался нравственными достоинствами, которыми не могли нахвалиться современники; онъ былъ начальникомъ артиллеріи, участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ, и считался ученѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи. Минихъ вступилъ въ русскую службу только въ 1721 году. Петръ поручилъ ему работы по Ладожскому каналу, и въ 1724 году могъ сказать. «Труды моего Миниха сдѣлали меня здоровымъ». Такъ началъ свое поприще человѣкъ, съ которымъ часто будемъ встрѣчаться въ послѣдствіи.

Въ числѣ первыхъ вельможъ Петра, въ числѣ первыхъ Андреевскихъ кавалеровъ былъ гетманъ малороссійскій Мазепа; но мы видѣли, какъ окончилъ онъ свое поприще. Измѣною Мазепы участь гетманства малороссійскаго была рѣшена въ

умѣ Петра, который началъ постепенно подготовлять его уничтоженіе. Скоропадскій, человѣкъ недалекій, былъ именно такой гетманъ, какой былъ нуженъ Петру для этого приготовленія, т. е. былъ тѣнью гетмана. Для предупрежденія измѣны со стороны гетмана и для предупрежденія крамолы противъ гетмана подлѣ него явился великороссійскій чиновникъ «для управленія по общему съ гетманомъ совѣту». Другимъ важнымъ шагомъ къ приравненію Малороссіи было то, что великороссіяне стали дѣлаться землевладѣльцами въ Малороссіи: Скоропадскій подарилъ нѣсколько волостей Меншикову и Шафирову. Тотъ же Скоропадскій, по желанію государя, выдалъ дочь за великороссіянина Толстаго, и зять гетмана получилъ Нѣжинскій полкъ — третій шагъ: великороссіянинъ дѣлается полковникомъ малороссійскимъ. Въ 1722 году учреждена малороссійская коллегія: велѣно быть при гетманѣ бригадиру Вельяминову и шести штабъ-офицерамъ. Въ этомъ же году умеръ Скоропадскій и преемникъ ему не былъ избранъ, «потому что измѣны предшествовавшихъ гетмановъ, какъ объявилъ императоръ, не позволяютъ торопиться важнымъ дѣломъ избранія, надобно пріискать весьма вѣрнаго и извѣстнаго человѣка.»

15. Престолонаслѣдіе. Петръ оставилъ послѣ себя много знаменитыхъ людей, съ которыми долго и часто будемъ встрѣчаться въ послѣдующей исторіи; но кого онъ оставилъ вмѣсто себя своей новой имперіи? Мы видѣли, что воспитаніе, полученное Петромъ, не дѣлало его способнымъ къ семейной жизни, а жена его Евдокія Ѳедоровна не была способна противодѣйствовать его привычкамъ и привязать къ семейной жизни, слѣдствіемъ чего былъ разводъ и насильственное постриженіе Евдокіи. Но у Петра отъ Евдокіи былъ сынъ Алексѣй, родившійся въ 1690 году. До 9 лѣтъ ребенокъ оставался при матери, недовольной мужемъ, который былъ дома рѣдкимъ и

не очень веселымъ гостемъ: понятно, что это обстоятельство не могло развить въ Алексѣѣ чувство любви къ отцу. Потомъ мать была удалена въ монастырь; Петръ по прежнему былъ въ постоянныхъ отлучкахъ, гостемъ дома; онъ заботился о воспитаніи, т. е. объ ученіи своего сына, который былъ способенъ къ ученію, былъ охотникъ читать, но любимымъ чтеніемъ его были книги духовныя, любимымъ разговоромъ его былъ разговоръ съ духовными лицами о дѣлахъ церковныхъ, объ исторіи и литературѣ церковной. Какъ часто бываетъ, сынъ вышелъ не въ отца, а въ дѣда и прадѣда, былъ вовсе не способенъ къ той неутомимой и быстрой дѣятельности физической, которою отличался Петръ. Но Петръ именно такую дѣятельность считалъ необходимою для довершенія начатаго имъ дѣла, именно такой дѣятельности хотѣлъ отъ своего наслѣдника. Это требованіе, противное природѣ Алексѣя, раздражало, ожесточало его все болѣе и болѣе, все болѣе и болѣе возбуждало въ немъ отвращеніе отъ дѣятельности отцовской, ото всѣхъ этихъ нововведеній, во имя которыхъ Петръ требовалъ отъ сына, чтобъ онъ перемѣнилъ свой характеръ. Такимъ разладомъ между природою сына и требованіями отца спѣшили воспользоваться люди, которымъ, по разнымъ причинамъ, также ненравилась дѣятельность Петра и его требованія; Алексѣя окружили приверженцы старины, въ бесѣдѣ съ которыми сынъ находилъ такое же удовольствіе, какое нѣкогда отецъ находилъ въ бесѣдѣ Лефорта и подобныхъ ему.

При такихъ наклонностяхъ къ старинѣ, Алексѣй въ 1711 году по приказанію отца, долженъ былъ вступить въ бракъ съ некрасивою, ненравившеюся ему Софіею Шарлотою, принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбиттельскою (или точнѣе Бланкенбургскою), которая осталась при прежнемъ своемъ лютеранскомъ исповѣданіи. Согласія между мужемъ и женою не было; Петръ сердился за это на одного сына. Софья умерла въ ок-

тябрѣ 1715 года, оставивъ послѣ себя двухъ младенцевъ—сына Петра и дочь Наталью. Петръ, увидавши, что послѣднее средство привязать сына къ новому, неудалось, написалъ Алексѣю: «Скорбь о будущемъ заглушаетъ радость мою о настоящихъ нашихъ успѣхахъ, ибо вижу, что ты пренебрегаешь всѣми тѣми средствами, которыя могутъ сдѣлать тебя способнымъ царствовать послѣ меня. Неспособность твою называю я своеволіемъ, потому что ты не можешь извиняться недостаткомъ разума и тѣлесной крѣпости. Мы единственно военными упражненіями выступили изъ прежней тьмы, дали знать о себѣ другимъ народамъ и заставили ихъ уважать себя, а ты о военныхъ упражненіяхъ и слышать не хочешь. Желаю отъ тебя не трудовъ, а охоты. Я человѣкъ, подлежу смерти: кому насажденное и отчасти возращенное мною оставлю? Если не перемѣнишься, то знай, что лишу тебя наслѣдства, ибо я за отечество и за подданныхъ моихъ жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то неужели пожалѣю тебя? лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой негодный». Царевичь отвѣчалъ на это, что онъ не способенъ къ управленію государствомъ, почему клянется не имѣть видовъ на престолъ. Петръ отвѣчалъ, что не полагается на его клятву, но пусть или перемѣнитъ свой нравъ или пострижется въ монахи. Царевичь отписалъ, что желаетъ постриженія. Но Петръ медлилъ тяжелымъ дѣломъ. Отправляясь за границу въ началѣ 1716 года, Петръ далъ сыну шестимѣсячный срокъ для размышленія. Не получая никакого отвѣта по прошествіи этого срока, царь написалъ сыну, требуя окончательнаго рѣшенія, и если рѣшится перемѣнить поведеніе, то чтобъ ѣхалъ къ нему за границу. Царевичь отвѣчалъ, что пріѣдетъ, и дѣйствительно выѣхалъ изъ Петербурга, но, вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ отцу, отправился въ Вѣну къ нѣмецкому императору Карлу VI и отдался въ его покровительство, говоря, что спасается отъ жестокаго

гоненія и смерти; для избѣжанія поисковъ отцовскихъ Алексѣй оставилъ Вѣну и укрывался сначала въ Тиролѣ въ замкѣ Эренбергъ, а потомъ переѣхалъ въ Неаполь, въ замокъ Сант-Ельмо. Но предосторожности были тщетны: отправленные Петромъ Толстой и Румянцевъ отыскали убѣжище Алексѣя и потребовали отъ Карла VI выдачи его, грозя, въ противномъ случаѣ, войною. Тогда императоръ позволилъ Толстому ѣхать въ Неаполь и лично уговаривать Алексѣя возвратиться къ отцу. Сначала Алексѣй никакъ не хотѣлъ возвратиться, но потомъ согласился ѣхать съ Толстымъ въ Россію, напуганный, съ одной стороны тѣмъ, что самъ Петръ явится въ Италію, съ другой, полагаясь на отцовское обѣщаніе простить его, обѣщаніе, которое отнимало и у Карла VI предлогъ противиться его возвращенію. Въ началѣ 1718 года Алексѣй пріѣхалъ въ Москву, откуда потомъ перевезенъ въ Петербургъ. Петръ, вытребовавши у него отреченіе отъ престола, простилъ его, но съ условіемъ, чтобъ онъ открылъ всѣ обстоятельства побѣга и указалъ людей, совѣтовавшихъ и помогавшихъ ему въ этомъ дѣлѣ. Начался розыскъ, вскрылась вражда Алексѣя къ дѣламъ отцовскимъ, къ людямъ, окружавшимъ Петра, къ нему самому, наконецъ, уличены были люди, которые поддерживали царевича въ этой враждѣ, въ намѣреніи постричься съ тѣмъ, чтобъ послѣ свергнуть монашество, Кикинъ и другіе. Открылось, что мать Алексѣя, невольная монахиня Евдокія или Елена только и думала о томъ, какъ бы снова вступить въ міръ съ прежнимъ значеніемъ, что ростовскій архіерей Досиѳей утверждалъ ее въ этихъ надеждахъ своими ложными пророчествами и видѣніями, открылось, что Евдокія имѣла сношенія съ сестрою Петра, царевною Марьею Алексѣевною и съ генераломъ Глѣбовымъ. Досиѳей, Глѣбовъ, Кикинъ и нѣсколько другихъ соучастниковъ были казнены; Евдокія заперта въ Новой Ладогѣ, царевна Марья въ Шлю-

сильбургѣ. Судъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ въ числѣ 124 человѣкъ, приговорилъ Алексѣя къ смертной казни, но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, потому что несчастный царевичъ умеръ въ своей темницѣ 27 іюня.

Еще въ началѣ 1712 года Петръ торжественно вступилъ въ бракъ съ ливонскою плѣнницею Екатериною Алексѣевною, которая, въ противоположность Лопухиной, совершенно была по немъ, сопровождала его въ походахъ, умѣла приноравливаться къ его образу жизни, взглядамъ, привычкамъ; въ послѣдствіи Екатерина была и коронована супругомъ своимъ. Отъ нея Петръ имѣлъ двухъ дочерей Анну и Елисавету, двое же сыновей—Петръ и Павелъ умерли въ младенчествѣ. Въ февралѣ 1721 года Петръ издалъ указъ, въ которомъ говорилось, что государь Россійскій имѣетъ право назначать своимъ наслѣдникомъ кого ему угодно, и въ случаѣ, если назначенный окажется неспособнымъ, отрѣшать его отъ престола. Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ сочиненіе подъ названіемъ: «Правда воли монаршей», въ которомъ старался доказать разумность этого установленія. Но Петръ умеръ, не воспользовавшись своимъ правомъ, не назначивъ себѣ преемника.

ГЛАВА XLI.

Царствованіе императрицы Екатерины I.

Вопросъ о томъ, кто долженъ царствовать послѣ Петра раздѣлилъ вельможъ на двѣ партіи: вельможи старинные и приверженные къ старинѣ хотѣли, чтобъ царствовалъ малолѣтный Петръ, внукъ покойнаго императора, сынъ несчастнаго Алексѣя; но вельможи новые, возвышенные Петромъ Вели-

кимъ и приверженцы новаго порядка, не хотѣли видѣть на престолѣ сына Алексѣева, боясь поворота къ старинѣ, разрушенія того, что создано было Петромъ и гоненія на его любимцевъ; особенно не хотѣли воцаренія Петра Алексѣевича тѣ люди, которые враждебно дѣйствовали противъ отца его. Во главѣ ихъ былъ Меншиковъ. Въ то время когда старинные вельможи собирались еще только разсуждать, Меншиковъ, по чувству самосохраненія, дѣйствовалъ: опираясь на гвардію, онъ вдругъ объявилъ собравшемуся во дворецъ Синоду и вельможамъ, что должна царствовать Екатерина, которую самъ Петръ короновалъ и тѣмъ указалъ на нее, какъ на свою преемницу. Противная партія, застигнутая въ расплохъ, не сомкнутая, не сговорившаяся, не могла оказать никакого сопротивленія, и 28 генваря Екатерина была провозглашена императрицею.

Новая императрица объявила, что желаетъ совершить всѣ дѣла, начатыя Петромъ. Дѣйствительно по плану Петра, отправлена была подъ начальствомъ Беринга экспедиція для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Америкою? Открыта въ 1726 году академія наукъ; установленъ новый орденъ— Александра Невскаго, также по мысли Петра; старшая цесаревна Анна Петровна была выдана замужъ за герцога Голштинскаго, Карла Фридриха, котораго еще Петръ предъ кончиною объявилъ женихомъ своей дочери. Но если спѣшили привести въ исполненіе нѣкоторыя изъ намѣреній Петра Великаго, то, съ другой стороны, рѣшились коснуться самыхъ важныхъ его учрежденій: Сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе, ибо надъ нимъ учрежденъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ, въ который поступили важнѣйшіе по занимаемымъ ими должностямъ сенаторы: Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Толстой, князь Голицынъ (Дмитрій Михайл.) и Остерманъ; къ нимъ присоединенъ былъ и герцогъ Голштинскій; но всѣ дѣла

сосредоточились въ рукахъ одного Меншикова. У Сената и Синода отнятъ былъ титулъ правительствующихъ, Сенатъ началъ называться высокимъ.

Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта подали императрицѣ замѣчанія свои, что крестьяне, составляющіе большинство народонаселенія, приходятъ въ крайнее раззореніе отъ великихъ податей и особенно отъ угнетенія со стороны земскихъ властей и войскъ; что производство дѣлъ въ коллегіяхъ не довольно быстро и правильно, отъ чего волокиты и раззореніе просителямъ; что источники доходовъ скудны, расходы далеко выше доходовъ, отчетности въ употребленіи государственной казны нѣтъ никакой. Такъ какъ большое число правителей, чиновниковъ и канцелярій найдено обременительнымъ для народа, то приказано было: лишнихъ управителей, ненужныя канцеляріи и конторы по губерніямъ упразднить и положить всю расправу и судъ на губернаторовъ и воеводъ; имъ же подчинить и городовые магистраты. Но послѣднимъ распоряженіемъ относительно магистратовъ было нарушено важное учрежденіе Петра Великаго, вызванное потребностями общества, которыя такъ сильно чувствовались еще въ древней Россіи. Такъ какъ прежнее расположеніе войска по округамъ найдено разорительнымъ для крестьянъ, то велѣно селить полки слободами при городахъ. Средствами для умноженія доходовъ и уменьшенія расходовъ государственныхъ признаны: сборъ недоимокъ, наложеніе новыхъ пошлинъ, уменьшеніе числа чиновниковъ, убавка жалованья у нихъ; приказнымъ людямъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ вмѣсто жалованья велѣно было довольствоваться доходами отъ добровольной дачи челобитчиковъ.

Дѣло составленія новаго уложенія продолжалось и при Екатеринѣ, но двигалось медленно; для ускоренія его въ коммиссіи велѣно было засѣдать по два человѣка изъ духовенства,

изъ чиновъ военныхъ, гражданскихъ и изъ магистрата. Касательно духовенства запрещено было безъ Синодскаго указа постригать въ монахи, кромѣ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ. Относительно просвѣщенія, кромѣ учрежденія Академіи, замѣчательны слѣдующія распоряженія: Петръ Великій приказалъ изъ всѣхъ коллегій и канцелярій доставлять въ типографію и печатать извѣстія «о всѣхъ знатныхъ дѣлахъ, принадлежащихъ къ вѣдѣнію народному»; по смерти великаго распространителя народнаго вѣдѣнія въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ нашли, что печатаніе этихъ извѣстій дѣло не нужное и остановили его; но Екатерина объявила, что такое сообщеніе народу извѣстіи прекращено невѣдомо для чего и приказала возобновить печатаніе извѣстіи. Шафирову, возвращенному изъ ссылки, поручено было написать исторію Петра I, для чего велѣно было присылать ему отовсюду нужныя извѣстія. Велѣно было посылать купеческихъ дѣтей для обученія сперва въ Ригу и Ревель, а потомъ и за границу. Относительно нравовъ и обычаевъ замѣчательно распоряженіе императрицы о надзорѣ за кулачными боями, потому что бойцы позволяли себѣ бить противниковъ ножами, камнями и бросать песокъ въ глаза.

Въ силу постановленія Петрова, Екатерина имѣла право назначить себѣ въ преемники кого ей было угодно. Она назначила великаго князя Петра Алексѣевича, по настоянію Меншикова, который прежде такъ хлопоталъ объ устраненіи Петра отъ престола. Такая перемѣна въ поведеніи Меншикова произошла отъ того, что вмѣстѣ съ назначеніемъ Петра наслѣдникомъ постановлено было, что онъ женится на дочери Меншикова, который во время его малолѣтства будетъ правителемъ государства.—Екатерина скончалась 6 мая 1727 года.

ГЛАВА XLII.

Царствованіе Петра II Алексѣевича.

1. Меншиковъ. Меншиковъ, ставши правителемъ, перевезъ молодаго императора изъ дворца въ свой домъ, приставилъ къ нему своихъ родныхъ и людей надежныхъ. Немедленно Петръ назвалъ Меншикова генералиссимусомъ и обручился съ его дочерью, княжною Марьею Александровною, не смотря на то, что двѣнадцатилѣтнему жениху вовсе не нравилась шестнадцатилѣтняя невѣста. Въ письмахъ къ императору, Меншиковъ называлъ его сыномъ, подписывалъ: «вашъ отецъ»; велѣлъ внести въ календарь вмѣстѣ съ особами императорской фамиліи свое имя и имена членовъ своего семейства, хотѣлъ женить своего сына на сестрѣ императора, великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Тяжелый и прежде для всѣхъ своимъ высокомѣріемъ, Меншиковъ сталъ невыносимъ теперь, когда сдѣлался правителемъ полновластнымъ. Но враги Меншикова неимѣли средствъ свергнуть его явно, и должны были тайно подкапываться подъ него. Воспитателемъ молодаго императора былъ вице-канцлеръ Остерманъ, помощникомъ его гофмейстеръ князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій; сынъ Долгорукаго, шестнадцатилѣтній князь Иванъ Алексѣевичъ пользовался сильною привязанностію молодаго императора, былъ неразлучнымъ его товарищемъ, и онъ-то успѣлъ вооружить Петра противъ Меншикова. Паденіе послѣдняго было ускорено опасною болѣзнію его, которою воспользовались враги. Когда правитель выздоровѣлъ и началъ распоряжаться всѣмъ по прежнему, ничего не подозрѣвая, то вдругъ, 6 сентября

1727 года, императоръ объявилъ, что онъ не будетъ болѣе жить въ домѣ Меншикова, а въ Лѣтнемъ дворцѣ, и на другой день въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ, которымъ запрещалось исполнять приказанія Меншикова; въ тотъ же день бывшему правителю объявленъ былъ арестъ и отлученіе отъ всѣхъ дѣлъ, а 9 сентября велѣно снять съ Меншикова всѣ чины и ордена и отправить на безвыѣздное житье въ Ораніенбургъ, городъ Рязанской губерніи, ему принадлежавшій; имѣніе оставлено за нимъ. Меншиковъ выѣхалъ изъ Петербурга съ великолѣпіемъ; но въ Твери ему объявили, что все имѣніе его велѣно отобрать, оставя одно необходимое; изъ богатыхъ экипажей Меншиковъ съ семействомъ долженъ былъ пересѣсть въ телѣги.

2. Долгорукіе. Правитель палъ; немногіе жалѣли объ немъ: «Прошла и погибла суетная слава прегордаго Голіаоа (писалъ одинъ современникъ другому, Пашковъ Черкасову), прошла и погибла суетная слава прегордаго Голіаоа, котораго Богъ сильною десницею сокрушилъ, всѣ этому сильно рады, и я многогрѣшный, славя св. Троицу, пребываю безъ всякаго страха; у насъ все благополучно и такихъ страховъ теперь ни отъ кого нѣтъ, какіе были при князѣ Меншиковѣ». Но скоро обнаружились явленія, которыя могли заставить пожалѣть и о Меншиковѣ. Тотчасъ по удаленіи послѣдняго, императоръ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, объявилъ, что будетъ присутствовать въ Тайномъ Совѣтѣ и заниматься дѣлами правленія: но все это осталось обѣщаніями только; ученіе было прервано, занятія правительственныя были не по лѣтамъ, и одни удовольствія стали исключительнымъ занятіемъ молодаго государя. Долгорукіе овладѣли волею Петра; воспитатель его Остерманъ скоро потерялъ всякое вліяніе, его наставленія казались скучны; однажды Остерманъ приступилъ къ Петру съ упреками, говорилъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ государь

самъ велитъ отрубить ему голову, если онъ теперь не станетъ указывать ему на ту пропасть, къ которой онъ стремится, и что онъ, Остерманъ оставляетъ должность воспитателя. Петръ растрогался, бросился къ нему на шею и умолялъ не покидать его, но къ вечеру возобновилъ прежній образъ жизни. Петръ чувствовалъ врожденную ненависть къ морю и кораблямъ, страстно, любилъ охоту и съ удовольствіемъ послѣдовалъ совѣту тѣхъ, которые уговорили его переѣхать въ Москву (9 Генваря 1728 года). Иностранцы, Остерманъ съ товарищами смотрѣли съ ужасомъ на этотъ переѣздъ, видя въ немъ шагъ къ уничтоженію дѣлъ Петра Великаго; но они напрасно безпокоились: людямъ, окружавшимъ Петра II-го, было не до древней или новой Россіи, а только до личныхъ своихъ выгодъ. Тотъ же самый Пашковъ, который такъ радовался свержению Меншикова, долженъ былъ теперь писать къ тому же другу своему Черкасову: «Новые временщики произвели такую смуту, что мы съ опасеніемъ бываемъ при дворѣ. одинъ другаго боится, а крѣпкой надежды нигдѣ нѣтъ». Нѣкоторые стали тужить о Меншиковѣ; явилось подметное письмо, въ которомъ старались выставить достоинства бывшаго правителя и его необходимость для поправленія дѣлъ; Меншикова за это велѣно было перемѣстить изъ Ораніенбурга въ Сибирь, въ Березовъ. Заславши Меншикова въ Сибирь, Долгорукіе спѣшили слѣдовать его примѣру: они не допускали никого къ императору; царица-бабка, Лопухина, освобожденная по восшествіи на престолъ внука и перевезенная въ Москву, не могла говорить съ государемъ наединѣ; стали увозить его изъ Москвы на охоту, и эти отсутствія продолжались по нѣскольку дней, иногда по нѣскольку недѣль; послѣ охоты, за роскошнымъ и шумнымъ обѣдомъ веселили государя похвалами его ловкости и искусству въ стрѣльбѣ, перечисляли удачи, радовали планами новыхъ поѣздокъ; о дѣлахъ государственныхъ не

было и помина. Собранія Верховнаго Тайнаго Совѣта прекратились; графъ Апраксинъ умеръ, мѣсто его осталось не занятымъ. Головкинъ по причинѣ болѣзни, Голицынъ и Остерманъ подъ предлогомъ ея не присутствовали въ совѣтѣ, все пришло въ разстройство. Въ сентябрѣ 1729 года императоръ выѣхалъ изъ Москвы въ сопровожденіи семейства Долгорукихъ и возвратился не ранѣе ноября; въ это время онъ далъ согласіе Долгорукимъ жениться на Екатеринѣ, дочери князя Алексѣя, сестрѣ своего любимца. 30 ноября было совершено торжественное обрученіе. Но это было послѣднѣе торжество Долгорукихъ: императоръ сталъ видимо тяготиться ихъ опекою, не видался съ своею невѣстою, началъ сближаться съ Остерманомъ; когда тетка его, цесаревна Елисавета Петровна жаловалась ему, что она терпитъ во всемъ большую нужду, то Петръ отвѣчалъ: «Въ этомъ не я виноватъ, мои приказанія не исполняются, но я найду средства разбить мои оковы». Въ самомъ семействѣ Долгорукихъ господствовало сильное несогласіе; ждали переворота; онъ произошелъ, но не такъ какъ надѣялись. 6 января 1730 года императоръ простудился при обрядѣ водоосвященія; открылась оспа, и 19 числа Петръ скончался.

3. Дѣла внѣшнія. Изъ дѣлъ внѣшнихъ въ царствованіе Петра II въ началѣ занималъ вопросъ Курляндскій: здѣсь по смерти мужа царевны Анны Іоанновны, Фридриха Вильгельма, правилъ престарѣлый и бездѣтный дядя его Фердинандъ. Курляндцы хотѣли провозгласить его преемникомъ знаменитаго Морица Саксонскаго, побочнаго сына польскаго короля Августа II; Поляки, съ своей стороны, хотѣли присоединить Курляндію къ своему государству: но Россія воспрепятствовала и тому и другому. Съ Пруссіею заключенъ былъ договоръ, въ случаѣ смерти короля Августа II польскаго дѣйствовать за одно относительно избранія ему преемника. Австрія и Пру-

ссія предлагали раздѣленіе Польши. Въ Азіи графъ Рагузинскій заключилъ договоръ съ Китаемъ на рѣкѣ Бурѣ: выговорено было свободное отправленіе торговли на пограничной чертѣ въ двухъ мѣстахъ: въ русской слободѣ Кяхтѣ и въ китайской Маймачинѣ; выговорено право отправлять каждые три года караванъ въ Пекинъ и тамъ торговать безпошлинно; право держать въ Пекинѣ 4 духовныхъ лица и 6 молодыхъ людей для изученія китайскаго языка.

4. Дѣла внутреннія. При Екатеринѣ I, какъ мы видѣли, городовые магистраты были подчинены воеводамъ, а при Петрѣ II, еще при Меншиковѣ, уничтоженъ Главный магистратъ, а для суда между петербургскими купцами велѣно быть троимъ выборнымъ; иностранныхъ же купцовъ приказано вѣдать въ Коммерцъ-Коллегіи. Подъ предсѣдательствомъ Остермана учреждена была еще предположенная при Екатеринѣ Коммиссія о Коммерціи: правительство объявило, что купцы цѣлымъ городомъ или поодиначкѣ могутъ черезъ губернаторовъ и воеводъ пересылать въ эту коммиссію представленія о томъ, что можетъ быть полезно для купечества. Особенная заслуга коммиссіи состояла въ противодѣйствіи откупной системѣ; она же издала вексельный уставъ. По прежнему должно было принимать мѣры противъ побѣга крестьянъ въ Польшу и въ степь къ козакамъ и противъ разбоевъ: въ Пензенской и другихъ низовыхъ областяхъ разбойники ѣздили многолюдствомъ съ ружьями, жгли села и деревни, помѣщиковъ и крестьянъ мучили и грабили; противъ нихъ надобно было посылать отряды драгуновъ. Относительно просвѣщенія въ духовенствѣ надобно было подтвердить указъ Петра Великаго, чтобъ изо всѣхъ монастырей высылали молодыхъ монаховъ въ Московскую Славено-греко-латинскую Академію, ибо ректоръ этой Академіи доносилъ Синоду, что монаховъ ниоткуда не присылаютъ и у него только 5 учениковъ.

Наконецъ относительно обычаевъ времени замѣтимъ, что при Петрѣ II уничтоженъ варварскій обычай ставить внутри Петербурга каменные столпы, гдѣ на кольяхъ втыкались тѣла и головы казненныхъ преступниковъ.

5. Малороссія. Въ Малороссіи при Петрѣ II возстановлено гетманство. 1 октября 1727 года рада, собранная въ Глуховѣ присланнымъ изъ Петербурга тайнымъ совѣтникомъ Наумовымъ, провозгласила гетманомъ шестидесяти девятилѣтняго старика Апостола, полковника Миргородскаго. Младшій сынъ Апостола отправленъ въ Петербургъ заложникомъ; Наумовъ остался при гетманѣ для совѣтовъ, въ званіи министра императорскаго; на томъ основаніи, что на генеральный судъ было прежде много жалобъ, велѣно быть въ этомъ судѣ тремъ членамъ изъ великороссіянъ и тремъ изъ малороссіянъ подъ предсѣдательствомъ гетмана, кто же будетъ недоволенъ рѣшеніемъ генеральнаго суда, можетъ бить челомъ императору въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; для сбора доходовъ учреждены два чиновника — одинъ изъ великороссіянъ и одинъ изъ малороссіянъ; дозволено покупать великороссіянамъ въ Малороссіи, а малороссіянамъ въ областяхъ великорусскихъ всякаго рода недвижимыя имѣнія.

ГЛАВА XLIII.

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАНОВНЫ.

1. Попытка Верховниковъ. Преждевременная смерть Петра II прежде всего поражала Долгорукихъ, которые, чтобъ поддержать свое значеніе, схватились было за отчаянное средство: объявивъ подложное завѣщаніе Петра II, хотѣли провоз-

гласить императрицею невѣсту его, княжну Екатерину Долгорукую. Но попытка эта, разумѣется, не могла удаться; обойденъ былъ внукъ Петра Великаго, сынъ Анны Петровны, герцогини Голштинской, обойдена была дочь Петра Великаго Елисавета Петровна, и выбрана дочь царя Іоанна Алексѣевича, вдовствующая герцогиня Курляндская Анна. Но при этомъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ предложилъ ограничить власть императорскую властью Верховнаго Тайнаго Совѣта; предложеніе было принято членами этого Совѣта или Верховниками, какъ ихъ тогда называли, и одинъ изъ нихъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій съ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ отправились къ Аннѣ въ Митаву съ предложеніемъ престола подъ условіемъ ограниченія власти. Анна приняла и то и другое. Получивъ изъ Митавы подтвержденіе условій, Верховники созвали высшее духовенство, генералитетъ и дворянство или шляхетство, какъ тогда говорили, въ чрезвычайное собраніе, и объявили волю новой императрицы ограничить свою власть, представляя это какъ свободное дѣйствіе Анны. Молчаніемъ отвѣчало собраніе на это объявленіе; уже давно въ обществѣ пронесся слухъ о замыслахъ Верховниковъ и былъ встрѣченъ съ неудовольствіемъ; немедленно же послѣ объявленія объ ограниченіи монархической власти верховникамъ представлена была записка съ сильными возраженіями противъ ихъ замысла; ее подписали 290 человѣкъ, за нею послѣдовали другіе. Между тѣмъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, пріѣхала новая императрица въ Москву; верховники окружили ее и не допускали къ ней никого изъ людей имъ подозрительныхъ; но трудно было имъ бороться съ многочисленными и сильными противниками, которые дѣйствовали тайно и искусно. Приготовившись и давши знать обо всемъ императрицѣ, приверженцы неограниченной монархіи въ большомъ числѣ съѣхались во дворецъ 25 февраля и подали Аннѣ челобитную,

въ которой просили подвергнуть обсужденію записки, поданныя ВерховномуТа йному Совѣту и оставленныя имъ безъ вниманія. Императрица согласилась, но приверженцы неограниченной монархіи не хотѣли терять времени и тутъ же во дворцѣ рѣшили просить государыню о принятіи самодержавія по примѣру ея предшественниковъ. Въ тотъ же день испрошена была другая аудіенція, и князь Алексѣй Михайловичъ Черкаскій поднесъ императрицѣ просьбу о принятіи самодержавія и объ уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Императрица согласилась и разорвала условія, предписанныя ей Верховниками. Въ апрѣлѣ Анна короновалась, и въ началѣ 1732 года переѣхала въ Петербургъ.

2. Паденіе Верховниковъ. Дѣло и значеніе зачинщиковъ ограниченія рушилось; но сначала ихъ оставили въ покоѣ, и только въ послѣдствіи, подъ разными предлогами, одни были сосланы, другіе казнены. Умерли въ заточеніи Долгорукіе — князь Василій Владиміровичъ, князь Алексѣй Григорьевичъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ; казнены: Князь Василій Лукичъ и любимецъ Петра II князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукіе. Князь Иванъ, когда еще былъ во всей силѣ, обручился съ дочерью знаменитаго фельдмаршала Шереметьева, Натальею Борисовною; когда со смертію Петра II значеніе Долгорукихъ начало падать, родственники совѣтовали Натальѣ отказать жениху. Но Наталья думала иначе: «Какая радость и честная ли это совѣсть? когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему!» Она вышла за Долгорукаго и раздѣляла всѣ его бѣды: «любя мужа, все сносила, и еще его подкрѣпляла, и никогда не раскаявалась, для чего за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу». Наталья умера монахинею, оставивъ записки о своей чистой, страдальческой жизни.

3. Нѣмецкая партія. Съ Голицыными и Долгорукими

пала старая русская партія (des vieux russes, какъ называли ее иностранцы). Никто не вооружался теперь противъ новаго порядка вещей, введеннаго Петромъ Великимъ, никто не вооружался противъ иностранцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ увидали явленіе небывалое: до сихъ поръ иностранцы, самые заслуженые и даровитые имѣли второстепенное положеніе, на первомъ мѣстѣ стояли русскіе, старинные вельможи или новые люди, выдвинутые Петромъ Великимъ, но теперь иностранцы становятся на первомъ планѣ; усиливается значеніе Остермана, Миниха, но вмѣстѣ съ этими людьми, могшими оправдать свое возвышеніе, возвышаются иностранцы, ничѣмъ не замѣчательные, и первенствующее значеніе получаетъ любимецъ Анны, курляндецъ Биронъ, или правильнѣе Биренъ. Бирону давно уже хотѣлось вступить въ русскую службу, еще при Петрѣ Великомъ онъ искалъ мѣста при дворѣ Софіи, жены царевича Алексѣя Петровича, но былъ отвергнутъ какъ человѣкъ низкаго происхожденія; но онъ успѣлъ добиться мѣста при дворѣ курляндской герцогини Анны, скоро получилъ здѣсь первенствующее значеніе и съ тѣмъ же значеніемъ явился въ Россіи, когда Анна стала императрицею. Современники знававшіе Бирона, хвалили его учтивость, внимательность, хорошія манеры, желаніе всѣмъ угодить, любезность, сладкую рѣчь, пріятную наружность. Но всѣ эти качества, которыя могли доставить ему видное мѣсто въ обществѣ, нисколько не дѣлали его способнымъ занимать первое по государѣ мѣсто въ государствѣ; у Бирона не было вовсе правительственныхъ способностей, и, что было всего хуже, онъ смотрѣлъ на Россію совершенно глазами чужестранца. Иностранцы даровитые, какъ Остерманъ и Минихъ были привязаны къ Россіи какъ мѣсту ихъ блестящей дѣятельности; они хотѣли быть полезными для Россіи, потому что были способны къ тому и желали прославиться принесенною ими пользою. Но мелкодушный Биронъ

не могъ имѣть такихъ стремленій; онъ не любилъ Россіи, презиралъ русскихъ, хотѣлъ пользоваться своимъ высокимъ мѣстомъ только для того, чтобъ получить отъ него какъ можно больше выгодъ. Съ такими взглядами и стремленіями Биронъ, разумѣется, могъ причинить большой вредъ для Россіи, ибо онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что дѣлали съ этою Россіею люди, ему служившіе, его обогащавшіе, лишь бы только они служили ему, обогащали его.

4. Бѣдствія Бироновскаго времени. Главныя бѣдствія, постигшія Россію въ Бироновское время, были, во первыхъ, физическія—голодъ и моръ; во вторыхъ, финансовые взыски, производившіеся безъ всякаго состраданія и вниманія къ обстоятельствамъ; въ третьихъ, такъ какъ этими мѣрами вызвано было всеобщее неудовольствіе, то стремленіе Бирона поддержать себя посредствомъ доносовъ и строгостей, произвело новое бѣдствіе и новыя неудовольствія. При восшествіи на престолъ Анны недоимки государственныхъ податей простирались до нѣсколькихъ милліоновъ. Биронъ обратилъ на это вниманіе съ цѣлію собственнаго обогащенія. Не смотря на донесенія воеводъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, посылались строжайшіе указы о неослабномъ взыскиванія недоимокъ, и такъ какъ указы не помогали, то разосланы были гвардейскія офицеры съ приказаніемъ держать воеводъ и товарищей ихъ въ цѣпяхъ до уплаты всей недостающей суммы; вслѣдствіе такихъ понудительныхъ мѣръ, сборщики дѣйствовали уже по чувству самосохраненія: у крестьянъ забирали и продавали все, что только могли найдти на дворахъ; помѣщики и старосты были отвозимы въ городъ, гдѣ и держались подъ стражею по нѣскольку мѣсяцевъ, умирали съ голоду и отъ тѣсноты. Вслѣдствіе ропота лазутчики роились всюду, явилось зло, какого не бывало со временъ Годунова. Печальное время омрачилось еще болѣе казнями, заточеніями

вельможъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ; сверженіями и наказаніями архіереевъ. Двое архіереевъ подъ пустыми предлогами, заточены, двое лишены эпархій; пятою жертвою былъ извѣстный еще при Петрѣ Великомъ своими учеными трудами Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверской. Будучи послѣдователемъ Яворскаго, Лапатинскій написалъ сочиненіе «На ереси Лютеранскія и Кальвинскія», въ оправданіе Камня Вѣры Яворскаго. Этимъ онъ возбудилъ негодованіе противника Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и Бирона, какъ лютеранина. Книга Яворскаго: Камень Вѣры была запрещена, а Лопатинскаго два раза брали къ допросу, подвергали пыткѣ, лишили архіерейства и монашества и заключили въ Петропавловскую крѣпость. Послѣднимъ кровавымъ явленіемъ Бироновской эпохи была казнь Волынскаго съ товарищами. Артемій Волынскій сталъ извѣстенъ еще при Петрѣ Великомъ на дипломатическомъ поприщѣ, былъ губернаторомъ въ Астрахани, въ Казани, при Аннѣ быстро возвысился и сдѣланъ былъ кабинетъ-министромъ. Волынскій славился большимъ умомъ и нестерпимымъ характеромъ. Безпокойный, тщеславный, заносчивый, постоянно выскакивавшій впередъ, не терпѣвшій равныхъ, готовый на всякое вопіющее насиліе относительно низшихъ, Волынскій возбудилъ противъ себя сильную ненависть. Будучи губернаторомъ, онъ сталъ извѣстенъ взяточничествомъ, грабительствомъ и средневѣковыми варварскими поступками съ подчиненными. Ставши кабинетъ-министромъ, онъ враждебно столкнулся съ Остерманомъ, задѣлъ Бирона, который и рѣшился погубить его. Волынскій подалъ императрицѣ записку, въ которой, изображая черными красками поведеніе придворныхъ, хотѣлъ представить Остермана и другихъ вельможъ. Записка произвела неблагопріятное впечатлѣніе на императрицу, которой непонравилось, что Волынскій хочетъ ее учить; потомъ Волынскій, по обыкновенію

своему, избилъ извѣстнаго писателя и секретаря Академіи Тредьяковскаго, и когда Тредьяковскій пришелъ жаловаться Бирону, то Волынскій, увидавъ его, снова избилъ его въ самыхъ покояхъ Бирона. Послѣдній воспользовался этимъ и началъ умолять императрицу, чтобъ Волынскій былъ преданъ суду: «Либо ему быть, либо мнѣ», говорилъ Биронъ, стоя на колѣняхъ передъ Анною, и Волынскаго предали суду, обвинили въ государственныхъ преступленіяхъ, подвергли страшной пыткѣ и казнили; двое близкихъ къ нему людей были также казнены, другіе биты кнутомъ и сосланы; дѣти Волынскаго также сосланы въ Сибирь, сына велѣно отдать въ солдаты безъ выслуги и отправить въ Камчатку, дочерей постричь. Ненавидимый при жизни, Волынскій пріобрѣлъ славу патріота по смерти, потому что палъ жертвою Бирона.

5. Внутреннія распоряженія правительства. Что касается внутреннихъ распоряженій при Аннѣ, то по просьбѣ дворянства уничтоженъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ (въ мартѣ 1730 г.) и возстановленъ правительствующій Сенатъ на такомъ же основаніи и въ такой силѣ, какъ былъ при Петрѣ Великомъ; но скоро вмѣсто Верховнаго Тайнаго Совѣта явился при императрицѣ Кабинетъ, члены котораго назывались кабинетъ-министрами. Старое зло, отъ котораго такъ страдала древняя Россія, продолжалось и въ новой: въ самомъ началѣ царствованія императрица должна была издать указъ, въ которомъ говорилось, что многіе воеводы какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ дѣлаютъ великія обиды и раззоренія, вслѣдствіе чего велѣно было смѣнять воеводъ каждые два года, и по смѣнѣ воеводы должны были являться въ Сенатъ съ отчетомъ; если воевода окажется исправнымъ и если въ продолженіи года жалобъ на него не будетъ, то позволено опредѣлять его опять въ воеводы. И Анна должна была жаловаться, что сочиненіе уложенія не двигалось впередъ, а между тѣмъ

«при несогласныхъ указахъ безсовѣстные судьи рѣшали дѣла неправедно, въ пользу которой стороны хотѣли»; императрица велѣла начатое Уложеніе немедленно оканчивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ людей, выбравъ изъ шляхетства, духовенства и купечества.

Прося о возстановленіи самодержавія и Сената, шляхетство, просило Анну объ уничтоженіи майората, и просьба была исполнена, на томъ основаніи, что землевладѣльцы, желая одинаково наградить всѣхъ сыновей, и не имѣя денегъ для надѣленія младшихъ, берутъ лишнее съ крестьянъ или продаютъ деревни свои; въ семействахъ раждается ненависть; считая хлѣбъ и скотъ за движимое, отдаютъ младшимъ дѣтямъ, вслѣдствіе чего старшіе не могутъ ничего сдѣлать съ землею безъ хлѣба и скота, а младшіе съ хлѣбомъ и скотомъ безъ земли. Въ 1736 году издано постановленіе о шляхетской службѣ: отецъ, имѣя двоихъ или болѣе сыновей, можетъ одного оставить дома для хозяйства, но и этотъ остающійся дома сынъ долженъ быть обученъ грамотѣ и, по крайней мѣрѣ, ариѳметикѣ, чтобъ быть годнымъ въ гражданскую службу; остальные братья должны вступить въ военную службу. Такъ какъ до сихъ поръ не было опредѣлено, до какихъ поръ шляхтичъ долженъ служить въ военной службѣ, то отставлялись старики дряхлые, которые, пріѣхавъ домой, не въ состояніи болѣе заниматься хозяйствомъ. Теперь опредѣлено: всѣмъ шляхтичамъ отъ 7 до 20 лѣтъ учиться, отъ 20 лѣтъ быть въ военной службѣ 25 лѣтъ, а 45 лѣтъ, если захотятъ, могутъ выходить въ отставку; за болѣзнями и ранами могутъ быть отпущены и до этого срока. Недорослей изъ дворянъ, болѣе способныхъ къ гражданской, чѣмъ къ военной службѣ, велѣно распредѣлить по коллегіямъ; секретари обязаны были обучать ихъ приказному порядку, знанію уложенія, указовъ, правъ государственныхъ, а два дня въ недѣлю назначались для

обученія ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и грамматикѣ. Недорослей, шляхетскихъ дѣтей, обучавшихся въ родительскихъ домахъ велѣно было свидѣтельствовать два раза: послѣ 12 и послѣ 16 лѣтъ; и которые послѣ втораго свидѣтельства окажутся невѣждами въ законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ и геометріи, такихъ опредѣлять въ матросы безъ выслуги. Эти хлопоты и строгія мѣры правительства показываютъ только, какъ мало было въ самомъ шляхетствѣ потребности къ образованію. Въ 1736 году императрица жаловалась, что «многіе офицерскіе, дворянскіе и другихъ служилыхъ чиновъ дѣти не являются къ смотру, укрываются подъ разными видами, а нѣкоторые вступаютъ въ дворовую службу къ разныхъ чиновъ людямъ и объявляются въ разныхъ преступленіяхъ, потому что праздность всему злу корень; хотя для малолѣтныхъ велѣно учредить школы по городамъ, однако, не желая собственной пользы, отъ наукъ убѣгаютъ и тѣмъ сами себя губятъ». Въ гвардіи при Аннѣ къ полкамъ Преображенскому и Семеновскому прибавлены полки Измайловскій и Конный. По настоянію Миниха жалованье иностранныхъ офицеровъ сравнено съ жалованьемъ Русскихъ. Въ іюлѣ 1731 года, по предложенію того же Миниха, учрежденъ былъ въ Петербургѣ Кадетскій корпусъ, изъ 200 воспитанниковъ, но послѣ это число увеличено до 360; корпусъ этотъ не былъ чисто военно-учебнымъ заведеніемъ: воспитанники его одинаково поступали въ военную и гражданскую службу, а нѣкоторые, имѣвшіе особенную склонность къ наукамъ, могли совершенствоваться въ нихъ у профессоровъ Академіи Наукъ; военными упражненіями занимали кадетъ только одинъ день въ недѣлю «дабы въ обученіи другимъ наукамъ препятствія не было». Обучали: граматикѣ, правильному въ письмѣ складу и стилю, реторикѣ, юриспруденціи, морали, геральдикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, артиллеріи, географіи, исто-

ріи (универсальной и исторіи Нѣмецкаго государства, а не Русской).

Средства къ просвѣщенію мало по малу усиливались, но далеко не въ такой еще степени, чтобы слѣдствія его могли быть ощутительны въ обществѣ. Извнѣ много было блеска, роскоши, но подъ этимъ внѣшнимъ лоскомъ скрывалось еще много грубости нравственной. Возможность такого характера, какимъ отличался Волынскій, возможность его поступка съ Тредьяковскимъ всего лучше обрисовываетъ намъ общество. Полуобразованность всего лучше высказывалась въ этой срасти къ шутамъ, которые наполняли дворецъ и домы вельможскіе, въ страсти къ удовольствіямъ балаганнымъ, къ штукамъ, какою былъ, напримѣръ знаменитый ледяной домъ, построенный во время жестокой зимы 1740 года для празднованія свадьбы придворнаго шута; Тредьяковскій долженъ былъ участвовать въ этомъ шутовствѣ, сочинилъ для него нелѣпые, непристойные стихи. Такую роль игралъ академикъ въ Петербургѣ; а какую роль играли несчастные медики въ полкахъ, узнаемъ изъ донесенія армейскаго доктора архіатеру (главному медику) Фишеру: «Штабъ-офицеры лѣкарей хотятъ имѣть совершенно въ своей командѣ, употребляютъ ихъ вмѣсто камердинеровъ, заставляютъ парики расчесывать; а если лѣкарь предъ своимъ штабъ-офицеромъ не захочетъ показать излишней услужливости и раболѣпства; то на него нападаютъ, по произволу штрафуютъ и безчестятъ; а которые лѣкаря у штабъ-офицеровъ въ страхѣ или милости, употребляются вмѣсто камердинеровъ, такіе докторовъ не слушаются и должностію своею пренебрегаютъ, къ больнымъ не ходятъ, а живутъ больше при домахъ штабъ-офицерскихъ, другіе же, обиженные штабъ-офицерами, служить не хотятъ».

Въ Малороссіи въ началѣ царствованія Анны, Апостолъ спокойно гетманствовалъ до смерти своей, случившейся въ

1734 году; преемника ему недали, а правленіе поручено было Коллегіи изъ шести членовъ, троихъ великороссіянъ и троихъ малороссіянъ.

6. Дѣла внѣшнія. Что касается дѣлъ внѣшнихъ въ царствованіе Анны, то Россія отказалась отъ плана Петра Великаго относительно утвержденія на берегахъ Каспійскаго моря: въ началѣ 1732 года были возвращены Персіи завоеванныя у нея Петромъ провинціи, которыя, по нездоровому климату своему, были кладбищемъ для Русскаго войска. Въ слѣдующемъ 1733 году умеръ Августъ II король польскій. Россія и Австрія, дѣйствуя за одно, хотѣли видѣть преемникомъ Августа сына его, Августа III, курфирста Саксонскаго, который обѣщалъ русскому правительству дѣйствовать согласно съ нимъ относительно Курляндіи и стараться о томъ, чтобъ Польша отказалась отъ своихъ притязаній на Лифляндію. Противникомъ Августа былъ старый соперникъ отца его, Станиславъ Лещинскій, который теперь, вслѣдствіе брака своей дочери Маріи съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV, поддерживался Франціею. Лещинскій былъ провозглашенъ королемъ; но приближеніе Русскаго войска подъ начальствомъ Ласси заставило его удалиться изъ Варшавы въ Данцигъ. Пользуясь этимъ, Саксонская партія провозгласила Августа, и Ласси пошелъ осаждать Станислава въ Данцигѣ, но, имѣя очень мало войска, не могъ дѣйствовать съ успѣхомъ. Въ Россіи нашли, что дѣло идетъ очень медленно подъ Данцигомъ и на смѣну Ласси послали Миниха. И Минихъ, при тѣхъ же средствахъ, какія были у Ласси, не могъ скоро подвинуть дѣла; но когда къ нему на помощь подошло сухопутное войско и флотъ, привезшій запасы и артиллерію, то Лещинскій бѣжалъ, и Данцигъ сдался. Осада этого города, продолжавшаяся 135 дней, стоила русскимъ болѣе 8000 человѣкъ. Скоро для Миниха представилось болѣе блистательное поприще въ войнѣ съ Турціею,

начатой въ союзѣ съ Австріею, по поводу Крымскихъ набѣговъ; Ласси овладѣлъ Азовомъ; въ 1736 году Минихъ взялъ Перекопь и страшно опустошилъ всю западную часть полуострова до самаго Бахчисарая; въ 1737 году Ласси опустошилъ восточную часть Крыма, а Минихъ взялъ Очаковъ; въ 1739 Минихъ одержалъ блистательную побѣду при Ставучанахъ, взялъ Хотинъ, перешелъ Прутъ, хвалясь, что позорный Прутъ сдѣлалъ славнымъ, намѣревался уже перейдти за Дунай. Эти блистательны успѣхи стоили однако очень дорого: походы были трудные, степные, а Минихъ вовсе не отличался способностію беречь людей. Какъ трудны были эти степные походы можно видѣть изъ того, что войско должно было везти съ собою воду и дрова. Въ то время какъ Минихъ торжествовалъ надъ Турками, Австрія терпѣла постоянныя неудачи и требовала мира; но кромѣ неудачь, на склонность Австріи къ миру имѣло вліяніе еще французское золото. Неравнодушные къ нему министры Австрійскіе начали представлять императору Карлу VI-му, что русская армія, исповѣдующая греческую вѣру, гораздо опаснѣе для наслѣдственныхъ владѣній Австрійскаго дома, чѣмъ турецкая, потому что большая часть подданныхъ Австрійскихъ въ Трансиливаніи, Венгріи, Кроаціи Далмаціи, Истріи исповѣдуютъ одну вѣру съ Русскими. Наконецъ Европейскія державы безпокоились, чтобъ Русскіе не проникли до Константинополя и не захватили Левантской торговли. Австрія приняла посредничество Французскаго посланника въ Константинополѣ Вилльнёва; Биронъ, вопреки Остерману, принялъ также посредничество Вилльнёва, который хлопоталъ только о томъ, чтобъ миръ былъ какъ можно выгоднѣе для Турціи. Этотъ миръ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ, въ сентябрѣ 1739 года: Австрія сдѣлала Турціи важныя уступки, Россія ничего не пріобрѣла, кромѣ куска степи между Бугомъ и Донцомъ, да еще было постановлено, что Турки сроютъ

Азовъ до основанія. Такъ кончилась война, во время которой погибло 100,000 Русскаго войска. Но въ то время какъ Минихъ побѣждалъ Турокъ, Биронъ безъ всякихъ побѣдъ и трудовъ сдѣлался герцогомъ Курляндскимъ. Въ 1737 году умеръ послѣдній изъ Кетлеровъ, Фердинандъ. Узнавши о его смерти, Петербургскій дворъ приказалъ Русскому войску изъ Риги вступить въ Курляндію, чтобъ поддержать избраніе въ герцоги Бирона, и Биронъ былъ избранъ большинствомъ голосовъ Курляндскаго дворянства, которое прежде не соглашалось признать его дворяниномъ Курляндскимъ.

7. Биронъ правитель и кончина императрицы. Новый герцогъ не поѣхалъ въ Курляндію, остался въ Россіи, гдѣ хотѣлъ упрочить свою власть и на будущее время. Императрица Анна отказалась вступить въ бракъ, и для упроченія Русскаго престола въ потомствѣ царя Іоанна Алексѣевича, выдала племянницу свою, принцессу мекленбургскую (дочь герцога Леопольда и царевны Екатерины Ивановны) за Антона Ульриха, принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго; отъ этого брака въ Августѣ 1740 года родился сынъ Іоаннъ, который и назначался наслѣдникомъ престола. Между тѣмъ, въ императрицѣ обнаружились признаки опасной болѣзни. 6 октября съ нею случился сильный припадокъ. Биронъ послалъ за кабинетъ-министрами—княземъ Черкасскимъ, Бестужевымъ, объявилъ имъ о несчастіи, готовомъ постигнуть Россію: «наслѣдникъ престола—ребенокъ, Шведы грозятъ войною; если правительницею будетъ принцесса Анна, то она призоветъ въ Россію отца своего герцога мекленбургскаго, извѣстнаго своимъ несноснымъ нравомъ; мужу ея еще менѣе можно поручить правленіе; нуженъ правитель, который бы съ опытностію въ дѣлахъ государственныхъ соединялъ и твердость духа, необходимую для сохраненія спокойствія въ государствѣ въ такое опасное время». Черкасскій и Бестужевъ поняли, къ чему клонились эти

рѣчи, и такъ какъ при всякой перемѣнѣ они могли только потерять, а не выиграть, то рѣшились поддержать прежній порядокъ и отвѣчали Бирону, что для блага отечества считаютъ долгомъ просить Его свѣтлость заботиться по прежнему о Россіи подъ какимъ бы то титуломъ ни было; Остерманъ также охотно согласился на регенство Бирона. Къ совѣщанію, на которое, кромѣ кабинетъ-министровъ, были приглашены и другія знатныя лица, рѣшили, что нѣтъ никого способнѣе Бирона управлять государствомъ и опредѣлили просить императрицу, чтобъ она согласилась на желаніе народа, приказала герцогу Курляндскому управлять государствомъ до совершеннолѣтія Іоанна, т. е. до 17 лѣтъ; просьба была исполнена. 17 октября 1740 года императрица скончалась, 46 лѣтъ отъ роду, и всѣ спокойно присягнули императору Іоанну и регенту герцогу Курляндскому.

ГЛАВА XLIV.

Правленіе Бирона и Анны Леопольдовны.

Биронъ былъ въ восторгѣ, говорилъ прекрасныя вещи, говорилъ, что каждая минута его жизни будетъ посвящена управленію государствомъ, что двери его будутъ всегда отворены для людей благонамѣренныхъ, присутствовалъ каждый день въ кабинетѣ, сталъ часто ѣздить и въ сенатъ, народъ освобожденъ былъ отъ подушнаго оклада на четыре мѣсяца, а между тѣмъ шпіоны безпрестанно доносили ему о народномъ неудовольствіи, безпрестанно брали кого-нибудь подъ стражу, по большей части, за неосторожныя слова. Состоялся и заговоръ противъ Бирона. По совѣту графа Михайлы Гавриловича Головкина,

толпа недовольныхъ отправилась къ князю Черкасскому, съ предложенiемъ поступить точно также, какъ въ 1730 году при возстановленiи самодержавiя, именно пойдти всѣмъ къ матери императора, принцессѣ Аннѣ и просить ее принять правленiе. Черкасскiй повидимому согласился на предложенiе, назначилъ сойтись всѣмъ на другой день, но сейчасъ же поѣхалъ къ Бирону съ извѣстiемъ о заговорѣ, и всѣ являвшiеся къ Черкасскому были схвачены. Заподозрѣнъ былъ и отецъ императора, принцъ Антонъ Ульрихъ, съ которымъ у Бирона была по этому случаю неприличная сцена; у принца отняли всѣ военныя должности. Но ударъ постигъ Бирона только тогда, когда за дѣло взялся самый даровитый, энергическiй и честолюбивый изъ людей, стоявшихъ на первомъ планѣ—Минихъ. Онъ также рѣшился дѣйствовать противъ Бирона въ интересахъ принцессы Анны, чтобъ послѣ подъ ея именемъ управлять государствомъ. Минихъ надѣялся успѣха только отъ тайны и внезапности: ночью, 9 ноября съ 3 офицерами и 80 гренадерами онъ пошелъ въ Лѣтнiй дворецъ, гдѣ жилъ Биронъ, и захватилъ правителя. Передъ разсвѣтомъ народъ толпился у зимняго дворца, палили изъ пушекъ, присягали принцессѣ Аннѣ, которая приняла титулъ Великой Княгини и правительницы, а Минихъ получилъ званiе перваго министра; Бирона лишили имѣнiя, чиновъ, орденовъ и отправили въ Сибирь, въ городъ Пелымъ.

Но и Минихъ не долго пользовался своимъ торжествомъ. Правительница, боясь его честолюбiя и смѣлости, стала оказывать ему явное недовѣрiе, такъ что Минихъ долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ. Холодность возникла также между правительницею и Остерманомъ, а между тѣмъ внѣшнiя дѣла запутывались все болѣе и болѣе. Давая Россiи первенствующее положенiе на востокѣ Европы, Петръ Великiй ясно понималъ отношенiя ея къ западнымъ европейскимъ державамъ:

«онѣ имѣютъ нужду во мнѣ говорилъ онъ, а не я въ нихъ». Дѣйствительно, особное положеніе Россіи до XVIII вѣка дѣлало для нея чуждыми политическіе интересы и отношеніе западныхъ державъ, интересы и отношенія, бывщіе результатомъ ихъ предыдущей исторіи, въ которой Россія не принимала никакого участія; такъ, напримѣръ, Россіи были совершенно чужды отношенія между Габсбургскимъ и Бурбонскимъ домами; она могла быть равнодушною зрительницею ихъ борьбы. Но, какъ сказалъ Петръ Великій, для западныхъ державъ было очень важно имѣть на своей сторонѣ новую имперію, и они не щадили никакихъ средствъ для этого. Благодаря тому, что Австрія успѣла склонить на свою сторону Бирона, императрица Анна обязалась поддерживать прагматическую санкцію, т. е. завѣщаніе Императора Карла VI, по которому дочь его Марія Терезія должна была наслѣдовать всѣ владѣнія Габсбургскаго дома. Правительница Анна заключила оборонительный союзъ съ Пруссіею, который могъ быть очень полезенъ для Россіи на случай войны съ Швеціею. Но только что былъ заключенъ этотъ союзъ, какъ Фридрихъ II король Прусскій напалъ на владѣнія Маріи Терезіи и тѣмъ поставилъ Русскій дворъ въ самое затруднительное положеніе, ибо нужно было помогать одному союзнику противъ другаго. Предпочли Австрію и Остерманъ принужденъ былъ хитрить: не смотря на то, что Русскимъ войскамъ велѣно было двинуться на помощь Австріи, онъ просилъ Фридриха не безпокоиться на счетъ этого движенія, и когда Австрійскій посолъ настаивалъ на поспѣшное отправленіе войскъ, то получилъ отвѣтъ, что Россія исполнитъ всѣ свои обязательства относительно Австріи, какъ только прекратятся опасенія со стороны Швеціи. Но эти опасенія не прекратились. Уже давно Франція дѣйствовала противъ Россіи въ Стокгольмѣ, волновала шведскую молодежь, которая хотѣла непремѣн-

но отнять у Россіи завоеванія Петра Великаго и считала это дѣло легкимъ. Пропустивъ удобный случай во время турецкой войны, Швеція теперь объявила войну Россіи, выставивъ въ числѣ причинъ отстраненіе отъ престола цесаревны Елисаветы Петровны и Голштинскаго дома. Но Франція неограничилась возбужденіемъ Швеціи къ войнѣ: чтобъ измѣнить политику Россіи, порвать союзъ ея съ Австріею, французскій посланникъ въ Петербургѣ Шетарди принялъ дѣятельное участіе въ переворотѣ, который долженъ былъ низвергнуть правительницу Анну и ея сына.

Переворотъ могъ быть произведенъ только во имя одного лица, дочери Петра Великаго, Елисаветы; безпечность, совершенная неспособность къ серіознымъ занятіямъ правительницы Анны, дѣлали его возможнымъ и легкимъ, поведеніе Миниха при сверженіи Бирона служило примѣромъ. Главнымъ дѣйствователемъ былъ лѣкарь, находившійся при Елисаветѣ Петровнѣ, Лестокъ, ловкій, смѣлый, готовый на все, умѣвши вѣчными шуточками отклонять отъ себя подозрѣніе, что способенъ къ чему нибудь важному. Гвардія, привязанная къ Елисаветѣ, представляла вѣрное средство къ успѣху; въ Преображенскомъ полку больше всѣхъ хлопоталъ въ пользу цесаревны гренадеръ Грюнштейнъ. Сановные Нѣмцы узнали однако объ этихъ хлопотахъ и подняли тревогу, боясь, что со вступленіемъ на престолъ Елисаветы ихъ партія падетъ. Остерманъ доносилъ правительницѣ о враждебныхъ противъ нея движеніяхъ, о томъ же писали ей изъ-за границы, о томъ же говорилъ ей Австрійскій посланникъ и мужъ ея, принцъ Антонъ — и все по напрасну. Анна отвѣчала одно, что не опасается ничего со стороны Елисаветы. Лестоку дѣйствительно стоило большаго труда уговорить ее къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ночью на 25 ноября Елисавета пріѣхала въ Преображенскій полкъ, въ саняхъ, на запяткахъ стоялъ камеръ-юнкеръ

Воронцовъ и Лестокъ: «Вы знаете, чья я дочь?» говорила она солдатамъ — «идите за мною!» «Готовы, матушка!» отвѣчали солдаты, и пошли за нею во дворецъ. Остановившись въ дворцовой караульнѣ. Елисавета отправила 30 гренадеръ арестовать семейство правительницы, что и было исполнено. Въ ту же ночь взяты Минихъ, Остерманъ, Головкинъ. Елисавета безъ всякаго сопротивленія была провозглашена императрицею. Сперва она хотѣла бывшую правительницу Анну со всѣмъ семействомъ отпустить за границу, но потомъ перемѣнила намѣреніе: бывшій императоръ Іоаннъ заключенъ былъ въ Шлюссельбургѣ, Анна съ мужемъ и остальными дѣтьми отвезены въ Холмогоры, гдѣ Анна и умерла въ 1746 году. Наряжена была коммиссія судить Миниха, Остермана, и другихъ участниковъ въ прежнемъ правленіи, ихъ приговорили къ смертной казни, но императрица перемѣнила казнь на ссылку· Остермана сослали въ Березовъ, Миниха въ Пелымь а Бирона возвратили изъ ссылки и позволили ему жить въ Ярославлѣ; Минихъ въ Пелыми жилъ въ томъ самомъ домѣ, который, по его плану, построенъ былъ для Бирона.

ГЛАВА XLV.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

1. Лейбъ-компанія и движенія противъ иностранцевъ. Наказавъ приверженцевъ стараго правительства, главъ господствовавшей при немъ Нѣмецкой партіи, новая императрица щедро наградила людей, помогшихъ ей овладѣть престо-

ломъ. Рота Преображенскаго полка, особенно участвовавшая въ этомъ дѣлѣ, получила названіе Лейбъ-компаніи, сама императрица назначила себя ея капитаномъ, унтеръ офицеры и рядовые получили потомственное дворянство, деревни и земли. Всеобщее неудовольствіе противъ господствовавшихъ недавно иностранцевъ выразилось въ войскѣ движеніями противъ иностранныхъ офицеровъ. Въ Финляндіи, въ дѣйствующей противъ Шведовъ арміи обнаружилось волненіе, которое грозило привести къ печальнымъ послѣдствіямъ, къ истребленію иностранныхъ офицеровъ; но смѣлость и рѣшительность генерала Кента прекратили смуту: онъ бросился въ мятежную толпу, схватилъ одного изъ зачинщиковъ мятежа и послалъ за священникомъ, чтобъ приготовить его къ смерти; толпа, пораженная ужасомъ, разсѣялась и возмутители были наказаны; въ самомъ Петербургѣ было подобное же волненіе.

2. Престолонаслѣдіе и главныя дѣйствующія лица въ царствованіе Елисаветы. Объявивъ потомство царя Іоанна не имѣющимъ права на русскій престолъ, императрица поспѣшила упрочить наслѣдство за потомствомъ Петра Великаго; она вызвала четырнадцатилѣтняго племянника своего, сына Анны Петровны, герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, Карла Петра Ульриха; онъ принялъ православіе, названъ Петромъ Ѳедоровичемъ и въ ноябрѣ 1742 года объявленъ наслѣдникомъ престола, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ коронаціи Елисаветы, которая происходила въ Москвѣ 28 апрѣля. Въ 1744 году пріѣхала въ Россію невѣста наслѣдника, принцеса Софія Августа Фридерика Ангальтъ-Цербстская (родившаяся въ Штетинѣ 21 апрѣля 1729 года); ея отецъ былъ генераломъ прусской службы и коммендантомъ въ Штетинѣ, и король прусскій Фридрихъ II устроилъ этотъ бракъ; по принятіи православія Софія Августа была названа Екатериною Алексѣевною. Императрица Елисавета, добрая, набожная,

не имѣла ни охоты, ни привычки къ занятіямъ дѣлами правительственными; къ тому же образованіе получила она самое поверхностное. Самыми приближенными людьми къ императрицѣ были: графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, родомъ изъ малороссійскихъ козаковъ; благодаря милости Елисаветы, изъ придворныхъ пѣвчихъ онъ сдѣлался фельдмаршаломъ и графомъ; это былъ человѣкъ недаровитый, необразованный, но добрый, прямой, не употреблявшій во зло той силы, какую онъ имѣлъ при дворѣ, не объявлявшій притязаній на дѣятельность, къ которой онъ не чувствовалъ себя способнымъ. Больше, чѣмъ онъ значенія въ управленіи государствомъ имѣли Шуваловы: графъ Петръ Ивановичъ, человѣкъ съ большими дарованіями, но съ очень легкою нравственностію, отличавшійся большимъ искусствомъ притворяться и мѣняться по обстоятельствамъ; кромѣ того полезную дѣятельность свою онъ пятналъ корыстолюбіемъ. Родственникъ его, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ принадлежалъ къ лучшимъ людямъ эпохи, былъ представителемъ новыхъ, лучшихъ понятій и стремленій. Начиная съ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго до сихъ поръ, на науку, цивилизацію смотрѣли преимущественно со внѣшней, матеріальной точки зрѣнія, видѣли въ нихъ только средства къ увеличенію матеріальныхъ силъ государства и удобствъ житейскихъ; теперь же начали понимать необходимость внутренняго, нравственнаго преобразованія человѣка и общества, начали понимать, что истинное просвѣщеніе состоитъ въ ясномъ пониманіи обязанностей человѣка и гражданина, въ признаніи въ каждомъ человѣкѣ достоинства человѣческаго, въ обхожденіи съ людьми по людски, а не такъ какъ обходился Волынскій и подобные ему. При Петрѣ Великомъ и послѣ него требовали, чтобъ человѣкъ былъ способенъ къ службѣ, и чтобъ для этого былъ выученъ, зналъ бы грамоту, цыфирь и геометрію; но теперь начинали понимать,

что съ такою форменною выучкою общество не далеко пойдетъ, что необходимо нравственное воспитаніе, просвѣщенное приготовленіе человѣка къ жизни гражданской. Эти новыя понятія и требованія высказались преимущественно во второй половинѣ XVIII вѣка; но люди, дѣйствовавшіе во второй половинѣ вѣка, высказавшіе новыя понятія и требованія, начали приготовляться къ своей дѣятельности въ описываемую эпоху, особенно благодаря знакомству съ французскою литературою, которая пріобрѣла право литературы обще-европейской распространеніемъ гуманныхъ идей, внутренней людскости, и дѣйствительно въ царствованіе Елисаветы нельзя не замѣтить начала смягченія нравовъ, пробуждающагося сознанія человѣческаго достоинства. Представителемъ этихъ-то новыхъ понятій и требованій явился любимецъ Елисаветы, Ив. Ив. Шуваловъ, человѣкъ, отличавшійся не однимъ вельможнымъ покровительствомъ просвѣщенію, но особенно тѣмъ, что въ самомъ себѣ показалъ плоды этого просвѣщенія; Ив. Ив. Шуваловъ умѣлъ не запятнать себя ни корыстолюбіемъ ни мелкимъ честолюбіемъ, внесъ въ свои отношенія къ другимъ эту людскость или «благородное учтивство», какъ выражались современники, слѣдствіе сознанія человѣческаго достоинства въ себѣ самомъ и въ другихъ; современники говорятъ, что къ нему подходили съ какою-то радостію.

3. Дѣла внѣшнія. Внѣшними сношеніями при Елисаветѣ завѣдывалъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по дипломатической службѣ еще при Петрѣ Великомъ, и быстро поднявшійся при Аннѣ угодничествомъ Бирону; онъ палъ вмѣстѣ съ Бирономъ, но по вступленіи на престолъ Елисаветы пріятель его Лестокъ упросилъ императрицу вывести его опять на видъ и сдѣлать вице-канцлеромъ; канцлеромъ былъ старикъ князь Черкасскій, Алексѣй Михайловичъ, по смерти котораго Бестужевъ сдѣлался и канцле-

ромъ (1742 г.). Первою заботою новаго правительства была война шведская, ибо хотя Шведы объявили войну подъ тѣмъ предлогомъ, что вступаются за права Елисаветы, однако когда Елисавета дала силу своимъ правамъ, то мнимыезащитники ея войны не прекратили, а требовали той части Финляндіи, которая была завоевана у нихъ Петромъ Великимъ. Но война эта опять показала только слабость Швеціи предъ Россіею: русскіе, подъ начальствомъ Ласси, брали городъ за городомъ въ Финляндіи, и въ 1743 году заключенъ былъ миръ въ Або, по которому Россія получила провинцію Кюменегорскую, и рѣка Кюмень назначена границею между обоими государствами. Между тѣмъ у Бестужева съ Лестокомъ начались враждебныя столкновенія: Лестокъ хлопоталъ о союзѣ съ Франціею и Пруссіею противъ Австріи и Англіи, Бестужевъ былъ противъ этого союза. Шетарди въ другой пріѣхалъ разъ въ Россію, чтобъ поддержать интересы своего двора, т. е. чтобъ поддержать Лестока и низвергнуть Бестужева. Но канцлеръ узналъ объ этомъ заговорѣ противъ себя и употребилъ всѣ средства, чтобъ отклонить ударъ и погубить противниковъ: онъ захватилъ переписку Шетарди и показалъ императрицѣ: въ перепискѣ говорилось о подкупахъ, означено было, сколько Лестокъ получаетъ ежегодно денегъ отъ французскаго двора, наконецъ Шетарди въ своихъ письмахъ отзывался очень не выгодно о самой Елисаветѣ; вслѣдствіе этого Шетарди былъ высланъ за границу, а Лестокъ сосланъ сперва въ Угличъ, а потомъ въ Устюгъ. Не смотря на всѣ старанія европейскихъ дворовъ, Россія не приняла дѣятельнаго участія въ войнѣ за австрійское наслѣдство, кончившейся ахенскимъ миромъ въ 1748 году. Но для Австріи этотъ миръ былъ только перемиріемъ, ибо Марія Терезія не могла забыть потери Силезіи, захваченной у нея Фридрихомъ II-мъ по праву сильнаго. По этому вѣнскій дворъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобъ под-

готовить разрывъ Россіи съ Пруссіею, и въ концѣ 1750 года русскій посланникъ выѣхалъ изъ Берлина, и Фридрихъ долженъ былъ отозвать своего повѣреннаго въ дѣлахъ изъ Петербурга; но война еще не была объявлена. Англія вмѣстѣ съ Австріею хлопотала объ ускореніи разрыва; въ силу своихъ инструкцій, англійскій посланникъ долженъ былъ убѣждать русскихъ вельможъ, что Россія останется державою азіатскою, если не приметъ участія въ войнѣ и позволитъ прусскому королю привести въ исполненіе свои честолюбивые планы. Не смотря на всѣ эти убѣжденія императрица медлила разрывомъ съ Пруссіею, хотя питала личную непріязнь къ Фридриху II-му; а между тѣмъ отношенія западныхъ державъ другъ къ другу измѣнились: Австрія заключила союзъ съ Франціею противъ Пруссіи, которая соединилась съ Англіею. Въ октябрѣ 1756 года Фридрихъ II-й началъ семилѣтнюю войну, вторгнувшись въ Саксонію и овладѣвъ Дрезденомъ: «Я не боюсь моихъ враговъ, ни Австріи, ни Франціи, говорилъ онъ, если только Россія останется спокойною; но что я буду дѣлать, если придется воевать еще съ русскими?» Опасенія его сбылись, ибо французское вліяніе, благодаря Шуваловымъ, получило перевѣсъ въ Петербургѣ: въ 1757 году 83,000 русскаго войска подъ начальствомъ Апраксина перешло прусскую границу, Мемель сдался; 30 августа Апраксинъ разбилъ на голову прусское войско, бывшее подъ начальствомъ Левальда, но вмѣсто того, чтобъ воспользоваться побѣдою и идти дальше, русскій главнокомандующій отступилъ въ Польшу, какъ будто потерпѣлъ пораженіе. Посланники австрійскій и французскій сильно жаловались императрицѣ на этотъ поступокъ Апраксина, въ которомъ нельзя было не видать намѣренія щадить короля прусскаго. Императрица велѣла Апраксину явиться въ Петербургъ и отдать отчетъ въ своемъ поведеніи; бумаги его были схвачены, открылось,

что Апраксинъ дѣйствовалъ съ согласія своего пріятеля, канцлера Бестужева. Апраксинъ былъ отданъ подъ судъ и умеръ отъ удара послѣ первыхъ допросовъ; Бестужевъ, обвиненный «въ обширныхъ и вредныхъ замыслахъ, въ недоброхотствѣ къ государынѣ и посягательствѣ на ея безопасность», былъ сосланъ въ свою деревню, и графъ Михайла Воронцовъ назначенъ былъ на его мѣсто канцлеромъ.

Въ 1758 году русское войско подъ начальствомъ Фермора вступило во второй разъ въ Пруссію; казаки, Калмыки страшно опустошали непріятельскія владѣнія; 14 августа между Дармицелемъ и Цорндорфомъ встрѣтился Ферморъ съ самимъ Фридрихомъ II; въ этомъ убійственномъ сраженіи, возобновлявшемся два раза, Русскіе потеряли до 19,000 убитыми и 3000 плѣнными, Прусаки потеряли 11,000 человѣкъ. Въ 1759 году предпринятъ былъ третій походъ въ Пруссію подъ начальствомъ графа Салтыкова: Фридрихъ II потерпѣлъ сильное пораженіе отъ русскихъ между Франкфуртомъ на Одерѣ и Кунерсдорфомъ (1 августа), такъ что знаменитый король считалъ себя погибшимъ и началъ думать о самоубійствѣ, какъ о единственномъ средствѣ спасти свою честь. Въ походъ 1760 года русскіе, подъ начальствомъ Чернышева, заняли Берлинъ, но не надолго. Походъ 1761 года былъ совершенъ подъ начальствомъ Бутурлина; въ это время въ Помераніи, въ разныхъ сшибкахъ началъ отличаться Суворовъ; Румянцевъ взялъ Колбергъ. Средства Фридриха II были истощены, единственная союзница его, Англія, готова была его покинуть; но его спасла кончина императрицы Елисаветы, послѣдовавшая 25 декабря 1761 года, на 53 году отъ рожденія.

4. Внутреннія распоряженія. Въ декабрѣ 1741 года Елисавета объявила, что въ дѣлахъ внутреннихъ правленія государственнаго она хочетъ возстановить вовсей силѣ порядокъ, бывшій при отцѣ ея, императорѣ Петрѣ I, и нарушенный

сперва установленіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а потомъ Кабинета; съ этою цѣлію уничтоживъ послѣдній, она возвратила Сенату его прежнее значеніе. Составленіе Уложенія не подвинулось и при Елисаветѣ, хотя придуманъ былъ новый способъ для облегченія дѣла, именно составленіе отдѣльныхъ частей Уложенія было поручено избраннымъ лицамъ изъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, которыхъ эти части касались. Къ слушанію Уложенія велѣно вызвать изъ каждой провинціи выборныхъ изъ дворянства и купечества. 30 сентября 1754 года изданъ былъ указъ—остановить исполненіе смертныхъ приговоровъ, вмѣсто чего осужденныхъ бить кнутомъ и ссылать въ тяжкую работу: съ этихъ поръ смертная казнь въ Россіи, кромѣ политическихъ преступленій, вышла изъ употребленія.

При набожной императрицѣ заботились о доставленіи духовенству защиты отъ свѣтскихъ правителей, освободили домы духовенства отъ военныхъ постоевъ; заботились о чинности богослуженія, о приличномъ состояніи церквей; надъ иконописцами учреждены смотрители; запрещено продавать иконы безъ синодскаго одобренія; правительство обратило вниманіе, что въ крестьянскихъ избахъ на полкахъ св. иконы стоятъ въ нечистотѣ, отъ дыма закоптѣли, такъ что и ликовъ не видно, а многіе иностранцы по дорогамъ ѣздятъ, въ избахъ останавливаются и насмѣхаются надъ такимъ нерадѣніемъ; вслѣдствіе этого велѣно священникамъ и архіерейскимъ посланцамъ смотрѣть, чтобъ крестьяне содержали иконы въ чистотѣ; но при этомъ правительство сочло нужнымъ прибавить, чтобъ при осмотрѣ иконъ никакихъ обидъ крестьянамъ не дѣлалось и взятокъ съ нихъ не брали. Вмѣнено въ обязанность родителямъ обучать дѣтей своихъ Закону Божію и для этого разосланы катехизисы по епархіямъ. Въ 1752 году пущена въ продажу вновь напечатанная исправленная Библія. Въ 1754

году велѣно выбирать въ архіереи и архимандриты изъ Великороссіянъ: знакъ, что образованіе уже распространилось и между великороссійскимъ духовенствомъ. Расколъ не уменьшался и часты были случаи самосожженія: въ Устюжской провинціи сожгли себя 53 человѣка за разъ; въ Сибири сожгли себя 172 человѣка за разъ. Въ 1761 году изданъ былъ указъ, чтобъ духовныя лица воздерживались отъ неприличныхъ сану ихъ поступковъ при слѣдствіяхъ по дѣламъ раскола, предписывалось употреблять для обращенія мечь духовный, а не гражданскій; поводомъ къ указу послужило то, что въ одномъ домѣ сгорѣло 150 человѣкъ раскольниковъ, которые объявили, что сожигаютъ себя отъ грабительства и раззоренія присылаемыхъ противъ нихъ коммандъ.

Касательно войска при Елисаветѣ важно было придуманое Петромъ Шуваловымъ раздѣленіе Россіи на пять частей для сбора рекрутъ: установленъ былъ ежегодный наборъ со ста душъ по человѣку, но не со всего государства, а только съ пятой части, такъ что очередь поставки рекрутъ доходила до каждаго общества и селенія черезъ пять лѣтъ. Въ 1751 году позволено было православнымъ Сербамъ изъ австрійскихъ владѣній выселиться въ южную Россію; земли, данныя этимъ поселенцамъ, получили названіе Новой Сербіи; потомъ позволено было выселяться и изъ турецкихъ областей, но только людямъ православнаго исповѣданія; изъ Сербовъ учреждено было четыре полка. Вмѣсто отсылки отставныхъ офицеровъ и солдатъ въ монастыри для пропитанія, въ 1758 году велѣно учредить инвалидный домъ въ Казани по образцу парижскаго; въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской, Воронежской и Бѣлгородской велѣно построить богадѣльни для раненыхъ и увѣчныхъ солдатъ; въ концѣ царствованія начали хлопотать о пріютѣ вдовъ и дочерей — сиротъ заслуженныхъ людей, для этого назначили монатырь въ Москвѣ и послали справляться,

какъ подобныя учрежденія содержатся въ чужихъ краяхъ. Въ 1760 году для содержанія раненыхъ офицеровъ и солдатъ учреждена государственная лоттерея.

Въ 1754 году учреждены были государственные заемные банки, одинъ для дворянства, другой для купечества, для того чтобъ имѣвшіе нужду въ деньгахъ, не раззорялись, занимая у частныхъ людей за 12, 15 и 20 процентовъ «чего во всемъ свѣтѣ не водится», говоритъ указъ. Изъ банковъ каждый подъ залогъ движимаго или недвижимаго имущества могъ получать до 10,000 рублей по 6 процентовъ. Въ 1755 году изданъ былъ важный для землевладѣльцевъ указъ о генеральномъ межеваніи во всемъ государствѣ, но не приведенъ въ исполненіе. Для торговли внутренней самымъ важнымъ распоряженіемъ было уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и мелочныхъ сборовъ, число которыхъ простиралось до 17. Правительство сильно хлопотало и объ усиленіи внѣшней торговли; коммиссія о коммерціи занималась вопросами: на какомъ основаніи учредить конторы при главныхъ гаваняхъ, для каждаго товара особенную? какъ раздѣлить русскихъ купцовъ на компаніи? какъ ихъ привлечь къ оптовой торговлѣ выпискою черезъ конторы на свои имена товаровъ изъ другихъ областей? какія взять предосторожности отъ конторъ иностранныхъ и отъ ихъ коммиссіонеровъ? Какъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ купцовъ перевесть для торговли къ петербургскому порту? какъ посылать въ чужіе края изъ купеческихъ дѣтей для коммерческихъ дѣлъ и кредита? разсмотрѣть фабрики, какія нужны для государства, и какія надобно вновь завести? какъ посылать консуловъ въ иностранныя государства? какъ строить купцамъ корабли и пользоваться ими? казеннымъ товарамъ оставаться ли въ казенномъ содержаніи или въ вольной продажѣ? Возстановленый Елисаветою во всей прежней силѣ главный магистратъ объявилъ купцамъ всѣхъ городовъ, не захотятъ ли

отпустить своихъ дѣтей или прикащиковъ въ Голландію учиться коммерціи и содержанію конторъ.

Въ приведенныхъ распоряженіяхъ обнаруживалась преимущественно дѣятельность графа Петра Ивановича Шувалова; въ мѣрахъ относительно просвѣщенія обнаруживается дѣятельность Ив. Ив. Шувалова. Въ 1755 году былъ основанъ Университетъ въ Москвѣ и при немъ двѣ гимназіи, по проэкту Шувалова. Университетъ учреждается, говорилось въ проэктѣ, для дворянъ и разночинцевъ, по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ всякаго званія люди свободно наукою пользуются; одна гимназія назначалась для дворянства, другая для разночинцевъ. Учредить Университетъ именно въ Москвѣ заставили слѣдующія соображенія: большое число живущихъ въ ней дворянъ и разночинцевъ; положеніе ея въ срединѣ государства, куда каждому легче пріѣхать; дешевизна содержанія; возможность каждому почти найти въ Москвѣ родственниковъ или знакомыхъ; множество помѣщиковъ, которые живутъ въ Москвѣ, платятъ большія деньги домашнимъ учителямъ, неспособнымъ и незнающимъ, иностранцамъ, которые прежде были лакеями, парикмахерами и т. п. Московскій университетъ, говорилъ Шуваловъ, дастъ возможность замѣнить этихъ иностранцевъ русскими наставниками, дастъ возможность завести и по другимъ городамъ училища, отъ которыхъ «и въ отдаленномъ простомъ народѣ суевѣрія, расколы и тому подобныя отъ невѣжества происходящія ереси истребятся». Въ трехъ факультетахъ—юридическомъ, медицинскомъ и философскомъ новый Университетъ имѣлъ 10 профессоровъ. Домашніе учителя иностранцы должны были подвергаться экзамену. Въ 1757 году послѣдовало доношеніе московскаго университета о необходимости учредить Академію Художествъ въ Петербургѣ, въ 1758 году объ учрежденіи гимназіи въ Казани; Шуваловъ представилъ о необходимости учредить гимназіи и школы въ

губерніяхъ, и ему Сенатъ поручилъ составленіе штатовъ и плана. Въ 1761 году велѣно выдавать двойное жалованье русскимъ лѣкарямъ, желающимъ отправиться за границу для усовершенствованія себя въ медицинѣ. Въ Петербургѣ и Москвѣ учреждены школы для обученія повивальному искусству; учреждены были школы на Украинской линіи для обученія однодворческихъ и ландмилицкихъ дѣтей; въ Оренбургѣ учреждена школа для дѣтей ссыльныхъ.

Въ проэктѣ московскаго университета Шуваловъ говорилъ, что, благодаря наукѣ, внесенной Петромъ Великимъ, въ короткое время произошла перемѣна въ нравахъ и обычаяхъ. Дѣйствительно можно было замѣтить перемѣну, преимущественно внѣшнюю; большой же внутренней перемѣны къ лучшему при слабыхъ начаткахъ просвѣщенія еще не могло быть. Доказательствомъ служило это присутствіе внутреннихъ враговъ, на которыхъ такъ горько должна была жаловаться императрица Елисавета въ концѣ своего царствованія: «Законы исполненія своего не имѣютъ отъ внутреннихъ общихъ непріятелей, которые свою беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ; съ какимъ прискорбіемъ видимъ мы это и чувствуемъ, что вкореняющееся зло пресѣченія не имѣетъ. Несытая алчба корысти до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе предводительствомъ судей, потворство и упущеніе ободреніемъ беззаконникамъ». Продолжали свирѣпствовать и другаго рода внутренніе враги, разбои въ большихъ размѣрахъ не прекращались: въ низовыхъ областяхъ, по Окѣ до Казани разбойники ходили шайками по 50 человѣкъ, разбивали суда и деревни, шедшій въ Сибирь казенный китайскій караванъ едва отбился отъ нихъ пушками, а губернаторы и воеводы не обращали на это никакого вниманія; въ Москвѣ точно также какъ и въ допетровское время,

господскіе люди разбойничали днемъ и ночью. Въ 1756 году на Окѣ, выше Нижняго, появилось въ двухъ лодкахъ 80 человѣкъ разбойниковъ, отлично вооруженныхъ, съ пушками; отправленное противъ нихъ войско правительства было разбито; въ Алатырѣ разбитъ былъ магистратъ.

Что касается до Малороссіи при Елисаветѣ, то въ 1743 г., когда императрица пріѣхала въ Кіевъ на богомолье, старшины поднесли ей просьбу о позволеніи выбрать гетмана, вслѣдствіе чего Сенату было велѣно распорядиться на счетъ гетманскаго избранія. Но Сенатъ медлилъ, потому что человѣкъ, назначенный въ гетманы, еще образовывался за границею: то былъ родной братъ Алексѣя Разумовскаго, Кирилла Григорьевичъ; наконецъ въ 1750 году собрана была рада въ Глуховѣ, и двадцати двухлѣтній Разумовскій, бывшій уже президентомъ Академіи Наукъ, былъ избранъ въ гетманы.

УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Сочиненіе

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ВЫПУСКЪ V.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.

Въ Типографіи В. Грачева и К°.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Мая 14 дня, 1860 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ГЛАВА XLVI.

Царствованіе Петра III Θедоровича.

Это кратковременное царствованіе особенно замѣчательно двумя постановленіями: о правахъ дворянства и объ уничтоженіи Тайной канцеляріи. Въ февралѣ 1762 года изданъ былъ манифестъ, въ которомъ говорилось, что при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ нужно было принуждать дворянъ служить и учиться, отъ чего произошла большая польза, истреблено нераденіе къ пользѣ общей, невѣжество; знаніе и прилежаніе къ службѣ умножили искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, также людей свѣдущихъ въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ; благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ патріотовъ безпредѣльную вѣрность и любовь къ государю и великое усердіе къ службѣ: «и потому, заключаетъ императоръ, мы не находимъ той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какое до сихъ поръ потребно было». Чрезъ нѣсколько дней изданъ былъ другой манифестъ, объ уничтоженіи Тайной розыскной канцеляріи. Канцелярія эта получила начало при Петрѣ Великомъ для розысковъ о государственныхъ преступленіяхъ; но кромѣ немногихъ важныхъ дѣлъ, канцелярія обыкновенно занималась розыскомъ и опредѣленіемъ наказанія за слова; бо́льшею частію розыскамъ (пыткамъ) подвергались люди простые, солдаты, крестьяне, передавшіе какой-нибудь слухъ, въ сердцахъ не подумавшіе о комъ и о чемъ идетъ рѣчь, не привыкшіе, особенно въ пьяномъ видѣ, удерживаться отъ бранныхъ выраженій; приводились въ канцелярію и люди невинные, на которыхъ донесено было по злобѣ; клеветники подвергались такому же

наказанію, какое ожидало и обвиненныхъ, еслибы вина была доказана; но это не прекращало ложныхъ доносовъ; въ царствованіе императрицы Анны чрезъ Тайную канцелярію прошелъ цѣлый рядъ священниковъ, позабывшихъ отслужить молебны и обѣдни въ царскіе дни: всѣ они были разстрижены, биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Въ манифестѣ Петра III говорилось: «Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію Тайныхъ канцелярій побудили Петра Великаго тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени годъ отъ году меньше становилось надобностей въ такихъ канцеляріяхъ; но такъ какъ Тайная канцелярія все оставалась въ своей силѣ, то злымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя наказанія, или клеветать на своихъ начальниковъ и непріятелей. По этому Тайная канцелярія уничтожается навсегда, ненавистное выраженіе: «*слово и дѣло*» (произносимое обыкновенно доносчиками) не должно значить ничего. Доносы по первому и второму пункту представляются въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему военному командиру; доносы преступниковъ не выслушиваются; тѣхъ, на которыхъ донесено безъ свидѣтелей и письменныхъ доказательствъ, подъ караулъ не брать и подозрительными не почитать прежде надлежащаго разсмотрѣнія дѣла». Въ столицѣ вѣдѣніе дѣлъ по первымъ двумъ пунктамъ императоръ предоставилъ себѣ, чтобы показать примѣръ, «какъ должно кротостію изслѣдованія, а не кровопролитіемъ истину отдѣлять отъ клеветы и коварства».

Велѣно было также прекратить изслѣдованія о раскольникахъ-самосожигателяхъ; изданъ указъ о защитѣ раскольниковъ отъ обидъ. Раскольникамъ, бѣжавшимъ въ Польшу и другія заграничныя мѣста, позволено было возвратиться, имъ отведены были для поселенія земли въ Сибири и за-

прещено ихъ преслѣдовать, «ибо, говоритъ указъ, внутри всероссійской имперіи и иновѣрные, яко магометане и идолопоклонники состоятъ, а тѣ раскольники *христіане*, точію въ единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, побуждаемые ложными слухами, вышли изъ повиновенія помѣщикамъ; изданъ былъ манифестъ о прощеніи этихъ крестьянъ, если принесутъ раскаяніе, и о наказаніи разсѣвателей ложныхъ слуховъ. Опальные прежняго царствованія были возвращены изъ ссылки; въ большой милости при дворѣ явился знаменитый Минихъ, въ которомъ несчастіе и лѣта не ослабили энергіи и честолюбія.

Что̀ касается внѣшнихъ отношеній, то Петръ III, питая неограниченное уваженіе къ Фридриху II, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ поспѣшилъ прекратить войну съ Пруссіею, отказался отъ всѣхъ завоеваній, велѣлъ русскимъ войскамъ, стоявшимъ въ Помераніи, сдать свои магазины Прусакамъ, послалъ вспоможеніе жителямъ Пруссіи, разореннымъ русскими войсками; заключенъ былъ тѣсный союзъ между Россіею и Пруссіею. Окончивъ войну съ Фридрихомъ II, Петръ III хотѣлъ немедленно же начать войну съ Даніею вслѣдствіе давней вражды между этою державою и герцогствомъ Голштинскимъ.

Окончаніе одной войны безъ всякой пользы для Россіи, вслѣдствіе личнаго расположенія; приготовленія къ другой войнѣ, не обѣщавшей для Россіи никакихъ выгодъ, начинаемой изъ личной вражды; поклоненіе Фридриху II и всему прусскому; преимущества, оказываемыя голштинскимъ войскамъ, и вообще иностранцамъ, возбуждали неудовольствіе,

которое увеличивалось вслѣдствіе нерасположенія Петра III къ супругѣ своей, Екатеринѣ Алексѣевнѣ, умѣвшей пріобрѣсть уваженіе и любовь своими блестящими способностями, развитыми образованіемъ, и своею преданностію русскимъ интересамъ. 28 Іюня 1762 года вспыхнуло возстаніе; Екатерина была провозглашена императрицею; Петръ, послѣ неудавшейся попытки къ сопротивленію, отрекся отъ престола въ пользу супруги своей, и скоро потомъ смерть постигла его въ загородномъ дворцѣ Ропшѣ, 6 іюля, на 35 году отъ рожденія.

ГЛАВА XLVII.

Литература отъ Петра Великаго до Екатерины II.

1. Общій характеръ.—Кантемиръ. Такъ какъ эпоха преобразованія царствованіемъ Петра Великаго не кончилась, то понятно, что всѣ вопросы, поднятые вслѣдствіе новаго порядка вещей, всѣ столкновенія, имъ порожденныя, должны были имѣть силу и послѣ Петра, должны были главнымъ образомъ отражаться въ литературѣ. Общество дѣлилось на три стана: къ первому принадлежали люди, признавшіе необходимость новаго порядка, стремившіеся къ его утвержденію съ увлеченіемъ, иногда слѣпымъ, неполезнымъ, но естественнымъ, легко находившимъ оправданіе, понятнымъ по той борьбѣ, которую должны были вести эти люди съ приверженцами старины. Ко второму стану принадлежали люди, которые уже давно, при первыхъ признакахъ преобразованія, подняли вопль о его грѣховности, въ перемѣнахъ, новшествахъ, видѣли знаменіе конца міру и стремились отдалиться отъ зараженнаго

грѣховнымъ началомъ общества, чтобъ въ чистотѣ древнихъ вѣрованій и обычаевъ предстать на страшный судъ; къ этому такъ называемому раскольническому стану принадлежали преимущественно люди низшихъ слоевъ общества, какъ наиболѣе тяжелые на подъемъ, наиболѣе упорные въ привязанности своей къ старому. Къ третьему стану принадлежали люди, не раздѣлявшіе съ раскольниками религіознаго взгляда на новый порядокъ, не считавшіе его антихристовскимъ, но имѣвшіе разныя побужденія предпочитать старое новому, любившіе указывать въ новомъ вредныя стороны; въ увлеченіяхъ новымъ иногда они указывали не безъ основанія вредную сторону; но, по неумѣнію отдѣлить существенное отъ несущественнаго, высказывали обыкновенно свои мнѣнія такъ странно, такъ старообрядчески, что давали противникамъ своимъ легкую побѣду. Мнѣнія этихъ людей не высказывались самостоятельно въ литературѣ; раскольники не ограничивались однимъ устнымъ проповѣданіемъ своихъ взглядовъ и ученій: они имѣли свою тайную рукописную литературу, въ которой высказывались обличенія новому порядку прославлялись подвиги и страданія приверженцевъ старины. Явная, печатная литература исключительно принадлежала приверженцамъ новаго, которые предоставя церковнымъ писателямъ ратовать противъ раскола, съ одной стороны, прославляли новый порядокъ вещей и его виновника Петра, съ другой, вооружились противъ защитниковъ старины. Таковы сатиры Кантемира, писателя-вельможи передоваго бойца въ рядахъ поклонниковъ Петра и новаго порядка. Кантемиръ старается представить въ смѣшномъ видѣ людей, толкующихъ о вредѣ, какой происходитъ въ обществѣ отъ науки, старается показать, что одно своекорыстіе заставляетъ ихъ жалѣть о старомъ времени и порицать новое. Кантемиръ старался показать важность образованія, которое усугубляетъ природныя силы человѣка,

молодаго равняетъ съ стариками по мудрости; сатирикъ вооружается противъ тѣхъ отцовъ, которые копятъ богатство и пренебрегаютъ воспитаніемъ дѣтей и потомъ горюютъ, когда сынъ, выросши, дѣлается негоднымъ человѣкомъ. Цѣль воспитанія, цѣль всѣхъ наукъ и исскуствъ, по Кантемиру, состоитъ въ томъ, чтобъ сердце юноши утвердить въ добрыхъ нравахъ, сдѣлать его полезнымъ отечеству, между людьми любезнымъ и всегда желательнымъ. Прославляя науку, введенную Петромъ, Кантемиръ необходимо долженъ былъ прославлять самого Петра, чрезъ постановленія котораго мы стали вдругъ народомъ новымъ, по выраженію Кантемира; трудъ Петра былъ корнемъ нашей славы; благодаря этому труду, подвигамъ, странствіямъ, принесены были къ намъ изъ чужихъ краевъ приличные человѣку нравы и искусства.

2. Ломоносовъ. Вторымъ, болѣе громкимъ прославителемъ Петра и новаго порядка былъ знаменитый Ломоносовъ, поэтъ, ораторъ, ученый, авторъ грамматики, риторики, отечественной исторіи, химикъ и физикъ. Мы видѣли, что Петръ, основывая Академію, объявилъ, что при тогдашнихъ средствахъ Россіи, не можетъ быть трехъ отдѣльныхъ учрежденій — Академіи, Университета и Гимназіи, и что одно учрежденіе должно носить этотъ тройственный характеръ; дѣйствительно раздѣленія занятій, по недостатку средствъ и людей, быть еще не могло, одно учрежденіе должно было исполнять нѣсколько обязанностей, одинъ даровитый и ученый человѣкъ долженъ былъ приниматься за нѣсколько разнородныхъ занятіи, удовлетворять многимъ съ разныхъ сторонъ требованіямъ. Таковъ былъ и Ломоносовъ. Громадная дѣятельность Ломоносова, могущественное вліяніе его на школу и на все послѣдующее образованіе всего сильнѣе утвердили тотъ взглядъ, что образованные русскіе люди обязаны своимъ бытіемъ Петру; Петръ въ сочиненіяхъ Ломоносова назы-

вается богомъ Россіи, городъ, имъ основанный, священнымъ городомъ. Для русскаго человѣка, изучившаго оды и похвальныя слова Ломоносова, величественная фигура преобразователя поднялась на недосягаемую высоту и заслонила собою всю предыдущую исторію; изъ этой исторіи только одно лице Ломоносовъ сопоставляетъ съ Петромъ — Великаго Іоанна (Грознаго) котораго называетъ примѣромъ для Петра; оба героя трудятся вмѣстѣ для величія Россіи. Оды и похвальныя слова Ломоносова Елисаветѣ суть оды и похвальныя слова Петру: похвалы дочери риѳмуютъ только похваламъ отцу. Кромѣ обычнаго прославленія просвѣщенія и просвѣтителя — Петра, въ сочиненіяхъ знаменитаго писателя находимъ любопытныя мысли, или взятыя имъ изъ тогдашняго общества, или распространенныя имъ въ обществѣ. Такъ Ломоносовъ указываетъ двѣ цѣли для русскаго оружія, это завоеваніе Турціи и Китая. Особенно любопытно разсужденіе Ломоносова о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа въ письмѣ къ И. И. Шувалову, который былъ покровителемъ и другомъ знаменитаго писателя, и по его внушеніямъ хлопоталъ объ учрежденіи Московскаго университета. Въ этомъ разсужденіи Ломоносовъ указываетъ язвы тогдашняго общества и предлагаетъ средства къ ихъ исцѣленію: Ломоносовъ вооружается противъ браковъ между стариками и молодыми дѣвицами и на оборотъ, что̀ было тогда въ обычаѣ по деревнямъ; говоритъ противъ постриженія молодыхъ людей въ монахи; требуетъ учрежденія воспитательныхъ домовъ, умноженія искусныхъ повивальныхъ бабокъ, распространенія мидицинскихъ книгъ для народнаго употребленія, уничтоженія суевѣрій: вооружается противъ невоздержанія на масляницѣ и на свѣтлой недѣлѣ; жалуется на недостаточность врачебныхъ пособій въ народѣ и войскѣ; жалуется на кровавыя драки, которыя происходятъ между сосѣдями, особенно между помѣ-

щиками, и единственнымъ средствомъ прекращенія этихъ дракъ считаетъ межеваніе; говоритъ, что нѣтъ ни какой надежды уменьшить разбои, потому что въ Россіи есть глухія пространства безъ городовъ на 500 и больше верстъ — убѣжище для разбойниковъ и всякихъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей; Ломоносовъ предлагаетъ по такимъ мѣстамъ основать города. Потомъ Ломоносовъ указываетъ на уменьшеніе народонаселенія отъ побѣговъ крестьянъ за польскую границу: лучшее средство противъ этого, по мнѣнію автора, есть кроткое обращеніе съ крестьянами.

Въ одномъ письмѣ своемъ къ Шувалову Ломоносовъ говоритъ, что онъ «читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить». Русскою исторіею Ломоносовъ сталъ заниматься по предложенію Шувалова, который хотѣлъ, чтобъ онъ исключительно занялся этимъ трудомъ. Но Ломоносовъ занимался имъ не по призванію (любимыя науки его были физика и химія), и онъ думалъ, что стòитъ только употребить искусство — и Русская исторія представитъ дѣянія, подобныя дѣяніямъ героевъ греческихъ и римскихъ; смотря на исторію только какъ на украшенный витійствомъ разсказъ, имѣющій цѣлію прославленіе геройскихъ подвиговъ, Ломоносовъ очень легко обходился съ источниками; витіеватое изложеніе вышло далеко не художественно; но при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ изъ древностей видны проблески сильнаго таланта. Враждуя съ Нѣмцами, Ломоносовъ никакъ не хотѣлъ выводить Рюрика съ братьями изъ Скандинавіи, и выводилъ ихъ изъ Пруссіи, дѣлая Прусаковъ Славянами.

3. Труды по Русской исторіи. И ученые, менѣе Ломо-

носова даровитые, не могли посвящать своей дѣятельности одному какому-нибудь предмету. Такъ извѣстный уже намъ Тредьяковскій, профессоръ элоквенціи, знаменитый авторъ Телемахиды, переводчикъ Римской исторіи Ролленя, писалъ также историческое изслѣдованіе о Варяго-Руссахъ, которые являются у него жителями острова Рюгена, Славянами поморскими. Но болѣе всѣхъ въ это время для Русской исторіи потрудился В. Н. Татищевъ, на дѣятельности котораго также отразился общій характеръ эпохи, когда дѣла было гораздо больше чѣмъ рукъ, когда раздѣленіе занятій было невозможно; взявшись за одно дѣло, видѣли, что для него необходимо нѣсколько приготовительныхъ работъ, одна работа вела къ другой и одинъ дѣлатель долженъ былъ вдругъ удовлетворять многимъ потребностямъ. Управляющій горными заводами, въ послѣдствіи Астраханскій губернаторъ, Татищевъ дѣлается первымъ собирателемъ и критикомъ матеріяловъ Русской исторіи. Это случилось такимъ образомъ: служа подъ начальствомъ графа Брюса, Татищевъ помогалъ ему въ составленіи полной русской географіи а потомъ долженъ былъ взять на себя одинъ весь этотъ трудъ; но при этомъ Татищевъ замѣтилъ, что безъ полной и вѣрной исторіи нельзя составить полной и вѣрной географіи, и вотъ онъ начинаетъ заниматься русскою исторіею собираетъ лѣтописи, «дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ и польскихъ историческихъ книгъ, изъ книгъ же написанныхъ на языкахъ ему незнакомыхъ заставляетъ переводить извѣстія объ Россіи. Татищевъ не хотѣлъ писать Русской исторіи: онъ хотѣлъ собрать матеріялы и показать, какъ надобно ими пользоваться; трудъ его, извѣстный подъ именемъ исторіи Россійской, есть сводъ лѣтописей, а въ примѣчаніяхъ Татищевъ сообщаетъ свой взглядъ на событія и предлагаетъ критику лѣтописныхъ извѣстій. Важная заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ

далъ понятіе какъ приняться за дѣло, показалъ, что̀ такое Русская исторія, какія существуютъ средства для ея сочиненія. Но трудъ Татищева не былъ оцѣненъ современниками; однимъ не нравился простой лѣтописный не украшенный разсказъ, другіе вооружались противъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ сужденій автора въ примѣчаніяхъ, и книга не была напечатана при жизни Татищева. Не изданнымъ оставалось въ это время «Ядро Россійской Исторіи», сочиненное Манкіевымъ еще при Петрѣ Великомъ и долго приписываемое князю Хилкову. Исключая древнѣйшій періодъ, событія переданы въ «Ядрѣ» просто, обстоятельно, почти безошибочно.

Кромѣ означенныхъ русскихъ людей, съ пользою занимались Русскою исторіею два иностранца, Байеръ и Мюллеръ, призванные въ петербургскую Академію. Байеръ, не знавшій по-русски, могъ съ успѣхомъ заниматься только тѣми вопросами, гдѣ могъ пользоваться иностранными источниками; онъ положилъ на̀чало научному изслѣдованію о происхожденіи Варяговъ-Руси которыхъ выводилъ изъ Скандинавіи. Неутомимый Мюллеръ знаменитъ особенно какъ собиратель и издатель матеріяловъ историческихъ и географическихъ.

Но въ то время, когда явилась потребность собиранія матеріяловъ древней русской исторіи, были люди, которые, записывая событія современныя, событія своей жизни, оставили намъ любопытныя извѣстія о новой Россіи, объ этомъ обществѣ, тронутомъ преобразованіями. Изъ этихъ записокъ особенно замѣчательны записки майора Данилова, представляющія любопытную картину нравовъ и обычаевъ времени. Здѣсь мы видимъ жизнь русскихъ дворянъ второй четверти XVIII вѣка; видимъ, какъ богатые дворяне жили, окруженные своими приживальцами — бѣдными родственниками; какъ дворянскіе дѣти учились грамотѣ у дьячковъ, считавшихъ

розги единственнымъ средствомъ къ успѣху, потомъ поступали въ школы, учрежденныя правительствомъ, и какъ въ школахъ этихъ не было ни порядка, ни присмотра, преподавалъ пьяный учитель, три раза попадавшійся въ убійствѣ; видимъ, какъ служили богатые дворяне, получавшіе годовые отпуски по милости полковаго секретаря, бравшаго за это по 12 человѣкъ крестьянъ съ семействами. Видимъ, какъ разбойники разоряютъ помѣщичьи домы; какъ воеводы посылаютъ сыновей своихъ на сояткахъ славить по уѣзду съ пятью или болѣе пустыми санями, и какъ эти сани возвращаются наполненныя хлѣбомъ и курами.

Сколько важны записки Данилова относительно быта провинціяльныхъ дворянъ, столько же важны записки князя Якова Шаховскаго относительно высшихъ слоевъ тогдашняго общества. Шаховской началъ свою дѣятельность при Биронѣ, слыхалъ отъ этого временщика выраженіе: «Вы Русскіе»; сильно поднялся при правительницѣ Аннѣ, рисковалъ всего лишиться при вступленіи на престолъ Елисаветы, но удержался, хотя и не съ прежнимъ значеніемъ; замѣчательна его служба въ званіи синодскаго оберъ-прокурора отношенія его къ синодальнымъ членамъ; въ качествѣ генералъ-прокурора, Шаховской сталкивался съ могущественнымъ Петромъ Шуваловымъ, обличалъ его поступки. Вообще Шаховской представляетъ утѣшительное явленіе: это былъ гражданинъ крѣпкій вѣрою и сознаніемъ своихъ обязанностей.

Изъ записокъ иностранцевъ о русскихъ событіяхъ особенно замѣчательны записки Манштейна.

4. Сумароковъ. Въ описываемое время появились и литературные журналы. Сумароковъ, человѣкъ тщеславный, сварливый, нестерпимый, писатель недаровитый, но неутомимый и смѣлый обличитель общественныхъ недостатковъ, издавалъ журналъ «Трудолюбивая Пчела»; содержаніемъ слу-

жили оригинальныя и переводныя стихотворенія, разсужденія, напримѣръ о пользѣ миѳологіи и т. п., странныя историческія статьи, въ родѣ баснословнаго разсказа о созиданіи Москвы. Но важнѣе тѣ статьи, въ которыхъ высказывается уже недовольство крайностями господствующаго направленія: Сумароковъ нападаетъ на пестроту русскаго языка, вобравшаго въ себя множество иностранныхъ словъ, частію чрезъ заимствованіе новыхъ понятій у народовъ чуждыхъ, болѣе образованныхъ, частію по необходимости читать постоянно иностранныя книги за неимѣніемъ русскихъ, частію наконецъ изъ ребяческой хвастливости знаніемъ, которое не всѣ имѣютъ, знаніемъ, которое отличало человѣка образованнаго, принадлежавшаго къ высшему сословію, отъ человѣка изъ простонародья. Насмѣхаясь надъ пестротою языка такъ называемыхъ образованныхъ людей, Сумароковъ насмѣхался надъ ихъ поверхностнымъ образованіемъ, насмѣхался надъ этими кавалерами или петиметрами, какъ ихъ тогда называли, которые кричали обо всемъ, незная основательно ни чего, не умѣя ничего доказать. Кромѣ петиметровъ, Сумароковъ особенно вооружался въ своемъ журналѣ противъ подъячихъ-взяточниковъ.

5. Театръ. Мы видѣли, что театральныя представленія начались у насъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; но эти представленія не были публичными. При Петрѣ въ Москвѣ являются публичныя театральныя представленія, нѣмецкія и русскія; чтобъ охотнѣе ѣздили въ Комедіальную храмину, отмѣнена была проѣзжая пошлина въ ночное время въ тѣ дни, когда бывали представленія; на сценѣ прославлялось торжество Петра надъ домашними врагами; выводились на посмѣяніе люди и мнѣнія, съ которыми боролся Петръ, осмѣивался раскольникъ, вооружавшійся противъ Латинскихъ школъ, дьячокъ, откупающій дѣтей отъ школы, подъячій-взяточникъ.

Съ переселеніемъ двора въ Петербургъ московскій театръ мало-по-малу прекратился; въ Петербургѣ при Аннѣ и Елисаветѣ видимъ иностранныя труппы; русскія піесы игрались только въ кадетскомъ корпусѣ. Но при Елисаветѣ явился русскій театръ въ Ярославлѣ, заведенный купеческимъ сыномъ Волковымъ. Волковъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ въ 1756 году учрежденъ публичный россійскій театръ, а въ 1759 году Волковъ былъ отправленъ въ Москву для учрежденія и тамъ театра.

ГЛАВА XLVIII.

Царствованіе Екатерины II.

1. Внутреннее неустройство. Мировичь. Новая императрица прекратила приготовленія къ безполезной войнѣ съ Даніею и не возобновила столь же безполезной войны съ Пруссіею. Ей нужно было, какъ говорила она, по крайней мѣрѣ пять лѣтъ спокойствія, чтобъ возстановить порядокъ. Дѣйствительно отсутствіе закона о престолонаслѣдіи, перевороты, вслѣдствіе которыхъ смѣнялись государи, пріучили народъ ждать новыхъ перемѣнъ, считать ихъ легкими. Быстрое возвышеніе людей, принимавшихъ участіе въ переворотахъ, кружило головы, побуждая къ подобнымъ же предпріятіямъ. Въ 1764 году подпоручикъ Мировичь вздумалъ освободить изъ Шлюссельбургской крѣпости Іоанна Антоновича Брауншвейгскаго и провозгласить его императоромъ; но дѣло кончилось тѣмъ, что караульные офицеры, не находя другаго средства помѣшать Мировичу, убили несчастнаго Іоанна. Мировичь былъ казненъ смертію; народъ, отвыкшій отъ по-

добныхъ зрѣлищъ въ царствованіе Елисаветы, когда увидалъ голову Мировича въ рукахъ палача ахнулъ въ одинъ голосъ и такъ сильно вздрогнулъ, что мостъ, на которомъ стояла толпа, зашатался и перила обвалились.

2. Дѣла Курляндскія. Екатерина не могла пять лѣтъ спокойно заниматься внутреннимъ устройствомъ своего государства: въ сосѣднихъ странахъ происходили событія, которыя должны были обратить на себя ея вниманіе. Со временъ императрицы Анны русскія войска постоянно находились въ Курляндіи; герцогъ курляндскій Биронъ изъ правителей русской имперіи попалъ было въ Сибирь, потомъ при Елисаветѣ жилъ ссыльнымъ въ Ярославлѣ, при Петрѣ III возвратился ко двору, но императоръ не хотѣлъ возвратить ему Курляндіи, которую назначалъ одному изъ своихъ родственниковъ, принцевъ голштинскихъ, тогда какъ польскій король Августъ III хлопоталъ о томъ, чтобъ Курляндія принадлежала сыну его, принцу Карлу саксонскому. Но Екатерина, по восшествіи на престолъ, объявила Бирона единственнымъ законнымъ герцогомъ курляндскимъ; Карлъ саксонскій долженъ былъ бѣжать отъ русскихъ войскъ, и Биронъ сталъ править Курляндіею.

3. Волненія въ Польшѣ и первый раздѣлъ ея. Скоро поднялся другой вопросъ, болѣе важный. Въ концѣ 1763 года умеръ польскій король Августъ III. Какъ обыкновенно бывало въ Польшѣ, при избраніи новаго короля образовались партіи, дававшія возможность иностраннымъ державамъ мѣшаться въ дѣло. Екатерина хотѣла доставить престолъ графу Станиславу Августу Понятовскому, лично ей хорошо извѣстному: въ царствованіе Елисаветы онъ жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, принадлежа къ англійскому посольству. Понятовскій былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ людей своего времени, имѣлъ ясный смыслъ, добрыя намѣренія и — слабую

волю. Фридрихъ II прусскій согласился также поддерживать Понятовскаго за оборонительный союзъ съ Россіею; оба государства обязались не допускать въ Польшѣ никакихъ перемѣнъ въ ея государственномъ устройствѣ. Понятовскій былъ провозглашенъ королемъ подъ именемъ Августа IV Но избраніе королевское не успокоило Польши; старая рана раскрылась: диссиденты. т. е. православные и протестанты, поддерживаемые Россіею и Пруссіею, начали требовать для себя одинаковыхъ правъ съ католиками; но сеймъ 1766 года отвергъ это требованіе. Тогда (1767 г.) диссиденты, чтобъ достигнуть своей цѣли, составили союзъ (конфедерацію) противъ правительства; одна конфедерація образовалась въ Слуцкѣ подъ русскимъ, другая въ Торнѣ подъ прусскимъ покровительствомъ; къ диссидентамъ присоединились и католики, недовольные вообще сеймовыми рѣшеніями; наконецъ образовалась генеральная конфедерація въ Радомѣ подъ начальствомъ Радзивила, богатѣйшаго изъ вельможъ литовскихъ. Назначенъ былъ новый сеймъ въ Варшавѣ, гдѣ начальниками противной конфедераціи стороны были: папскій нунцій, епископы: Солтыкъ, Залускій, Красинскій; изъ свѣтскихъ братья Ржевускіе. — Уполномоченный Екатериною въ Польшѣ князь Репнинъ велѣлъ отряду русскихъ войскъ подъ начальствомъ полковника Игельстрома захватить этихъ людей и отослать въ Россію; одинъ Красинскій успѣлъ спастись бѣгствомъ. Учреждена была изъ земскихъ депутатовъ особая коммиссія для разсмотрѣнія требованій Россіи относительно диссидентовъ, и 19-го ноября 1767 года подписанъ актъ терпимости: сеймъ уступилъ диссидентамъ всѣ права, которыми пользовались католики. Въ февралѣ 1768 года заключенъ былъ между Россіею и Польшею договоръ, по которому Россія ручалась за сохраненіе существующаго порядка въ Польшѣ, слѣдовательно безъ вмѣшательства и согласія Россіи не могло произойти въ Польшѣ

никакой перемѣны. Польскіе послы явились въ Петербургъ благодарить императрицу отъ имени народа польскаго и литовскаго за покровительство.

Другія державы не хотѣли равнодушно смотрѣть на такое положеніе Россіи относительно Польши; особенно сильно дѣйствовала Франція, и ея старанія не были напрасны. Красинскій и Пулавскій составили конфедерацію въ подольскомъ городѣ Барѣ; скоро къ нимъ присоединился знаменитый богатствомъ и связями своими Потоцкій. Конфедерація выставила своею цѣлію защиту католической религіи, т. е. отнятіе правъ у диссидентовъ: ни одинъ диссидентъ не допускался въ конфедерацію; клятва, которую давали конфедераты, переносила совершенно въ средніе вѣка, во времена крестовыхъ походовъ противъ Альбигойцевъ. Такое несвоевременное направленіе не могло возбудить къ конфедератамъ сильнаго сочувствія въ тогдашней Европѣ: надъ ними смѣялись, называли фанатиками. Что же касается до политической независимости, то вліяніе одной державы смѣнялось вліяніемъ другой: Красинскій явился въ Версали и сказалъ: «Я пришелъ бросить Польшу въ объятія Франціи». Онъ обѣщалъ свергнуть Понятовскаго и принять короля отъ руки Людовика XV

Репнинъ выступилъ противъ конфедератовъ по призыву польскаго правительства. Главы конфедераціи были вытѣснены изъ Польши, гдѣ велась война мелкими и частыми стычками. Война эта длилась вслѣдствіе вмѣшательства другихъ державъ: Турція объявила войну Россіи; Франція и Саксонія давали помощь конфедератамъ. Австрія показывала къ намъ дружественное расположеніе. Главная квартира конфедераціи находилась въ Тешенѣ, а генералитетъ, въ челѣ котораго находился графъ Пацъ, имѣлъ пребываніе въ Еперіесѣ (въ Венгріи), тогда какъ Потоцкій и Красинскій находились въ Варнѣ и наблюдали за ходомъ войны между

Россіею и Турціею. Конфедерація объявила Понятовскаго лишеннымъ престола; первый министръ Людовика XV герцогъ Шуазель, призналъ конфедерацію и отправилъ къ ней на помощь знаменитаго въ послѣдствіи Дюмурье, который въ своихъ запискахъ оставилъ намъ описаніе тогдашняго состоянія дѣлъ въ Польшѣ и у конфедератовъ. По словамъ Дюмурье, Пацъ былъ человѣкъ преданный удовольствіямъ, очень любезный, но легкомысленный, болѣе смѣлый, чѣмъ храбрый и болѣе честолюбивый, чѣмъ способный. О Радзивилѣ Дюмурье отзывается очень дурно; хвалитъ генеральнаго секретаря Богуша, который управлялъ всѣмъ; Пулавскій былъ храбрый и предпріимчивый молодой человѣкъ, но непостоянный, неумѣвшій остановиться ни на одномъ планѣ, невѣжда въ военномъ искуствѣ, но считавшій себя великимъ полководцемъ вслѣдствіе преувеличенныхъ похвалъ, которыми осыпали его соотечественники. Главы конфедераціи жили съ изумительною роскошью, дѣлали безумныя издержки, проводили часть дня за длинными обѣдами, игра и танцы составляли исключительное занятіе. Они думали, что Дюмурье привезетъ имъ сокровища, и были въ отчаяніи, когда онъ объявилъ, что пріѣхалъ безъ денегъ и прибавилъ, что, судя по ихъ образу жизни, они въ нихъ не нуждаются. Онъ далъ знать Шуазелю, чтобъ тотъ пересталъ давать пенсіи подобнымъ людямъ, и герцогъ поступилъ по его совѣту. Войско конфедераціи Дюмурье нашелъ еще въ худшемъ состояніи: оно простиралось до 17,000 человѣкъ подъ начальствомъ десятка независимыхъ вождей, несогласныхъ между собою, недовѣрявшихъ другъ другу, иногда вступавшихъ въ междоусобныя битвы. Все это войско было конное; оно состояло изъ шляхтичей, которые, считая себя равными, не хотѣли ни кого слушаться— отсюда отсутствіе всякой дисциплины. Дурно вооруженные, имѣвшіе дурныхъ лошадей конфедераты не могли съ успѣхомъ

противиться линейнымъ русскимъ войскамъ, не могли равняться даже съ казаками. У конфедераціи не было ни крѣпостей, ни одного человѣка пѣхоты. Шляхтичи или товарищи не хотѣли держать карауловъ и посылали для этого крестьянъ, а сами играли и пили. Но способности и энергія, по замѣчанію Дюмурье, перешли въ Польшѣ отъ мущинъ къ женщинамъ, которыя занимались дѣлами въ то время, какъ мущины вели женоподобную жизнь. Правленіе въ Польшѣ чисто аристократическое, говоритъ Дюмурье; но у аристократіи нѣтъ народа, которымъ бы она управляла, ибо нельзя дать это имя милліонамъ рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ; Польша представляетъ тѣло съ головами и желудками, но безъ рукъ и ногъ; Польша походитъ на сахарную плантацію, и потому не можетъ сохранить независимости; завоеванныя части страны выиграли съ перемѣною властителей. Эти отзывы человѣка, который не имѣлъ никакой причины смотрѣть враждебно на Польшу, всего лучше объясняютъ намъ судьбу этой страны.

Дюмурье, потерявши надежду сдѣлать что-нибудь для конфедераціи, возвратился во Францію. Въ сентябрѣ 1771 г. литовскій гетманъ Огинскій потерпѣлъ пораженіе отъ русскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Суворова; конфедерація изнемогала; помощь французскаго двора, который, вмѣсто Дюмурье, прислалъ Вьемениля со многими отличными офицерами, не могла уже быть дѣйствительною. Въ это время нѣкоторые изъ отчаянныхъ конфедератовъ составили планъ схватить короля Станислава Августа въ самой Варшавѣ; ночью 3 ноября 1771 года заговорщики проникли въ городъ и схватили короля; но тотъ, съ помощію одного изъ нихъ, успѣлъ спастись и возвратиться въ Варшаву. Это покушеніе сильно повредило конфедераціи при дворахъ: конфедераціонный генералитетъ получилъ приказаніе оставить австрійскія владѣнія; австрійскія и прусскія войска вступили въ поль-

скія области; Пулавскій удалился въ Америку, остальные конфедераты также разсѣялись; но Польша должна была еще поплатиться за нихъ.

Подлѣ нея находилось государство молодое, только что образовавшееся, болѣе другихъ чувствовавшее потребность рости, усиливаться. То была Пруссія съ своимъ Фридрихомъ II. Фридриху удалось усилиться на счетъ Австріи; но онъ давно уже не сводилъ глазъ и съ Польши — легкой добычи. Но въ Европѣ напасть одному на слабое государство и овладѣть имъ или частію его было невозможно. Начало политическаго равновѣсія не позволяло державамъ смотрѣть равнодушно на подобныя дѣйствія. Отсюда мысль о раздѣлѣ Польши между сосѣдними государствами, мысль не новая, какъ мы видѣли, но до Фридриха не осуществившаяся. Еще въ 1733 году онъ умолялъ отца своего воспользоваться смертію Августа II и овладѣть польскою Пруссіею. Во время семилѣтней войны въ секретной перепискѣ съ наслѣдникомъ русскаго престола, Петромъ Ѳедоровичемъ, онъ постоянно толковалъ о планѣ раздѣла, и французское министерство было увѣрено, что слѣдствіемъ восшествія на престолъ Петра III будетъ раздѣленіе Польши между Россіею и Пруссіею. Фридрихъ отправилъ и къ преемницѣ Петра проэктъ о раздѣлѣ Польши; но Екатерина не обратила на него вниманія. Тогда Фридрихъ обратился къ Австріи и при личномъ свиданіи съ императоромъ Іосифомъ II предложилъ ему принудить Россію къ принятію проэкта о раздѣлѣ. Австрія не соглашалась, чтобъ Россія воспользовалась успѣхами своего оружія въ Турціи и увеличивала свои владѣнія съ этой стороны, грозила объявить войну; единственнымъ средствомъ соглашенія былъ раздѣлъ Польши, и раздѣлъ состоялся. Россія пріобрѣла Бѣлоруссію. Пруссія и Австрія, которыя не вели войны ни въ Турціи ни въ Польшѣ, даромъ получили польскія области:

Австрія — Галицію, Пруссія — Померанію и часть Великой Польши.

4. Первая турецкая война. Мы видѣли, что одновременно съ польскою войною Россія должна была вести войну съ Турціею. Герцогъ Шуазель, съ цѣлію поддержать польскихъ конфедератовъ противъ Россіи, сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ султанъ Мустафа объявилъ войну Екатеринѣ. Предлогомъ къ войнѣ послужило то, что гайдамаки сожгли пограничное татарское мѣстечко Балту. Напрасно русское правительство изъявляло готовность дать турецкому удовлетвореніе: русскій резидентъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ и крымскій ханъ получилъ приказъ вторгнуться въ русскіе предѣлы. Зимою 1768 года Татары опустошили Новую Сербію. Россія, занятая польскими дѣлами, на первыхъ порахъ должна была ограничиться преимущественно оборонительною войною; но въ первый же годъ войны (1769) князю Александру Голицыну удалось разбить великаго визиря у Хотина и овладѣть этою крѣпостію. Голицынъ былъ смѣненъ Румянцевымъ. Въ первыхъ числахъ мая 1770 года Румянцевъ двинулся изъ зимнихъ квартиръ, въ іюнѣ прогналъ Турокъ изъ лагеря ихъ при Прутѣ и шелъ впередъ, несмотря на ничтожность своего войска въ сравненіи съ войскомъ турецкимъ; когда онъ жаловался на этотъ недостатокъ войска, то Екатерина отвѣчала, что Римляне не хотѣли знать о числѣ враговъ, а только спрашивали: гдѣ они? Румянцову не оставалось ничего болѣе, какъ искать врага, не справляясь о его силахъ. Для ускоренія похода велѣно было бросить обозъ и рогатки, которыя до тѣхъ поръ считались необходимыми въ войнахъ турецкихъ: «огонь и мечъ будетъ вамъ защитою», говорилъ Румянцевъ своимъ солдатамъ. 7 іюля онъ нашелъ сто-тысячное войско крымскаго хана въ укрѣпленномъ лагерѣ на берегу рѣчки Ларги, напалъ на него, и лагерь достался рус-

скимъ. Вслѣдъ за этою побѣдою, 21 іюля одержана была другая, болѣе блестящая, надъ самимъ Визиремъ при Кагулѣ; у Румянцева было не болѣе 17,000 человѣкъ, усталыхъ, голодныхъ; у Визиря 150,000, да съ тылу Русскимъ грозили Татары въ числѣ 80,000. Побѣда эта дѣйствительно напомнила древнюю исторію, когда горсть Грековъ разбивала полчища персидскія; обстоятельства были одинакіе и тогда и теперь: шла та же борьба между Европою и Азіею, между европейскимъ качествомъ и азіятскимъ количествомъ. Занятіе нѣсколькихъ важныхъ крѣпостей было слѣдствіемъ побѣдъ Румянцова. Въ то же время русскій флотъ дѣйствовалъ въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ. Цѣлію отправленія флота было поданіе помощи греческому народонаселенію, готовому возстать противъ Турокъ. Возстаніе дѣйствительно распространилось быстро по всей Мореѣ. Главное начальство надъ русскимъ флотомъ принялъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. 24 іюня произошелъ страшный бой въ Хіоскомъ заливѣ; турецкій флотъ скрылся въ Чесменскую гавань, но русскій флотъ напалъ на него здѣсь и сжегъ; героемъ первой битвы былъ Спиридовъ, второй — Грейгъ. Хіоская и чесменская битвы могли бы имѣть важныя послѣдствія, еслибы русскій флотъ пошелъ прямо къ Дарданелламъ; но онъ занялся покореніемъ архипелажскихъ острововъ, а между тѣмъ Турки, съ помощію французскаго агента, барона Тотта, успѣли укрѣпить Дарданеллы, и когда русскій флотъ приступилъ къ нимъ, то встрѣтилъ такое сопротивленіе, что долженъ былъ отступить.

Въ 1771 году, благодаря особенно дѣйствіямъ генерала Вейсмана, оба берега Дуная, отъ Журжи до Чернаго моря, были заняты русскими войсками. Съ другой стороны князь Василій Михайловичъ Долгорукій перешелъ въ Крымъ. Разбойники, привыкшіе въ продолженіе вѣковъ къ нечаяннымъ

нападеніямъ на чужія земли, не умѣли защищать свои собственныя: въ двѣ недѣли Долгорукій занялъ весь полуостровъ. Бывало въ старину гонецъ за гонцомъ скакалъ въ Москву съ извѣстіями о приближеніи страшнаго Гирея къ Окѣ; а теперь вѣстникъ за вѣстникомъ являлся къ изумленному петербургскому двору съ донесеніями о необычайныхъ успѣхахъ Долгорукаго: на разсвѣтѣ пріѣдетъ одинъ, въ полдень другой, предъ захожденіемъ солнца третій. Въ слѣдующіе годы 72, 73 и 74 война не представляла особенно важныхъ дѣйствій; тянулись переговоры въ разныхъ мѣстахъ; наконецъ 10 іюля 1774 года подписаны были въ русскомъ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджи условія мира; султанъ Абдулъ-Гамидъ (преемникъ Мустафы) обязался: 1) признать независимость Татаръ крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ; 2) уступить Россіи Азовъ, Керчь, Еникуль и Кинбурнъ; 3) открыть русскимъ купеческимъ кораблямъ свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное; 4) предоставить русскимъ подданнымъ въ турецкихъ областяхъ всѣ права, которыми пользовались Французы и другіе наиболѣе покровительствуемые народы; 5) даровать прощеніе всѣмъ христіянскимъ подданнымъ своимъ, замѣшаннымъ въ послѣднее возстаніе; 6) допустить русскихъ резидентовъ въ Константинополѣ ходатайствовать передъ Диваномъ по дѣламъ молдавскимъ; 7) уплатить 4,500,000 рублей за военныя издержки; 8) признать императорскій титулъ русской государыни. — Румянцевъ вынесъ изъ этой войны прозваніе Задунайскаго, Долгорукій—Крымскаго, Орловъ — Чесменскаго.

5. Чума и бунтъ московскій. Миръ былъ очень выгоденъ для Россіи, особенно условіемъ о Крымѣ; мнимая самостоятельность этого хищническаго гнѣзда передавала его въ руки сильнѣйшаго сосѣда, т. е. Россіи, которая могла теперь свободно утвердиться на берегахъ Чернаго моря. Окончаніе

войны было еще выгодно и потому, что правительство было сильно озабочено внутренними волненіями. Въ 1770 году, въ южныхъ предѣлахъ Россіи появилась чума; карантинныя предосторожности плохо соблюдались; оцѣпленіе зараженныхъ мѣстностей было невозможно по недостатку войскъ. Весною 1771 года зараза показалась въ Москвѣ и быстро распространилась, потому что жители не хотѣли исполнять необходимыхъ предписаній, считая ихъ напрасными притѣсненіями. Начали кричать, что лѣкаря морятъ больныхъ въ карантинахъ и потому таили зараженныхъ въ домахъ; боясь полиціи, сожигавшей вещи послѣ умершихъ, скрывали трупы въ погребахъ, колодцахъ, зарывали въ садахъ. Въ іюлѣ и августѣ умирало до 1000 человѣкъ ежедневно. Главнокомандующій графъ Салтыковъ покинулъ Москву и уѣхалъ въ деревню; остался присланный къ нему на помощь генералъ Еропкинъ съ ничтожными средствами: у него было только 436 человѣкъ команды, а между тѣмъ праздный народъ начиналъ волноваться; присутственныя мѣста были закрыты, лавки заперты, всѣ работы прекратились. Разнесся слухъ, что бываютъ чудесныя исцѣленія отъ образа Боголюбскія Богородицы у Варварскихъ воротъ, и вотъ множество народа, больные и здоровые стали толпиться у образа. Архіепископомъ въ Москвѣ былъ въ то время Амвросій Зертисъ-Каменскій, человѣкъ образованный, успѣвшій заслужить почетную ненависть невѣждъ искорененіемъ разныхъ злоупотребленій, особенно уничтоженіемъ соблазнительнаго сборища безмѣстныхъ священниковъ, нанимавшихся для совершенія службы въ домовыхъ церквахъ. Узнавъ о сходбищахъ у Боголюбской, Амвросій принялъ мѣры для ихъ прекращенія: велѣлъ запечатать кружки съ деньгами, палатку, гдѣ складывались приношенія и продавались, хотѣлъ снять и самую икону. 15 сентября, когда увидали эти распоряженія, въ толпѣ послышались голоса: «Архіерей безбожникъ,

отнимаетъ казну у Божіей матери, хочетъ отнять у народа и самую заступницу; вѣрно сговорился съ докторами морить народъ; вольно православнымъ терпѣть неправду отъ начальства; когда бъ не было курева по улицамъ да больницъ, такъ давно бы и моръ пересталъ». Въ это время раздался набатъ, чернь начала сбѣгаться, сама не зная за чѣмъ; но скоро нашлась цѣль. Раздались крики: «въ Кремль! въ Кремль! спросимъ Амвросія, за чѣмъ не велитъ молиться Божіей матери? лѣкаря кидаютъ отраву въ колодцы!» Чернь бросилась въ Кремль, въ архіерейскій домъ; не найдя Амвросія, начала все истреблять въ его покояхъ; Еропкину съ своей командой удалось очистить Кремль отъ мятежниковъ; но на другой день они схватили Амвросія въ Донскомъ монастырѣ и убили. Бунтовщики хотѣли было зажечь Москву, перебить лѣкарей, дворянъ, Еропкина, уничтожить все, что̀ было устроено для прекращенія чумы; но Еропкинъ предупредилъ ихъ замыслы. Для окончательнаго утишенія Москвы пріѣхалъ князь Григорій Григорьевичъ Орловъ. Въ октябрѣ смертность уменьшилась; въ январѣ 1772 правительство объявило о прекращеніи въ Москвѣ заразы. Успокоилась Москва; но въ степяхъ волновалось казачество.

6. Пугачевъ. Мы видѣли, что послѣ смутнаго времени казаки два раза поднимали мятежъ противъ государства: въ царствованіе Алексѣя Михайловича подъ предводительствомъ Разина и при Петрѣ Великомъ подъ предводительствомъ Булавина. Послѣ Петра въ первой половинѣ XVIII вѣка въ разныхъ углахъ казацкихъ являлись самозванцы, но мятежъ не разгорался. Наконецъ въ царствованіе Екатерины II, когда государство внутри и внѣ выказывалось такою блестящею стороною, казачество собрало послѣднія силы, и запылалъ страшный мятежъ, совершенно сходный съ Разинскимъ, ибо дѣйствователи, пріемы ихъ и цѣли были одинакіе. Въ царст-

ванiе Екатерины яицкiе казаки нѣсколько разъ волновались, къ чему также подавали поводъ несправедливые съ ними поступки чиновниковъ. Казаки отказались идти въ погоню за Калмыками, покинувшими русскiя владѣнiя вслѣдствiе чиновническихъ же притѣсненiй. Строгiя наказанiя за это ослушанiе еще болѣе ожесточили казаковъ: въ январѣ 1771 года они взбунтовались, разбили и убили генерала Траубенберга, учредили у себя новое, свое правительство. Генералъ Фрейманъ, посланный изъ Москвы противъ казаковъ, разбилъ ихъ, вслѣдствiе чего прежнее казацкое правленiе было уничтожено, начальство поручено яицкому коменданту, зачинщики бунта биты кнутомъ, 140 человѣкъ сослано въ Сибирь, другiе отданы въ солдаты, — и всѣ бѣжали. Порядокъ былъ по-видимому возстановленъ; но казаки замышляли что-то не доброе, намекали на какое-то важное предпрiятiе противъ государства, которое по прежнему слыло у нихъ подъ именемъ Москвы: «То ли еще будетъ, говорили они: такъ ли еще мы тряхнемъ Москвою!» Тайныя совѣщанiя происходили по степнымъ уметамъ (постоялымъ дворамъ) и отдаленнымъ хуторамъ; кого-то поджидали, а между тѣмъ въ Россiи и за границею шла молва, что бывшiй императоръ Петръ III живъ. И вотъ на Яикѣ явился человѣкъ лѣтъ тридцати, средняго роста, крѣпкаго сложенiя, съ огненными и проницательными глазами: то былъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, два раза бѣглецъ, побывавшiй и на Веткѣ, въ знаменитомъ раскольничьемъ притонѣ; свѣдавъ о казацкихъ волненiяхъ на Яикѣ, онъ явился туда и сталъ подговаривать недовольныхъ идти за Кубань и отдаться подъ покровительство султана; въ тоже время, по совѣту двоихъ купцовъ-раскольниковъ, онъ объявилъ себя императоромъ Петромъ III. Но объ этомъ было донесено, Пугачевъ схваченъ, закованъ въ кандалы и отправленъ въ Казань, куда привезенъ въ январѣ 1773 года. Здѣсь

были у него друзья, ходатаи, тоже раскольники; съ нимъ обошлись легко, скрыли дѣло о самозванствѣ, позволили ходить къ знакомымъ въ сопровожденіи караульнаго: онъ подговорилъ этого караульнаго и бѣжалъ въ маѣ мѣсяцѣ. Все лѣто укрывался онъ по отдаленнымъ хуторамъ, въ сентябрѣ опять объявилъ себя Петромъ III; около него собралась шайка изъ 300 человѣкъ, съ которыми онъ пришелъ подъ Яицкій городокъ. Стала повторяться Разинская исторія; казацкій отрядъ, высланный противъ самозванца, перешелъ на его сторону; казаки, хотѣвшіе остаться вѣрными правительству, были перевѣшаны. Не рѣшившись вступить въ борьбу съ яицкимъ гарнизономъ, Пугачевъ пошелъ къ Илецкому городку, обѣщая пожаловать тамошнихъ казаковъ крестомъ и бородою, потому что они были раскольники, рѣками и лугами, деньгами и запасами, свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностію. Казаки вышли къ Пугачеву съ хлѣбомъ-солью. Гарнизоны другихъ крѣпостей послѣдовали ихъ примѣру; Киргизцы обрадовались смутѣ, и приготовлялись безнаказанно грабить; начальникамъ крѣпостей и офицерамъ оставалось погибать мученическою смертію за свою вѣрность правительству. Средства самозванца быстро увеличивались: въ началѣ октября съ 3,000 войска, съ пушками Пугачевъ тронулся къ Оренбургу. Башкирцы, Калмыки, Мордва, Чуваши, Черемиса, какъ въ Смутное и Разинское время, перестали повиноваться русскому начальству; господскіе крестьяне явно показывали свою приверженность къ самозванцу, и все Поволжье колебалось. А между тѣмъ государство находилось въ затруднительномъ положеніи: войска были заняты въ Турціи и Польшѣ, мѣры противъ чумы и рекрутскіе наборы волновали чернь. 5 октября Пугачевъ осадилъ Оренбургъ, желая выморить его голодомъ; скоро онъ уже считалъ у себя 25,000 войска: ядромъ этого войска были яицкіе казаки и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; около

нихъ толпились Татары, Башкирцы, Калмыки, бѣглые крестьяне, каторжники и всякій сбродъ, какъ во времена Болотникова и Разина. Пугачевъ почти ежедневно училъ свое войско, ежедневно происходили казни, ежедневно отправлялась церковная служба въ станѣ, но самозванецъ никогда не ходилъ въ церковь. Шайки разбойниковъ его ходили во всѣ стороны пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и дворянское добро. Пугачевъ не былъ самовластенъ среди казаковъ: при другихъ они оказывали ему наружное уваженіе, безъ постороннихъ обходились какъ съ товарищемъ: «Улица моя тѣсна», говорилъ Пугачевъ; тѣ, къ кому привязывался онъ, были немедленно умерщвляемы.

Правительство выслало противъ мятежниковъ войско подъ начальствомъ генерала Кара; но, приблизясь къ войскамъ Пугачева, Каръ струсилъ, началъ отступать, самовольно покинулъ войско и, подъ предлогомъ болѣзни, ускакалъ въ Москву. Императрица писала: «Богъ вѣсть, чѣмъ это все кончится. Я зачинаю походить приключеніями моего вѣка на Петра Великаго; но что Богъ ни дастъ, а по примѣру дѣдушки, унывать не стану». Для поправленія дѣла, испорченнаго Каромъ, государыня назначила Александра Ильича Бибикова. Пріѣхавши въ Москву, Бибиковъ нашелъ дѣла въ дурномъ положеніи: жители были въ страхѣ; множество дворянъ съѣхалось въ Москву изъ губерній уже разоряемыхъ Пугачевымъ, или угрожаемыхъ возмущеніемъ; холопи, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности, объ истребленіи господъ. Чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ждала Пугачева, какъ во времена Шуйскаго ждала Тушинскаго вора. 25 декабря пріѣхалъ Бибиковъ въ Казань; онъ не нашелъ здѣсь ни губернатора, ни главныхъ чиновниковъ; большая часть дворянъ и купцовъ также бѣжали въ безопасныя губерніи. Пріѣздъ Бибикова оживилъ городъ; выѣхавшіе жители стали воз-

вращаться. Бибиковъ собралъ дворянство, представилъ ему какъ выгоды сословія требуютъ мѣръ рѣшительныхъ, пожертвованій. Дворянство положило вооружить на свой счетъ войско. Бибиковъ, для ободренія другихъ казался веселымъ, довольнымъ, а между тѣмъ писалъ къ женѣ: «Зло велико, преужасно! Ухъ дурно!»

Въ самомъ дѣлѣ было очень дурно: общее возстаніе Башкирцевъ, Калмыковъ и другихъ подобныхъ народовъ пресѣкало повсюду сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно; начальники покидали свои мѣста и бѣжали, завидя Башкирца или заводскаго мужика съ дубиной. Зима умножила затрудненія; селенія были пусты, города въ осадѣ, другіе заняты Пугачевскими войсками, заводы выжжены, чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска правительства двигались медленно, и тѣмъ быстрѣе распространялся бунтъ, обхватившій Казанскую, Астраханскую, Нижегородскую губерніи, проникнувшій въ Пермскую. Съ февраля 1774 года дѣла стали принимать благопріятный оборотъ: войска правительства взяли Самару, двигались къ Оренбургу на выручку, Пугачевъ готовился уже къ побѣгу, а казаки думали предать его въ руки правительства и тѣмъ заслужить прощеніе. Бибиковъ писалъ: «Пугачевъ не иное что какъ чучело, которымъ играютъ воры казаки: не Пугачевъ важенъ, важно общее негодованіе». Князь Голицынъ нанесъ сильное пораженіе Пугачеву, который сталъ уже выбираться изъ-подъ Оренбурга. Пораженный въ другой разъ Голицынымъ, потерявши всѣ пушки и множество народу, Пугачевъ только съ четырьмя заводскими мужиками успѣлъ убѣжать въ Уральскіе заводы. Михельсонъ взялъ Уфу и возстановилъ спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень; приближеніе Мансурова спасло Илецкій городокъ, геройски выдержавшій страшную осаду: 14 дней осажденные питались одною глиною.

Но когда дѣло казалось уже оконченнымъ, Бибиковъ умеръ отъ страшнаго напряженія силъ. Пугачевъ опять появился на сцену, окруженный яицкими казаками; Башкирцы опять взбунтовались. Преслѣдовать самозванца стало нельзя вслѣдствіе распутицы. Пугачевъ успѣлъ перейдти Уральскія горы, взялъ нѣсколько крѣпостей. Четыре раза пораженный Михельсономъ, онъ переправился черезъ Каму и пошелъ прямо на Казань, передъ которою явился 11 іюля; 12-го городъ былъ взятъ и сожженъ, но крѣпость была спасена прибытіемъ Михельсона, который поразилъ самозванца въ семи верстахъ отъ Казани. Пугачевъ отступилъ; но 18 іюля вдругъ переправился за Волгу съ 500 человѣкъ войска: вся западная сторона Волги возмутилась и передалась самозванцу, воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и приводила къ Пугачеву, который взялъ Цивильскъ и пресѣкъ сообщеніе между Нижнимъ и Казанью. Императрица назначила главнокомандующимъ графа Петра Ивановича Панина; она думала, что самозванецъ прямо пойдетъ къ Москвѣ. 27 іюля онъ вошелъ въ Саранскъ, повѣсилъ здѣсь 300 человѣкъ дворянъ; потомъ занялъ Пензу, посадилъ здѣсь воеводою господскаго мужика и пошелъ къ Саратову; взялъ измѣною и этотъ городъ и пустился внизъ по Волгѣ. 21 августа онъ подступилъ къ Царицыну, но былъ два раза отбитъ и, слыша о приближеніи войскъ правительства, спѣшилъ далѣе внизъ; но 25 числа, въ 150 верстахъ отъ Царицына, онъ былъ настигнутъ Михельсономъ и потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Между тѣмъ въ Царицынъ пріѣхалъ Суворовъ, принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ и пустился въ степь, гдѣ скитался Пугачевъ. Самозванецъ былъ отвсюду окруженъ войсками правительства; сообщники рѣшились выдать его, связали и привезли въ Яицкій городокъ, откуда отправили его въ Москву, гдѣ и казнили.

7. Люди приближенные къ Екатеринѣ. Тяжелая пора прошла; наступила самая блестящая эпоха Екатерининскаго царствованія, эпоха широкихъ замысловъ. Въ описанное время самыми приближенными къ императрицѣ людьми были князь Григорій Григорьевичъ Орловъ и братъ его графъ Алексѣй Григорьевичъ, люди, знаменитые своею рѣшительностію, смѣлостію, много помогшіе Екатеринѣ при вступленіи ея на престолъ. Внѣшними сношеніями завѣдывалъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, по способностямъ своимъ и нравственному характеру самый замѣчательный государственный человѣкъ Екатерининскаго времени; кромѣ внѣшнихъ сношеній ни одинъ изъ важныхъ внутреннихъ вопросовъ не рѣшался безъ Панина; онъ же былъ воспитателемъ наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. Не задолго до окончанія турецкой войны началъ возвышаться знаменитый Потемкинъ. Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, Григорій Александровичъ Потемкинъ отлично кончилъ курсъ въ новооткрытой московской гимназіи, но не окончилъ курса въ университетѣ. При блестящихъ способностяхъ онъ быстро все схватывалъ, былъ мастеръ въ составленіи блестящихъ, широкихъ плановъ; но постоянно сосредоточенная, правильная дѣятельность была совершенно не по его природѣ; да и не могъ онъ привыкнуть къ такой дѣятельности при быстротѣ своего возвышенія, при отсутствіи служебной школы. Снѣдаемый желаніемъ выйдти скорѣе на верхъ, Потемкинъ сначала хотѣлъ идти въ монахи, чтобъ быть архіереемъ; но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и вступилъ въ гвардію.

8. Вооруженный нейтралитетъ. Первымъ замѣчательнымъ событіемъ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира былъ вооруженный нейтралитетъ. Испанцы, находившіеся въ войнѣ съ Англіею, объявили Гибралтарскую гавань въ блокадномъ состояніи, прежде еще чѣмъ дѣйствительно начали осаду, и захватили два русскихъ корабля съ хлѣбомъ, хотѣвшихъ войти

въ гавань. Императрица сильно разсердилась за это на испанское правительство, и англійскій министръ въ Петербургѣ Гаррисъ поддерживалъ ея неудовольствіе, не говоря однако, что такое поведеніе у другихъ державъ было исключеніемъ, у Англіи же было постоянною системою. Императрица, къ большому удовольствію Гарриса, приказала вооружить 15 военныхъ кораблей для защиты русскаго флага; тогда Панинъ убѣдилъ ее явиться покровительницею всѣхъ мелкихъ морскихъ державъ и получилъ порученіе составить планъ для опредѣленія правъ нейтральныхъ государствъ. 28 февраля 1780 года явился знаменитый актъ, противопоставленный праву сильнаго, которымъ до сихъ поръ преимущественно пользовались Англичане. Планъ Панина состоялъ въ томъ, чтобъ нейтральныя державы вступили въ союзъ съ Россіею для защиты оружіемъ морскаго права, существенныя статьи котораго были слѣдующія пять: 1) нейтральные корабли могутъ производить торговлю въ гаваняхъ воюющихъ державъ; 2) нейтральный корабль сообщаетъ нейтральность и товарамъ, которыми нагруженъ, кромѣ того случая, когда эти товары суть собственно контрабанда; 3) контрабандою въ тѣсномъ смыслѣ считается только оружіе и военные снаряды; 4) гавань тогда только считается въ блокадѣ, когда она такъ заперта, что безъ опасности нельзя кораблю пройти въ нее; 5) никакой приговоръ призоваго суда не признается дѣйствительнымъ, при которомъ на означенныя положенія не было обращено вниманія. — Объявленіемъ этого акта и требованіемъ русскаго правительства признать высказанныя въ немъ начала, Гаррисъ приведенъ былъ въ очень затруднительное положеніе: англійскому министерству предстояло на выборъ или отказаться торжественно отъ своего прежняго образа дѣйствій, или вступить въ борьбу съ нейтральными державами, ибо Испанія и Франція признали обнародованныя Россіею положенія и опредѣлили приводить ихъ въ испол-

неніе. Англія начала уклоняться, выжидать время; впрочемъ слѣдствіемъ вооруженнаго нейтралитета была война ея съ Голландіею; съ Россіею не было явнаго разрыва, но Англія не упускала случая идти на перекоръ планамъ императрицы, возбуждать непріязнь къ Россіи въ сосѣднихъ державахъ.

9. Греческій проэктъ и присоединеніе Крыма. Въ то время, когда Панинъ хлопоталъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, старались приводить въ исполненіе другое предпріятіе, болѣе широкое и блестящее — такъ называемый греческій проэктъ. Слабость, обнаруженная Турціею во время первой войны съ нею, должна была внушить при русскомъ дворѣ мысль, что Турція сама по себѣ не будетъ служить препятствіемъ при исполненіи какого-нибудь плана, гдѣ будетъ идти дѣло о ея существованіи, что нужны только благопріятныя обстоятельства и согласіе другихъ державъ; шаткій составъ турецкой имперіи съ большинствомъ христіянскаго народонаселенія въ европейской ея половинѣ необходимо велъ къ мысли о возможности и легкости возстановленія греческой имперіи на развалинахъ турецкой. Эта блистательная мысль поддерживалась преимущественно Потемкинымъ; первымъ шагомъ къ ея осуществленію было присоединеніе Крыма. Жители этого полуострова, народъ слабый и грубый, не могли пользоваться своею независимостію, съ благоразумною твердостію поддерживать свой нейтралитетъ. Вслѣдствіе двухъ противоположныхъ вліяній, русскаго и турецкаго, Крымцы разрознились на партіи, начали волноваться, свергать хановъ. Вооруженное вмѣшательство обѣихъ сосѣднихъ державъ стало необходимо. Русскія и турецкія войска заботливо сторожили движенія другъ друга у Перекопи; во время мира между ними было даже нѣсколько схватокъ. По турецкимъ проискамъ былъ сверженъ ханъ Сагибъ-Гирей, преданный Россіи и европейскимъ обычаямъ, и на его мѣсто возведенъ Девлетъ-

Гирей, врагъ Россіи. Легко было предвидѣть слѣдствія. Сагибъ просилъ помощи у Екатерины; Суворовъ выгналъ Девлетъ-Гирея, но и Сагибъ не получилъ прежняго достоинства; ханомъ провозглашенъ былъ Шагинъ-Гирей, еще болѣе преданный Россіи, чѣмъ Сагибъ. Турція, разумѣется, не могла равнодушно смотрѣть на эту перемѣну, выставляла Шагину соперниковъ, и рѣзня не прекращалась на полуостровѣ. Изгнаніе Шагина, который удалился въ русскія владѣнія, и появленіе турецкаго отряда въ Тамани дали русскому правительству поводъ порѣшить съ Крымомъ. Шагинъ былъ возстановленъ съ помощію русскаго оружія; но потомъ отрекся отъ ханства, и мурзы крымскіе и ногайскіе присягнули Россіи. Вслѣдъ за присоединеніемъ Крыма грузинскій царь Ираклій II призналъ верховную власть Россіи. Въ Турціи народъ волновался, визирь требовалъ войны; но послѣ разныхъ толковъ рѣшили, что необходимость требуетъ уступить Крымъ Россіи. Конвенціею 28 декабря 1783 года статья кайнарджійскаго договора, гдѣ говорилось о независимости Крыма, была уничтожена, и Кубань назначена границею между обѣими имперіями.

Не нужно много распространяться о всемірно-историческомъ значеніи, какое имѣетъ закрѣпленіе сѣверныхъ береговъ Чернаго моря за Россіею, т. е. за Европою. Степи, которыя такъ долго служили привольемъ для кочевыхъ ордъ, чрезъ которыя проходили почти всѣ народы, опустошавшіе европейско-христіанскій міръ, всѣ эти бичи Божіи, степи эти вошли теперь въ границы европейско-христіанскаго государства, подчинились цивилизаціи, стали житницею Европы, убѣжищемъ для ея колонистовъ. Управленіе новопріобрѣтеннымъ краемъ было поручено Потемкину, получившему прозваніе Таврическаго. Потемкинъ уговорилъ императрицу осмотрѣть лично Новую Россію. Путешествіе Екатерины, предпринятое въ 1787 году, было блестящимъ символомъ торжества Европы

надъ Азіею, принятія Европою во владѣніе отъ Азіи этихъ, такъ долго спорныхъ земель. Тутъ, во время этого путешествія, было много театральнаго; но многое, что̀ было сдѣлано для Новой Россіи при Екатеринѣ, не было однѣми декораціями: степи получили земледѣльческое народонаселеніе, основаны города (Екатеринославль, Херсонь), заведенъ черноморскій флотъ.

10. Перемѣна прусскаго союза на австрійскій и вторая турецкая война. Во время путешествія своего Екатерина имѣла свиданіе съ двумя государями: близь Кайдака встрѣтилъ ее нѣмецкій императоръ Іосифъ II; въ Каневѣ видѣлся съ императрицею король польскій Станиславъ Августъ. Это уже не въ первый разъ Іосифъ II пріѣзжалъ въ Россію. Мы видѣли, что въ первые годы царствованія Екатерины Россія находилась въ союзѣ съ Пруссіею и въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Австріи, которая поддерживала польскихъ конфедератовъ. Въ 1777 году пресѣклась царствовавшая въ Баваріи династія; Іосифъ II объявилъ намѣреніе присоединить Баварію къ Австріи, но Фририхъ II, опасаясь такого усиленія Австріи, вооружился, и Россія объявила, что будетъ помогать прусскому королю. Вслѣдствіе этой угрозы Іосифъ II долженъ былъ отказаться отъ Баваріи, но не спускалъ съ нея глазъ. Чтобъ достигнуть своей цѣли, онъ постарался сблизиться съ Россіею и посѣтилъ Екатерину въ 1780 году, а потомъ, какъ мы видѣли, вторично пріѣзжалъ въ 1787 году. Онъ успѣлъ привлечь императрицу на свою сторону обѣщаніемъ союза противъ Турціи, и такимъ образомъ союзъ прусскій замѣненъ былъ союзомъ австрійскимъ. Тогда Англія, мстившая Россіи за вооруженный нейтралитетъ, и Пруссія за союзъ австрійскій, начали поднимать Турцію противъ Россіи, обѣщая помогать въ случаѣ войны, и грозя гибелью, если султанъ не предупредитъ замысловъ Россіи и Австріи, согла-

сившихся подѣлить между собою Турцію. Султанъ объявилъ войну, потребовавши отъ Россіи неисполнимыхъ вещей, какъ напримѣръ невмѣшательства въ дѣла Грузіи, уступки соляныхъ озеръ въ Кинбурнскомъ уѣздѣ, права осматривать русскіе корабли на Черномъ морѣ и т. п. Главное начальство надъ русскимъ войскомъ принялъ на себя Потемкинъ, хотя повидимому армія была подѣлена между нимъ и Румянцовымъ-Задунайскимъ. Въ 1787 году Суворовъ отбилъ покушеніе Турокъ на Крымъ. Потемкинъ хотѣлъ во что бы то ни стало взять Очаковъ, чтобъ отнять у Турокъ послѣднее мѣсто, изъ котораго они могли имѣть вліяніе на Тавриду; только 6 декабря 1788 года Очаковъ былъ взятъ приступомъ съ страшною рѣзнею, потому что городъ былъ отданъ разъяреннымъ солдатамъ на три дня. Въ 1789 году Суворовъ разбилъ Турокъ при Фокшанахъ; съ ничтожнымъ отрядомъ одержалъ блистательную побѣду надъ стотысячнымъ войскомъ визиря при Рымникѣ, за что̀ и получилъ прозваніе Рымникскаго. Въ 1790 году онъ взялъ Измаилъ.

11. Война шведская. Но и вторая турецкая война не могла окончиться такъ, какъ бы желалось въ Петербургѣ; союзники Австрійцы дѣйствовали очень не удачно, а между тѣмъ Англія и Пруссія успѣли возбудить противъ Россіи опаснаго по сосѣдству врага, короля шведскаго, Густава III. Въ 1788 году онъ объявилъ войну Россіи. Первое морское сраженіе произошло не далеко отъ острова Хохланда: русскій адмиралъ Грейгъ одержалъ верхъ надъ шведскимъ, герцогомъ Зюдерманландскимъ. Въ 1790 году герцогъ Зюдерманландскій направился къ Ревелю; императрица, посылая начальствовать надъ русскимъ флотомъ адмирала Чичагова, объявила ему, что Шведы втрое сильнѣе Русскихъ; «Богъ милостивъ, не проглотятъ», отвѣчалъ Чичаговъ, и отразилъ непріятеля. При островѣ Сескарѣ герцогъ напалъ на эскарду адмирала Круза: цѣлый день

продолжался бой и пушечные выстрѣлы были слышны въ Петербургѣ; Крузъ успѣлъ защитить Кронштадтъ. Послѣ сескарскаго сраженія адмиралъ Чичаговъ заперъ герцога Зюдерманландскаго и самого короля въ Выборгскомъ заливѣ; цѣлый мѣсяцъ Шведы находились въ отчаянномъ положеніи; Густавъ пробился наконецъ сквозь русскіе корабли, но съ большою потерею. При Роченсальмѣ счастіе перешло на сторону Шведовъ и русскій флотъ потерпѣлъ пораженіе. Несмотря на то, Густавъ III видѣлъ, что Петровыхъ завоеваній нельзя отнять у Россіи и при самыхъ затруднительныхъ для нея обстоятельствахъ, когда она была занята войною турецкою и дѣлами польскими; но эти обстоятельства, разумѣется, заставляли и Россію желать какъ можно скорѣе окончить шведскую войну. Миръ былъ заключенъ въ Верельской долинѣ, на берегахъ рѣки Кюмени, 3 августа 1790 года: оба государства остались при томъ же, чѣмъ владѣли прежде; Густавъ обязался не вмѣшиваться въ дѣла турецкія, Екатерина — во внутреннія дѣла Швеціи и заплатить королю значительную сумму денегъ. 29 декабря 1791 года заключенъ былъ миръ и съ Турками въ Яссахъ, уступкою Россіи Крыма и Очакова, скрѣпившій окончательно владычество ея на сѣверныхъ берегахъ, Чернаго моря. По окончаніи этихъ войнъ, шведской и турецкой, Екатерина получила полную возможность заняться дѣлами Польши.

12. Перемѣны въ Польшѣ и второй раздѣлъ ея. Мы видѣли, что во время путешествія своего императрица имѣла свиданіе въ Каневѣ съ польскимъ королемъ Станиславомъ Августомъ. Екатерина предложила ему тѣсный союзъ съ Россіею, и король возвратился въ Варшаву съ тѣмъ, чтобъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ, которое казалось ему очень выгоднымъ. Но вышло иначе: по начатіи турецкой войны обнаружилось сильное движеніе въ Польшѣ противъ Россіи; движеніе

это было поддерживаемо Пруссіею; новый король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ II предложилъ Польшѣ свой союзъ съ обязательствомъ выставить 40,000 войска для ея защиты, ничего не требуя въ вознагражденіе. Предложеніе это произвело сильное впечатлѣніе: образовалась партія, которая хотѣла воспользоваться тѣмъ, что Россія была занята турецкою войною, и, подъ защитою Пруссіи, произвести важныя внутреннія перемѣны; главами этой партіи были: Игнатій Потоцкій, Станиславъ Малаховскій, Коллонтай и Италіянецъ Піатоли. Несмотря на сильное сопротивленіе людей, не хотѣвшихъ никакихъ перемѣнъ, ловкими и рѣшительными мѣрами партія эта успѣла произвести переворотъ 3 мая 1791 года и провозгласила новую конституцію. Правленіе вмѣсто избирательнаго установлялось наслѣдственное; по смерти бездѣтнаго Станислава Августа престолъ переходилъ къ курфюрсту саксонскому и къ его потомству; законодательная власть оставалась у сената и палаты депутатовъ, исполнительная — у короля; всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; прежнее единогласіе, прежнее право каждаго шляхтича своимъ несогласіемъ (liberum veto) останавливать сеймовыя рѣшенія, уничтожалось; конфедераціи также не признавались болѣе законными. За шляхтою оставлено ея прежнее положеніе; богатымъ горожанамъ открытъ былъ свободный входъ въ шляхетское сословіе, напримѣръ купецъ, заводившій фабрику, входившій въ обширное промышленное или торговое предпріятіе, пріобрѣтавшій землю, тѣмъ самымъ выходилъ изъ городскаго сословія и дѣлался шляхтичемъ. Касательно сельскаго народонаселенія землевладѣльцамъ позволено было заключать добровольные договоры съ крестьянами, и договоры эти имѣли уже обязательную силу.

Но этой новой конституціи 3 мая не суждено было продолжительное существованіе. Россія, успокоенная миромъ съ Швеціею и Турціею, могла теперь спокойно дѣйствовать противъ Польши;

сильно разгорѣвшаяся французская революція отвлекала вниманіе европейскихъ правительствъ отъ востока на западъ; Пруссія сблизилась съ Австріею, желала сблизиться съ Россіею. Приверженцы стараго порядка въ Польшѣ — Феликсъ Потоцкій и Браницкій обратились съ просьбою о помощи къ русской императрицѣ и въ 1792 году образовали конфедерацію въ Тарговицѣ. 100,000 русскаго войска, подъ начальствомъ Каховскаго и Кречетникова, вступили въ Польшу на помощь конфедератамъ. Польское правительство обратилось къ прусскому королю съ просьбою, чтобъ онъ поддержалъ его, исполнилъ недавнія обѣщанія; но Фридрихъ Вильгельмъ II отвѣчалъ, что Поляки, безъ его вѣдома и согласія, перемѣнили старый порядокъ на конституцію 3 мая, что они сами могли предвидѣть тѣ затрудненія, въ какихъ теперь находятся и т. п. Полякамъ надобно было защищаться одними собственными средствами. Войско, бывшее подъ начальствомъ королевскаго племянника, Іосифа Понятовскаго, съ самаго начала принуждено было отступать передъ Русскими. Ѳаддей Косцюшко, прославившійся въ сѣверо-американской войнѣ, былъ выбитъ Каховскимъ изъ укрѣпленнаго лагеря близь Уханки, между Бугомъ и австрійскою границею. Чѣмъ далѣе входили Русскіе въ глубь польскихъ владѣній, тѣмъ многочисленнѣе становились толпы конфедератовъ; въ Литвѣ братья Козаковскіе, давніе приверженцы Россіи, образовали конфедерацію, которая соединилась съ тарговицкою. Половина страны находилась во власти Русскихъ; король далъ племяннику своему Іосифу Понятовскому приказъ заключить перемиріе, и написалъ къ императрицѣ, обѣщая упрочить польскую корону за внукомъ ея Константиномъ Павловичемъ. Въ Петербургѣ совѣтъ высшихъ сановниковъ, которому Екатерина дала на обсужденіе это дѣло, нашелъ предложеніе короля не искреннимъ, вынужденнымъ силою обстоятельствъ, противнымъ объявленію императрицы, что она хочетъ

возстановить въ Польшѣ все по старому, и могущимъ навлечь подозрѣніе иностранныхъ державъ на русскій дворъ. Екатерина отвѣчала Станиславу Августу требованіемъ, чтобъ онъ приступилъ къ тарговицкой конфедераціи; король повиновался. Русскіе заняли Варшаву; конфедераты собрались въ Брестѣ Литовскомъ, въ сентябрѣ 1792 года, и отправили благодарственное посольство въ Петербургъ. Изъ Бреста главное правленіе конфедераціи перенесено было въ Гродно, гдѣ Феликсъ Потоцкій съ товарищами занялся составленіемъ новой конституціи. Русскимъ уполномоченнымъ назначенъ былъ Сиверсъ, знаменитый администраторъ Екатерининскаго времени. Сиверсъ заставилъ и короля переѣхать въ Гродно, чтобъ присутствовать на сеймѣ, назначенномъ въ этомъ городѣ. Король поѣхалъ не охотно, ибо предвидѣлъ, что дѣло должно кончиться не одною новою конституціею. Въ январѣ 1793 года прусскій король объявилъ, что во время войны съ Франціею ему необходимо заботиться о безопасности своей, тѣмъ болѣе, что якобинскія стремленія и волненія умовъ могутъ стать очень опасны. Непосредственно послѣ этого объявленія прусскія войска двинулись въ Польшу. Въ мартѣ прусскій король издалъ новую прокламацію, что такъ называемая патріотическая партія въ Польшѣ, напитанная французскимъ демократическимъ якобинскимъ духомъ, несмотря на свое пораженіе, ведетъ всюду тайныя крамолы, пріобрѣтаетъ приверженцевъ, преимущественно же этимъ ядомъ наполнена Великая Польша, вслѣдствіе чего онъ, король ведя войну съ Франціею, рѣшился для прикрытія тыла, занять польскія области; такимъ образомъ были заняты Пруссіею Познань, Гнѣзенъ, Калишъ, Сераджь, Ленчица, Ченстохово, Торнъ, Данцигъ. 29 марта въ Гродно изданъ былъ манифестъ императрицы Екатерины, гдѣ говорилось, что низверженная партія нововводителей, не имѣя средствъ къ явному сопротивленію, старается въ нѣдрахъ

польской республики распространить адское ученіе, что уже въ столицѣ и многихъ провинціяхъ Польши существуютъ клубы, находящіеся въ связи съ парижскимъ якобинскимъ клубомъ; что императрица русская, король прусскій и римскій императоръ не нашли другаго средства для сохраненія общей безопасности, кромѣ ограниченія предѣловъ польской республики. Границею между Польшею и Россіею назначена была линія, проведенная отъ восточной границы Курляндіи мимо Пинска черезъ Волынь къ границамъ австрійской Галиціи; Россія получила во владѣніе 4533 квадратныя мили съ 3,000,000 жителей. 11 іюля 1793 года сеймъ подписалъ уступку Россіи означенныхъ областей; Пруссія удержала занятыя ею земли. Станиславъ Августъ обязался ни съ кѣмъ ни воевать, ни заключать договоровъ безъ согласія Россіи; число польской арміи уменьшено до 15,000; возстановленъ прежній порядокъ, бывшій до 3 мая 1791 года. Уполномоченный Екатериной, генералъ Игельстромъ занималъ Варшаву русскимъ войскомъ.

13. Третій раздѣлъ Польши. Но и этимъ дѣло не кончилось. Тайныя общества, на которыя указывали союзныя державы, дѣйствовали въ Варшавѣ, вошли въ сношенія съ Игнатіемъ Потоцкимъ, Коллонтаемъ и Косцюшкою, которые удалились въ Дрезденъ. Въ мартѣ 1794 года вспыхнуло возстаніе въ Краковѣ; учреждено временное правительство, которое объявило войну Пруссіи и Россіи, Косцюшко провозглашенъ диктаторомъ и главнокомандующимъ; возстала и Варшава, гдѣ Русскихъ, застигнутыхъ въ расплохъ, погибло болѣе двухъ тысячъ человѣкъ; Игельстромъ едва спасся; примѣру Варшавы послѣдовала и столица Литвы, Вильна. Но на сцену опять явились враждебныя другъ другу партіи. Косцюшко 6 іюня потерпѣлъ пораженіе при Щекоцинахъ отъ соединенныхъ русскихъ и прусскихъ войскъ; почти въ тоже время генералъ Зайончекъ

разбитъ былъ русскими при Хельмѣ. Комендантъ Венявскій безъ сопротивленія сдалъ Краковъ Прусакамъ. Вѣсть о послѣднемъ событіи подала поводъ въ Варшавѣ къ страшному явленію, напоминавшему сцены современной французской революціи Казимиръ Конопка воспламенилъ народъ рѣчью, въ которой утверждалъ, что въ стѣнахъ Варшавы находится много измѣнниковъ, подобныхъ Венявскому, что ихъ нужно истребить, въ противномъ случаѣ они подадутъ помощь врагамъ; разсвирѣпѣвшія толпы бросились на тюрьму, гдѣ содержались подозрительные для нихъ люди, разломали двери и перевѣшали многихъ заключенныхъ. Между тѣмъ разбитый Косцюшко явился въ Варшаву, и за нимъ слѣдомъ осадили этотъ городъ русскія и прусскія войска подъ начальствомъ самого короля Фридриха Вильгельма II. 12 августа Вильна была занята Русскими, и Литва очищена отъ польскихъ отрядовъ. Прусскій король снялъ осаду Варшавы, и Русскимъ надобно было оканчивать дѣло. Румянцевъ-Задунайскій, которому императрица поручила веденіе войны, дабы, по ея словамъ, войско обрадовалось, услыша, что обожаемый Велизарій снова имъ предводительствуетъ,—Румянцевъ велѣлъ Суворову соединиться съ генераломъ Ферзеномъ и идти прямо на Варшаву. На дорогѣ къ этому городу Суворовъ разбилъ двухъ польскихъ предводителей, Сѣраковскаго и Мокраковскаго. Косцюшко спѣшилъ предупредить соединеніе Суворова съ Ферзеномъ и напалъ на послѣдняго при мѣстечкѣ Мацѣевицахъ въ 12 миляхъ отъ Варшавы, 30 сентября 1794 года: Поляки потерпѣли страшное пораженіе; Косцюшко, бросивъ свою саблю, сказалъ: finis Poloniae! (конецъ Польшѣ!) и былъ взятъ въ плѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ это былъ рѣшительный день для Польши: послѣднія нравственныя силы ея были истощены; вражда партій разгорѣлась въ высшей степени, и послѣ Косцюшки не было болѣе человѣка, который бы своею личностію, общимъ довѣрі-

емъ къ себѣ, могъ поддержать согласіе. Соединившись съ Ферзеномъ, Суворовъ взялъ варшавское предмѣстіе Прагу страшнымъ штурмомъ, сопровождавшимся крайнимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Взятіемъ Праги война кончилась; главы движенія убѣжали за границу; Станиславъ Августъ отказался отъ престола, переѣхалъ въ Петербургъ *); вассалъ Польши, герцогъ курляндскій Петръ Биронъ черезъ годъ также сложилъ съ себя свое достоинство; области — Литовская, Гродненская и Курляндія были присоединены къ Россіи; воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское — къ Австріи; остальныя земли съ городомъ Варшавою — къ Пруссіи.

14. Отношенія къ революціонной Франціи. Мы видѣли, какое значеніе имѣла французская революція въ судьбахъ Польши: она заняла все вниманіе Англіи, и Пруссія, оставшись одна, сблизилась съ Австріею и Россіею. Въ 1791 году императоръ Леопольдъ II и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II имѣли свиданіе въ Пильницѣ близъ Дрездена, гдѣ бѣжавшіе изъ Франціи принцы бурбонскаго дома просили ихъ вступиться за права Людовика XVI. Австрія и Пруссія рѣшили силою возстановить власть послѣдняго и приглашали русскую императрицу соединиться съ ними. Предложеніе не было принято по двумъ причинамъ: 1) Екатерина полагала, что вооруженное вмѣшательство въ смуты Франціи при всеобщемъ тамъ волненіи умовъ заставитъ революціонеровъ еще сильнѣе дѣйствовать противъ Людовика XVI; 2) Екатерина въ это время была еще занята дѣлами турецкими и польскими и находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Англіи и Пруссіи. Въ 1792 году, когда ясскій миръ былъ заключенъ и дѣла польскія приближались къ окончанію, императрица согласилась на предложеніе Австріи и Пруссіи, и 3 іюля утвержденъ былъ съ

*) Онъ умеръ здѣсь въ царствованіе преемника Екатерины.

императоромъ Францомъ договоръ: обѣ державы обязались помочь другъ другу двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ, смотря по надобности; 27 іюля подобный же договоръ заключенъ былъ съ Пруссіею, только вмѣсто войска державы обязались помогать деньгами. Въ 1793 году, по смерти Людовика XVI, Англія предложила императрицѣ войдти съ нею въ союзъ «по необходимости соединиться державамъ для обузданія революціи». Трактатъ былъ подписанъ 14 марта: обѣ державы обязывались помогать другъ другу въ войнѣ съ Франціею, не допускать никого къ торговлѣ съ нею и не подписывать отдѣльнаго мира. Іюля 11 вышелъ изъ Кронштадта и Ревеля флотъ подъ начальствомъ адмирала Чичагова, назначенный вмѣстѣ съ англійскими кораблями крейсировать въ Нѣмецкомъ морѣ, чтобъ прекратить торговлю Франціи и Голландіи съ ихъ колоніями и другими приморскими государствами. Императрица запретила переписку съ Франціею, французскіе журналы и книги; запретила Французамъ пріѣздъ въ Россію, если не было у нихъ паспортовъ отъ французскихъ принцевъ; остававшіеся въ Россіи Французы должны были дать присягу, что не признаютъ республиканскаго правленія и не будутъ имѣть сношеній съ своимъ отечествомъ, пока не возстановится тамъ королевская власть. Императрица признала всѣ распоряженія брата Людовика XVI (графа Прованскаго, въ послѣдствіи Людовика XVIII), когда онъ принялъ званіе Правителя Франціи послѣ заключенія въ темницу дофина. Когда въ 1795 году Испанія, Тоскана, Пруссія и владѣльцы сѣверной Германіи заключили миръ съ Франціею, то императрица писала: «Берлинскій дворъ нарушилъ наисвященнѣйшія свои обязательства къ намъ и союзникамъ своимъ, устремившимся на укрощеніе Франціи, заключивъ особый миръ съ извергами, ее разоряющими». Пока Пруссія вела войну съ Франціею, то соглашалась на предложенія русскаго двора касательно опредѣленія границъ въ Польшѣ; но

когда заключила съ Франціею миръ, то возвысила свои требованія. «Желая заблаговременно приготовить всѣ средства и способы противъ слѣдствій, могущихъ отъ толико пагубныхъ поступковъ Пруссіи возродиться», — императрица приказала привести въ военное положеніе три арміи: Румянцева, Суворова и Репнина. Между тѣмъ въ февралѣ 1795 года Англія заключила новый договоръ съ Россіею, вслѣдствіе котораго Екатерина послала вице-адмирала Ханыкова съ 6 кораблями и 6 фрегатами для соединенія съ англійскимъ флотомъ въ Нѣмецкомъ морѣ, чтобъ не допустить французскій флотъ соединиться съ голландскимъ. Въ 1796 году, устрашенный побѣдами молодаго Бонапарта, императоръ Францъ просилъ Екатерину о помощи; императрица обѣщала шестидесяти-тысячную армію, «чтобы съ покровительствомъ Божіимъ приготовить торжество дѣла, почитаемаго ею дѣломъ всѣхъ монарховъ»; но она поставила условіемъ, чтобы Пруссія послала противъ Франціи такое же число войска и чтобы Англичане платили вспомогательныя деньги. Екатерина считала необходимымъ «искреннее, непреложное стремленіе возстановить французскую монархію, какъ единственное средство водворить прочный миръ, и для достиженія сей цѣли союзникамъ немедленно признать Людовика XVIII французскимъ королемъ и идти прямѣйшимъ путемъ во внутрь Франціи». Предводительство русскимъ вспомогательнымъ корпусомъ поручено было Суворову, которому велѣно собрать въ Подольской губерніи армію и приготовиться къ походу въ четыре недѣли. Но смерть императрицы, послѣдовавшая 6 ноября 1796 года, остановила дѣло.

15. Персидская война. Въ послѣднее время царствованія Екатерины велась война на юго-восточныхъ предѣлахъ съ Персіею. Астрабадскій ханъ Магометъ, овладѣвъ персидскимъ престоломъ, напалъ на Грузію, разорилъ ее, подчинилъ себѣ Карталинію, Имеретію и другія области, бывшія подъ покрови-

тельствомъ Россіи. Противъ Персіянъ отправленъ былъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, который дѣйствовалъ очень удачно, но былъ остановленъ смертію Екатерины.

ГЛАВА XLIX.

Внутренняя дѣятельность Екатерины II.

1. Общій характеръ. Съ самаго вступленія Екатерины II на престолъ обнаружилась сильная внутренняя дѣятельность правительства, какой не бывало со временъ Петра Великаго. Цѣль у Петра и у Екатерины была одна: цивилизовать Россію по образцу, представляемому западными европейскими государствами; но разность въ дѣятельности этихъ двухъ знаменитѣйшихъ государей XVIII вѣка состояла въ томъ, что Петръ дѣйствовалъ практически, находилъ, что то, другое, третье не хорошо въ Россіи, лучше на западѣ Европы и прямо переносилъ это лучшее по его мнѣнію на русскую почву: одно принималось легко на этой почвѣ, другое принималось съ большимъ трудомъ, требуя новыхъ болѣе благопріятныхъ для себя условій, иное вовсе не принималось на почвѣ для него неудобной, не приготовленной исторіею. Екатерина же II въ своей преобразовательной дѣятельности руководилась преимущественно началами, добытыми въ ея время европейскою наукою. На долю Петра выпала первоначальная, черная, самая трудная работа; онъ встрѣчалъ сильное противодѣйствіе не только въ привычкахъ, но и во взглядѣ русскихъ людей на его дѣло. Но прошло полвѣка, привычекъ очень много оставалось старыхъ, но взгляды, особенно въ верхнихъ слояхъ общества, измѣнились вслѣдствіе вліянія той же науки и литературы западной; нравы смяг-

чились и потому правительству легче было проводить свои планы, чѣмъ при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, когда общество было такъ еще мало приготовлено къ принятію новаго, хотя и сильно чувствовало несостоятельность стараго.

2. Наказъ къ сочиненію новаго Уложенія. Мы видѣли, что ни при Петрѣ, ни послѣ Петра никакъ не могли сочинить новаго Уложенія. Екатерина II, по ея собственнымъ словамъ «во первые три года своего царствованія узнала, что великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ, слѣдовательно и въ правосудіи составляетъ недостатокъ во многихъ случаяхъ узаконеній, въ другихъ же великое число оныхъ по разнымъ временамъ выданныхъ, также несовершенное различеніе между непремѣнными и временными законами и паче всего что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ не извѣстенъ сдѣлался; при томъ же и страстные толки (пристрастныя толкованія) часто затмѣвали прямой разумъ многихъ законовъ; сверхъ того еще умножило затрудненіе разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, не сходныхъ во все съ нынѣшними». Чтобъ устранить этотъ недостатокъ, Екатерина со втораго года своего царствованія начала готовить наказъ или руководство къ сочиненію проэкта новаго уложенія. Въ декабрѣ 1766 года объявлено было манифестомъ о намѣреніи императрицы учредить въ слѣдующемъ году въ Москвѣ коммиссію для сочиненія этого проэкта. Депутатовъ въ коммиссію велѣно было выслать изъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій по одному; отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, по одному; отъ жителей каждаго города по одному; отъ однодворцевъ каждой провинціи по одному; отъ пѣхотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служивыхъ людей и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждой провинціи по одному депутату; отъ государственныхъ крестьянъ, изъ каждой провинціи по одному;

отъ не кочующихъ народовъ какого бы они закона ни были, крещеныхъ или некрещеныхъ отъ каждаго народа съ каждой провинціи по одному депутату; опредѣленіе числа депутатовъ отъ казацкихъ войскъ и отъ войска запорожскаго возложено на высшихъ командировъ ихъ. Депутаты должны быть не моложе 25 лѣтъ; они получаютъ жалованье отъ правительства; на всю жизнь депутатъ освобождался отъ смертной казни, отъ пытокъ, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; обидѣвшій депутата наказывался вдвое противъ обыкновеннаго. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкою, по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества, сочиненный, по выбору, пятью избирателями. 30 іюля 1767 года послѣдовало открытіе коммиссіи.

И эта коммиссія, какъ всѣ предшествовавшія, ничего не сдѣлала; но любопытнымъ памятникомъ вѣка и направленій правительства остался Наказъ императрицы, составленный подъ вліяніемъ положеній современной европейской науки; преимущественно Екатерина пользовалась знаменитымъ сочиненіемъ Беккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» и Монтескьё «Духъ Законовъ». Въ Наказѣ говорится объ общихъ обязанностяхъ человѣка какъ гражданина, и о томъ, что лучшіе законы для государства суть тѣ, которые соотвѣтствуютъ его естественному положенію и сообразны съ нравами народа. Изъ естественнаго положенія россійскаго государства выведено, что для него всякое правленіе, кромѣ монархическаго самодержавнаго, не только было бы вредно, но и въ конецъ разорительно. «Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подчинены были одинакимъ законамъ; вольность есть право дѣлать все то, что̀ законы дозволяютъ. Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что̀ надлежитъ перемѣнять обычаями; есть способы, перемѣну обычаевъ

вводящіе: къ сему служатъ примѣры (такъ во второй половинѣ XVIII вѣка отвергнутъ способъ дѣйствія, господствовавшій въ началѣ вѣка, когда Петръ закономъ вводилъ перемѣну обычаевъ). Послабленіе состоитъ въ ненаказаніи преступленія, а не въ умѣренности наказанія. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся. И если гдѣ сыщется такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительское владѣніе, которое налагало тѣ же наказанія на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями: опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности. Часто законодавецъ, хотящій уврачевать зло, не мыслитъ болѣе ни о чемъ, какъ о семъ уврачеваніи, не смотритъ на худыя отсюда слѣдствія: порокъ въ общенародіи остается, отъ жестокости наказанія произрастшій; умы народа испортились, они пріобыкли къ насильству. Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить. Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію. Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго. Дѣлать присягу чрезъ частое употребленіе весьма общею ни что иное есть какъ разрушать силу ея. Хотите ли предупредить преступленіе? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину. Сдѣлайте, чтобъ люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялись. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространилось между людьми. Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство

сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія. Въ толь великомъ государствѣ (россійскомъ), распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма вредный для спокойства и безопасности гражданъ былъ порокъ—запрещеніе имъ различныхъ вѣръ. Нѣтъ подлинно инаго средства, кромѣ разумнаго иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою не отвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ заблудшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду. Гоненіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца и отводитъ ихъ отъ заматорѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ.»

3. Обращеніе къ сенату; указъ о взяточничествѣ; новые штаты. Провозглашая, что примѣръ есть самое лучшее средство для перемѣны нравовъ и обычаевъ къ лучшему, императрица въ 1763 году обратилась къ сенаторамъ съ слѣдующимъ указомъ: «Я не могу сказать, чтобъ вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ моей и о пользѣ общей; но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно. Причины состоятъ въ томъ, что присутствующіе въ сенатѣ имѣютъ междоусобныя несогласія, вражду и ненависть, и одинъ другаго дѣлъ не терпитъ, а потому и раздѣляются на партіи и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя». — Разумѣется Екатерина съ перваго дня своего восшествія на престолъ должна была вооружиться противъ закоренѣлаго обычая взяточничества: 18 іюля 1762 года она уже издала слѣдующій указъ: «За долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный объявить въ народъ, съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой

степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло, такъ что едва ли есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ безъ зараженія сей язвы отправлялся: ищетъ ли кто мѣста — платитъ; защищается ли кто отъ клеветы — обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто — всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Многіе судящіе, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ Вышняго должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству. Сердце наше содрогнулось, когда мы услышали, что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Ренберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги». — Какъ средство противъ взяточничества были установлены новые штаты въ 1763 году; въ манифестѣ по этому случаю императрица говоритъ, что прежде «люди не только съ нѣкоторымъ достаткомъ, но ниже имѣя дневное пропитаніе, отсылались къ дѣламъ, не получая притомъ никакого жалованья, какъ бы неимущіе въ богадѣльню, для одного только пропитанія, а не для исправленія дѣлъ; и по истинѣ сказать, казалось, что всякій живетъ только для себя, не помышляя о добрѣ общемъ».

4. Учрежденіе для управленія губерній. Въ 1755 году обнародованы «Учрежденія для управленія губерній»; причины новыхъ учрежденій были высказаны правительствомъ слѣдующія: «по великой обширности нѣкоторыхъ губерніи оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми; въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, и казенные доходы, и счеты обще съ благочиніемъ или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя

дѣла и гражданскіе суды отправляются». — Теперь судебныя мѣста были отдѣлены отъ правленій губернскихъ и мѣстъ, завѣдывавшихъ финансами; судъ гражданскій отдѣленъ отъ уголовнаго. Въ каждомъ уѣздѣ установлены уѣздные суды для дворянъ, городовые магистраты для средняго сословія, нижнія расправы для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ; казначейства для сбора и храненія доходовъ, нижніе земскіе суды для полиціи. Для повѣрки и перенесенія дѣлъ по жалобамъ надъ этими низшими мѣстами въ каждомъ губернскомъ городѣ были высшія: верхній земскій судъ, губернскій магистратъ, верхняя расправа. Кромѣ того въ губернскихъ городахъ явились три палаты: уголовная для дѣлъ уголовныхъ всѣхъ сословій; гражданская для дѣлъ гражданскихъ; казенная для финансовъ. Губернское правленіе сосредоточивало въ себѣ власть исполнительную и полицейскую. Для дѣлъ уголовныхъ особаго рода и для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ учреждены въ губернскихъ городахъ совѣстные суды. Для попеченія о вдовахъ и сиротахъ дворянскихъ и купеческихъ установлены дворянскія опеки и сиротскіе суды; для устройства школъ, богадѣленъ и сиротскихъ домовъ — приказы общественнаго призрѣнія.

Россія раздѣлена была на 50 губерній, и при этомъ новомъ раздѣленіи не было обращено никакого вниманія ни на прежнее историческое дѣленіе, ни на пространство, а только на количество народонаселенія: велѣно было раздѣлить такъ, чтобы каждая губернія заключала въ себѣ отъ 300 до 400 тысячъ жителей съ подраздѣленіемъ на уѣзды въ 20 и 30,000 душъ. Двѣ, иногда три губерніи ввѣрялись главному управленію генералъ-губернатора или намѣстника. Эти намѣстники, губернаторы и вице-губернаторы назначались императрицею; предсѣдателей губернскихъ мѣстъ и чиновниковъ, завѣдывавшихъ

казенными доходами избиралъ сенатъ; остальныя лица избирались частію губернскимъ правленіемъ, частію дворянствомъ и купечествомъ. Новое учрежденіе, какъ сопряженное съ большими трудностями, вводилось постепенно въ продолженіи 20 лѣтъ. Въ тѣсной связи съ учрежденіями губерній находилось всеобщее обмежеваніе земель, проэктъ котораго, какъ мы видѣли, былъ составленъ еще при императрицѣ Елисаветѣ. Екатерина въ первые годы царствованія составила новыя правила, вслѣдствіе которыхъ приведены были въ извѣстность главныя, наиболѣе заселенныя земли имперіи.

5. Финансы. Въ 1768 году учрежденъ былъ ассигнаціонный банкъ съ капиталомъ въ милліонъ рублей золотомъ и серебромъ; банкъ этотъ выпустилъ сначала такую же сумму билетовъ, подъ именемъ ассигнацій отъ 25 до 100 рублей каждую; ассигнаціи должны были приниматься во всѣ платежи казенные и частные. Довѣренность, съ какою принимались ассигнаціи, породила опасную мысль о возможности увеличить количество ихъ постепенно до 100 милліоновъ рублей. Въ продолженіи 20 лѣтъ (до 1789 года) онѣ мало измѣнились въ курсѣ, но потомъ, отъ чрезмѣрнаго выпуска билетовъ, курсъ очень понизился, такъ что въ 1795 году ассигнаціонный рубль равнялся только 68 копейкамъ серебромъ. Вмѣсто кредитныхъ установленій императрицы Елисаветы, дворянскаго и коммерческаго банковъ, учрежденъ былъ государственный заемный банкъ съ капиталомъ въ 33 милліона, съ ссудою за 5 процентовъ, съ разложеніемъ уплаты на 20 лѣтъ для дворянъ и на 22 года для городскихъ обывателей.

6. Дворянство. Права дворянству, данныя Петромъ III, были подтверждены; кромѣ того въ грамотѣ, данной этому сословію Екатериною въ 1785 году, постановлено, что дворянинъ ни въ какомъ случаѣ не лишается своего званія, кромѣ судебнаго обвиненія въ извѣстныхъ преступленіяхъ, передаетъ

его женѣ и дѣтямъ, судится только равными себѣ, свободенъ отъ тѣлеснаго наказанія, не платитъ лично никакихъ податей и владѣетъ всѣмъ, что находится въ его имѣніи, какъ неотъемлемою собственностію. Дворянству дано право выбора изъ среды своей въ разныя почетныя областныя должности; установлено для этого въ каждой губерніи дворянское собраніе; присутствовать въ немъ можетъ каждый дворянинъ, но участвовать въ выборахъ можетъ только тотъ, кто въ государственной службѣ достигъ офицерскаго чина: это должно было заставлять дворянина служить.

7. Города. Одновременно съ дворянскою грамотою обнародовано было городовое положеніе, по которому купцы и мѣщане получили право собственнаго суда и управленія и право выборовъ въ извѣстныя должности. Купечество было раздѣлено на три гильдіи: къ первой принадлежали имѣвшіе капиталы не менѣе 10,000 рублей; ко второй имѣвшіе отъ 1000 до 10,000; къ третьей отъ 500 до 1000 рублей; имѣвшіе менѣе 500 рублей названы мѣщанами. При Екатеринѣ было основано слишкомъ 200 городовъ, болѣе по нуждамъ управленія, чѣмъ вслѣдствіе естественнаго развитія торговаго и промышленнаго, почему многіе изъ нихъ потомъ изчезли. Въ концѣ царствованія Екатерины на пространствѣ 300,000 квадратныхъ миль считалось 1200 городовъ.

Учрежденная въ 1763 году коммиссія для разсмотрѣнія коммерціи россійскаго государства, должна была во 1) изыскивать всѣ способы, дабы изъ имперіи больше произведеній россійскихъ въ натурѣ и въ дѣлѣ выпускаемо было; во 2) дабы купечество русское, какъ между собою внутри государства, такъ и у чужестранныхъ кредитъ надежный имѣло. Екатерина велѣла во всѣхъ городахъ завести хлѣбные магазины, «дабы, говорила она, цѣна хлѣба всегда въ моихъ рукахъ была». Относительно промышленности, начиная съ Петра Великаго,

господствовала система правительственнаго надзора, учреждены были коллегіи мануфактурная и горная, которыя именно должны были водворять въ Россіи и совершенствовать различныя отрасли промышленности; при Екатеринѣ II эта система надзора и направленія, даваемаго правительствомъ промышленности, прекратилась; закрылись — сначала бергъ-коллегія, потомъ мануфактуръ-коллегія. Коммерцъ-коллегія потеряла свое значеніе, а въ концѣ царствованія и совершенно закрыта.

8. Сельское народонаселеніе; иностранные колонисты. Относительно земледѣлія, Екатерина въ Наказѣ высказала слѣдующіе взгляды: «Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и числобъ народа въ государствѣ умножилось. А нынѣ иной земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ, а всякій годъ платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, бродя по всему почти государству. Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи, или нерачительно производится. Земледѣліе есть самый большій трудъ для человѣка; чѣмъ больше климатъ приводитъ человѣка къ избѣжанію сего труда, тѣмъ больше законы къ оному возбуждать должны; земледѣліе есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять людей должно; второе есть рукодѣліе изъ собственнаго произращенія». Въ 1765 году, по ходатайству Григорія Орлова и 15 другихъ «патріотовъ» учреждено «С. Петербургское Вольное Экономическое Общество» для поощренія полезныхъ знаній въ области экономіи и земледѣлія. Въ 1762 году въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили сильныя волненія между

крестьянами на основаніи ложныхъ слуховъ о свободѣ отъ помѣщиковъ; при усмиреніи возставшихъ не обошлось безъ кровопролитія: въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ Воскресенскомъ селѣ князей Долгорукихъ, крестьяне собрались до 2000 человѣкъ для сопротивленія военной командѣ, которая должна была стрѣлять изъ пушекъ, и крестьянъ побито было 20 человѣкъ, да не менѣе переранено. Императрица объявила: «Намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать». Помѣщики получили право отдавать своихъ крѣпостныхъ людей въ каторжную работу и ссылать въ Сибирь на поселеніе за дерзости. Крестьянамъ запрещено подавать челобитныя на помѣщиковъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылкою на вѣчную работу въ Нерчинскъ. Законъ Петра Великаго — не продавать людей по одиночкѣ былъ забытъ.

При Екатеринѣ въ пустынныхъ, но плодородныхъ пространствахъ имперіи явилось особаго рода земледѣльческое народонаселеніе — иностранные колонисты. Въ іюлѣ 1763 года учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ колонистовъ; изданъ манифестъ о дозволеніи всѣмъ иностранцамъ, въ Россію въѣзжающимъ поселяться въ которыхъ губерніяхъ они пожелаютъ. Колонистамъ обѣщаны были деньги на проѣздъ, всевозможныя пособія при обзаведеніи на избранномъ мѣстѣ, безпроцентная ссуда капитала на 10 лѣтъ; они были свободны отъ всякой службы и отъ всякихъ податей на 30 лѣтъ; они могли судиться по своимъ законамъ, свободно исповѣдывать свою вѣру, выбирать себѣ пасторовъ. На первый разъ назначено было 200,000 рублей въ годъ на вспоможеніе колонистамъ. Переселенцы хлынули толпами, преимущественно изъ Пфальца; въ одной Саратовской провинціи поселилось до 10,000 семействъ. Когда движеніе остановилось, то въ 1774 году, число колонистовъ простиралось до 26,000 человѣкъ.

9. Уничтоженіе гетманства и Запорожья. Но вмѣстѣ съ этимъ населеніемъ степей мирными, трудолюбивыми колонистами, происходило окончательное преобразованіе въ бытѣ старыхъ насельниковъ степей, знаменитыхъ въ нашей исторіи казаковъ. Начальный человѣкъ въ Малороссіи по прежнему носилъ названіе гетмана, что̀ прямо указывало на его войсковое значеніе, на историческое значеніе казачества въ этой странѣ. Со времени преобразованій Петра гетманъ потерялъ прежнее значеніе; въ продолженіи нѣкотораго времени его вовсе небыло; потомъ являлся опять гетманъ, но вовсе не съ прежнимъ значеніемъ; существенной перемѣны отъ появленія гетмана никакой не происходило, страна привыкала мало-по-малу къ этому безразличію: есть ли гетманъ, нѣтъ ли его. При Елисаветѣ назначеніе гетманомъ Кирилла Григорьевича Разумовскаго, человѣка въ Малороссіи неизвѣстнаго, всего лучше показывало, что гетманство здѣсь потеряло прежнее значеніе; при Екатеринѣ II, въ 1764 году, еще при жизни Разумовскаго, гетманство было окончательно уничтожено. Порѣшили и съ знаменитымъ Запорожьемъ. Мы видѣли, что Сѣчь была взята и разорена войсками Петра Великаго и бывшіе при Мазепѣ Запорожцы должны были бѣжать, поддаться крымскому хану и основали новую Сѣчь въ Алешкахъ. Но въ царствованіе Анны имъ позволено было, по ихъ просьбѣ, возвратиться снова подъ русскую державу на старыя мѣста. Но Запорожцы не долго могли жить при прежнемъ широкомъ раздольѣ своемъ. Степи начали населяться, и вслѣдствіе этого въ 1764 году явилась Ново-россійская губернія. Запорожцамъ стало тѣсно, потому что при своихъ промыслахъ — скотоводствѣ и звѣроловствѣ, безъ хлѣбопашества, они имѣли нужду въ огромныхъ пустынныхъ пространствахъ. Начались столкновенія и жалобы. Къ тому же, съ возвращеніемъ Запорожцевъ появились разбойники, гайдамаки; предводителями гайдамац-

кихъ шаекъ были обыкновенно Запорожцы: такъ въ 1768 году одинъ изъ нихъ, Максимъ Желѣзнякъ вздумалъ подражать Богдану Хмельницкому, набралъ шайку, въ которой между прочимъ было до 300 Запорожцевъ, провозгласилъ себя поборникомъ православія и русскаго народа, угнѣтеннаго Поляками, взволновалъ Кіевское воеводство, взялъ измѣною городъ Умань, вырѣзалъ жителей, наконецъ былъ схваченъ генераломъ Кречетниковымъ. Между тѣмъ Запорожье не переставало требовать. чтобъ всѣ, вновѣ населенныя степныя пространства были ему возвращены, т. е. чтобъ Новая Россія обратилась въ такую же пустыню, какою была до 1740 года. Запорожскіе уполномоченные твердили: «Все это наше было и есть! если къ намъ будутъ посланы землемѣры безъ вѣдома Коша, то хоть и повѣсятъ ихъ, то нечего будетъ взять». Легко понять, какъ могущественное государство должно было отвѣчать на запорожскія требованія и угрозы. Императрица велѣла Потемкину постараться занять Сѣчь и все Запорожье вооруженною рукою, и 5 іюня 1775 года приказъ былъ исполненъ. Запорожье перестало существовать; часть казаковъ успѣла уйти изъ Сѣчи и пробраться въ турецкія владѣнія, гдѣ поддалась султану; оставшимся русское правительство позволило или возвратиться на прежнія мѣста жительства, или жить въ Новой Россіи на правахъ всѣхъ остальныхъ ея жителей. Въ 1783 году изъ нихъ составлено было особое ополченіе подъ именемъ Черноморскихъ казаковъ, а въ 1792 году этому черноморскому войску данъ былъ островъ Фанагорія съ землями между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ моремъ.

10. Отобраніе церковныхъ имуществъ. При Екатеринѣ II была приведена въ исполненіе мысль Петра Великаго объ отобраніи церковныхъ имѣній. Для этого императрица велѣла учредить особую коммиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ. Въ ноябрѣ

1762 года дана инструкція этой коммиссіи, гдѣ между прочимъ говорилось: «Сорокъ лѣтъ тому уже миновало, какъ Петръ Великій составилъ духовный регламентъ, и предпринялъ въ немъ такія правила, которыя бы въ простомъ нашемъ народѣ учрежденіемъ благоразумно воспитанныхъ и обученныхъ священниковъ прямый путь къ исправленію нравовъ открывали. Но къ соболѣзнованію нашему видимъ, что столь многія лѣты уже миновалися, а народъ въ томъ же еще пребываетъ заблужденіи». Въ исходѣ 1763 года въ коммиссію были доставлены описи всѣмъ церковнымъ, монастырскимъ и архіерейскимъ землямъ, вѣдомости о числѣ крестьянъ и количествѣ доходовъ; оказалось крестьянъ 910,866 душъ: между прочимъ Троицкая Лавра владѣла болѣе чѣмъ 120,000 крестьянъ, Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь имѣлъ около 35,000. Положено было всѣ эти имѣнія взять изъ духовнаго вѣдомства и поручить такъ называемой Коллегіи экономіи, которая должна была собирать съ крестьянъ по 1 р. 50 коп. въ годъ съ души; отъ этой Коллегіи экономіи происходитъ употребляющееся и до сихъ поръ названіе «экономическихъ крестьянъ». Для монастырей и архіерейскихъ домовъ, раздѣленныхъ на три класса, для ружныхъ церквей и для чиновниковъ синодальнаго вѣдомства составлены были штаты; что же оставалось за этими расходами, опредѣлено на содержаніе духовныхъ училищъ, богадѣленъ, инвалидныхъ домовъ, госпиталей; бѣлое духовенство освобождено отъ сборовъ деньгами и хлѣбомъ на духовныя училища; отставныхъ военныхъ запрещено отсылать въ монастыри для прокормленія, а назначены имъ для жительства украйные города и пенсіи изъ экономическихъ доходовъ.

11. Мѣры относительно раскола. Соотвѣтственно мыслямъ, высказаннымъ въ Наказѣ о вѣротерпимости, употреблялись кроткія мѣры относительно раскольниковъ: тѣмъ, которые не чуждались православной церкви готовы были

принимать священниковъ, но желали только оставаться при старыхъ обрядахъ и старопечатныхъ книгахъ, дозволено имѣть свои церкви. Особенная раскольничья контора была закрыта, и раскольниковъ велѣно вѣдать въ общихъ управленіяхъ безъ притѣсненія. Въ 1782 году раскольники были освобождены отъ двойнаго оклада, который съ нихъ собирался со временъ Петра Великаго.

12. Мѣры для умноженія и сохраненія народонаселенія. Народонаселеніе имперіи въ концѣ царствованія Екатерины простиралось до 36,000,000. Увеличивали его тѣмъ, что перезывали раскольниковъ, ушедшихъ за польскую границу, призывали иностранныхъ колонистовъ. Въ тоже время употребляли мѣры для его сохраненія. Вмѣсто прежней Петровской медицинской канцеляріи, учреждена была въ 1763 году медицинская коллегія, которой обязанность состояла въ сохраненіи народа посредствомъ врачебной науки, воспитаніи русскихъ докторовъ, хирурговъ и аптекарей, въ надзорѣ за исправностію аптекъ; въ Москвѣ былъ департаментъ этой коллегіи. Учреждены были фабрики для хирургическихъ инструментовъ. Каждый городъ обязанъ былъ имѣть городоваго и уѣзднаго врача; русскихъ лѣкарей для этого недоставало, вызвали многихъ изъ Германіи по контракту. Приказы общественнаго призрѣнія имѣли обязанность учреждать народные госпитали и больницы и надзирать за ними, заводить домы для неизлѣчимыхъ больныхъ и умалишенныхъ. Въ 1768 году введено было оспопрививаніе; чтобъ подать добрый примѣръ, императрица привила оспу себѣ и четырнадцати лѣтнему сыну своему, наслѣднику престола Павлу Петровичу. Ни одинъ лѣкарь, ни одинъ священникъ въ Россіи не противился оспопрививанію, какъ это было въ западной Европѣ. Въ Петербургѣ учрежденъ былъ особый домъ для оспопрививанія; сначала денежными наградами приманивали родителей, чтобы они

приносили туда дѣтей своихъ, но скоро это средство оказалось ненужнымъ. Въ 1772 году оспопрививаніе начало распространяться даже и между сибирскими инородцами.

13. Мѣры для народнаго воспитанія. Въ Наказѣ своемъ Екатерина объявила, что самое надежное средство сдѣлать людей лучшими — это усовершенствованіе воспитанія, и потому мы должны ожидать мѣръ для этого усовершенствованія. Правила, которыми хотѣло руководиться правительство въ дѣлѣ воспитанія, высказаны въ «учрежденіяхъ, касающихся до воспитанія», составленныхъ Ив. Ив. Бецкимъ, знаменитымъ устроителемъ воспитательныхъ заведеній въ Россіи въ описываемое время. Вотъ что говорится въ этихъ уставахъ: «преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу своему новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе, есть дѣло, совокупленное съ невѣроятными трудами, а прямая оныхъ польза остается потомству. Съ давняго уже времени имѣетъ Россія академію и разныя училища, и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ недоставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было. Изъ посланныхъ еще при Петрѣ Великомъ дворяне съ хорошимъ возвратились успѣхомъ въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться. Другіе изъ подлости (простонародья) къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ, но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое не бытіе возвратились, отчего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ

третьимъ чиномъ или среднимъ называется, Россія до сего времени и произвести не могла. Искусство (опытъ) доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго чина людей въ государствѣ ожидать всуе себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то есть, произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передалибъ паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ на пятомъ и на шестомъ году».—Въ другомъ мѣстѣ Бецкій рѣзко выражаетъ различіе между заимствованіемъ внѣшней цивилизаціи, которое господствовало при Петрѣ и его преемникахъ, и внутреннимъ совершенствованіемъ посредствомъ просвѣщеннаго воспитанія, чего начали желать во второй половинѣ XVIII вѣка: «Петръ Великій, говоритъ Бецкій Екатеринѣ, создалъ въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души». Бецкій признавалъ необходимымъ, чтобъ воспитатели были Русскіе, ибо дѣти не могутъ признавать иностранцевъ родителями своими. Потомъ иностранцы не могутъ сообразоваться съ воспитанниками своими въ народныхъ обычаяхъ, религіозныхъ и житейскихъ.

Въ 1763 году былъ учрежденъ въ Москвѣ воспитательный домъ на 8000 дѣтей; по его образцу, въ 1767 году учрежденъ воспитательный домъ въ Петербургѣ. Въ 1764 въ Петербургѣ, въ Воскресенскомъ монастырѣ (Смольный) основано воспитательное заведеніе для 240 дѣвицъ изъ дворянства, а въ слѣдующемъ году подобное же для дѣвицъ изъ городскаго сословія. Въ 1762 году основаны инженерный и артиллерійскій кадетскіе корпуса. При Екатеринѣ же получили начало народныя учебныя заведенія: по плану назначенной для этого предмета коммиссіи, предположено было открыть въ уѣздныхъ городахъ малыя народныя училища изъ двухъ классовъ для первоначальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій безъ различія; въ губернскихъ — главныя народныя училища изъ четырехъ классовъ для обученія дѣтей свободнаго состоянія наукамъ математическимъ, естественнымъ, словеснымъ, отчасти изящнымъ искусствамъ; изданы были коммиссіею очень хорошія, по тому времени, учебныя книги, при содѣйствіи педагоговъ, вызванныхъ изъ-за границы. Назначено было основать университеты въ Екатеринославлѣ, Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Но недостатокъ денежныхъ средствъ не позволилъ привести въ исполненіе всѣхъ этихъ намѣреній: и главныя народныя училища открыты въ немногихъ городахъ, а университеты ни въ одномъ.

14. *Литературная дѣятельность Екатерины.* Теперь посмотримъ, какъ литература Екатерининскаго времени содѣйствовала народному воспитанію, посмотримъ, какъ авторъ Наказа, сама императрица въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ хотѣла содѣйствовать этому воспитанію. Здѣсь насъ прежде всего останавливаетъ инструкція князю Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей: «Высокому рожденію изъ Высочествъ, говоритъ Екатерина, паче иныхъ предлежатъ два великіе пути: первый справедливости,

второй — любви къ ближнему. Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи, въ благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія. Пороки вообще уменьшаютъ смѣлость и храбрость; добродѣтели же умножаютъ твердость духа и укрѣпляютъ разсудокъ, истинную его смѣлость и храбрость. Истинная смѣлость состоитъ въ томъ, чтобы пребывать въ томъ, что̀ долгъ человѣку предписываетъ. Отдалять надлежитъ отъ глазъ и слуха въ младенчествѣ и отъ отроковъ въ первые годы все то, что̀ мысли устрашить можетъ, какъ то: всякія пугалища, душу и умъ утѣсняющія, которыми обыкновенно дѣтей стращаютъ и отъ коихъ дѣлаются они робки». — Съ воспитательною цѣлію Екатерина сочиняла нравоучительныя сказки· въ сказкѣ о царевичѣ Февеѣ представлено образцовое воспитаніе и образцовое поведеніе вслѣдствіе воспитанія. Екатерина написала также нѣсколько историческихъ представленій; въ представленіи изъ жизни Рюрика этотъ князь является образцомъ правителя, и потому онъ не убиваетъ возставшаго противъ него Вадима, а говоритъ «Пусть Рюрикъ въ сей день окажется, каковъ есть: онъ, видя винныхъ предъ собою, съ горячею ревностію возмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба имъ обиды; но кой часъ вина уже извѣстна. винный изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить ко мщенію, тогда мечъ тотъ, который не выпалъ никогда изъ моей десницы противъ общихъ непріятелей, падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ винномъ вижу я лишь человѣка». Въ комической оперѣ: «Горе богатырь Косометовичь Екатерина осмѣяла поведеніе врага своего, Густава III, короля шведскаго.

15. Общій характеръ литературы Екатерининскаго времени. Мы видѣли что въ первой половинѣ XVIII вѣка литература явная, печатная, главною задачею своею считала восхваленіе новаго порядка, введеннаго Петромъ, считала необходимымъ вооружаться противъ людей, ему противившихся. Но во второй половинѣ вѣка взглядъ перемѣнился: общество, развиваясь, почувствовало новыя потребности; односторонность, недостаточность, темныя стороны господствующаго направленія обозначались и немогли не возбудить противъ себя лучшихъ людей. Отсюда литература Екатерининскаго времени имѣла задачею: во первыхъ провозглашать новыя начала, признанныя необходимыми для поддержанія общества, именно внутреннее совершенствованіе человѣка посредствомъ просвѣщеннаго воспитанія; потомъ вооружаться, съ одной стороны, противъ отсталыхъ людей, которые принадлежали болѣе XVII, чѣмъ XVIII вѣку, для которыхъ эпоха преобразованія проходила даромъ; а съ другой стороны, вооружаться и противъ вредныхъ явленій, порожденныхъ господствовавшимъ направленіемъ эпохи преобразованія, вооружаться противъ людей, принявшихъ однѣ формы образованности, въ нравственномъ же отношеніи представлявшихъ самое печальное явленіе.

16. Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ. Это направленіе, какъ мы видѣли, уже обозначилось въ царствованіе Елисаветы, обозначилось въ сочиненіяхъ Сумарокова, который продолжалъ свою дѣятельность и при Екатеринѣ. Многочисленныя драмматическія піесы его игрались вездѣ, при дворѣ, на публичныхъ театрахъ, въ школахъ; въ этихъ піесахъ Сумароковъ обыкновенно высказывалъ мысли, которыя были тогда въ ходу въ западной Европѣ. Тѣмъ же направленіемъ отличались сочиненія двухъ другихъ драмматическихъ писателей Екатерининскаго времени: Княжнина и Николева.

Въ многочисленныхъ комедіяхъ своихъ Сумароковъ продолжалъ вооружаться противъ главныхъ пороковъ времени, и хотя сильно подражалъ Мольеру, хотя бралъ у него характеры, однако между дѣйствующими у него лицами мы встрѣчаемъ много русскихъ людей и тогдашнюю обстановку русскаго общества. Лихоимцы суть главныя лица Сумароковскихъ комедій, ханжи и педанты взяты изъ Мольера, но петиметры русскіе. Сумароковъ же знакомитъ насъ и съ тою сферою, которую описалъ Даниловъ въ своихъ запискахъ, и изъ которой вышли «Бригадиръ» и «Недоросль» даровитаго Фонъ-Визина.

Сочиненія Фонъ-Визина важны для исторіи общества въ томъ отношеніи, что въ нихъ рѣзко проведена господствовавшая тогда у лучшихъ людей мысль о необходимости созданія новой породы людей посредствомъ просвѣщеннаго воспитанія, мысль, что все зло происходитъ отъ недостатка такого воспитанія; въ сочиненіяхъ своихъ Фонъ-Визинъ такъ же сильно ратуетъ противъ двухъ огней, между которыми стояло русское общество: противъ пороковъ и предразсудковъ, наслѣдованныхъ отъ до-Петровской старины, и противъ вредныхъ явленій происходившихъ вслѣдствіе односторонняго сближенія съ западною цивилизаціею. Въ «Бригадирѣ» въ сынѣ бригадира и въ совѣтницѣ въ самомъ отвратительномъ видѣ выставлены слѣдствія привитія чужихъ модныхъ взглядовъ къ людямъ, не получившимъ никакого нравственнаго воспитанія, и воспитывающимъ себя по французскимъ романамъ; подлѣ люди, не тронутые заграничнымъ ядомъ, но представляющіе темную сторону роднаго общества: совѣтникъ, перемѣшивающій похвалы взяткамъ съ текстами св. писанія, и бригадиръ, надмѣнный своимъ рангомъ и грозящій постоянно женѣ кулаками; жена же его, несмотря на свои смѣшныя стороны, есть самое чистое, самое нравственное лицо въ комедіи. это хозяйка скопидомка, воспитанница домостроевскихъ временъ. Въ домо-

строевской односторонности автору легко было найдти смѣшное; несмотря на то, бригадирша умѣла сохранить и здравый смыслъ; при своемъ невѣжествѣ она умѣла сохранить уваженіе къ знанію; умѣла сохранить способность плакать при видѣ чужихъ страданій; бригадирша считаетъ себя умною потому только, что умѣетъ быть нравственною, и все это выражается просто, безо всякихъ претензій. Такимъ образомъ въ «Бригадирѣ» бригадирша примиряетъ съ старою домостроевскою Русью, а съ новою никто не примиряетъ. Въ знаменитомъ «Недорослѣ» своемъ авторъ представляетъ урода, произведеніе стариннаго грубаго, исключительно физическаго воспитанія; но къ этому старинному воспитанію присоединено и новое, какое требовалось отъ дворянина въ первой половинѣ XVIII вѣка, воспитаніе форменное, вредное по выбору воспитателя, иностранца, бывшаго прежде кучеромъ. Въ комедію введены четыре лица, которыхъ разговоры, не имѣющіе никакого достоинства въ художественномъ отношеніи, важны для насъ, какъ выраженія мнѣній лучшихъ людей времени. Любопытно видѣть изъ этихъ разговоровъ, какъ лучшіе люди, недовольные одностороннимъ направленіемъ эпохи преобразованія, обращаются къ старинѣ, отъ нея хотятъ получить поученіе, ее представить въ образецъ новому, испорченному, по ихъ мнѣнію, поколѣнію. Къ какой же старинѣ обращается Фонъ-Визинъ? Обращеніе къ старинѣ до-Петровской было еще для него слишкомъ круто: и вотъ онъ обратился къ царствованію Петра, здѣсь хотѣлъ найдти урокъ и примѣръ для потомства, свернувшаго съ дороги, указанной великимъ преобразователемъ. Главное лицо между чистыми лицами комедіи носитъ названіе Стародума, названіе многозначительное, показывающее ясно намѣреніе автора обратиться за поученіемъ къ старинѣ. Стародумъ воспитанъ въ строгихъ правилахъ отцомъ своимъ, слугою Петра Великаго, и эти строгія нравственныя правила проти-

вополагаются порчѣ послѣдующаго времени. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, господствующую мысль новаго времени, своего вѣка, авторъ приписываетъ старому времени, современникъ Петра говоритъ языкомъ Екатерины и Бецкаго. Стародумъ: «Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и тоже: имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода.» Правдинъ: «Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.» Стародумъ: Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе.» — Не такъ говорили современники Петра; напримѣръ Татищевъ провозглашалъ, что источникъ всѣхъ дѣяній человѣческихъ есть умъ, и только. Фонъ-Визинъ, вооружаясь противъ одностороннихъ заимствованій съ Запада, пошелъ далѣе многихъ и многихъ своихъ современниковъ; въ то время, какъ многіе восхищались такъ называемымъ философскимъ направленіемъ вѣка, Стародумъ говоритъ: «Я боюсь нынѣшнихъ мудрецовъ: они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель». Главная мысль комедіи, о необходимости нравственнаго воспитанія, выражена въ слѣдующихъ словахъ Правдина и Стародума: Правдинъ: «Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатка, принимается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи». Стародумъ: «Оное должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйдти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды родители платятъ еще и деньги невѣждамъ учителямъ! Сколько дворянъ отцовъ, которые нравственное воспитаніе сына своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! лѣтъ черезъ шестнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое, старый дядька да молодой баринъ». Правдинъ: «Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей

своихъ». Стародумъ «Такъ, мой другъ, да я желалъ бы. чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу.» — Дополненіемъ къ «Недорослю», по единству главной мысли, служитъ комедія Фонъ-Визина: «Выборъ Гувернера». Въ «Недорослѣ» авторъ преимущественно указывалъ на зло, проистекавшее для воспитанія отъ стариннаго невѣжества провинціяльныхъ дворянъ; только слегка указано на зло, происходящее отъ иностранца гувернера: безцвѣтная фигура Вральмана изчезаетъ передъ фигурою госпожи Простаковой. Въ «Выборѣ Гувернера» авторъ переноситъ сцену дѣйствія въ высшую сферу. въ домъ богатаго князя, клеймитъ позоромъ несчастное пристрастіе къ иностраннымъ воспитателямъ, соединенное съ глупою спѣсью. Мысли, высказанныя авторомъ въ комедіяхъ. объясняются мыслями въ его письмахъ изъ-за границы; такъ онъ отзывается о воспитаніи во Франціи: «Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ, но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ». Знаменитѣйшій изъ поэтовъ Екатерининскаго времени великолѣпный Державинъ, воспѣвая блистательныя побѣды и торжества, въ тоже время твердитъ о необходимости нравственныхъ основъ для общества, требуетъ правды, и встрѣчалъ новорожденнаго внука Екатерины (Александра Павловича) желаніемъ: «Будь на тронѣ человѣкъ!»

17 Историческіе труды. Екатерина считала необходимымъ знаніе русской исторіи, при пытливости и многосторонности ума своего сама любила заниматься вопросами изъ

нея; за нѣсколько минутъ до смерти занималась сочиненіемъ «записокъ касательно Россійской исторіи». Что же было сдѣлано при ней для русской исторіи? Старикъ Мюллеръ былъ переведенъ въ Москву, сдѣланъ начальникомъ драгоцѣннаго архива иностранной коллегіи, гдѣ былъ совершенно въ своей сферѣ. Мюллеръ издалъ Татищева, издалъ «Ядро Россійской исторіи» Манкіева, сообщилъ много матеріяловъ Новикову для его «Вивліоѳики», Голикову—для его «Дѣяній Петра Великаго». Явились попытки изъ собранныхъ матеріяловъ сдѣлать что-нибудь стройное, написать русскую исторію, явилась «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», князя Щербатова. Авторъ былъ человѣкъ умный, образованный, трудолюбивый, добросовѣстный, но недаровитый и неприготовленный наукою къ своему труду, принявшійся за него какъ любитель только. Несмотря на то, трудъ Щербатова занимаетъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Слѣдя добросовѣстно и внимательно за ходомъ событій русской исторіи, Щербатовъ останавливался на явленіяхъ особенно поразительныхъ, не похожихъ на явленія, въ исторіи другихъ народовъ встрѣчающіяся, старался объяснять ихъ, подходилъ къ нимъ съ разныхъ сторонъ, ошибался, но пролагалъ дорогу другимъ, возбуждалъ споръ.

Горячій споръ завязался между Щербатовымъ и Болтинымъ. Генералъ Болтинъ человѣкъ съ сильнымъ дарованіемъ, сдѣлался извѣстенъ своими возраженіями на книгу Леклерка о древней и новой Россіи, вышедшую въ Парижѣ въ 1784 году. Опровергая Леклерка, который низко ставилъ древнюю Россію, ея исторію, Болтинъ необходимо долженъ былъ защищать ее, находить свѣтлыя стороны въ этой жизни, въ этой исторіи, къ которой такъ враждебно до сихъ поръ относилась эпоха преобразованія, повторявшая, что преобразователь привелъ Россію изъ небытія въ бытіе. Болтину было тѣмъ легче принять защиту древней Россіи, что общество, сознавши вред-

ную сторону преобразовательнаго направленія, готово было сочувствовать той жизни, противъ которой ратовало это преобразовательное направленіе. Болтинъ первый высказалъ положенія о сильной степени развитія древняго русскаго общества, положенія, которыя потомъ такъ часто повторялись. Такъ, разсматривая договоры нашихъ первыхъ князей съ Греками, Болтинъ говоритъ: «Въ тогдашнее уже время имѣли Русскіе правленіе на коренныхъ законахъ и на непремѣнныхъ правилахъ утвержденное; народъ раздѣленъ былъ на разныя сословія, каждое сословіе пользовалось особенными правами, преимуществами и отличностями; всѣ вообще имѣли судъ и расправу; успѣхъ имѣли въ торговлѣ внутренней и внѣшней, мореплаваніи, художествахъ, ремеслахъ, и, въ разсужденіи тогдашняго вѣка, въ нарочитомъ просвѣщеніи» и проч. Темныя стороны западнаго общества, перенесенныя въ Россію въ эпоху преобразованія, давали Болтину сильное оружіе въ защиту стараго противъ новаго. Леклеркъ порицаетъ Уложеніе за то, что оно даетъ тиранскую власть мужу надъ женою; Болтинъ выставляетъ порчу семейной нравственности въ его время на Западѣ и въ Россіи. Болтинъ заступается и за русскій языкъ, основываясь на возможности переводовъ на славянскій языкъ твореній отцовъ церкви; и на русскій языкъ важныя и глубокомысленныя творенія переводятся безъ потери ясности и красоты; говоритъ, что употребленіе русскими людьми французскихъ словъ въ разговорѣ введено не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему что называется французскимъ. По поводу замѣчанія Леклерка, что въ древней Россіи запрещенъ былъ въѣздъ иностраннымъ ученымъ въ Россію, а Русскимъ выѣздъ за границу для наукъ, Болтинъ прямо укоряетъ новую Россію за перемѣну къ худшему: «Съ тѣхъ поръ, какъ юношество свое стали посылать въ чужіе краи, а воспитаніе ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши со-

всѣмъ перемѣнились, съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадились въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилась привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ. Мы старое позабыли, а новаго не переняли, и, ставъ не похожими на себя, не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія: захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣка; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія. Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ.»

Въ примѣчаніяхъ на Леклерка Болтинъ нѣсколько разъ задѣлъ и князя Щербатова; тотъ защищался, это произвело споръ, вслѣдствіе котораго появились два тома примѣчаній Болтина на исторію Щербатова.

Изъ записокъ, относящихся къ царствованію Екатерины II, самыя замѣчательныя статсъ-секретарей императрицы — Храповицкаго, Державина и Грибовскаго; записки эти всего ближе знакомятъ насъ съ характеромъ Екатерины, ея взглядами и побужденіями; потомъ записки княгини Дашковой, извѣстной своими близкими отношеніями къ императрицѣ, своими литературными трудами и бывшей президентомъ академіи; наконецъ записки Порошина, находившагося при воспитаніи великаго князя Павла Петровича и подробно описавшаго это воспитаніе, разговоры воспитателя, Н. И. Панина и другихъ лицъ, посѣщавшихъ наслѣдника.

Мы видѣли, что среди мыслящихъ людей Екатерининскаго вѣка явилось недовольство направленіемъ первой половины столѣтія, признаніе его вредной односторонности; но одни изъ нихъ средствомъ поправить дѣло признаютъ распространеніе началъ такъ называвшейся тогда философіи, разрушавшей старые предразсудки; другіе заподозрѣваютъ эту философію въ томъ, что она, разрушая предразсудки, съ тѣмъ вмѣстѣ подрываетъ и основаніе добродѣтелей; третьи отъ недовольства эпохою преобразованія естественно переходятъ къ мысли, что эта эпоха не права передъ обезславленною ею до-Петровскою Россіею. Подлѣ этихъ направленій существовало также направленіе мистическое, явившееся какъ противодѣйствіе матеріяльно-отрицательному направленію XVIII вѣка. Изъ людей этого мистическаго направленія особенно замѣчателенъ Новиковъ, начавшій свою дѣятельность изданіемъ сатирическихъ журналовъ, которыхъ выходило много при Екатеринѣ: цѣль ихъ была осмѣяніе тѣхъ же недостатковъ общества, которые осмѣивала и комедія.

Потомъ Новиковъ приступилъ къ изданію сборника историческихъ матеріяловъ, извѣстнаго подъ именемъ «Древней Россійской Вивліоѳики». Въ Москвѣ, вмѣстѣ съ профессоромъ тамошняго университета, Шварцомъ, Новиковъ основалъ въ 1781 году Дружеское ученое общество, цѣлію котораго было печатаніе учебныхъ книгъ и даровая раздача ихъ по учебнымъ заведеніямъ, также содержаніе воспитанниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Около Новикова собралось много даровитыхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ людей, которые занимались переводами книгъ, и участвовали въ изданіяхъ Новикова; въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ и Карамзинъ.

ГЛАВА L.

Царствованіе Императора Павла Петровича.

1. Миролюбивое расположеніе императора. Подъ предлогомъ разстройства во внутреннемъ управленіи, новый императоръ объявилъ, что для Россіи необходимо спокойствіе извнѣ, и потому онъ отказывается отъ войны съ Франціею. «Россія (объявлено иностраннымъ дворамъ), будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть потому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи, послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однакоже хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, государь не менѣе за тѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи съ своими союзниками и чувствуетъ нужду противиться всевозможными мѣрами неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія».

2. Причины войны съ Франціею. Но изъ этого самого объявленія уже было видно, что миръ не будетъ продолжителенъ, ибо во всевозможныхъ мѣрахъ противиться французской республикѣ первая мѣра была война. Австрія, доведенная до крайности побѣдами Бонапарта, принуждена была заключить Кампоформійскій миръ, по которому Франція пріобрѣтала Нидерланды, Іоническіе острова съ нѣкоторыми округами на твердой землѣ, принадлежавшими упраздненной республикѣ

Венеціянской; Ломбардія поступала въ составъ республики Цизалпинской вмѣстѣ съ владѣніями Моденскими и тремя областями Папскихъ владѣній. Франція, управляемая тогда директоріей, воспользовалась своимъ торжествомъ для того, чтобъ еще болѣе распространить свои владѣнія и свое вліяніе. Воспользовавшись борьбою партій, она заняла своимъ войскомъ Швейцарію, переименованную въ республику Гельветическую; эта республика была независима только по имени; Французы дѣлали въ ней все, что̀ хотѣли, а Женева прямо была присоединена къ Франціи. Въ Италіи Французы заняли Римъ, провозгласили здѣсь республику; папа Пій VI отвезенъ былъ во Францію. Наконецъ директорія дѣлала сильныя вооруженія, готовясь къ какому-то важному предпріятію, загадочному для Европы и тѣмъ болѣе ее безпокоившему.

Англія и Австрія обратились къ русскому императору, который имѣлъ и непосредственныя причины къ неудовольствію на Францію. Русскій консулъ былъ схваченъ Французами на одномъ изъ Іоническихъ острововъ и, несмотря на требованіе императора, не выпускался изъ заключенія. Польскіе выходцы нашли во Франціи явное покровительство со стороны директоріи и начали замышлять возстановленіе Польши. Толпы этихъ выходцевъ собирались въ Молдавіи съ намѣреніемъ вторгнуться въ Галицію. Косцюшко, освобожденный императоромъ Павломъ изъ плѣна съ обязательствомъ переѣхать въ Америку, пріѣхалъ въ Бордо, чтобъ отправиться за океанъ и, вмѣсто того, возвратился въ Парижъ. Генералъ Домбровскій въ сѣверной Италіи формировалъ на счетъ Франціи легіоны изъ Поляковъ для будущей польской арміи. Съ своей стороны французское правительство жаловалось, что русскій императоръ принимаетъ въ свое покровительство французскихъ изгнанниковъ. Дѣйствительно императоръ Павелъ принялъ въ Россію 7000 французскихъ эмигрантовъ, составлявшихъ корпусъ войскъ подъ

начальствомъ принца Конде; корпусъ этотъ былъ размѣщенъ въ Волынской и Подольской губерніяхъ. Самъ Людовикъ XVIII, гонимый ото всюду вслѣдствіе мира Пруссіи и Австріи съ Франціею, просилъ у русскаго императора убѣжища себѣ, своему семейству и сотнѣ вѣрныхъ тѣлохранителей; государь исполнилъ просьбу, и Людовикъ XVIII поселился въ Митавѣ, получая по 200,000 рублей ежегодно отъ русскаго правительства.

Въ началѣ 1798 года распространился слухъ, что Французы намѣрены отправить флотъ свой въ Черное море для нападенія на русскіе берега. Тогда государь велѣлъ вице-адмиралу Ушакову выйдти въ море; Турціи было объявлено, что русскій флотъ будетъ готовъ помогать ей противъ Французовъ; съ другой стороны двѣ эскадры отправились для соединенія съ англійскимъ флотомъ, чтобъ крейсировать у береговъ Франціи и Голландіи.

3. Поведеніе Австріи и Пруссіи. Начиная борьбу съ Франціею императоръ болѣе всего старался соединить силы Австріи и Пруссіи, которыя постоянно соперничали, мѣшали другъ другу, думая только о матеріяльныхъ пріобрѣтеніяхъ, тогда какъ дѣло шло со всѣмъ о другомъ съ тѣхъ поръ какъ революціонная Франція выставила новыя начала и стала распространять ихъ. Императоръ Павелъ старался внушить австрійскому императору и королю прусскому что тройственный союзъ между Россіею, Австріею и Пруссіею тогда только будетъ крѣпокъ «когда устранятся совершенно всякія непріязненныя предубѣжденія и всякія замыслы на новыя пріобрѣтенія». Такъ какъ обѣ сильныя германскія державы, и Австрія и Пруссія, въ своихъ соглашеніяхъ съ Франціею, приносили въ жертву собственнымъ интересамъ интересы мелкихъ германскихъ владѣній, то императоръ Павелъ приказывалъ напоминать имъ, что съ крайнимъ сожалѣніемъ взираетъ, когда оба

сильнѣйшія государства Германіи ищутъ себѣ добычи въ ущербъ малосильнымъ и невиннымъ сочленамъ имперіи, и главное старался внушить, что «оставшіяся еще внѣ заразы государства ни чѣмъ такъ сильно не могутъ обуздать буйство французской націи, какъ тѣсною между собою связью и готовностію одинъ другаго охранять честь, цѣлость и независимость».

4. Союзъ пяти державъ противъ Франціи. Но внушенія эти остались тщетными; императоръ Павелъ, убѣдившись, что берлинскій дворъ, «по господствующему въ немъ пристрастію къ французскому правленію и по закоренѣлой зависти къ вѣнскому двору», вовсе не намѣренъ приступить съ союзу, рѣшился дѣйствовать за-одно съ Австріею, и велѣлъ двинуться на помощь послѣдней шестнадцати тысячному корпусу своихъ войскъ; а между тѣмъ Бонапартъ, отправившись изъ Тулона для завоеванія Египта, захватилъ (лѣтомъ 1798 года) островъ Мальту принадлежавшую рыцарямъ св. Іоанна іерусалимскаго, которые съ 1797 года находились подъ покровительствомъ русскаго императора. Тогда рыцари, собравшись въ Петербургѣ, просили государя принять орденъ подъ свое державство; императоръ согласился, принялъ званіе великаго магистра ордена и далъ обѣщаніе ограждать его права и стараться возвратить ему прежнее значеніе. Бонапартъ высадился на берега Египта; Турція просила помощи у Россіи, и эскадра Ушакова вступила въ Босфоръ. Въ Константинополѣ Ушаковъ былъ принятъ съ почестями и торжествомъ. Подтвердили ясскій договоръ, Россія и Турція положили помогать другъ другу противъ всякаго общаго врага, «но отнюдь не въ видахъ завоеванія, а единственно для защиты цѣлости своихъ владѣній, для безопасности подданныхъ, для поддержанія политическаго равновѣсія и для противодѣйствія беззаконнымъ замысламъ французскаго правленія»: Порта приняла на свой счетъ содержаніе русской эскадры. Къ этому союзу присту-

пили Англія и Неаполь; на помощь послѣднему отправленъ корпусъ русскихъ войскъ черезъ турецкія и австрійскія владѣнія въ долматскій городъ Зару, откуда неаполитанскіе корабли должны были перевезти его на берега Италіи. Такимъ образомъ къ началу 1799 года образовался противъ Франціи союзъ изъ Россіи, Англіи, Австріи, Турціи и Неаполя; цѣль его была: «дѣйствительнѣйшими мѣрами положить предѣлъ успѣхамъ французскаго оружія и распространенію правилъ анархическихъ; принудить Францію войдти въ прежнія границы и тѣмъ возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе».

5. Дѣйствія турецко-русской эскадры. Осенью 1798 года союзная русско-турецкая эскадра направилась къ Іоническимъ островамъ, обѣщая жителямъ ихъ, что они, по изгнаніи Французовъ, получатъ самостоятельность; этимъ отстранялся поводъ къ соперничеству между союзниками; острова были отняты у Французовъ, долѣе всѣхъ защищалась крѣпость на островѣ Корфу; наконецъ сдалась и она въ февралѣ 1799 года. На сухомъ пути, въ Италіи король неаполитанскій Фердинандъ IV преждевременно началъ борьбу съ Франціею и лишился владѣній своихъ на полуостровѣ: онъ долженъ былъ удалиться въ Сицилію, а Неаполь, занятый Французами, переименованъ былъ въ Пароенопейскую республику. Тогда Австрія просила императора Павла увеличить число русскихъ войскъ, назначенныхъ для соединеннаго дѣйствія съ нею въ Италіи, просила прислать и главнокомандующаго, именно Суворова.

6. Суворовъ. Мы видѣли дѣятельность Суворова во время турецкой, польской войны, во время Пугачевскаго возмущенія. Въ молодости Суворовъ получилъ образованіе, какое тогда можно было получить, потому что отецъ, предназначая его, по слабости здоровья, къ гражданской службѣ, заставлялъ учиться

наукамъ и языкамъ; чтенiе историческихъ книгъ развило въ немъ славолюбiе и уяснило для него самого его призванiе: онъ вступилъ въ военную службу. Здѣсь онъ подвигался очень медленно, 9 лѣтъ былъ солдатомъ; проживъ такъ долго вмѣстѣ съ солдатами, онъ совершенно сроднился съ ихъ бытомъ, съ ихъ привычками, языкомъ, привыкъ къ жизни простой, которую не покидалъ до конца. Въ чинахъ офицерскихъ Суворовъ прiобрѣлъ репутацiю отличнаго кавалерiйскаго офицера, быстраго при рекогносцировкѣ, отважнаго въ битвѣ и хладнокровнаго въ опасности. Но для Суворова этого было мало; онъ видѣлъ какъ быстро шагаютъ любимцы счастiя, менѣе его достойные, но умѣвшiе стать на видъ, и онъ рѣшился обратить на себя вниманiе, заставить заговорить о себѣ средствомъ, которое, разумѣется, лежало уже въ его природѣ и которое потому употреблено имъ съ такимъ успѣхомъ; это средство было юродство, которое производитъ такое сильное впечатлѣнiе въ неразвитыхъ обществахъ, когда при господствѣ воображенiя надъ мыслящею, повѣряющею явленiе способностiю, все странное, выходящее изъ обычной колеи, имѣетъ обаятельную силу, заставляя предполагать что-то высшее, таинственное. Суворовъ сдѣлался чудакомъ; отбросивъ общепринятыя формы приличiя, онъ ничего не дѣлалъ какъ другiе люди: говорилъ отрывисто, какими-то загадочными фразами, употреблялъ свои особыя выраженiя, кривлялся, дѣлалъ разныя ужимки, ходилъ припрыгивая. Примѣняясь къ солдатскому быту, онъ довелъ до крайности свой спартанскiй образъ жизни: вставая съ зарею, бѣгалъ по лагерю въ рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ 8 часовъ утра; въ одеждѣ также не соблюдалъ общей формы. Въ обращенiи съ подчиненными Суворовъ создалъ себѣ свою систему: строгiй къ каждому въ исполненiи обязанностей служебныхъ, онъ въ тоже время не боялся сближаться съ солдатами, шутилъ съ ними, забавляя ихъ своими прибаутками.

Говоря съ подчиненными, требовалъ отъ нихъ находчивости и смѣлости, отвѣтовъ быстрыхъ и точныхъ; слово: не знаю было строго запрещено. Вдругъ обращался онъ къ солдату или офицеру съ какимъ-нибудь страннымъ, нелѣпымъ вопросомъ, и немедлено же надобно было отвѣчать ему, хотя такою же нелѣпостію: кто отвѣтитъ остро, умно, тотъ молодецъ, разумникъ; кто смутится, замнется — тотъ не могу-знайка. Суворовъ достигъ своей цѣли: о немъ начали говорить; безчисленные анекдоты о его продѣлкахъ дошли до императрицы Екатерины; громадная популярность была пріобрѣтена между солдатами, которые видѣли въ Суворовѣ своего, и между которыми болѣе, чѣмъ въ другихъ классахъ общества, юродство имѣло обаятельную силу. Во время упомянутыхъ Екатерининскихъ войнъ, въ которыхъ Суворовъ учавствовалъ съ такимъ блескомъ, онъ вполнѣ выказалъ духъ своихъ военныхъ правилъ: вѣрно разсчитать, гдѣ надобно нанести ударъ, быстрымъ движеніемъ появиться внезапно передъ непріятелемъ, атаковать его смѣло и рѣшительно, — вотъ простыя правила, которыя обыкновенно выражалъ онъ самъ тремя словами: глазомѣръ, быстрота, натискъ.

Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Екатерины Суворовъ уже былъ назначенъ начальствовать надъ войскомъ, которое должно было идти на помощь Австріи противъ Французовъ; но смерть императрицы разстроила дѣло. — Преемникъ ея объявилъ, что не будетъ держаться воинственной политики предшествовавшаго царствованія, и скоро Суворовъ подвергся даже сильной опалѣ за медленность въ исполненіи указовъ императорскихъ относительно преобразованій въ войскѣ: онъ былъ отставленъ и велѣно ему жить въ своей вотчинѣ въ глуши Новгородской губерніи, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника. Здѣсь онъ проводилъ свое время за книгами, внимательно слѣдилъ за политическими событіями, игралъ съ дере-

венскими мальчишками, по праздникамъ въ церкви читалъ апостолъ, пѣлъ на клиросѣ и звонилъ въ колокола. Отсюда-то онъ былъ вызванъ въ началѣ 1799 года, чтобъ принять начальство надъ соединенною русско-австрійскою арміею.

Но Суворовъ съ своими правилами, съ своимъ глазомѣромъ, быстротою и натискомъ вовсе не былъ такимъ главнокомандующимъ, который бы понравился въ Австріи, ибо здѣсь главнокомандующіе не могли дѣйствовать по своему глазомѣру; здѣсь они должны были исполнять рѣшенія придворнаго военнаго совѣта, состоявшіяся заблаговременно въ Вѣнѣ, подъ вліяніемъ первенствующаго министра, Тугута, который считалъ себя знатокомъ военнаго дѣла, вовсе не будучи имъ.

7 Торжество Суворова въ Италіи надъ Мороп Макдональдомъ. 3-го апрѣля Суворовъ пріѣхалъ къ арміи въ Верону; 17 числа онъ перешелъ рѣку Адду, поразивши Французовъ въ трехдневномъ бою на ея берегахъ; 18-го торжественно вошелъ въ Миланъ, столицу Цизальпинской республики, покинутую французскими чиновниками и приверженцами Франціи. Цѣлуя руку у архіепископа миланскаго, Суворовъ говорилъ ему: «я присланъ возстановить древній престолъ папскій и привести народъ въ послушаніе монарху его. Помогите мнѣ въ святомъ дѣлѣ». Первымъ распоряженіемъ Суворова въ Миланѣ было ниспроверженіе Цизалпинской республики, что̀ поколебало во всей Италіи владычество Французовъ, вездѣ поднимался противъ нихъ народъ; такимъ образомъ въ двѣ недѣли по пріѣздѣ Суворова къ арміи положеніе дѣлъ перемѣнилось въ Италіи. Въ половинѣ мая былъ занятъ Туринъ; въ полтора мѣсяца вся почти сѣверная Италія была уже очищена отъ Французовъ, во власти которыхъ здѣсь оставалась только сильная крѣпость Мантуа, да еще три, четыре крѣпости. Французскій генералъ Моро долженъ былъ отойти за Апеннины, и расположился въ области Генуезской; но изъ

южной Италіи шелъ другой французскій полководецъ Макдональдъ. Чтобъ не дать ему соединиться съ Моро, Суворовъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу съ необыкновенною быстротою, на рѣкѣ Тидоне 6 іюня вступилъ въ бой, не давши отдохнуть своему войску, и разбилъ Французовъ. Отброшенный за рѣку Тидоне Макдональдъ отступилъ къ рѣкѣ Треббіи верстъ на семь назадъ. Здѣсь былъ кровопролитный двухдневный бой (7 и 8 іюня): изнуренные зноемъ италіянскаго лѣтняго дня, Русскіе едва могли держаться; генералъ Розенбергъ подъѣхалъ къ Суворову съ тѣмъ, чтобъ посовѣтовать ему отступленіе; Суворовъ лежалъ въ истомленіи у большаго камня: «Попробуйте сдвинуть этотъ камень», отвѣчалъ онъ Розенбергу на его предложеніе. «не можете!... ну такъ и Русскіе не могутъ отступить!» Семидесятилѣтній старикъ забылъ свою усталость, сѣлъ на коня, появленіемъ своимъ заставилъ и солдатъ забыть усталость, и Французы были отброшены за рѣку со страшнымъ для нихъ урономъ; ночью Макдональдъ, найдя невозможнымъ дожидаться новаго нападенія, началъ отступленіе и тѣмъ призналъ себя окончательно побѣжденнымъ. Покончивъ съ Макдональдомъ, Суворовъ услыхалъ о движеніяхъ Моро и съ такою же быстротою обратился назадъ противъ него; но одно его появленіе заставило Моро отступить безъ боя.

8. Непріятности Суворову отъ австрійскаго правительства. Отъ императора Павла Суворовъ получалъ награды и рескрипты въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ; государь писалъ, что онъ изъявляетъ признательность къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, которымъ прославляется его царствованіе. Знаменитый соперникъ Суворова, Моро признавалъ дѣйствія послѣдняго въ Италіи образцовыми; но не доволенъ былъ Тугутъ и придворный военный совѣтъ въ Вѣнѣ. Тотчасъ послѣ побѣды на Треббіи побѣдитель былъ огорченъ рескриптомъ императора Франца, который просилъ Суворова

совершенно отказаться отъ всякихъ предпріятій дальнихъ и не вѣрныхъ и о всякомъ важномъ предположеніи своемъ или дѣйствіи предварительно доводить до его свѣдѣнія. Военный придворный совѣтъ, съ одной стороны, давалъ Суворову непрошенные уроки въ томъ, что̀ тотъ самъ очень хорошо зналъ и исполнялъ, съ другой мѣшалъ ему въ самыхъ важныхъ распоряженіяхъ: такъ фельдмаршалъ хотѣлъ усилить себя піемонтскимъ войскомъ и приглашалъ Піемонтцевъ собираться подъ свои національныя знамена и сражаться за свободу отечества и законное національное правительство; но Австрійцы никакъ нехотѣли согласиться на это и требовали, чтобъ Піемонтцы поступали въ австрійскіе полки, на что̀ тѣ никакъ не соглашались. Австрійцы приписывали успѣхи Суворова одному слѣпому счастію, порицали его дѣйствія, находя ихъ противными правиламъ военнаго искусства. За то и Суворовъ не щадилъ австрійскихъ генераловъ:«Служба ихъ, писалъ онъ, въ титлахъ, амбиціи или эгоизмѣ, вредномъ обществу. Вездѣ гофкригсратъ, неискоренимая привычка битымъ быть.... Его римско-императорское величество желаетъ, чтобы ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются, для нихъ нѣтъ никогда вѣрнаго плана. Фортуна летитъ какъ молнія: не схвати за волосы — уже она не возвратится». Австрійцы все хлопотали о сдачѣ Мантуи; наконецъ и эта сильная крѣпость, оплотъ сѣверной Италіи, сдалась 17 іюля; императоръ Павелъ возвелъ Суворова въ княжеское достоинство съ проименованіемъ Италійскаго.

9. Дѣйствія Русскихъ въ южной Италіи. Между тѣмъ Русскіе съ успѣхомъ дѣйствовали и съ другаго конца въ Италіи. Французы не долго нажили спокойно въ Неаполѣ или Парѳенопейской республикѣ. Республика-мать наложила на республику-дочь такую тяжкую контрибуцію, что народъ воз-

сталъ во имя прежняго правительства, всѣ злоупотребленія котораго скоро забылись при новыхъ бѣдствіяхъ и несправедливостяхъ. Король Фердинандъ прислалъ для возставшихъ предводителя изъ Сициліи, кардинала Руффо, который былъ извѣстенъ больше какъ солдатъ, чѣмъ какъ духовное лицо. Лишь только Руффо явился въ Калабрію, какъ тысячи народа начали стекаться къ нему, и онъ образовалъ ополченіе, которое назвалъ ратію Св. Вѣры; но эта рать Св. Вѣры наполнялась всякимъ сбродомъ, бѣглыми солдатами, преступниками, и потому успѣхъ ея вездѣ сопровождался грабежемъ, насиліями, буйствомъ и развратомъ. Между тѣмъ адмиралъ Ушаковъ отрядилъ небольшую эскадру, которая, плывя около береговъ, приводила приморскіе неаполитанскіе города въ повиновеніе королю Фердинанду; русскій капитанъ-лейтенантъ Белле высадился на берегъ съ 390 человѣкъ войска, и съ этою горстью успѣлъ утвердиться въ самой серединѣ неаполитанскихъ владѣній; Руффо соединился съ Белле, и русскіе офицеры, по просьбѣ кардинала, обучали его нестройныя толпы, наконецъ союзники рѣшились идти къ столицѣ. 2-го іюня ночью Русскіе пробились въ Неаполь; узнавъ объ этомъ, лаццарони бросились на республиканскія войска съ крикомъ: «да здравствуетъ король!» Толпы Руффо съ яростію ворвались въ городъ; всю ночь продолжались убійства, грабежи и насилія. Однако республиканцы сопротивлялись еще два дня, и только къ вечеру 4-го числа роялистамъ удалось овладѣть всѣмъ городомъ. Убійства безоружныхъ, пожары и грабежи продолжались; только съ помощію Русскихъ кардиналъ Руффо успѣлъ наконецъ возстановить спокойствіе въ городѣ, когда уже болѣе 2000 домовъ было разорено, когда улицы были завалены трупами и облиты кровью.

10. Побѣда Суворова при Нови и походъ его въ Швейцарію. 15 августа Белле донесъ Суворову, что неапо-

литанское владѣніе освобождено отъ республиканцевъ. Въ это время фельдмаршалъ уже успѣлъ одержать новую блистательную и послѣднюю свою побѣду. Французское правительство вмѣсто Моро назначило Жубера главнокомандующимъ французскими войсками, сосредоточенными въ Генуезской области. Жуберъ поскакалъ въ армію прямо отъ вѣнца, и, прощаясь съ молодой женою, сказалъ ей: «Ты меня увидишь мертвымъ или побѣдителемъ». Жуберъ расположилъ свое войско на послѣднихъ скатахъ Апеннинъ подлѣ городка Нови; Суворовъ напалъ на него здѣсь 4 августа, и французскій главнокомандующій былъ убитъ въ самомъ началѣ дѣла; Моро принялъ начальство, но не могъ спасти своей арміи отъ пораженія; побѣдители взяли у нея почти всю артиллерію и до 4500 плѣнныхъ. Но въ то самое время, какъ Суворовъ торжествовалъ надъ французами въ Италіи, тѣ, подъ начальствомъ Массены, торжествовали надъ австрійцами въ Швейцаріи; а между тѣмъ союзные дворы составили новый планъ веденія войны, по которому въ Италіи должны были оставаться одни австрійскія войска, а Суворовъ долженъ былъ двинуться въ Швейцарію и соединиться тамъ съ русскимъ корпусомъ находившимся подъ начальствомъ генерала Римскаго-Корсакова; австрійскія же войска, находившіяся подъ начальствомъ эрцъ-герцога Карла, по мѣрѣ вступленія Русскихъ въ Швейцарію, должны были постепенно выходить изъ этой страны. Но эрцъ-герцогъ Карлъ, не дожидаясь Суворова поспѣшилъ вывести свои войска изъ Швейцаріи; тогда какъ Римскій-Корсаковъ съ 24,000 войска, даже и при содѣйствіи 20,000 Австрійцевъ, еще остававшихся въ Швейцаріи, не могъ держаться противъ 70,000 Французовъ; эрцъ-герцогъ хотѣлъ и эти 20,000 вывести изъ Швейцаріи, какъ только вступитъ туда Суворовъ, а Суворовъ могъ привести съ собою только 20,000 Русскихъ. Въ концѣ августа онъ приближался уже къ Швейцаріи быстрыми пере-

ходами. Не имѣя точныхъ свѣдѣній ни о силахъ непріятельскихъ, ни о мѣстности новаго театра войны, положившись во всемъ на бывшихъ при немъ австрійскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, знакомыхъ съ мѣстностію, Суворовъ выбралъ путь чрезъ С. Готардъ. Въ ненастную погоду (10—13 сентября), при сильномъ сопротивленіи непріятеля, Русскіе взобрались на С. Готардъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Но, взобравшись на гору, надобно было спускаться съ нея: при помощи густаго тумана, Русскіе скатились на Французовъ и обратили ихъ въ бѣгство; но переходъ чрезъ С. Готардъ стоилъ Суворову 2000 человѣкъ. Припятствія и опасности только начинались: надобно было пройдти сквозь узкое и низкое отверстіе, пробитое въ утесахъ, загораживающихъ дорогу на правомъ берегу рѣки Рейссы, надобно было перейдти знаменитый Чертовъ мостъ, арку, перекинутую съ утеса на утесъ на высотѣ 75 футовъ надъ бездною, и каждый шагъ при этомъ должно было покупать кровію.

Преодолѣвая на каждомъ шагу страшныя преграды природныя, встрѣчая вездѣ упорное сопротивленіе отъ непріятеля, Суворовъ достигъ Альторфа; но куда идти далѣе? Дорога, по которой шли до сихъ поръ Русскіе, прекращалась у Люцернскаго озера; впереди тропинки, въ позднее время года доступныя только для смѣлыхъ охотниковъ, привыкшихъ съ малолѣтства карабкаться по громаднымъ утесамъ и пустыннымъ ледникамъ. Но Суворовъ, во что бы то ни стало, хочетъ идти къ Швицу, гдѣ условился соединиться съ Корсаковымъ, и для этого избираетъ самую трудную тропинку къ Муттенской долинѣ: погруженные въ сырую мглу, солдаты лезутъ ощупью, не видя ничего ни снизу, ни сверху; обувь у нихъ избилась, сваливается съ ногъ; сухарные мѣшки совсѣмъ опустѣли, такъ что не чѣмъ и подкрѣпить истощенныя силы. Наконецъ Суворовъ достига-

етъ Муттенской долины, хочетъ идти далѣе къ Швицу, но тутъ получаетъ страшныя вѣсти: Корсаковъ потерпѣлъ совершенное пораженіе при Цюрихѣ и съ огромною потерею отступилъ къ Шафгаузену, а побѣдитель его, Массена, собираетъ армію къ Швицу, чтобъ запереть Русскимъ выходъ изъ Муттенской долины. Массена былъ твердо увѣренъ, что Суворовъ съ своимъ 18-тысячнымъ отрядомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, превосходнымъ несравненно въ силахъ, принужденъ будетъ положить оружіе; выѣзжая изъ Цюриха, французскій главнокомандующій обѣщалъ плѣннымъ русскимъ офицерамъ привести къ нимъ черезъ нѣсколько дней Суворова и великаго князя Константина Павловича, находившагося при войскѣ. Суворовъ хорошо понималъ весь ужасъ своего положенія: на военномъ совѣтѣ, собранномъ 18 сентября, онъ объявилъ, что со временъ Прута, русскія войска никогда не были въ такомъ безвыходномъ положеніи: «Мы среди горъ», говорилъ онъ, «и окружены непріятелемъ превосходнымъ въ силахъ что̀ предпринять намъ? Идти назадъ — постыдно: никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ къ Швицу—невозможно: у Массены больше 60,000, а у насъ нѣтъ и двадцати; къ тому же мы безъ провіянта, безъ артиллеріи помощи ждать не отъ кого мы на краю гибели! Одна надежда на всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ! Мы Русскіе! Съ нами Богъ! Спасите честь Россіи и государя! Спасите сына нашего императора!» Съ этими словами старикъ бросился къ ногамъ великаго князя и облился слезами. Изъ толпы генераловъ первый послышался голосъ Дерфельдена, который ручался за храбрость и самоотверженіе войска, готоваго безропотно идти всюду, куда поведетъ великій полководецъ. На совѣтѣ принято мнѣніе великаго князя идти къ Гларису и, если непріятель преградитъ дорогу, пробиться силою. Рѣшеніе было исполнено. Французы, имѣя двойной

перевѣсъ въ силахъ, вмѣсто того, чтобъ совершенно истребить и забрать всю армію Суворова, какъ надѣялись, сами потерпѣли совершенное пораженіе отъ корпуса генерала Розенберга въ Муттенской долинѣ, въ то время какъ Суворовъ пробивалъ себѣ дорогу черезъ долину Клёнталь къ Гларису. 23 сентября у Глариса собралось все, что̀ остовалось отъ арміи Суворова: изнуренныя безпримѣрнымъ походомъ, продолжительнымъ голодомъ, ежедневнымъ боемъ, оборванныя, босыя, войска были безъ патроновъ, почти безъ артиллеріи; большая часть обоза погибла, не было на чемъ везти раненыхъ. 26 сентября Русскіе вышли изъ горъ, и страшный походъ швейцарскій кончился.

11. Разрывъ Россіи съ Австріею и Англіею. Выведши войско изъ Швейцаріи, Суворовъ расположилъ его въ Баваріи между рѣками Иллеромъ и Лехомъ; онъ еще не считалъ войну оконченною и готовился къ новому походу; но императоръ Павелъ, приписывая пораженіе Корсакова преждевременному выступленію австрійскихъ войскъ изъ Швейцаріи, написалъ императору Францу, что недовольный двуличнымъ и коварнымъ поведеніемъ австрійскаго министерства, онъ разрываетъ союзъ; къ Суворову государь написалъ: «Вы должны были спасать царей; теперь спасите россійскихъ воиновъ и честь вашего государя». Разрывъ между Россіею и Австріею сильно встревожилъ лондонскій кабинетъ англійскимъ посламъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ предписано было всѣми силами содѣйствовать примиренію обоихъ императоровъ. Гнѣвъ императора Павла на вѣнскій дворъ былъ обезоруженъ видимымъ раскаяніемъ, съ которымъ императоръ Францъ принялъ извѣстіе о разрывѣ союза; онъ готовъ былъ забыть всѣ непріятности и возобновить переговоры о будущей компаніи, но подъ двумя условіями: чтобъ Тугутъ былъ смѣненъ, чтобъ Австрія отказалась отъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ на счетъ Италіи. Но понятно, что Тугутъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ

помѣшать возобновленію союза, который надобно было купить такою дорогою для него цѣною; когда Суворовъ, переведши свои войска изъ Баваріи въ Богемію, написалъ императору Францу, что по первому мановенію русское войско готово опять выступить въ походъ и онъ самъ пролить послѣднюю каплю крови для общаго дѣла, то австрійское правительство дало знать, что продолжительное пребываніе русской арміи въ его владѣніяхъ будетъ слишкомъ обременительно для края; а въ концѣ года въ Петербургѣ узнали объ оскорбленіи, нанесенномъ Австрійцами русскому флагу. Соединенныя русскія, австрійскія и турецкія войска осаждали италіянскую крѣпость Анкону, находившуюся еще во власти Французовъ; начальникъ австрійскаго отряда, таiкомъ отъ русскаго, заключилъ съ французскимъ коммендантомъ договоръ о сдачѣ крѣпости, запретилъ пускать въ нее Русскихъ и Турокъ, и приказалъ силою спустить русскій и турецкій флаги и поднять одинъ австрійскій. Въ началѣ 1800 года Суворовъ вывелъ свои войска изъ Богеміи, и, простившись съ ними въ Краковѣ, отправился въ Петербургъ, гдѣ и умеръ 6 мая. — Порвался союзъ и съ Англіею. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ между этою державою и Россіею заключенъ былъ договоръ, по которому императоръ Павелъ обязался выставить войско и эскадру; Англія обязалась перевесть русскіе полки изъ Ревеля въ Англію, присоединить къ нимъ свое войско и взять на себя всѣ издержки экспедиціи, цѣлію которой назначалась Голландія или такъ названная Французами Батавская республика. Русскія войска были подъ начальствомъ генерала Германа, англійскія подъ начальствомъ герцога Іоркскаго, который былъ главнокомандующимъ всѣми союзными силами. Эта экспедиція не имѣла успѣха: въ сентябрѣ союзники были разбиты въ первомъ сраженіи при Бергенѣ, взяли верхъ во второмъ; но успѣхъ не доставлялъ никакихъ существенныхъ выгодъ: ни войска батавскія, ни боль-

шинство народа не возставали противъ Французовъ, которые держались очень упорно; потерявъ много людей, нуждаясь во всемъ необходимомъ, союзники принуждены были покинуть Голландію и возвратиться въ Англію (въ ноябрѣ). Здѣсь Русскіе были приняты не очень дружественно: ихъ помѣстили на островахъ Джерсеѣ и Гернсеѣ; они терпѣли крайній недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, цѣлую зиму оставались безъ одежды и обуви. Зависть Англичанъ къ Русскимъ обнаружилась во многихъ случаяхъ: такъ они старались подорвать русское вліяніе на Іоническихъ островахъ. Такимъ образомъ отношенія между прежними союзниками становились все болѣе и болѣе непріязненными и въ половинѣ апрѣля 1800 года императоръ Павелъ отозвалъ окончательно своихъ пословъ изъ Вѣны и Лондона.

12. Миръ съ Франціею и приготовленія къ войнѣ съ Англіею. Между тѣмъ во Франціи возвратившійся изъ Египта Бонапартъ уничтожилъ директорію и провозглашенъ былъ первымъ консуломъ. Лѣтомъ 1800 года онъ одною побѣдою при Маренго вырвалъ изъ рукъ Австрійцевъ весь край, завоеванный Суворовымъ въ прошломъ году. Въ тоже время Россія сблизилась съ Пруссіею въ видахъ дѣйствовать противъ Австріи: между обѣими державами заключенъ былъ договоръ съ обязательствомъ помогать другъ другу войскомъ. Относительно Англіи императоръ Павелъ предложилъ Пруссіи, Швеціи и Даніи возобновить вооруженный нейтралитетъ, потому что Англичане насильничали на моряхъ, объявивъ въ блокадѣ всѣ берега Франціи, Испаніи и другихъ союзныхъ съ Франціею земель; предложеніе было принято. Враждебныя отношенія къ прежнимъ союзникамъ необходимо вели къ сближенію съ прежнимъ врагомъ. Еще съ первыхъ мѣсяцевъ 1800 года начались сношенія императора Павла съ Бонапартомъ, посредствомъ берлинскаго двора. Въ іюлѣ первый консулъ далъ

знать, что, желая сдѣлать угодное императору Павлу, освобождаетъ безъ всякаго размѣна всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи; мало того, онъ не хотѣлъ иначе отпустить плѣнныхъ, которыхъ число простиралось до 6800 человѣкъ, какъ одѣвъ ихъ совершенно за-ново, снабдивъ полнымъ вооруженіемъ и всѣми военными принадлежностями. Вслѣдствіе этого русское правительство вошло въ прямыя сношенія съ французскимъ; при чемъ императоръ Павелъ далъ такой наказъ послу своему въ Берлинѣ, барону Крюднеру: «Въ особенности поручаю вамъ соблюдать полную искренность во всѣхъ сношеніяхъ вашихъ, какъ съ прусскимъ министерствомъ, такъ и съ французскими уполномоченными; объявляйте имъ прямо и просто мои повелѣнія. Правдивость, безкорыстіе и сила могутъ говорить громко и безъ изворотовъ». Основныя статьи мирнаго договора между Россіею и Франціею были слѣдующія: неприкосновенность владѣній короля неаполитанскаго и герцога виртембергскаго, возстановленіе короля сардинскаго (съ оставленіемъ однако Савоіи за Франціею), вознагражденіе курфюрста баварскаго, также и другихъ германскихъ владѣтелей, за области ихъ на лѣвой сторонѣ Рейна (отшедшія къ Франціи), посредствомъ секуляризаціи духовныхъ германскихъ владѣній, по общему соглашенію Россіи, Франціи и Пруссіи.

Кончилась одна война, начиналась другая — съ Англіею. Снова снаряжались эскадры, только что возвратившіяся изъ похода; къ западной границѣ имперіи стягивались войска. Атаманъ донскаго войска получилъ приказаніе собрать своихъ казаковъ съ артиллеріею и выступить къ Оренбургу, откуда двинуться потомъ чрезъ Хиву и Бухару на рѣки Индъ и Гангъ. Цѣль экспедиціи состояла въ томъ, чтобы разорить торговыя заведенія Англичанъ въ Остъ-Индіи, освободить изъ-подъ власти ихъ туземныхъ владѣтелей и завести въ томъ краѣ бли-

жайшія связи съ Россіею. Но среди этихъ приготовленій смерть застигла императора 11 марта 1801 года. На престолъ вступилъ старшій сынъ его Александръ Павловичъ.

13. Внутренняя дѣятельность императора Павла. Самымъ важнымъ постановленіемъ императора Павла было Учрежденіе объ императорской фамиліи, опредѣленіе порядка преемства престола и отношеній между членами императорской фамиліи (5 апрѣля 1597 года). — Касательно сословій, въ 1797 году велѣно наказывать дворянъ, гильдейскихъ гражданъ, священниковъ и дьяконовъ тѣлесно за уголовныя преступленія; указъ говоритъ: «Какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается». Относительно духовенства императоръ Павелъ выразилъ желаніе «чтобъ бѣлое священство имѣло образъ и состояніе, важности сана своего соотвѣтственныя». Для этого въ консисторіяхъ велѣно быть по крайней мѣрѣ половинѣ изъ бѣлаго священства; также установлены для него знаки отличія; въ селахъ церковныя земли велѣно обработывать прихожанамъ. По всѣмъ епархіямъ позволено было старообрядцамъ устроивать церкви и снабжать ихъ священниками, рукоположенными отъ православныхъ архіереевъ. Въ этомъ дѣлѣ особенное участіе принималъ знаменитый своими талантами и просвѣщеніемъ московскій митрополитъ Платонъ.

Касательно сельскаго народонаселенія въ декабрѣ 1796 года велѣно было прекратить самовольный переходъ поселянъ съ мѣста на мѣсто въ новороссійскихъ губерніяхъ, куда переманивалось много крестьянъ и изъ внутреннихъ губерній. Въ 1797 году въ нѣкоторыхъ губерніяхъ взволновались крестьяне по ложнымъ слухамъ о свободѣ. Въ томъ же году запрещено продавать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли съ молотка.

Касательно просвѣщенія, учреждены духовныя академіи въ Петербургѣ и Казани (1797). Въ 1798 году императоръ, «по причинѣ возникшихъ въ иностранныхъ училищахъ зловредныхъ

правилъ, отправленіе туда молодыхъ людей соизволилъ воспретить; но чтобъ не ограничить этимъ способовъ къ образованію, позволено было рыцарству курляндскому, эстляндскому и лифляндскому избрать приличнѣйшее для учрежденія университета мѣсто и устроить оный». Вслѣдствіе этого въ 1799 году основанъ дерптскій университетъ. Въ 1797 году частныя типографіи были закрыты, и установлена цензура въ обѣихъ столицахъ, въ Ригѣ, Одессѣ и при таможнѣ Радзивиловской; въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ было по три цензора — духовный, гражданскій и ученый; пропускались только такія книги, въ которыхъ не было ничего закону Божію, правиламъ государственнымъ и благонравію противнаго.

ГЛАВА LI.

Царствованіе Александра 1-го.

1. Двѣ первыя войны съ Франціею. Новый императоръ спѣшилъ остановить войну съ Англіею, не нарушая мира съ Франціею. Но миръ не могъ быть продолжителенъ: первый консулъ Бонапартъ провозгласилъ себя императоромъ, и рядомъ побѣдъ и завоеваній хотѣлъ утвердить новую династію среди воинственнаго народа, взволнованнаго революціею. Россія, отдаленная отъ Франціи обширными пространствами Средней Европы, могла бороться съ нею по примѣру, указанному въ предшествовавшее царствованіе т. е. поддерживая войсками своими сосѣднія державы, Австрію и Пруссію, въ постоянномъ союзѣ съ Англіею. Главная причина неуспѣха двухъ первыхъ войнъ состояла именно въ томъ, что Россія должна была поддерживать эти державы порознь. Въ 1805 году она

поддерживала одну Австрію, потому что Пруссія ни какъ не согласилась вступить въ союзъ. Австрійцы вслѣдствіе своихъ неловкихъ распоряженій, положили оружіе при Ульмѣ; вспомогательное русское войско, находившееся подъ начальствомъ Кутузова, должно было отступать отъ Инна въ Моравію, отбиваясь отъ напиравшаго непріятеля; аустерлицкое сраженіе завершило несчастную компанію: Австрія должна была заключить миръ въ Пресбургѣ на тяжелыхъ условіяхъ.

Пруссія, сдѣлавши одну ошибку, не присоединившись къ союзу въ благопріятное время, спѣшила сдѣлать другую: раздраженная тѣмъ, что Наполеонъ не хотѣлъ уважать государство, которое не умѣло показывать себя ни сильнымъ и рѣшительнымъ врагомъ, ни преданнымъ другомъ, Пруссія объявила войну аустерлицкому побѣдителю, въ 1806 году, когда истощенная Австрія не могла и не хотѣла приступить къ союзу. Въ одинъ день при Іенѣ и Ауерштедтѣ прусская армія, считавшая себя непобѣдимою по воспоминаніямъ о Фридрихѣ II, была уничтожена, почти вся Пруссія завоевана была въ нѣсколько недѣль; Русскіе одни должны были бороться съ Наполеономъ, и въ битвахъ при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау выставили такое сопротивленіе, какого до сихъ поръ еще не встрѣчалъ завоеватель, и послѣ рѣшительной побѣды своей подъ Фридландомъ Наполеонъ поспѣшилъ прекратить кровопролитную войну: пораженіе подъ Фридландомъ и отказъ Англіи дать требуемую денежную помощь и развлечь вниманіе Наполеона высадкою на берега Германіи или Франціи, принуждали къ миру и Россію. Миръ заключенъ былъ въ Тильзитѣ, въ іюнѣ 1807 года: изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, образовано было герцогство Варшавское, отданное королю саксонскому, а Бѣлостокская область присоединена къ Россіи; императоръ Александръ признавалъ братьевъ Наполеона королями неаполитанскимъ, голландскимъ и вестфаль-

скимъ, признавалъ всѣ другія распоряженія императора Французовъ, уступалъ ему Іоническіе острова. Оба императора очень сблизились при личномъ свиданіи и обязались помогать другъ другу во всѣхъ своихъ войнахъ.

2. Война шведская. Въ началѣ слѣдующаго же года открылась у Россіи война съ Швеціею. Застигнутые въ расплохъ и разсѣянные по всей Финляндіи шведскіе отряды не могли выставить дружнаго сопротивленія, и въ мартѣ вся Финляндія была во власти Русскихъ; но у Шведовъ оставался неодолимый Свеаборгъ; наконецъ въ апрѣлѣ и эта крѣпость сдана была своимъ коммендантомъ Этимъ однако дѣло не кончилось, потому что Шведы хотѣли отнять Финляндію у завоевателей, и сначала счастіе было на ихъ сторонѣ, но потомъ осенью графъ Каменскій разбилъ шведскаго генералъ Клингспора при Оравайсѣ; въ началѣ 1809 Русскіе, подъ начальствомъ Багратіона, утвердились на Аландскихъ островахъ; подъ начальствомъ Барклая-де-Толли перешли по льду Ботническій заливъ и заняли Вестработнію. Сильный народный ропотъ вслѣдствіе этихъ несчастій заставилъ шведскаго короля Густава IV Адольфа отказаться отъ престола; преемникъ его Карлъ XIII заключилъ съ Россіею миръ въ Фридрихсгамѣ 5 сентября 1809 года, по которому Россія пріобрѣла всю Финляндію до рѣки Торнео съ Аландскими островами.

3. Война турецкая и персидская. На сѣверѣ цѣль была достигнута; опасная шведская граница удалена отъ Петербурга; оставалось достигнуть другой цѣли на югѣ — присоединенія дунайскихъ княжествъ — Молдавіи и Валахіи. Еще въ 1806 году Наполеонъ посредствомъ посла своего генерала Себастіани успѣлъ вооружить Турцію противъ Россіи; въ 1807 война началась какъ обыкновенно, съ успѣхомъ для Русскихъ; но была пріостановлена вслѣдствіе тильзитскаго мира: здѣсь оба императора уговорились, что если Турція не заключитъ

мира съ Россіею въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, то Россія и Франція будутъ вести за одно войну противъ Турціи и раздѣлятъ между собою всѣ европейскія владѣнія ея, за исключеніемъ Константинополя и Румиліи. Осенью 1808 года оба императора опять свидѣлись въ Эрфуртѣ, и здѣсь Наполеонъ согласился на присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Россіи. Возвратясь изъ Эрфурта, императоръ Александръ потребовалъ у Турокъ дунайскихъ княжествъ, какъ необходимаго условія для заключенія мира; султанъ не согласился и война возобновилась. Въ 1809 году она велась неудачно для Русскихъ; но въ 1810 графъ Каменскій поправилъ дѣло: онъ дошелъ до Балкановъ, одержалъ надъ Турками блистательную побѣду при Батынѣ, не далеко отъ Рущука. Въ маѣ 1811 Каменскій умеръ; преемникъ его Кутузовъ, заманивъ визиря на лѣвый берегъ Дуная нанесъ ему пораженіе при Слободзеѣ; турецкая армія была уничтожена, и султанъ согласился на миръ, который былъ заключенъ въ Бухарестѣ (16 мая 1812 г.): Россія пріобрѣла Бессарабію. — Одновременно съ турецкою войною шла война съ Персіею, которая хотѣла воспрепятствовать утвержденію русскаго владычества за Кавказомъ. Война эта, ознаменованная подвигами князя Цыціанова, графа Гудовича, Тормасова и Котляревскаго, прекратилась не ранѣе октября 1813 года, когда великія жертвы и торжества въ борьбѣ съ Наполеономъ не давали обращать большаго вниманія на подвиги Русскихъ людей въ отдаленномъ Закавказьѣ.

4. Причины третьей французской войны. По соглашенію въ Эрфуртѣ, императоръ Александръ во время войны Наполеона съ Австріею въ 1809 году выставилъ тридцати тысячный корпусъ своего войска для содѣйствія Французамъ, за что по окончаніи войны, Россія получила отъ Австріи небольшую часть восточной Галиціи. Наполеонъ былъ недоволенъ нерѣшительными дѣйствіями русскаго вспомогательнаго корпуса.

Съ этихъ поръ неудовольствія все болѣе и болѣе возрастали. Видя, что Наполеонъ усиливаетъ герцогство Варшавское, императоръ Александръ требовалъ отъ него обязательства, что Польша не будетъ возстановлена никогда; но Наполеонъ уклонялся отъ этого обязательства. Потомъ Наполеонъ началъ распоряжаться въ Европѣ какъ полновластный хозяинъ, присоединялъ цѣлыя владѣнія или прямо къ французской имперіи или къ владѣніямъ своихъ братьевъ. Въ числѣ владѣтелей, лишенныхъ земель своихъ, находился и дядя русскаго государя, герцогъ Ольденбурскій. Императоръ Александръ протестовалъ, но Наполеонъ не обратилъ вниманія на его протестъ. Въ тоже время возникъ и другой споръ по торговлѣ. Наполеонъ, не имѣя такого флота, какой нуженъ былъ ему для нанесенія рѣшительнаго удара Англіи хотѣлъ уничтожить торговлю и благосостояніе ея, заперши континентъ Европы для англійскихъ товаровъ, которые были забираемы и сожигаемы во всѣхъ мѣстахъ, занятыхъ французскими войсками. Россія, послѣ тильзитскаго мира, должна была принять эту такъ называемую континентальную систему, но не отказалась совершенно отъ торговли съ нейтральными державами: американскія суда имѣли свободный доступъ въ русскія гавани, между тѣмъ какъ англійскія, покушавшіяся торговать въ видѣ нейтральныхъ, были конфискуемы; этимъ нанесенъ былъ сильный ударъ русской торговлѣ вывозъ русскихъ сырыхъ произведеній уменьшился, вексельный курсъ и ассигнаціи упали. Но Наполеонъ требовалъ, чтобъ и въ Россіи введенъ былъ тарифъ, принятый французскимъ правительствомъ, чтобъ нейтральныя суда не допускались въ русскія гавани, слѣдовательно требовалъ совершеннаго прекращенія русской морской торговли. Императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать ему что онъ намѣренъ свято сохранять союзъ съ Франціею и наносить всевозможный вредъ общимъ непріятелямъ; но что тарифы и прочія внутреннія

постановленія составляютъ дѣло частное, которымъ каждое государство распоряжается, обращая вниманіе исключительно на пользы своихъ подданныхъ. Неудовольствіе еще болѣе усилилось, когда въ концѣ 1810 года въ Россіи изданъ былъ новый тарифъ: нѣкоторыя издѣлія французскихъ фабрикъ были запрещены, а другія обложены высокою пошлиною, чтобъ ограничить вывозъ звонкой монеты во Францію за предметы роскоши. Въ 1811 году Наполеонъ уже показывалъ явно враждебныя намѣренія относительно Россіи, поднималъ на нее Швецію, ласкалъ польскихъ выходцевъ, собиралъ войско. Россія также приготовлялась къ защитѣ. Французская армія простиралась до 608,000 человѣкъ; въ ея составъ входили войска: французскія, ломбардскія, иллирійскія, тосканскія, неаполитанскія, голландскія, австрійскія, прусскія, баварскія, виртембергскія, вестфальскія, баденскія, гессенъ-дармштадскія, бергскія, мекленбургскія, испанскія, португальскія и польскія. 10 іюня 1812 года Наполеонъ повѣстилъ своимъ войскамъ что «Россія увлекается рокомъ! она не избѣгнетъ судьбы своей. Впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи!» 12 іюня Французы перешли Нѣманъ между Ковно и Гродно. Императоръ Александръ былъ въ Вильнѣ, когда узналъ о вторженіи непріятеля; немедленно онъ далъ приказъ арміямъ, который оканчивался слѣдующими словами: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!» Рескриптъ, данный на имя графа Салтыкова, президента государственнаго совѣта оканчивался такъ: «Я не положу оружіе доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

5. Барклай де Толли и Багратіонъ. Число войскъ,

которыя Россія могла противопоставить Наполеону, простиралось до 200,000 человѣкъ. Они были раздѣлены на двѣ арміи, изъ которыхъ первая находилась въ Виленской, вторая въ Гродненской губерніи. Главнокомандующимъ первою арміею былъ военный министръ Барклай де Толли, генералъ опытный и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ. Стремленіе къ уничтоженію недостатковъ и злоупотребленій, существовавшихъ въ военномъ управленіи, побуждало его къ преобразованіямъ, приносившимъ несомнѣнную пользу, но вызвавшимъ неудовольствіе и злобу его сильнаго предмѣстника, графа Аракчеева, который старался вредить ему при всякомъ случаѣ. Недовѣрчивость, одна изъ главныхъ чертъ въ характерѣ Барклая, заставляла его самого дѣлать то, что̀ онъ могъ бы поручить своимъ подчиненнымъ, и затрудняла ходъ дѣлъ по управленію войсками. При томъ Барклай былъ сухъ; у него недоставало способности говорить съ русскими солдатами, войско и народъ считали его иностранцемъ, что̀ въ народной войнѣ было несчастіемъ. Главнокомандующій былъ убѣжденъ въ необходимости избѣгать значительнаго сраженія, отступать въ глубь страны передъ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ; но такой способъ дѣйствія былъ противенъ народному чувству, вселялъ уныніе въ войско, и потому Барклай принужденъ былъ скрывать свои намѣренія, иногда объявлялъ въ приказахъ во все не то, что̀ требовалось обстоятельствами и необходимостію.

Главнокомандующимъ второю арміею былъ князь Багратіонъ, любимецъ Суворова, любимецъ войска; находясь всегда на виду, вступая въ бой первымъ и выходя изъ него послѣднимъ, Багратіонъ не зналъ на войнѣ усталости; уступая Барклаю въ образованіи и административной опытности, Багратіонъ превосходилъ его умѣньемъ одушевлять войска и говорить съ русскими солдатами. Дѣйствія двумя отдѣльными арміями на одномъ и томъ же театрѣ войны были не удобны: каждый

главнокомандующій обращалъ вниманіе только на встрѣчаемыя имъ затрудненія и не входилъ въ положеніе другаго.

6. Пожертвованіе Русскихъ въ отечественную войну. Главнаго успѣха надобно было ждать отъ войны народной. 6 іюля императоръ Александръ издалъ манифестъ: «Да встрѣтитъ непріятель къ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, ни какія силы человѣческія васъ не одолѣютъ». Въ Смоленскѣ дворянство изъявило готовность выставить двадцать тысячь ратниковъ для земскаго ополченія. II-го іюля государь пріѣхалъ въ Москву и былъ встрѣченъ съ восторгомъ: здѣсь дворянство опредѣлило выставить 80,000 ратниковъ и пожертвовало до трехъ милліоновъ деньгами, а купечество до десяти милліоновъ; вообще же Россія выставила добровольно до 320,000 ратниковъ и пожертвовала не менѣе ста милліоновъ рублей. Но добровольныя пожертвованія этимъ не ограничивались: «Пожалуйста скажите служивые, когда придетъ пора зажигать наши дома», говорили крестьяне солдатамъ, готовясь при появленіи непріятеля истреблять свои жилища.

7 Смоленскъ. Между тѣмъ кровь уже лилась на западѣ: 13, 14 и 15 іюля у первой арміи происходили битвы подъ Витебскомъ, стоившія дорого обѣимъ сторонамъ. Барклай отступилъ отъ Витебска по дорогѣ къ Смоленску. Съ другой стороны Багратіонъ, выдержавши жестокій бой съ маршаломъ Даву подъ Могилевомъ, двинулся также къ Смоленску и 21 іюля оба главнокомандующіе свидѣлись въ этомъ городѣ. По соединеніи первой арміи со второю предпринято было наступательное движеніе къ Витебску; но едва сдѣлано было нѣсколько переходовъ, какъ узнали, что Наполеонъ стремится къ Смоленску, чтобъ овладѣть имъ въ расплохъ, зайдти русскому войску въ тылъ, отрѣзать его и отъ Москвы, и отъ южныхъ

губерній; но русскій отрядъ бывшій подъ начальствомъ Неверовскаго, сдержалъ авангардъ французской арміи при Красномъ, и далъ время корпусу Раевскаго занять Смоленскъ. 4 августа Раевскій съ 16,000 отбилъ приступъ двухсотъ-тысячной непріятельской арміи; Барклай положилъ отступать по Дорогобужской дорогѣ, а для прикрытія этого отступленія, утомленныя войска Раевскаго были смѣнены корпусомъ Дохтурова, который долженъ былъ оборонять Смоленскъ до послѣдней крайности. 5 августа Дохтуровъ съ Коновницынымъ и Невѣровскимъ отбилъ новый приступъ; но Смоленскъ отъ страшной канонады, отъ пожара представлялъ груды развалинъ. Дохтуровъ оставилъ эти развалины и соединился съ отступавшею арміею. Наполеонъ занялъ Смоленскъ, гдѣ изъ 2250 домовъ уцѣлѣло только 350, улицы были завалены тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Наполеонъ увидалъ, что война въ Россіи не будетъ похожа на войны, которыя онъ привыкъ вести въ другихъ странахъ Европы; посредствомъ плѣннаго генерала Тучкова онъ попытался завязать сношенія о мирѣ, утверждалъ, что Русскіе ему вовсе не враги, императоръ Александръ другъ, что не стоитъ вести войны изъ за-кофе и сахара (изъ-за континентальной системы), что ничего не выйдетъ хорошаго, когда онъ займетъ Москву, настоящую столицу Россіи. Отвѣта ему не было, и онъ двинулся къ Москвѣ.

8. Кутузовъ. Барклай отступалъ; но не многіе понимали необходимость этого отступленія, большинство требовало битвы, кричали о предательствѣ. Двое главнокомандующихъ сильно рознились во взглядѣ: Багратіонъ рѣзко порицалъ отступленіе, жаловался, что вся главная квартира наполнена Нѣмцами. Императоръ Александръ поручилъ обсужденіе дѣла особому комитету, который рѣшилъ, что необходимо назначить надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, и выборъ палъ на шестидесяти семилѣтняго Михаила

Ларіоновича Кутузова. Кутузовъ сдѣлался извѣстенъ при Екатеринѣ, былъ отличенъ Румянцовымъ, любимъ Суворовымъ; отличился и какъ дипломатъ во время посольства своего въ Константинополѣ, недавно прославился блистательнымъ окончаніемъ турецкой войны, былъ избранъ въ предводители петербургскаго ополченія. Осторожность, скрытность, хитрость были главныя черты въ характерѣ Кутузова. Вѣсть о назначеніи новаго полководца съ русскимъ именемъ была встрѣчена съ восторгомъ въ войскѣ и народѣ. 17 августа онъ пріѣхалъ въ Царево Займище, гдѣ находилась тогда главная квартира обѣихъ армій. «Ну какъ можно отступать съ такими молодцами!» сказалъ Кутузовъ, поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ. «Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ», говорили солдаты; понесся слухъ, что огромный орелъ взвился надъ главнокомандующимъ, когда онъ объѣзжалъ лагерь; всѣ ждали битвы, непріятель былъ не далеко; но на другой день вышелъ приказъ — отступать!

9. Бородино. На этотъ разъ отступали не далеко, остановились у Бородина, во 108 верстахъ отъ Москвы. Здѣсь 26 августа съ небольшимъ сто тысячъ русскихъ вступили въ бой со 130,000 французскою арміею; на разсвѣтѣ началось сраженіе, къ вечеру, когда оно прекратилось, съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя болѣе 100,000 человѣкъ. Ночью Кутузовъ удостовѣрился въ страшномъ уронѣ, въ невозможности продолжать на другой день битву, какъ хотѣлъ прежде и отдалъ приказъ отступать за Можайскъ къ Москвѣ.

10. Оставленіе Москвы Русскими и занятіе ея Французами. Половиною арміи было пожертвовано на Бородинѣ; теперь предстоялъ страшный вопросъ: жертвовать ли остальною половиною для Москвы, или пожертвовать Москвою для спасенія арміи? Кутузовъ медлилъ рѣшеніемъ этого вопроса. Находясь уже у Вяземки, въ тридцати пяти верстахъ

отъ Москвы, онъ писалъ къ главнокомандующему столицы, графу Растопчину, что намѣренъ дать второе генеральное сраженіе у Москвы, и дѣйствительно разосланы были офицеры генеральнаго штаба для пріисканія здѣсь выгодной оборонительной позиціи. 1 сентября русская армія расположилась на бивакахъ въ двухъ верстахъ отъ Дорогомиловской заставы; на Поклонной горѣ, на скамьѣ сидѣлъ старый фельдмаршалъ, около него толпились генералы и толковали о невыгодѣ положенія; вечеромъ, на военномъ совѣтѣ, державномъ въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ, гдѣ остановился Кутузовъ, рѣшилась судьба Москвы: главнокомандующій велѣлъ отступать чрезъ столицу на Рязанскую дорогу.

Несмотря на ободрительныя афишки Растопчина, Москва была покинута большею частію жителей; наиболѣе цѣнное казенное имущество, важнѣйшія дѣла изъ архивовъ были также вывезены. Оставшіеся жители надѣялись, что Москву не сдадутъ безъ боя; 1 сентября, когда генералы совѣщались на Поклонной горѣ и на Филяхъ, народъ толпами стремился на Три горы, думая, что туда явится Растопчинъ и поведетъ ихъ на французовъ, какъ обѣщалъ въ своихъ афишкахъ. Но Растопчинъ не явился; ночью съ 1 на 2 число Кутузовъ далъ ему знать о рѣшеніи оставить Москву. Начали спѣшить отправленіемъ больныхъ и раненыхъ; пожарныя трубы были вывезены; велѣно разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ, жечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ, истреблять коммиссаріатскіе запасы; нѣсколько полицейскихъ оставлены были въ Москвѣ, чтобы зажечь ее въ разныхъ мѣстахъ. 2 сентября на разсвѣтѣ начали проходить русскія войска черезъ Москву; за ними слѣдомъ явились Французы. «Такъ вотъ онъ наконецъ, этотъ славный городъ!» сказалъ Наполеонъ, увидавши Москву съ Поклонной горы. Подъѣхавъ къ Дорогомиловской заставѣ, Наполеонъ

сошелъ съ лошади и прохаживался взадъ и впередъ, ожидая депутаціи. Депутація не являлась; пришло нѣсколько иностранцевъ и объявили, что Москва пуста. Переночевавъ въ Дорогомиловской слободѣ, 3 числа утромъ Наполеонъ переѣхалъ въ Кремль и помѣстился во дворцѣ. Но еще наканунѣ начались пожары, и въ ночь съ 3 на 4 число пламя обхватило большую часть города, въ полдень 4-го пожаръ вспыхнулъ въ Кремлѣ и завоеватель съ большимъ трудомъ выбрался за городъ и помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ. Въ продолженіе трехъ сутокъ сгорѣло въ Москвѣ три четверти домовъ, бо̀льшая часть церквей была разрушена, либо разграблена. Почти всѣ русскіе, оставшіеся въ Москвѣ были обобраны до рубашки и лишены послѣдней обуви. Многіе изъ нихъ питались кореньями изъ огородовъ или мокрою пшеницею, добытою изъ барокъ, сѣвшихъ на дно рѣки. Французы ѣли не вкуснѣе: у костровъ, сложенныхъ изъ дорогой мебели, разорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы иконъ, кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина; по улицамъ валялись головы сахару, мѣшки съ кофе, а хлѣба почти ни у кого не было.

Покинутіе Москвы жителями, сожженіе ея озадачили Наполеона. Онъ оставался тотъ же: не потерялъ ничего изъ своихъ геніяльныхъ способностей, изъ своей энергіи; но онъ видѣлъ себя въ совершенно новой сферѣ, сбился съ обычной дороги. Тщетно затрогивалъ онъ императора Александра предложеніями о мирѣ: отвѣта не было; тщетно грозился идти на Петербургъ: угрозы не дѣйствовали. Узнавъ о потерѣ Москвы, императоръ Александръ сказалъ: «Я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ умѣю цѣнить».

11. **Кутузовъ въ Тарутинѣ; партизаны и народная война.** Но отдача Москвы была послѣднею тяжелою жертвою.

Въ то время какъ пятинедѣльная стоянка Французовъ въ Москвѣ, при сильномъ грабежѣ во время пожара, довершила безпорядки и неустройства, постепенно развивавшіеся въ Наполеоновской арміи съ перваго шага ея въ предѣлы Россіи, Кутузовъ, выступивъ изъ Москвы по Рязанской дорогѣ, свернулъ съ нея на Калужскую. 20 сентября онъ вступилъ въ лагерь при Тарутинѣ за рѣкою Нарою, прикрывъ Калугу гдѣ находились большіе склады съѣстныхъ припасовъ, Тулу съ ея оружейнымъ заводомъ и обезпечивъ себѣ сообщеніе съ южными областями имперіи. Партизанская война уже началась. Еще когда русская армія шла къ Бородину, гусарскій подполковникъ Давыдовъ предложилъ начать эту войну, столь выгодную при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Обложивъ непріятельскую армію въ Москвѣ сѣтью своихъ постовъ, партизаны затрудняли Французамъ добываніе съѣстныхъ припасовъ и навели на нихъ такой ужасъ, что они рѣшались на дальнія фуражировки не иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ отрядовъ. Кромѣ Давыдова изъ партизанскихъ вождей прославились Фигнеръ и Сеславинъ; Фигнеръ не разъ переодѣвался во французскій мундиръ и, разговаривая съ непріятелями, вывѣдывалъ отъ нихъ важныя извѣстія. Вмѣстѣ съ партизанскою шла народная война. Сычовскій уѣздъ Смоленской губерніи прославился истребленіемъ множества непріятелей: здѣсь предводителемъ возставшихъ жителей былъ майоръ Емельяновъ; въ Гжатскомъ уѣздѣ вооруженными крестьянами предводительствовалъ гусаръ Самусь; смоленскіе помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ заплатили жизнію за участіе въ народной войнѣ: Французы разстрѣляли ихъ въ Смоленскѣ. Крестьяне Вохненской волости села Павлова дѣйствовали противъ Французовъ на Клязьмѣ подъ предводительствомъ своего же крестьянина Курина. Французы въ Москвѣ, не имѣя ни хлѣба, ни мяса, стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ, мясо павшихъ лошадей,

вслѣдствіе чего терпѣли отъ болѣзней; за недостаткомъ дровъ, въ холодныя сырыя ночи не разводили огней, отчего опять болѣзни; а къ русскому войску при Тарутинѣ съ разныхъ сторонъ шли обозы; вслѣдствіе огромныхъ пожертвованій, доставленныхъ жителями подмосковныхъ и южныхъ губерній, солдаты почти ежедневно имѣли мясо и вино. Съ каждымъ днемъ русская армія усиливалась, а непріятельская ослабѣвала. 3 октября Наполеонъ отправилъ къ Кутузову съ мирными предложеніями; императоръ Александръ, получивъ объ этомъ донесеніе, отвѣчалъ фельдмаршалу: «Въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество».

12. Выходъ Французовъ изъ Москвы. 6 октября Русскіе начали дѣйствовать наступательно: половина арміи, подъ начальствомъ Беннигсена, напала на французскій авангардъ, стоявшій подъ предводительствомъ Мюрата на рѣкѣ Чернишнѣ, верстахъ въ десяти отъ тарутинскаго лагеря: Русскимъ удалось опрокинуть непріятеля и отнять множество пушекъ. Наполеонъ дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ въ Кремлѣ, когда получилъ вѣсть о сраженіи при Чернишнѣ. Смущенный переходомъ русскихъ войскъ отъ обороны къ наступательнымъ дѣйствіямъ, онъ прекратилъ смотръ и сдѣлалъ распоряженіе къ немедленному выступленію изъ Москвы. Самъ Наполеонъ выѣхалъ изъ нея 7 октября, въ Москвѣ оставленъ былъ маршалъ Мортье съ приказаніемъ зажечь кремлевскій дворецъ, казармы и всѣ общественныя зданія, кромѣ воспитательнаго дома, взорвать кремлевскія стѣны. Въ полночь на 11 октября запылалъ кремлевскій арсеналъ и другія зданія, раздался страшный взрывъ, за которыми послѣдовало еще шесть; разрушены были дворецъ, грановитая палата, часть колокольни Ивана Великаго, арсеналъ; стѣны повреждены были во мно-

гихъ мѣстахъ, но соборы уцѣлѣли. 11 октября, тотчасъ по уходѣ Французовъ, генералъ Иловайскій съ казаками занялъ Москву

13. Битва при Малоярославцѣ и бѣдственное отступленіе Французовъ по смоленской дорогѣ. Между тѣмъ Наполеонъ шелъ къ Калугѣ. 11 октября Французы заняли Малоярославецъ; но къ этому же городу спѣшили Русскіе изъ Тарутина. 12-го загорѣлся бой; Малоярославецъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, наконецъ послѣ 18 часоваго боя Французы окончательно овладѣли развалинами города. Ждали генеральнаго сраженія между Наполеономъ и Кутузовымъ, но обѣ арміи въ одно и тоже время отступили въ противоположныя стороны: Кутузовъ, отступая, давалъ непріятелю возможность идти по странѣ еще не опустошенной, а Наполеонъ двигался къ Боровску, чтобъ выйдти на разоренную смоленскую дорогу. Во время этого отступленія Русскіе преслѣдовали его съ тыла и боковъ, и холодъ въ послѣднихъ числахъ октября началъ уже давать себя чувствовать. Генералъ Милорадовичъ нанесъ сильное пораженіе Французамъ при Вязьмѣ; атаманъ донскихъ казаковъ Платовъ разбилъ ихъ на рѣкѣ Вопи близь Духовщины; сраженіе подъ Краснымъ съ 3 по 6 ноября довершило ослабленіе непріятельской арміи: Русскіе взяли здѣсь болѣе 26,000 плѣнныхъ и 116 пушекъ. Слѣдствія этихъ битвъ могли бы быть еще важнѣе, еслибъ Русскіе дѣйствовали рѣшительнѣе; но Кутузовъ не хотѣлъ рисковать при встрѣчѣ съ первымъ полководцемъ вѣка, и предоставилъ холоду и голоду довершить уничтоженіе непріятельской арміи. Морозы особенно начали свирѣпствовать съ 1 ноября: по утрамъ при выступленіи съ ночлеговъ мѣста расположенія арміи обозначились трупами, подобно полю сраженія; въ одну ночь замерзало по 300 человѣкъ.

14. Переправа черезъ Березину и очищеніе Россіи отъ враговъ. Наполеонъ спѣшилъ переправиться за

Березину; но ему на переёмъ шли еще двѣ русскія арміи: съ юга, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, шла такъ называемая дунайская армія, дѣйствовавшая въ турецкую войну; съ сѣвера шелъ графъ Витгенштейнъ, загораживавшій сначала Французамъ дорогу къ Петербургу, и въ октябрѣ успѣвшій вытѣснить ихъ изъ Полоцка. По винѣ Чичагова Наполеону удалось переправиться черезъ Березину; хотя армія его потеряла 20,000 плѣнными, множество убитыми, почти всю артиллерію и обозы; добыча, набранная въ Москвѣ, осталась въ рукахъ Русскихъ. Послѣ Березинской переправы, морозы, доходившіе до 30 градусовъ, довершили истребленіе Французовъ; не доѣзжая Вильны, Наполеонъ покинулъ жалкіе остатки своей арміи, и уѣхалъ въ Парижъ.

15. Заграничная война 1813 года. Россія была очищена отъ враговъ; но совершена была только половина подвига: императоръ Александръ былъ убѣжденъ, что при тогдашнемъ положеніи Европы миръ одной Россіи съ Франціею былъ только перемиріемъ и потому Россіи нужно было напречь всѣ свои силы для поднятія и освобожденія Европы отъ Наполеона. 1 января 1813 года русскія войска перешли границу имперіи, рѣку Нѣманъ, и въ началѣ февраля достигли Одера. Кутузовъ умеръ въ Бунцлау въ апрѣлѣ; начальство надъ войскомъ принялъ Витгенштейнъ; императоръ Александръ находился постоянно при войскѣ. Пруссія перешла на сторону Россіи. Австрія колебалась; но Наполеонъ дѣйствовалъ съ обычною своею энергіею, и весною (20 апрѣля и 9 мая), поразивъ союзниковъ въ двухъ битвахъ при Люценѣ и Бауценѣ, заставилъ отступить къ Одеру. Но геній одного человѣка и силы одного народа не могли ничего сдѣлать противъ крѣпкаго союза царей и народовъ, искушенныхъ бѣдою. Послѣ краткаго перемирія и неуспѣшныхъ переговоровъ на Пражскомъ конгрессѣ, война началась снова, при чемъ Австрія присоединилась къ Россіи

и Пруссіи, Англія обязалась помогать союзникамъ деньгами и снарядами; Швеція также присоединилась къ союзу и наслѣдный принцъ ея, бывшій французскій маршалъ Бернадотъ, явился съ войскомъ въ сѣверной Германіи. Силы союзниковъ были раздѣлены на три арміи: главную или богемскую, подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга; силезскую подъ начальствомъ прусскаго генерала Блюхера, и сѣверную подъ начальствомъ наслѣднаго принца шведскаго. Наполеонъ поразилъ главную армію союзниковъ при Дрезденѣ (15 августа), но генералъ его Вандамъ, отряженный въ Богемію въ тылъ союзной арміи, былъ взятъ въ плѣнъ при Кульмѣ (17 августа), благодаря стойкости русскихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ графа Остермана и Ермолова. Двѣ другія арміи, силезская и сѣверная были также счастливы противъ маршаловъ Наполеона; наконецъ и самъ Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе отъ сосредоточенныхъ армій союзническихъ въ страшномъ трехъ дневномъ бою при Лейпцигѣ (4, 6 и 7 октября): здѣсь полмилліона разноплеменнаго войска билось на пространствѣ одной квадратной мили при громѣ 2000 пушекъ; Наполеонъ, потерявши около половины своего войска, ушелъ за Рейнъ: Германія была освобождена.

16. Война 1814 года. Съ новымъ 1814 годомъ война была перенесена на почву Франціи. Наполеонъ, потерпѣвшій неудачу подъ Бріенномъ, поправилъ было свое положеніе побѣдами надъ раздѣленною силезскою арміею, особенно пораженіемъ самого Блюхера при Вошанѣ; но потомъ Наполеонъ потерпѣлъ неудачу при Лаонѣ и при Арсисъ-Сюръ-Объ. Побѣда союзниковъ при Феръ-Шампенуазѣ открыла имъ путь къ Парижу, къ которому они подошли 17 марта. Послѣ жестокаго боя 18 числа на высотахъ Бельвиля и Монмартра, веденнаго преимущественно Русскими, Парижъ сдался. 19 марта императоръ Александръ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ тор-

жественно вступилъ въ него, и въ тотъ же день обнародовалъ, что ни онъ, ни союзники его не намѣрены входить ни въ какіе переговоры съ Бонапартомъ или съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семейства и предоставляютъ самимъ Французамъ учредить у себя правительство. Вслѣдствіе этого французскій сенатъ объявилъ Наполеона низверженнымъ съ престола; бурбонская династія возстановлена и Людовикъ XVIII провозглашенъ королемъ; Наполеонъ отрекся за себя и за сына своего отъ престола, сохранилъ императорскій титулъ и получилъ въ управленіе островъ Эльбу. Парижскимъ договоромъ 18 мая 1814 года Людовикъ XVIII отказался отъ всѣхъ земель, присоединенныхъ къ Франціи со временъ революціи.

17 Вѣнскій конгрессъ и Ватерлоо. Въ Парижѣ союзники опредѣлили созвать конгрессъ для окончательнаго устройства политическаго состоянія Европы. Вслѣдствіе этого, въ сентябрѣ 1814 года, съѣхалось въ Вѣну много владѣтельныхъ лицъ и министровъ ихъ, и съ прибытіемъ императора Александра конгрессъ открылся. Самымъ труднымъ для рѣшенія вопросомъ явился здѣсь вопросъ о судьбѣ герцогства Варшавскаго. Императоръ Александръ тревовалъ земель этого герцогства себѣ, желая дать Польшѣ особое устройство подъ своею верховною властію. Австрія, Англія и Франція никакъ не соглашались на это требованіе; онѣ уже составили тайный союзъ противъ Россіи, къ которому приступали Баварія и другія нѣмецкія державы; уже готова была вспыхнуть война между недавними союзниками: но Наполеонъ предотвратилъ ее. Узнавши о смутахъ на конгрессѣ и народномъ неудовольствіи во Франціи на новое правительство, Наполеонъ тайно оставилъ Эльбу, высадился въ южной Франціи и быстро прошелъ до Парижа, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія; Людовикъ XVIII долженъ былъ бѣжать изъ столицы въ Бельгію, и Наполеонъ снова былъ провозглашенъ императоромъ.

Желая собраться съ силами, онъ далъ знать союзникамъ, что желаетъ мира и готовъ исполнять всѣ условія парижскаго договора. Но появленіе Наполеона во Франціи возстановило между союзниками согласіе, нарушенное польскимъ вопросомъ: требованія императора Александра относительно Польши были удовлетворены; въ отвѣтъ на предложеніе Наполеона государи объявили его врагомъ общаго спокойствія, лишеннымъ покровительства законовъ. Тщетно Наполеонъ пытался отвлечь отъ союза императора Александра, сообщивъ ему найденный въ кабинетѣ Людовика XVIII тайный договоръ, заключенный противъ Россіи, Австріею, Англіею и Франціею: русскій императоръ остался вѣренъ общему дѣлу Европы. Немедленно выставлены были противъ Франціи три арміи: южно-германскія войска подъ начальствомъ Шварценберга должны были двинуться отъ Швейцаріи, Прусаки съ Блюхеромъ отъ нижняго Рейна, Англичане и Голландцы подъ начальствомъ Веллингтона изъ Бельгіи; русское войско, находившееся въ это время въ Польшѣ, должно было также двинуться на берега Рейна. Наполеонъ явился съ своимъ войскомъ въ Бельгіи, но, проигравши битву противъ Веллингтона при Ватерлоо, вторично отказался отъ престола и былъ отвезенъ Англичанами на островъ Св. Елены. Людовикъ XVIII возвратился въ Парижъ. Второе стодневное царствованіе Наполеона обошлось дорого Франціи: кромѣ урѣзанія границъ, она должна была заплатить громадную контрибуцію въ 800 милліоновъ и на семь лѣтъ уступить союзнымъ войскамъ 18 крѣпостей въ сѣверо-восточныхъ областяхъ; по настоянію русскаго императора сбавлено было 100 милліоновъ контрибуціи и сокращенъ срокъ занятія крѣпостей двумя годами. Въ 1818 году на ахенскомъ конгрессѣ, гдѣ присутствовалъ императоръ Александръ вмѣстѣ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, рѣшено было вывести войска союзниковъ изъ Франціи.

18. Священный союзъ и конгрессы: троппавскій, лайбахскій и веронскій; возстаніе Грековъ и кончина императора Александра. 14 сентября 1815 года, по мысли императора Александра, подписанъ былъ тремя государями, россійскимъ, австрійскимъ и прусскимъ, актъ такъ называемаго Священнаго союза. Вступившіе въ союзъ монархи согласились: «Какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни должны непосредственно управлять волею царей и водительствовать ихъ дѣяніями, какъ единственное средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенство. Вслѣдствіе сего положили: соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ, взаимную помощь и доброжелательство; подданныхъ же своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства, для охраненія вѣры, правды и мира».

Слѣдствіемъ союза между сильнѣйшими государями Европы было прекращеніе революціонныхъ движеній, обнаружившихся въ разныхъ частяхъ ея. Въ Испаніи дурное управленіе короля Фридриха VII произвело волненіе въ войскѣ, сторону котораго принялъ народъ, и король долженъ былъ согласиться на ограниченіе своей власти; тоже самое произошло въ Неаполѣ. Португалія и сѣверная Италія также волновались. Вслѣдствіе этого собрался въ ноябрѣ 1820 года конгрессъ въ Троппау изъ уполномоченныхъ Россіи, Австріи, Англіи, Пруссіи и Франціи, въ присутствіи императоровъ россійскаго и австрійскаго; потомъ въ Лайбахѣ (въ январѣ 1821), на который былъ приглашенъ и король неаполитанскій. Положено было возстановлять порядокъ силами союзныхъ войскъ. Неаполь и

Піемонтъ были успокоены. Для рѣшенія дѣлъ испанскихъ собрался конгрессъ въ Веронѣ, въ октябрѣ 1822 года, гдѣ, съ согласія пяти державъ, рѣшено было. чтобъ французскій король Людовикъ XVIII послалъ свое войско за Пиренеи: оно овладѣло Мадритомъ и утвердило власть королевскую.

Въ послѣднее время своего царствованія императоръ Александръ былъ сильно озабоченъ вопросомъ греческимъ. Въ то время, когда европейскія народности, восторжествовавъ надъ Наполеономъ, низложили начало всемірнаго владычества, котораго не терпитъ новая христіянская исторія, народность греческая, угнетенная Турками, также обнаружила стремленіе къ возрожденію. Въ Вѣнѣ, въ 1814 году, возникло общество подъ именемъ Гетеріи, имѣвшее цѣлію приготовить Грековъ къ возрожденію посредствомъ образованія: располагая большими средствами, оно воспитывало молодыхъ Грековъ въ европейскихъ университетахъ и въ самой Греціи учреждало народныя школы. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества былъ Грекъ съ острова Корфу, графъ Каподистрія, статсъ-секретарь императора Александра, знаменитый дипломатъ своего времени. Другимъ ревностнѣйшимъ членомъ Гетеріи былъ генералъ русской службы, князь Александръ Ипсиланти, сынъ господаря молдавскаго. Ипсиланти былъ изъ числа тѣхъ людей, которые долго чего-нибудь не дожидаются: въ 1821 году онъ явился въ Молдавіи и призвалъ Грековъ къ возстанію за вѣру и свободу, слѣдствіемъ чего было движеніе въ Мореѣ и на островахъ Архипелажскихъ. Императоръ Александръ, занятый движеніями на западѣ, изъявилъ свое неудовольствіе на поступокъ Ипсиланти; но султанъ не хотѣлъ вѣрить искренности этого неудовольствія и обнаружилъ непріязнь къ Россіи; Турки въ Константинополѣ произвели страшную рѣзню между безоружными Греками, патріархъ Григорій и два епископа были распяты въ церкви въ самое Свѣтлое воскресенье.

Русскій посолъ выѣхалъ изъ Константинополя и русскія войска начали собираться на южныхъ границахъ. Европейскія державы, боясь усиленія Россіи на развалинахъ Турціи, успѣли своимъ посредничествомъ задержать войну на четыре года, но не успѣли образумить Турокъ, продолжавшихъ истреблять христіянъ. Война была неминуема; но 19 ноября 1825 года императоръ Александръ скончался въ Таганрогѣ.

ГЛАВА LII.

Внутренняя дѣятельность императора Александра I.

Царствованіе Александра, особенно въ первыхъ годахъ, ознаменовано сильною внутреннею, преобразовательною дѣятельностію; главными сподвижниками молодаго императора въ этой дѣятельности были: Кочубей, Новосильцевъ, Чарторижскій, Мордвиновъ, Строгановъ, Сперанскій. 30 марта 1801 года учрежденъ былъ государственный совѣтъ съ обязанностію разсматривать законы, уставы, учрежденія въ первоначальныхъ предначертаніяхъ, и повѣрять отчеты министровъ; 8 сентября 1802 года коллегіяльное управленіе Петра Великаго замѣнено одиночнымъ, учреждены министерства: военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи (послѣ упраздненное) и народнаго просвѣщенія. Мы видѣли, что тайная канцелярія была уничтожена еще Петромъ III, но потомъ она явилась опять подъ именемъ тайной экспедиціи: императоръ Александръ уничтожилъ ее и подъ этимъ именемъ. Несмотря на то, что Наказъ такъ сильно вооружался противъ пытки, она продолжала су ществовать: Александръ приказалъ объявить непремѣнную свою волю,

чтобъ ни гдѣ, ни подъ какимъ видомъ не допускались ни какія истязанія или пристрастные допросы, и чтобъ самое названіе пытки, позорное для человѣчества, изчезло изъ памяти народной. Въ указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ (20 февраля 1803 года) явилась попытка противодѣйствовать крѣпостному праву; запрещенъ торгъ рекрутами, т. е. запрещено помѣщикамъ покупать крестьянъ безъ земли и продавать ихъ въ солдаты; прекращена раздача населенныхъ земель въ собственность частныхъ лицамъ; обращено вниманіе на то, чтобъ помѣщичьи крестьяне могли найдти защиту правительства въ случаѣ жестокихъ поступковъ владѣльцевъ.

Относительно раскольниковъ правительство высказало слѣдующія правила: «И разумомъ и опытами давно уже дознано, что умственныя заблужденія простаго народа, прѣніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостію мало-по-малу изглаждаются и изчезаютъ; увѣщанія должны сами собою и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, а чтобъ все сіе имѣло болѣе дѣйствія и чтобъ они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется. Просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами?»

Чтобъ дать духовенству больше средствъ дѣйствовать на народъ живыми увѣщаніями, заботились объ устройствѣ духовныхъ училищъ; средства для содержанія этихъ училищъ увеличены дарованіемъ церквамъ исключительнаго права продавать въ нихъ восковыя свѣчи; учреждена была коммисія духовныхъ училищъ; въ 1814 году обнародованы уставы академій, семинарій и духовныхъ училищъ. Что касается образованія мірянъ, то мы видѣли, что при Екатеринѣ II-й начали учреждаться глав

ныя и малыя народныя училища; но, большею частію, они существовали только по имени; при Александрѣ даны были этимъ училищамъ средства къ дѣйствительному существованію, при чемъ главныя народныя училища названы гимназіями, а малыя—уѣздными училищами; сверхъ того, для первоначальнаго образованія учреждены училища приходскія; основаны педагогическіе институты въ Москвѣ и Петербургѣ для образованія учителей; вызваны изъ-за границы профессора; прежде существовавшіе университеты — московскій, виленскій и дерптскій преобразованы, учреждены новые въ Казани и Харьковѣ, потомъ въ Петербургѣ. Въ 1809 году запрещено было производить въ 8 и 5 классы чиновниковъ, не имѣющихъ университетскихъ аттестатовъ.

Литература Александровскаго времени славна знаменитымъ произведеніемъ своимъ—«Исторіею Государства Россійскаго». Первый писатель эпохи, творецъ новаго литературнаго языка, Карамзинъ посвятилъ свою дѣятельность отечественной исторіи, и все что̀ могъ сдѣлать сильный талантъ для внѣшней живописи событій, все было сдѣлано Карамзинымъ; мечта Ломоносова сбылась: русская исторія нашла своего Ливія. Что̀ касается до основнаго взгляда исторіографа, то Карамзинъ былъ представителемъ Екатерининскаго вѣка, въ который окончательно сложились его воззрѣнія: недовольство эпохою преобразованія, недовольство внѣшнимъ заимствованіемъ формъ западно-европейской гражданственности, требованіе внутренняго нравственнаго совершенствованія, перерожденія, требованія души, чувства, чувствительности; наконецъ вслѣдствіе недовольства Петровскою эпохою естественное обращеніе сочувствія къ древней Россіи, все это, встрѣченное нами въ Екатерининской литературѣ, отражается и въ «Исторіи Государства Россійскаго». Остановка этой исторіи на смутномъ времени, отсутствіе подробной исторіи XVII вѣка, этого

моста между древнею и новою Россіею, надолго должны были способствовать распространенію мнѣнія, что новая русская исторія есть слѣдствіе произвольнаго уклоненія отъ прежняго правильнаго пути; тогда какъ именно она была необходимымъ слѣдствіемъ древней русской исторической жизни.

Въ царствованіе же Александра I-го русская историческая литература пріобрѣла другой важный трудъ: появился Шлецеровъ Несторъ, образцовый опытъ критической обработки извѣстій нашей древней лѣтописи. Талантливый и отлично образаваный Шлёцеръ былъ вызванъ въ Россію Мюллеромъ еще въ половинѣ XVIII вѣка, и посвятилъ свою дѣятельность обработкѣ источниковъ русской исторіи, къ которымъ пристрастился. Непріятности въ академіи заставили его покинуть Россію; но среди своихъ обширныхъ занятій въ Германіи, онъ не могъ забыть любимаго Нестора, и наконецъ издалъ его уже въ XIX вѣкѣ.

КОНЕЦЪ.

